

Луи Анри Буссенар

Охотники за каучуком

Луи Анри Буссенар

Охотники за каучуком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125588

Аннотация

Читатель пройдет вместе с героями романа через саванны, девственный тропический лес, преодолеет бурные реки, удивительные водопады в Южной Америке. Не раз удивится мужеству героя романа Шарля Робена и его спутников, не теряющих надежды на спасение в самых трудных обстоятельствах.

Содержание

Часть 1. Людоеды	7
Глава I	7
Глава II	23
Глава III	39
Глава IV	59
Глава V	79
Глава VI	97
Глава VII	114
Глава VIII	130
Глава IX	144
Глава X	157
Глава XI	175
Глава XII	188
Глава XIII	205
Глава XIV	218
Глава XV	232
Глава XVI	246
Часть 2. Скитальцы	261
Глава I	261
Глава II	277
Глава III	293
Глава IV	310
Глава V	327

Глава VI	346
Глава VII	363
Глава VIII	378
Глава IX	396
Глава X	413
Глава XI	431
Глава XII	449
Глава XIII	468
Глава XIV	486
Глава XV	504
Глава XVI	522
Часть 3. Долина хинных деревьев	546
Глава I	546
Глава II	567
Глава III	587
Глава IV	607
Глава V	627
Глава VI	649
Глава VII	665
Глава VIII	684
Глава IX	701
Глава X	718
Глава XI	735
Глава XII	750
Глава XIII	768
Глава XIV	784

Глава XV	800
Глава XVI	817
Эпилог	832

Луи Анри Буссенар

Охотники за каучуком

*** * ***

Часть 1. Людоеды

Глава I

Ночная ловля рыбы. – На штирборте понтона. – Жилище каторжников. – Драма в батарее «Форели» в ночь на 14-е июля. – Господин Луш. – Убийство. – Бегство. Пирога. – Сообщник. – Насадка чернокожего. – Квартет негодяев. – План господина Луша. – Нечто о спорной территории. – Список. – На заливе. – Тревога!

– Что, клюет?

– Я чувствую, будто что-то дергает!

– Ну, и пора!

– Давай-ка посмотрим, что там такое на удочке!

– Осторожнее, Геркулес, осторожней, дружище!

– Я, видишь ли, становлюсь стар и ощущаю что-то странное... жуткое... когда вижу, что рыба клюнула... что она, наконец, взяла...

– Молчи, болтун! Ты думаешь, что говоришь шепотом, а сам ревешь, как рыжий ревуn... Надзиратели могут услышать.

– Сегодня национальный праздник, они весь день пили и теперь, очевидно, храпят, как ленивая скотина!

– Да полно тебе! Будет! Подвяжи свой язык и будь наго-

тове!

– Если бы загасить этот проклятый фонарь!..

– Ну, пожалуйста, без глупостей! Я в былое время поплатился двумя годами кандалов за такую штуку при попытке бежать при таких же обстоятельствах, как сегодня. Я, видишь ли, загасил фонарь... светильня стала чадить; товарищи пробудились из-за запаха и с перепугу, боясь быть наказанными наобум, принялись кричать. Прибежали надзиратели и изловили господина Луша!.. Фитиль меня предал.

Шум лесеы, выволакиваемой из воды и тянущейся по гладкой поверхности, прервал разговор, шедший подавленным шепотом.

Человек, именуемый Геркулесом, продолжал тянуть лесу и методически наматывать ее по мере того, как она поддавалась его усилию. Трое остальных присутствующих при этой операции смолкли и, несмотря на свое напускное хладнокровие, были преисполнены тревоги, граничащей с ужасом.

Все они были в одинаковых блузах и брюках из грубого сурового холста, босые и в широкополых шляпах из жесткой соломы; на шее у каждого висело по паре солдатских поршней (род кожаных лаптей, употребляемых в некоторых частях европейских войск), связанных веревочкой. Они стояли у крошечного квадратного окошка, прорезанного в темной стене, напоминающей стены карцера или тюремной камеры. Их бритые лица, осунувшиеся и страшно бледные, с недобрим выражением, в котором, несмотря на тревогу и на-

пряжение, все же виднелся неизгладимый след порока и преступления, – эти лица при свете фонаря, подвешенного к потолку их мрачного помещения, казались еще более отвратительными и отталкивающими.

Но вот довольно сильное колебание почувствовалось во всем помещении, и в ночном мраке раздались какие-то потрескивания.

Четверо мужчин пригнулись, и один из них пробормотал: – Наконец-то! Прилив!

Колебания, поскрипывания и потрескивания продолжались; наконец все тяжеловесное сооружение пришло во вращательное движение, медленно и как будто нехотя.

– Наш понтон уклоняется от волны, – продолжал тот же человек, – нельзя терять ни минуты!

Эта камера или карцер, где находились рыболовы, было не что иное, как батарея старого фрегата, превращенного в морскую плавучую тюрьму; окно, у которого они собрались, было люком, а низкий, давящий потолок деком, палубой старого военного судна.

Вдоль стены, противоположной той, у которой стояли рыболовы, висел бесконечный ряд коек-гамаков, укрепленных на двух длинных параллельных жердях. Начало и конец их тонули во мраке, и только те, что попадали в круг света фонаря, висевшего под потолком, были освещены слабым колеблющимся светом.

Освобожденные на несколько часов от тяжелого, изну-

ряющего труда, составляющего удел этих несчастных отверженных, они спали теперь, эти проклятые и забытые людьми люди, тяжелым, свинцовым сном, полным мучительных кошмаров, сном, наступающим после непосильной, каторжной работы.

Измученные и обессиленные поденным трудом, ослабевшие вследствие томительного зноя беспощадного экваториального солнца, истощенные малокровием и болотными лихорадками, они отдыхали теперь, как загнанные звери, быть может, переживая во сне разбитую, изуродованную жизнь или дни своего жалкого существования, чередующиеся без разнообразия, словно звенья бесконечной цепи, или же помышляя о бегстве, об избавлении от проклятой, постылой каторги.

Время от времени из груди кого-либо из спящих вырывался тяжелый стон или вздох, похожий на стон, – и он конвульсивно метался на своей койке, но его разбитые усталостью конечности не находили себе желанного покоя, и самый сон для этих несчастных превращался в новую муку.

Проходит минута, – и храпение целого хора голосов, прерванное на мгновение этим безотчетным стоном, снова раздается так же дружно, как раньше, до тех пор, пока другой такой же стон не прервет этот слитный храп снова на короткое мгновение.

Несмотря на то, что люки открыты, пламя в фонаре как будто гаснет, вследствие удушливого воздуха, отравленно-

го дыханием слишком большого количества людей, скученных в этом тесном помещении. Неописуемый запах логовища хищных животных с примесью мускусного запаха дыхания кайманов и запаха козла наполнял камеру; это было и ужасно, и отвратительно в то же время.

Такова была обстановка внутреннего помещения старого понтона «Форель», стоявшего на якоре на рейде Кайены, в ночь на 14-е июля.

Было одиннадцать часов ночи. Там, в стороне, город шумно ликовал, празднуя свой годичный праздник. Крики и песни доносились по воде даже и на рейд. Высоко взвивались кверху ракеты, прорезывая огненными змеями мрак ночного неба. Раздавались ружейные выстрелы, и слышался монотонный глухой бой туземных барабанов, обязательной принадлежности всякого местного увеселения.

Матросы со стационаров братались с морской пехотой и артиллерией, с экипажами купеческих судов, с рабочими и служащими различных учреждений. Все от мала до велика участвовало в этом празднике и хмелело в этой шумной, гуляющей толпе; только одно жилище отверженных по-прежнему оставалось мрачным и угрюмым и как бы всеми забытым.

Между тем Геркулес, продолжавший было тянуть лесу все с большей осторожностью и осмотрительностью, вдруг почувствовал сопротивление.

– Все благополучно, попала на крючок! – радостно про-

шептал он товарищам.

В этот момент послышался глухой удар о наружную стенку понтона на уровне ватерлинии.

– Сдай! – приказал человек, называвшийся господином Лушем.

– Однако, – заметил Геркулес, – пора бы объясниться! Ты все дело задумал один, Луш, а мне тоже хочется знать, каким образом мы выберемся из этой проклятой старой скорлупы.

– Шш!

Глухой удар, как ни был он слаб, все же разбудил одного из спящих, проворного и легкого, как кошка, араба.

Он поднялся в своей койке, сразу увидел четырех товарищей у люка, моментально вскочил на палубу и очутился подле них.

– Ты задумал бежать?! – прошептал он Лушу.

– А тебе какое дело? – грубо отрезал тот.

– Я тоже хочу бежать с вами!

– С нами?! Нет места для тебя, сын мой! Я тебе не мешаю, отправляйся с другим транспортом, но у нас нет места!

– Я хочу с вами, не то я крикну, созову надзирателей.

– А-а, каналья! Ты хочешь выдать нас! Подожди же!..

И он приготовился броситься на араба, который уже раскрыл рот, чтобы крикнуть. Геркулес опередил его, захватив свободной рукой араба за горло с такой силой, что у того мгновенно глаза выкатились на лоб, а посинелый язык далеко высунулся вперед. Глухо захрипев, араб, как сноп, пова-

лился на пол.

– Теперь нельзя терять ни минуты! – прошептал Луш.

– На! – проговорил он, передавая Геркулесу проволочный канат, обмотанный у него вокруг пояса под блузой. – Закрепи мне это хорошенько за люк, по нему мы спустимся. Ну, вот так... спусти канат наружу... вылезай в люк и спустись по канату! Рыба, которую мы с тобой выудили, это пирога со всеми веслами... Ну, вот так! Живо!.. Пусть остальные следуют за тобой... Я спущусь последним!

Не прошло и трех минут, как трое беглецов скрылись через люк, в который едва-едва проходили их головы и плечи.

Между тем араб, который казался мертвым, стал приходить в себя.

– Ишь, скотина! – пробормотал сквозь зубы Луш. – А ведь я считал его выпотрошенным! Он закричит, переполошит всех, и нас изловят. Хоть бы нож был под рукой, чтобы перепилить ему глотку!.. А-а... Я знаю, что делать!..

С этими словами он направился к своей койке и, порывшись в тряпках, составлявших его имущество, достал оттуда длинный медный гвоздь, длиною в фут, вытасченный им когда-то из обшивки понтона, гвоздь, который он с предусмотрительностью дикаря припрятал в своих вещах.

В два прыжка он очутился возле несчастного и, молча приставив гвоздь к его виску, изо всей силы вдавил в голову.

Затем, чтобы убедиться, что на этот раз араб действительно мертв, – а быть может и из зверской жестокости, он схва-

тил обеими руками голову несчастного, точно мяч, и, оперев шляпку гвоздя о пол, надавил на него голову мертвеца с такой силой, что конец гвоздя прошел насквозь. Несчастный не издал ни стона, ни звука.

Проворно подняв блузу убитого, убийца вдруг увидел на нем кожаный пояс, отстегнул его и убедился, что в нем есть деньги.

– Одним ударом двух зайцев убил: и доносчика убрал, и деньги приобрел... А деньги на всем земном шаре находят себе применение! – пробормотал Луш и с невозмутимым хладнокровием вылез в люк, затем, ухватившись за канат, ловко и проворно спустился по нему.

Как убийство араба, так и бегство четверых каторжников совершились с такой быстротой, что никто из спящих в батарее, а тем более из надзирателей, спавших в своих каморках под мостиком, ничего не слышал.

Между тем беглецы, усевшись в небольшой пироге, схватили каждый по веслу и беззвучно поплыли по направлению к югу. Вскоре пирога подошла к берегу, образовавшемуся из мягких илистых наносов, поросших корнепусками. Не разжимая рта, каторжники проплыли вдоль берега около двух километров и очутились близ устья, уходящего на юго-восток широкого канала, обрамленного с обеих сторон рядом густых развесистых деревьев.

– Суши весла! – скомандовал Луш, стоявший на носу пи-

роги. – Мы первые прибыли на условное место и теперь можем поговорить в ожидании тех, других... Дайте только причалить лодку!

– Да, да, поговорим, – сказал один из двоих беглецов, не произнесших до этого момента ни одного слова.

– Настало время поделиться с вами моим планом, чтобы те из нас, у которых размякнет душа, имели возможность вернуться в острог!

– Ни за что! – разом воскликнули все трое беглых.

– Ну и прекрасно, тем более, что первый вернувшийся туда рискует быть не особенно радушно встречен там!

– Без глупостей!.. Или я слишком сильно сдавил тиски на шею араба? – осведомился Геркулес.

– Ну, араб! Тот уж никого не выдаст: он лежит на палубе с тринадцатидюймовым ершом, прогнанным сквозь голову.

– Черт с ним! Ты, видно, хочешь, чтобы нас повесили, в случае, если изловят!

– Полно, я приму вину на себя... за себя я всегда отвечаю сам! Да и не все ли равно, немного больше, немного меньше крови?! Ведь вам известно, что я приговорен к смерти, а затем еще за другое дельце к бессрочной каторге... кажется, лет на сто с лишним. Но все это не мешает мне чувствовать себя как нельзя лучше. Я всегда готов держать ответ за свои поступки и потребовать должного наказания, если нас изловят! Я подставлю голову господину палачу, а вы заработаете всего только два года кандалов. Но до этого еще дело не

дошло, а потому поговорим серьезно о более существенном! Вчера, в полдень, вернувшись с работ, я встретил в порту Жан-Жана! Знаешь эту рослую скотину, неумытую рожу с Мартиники, нашего бывшего товарища, помилованного пять лет тому назад? Ты, Нотариус, кажется, не знал его, так как тогда еще не имел чести таскать за собой ядро на утеху правительству...

– Продолжай! – прервал его человек, названный им иронически нотариусом.

– Так вот, при виде его у меня явилась мысль заставить помочь мне в давно задуманном мною плане побега. Из разговора с ним я узнал, что он служит матросом на тапуйе (туземном голете), поддерживающем сообщение между Кайенной и рудниками Марони; что он должен остаться один на своем судне, тогда как его патрон и остальные служащие отправятся в город, на праздник, гулять. Это ему было не совсем по вкусу, как я видел, и он признался мне, что не задумался бы покинуть тапуйю, если бы у него в кармане был хоть один медный грош.

«Жан-Жан, – говорю я ему, – есть у меня одна завалявшаяся двадцатифранковая монета, и я готов отдать ее старому товарищу, но только при одном условии, а именно: ты сегодня вечером ровно в десять часов, ни раньше ни позже, явишься, рискуя получить пулю в лоб, привязать надежную лесу к обрывку веревки, который будет свешиваться из двенадцатого люка на штирборт „Форели“. Леса эта должна

быть достаточно длинна, чтобы ее хватило от „Форели“ до твоего тапуйя!

Привязав лесу, ты преспокойно вернешься к себе на судно, положишь в пирогу, на которой ты ездил, четыре весла, четыре фляги, четыре абордажных палаша и мешок маниоковой муки, а затем крепко привяжешь пирогу к лесе, конец которой остался у тебя. Понял?»

– Понял! – проговорил тот, лукаво подмигивая глазом. – Я согласен, но только с условием, что ты прихватишь с собой моего земляка Амелиуса!

– Но ведь он в береговом остроге! – сказал я.

– Мне дела нет! Устрой так, чтобы его предупредили!

– Ну, ладно! Вот тебе червонец! – сказал я. – И вы все знаете, что Жан-Жан сдержал свое обещание, и Геркулес выудил на удочку пирогу, на которой мы находимся теперь.

– Да, но ты не сдержал своего обещания, так как его земляка Амелиуса или, как мы его называем, «Маленького Черныша», с нами нет.

– Потерпи немного, Нотариус, и ты увидишь, что черный каторжник всегда держит свое слово. Я всячески старался уведомить его сегодня в течение всего дня, и вот мне посчастливилось увидеть разгружавших лодку с привозным мясом Кривого, Мабуля, Шоколада и того долговязого араба, у которого изображена на виске синяя молния. Я поручил им передать Маленькому Чернышу о побеге, на что они согласились при условии, что и они присоединятся к нам.

– Как хотите! Это уж ваше дело, – отвечал я и назначил местом встречи Северный мыс «Обысканного залива», где с двенадцати ночи те, кто прибудет на место раньше, подождут остальных.

«Прекрасно! – заявил Кривой. – Все остальное я беру на себя. Вместо того, чтобы возвращаться на ночь в каменный мешок, мы удерем прямо на лодку и по каналу Лосса прямо в путь к „Обысканному заливу“!»

– Теперь вы видите, ягнятки, как обстоит дело! Пролог разыгран; мы приступаем к первому акту пьесы! – заключил свою речь Луш.

– Начало прекрасно, – проговорил Нотариус после минутного размышления, – но что же будет дальше? Там скоро узнают о нашем побеге и устроят погоню за нами. Нас станут преследовать как бешеных собак... нам придется бежать без оглядки через леса, кишацие ядовитыми насекомыми, опасными гадами, хищными животными...

Громкий насмешливый взрыв хохота был ответом на этот перечень опасностей, ожидающих беглецов, и саркастический голос Луша возразил:

– И глуп же ты, Нотариус, для человека ученого!.. Правительство мало беспокоится о беглых каторжниках в этих краях: ему слишком хорошо известно, что нас всюду караулят бесчисленные препятствия, непреодолимые для дураков, конечно. Почти все бежавшие с каторги, после целого ряда бед и невзгод, рады-радешеньки вернуться, издыхая от

голода, изнуренные лихорадками, измученные и изнемогающие, и подставить свою лапу, чтобы ее заковали в тяжелую цепь с ядром в качестве брелока!

– Так значит, я прав!

– Ну а я тебе повторяю, что ты глуп! Ты забываешь, что эти несчастные не имеют чести состоять под командой господина Луша, красы и венца всех гвианских каторжников, лукавца из лукавцев и хитреца из хитрецов, могу сказать не хвастаясь! Господин Луш все давным-давно обдумал; он ничего не сделал наобум, как бы можно было подумать, судя по неожиданности и поспешности этого бегства. План у меня давно был выработан, но сегодня представился удобный случай, – и я воспользовался им.

Шепот одобрения покрыл его последние слова.

– Вот видите ли, друзья, – продолжал этот хвостун, – по беги редко удаются потому, что они или плохо задуманы, или слишком поспешно осуществлены, без необходимой предусмотрительности и осторожности. Ссылные из Сан-Лорана, отрезанные от колонии Суринам Марони, попадают в руки солдат-голландцев, которые тотчас же водворяют их на старое место: голландцы выдают беглых. Другие, пытающиеся добраться сухим путем до английской Гвианы, которая не выдает беглых каторжников, становятся жертвой тех ужасов, от которых у тебя волосы на голове становятся дыбом, мой бедный Нотариус. Но мы в Кайене, в тридцати лье по прямой линии от страны, которая – рай земной для всех, у кого есть

какие-нибудь счеты с так называемым человеческим обществом. Страна, где нет ни губернаторов, ни консулов, ни ка-торги, где человек живет как вольная птица, как дикий зверь, не признавая ни кар, ни закона, ни короля, ни совести; где он без труда может зарабатывать золото целыми пригоршнями и поступать, как ему вздумается, творя добро и зло, смотря по тому, как ему заблагорассудится!

– И страна эта называется? – осведомился Геркулес, слушавший разинув рот.

– Эта страна – спорная территория Гвианы, которая не принадлежит ни Франции, ни Бразилии... страна не меньше этой проклятой колонии, но несравненно плодороднее и, главное, здоровее ее!

– Но, вероятно, там уже есть поселенцы!

– Да еще какие богатые поселенцы!

– Превосходно! Так мы займем их места и будем иметь удовольствие водвориться в готовых гнездах!

– Ну, а что касается способов добраться туда?

– То это проще простого для таких людей, как мы, закаленных на тяжелой каторжной работе и не считающихся ни с какими предрассудками. Мы теперь всего в тридцати или тридцати пяти лье от этой территории, отделенной от нашей колонии Ойапокком. Ну пусть даже в сорока лье, если хотите; так и то всего каких-нибудь семь или восемь дней пути.

– Так, так... но как мы выберемся отсюда?

– Ну, уж, конечно, не морем! Это было бы безумием, в

этой пироге, почти без съестных припасов, без воды и принужденные держаться как можно дальше от берегов, чтобы не завязнуть в иле. Я не трус, но у меня мороз пробегает по коже всякий раз, как я только вспомню об ужасной смерти бедняги Жиро, прозванного «Губителем кошельков», ловкого и смышленного малого, которого живьем съели крабы, гнездящиеся под этими корнепусками! Вот что мы сделаем: как только сюда явятся остальные, мы в лодке проберемся ночью по «Обысканному заливу» до Мажури. Там укроемся в течение дня; а скрыться там легко, как вам известно: в прибрежных зарослях нас нельзя будет найти, как иголку в сене. Когда стемнеет, мы переправимся через Мажури и выйдем на дорогу в Аппруаг, ведущую до местечка Кав. Дорога эта скверная, избитая, каменистая; она идет по гребням гор, и на ней можно сломать шею. Но что поделаешь? Жители этой местности проходят весь наш путь в один день, а мы пройдем его в одну ночь. Дойдя до местечка Кав, мы похитим лодку, спустимся по каналу, переправимся через реку и оставим за собой большую половину пути, без особых затруднений.

Мы очутимся тогда в совершенно дикой стране – нам придется идти по солнцу; здесь все предосторожности будут излишни: никто нас не увидит и не предаст. Переправляться через реки и ручьи, проходить леса и равнины – это же сущие пустяки! От Аппруага до Ойапокка нет и пятнадцати лье! Это всего каких-нибудь два дня пути. Очутившись по ту сторону Ойапокка, мы уже будем дома.

– Замолчишь ли ты наконец! – раздался грубый голос среди мрака. – Только тебя одного здесь и слышно, господин Луш, ты один трещишь, как целая семья попугаев!

– А-а, это ты, Шоколад!.. Ну, слава Богу!

– Да, я, и с товарищами, и с дурными вестями!

– Готовьтесь, товарищи! Тревога!

– За нами гонятся... На рейде – два вооруженных судна.

Большая китобойная шлюпка с арабами-гребцами нагоняет нас... Я не знаю, что с ними случилось; только эти проклятые арабы режут как бешеные: «Аруа!.. Аруа!..»

– Тысячи громов! Хороши мы теперь!.. Очень тебе нужно было прободать его!..

– А, пускай себе режут! – все так же невозмутимо отозвался Луш, – мы еще не в их лапах!

Глава II

Погоня. – Вероятные последствия убийства араба. – Под корнепусками. – Шесть часов в иле. – Поиски. – Страх. – Прилив. – Принудительное гостеприимство. – Решительные средства господина Луша. – Спасение сообщника. – На «Обысканном заливе». – Мажури. – От Ремира до Ков. – Пятьдесят километров в горах. – Жандармы «с большими саблями». – Голод. – Устрицы. – В виду Аппруага. – Плот. – На охоте. – Что означают слова: скот на ногах?

Действительно, как заявил беглый, прозванный Шоколадом, два поспешно вооруженных судна вышли в погоню за беглецами.

Арабы, найдя труп убитого товарища, принялись кричать и подняли переполох на понтоне, служившем плавучей тюрьмой.

Обычно надзиратели не очень беспокоились из-за побега, но на этот раз, ввиду важности преступления, тотчас же распорядились вооружить и снарядить два судна, чтобы без промедления предпринять самый деятельный розыск преступников. Гребцы, вовсе не старательные и не ретивые, когда дело идет о преследовании беглых товарищей, зачастую даже являющиеся их пассивными соучастниками, на этот раз, при виде трупа одного из своих, вдруг почувствовали, что кровь сильнее солидарности каторжан, и обратились в дышащих

злостью и местью преследователей.

В одно мгновение шлюпки были спущены, и надсмотрщики, вооружившись с головы до ног, с глухими фонарями, снабженными сильными рефлекторами, заняли свои места.

Для всякого, кому знаком Кайенский рейд, было ясно, что беглецы, уносимые приливом, могли только направиться к берегу и следовать вдоль него на протяжении между каналом Лосса и «Обысканным заливом».

В этом направлении обычно и производятся поиски беглецов. Проискав напрасно в продолжение чуть не часа во всех бухточках и заливчиках этой части берега и островков корнепусков, постепенно затопляемых приливом, представители власти и их подчиненные увидели наконец черный силуэт небольшой лодки, убегавшей изо всех сил.

Арабы тотчас же приналегли на весла и со свирепыми криками «Аруа, аруа!» погнались за ней; крики их далеко разносились по воде.

Еще более возбужденные, чем в начале погони, одержимые мыслью задержать убийцу, они работали веслами с удвоенной силой и мало-помалу стали нагонять беглецов.

Всего каких-нибудь двести метров отделяли их от лодки, поравнявшейся теперь с устьем канала, заметного во время разлива только по деревьям, торчащим из воды. Вдруг лодка беглецов повернула и сразу скрылась в непроницаемых зарослях корнепусков и всякой дикой растительности.

Беглые каторжники из берегового острога присоеди-

лись к поджидавшим их товарищам, бежавшим с «Форели», и сообщили им известия о погоне, грозившей погубить их смело задуманный план побега. Однако гроза каторги, многоопытный преступник, которого мы знаем под именем Луша, был человек чрезвычайно находчивый. У него сейчас же родился в голове новый план, правда, весьма опасный, но не для людей такого закала, как все эти каторжники.

– Все в воду! – скомандовал он подавленным шепотом. – А ты, Шоколад, пусти плыть по течению лодку, пусть ее несет!..

– Но я не умею плавать, – застонал Нотариус.

– Ну так оставайся в пироге, но, главное, не раскрывай клюва, не то я тебя переверну вместе с пирогой...

– Ну вот так! – продолжал Луш, когда беглецы, за исключением Нотариуса и его самого, очутились в воде. – Уцепившись руками за борта пироги, держитесь крепко и плывите одними ногами, а я буду управлять вами и проведу в такое место, куда эти гады не доберутся.

Легкая пирога, послушно повинувшись рулевому веслу в искусных руках опытного каторжника, точно призрак проскользнула среди перепутавшихся корней и ветвей корнепусков и в несколько минут оказалась как бы поглощенной масляной густой зелени.

Теперь, чтобы добраться до этих людей, нужна была особо счастливая случайность. Их спасла собственная смелость.

В это самое время с залива донеслись крики ярости и досады: арабы и надзиратели наткнулись на лодку, уносимую

течением, – и каторжники явственно расслышали проклятия и угрозы одного из преследователей.

– А-а... Эти негодяи нырнули в воду, как кайманы; но завтра на рассвете мы оцепим весь берег, и ни один из них не уйдет. Если они не подохнут в этом иле, то, клянусь чертом, мы их сцапаем в тот момент, когда они вздумают выбраться оттуда! Эй вы, поворачивайте назад, на понтон! На сегодня покончим с этой погоней.

– Не шевелись никто! – прошипел чуть слышно, но внятно Луш. – Дудки, знаю я их: они будут сторожить нас здесь до отлива!

Прошел час, другой, но сила воли отверженных людей ни на одну секунду не изменила им: они остались неподвижны, одни вскарабкавшись беззвучно в пирогу, другие, более сильные, уцепившись за корни и повиснув на них.

Прилив давно уже достиг своей полноты, и теперь вода начинала уже спадать. Там, где только что плескались короткие желтые волны, теперь образовалось отвратительное месиво, по которому проворно бегали бесчисленные маленькие крабы с голубоватыми спинками. Корнепуски точно выросли из воды, вздымаясь на своих узорчатых пьедесталах, из корней, все восемь беглецов очутились теперь на иле, возле своей севшей на мель пироги.

Близился рассвет. Цапли и фламинго, почувствовав, быть может, близость человека, зашевелились.

– Ну, друзья, за работу! – прошептал Луш, до этого времени не проронивший ни слова. – Возможно, что они обыщут всю отмель; хотя она и покрыта илом, но почва под ним твердая на глубине метра, и по ней можно свободно дойти до нас!

– Это верно, – подтвердил Шоколад, – по отмели пройти можно. Я это место знаю; я подбирал здесь водяных птиц, убитых охотниками, которые гостилина китобойной шлюпке в заливе!

– А этого необходимо избежать во что бы то ни стало, – продолжал Луш. – Надо скрыть под илом, в этом мягком студне, нашу пирогу. Мы спустим ее на воду, как только стемнеет, а сами залезем по уши в эту вонючую тюрю при малейшем подозрительном шуме, предварительно обмазав илом наши шляпы и лица, так чтобы можно было пройти мимо в двух шагах, не заметив нас. Смотри и ты, Маленький Черныш, измажь хорошенько свою черную рожу, а то она блестит, как полированный сапог! Кроме того, господа с нежной, чувствительной кожей, как у Нотариуса, этим самым предохранят себя от болезненных укулов насекомых и мошкары.

Тем временем разом рассвело, как это всегда бывает в экваториальных странах.

Из-за ужасного преступления, сопровождавшего побег, администрация острога приняла самые энергичные меры к розыску преступников. Весь многочисленный персонал

острога, забрав имевшиеся на судах свободные шлюпки и заручившись содействием муниципальной полиции, принялся за дело.

Одни обыскивали во всех направлениях окрестности рейда, другие, пешие, обшаривали длинными баграми илистые отмели берегов, смело подвигаясь вперед по этой вязкой, размытой илистой почве, в которую они местами уходили по пояс. Поиски продолжались все утро, несмотря на то, что были сопряжены с серьезной опасностью и при том страшно утомительны.

Было истинным чудом, что беглецов все еще не разыскали: много раз охотники за людьми проходили так близко, что слышны были их шаги и голоса.

Запрятавшись по уши в зловонную тину, дрожа от страха за свою жизнь, мучимые голодом, иззябшие до костей от длительного пребывания в воде, продолжавшегося без малого двенадцать часов, эти несчастные испытывали адские муки. Но вскоре их страхи должны были возрасти еще более: приближалось время прилива. Издали уже начинал доноситься шум прибоя, который должен был изгнать беглецов из их илистого убежища, как внезапный разлив и наводнение выгоняют из берлог и нор диких лесных зверей.

Правда, и охотившиеся за ними люди тоже принуждены были отступить. Они при этом оцепили весь берег как со стороны суши, отрезав всякий доступ с отмели, так и со стороны моря или, вернее, залива. Люди же, находившиеся в лодках,

теперь, благодаря приливу, могли подойти гораздо ближе, до самой зеленой чащи камышей, водорослей и корнепусков.

– Мне кажется, нас выкурят! – пробормотал угрюмо Шоколад, с трудом выбираясь из тины. – Придется пуститься вплавь, если не хочешь утонуть, стоя на месте; а как только мы поплывем, нас и сцапают, голубчиков!

– Не сразу! – отозвался Луш. – Пусть каждый из вас ухватится за корни как можно крепче, чтобы повиснуть на них в первую минуту, когда подойдет первый вал, и при том не высываясь слишком заметно из воды. Мы провели уже двенадцать часов в тине, теперь проведем еще столько же в воде... Ну, живо!.. Ведь другого выбора нет!.. Эх! Вот счастье-то привалило! Этого я никак не ожидал.

– Что такое?

– А вот там видишь, на расстоянии не более ста метров впереди, на заливе между камышами и кустами, коричневая кровля... Это, наверное, рыболовная лодка Аннамита!

– Ну, так что же?

– Молчи! Ставь пирогу так, чтобы ее подняло волной, да не забудь про абордажные палаши... Ну, а теперь за мной, ползком к заливу... к рыболовной лодке!..

И все семеро каторжников, безобразно перемазанных илом и тиной, повинувшись команде своего предводителя, стали ползком пробираться в указанном направлении. Но вот набежал первый вал прилива и в один момент покрыл их; они с отчаянием уцепились за корни, перевели дух и снова

направились дальше.

– Эй, – заметил один из них, – нас всего семеро вместе с Лушем!

– Это Нотариуса не хватает! – отозвался последний. – Ну, тем хуже для него! Остальные – вперед!

– Ах, вот он... Он ударился головой о корни; его оглушило, но я не хочу оставлять здесь беднягу! – сказал Шоколад, взваливая его себе на плечо.

Но вот набежал второй, затем третий вал; каторжники пустились уже вплавь и достигли края залива.

Луш не ошибся. Это действительно была крытая лодка с темно-коричневой крышей из листьев.

На носу стоял невозмутимо спокойный Аннамит, занятый починкою своих сетей.

Каторжник бесшумно нырнул у самой шампанки и затем, поднявшись на руках, поднес под самый нос азиата острие своего абордажного палаша.

– Ни звука, не то я тебя мигом выпотрошу!

Человек, к которому были обращены эти слова, с недоумением обернулся и залепетал:

– За что ты хочешь убить меня, господин Луш?..

– Заткни свою глотку! Нас здесь восемь человек беглых, спрячь нас в твоей скорлупе. Если надзиратели станут тебя спрашивать, не видал ли ты нас, ты скажешь, что не видал. Если ты только проронишь одно лишнее слово или подашь какой-нибудь знак, то помни, что прежде, чем нас задержат,

я заставлю тебя проглотить мой палаш по самую рукоятку...
Понял?

Аннамит утвердительно кивнул головой. Вслед за Лушем и остальные беглецы, мокрые и облепленные тиной и илом, один за другим взобрались на лодку. Шоколад волочил за ворот блузы бесчувственного Нотариуса, которого он не хотел покинуть.

В один момент все они зарылись под сети, циновки и всякое тряпье, валявшееся под навесом плавучего жилища Аннамита, среди груды рыболовных снастей и домашней утвари, – а рыбак как ни в чем не бывало продолжал чинить сети.

Весь этот маневр мог остаться незамеченным благодаря только тому, что лодка буквально врезалась всем своим корпусом в небольшую бухточку залива.

Теперь беглецам нечего было больше опасаться, кроме обыска на судне. Впоследствии же они узнали, что именно с этого и началась охота за ними. Не найдя на лодке ничего подозрительного, власти и их подчиненные не подумали даже, что беглые, умиравшие от голода, утоляли его теперь сырою рыбой из запасов Аннамита. Сами преследователи, измученные и усталые, возвращались на понтон с безуспешных поисков, считая, что разыскиваемые ими негодяи утонули.

Аннамит, также бывший ссыльный, переведенный теперь в разряд поселенцев с воспрещением покидать пределы колонии, не хотел да и не мог ни в чем отказать своим прежним товарищам по каторге.

Луш приказал ему, с наступлением ночи, отвязать свою лодку и подняться по «Обысканному заливу» вплоть до устья Мажури. Он покорно повиновался, добыл весла, и вскоре грузная и неповоротливая лодка, под усилием нескольких пар дюжих рук, бесшумно заскользила по тихим водам безлюдного канала.

Через два с половиной часа они достигли устья Мажури, которое в сущности представляет собой не что иное, как слияние Комтэ и Ораню.

Воспользовавшись тремя с половиной часами прилива (так как в Гвиане навигация на большей части реки возможна только во время прилива), они поднялись, не останавливаясь, вверх по реке, минуя батарею Трио, едва видную во мраке, и величественные холмы Ремир, где мирно жил в течение двадцати лет ссыльный Бимго-Варенн. Беглецы так усиленно работали веслами, что им удалось достигнуть холмов Рура повыше залива Гавриила, против которого находится пристань Ступана.

Когда наступил отлив, местность стала слишком населенной, они причалили к правому берегу и высадились здесь, получив от Аннамита целый груз свежей рыбы, несколько пригоршней соли, немного муки и огниво.

Снабдив их всем этим, рыбак, весьма довольный, что ему, наконец, удалось избавиться от своих опасных гостей, не медля ни минуты, пустился в обратный путь к «Обысканному заливу», пользуясь отливом.

Несмотря на довольно значительное отдаление от острога, беглецы, далеко не чувствуя себя в безопасности, спешили укрыться в непроницаемой чаще пальм, диких какаовых и других деревьев, росших на берегу.

Скоро предстоял рассвет, и, как говорил Луш, надо было потихоньку убираться подальше от местечка Рура.

– Потому что, видите ли, голубки, здесь имеется не только судья, который тревожит меня не более прошлогодней сливы, но и жандармская бригада, внушающая мне полное уважение... Я, знаете, не особенно впечатлителен, но признаюсь, вид белых шлемов и ботфортов жандармов «с большими саблями»¹ совершенно парализует меня.

– Ты прав, – проговорил Красный, – я того мнения, что страх перед жандармами есть начало всякой мудрости!..

– Мудрости невольной, между нами говоря! Но будь спокоен, мы наверстаем впоследствии наше вынужденное уважение к этим хижинам местных негров, которые так приятно было бы ограбить!

Беглецы с удвоенной осторожностью обошли деревню, все время скрываясь в чаще леса, и достигли первой возвышен-

¹ Жандармами «с большими саблями» туземцы именуют колониальных жандармов, отборных молодцов из числа корпуса жандармов Метрополии, являющихся грозой всех нарушителей порядка, в противоположность «жандармам козлятам», набираемым из негров и представляющим собою туземную полицию, не внушающую никому особого страха и уважения к себе и, как выражаются шутники, пригодную лишь для того, чтобы загонять заблудшую скотину, особенно козлят. (Здесь и дальше примечания автора.)

ности, образующей горный хребет, отделяющий селение Рур от Кав.

Этот маневр избавил их от всякой опасности. Они с трудом взобрались на гору по узкой каменистой тропе, круто ведущей вверх между двумя стенами громадных деревьев, образующих над их головами непроницаемый для света зеленый свод. Здесь нет надобности опасаться встреч, так как редко кто из людей отважится проникать в эти глухие места.

Пользуясь этим одиночеством и безлюдьем леса, беглецы, несмотря на страшную усталость, продолжали идти, не останавливаясь. К вечеру чуть не все пятьдесят километров, которые, по их расчету, составляли расстояние между двумя селениями или местечками, остались позади. Усталые, изможденные и голодные, не имея ничего, кроме жалких остатков рыбы, уже испортившейся от жары, и нескольких щепоток крупы, они растянулись, как загнанные дикие звери, на берегу реки Кав и заснули тяжелым, мертвым сном.

Но утром голод взял верх над утомлением и разбудил их еще до рассвета. Они перешли вброд через реку, довольно мелкую в этом месте, обошли селение и продолжали идти вдоль канала, протянувшегося на двадцать километров до того места, где он упирается в Аппруаг. Здесь им предстояло переправиться через эту реку.

Но как ни велика была сила воли и выносливость этих людей, пятеро из них оказались совершенно не в состоянии двигаться дальше.

Кроме того, терзавший их голод привел их в уныние. Они были близки к тому, чтобы начать сожалеть об остроге и страшных, изнурительных работах каторги. Луш, бывший намного старше своих товарищей, сохранял по-прежнему и бодрость духа, и светлый ум, и непреклонную волю, но и его брвенное тело было совершенно разбито.

Только Геркулес и Шоколад еще не израсходовали своих сил. Правда, это были настоящие колоссы, сшитые из мускулов, точно слитые из стали, словом, самые выразительные представители человеческого племени во всей его силе и красе. В то время, как Нотариус хныкал, подобно капризному ребенку, и говорил о том, что хочет отдаться в руки властей в Каве, а другие как будто безмолвно одобряли его, Луш снарядил двоих гигантов на поиски гвианских устриц, которые часто встречаются тысячами на корнях корнепусков.

Действительно, немного спустя они возвратились с огромными запасами этих устриц в своих блузах, превращенных в торбы внушительных размеров.

Несчастные набросились на эту снедь с невероятной жадностью. В данном случае количество возмещало качество, и в конце концов, как ни мало питательны эти моллюски, беглецы утолили мучительный голод. К ним возвратились бодрость и надежда, если не силы.

Минуя Кав, не было никакой возможности украсть какую-нибудь лодку или челн, а переправиться через Аппруаг необходимо было как можно скорее. Геркулес и Шоколад,

как всегда неутомимые, отправились на поиски подходящих для сооружения плота материалов.

Совершенно случайно они наткнулись на место, где росли в громадном количестве полые деревья с гладкой белой корой, прозванные гвианцами «пушечными деревьями», и тотчас же принялись усердно срезать их своими палашами.

Тут же неподалеку росли густые заросли бамбука, из молодых побегов которого можно сделать связки.

В довершение удачи, «аи», или тихоход, поглощенный своим любимым занятием грызть кору и объедать листья деревьев, упал на землю вместе с деревом, с которым он не захотел расстаться. Одним ударом палаша животное было убито и, к превеликой радости беглецов, тут же разделено между ними по-братски и в несколько минут съедено сырым.

После трехчасового неустанный труда плот, собранный кое-как, был готов. На него поместили слабосильного Нотариуса и Луша с немудрым веслом, остальные, держась за плот, переправились вплавь. Господин Луш направлял плот так, чтобы максимально сократить переправу.

Местность была совершенно безлюдная, и плот, слегка сносимый течением, благополучно пристал к противоположному берегу.

– Ну, а сейчас, детки, весело воскликнул Луш, нам нельзя попусту терять времени. Самое трудное уже сделано, и теперь успех задуманного плана обеспечен... Прежде всего надо немедля разобрать этот плот, сослуживший нам добрую

службу. Он может выдать нас! Разобрав его, пустим стволы вниз по течению, вода их унесет!.. Ну, вот, прекрасно! Теперь ты, Маленький Черныш, разденешься догола, как наш прародитель до грехопадения, но из уважения к твоей стыдливости я, в виде снисхождения, могу разрешить тебе выкроить из твоих холщовых шаровар подобие калимба². В таком наряде если кто и встретит тебя, то примет за одного из местных жителей, но никто в этом маленьком черномазом не узнает беглого каторжника! Без дела не подходи к жилию, а только затем, чтобы стянуть что-нибудь: козленка, поросенка, курицу... или бычка. Только смотри не попадись! Ты, Мабул, отправишься с Шоколадом и постарайся набрать каких-нибудь съедобных плодов или убить какую-нибудь дичь. Кривой и Красный дождутся отлива и затем пойдут собирать устриц, когда спадет вода. Геркулес останется со мной и с Нотариусом, который будет глядеть на нас и жиреть! Ну, а теперь рысью марш, ангелы мои, и смотрите – не возвращайтесь с пустыми руками, а то мы все скоро проголодаемся. Что же касается тебя, Геркулес, толстая рожа, то отойдем немного в сторону; я должен сказать тебе кое-что!

– Ну чего ты от меня хочешь?.. С чего ты вздумал оставить меня здесь сидеть сложа руки, когда все остальные за работой?

– Оттого, что ты лучший из всех; мало того, ты – мой единственный друг, ты один, на которого я могу положиться

² Калимба – повязка на теле у негров Гвианы.

и которому я доверяю! Мабул скотина, Маленький Черныш – простодушный негр, Кривой и Красный сделают всегда все, что мы захотим... но Шоколаду я не доверяю.

– Он – убийца, но он никогда не подличал!

– Я его недолюбиваю, тем более, что он, убийца, корчит аристократа по отношению к простым мошенникам. Я хотел сказать тебе, чтобы ты мне доверился и во всем слушался меня. Ты увидишь, как славно мы с тобой заживем и будем есть всласть.

– Неужели?

– Вот увидишь. Я уж сумею в нужный момент найти сорок кило мяса, без особых хлопот... так что будем сыты по горло.

– Как так?

– А ты потерпи! – сказал Луш, странно улыбаясь и искоса поглядывая на спящего Нотариуса. – Я веду за собой «скот на ногах», надо его только покормить до поры до времени, пока он не понадобится нам, а в случае нужды он будет у нас всегда под рукой!..

Глава III

Ссылные в Гвиане. – Портрет и биография одного негодяя. – Попытка бегства. – Кандалы. – Преступник, присужденный к бессрочной каторге, затем к смерти и заставивший приговорить себя еще к ста годам каторжных работ. – Геркулес. – Кривой и Красный. – Нотариус. – Араб и уроженец Мартиники. – Проступки, заслуживающие участия. – Гнев. – Ненависть. – Красота и бесплодность экваториальной природы. – Предрассудки. – Капуста и вместе с тем не капуста. – Мазилка. – Потеряны. – Вернулись. – Свежее мясо. – Грубая басня. – Каторжник-людоед.

В этом рассказе каждому беглецу с плавучего острога Кайены отведена своя роль. Поэтому следует хотя бы в общих чертах набросать их портреты и биографии.

Прежде всего нужно сказать, что, вопреки упорно держащемуся до сих пор мнению, ссылные европейцы в Гвиане представляют собой весьма незначительное меньшинство. Их не более двухсот человек во всех острогах этой колонии. Они выполняют работу, связанную со своей профессией. Все же остальные преступники ссылаются из метрополии в остроги и тюрьмы Новой Каледонии.

Гвиана предназначена почти исключительно для ссылки арабов, улоферов из Сенегала, чернокожих и иных представителей цветных рас с Мартиники, Гваделупы, азиатов-кули

из французских владений в Индии и аннамитов из Кохинхины, не высланных на остров Пуло-Кондор. Всего здесь насчитывается около 3600 человек (в 1877 году – 3663 человека).

Таким образом становится понятно, почему из шести белых беглецов пять были ремесленниками, а один – писарь, сосланный на понтон за дурное поведение.

Господин Луш, как товарищи стали его называть с первого дня прибытия на каторгу, был одним из старожилов правительственных тюрем и острогов, одним из могикан каторги. Ему было 52 года, но тяжелые каторжные работы сделали из него не по годам пожилого человека. Это был чрезвычайно живой, суетливый, маленький, худенький старичок, проворный и находчивый, с черными, с густой проседью волосами, узким, заостренным лицом, с хитрым выражением ласковой лисички и парой чрезвычайно светлых, ясных серо-зеленых глаз, зрачки которых были испещрены желтыми пятнами цвета ржавчины. Лицо его отталкивало, а глаза имели странно жестокое выражение.

Будучи первоначально слесарем, он променял свое занятие на роль Петрушки в труппе странствующих фигляров, где и познакомился с Мартэном, по прозвищу Геркулес, бывшим плотником, превратившимся волею судеб в борца, благодаря своей необычайной силе и воловьей шее.

Их новое ремесло, богатое на разные невзгоды, не доставило им тех доходов и той прибыли, каких они ожидали.

Тогда они задумали заняться эксплуатацией общественного имущества, раз им не удалось в желанной мере привлечь общественное любопытство. Они превратились в смелых грабителей и принялись действовать сразу на широкую ногу, грабя магазины и богатые квартиры, чему немало способствовали старые познания и лукавый ум Луша. Новая работа в первое время оказалась чрезвычайно удачной и прибыльной, и приятели извели в эти дни много радостей жизни: и денег, и вина у них было вволю. Но ничто в мире не бывает вечно, этот дружественный союз вскоре был расторгнут судом, приговорившим Луша и его alter ego³ Мартэна к двадцати годам каторжных работ за кражу со взломом и покушение на убийство.

Дело в том, что у колосса Мартэна была такая тяжелая рука, что он едва было не задушил одну из своих жертв, осмелившуюся отстаивать свое имущество.

Сообщников сослали одновременно в Кайену, где они принуждены были вернуться каждый к своему первоначальному ремеслу, слесаря и плотника, на пользу правительства. Но Луш вместо того, чтобы терпеливо нести свое наказание, вздумал упорствовать, вздумал противиться властям, которые, однако, усмиряли и не таких, как он.

Прежде всего он пытался организовать бунт среди ссыльных каторжников и за эту попытку был приговорен военным судом еще к двадцати годам каторги. Но он продолжал упор-

³ ... alter ego – второй я (лат.). – Прим. ред.

ствовать и пытался бежать. Попытка эта потерпела неудачу, и, в виде исключения, его приковали на два года к ядру. Эти два года он прожил довольно спокойно, повсюду волоча за собой чугунную безделушку, которая при малейшем неловком движении била его по ногам. Но год спустя он имел глупость смертельно ранить одного из надзирателей, который поймал его с поличным на воровстве.

Воровство на каторге карается чрезвычайно строго. На этот раз Луш был приговорен к смертной казни и пережил весь ужас положения человека, который, пробуждаясь поутру, каждый раз спрашивает себя. «Не сегодня ли?» Но смертную казнь ему заменили бессрочной каторгой, и после того он довольно долго вел себя смирно. Перспектива повенчаться с «вечной вдовой», как игриво каторжные называют смерть, как будто несколько усмирила этого неугомонного человека. Однако вскоре он опять принялся за воровство, снова пытался бежать и вновь трижды был судим военным судом, который каждый раз приговаривал его еще к двадцати годам каторги.

Так как никакого иного наказания, со времени уничтожения телесного наказания, для ссыльно-каторжных не существует, то хоть ради формы судьям приходится выносить какой-нибудь приговор.

Таким образом Луш был приговорен к смертной казни, с заменой ее бессрочной каторгой, и затем еще, в общей слож-

ности к ста десяти годам каторжных работ, как это ни смешно на первый взгляд. Нет надобности добавлять, в довершение этого биографического очерка, вполне достоверного и списанного с натуры, что этот преступник обладал всеми свойствами и пороками самых закоренелых преступников. Впрочем, читатель уже имел возможность видеть его в деле.

Мартэн, прозванный Геркулесом, был полной его противоположностью. Это было настоящее животное, с огромными конечностями, чудовищным торсом и крошечной головой с низким, будто придавленным лбом, с неподвижными, точно рыбьими глазами, и непомерно развитыми челюстями. Геркулес бесхитростно сознавался, что рассуждать – не по его части, и скромно довольствовался ролью послушного орудия в руках Луша, который управлял этим громадным механизмом. Каторжные работы не подорвали сил этого колосса, который, подобно гиппопотаму, не чувствовал на себе тяжести своих сорока лет.

Моро, прозванный Красным, благодаря цвету своих волос, молодой горожанин, бывший рабочий механической мастерской, был «явной гадиной», как говорил про него Луш, знаток по этой части. Этот сравнительно еще молодой парень, всего двадцати пяти лет от роду, был приговорен к бессрочной каторге за убийство в одном из парижских предместьев.

Худой, тощий, бледный, с темными кругами под глазами, весь покрытый веснушками, маленький, хрупкий, но силь-

ный и проворный, с неблагоприятным выражением лица, дышащего низкими пороками, с красными мигающими глазами и воспаленными, припухлыми веками, окруженными почти белыми ресницами, он производил неизгладимое впечатление на каждого, с кем встречался. Это было типичное лицо негодяя и преступника.

Дитя той же улицы, воспоенный из того же ручья, Равено, прозванный Кривым, был тот же Моро, только не рыжий, а брюнет. Ему всего двадцать два года; четыре года тому назад он был осужден на каторгу за убийство виноторговца близ заставы Фонтенебло; а до того он был рабочим в каменоломне.

Человек, прозванный Нотариусом, принадлежал к хорошей, приличной семье в Анжу. Это был рослый, белокурый детина с бесцветной, расплывчатой физиономией. За дурное поведение его прогнали с занимаемой им должности в конторе нотариуса, где он был писарем. Мягкий, слабовольный и разнузданный по природе, без малейшей личной инициативы, он был способен на все, что угодно, особенно на все плохое, поддаваясь каждому дурному влиянию. Сослан он был на десять лет за подлог, и так как ему было всего двадцать четыре года, то было удивительно, почему он рискнул бежать вместо того, чтобы терпеливо и спокойно отбыть свой срок наказания, т. е. остающиеся ему семь лет.

Время идет незаметно даже на каторге, а молодость всегда полна надежд.

Все это так, но статья французского закона гласит, что всякий приговоренный к каторжным работам на срок не менее восьми лет по истечении срока наказания обязан пробыть безвыездно, в качестве поселенца, еще столько же лет в пределах колонии. А если виновный приговорен к восьми годам каторжных работ или свыше того, то обязан пожизненно оставаться поселенцем в этой колонии.

И вот у Нотариуса не хватило мужества на это пожизненное изгнание, которое должно было последовать за наказанием.

Амелиус, или Маленький Черныш, как его называл Луш, в память того как называют в Париже продаваемые по утрам в сливочных чашки черного кофе, в сущности был рослый и красивый метис с Мартиники, так называемый «кабр», помесь мулата и негритянки. Раньше он был рабочим на сахарной плантации, но был осужден на двенадцать лет каторжных работ за поджог, из мести, того рафинадного завода, на котором работал.

Способный на благородные порывы и побуждения, но поддающийся временами бешеной злобе, мстительный и решительный, он представлял собой сочетание контрастов и обладал пороками и достоинствами обеих рас в равной степени.

Абдул-бен-Мурад, прозванный Мабул, был приговорен к двадцати годам каторги во время Алжирского восстания в 1871 году и, конечно, попал бы под амнистию наравне с дру-

гими своими соотечественниками, если бы за несколько месяцев до того не убил одного из своих товарищей. Это был человек лет тридцати пяти, высокий, сухой, мускулистый, молчаливый, мрачный и фанатично преданный своей мусульманской религии.

От него тщательно скрыли убийство араба Лушем в первый момент бегства, так как, хотя сам он убил одного из своих братьев мусульман, но, наверное, не задумался бы в свою очередь убить каждого «руми», то есть, «неверного», который осмелился поднять руку на одного из сынов Пророка.

В заключение скажем еще пару слов об Винкельмане, прозванном Шоколадом, плотнике и столяре, приговоренном в 1869 году к двадцати годам каторги за убийство своей жены ударом топора.

Конечно, Винкельман был преступником, но его никак не следует смешивать с остальными негодьями и злодеями, в обществе которых он отбывал свое наказание.

Если посмотреть на этого великана, ростом без малого два метра, с кротким и печальным взглядом больших голубых глаз, с лицом спокойным, почти добродушным, то трудно поверить, что временами им овладевало дикое бешенство, совершенно лишавшее его рассудка и превращавшее в дикого зверя. Во время одного из таких приступов бешенства, с которым он не в силах был совладать, он и совершил упомянутое преступление.

Присяжные признали смягчающие вину обстоятельства,

но суд, произнесший над ним приговор, оказался на этот раз непомерно строгим. Несчастный заслуживал снисхождения хотя бы потому, что поведение его всегда было безупречно до этого рокового момента, честность его была всем известна, и трудолюбие беспримерно.

Весьма возможно, что привлеченный к разбору этого дела добросовестный врач-психиатр сумел бы доказать неменяемость обвиняемого, но, видно, судьбе было угодно, чтобы этого не случилось.

Сосланный в Кайену, Винкельман сносил с покорностью свою участь и все время отличался образцовым поведением, безупречной дисциплиной и трезвостью.

Он, безусловно, был светлым пятном среди всех этих негодяев, с которыми ему приходилось жить, и те вскоре возненавидели его тем сильнее, что его поведение являлось как бы постоянным немым упреком им, их образу жизни, их поведению и их речам. Но это ни мало не смущало его.

Сложенный как древние гладиаторы, смелый, как лев, ловкий, гибкий и проворный, как тигр, он сумел внушить этим отверженным то уважение, какое всегда вызывает большая физическая сила.

Но это не обошлось без борьбы. В Кайене по сей час еще говорят о необычайном подвиге этого силача, которым он спас себе жизнь.

Спустя всего несколько месяцев по прибытии в колонию ссыльных, он вырвал из рук одного добровольного палача ка-

торги несчастного, над которым тот немилосердно издевался, сделав его своим козлом отпущения.

Мучитель этого несчастного, настоящий колосс, видя, что у него отняли жертву, накинулся на того, кто осмелился выступить на защиту обиженного, и полагал, что ему легко будет справиться с ним. Но Винкельман, схватив его поперек туловища, точно сноп, положил на обе лопатки, перевернул и тотчас же, в присутствии всех товарищей, подверг тому унижительному наказанию, которое в просторечии называется поркой. Эта порка вызвала одобрителный смех присутствующих, которые теперь полностью оказались на его стороне.

В заключение Винкельман сказал своим обычным спокойным голосом:

– Помни, что каждый раз, когда ты посмеешь его тронуть, тебе будет от меня такая же порка! Не забудь этого!

Тогда тот решил ему отомстить. В ту пору каторжане разгружали суда со строевым лесом, доставленным из девственных лесов; бревна эти весят не меньше камня и почти не уступают ему в прочности.

Четверо ссыльных несли на своих плечах бревно, весившее около пятисот килограммов. На одном конце бревна находился ссыльный, так жестоко выпоротый Винкельманом, а последний поддерживал середину бревна, тогда как двое других находились один впереди него, другой позади.

Негодяй заранее подучил их в тот момент, когда он каш-

лянет, сделать вид, будто они споткнулись, и пригнуться таким образом, чтобы бревно всю свою тяжестью легло на одного Винкельмана.

Первая часть этого плана была выполнена тремя негодями в точности по уговору, но, к неопишуемому удивлению всех троих предателей, человек, которого они ожидали увидеть раздавленным под тяжестью бревна, только попрыгнул, изогнулся половчее и, как стальной подъемный кран, не останавливаясь, донес одну страшную тяжесть все двадцать шагов до места складывания. Когда другие товарищи подоспели к нему, чтобы помочь скатить с себя бревно, он презрительно обернулся к своему недругу и только сказал ему:

– Попробуй-ка ты сделать то же самое!

В этом заключалось все его мщение. С тех пор никто уже не смел затрагивать его или вообще беспокоить чем бы то ни было. Ему предоставили волю жить как угодно и перестали даже находить странным, что он не принимал участия ни в попойках, ни в картежничестве, ни в ругани и в более чем двусмысленных рассказах. Мало того, каторжники даже как будто стали питать к нему уважение, если только люди этого сорта вообще способны на подобное чувство. Оно было вызвано в них одним его поступком, который стал известен впоследствии, как вообще узнается все на каторге.

Один из надзирателей, желая знать все, что делается среди ссыльно-каторжных, предложил Винкельману, за известные

льготы и поощрения, служить шпионом. Это предложение возмутило его до глубины души. Сначала вся кровь бросилась ему в лицо, затем разом отхлынула к сердцу, и, сжав до боли обеими руками грудь, он простонал глухим, сдавленным голосом:

– Чтобы я... я стал шпионом... сыщиком... нет, нет, уходите скорей, не то я убью вас... Я за себя не ручаюсь!..

Надзиратель оказался человеком хорошим, он понял возмущение Винкельмана и на другой день, призвав его к себе, извинился перед ним за вчерашнее предложение.

Вскоре после того Винкельман был назначен в колонию Сен-Лоран-дю-Марони в качестве искателя ценных деревьев. Эта командировка, очень желанная для всех ссыльных, дает возможность пользоваться относительной свободой, в том смысле, что каторжанину приходится обследовать громадные участки лесов, отыскивая пригодные для рубки деревья.

Винкельман давно уже лелеял в тайне надежду вернуть себе свободу, и на этот раз случай казался ему благоприятным, так как голландская Гвиана была близко. Он переправился через Марони на плоту и достиг ближайшей колонии.

Но здесь его вскоре задержали голландские солдаты с поста Альбина и водворили обратно в его острог, в силу существующего между двумя правительствами соглашения о выдаче беглецов.

– Бедняга! – невольно воскликнул старший смотритель,

увидев вновь перед собой Винкельмана. Тебе положительно не везет! И подумать только, что мне придется заковать тебя в цепи на два года!

Но спустя шесть месяцев Винкельман был освобожден от этого наказания губернатором за то, что спас жизнь тонувшему пехотному солдату.

Однако не прошло и года, как он вторично пытался бежать, но был задержан и опять предстал перед военным судом, который приговорил его к тому же наказанию.

Он снова был водворен в Кайену, и губернатор, к которому члены совета обратились с ходатайством о помиловании виновного, приказал привести его к себе.

– Дайте мне слово, что вы не будете пытаться бежать, и я тотчас же прикажу снять с вас цепи!

– Не могу я дать вам этого слова, господин губернатор, слово должно быть свято, а это обещание, быть может, и не под силу мне! – отвечал Винкельман.

Тем не менее главнокомандующий Гвианы помиловал его и освободил от наложенного на него наказания. Из чувства признательности за это великодушие властей по отношению к нему, или же за отсутствием благоприятных случаев, неизвестно, но только в продолжение целых восьми лет каторжник не возобновлял своих попыток бежать.

В начале этого рассказа мы видели, при каких условиях в нем вновь пробудилась жажда воли и свободы с еще большей силой, чем прежде.

Винкельман и араб, отправленные Лушем за плодами, долгое время бродили по лесу, не встречая ничего годного в пищу человеку.

Люди вообще охотно воображают, что громадные девственные леса экваториальных стран, где растительность так величественна и так роскошна, изобилуют плодами и ягодами в диком состоянии; что они кишат всякой дичью, что, словом, человек, очутившийся волею судеб в этих лесах, может в продолжение известного времени, если не утопать в излишестве, то во всяком случае не испытывать недостатка в пищевых продуктах. Но это – большая ошибка.

Одинокий человек находится среди девственного леса совершенно в таком же положении, как потерпевший крушение – на плоту среди океана. Плодовые деревья экваториальных стран, о которых так много говорят, в сущности, несколько и ни в чем не превосходят наши плоды, плоды и фрукты умеренной зоны, и никогда не произрастают так, сами собой, в чащах девственных лесов. За исключением лишь весьма редких случаев, эти великолепные деревья, величественные гиганты и могиканы лесов, дающих превосходнейший строительный и корабельный материал, самые ценные мебельные деревья, – не бесплодны, но плоды их совершенно не пригодны в пищу человеку.

Можно еще считать, пожалуй, съедобными некоторые

виды ягод, в большинстве случаев недоступных, так как они растут на недосыгаемой высоте. Добытые с громадным риском они едва пригодны для утоления самого жестокого голода, но отнюдь не для того, чтобы полакомиться ими.

Таковы плоды мамбина, дикого сапотильника, желуди или орешки балата, плод желтолистника, канарника, катука и душистого кедренника и другие.

Еще плоды ягодного лавра, гуявника, манго или мягкоплодника, а главным образом хлебного дерева и банана, могут считаться серьезно съедобными плодами, хотя они собственно не южноамериканского происхождения. Они давно были завезены сюда и прижились, но требуют известного ухода и культуры, чтобы давать съедобные плоды.

Они должны быть возделаны рукой человеческой, и, если встречаются иногда в диком состоянии, то только на заглохших вырубленных местах, где вскоре гибнут от громадного количества растений-паразитов.

Таким образом даже кочевой индеец, несмотря на его невероятную лень, все-таки обзаводится небольшим участком выкорчеванной земли, где сеет и снимает игнам, пата-ты и главным образом маниок, являющийся главной основой его питания и первым оплотом против голода. А если он охотится, чтобы дополнить и разнообразить свою пищу, то не в девственных лесах, а где-нибудь по течению реки и вблизи озер, где в изобилии встречается и рыба, и дичь. Кроме того, там, где индеец, с присущей первобытному человеку изуми-

тельной выдержкой и знанием природы, умеет разыскать и выследить зверя, цивилизованный человек никогда не нападет на его следы и всегда вернется с пустыми руками.

Встретить черепаху будет уже великой находкой. Что же касается птиц, хокко, туканов, агами, куропаток и других, то о них и думать нечего, если, кроме превосходного оружия, нет еще и основательного знания всех приемов этих чрезвычайно трудных охот. Точно так же трудно ему найти и оленьей, коз, кариаку, пекари, агути или простых тату или армадилов. Эти звери также не находят себе пропитания в девственных лесах, а обыкновенно держатся вблизи больших прогалин, саванн или рек, где растительность видоизменяется от отсутствия гигантских деревьев.

Вот почему наши двое посланных, поискав и насобирав кое-каких жалких, едва съедобных ягод и вдоволь надсадив спины в поисках очень неприглядных на вид, но чрезвычайно вкусных гуан (ящериц), невольно вскрикнули от радости при виде пальмы средней величины со стройным стволом.

– А-а, вот патауа! – воскликнул Шоколад, – теперь мы покушаем капустки... Теперь с голоду не умрем! – и, не долго думая, он принялся рубить своим палашом ствол, плотные и крепкие волокна которого не поддавались даже острому клинку.

Между тем как бедняга с нечеловеческим усилием рубил ствол пальмы, скажем несколько слов относительно этой съедобной части ее, называемой почему-то нашими натурали-

стами «пальмовой капустой» и описанной ими так, что у людей слюнки текут, когда они читают о ней. Но в сущности это вовсе не так. Слово «капуста», которым называют верхние побеги арековой пальмы, марипы, или патауа, как нельзя менее соответствует внешнему виду этого побега.

Вообразите желтоватую, цвета слоновой кости, массу, обладающую плотностью свежего миндаля, имеющую цилиндрическую форму, толщиной с предплечье человеческой руки, и достигающую длины одного метра и более. Этот мясистый цилиндр заключен в оболочку из листьев, венчающих вершину пальмы.

Трудно себе представить что-нибудь менее похожее на капусту, чем это странное вещество, состоящее из коротких волокон, хрустящее, почти совершенно безвкусное, которым, конечно, можно наполнить желудок голодающего, но совсем не полакомиться.

Как бы то ни было, не имея ничего другого под рукой, наши искатели плодов отдали должное этому угощению, добыть которое было так неимоверно трудно. К довершению беды, когда они вздумали вернуться в лагерь, то оказалось, что сбились с пути. А так как провести ночь одним в лесу не представлялось для них чем-то особенно ужасным, то они легко примирились с этим обстоятельством, и, расположившись на ложе из обрубленных Шоколадом листьев пальмы, заснули крепким сном.

На другое утро, как только рассвело, старый искатель де-

ревьев, которому только наступление ночи помешало разобраться в пути, очень скоро напал на свой след. Немного сконфуженные, Шоколад и араб вернулись в лагерь, как охотники с неудачной охоты, опасаясь, чтобы их неудача не отразилась на общем состоянии припасов маленького отряда.

Но, против своего ожидания, они застали лагерь в самом радостном настроении, и, – неужели это только воображение? – им показалось, что слышен вкусный запах жареного мяса, приятно щекочущий их обоняние!

– Ну же, вы, увальни! – весело приветствовал их Луш. – Присаживайтесь к компании... У нас есть свеженькое мясо да еще вволю! Есть чем набить брюхо!

– Слава Богу, – проговорил Шоколад, подсаживаясь к товарищам, – нам двойная порция не повредит: мы проработали впустую... Со вчерашнего дня мы не нашли ровно ничего, кроме пальмовой капусты... Да, кстати, что это вы едите? Какое мясо?

– Печенка, приятель, печенка! – отозвался Геркулес, поджаривая над красными угольями кусок печенки, насаженный на длинную трость.

– Да еще какая печенка-то! – похвалил Красный. – Вот несчастье-то, что нет у нас здесь луку да кастрюльки, а то бы мы приготовили знатное блюдо!

– Печенка? Чья печенка?

– Да козья, а то чья же?

– Не может быть?!

– Да я же тебе говорю! Ешь, что тут долго рассуждать!.. А я тебе кое-что расскажу, пока ты будешь есть. Представь себе: вчера, в то время, как мы ловили на реке ракушек и крабов, прямо на нас выбегает дикая коза, очевидно, преследуемая кем-то, но кем, я не знаю, да и какое мне дело! Выбегает на нас и кидается в реку. Мы ныряем по самые уши, чтобы схватить ее за ноги, как вдруг бедное животное, истекающее кровью, жалобно вскрикивает два раза и начинает тонуть. Ты понимаешь, что мы не зевали: тотчас же схватили ее, вытащили на берег, прикололи и приволокли сюда, после чего каждый отвоевал себе хороший кусочек!

– Да, дело важное! – сказал Шоколад, переворачивая над огнем свой кусок печенки, чтобы он поджарился и с другого бока. – А где же Нотариус?

– Ах, да ты ведь и не знаешь... бедняга...

– Что?.. Разве с ним что случилось?

– Да, тяжело видеть, как гибнет один из своих, и быть не в состоянии помочь ему!

– Он, правда, был несколько размазня... но я все-таки привязался к нему...

– Нотариус был недурной парень! – заметил Красный с набитым ртом, с наслаждением пожирая свою порцию.

– Да говори же ты, что с ним случилось! – воскликнул Шоколад, у которого в уме вдруг зародилось ужасное подозрение.

– Да вот плескался это он вчера в реке, и вдруг его ударил электрический угорь, да так, что он тут же едва только успел вскрикнуть и ушел в тину!

Но этот рассказ, эта грубая басня не могла провести Шоколада, который порывисто вскочил на ноги, весь побледнев от ужаса. Он видел развешенные на дереве куски кровавого мяса, из которого были удалены кости и содрана кожа; он ни в одном из них не мог признать частей четвероногого животного, хотя все эти куски были бесформенны.

Вдруг все ему стало ясно, и правда встала у него перед глазами во всем ужасе.

– Так то, что вы хотели заставить меня есть... человеческое мясо! – воскликнул он прерывающимся голосом, бросив в огонь кусок, который уже готов был поднести ко рту, – ... человеческое мясо!

Глава IV

Запутавшийся якорь. – Ныряние. – Спасение. – Экипаж вижилинги. – Хозяин. – Плохое оправдание. – Устье Арагуари. – В ожидании пророки. – Река Амазонка. – Необходимые предосторожности. – Что такое пророка. – Ее причина. – Ее длительность. – Ее проявление. – Ее действие. – Три громадных вала. – Маленькое судно. – Вперед! – Видоизменение почвы и растительности. – Флотилия. – Жилище. – Счастливая семья!

– Подымай якорь!.. Да подымай же, говорят тебе!

– Не идет, господин... никак не поддается... видно, запутался.

– Сдай канат!

– Я только что сдал целых три!

– Ну и что?

– Якорь идет вниз, затем снова идет кверху и останавливается, вероятно, он зацепился между ветвями затонувшего дерева.

– Черт побери! Но нам во что бы то ни стало надо сняться и уходить... Надо воспользоваться приливом и укрыть нашу вижилингу в «надежду»⁴ Робинзона; иначе нас неминуемо изломает в щепки пророка!

⁴ «Надеждами» называются маленькие бухточки, защищенные от пророки, где судно может укрыться от водоворотов.

– Да, но в таком случае, чтобы сойти с места, остается только перерубить канат.

– Но это наш последний якорь! Как же нам быть сегодня вечером, если мы вздумаем пристать где-нибудь, и у нас не будет якоря?.. Нет, пожертвовать якорем никак нельзя... Нырни!

– Господин, разве вы хотите моей смерти? Ведь здесь кишмя кишат гимноты!

– Трусишка!

– Будь это там, в нашем Марони, я бы ничего не сказал. Вот посмотрите, как наш рулевой тапуй⁵ пожимает плечами и с видимым беспокойством и тревогой вдыхает в себя воздух с моря!

– Ну, а ты, Пиражиба, нырнешь наконец хоть для того, чтобы доказать, что ты достоин своего имени? (Пиражиба означает рыбий плавник на языке тупи).

Но молодой индеец остался неподвижен, как статуя из красного порфира, и не ответил ни слова.

Легкая краска залила лицо человека, командующего судном с Амазонки, но он сдержался.

– Я дам тебе горсть табака... связку сушеной рыбы... и дамижан (большую бутылъ) тафии!

Слово «тафия» производит на индейца магическое действие, словно какой-то талисман: он мгновенно выходит из своего столбняка.

⁵ Тапуй – цивилизованный индеец с низовьев Амазонки.

– Эста бом (это хорошо)! – говорит он по-португальски своим красивым гортанным голосом, не прибавив ни слова, перекидывает ногу через борт, хватается за канат и, кинувшись головой вниз, мгновенно исчезает под водой.

Вскоре он снова появляется на поверхности и на наречии, на котором говорят все индейцы тропической полосы Южной Америки, говорит:

– Негр сказал правду: якорь зацепился между разветвлениями громадного железного дерева!

– Ну, так что же?

– И сам мой сородич Табира (Железная Рука) не мог бы высвободить его!

– Ну, я вижу, что на вас нечего рассчитывать. Все вы трусы и лентяи... постараюсь обойтись без вас, раз вы не понимаете, что ваша непреодолимая лень может привести всех нас к гибели. И чем дольше мы будем откладывать, тем труднее будет освободить якорь!

Действительно, прилив быстро надвигался. Со всех сторон, кружась и вертясь, нахлынули обломки деревьев и растительные отбросы, уносимые течением Амазонки на целых сорок километров в море и возвращающиеся обратным течением; громадные, с корнем вырванные деревья, подмытые водой, влачащие за собой свой тяжелый убор цепких лиан, целые мели тростника, огромные корни, похожие на панцирь черепахи или крокодила, колоссальные неподвижные листья, блестящие, как лакированные подносы или металли-

ческие щиты, цветы, издающие странный запах, не то аромат, не то яд.

Рассвело разом, внезапно как-то всплыло вдруг солнце, пылающее, как раскаленный шар, как огонь в кузнице, над деревьями, косматые вершины которых образуют вдали сплошную стену зелени. Гуарибы, или ревуны прервали свой отвратительный рев; белые цапли перламутровыми пятнами испещряли бледную зелень корнепусков. Розовые ибисы и фламинго весело купались в солнечных лучах; деканы целыми стаями поднялись в воздух; одинокие желтобрюхие конкромы погружали свои длинные клювы между корнями корнепусков, отыскивая себе утреннюю поживу.

Но молодой человек на судне, вероятно, хорошо знакомый с этой картиной, не достаивал ее внимания: его заботила участь маленького судна.

Этот молодой человек был чистокровный белый, в расцвете сил и лет, то есть тридцати двух или тридцати четырех, брюнет, с черными глазами, смуглым или, вернее, загорелым цветом лица, с красивыми правильными чертами, дышащими энергией и решимостью и выражением недюжинного ума.

Одетый в простую синюю матросскую куртку и широкие белые шаровары, обутый в кожаные сапоги, с широкополой соломенной шляпой на голове, он стоял некоторое время, облокотясь на борт своей вижилинги, пока его люди возились с якорным канатом.

Эта вижилинга – красивая лоцманская лодка, вместимо-

стью в двенадцать тонн, несущая две мачты, с оснасткой го-лета и парусами, окрашенными в рыжий цвет и в настоящий момент убранными. Построена она была из итаубы, знамени-того «каменного дерева», не гниющего и обладающего проч-ностью гранита.

Такое судно, несмотря на свое незначительное водоизме-щение, хорошо прокопченное, с хорошей оснасткой, плот-ной палубой, тщательно закрытыми люками, может выйти и в открытое море или же держаться у илистых берегов и, при случае, вынести даже бешеный шквал или проророку.

В данный момент его нос, с которого спускался якорный канат, был обращен к океану, тогда как корма стояла почти в устье широкой реки, впадающей в крайнюю северную часть устья Амазонки.

Приняв быстрое решение, молодой человек проворно скинул с себя куртку, засучил панталоны до колен, привя-зал вокруг пояса канат, равный, приблизительно, по длине якорному канату, и, вскочив на борт, бросился головой вниз в воду.

Все шесть человек экипажа вижилинги (четверо черноко-жих и два индейца) взглянули на желтоватую воду, где там и сям виднелись водовороты, образовавшие глубокие ворон-ки, и ожидали скорее с любопытством, чем с тревогой, по-явления своего господина на поверхности реки.

Прошло довольно много времени, когда тот вдруг появил-ся над водой и затем с проворством, свидетельствовавшим

о необычайной силе, поднявшись на руках, взобрался на палубу с быстротой кошки.

– Ну, господин, если вы не смогли, то и человек, который сильнее майпури (тапира), тоже не смог бы! – осклабясь, произнес один из негров, до сего времени не раскрывавший рта.

– Молчите, бездельники!.. Мне стыдно за ваше малодушие. Я никак не ожидал этого от вас, негров бони, привезенных моими добрыми друзьями Ломи и Башелико!

– О, господин, не брани нас! Мы, бони, смелые парни у себя на Марони, но становимся более вялыми, чем кули, когда переходим на Арагуари.

– Ну, ну... Я знаю, что вы найдете столько же отговорок, сколько угорь норок.

– Убирать нам канат?

– Нет! – коротко ответил молодой человек, укрепляя вокруг ворота, которым поднимают якоря, верхний конец каната, другой конец которого был обвязан у него вокруг пояса, а теперь остался в воде.

Между тем начался прилив. Нос вижилинги, повинуясь якорю, начал погружаться в воду. Но неукротимый молодой капитан не смутился.

– Эй, ребята, – крикнул он, – к вороту, и дружнее!

– Но, господин, мы идем ко дну! – плаксиво проговорил один из негров.

– Молчи, говорят тебе, и приналяг, не жалея сил!

И вот под двойным усилием прилива и ворота вижилинга все больше и больше стала зарываться носом в мутные воды реки; наклон ее становился угрожающим. При малейшем волнении ее бы залило, но водная поверхность была спокойна, как зеркало. Однако, еще немного, – и вода дошла до клюзов.

Несмотря на свое невозмутимое спокойствие и присутствие духа, молодой человек начал испытывать некоторое опасение. Быть может, он все-таки решился бы обрубить оба каната, прикрепленные к якорю. Вдруг по судну пробежала страшная дрожь, от которой мачты затрещали и содрогнулись от основания до вершины.

– Наконец-то! – воскликнул про себя молодой командир судна. – Если якорный канат и тот, другой, который я прикрепил к якорному кольцу, выдержат и не порвутся, как бечевки, то мы снялись, и якорь спасен!

И действительно, почти в тот же момент вижилинга выпрямилась, и люди у ворота, не чувствуя более сопротивления, бегом стали ворочать его. Вскоре спасенный смелым маневром молодого капитана якорь показался над поверхностью.

– Ну, Пиражиба, друг мой, теперь вернись к своему рулю, – обратился капитан к индейцу, который до сего времени не шелохнулся, тогда как чернокожие, поняв, наконец, что их господин нырял, чтобы укрепить к якорю второй канат,

теперь шумно восхищались его подвигом и его блестящим результатом.

– Правь вдоль Пунта-Гросса, обогни Фуру-Грандэ и затем держи на надежду Робинзона! Надо во что бы то ни стало достигнуть ее прежде отлива! Понимаешь?

Маленькое судно, находившееся в этот момент близ 52 градуса 18 минут западной долготы и 1 градус 24 минуты северной широты, устремилось вместе с приливом прямо в устье Арагуари. Ее называют еще и Винсент-Пинсон, именем знаменитого испанского мореплавателя, сотоварища Христофора Колумба.

Арагуари течет с юго-востока на северо-запад через территорию, давно уже оспариваемую и Францией и Бразилией. Навигация по Арагуари сначала кажется затруднительной, вследствие глубоких омутов, перевалов и частых изменений дна, периодически производимых проророкой. Тем не менее хорошо и прочно построенное судно, управляемое искусной и привычной рукой, может беспрепятственно совершать это плавание в пору больших, то есть сильных приливов.

В сущности затруднения вызывает не недостаток воды для глубоко сидящего судна; нет, глубина везде достаточна, особенно, если принять во внимание, что разница уровня во время прилива и отлива может достигать между островом Марака и Гвианским берегом колоссальной цифры – шестнадцати и семнадцати метров в пору сильных приливов.

Эти приливы получили у туземцев название проророка; слово звукоподражательное тому грозному рокоту, с каким океанские волны устремляются в устье и в реку.

Этот своеобразный феномен, аналогичный с подобными же явлениями на Сене и Жиронде, но в несравненно более грандиозных размерах, вследствие громадного количества воды, поступающей из Амазонки, происходит регулярно в течение трех суток, предшествующих полнолунию и новолунию. В эту пору море, прорвавшись через преграду, какую являются впадающие в него воды реки, вдруг, высоко вздымаясь, встает отвесной стеной и, отесняя воды реки, гонит их против течения, напирает на них с такой силой, что в какие-нибудь пять минут заливаает все устье, вместо того чтобы постепенно вливаться в него в течение шести часов.

Несколько точных цифр дадут читателю наглядное представление о мощи этого феномена в тот момент, когда океан с непреодолимой силой устремляется на приступ гигантской реки.

Русло Амазонки, если не считать незначительных извилин в верхней ее части, имеет около 5000 километров протяжения. Ширина этой реки не менее поразительна. У Таба-тинга, лежащего на расстоянии свыше 3000 километров от Атлантического океана, ширина ее достигает 2500 метров. При впадении в нее Мадейры, в 5 километрах ниже Санта-рема и в 500 километрах от моря, она уже достигает 16 километров. Наконец, устье верхнего рукава, между Макана,

маленькой бразильской крепостью, и берегом острова Мараджо, лежащего между двумя рукавами русла Амазонки и имеющего 500 километров окружности, равняется уже 80 километрам, тогда как главное устье, между Пунта-Громма и мысом Лагоари имеет свыше 200 километров ширины.

Глубина, часто меняющаяся, тем не менее всегда весьма значительна в устье. Она достигает 185 метров, а в среднем колеблется между 75 и 100 метрами на всем протяжении реки, так что количество воды, приносимое ею в океан, исчисляется 100000 кубических метров в секунду.

Прилив доходит до 1000 километров вверх по течению и вздымает воды всех притоков, находящихся в этой области, так что Токантин, в числе других, вздымается на расстоянии 160 километров от своего слияния с Амазонкой, то есть своего впадения в эту реку.

Теперь возвратимся к вижилинге, о которой шла речь и которой предстояло, по словам ее капитана, в самом непродолжительном времени выдержать этот страшный напор воды. Оба паруса маленького судна были подняты, и теперь оно несло под обоюдным напором ветра и прилива с тем красиво-горделивым видом, который присущ преимущественно голетам.

Рулевой, как человек, знающий свое дело, уверенной рукой направлял судно между илистыми мелями, островками и клочьями ила, плавающими по реке. Его господин, растянувшись у мачты, под горизонтально натянутым парусино-

вым навесом, благодушно курил сигару, а взор его рассеянно блуждал по чудной прибрежной растительности, на извилинах, подступавших совсем близко к корме.

Время от времени, благодаря капризу растительности, сплошная линия корнепусков прерывалась, и на небольших возвышенностях вырастали перед глазами путешественника красавицы-пальмы с великолепными громадными листьями, длиною в пять метров, под грациозной кроной, венчающей стройный ствол. Четыре или пять различных видов лавров, достигающих очень значительной вышины, каштановые деревья и несколько каучуковых деревьев дополняли разнообразие картины.

Местами, когда судно подходило близко к берегам, его стройный корпус почти задевал рощицы муку-муку, изящных растений гигантских размеров, с гибкими стеблями и громадными блестяще-зелеными листьями, похожими на листья камелий. Подле них виднелись геликонии с прелестными пурпурными цветами, маранты, канны и арумы с их мясистым стволом. Большие купы береговых бамбуков составляли бледно-зеленый фон для этой красивой картины, а за ней снова тянулось до бесконечности непроходимое сплетение корней корнепусков.

Тем временем действие прилива становилось все менее и менее ощутимым. Через минуту прибывь воды должна была совершенно прекратиться, затем вода начнет сбывать, отходить обратно в море. Но молодой капитан не стал дожидаться

даться этого момента, чтобы принять все необходимые меры предосторожности против надвигающейся проророки.

Впрочем, времени было еще достаточно, так как громадный подъем вод Амазонки должен был произойти не ранее, как через шесть часов.

Вдруг негр, сидевший на корточках на носу, радостно вскрикнул:

– Господин, надежда!..

Рулевой налег на руль, – вижилинга послушно свернула к левому берегу и вошла в маленькую, но глубокую бухточку, защищенную выступом врезающегося в реку почти на пятьдесят метров мыса.

– Бросай якорь! – скомандовал капитан.

Якорь, укрепленный на двух канатах, моментально упал на дно и сразу зацепился за него. Затем убрали паруса, осмотрели мачты во всех скрепах и все, что на Палубе могло быть смыто водой, поспешили убрать. Все клюзы и люки тщательно закрывали; даже сами люди, из опасения быть снесенными волной, готовили веревки и канаты, чтобы в момент близкой опасности привязать себя к чему-нибудь. Маленькую бортовую шлюпку подняли на палубу, опрокинула вверх дном и плотно пришвартовали к судну.

Корма судна осталась обращенною в сторону моря, чтобы повернуть ее при убыли воды и таким образом устоять против гигантского вала в тот момент, когда он с быстротой урагана, словно смерч, налетит с моря. Якорные канаты бы-

ли отпущены на столько, чтобы их могло хватить с избытком на всю высоту вала, принимая в расчет его максимальный подъем. Эта предосторожность совершенно необходима, так как иначе судно могло разом пойти ко дну в случае, если бы якорь зацепился и не мог высвободиться сразу, как это только что случилось в устье реки. На этот раз не хватило бы времени ни предпринять что-либо, ни сдать якорный канат, ни даже перерубить его: с такой неудержимой силой налетает пророка и с такой головокружительной быстротой сокрушает она все на своем пути.

Наконец, все было готово, оставалось только ждать. Роковая минута близилась.

Вскоре со стороны океана, как будто из самых его недр, донесся глухой шум, точно отдаленный гром, смешанный со свистом урагана.

Но вот глухой шум этот растет, становится звучным, грозным, оглушительным. Вдали появляется гряда пенистых гребней волн и все растет и растет от северного мыса до берегов Мараджо. Под этими пенистыми гребнями вдруг встает громадный вал, вышиною в семь метров, встает как-то сразу, совершенно прямой и отвесный, как стена, и устремляется на приступ реки, разбивается о Пунта-Гросса, вырывается на равнину и разлетается в воздухе тысячами водяных снопов из алмазных брызг и пены, с оглушительным шумом страшного водопада.

Все это совершается внезапно, мгновенно, как взрыв.

Про-ро-ро-ка! Теперь только можно вполне оценить точность названия, данного этому явлению индейцами. Это слово звукоподражательное, какие иногда, и не редко, встречаются в примитивных наречиях: первые три слога изображают рокот, с каким громадный вал несется вперед, а последний – звук разбивающихся на берегу всесокрушающих вод. Этот бешеный вал несется и между островами. Страшный, сдавленный в проливах, слишком тесных для него, он как будто еще более свирепеет перед преградами, разрывает берега проливов, мчится по отмелям, врывается на сушу и, потрясая своей белой пенистой гривой, развевающейся по ветру, точно снежная метель, с еще большим бешенством обрушивается на скалы, которые как будто обращает в брызги, на острова и островки, совершенно затопляемые им, на кусты, которые он поглощает или вырывает с корнем и крутя уносит за собой, равно как и громадные стволы и пни, вырванные с корнями.

Ничто не в силах остановить этот вал или преградить ему путь. Вековые деревья он увлекает за собой, вращая и швыряя их, как щепки; осколки скал и громадные глыбы земли, оторванные от берегов со всей своей растительностью, вертятся, мчатся и поглощаются валом на его пути.

Но мало-помалу отдаленный шум ослабевает; прибрежные кусты и деревья появляются над водой; вода начинает сбывать, как будто она уходит в землю; течение становится менее стремительным. На поверхности мутно-желтых вод

остаётся только пелена белой пены, смешанной с листьями, цветами, разными обрывками и обломками; река ещё не спокойна, она все ещё как будто вздрагивает, как вода в котле, только что переставшем кипеть.

Море успокаивается, когда вдруг вдали снова возникает глухой шум второго вала. Он несётся так же, как и первый, но не столь уже грозный, не столь высокий, не столь бешеный; но зато несётся быстрее первого, стремительнее его и уносит за собой ещё больше ветвей, кустов, деревьев и корней, ещё больше всяких обломков и пены. Третий вал ещё слабее.

Наконец, все кончается. Море, которое с минуту тому назад было грозным, теперь расстилается, как зеркало.

Весь феномен продолжается обыкновенно около пяти минут.

Человек, который с какой-нибудь возвышенной, недоступной для воды точки присутствовал бы при этом чудесном зрелище, мог бы вообразить, что после этого все живое должно погибнуть и исчезнуть с лица земли. Между тем, где силы природы побеждены, там, бесконечно малое, атом, затерянный среди катаклизма, остаётся невредим и продолжает жить.

То же самое мы видим на маленьком судне, которое мы оставили лицом к валу, вздымающемуся отвесною стеной на высоту семи метров и протяженностью в пятьдесят лье.

Течение Арагуари, почти параллельно течению Амазон-

ки, и устье сливается с устьем последней.

Как мы уже говорили, она также подвержена проророке, и на столько, что на протяжении тридцати лье река прорывает и изменяет свое русло в такой степени, что даже само направление ее меняется.

Но, благодаря принятым предосторожностям, благодаря также занимаемому ею в маленькой бухточке положению, вижилинга не только могла безнаказанно вынести этот страшный прилив, а даже и воспользоваться им для продолжения своего пути.

Напор первого вала, сильно умеренный, если не совершенно задержанный выдающимся в реку мысом, защищающим бухту, все-таки мигом поднял маленькое судно на семь метров высоты, и, конечно, оно было бы разбито в щепки, если бы якорь, спущенный на двойном канате, не удержал его на месте. Внезапно удержанная на месте в тот момент, когда, подхваченная валом, она должна была быть унесена и поглощена им, маленькая вижилинга вздрогнула, затрещала; завертелась, но осталась на месте. Гетоба, каменное дерево с берегов Амазонки, еще раз подтвердило свою заслуженную репутацию. Люди, надежно привязанные к мачтам и бортам, без страха встретили холодный душ, образованный валом, который затем понесся по течению, теряясь вдали. Второй вал унес за собой часть мыса, которая исчезла бесследно в одно мгновение. Третьего вала маленькое судно не только не опасалось, но еще, напротив, рассчитывало воспользоваться

им, чтобы ускорить свое плавание.

В мгновение, когда этот третий вал поднял вижилингу, рулевой, получивший заранее распоряжение, сильно поворачивает руль. Судно, не будучи более носом против вала, разом поворачивается. Капитан, стоявший наготове, двумя сильными ударами сабли перерубил оба якорные каната, не заботясь более о ставшем бесполезным якорю.

– У нас нет времени поднять якорь; да и кроме того, мы всегда можем вернуться за ним впоследствии, во время отлива! – пробормотал про себя капитан.

А вижилинга, повернувшись полным оборотом, понеслась вверх по течению вместе с приливом третьего вала с поразительной быстротой.

В несколько минут подняли паруса, – и быстрота хода маленького судна усилилась еще больше, благодаря не переставшему дуть сильному восточному ветру.

Быстрота хода доходила до 18 километров в час. Наконец, с наступлением ночи, успев оставить за собой более десяти километров, судно остановилось, а на другой день с рассветом снова пустилось в путь.

За это время берега реки уже существенно изменились. Болотистые отмели, поросшие корнепусками, начали исчезать. «Лихорадочные» деревья, которым необходима солоноватая вода, стали попадаться все реже и реже. Сюда прилив с моря уже не доходил.

Арагуари мало-помалу суживалась, но зато становилась

глубже, а главное, светлее и прозрачнее. Далее она текла между небольшими холмами – миниатюрными отрогами горной цепи, еще весьма отдаленной.

Воздух здесь более чистый и свежий, но вместе с тем и более резкий, не переполнен целыми тучами невидимых для глаза насекомых, опасных носителей лихорадок. Легкие дышат свободнее, кровь обращается правильнее, и если в течение дня зной еще очень силен, то нельзя же себе представить, чтобы под первым градусом северной параллели, то есть в 111 километрах от экватора, было еще сверх всего и прохладно.

Только те, кто бывал в удушливой атмосфере, насыщенной водяными парами, царящей под непроницаемыми сводами девственных лесов или нависшей в виде тяжелого тумана над реками, окаймленными гигантскими деревьями, могут вполне оценить, какое опьяняющее действие испытывает человек, вдыхая в себя этот живительный воздух.

Между тем вижилинга, после нескольких часов плавания, очутилась перед природной маленькой гаванью, преобразованной, однако, руками человека. В ней стояло несколько судов разного типа, самой разнообразной величины и размеров.

Тут были и коберты в 15–20 тонн, короткие, широкие, низкие и массивные, как китайские джонки, род плавучего дома, где целая семья проводит всю свою жизнь; затем три эгарита, или речных судна, крытых соломенными кровлями;

четыре или пять уба, длиною в 4, 6 и 10 метров, стройные и тонкие, выдолбленные из одного ствола, и, наконец, превосходный паровой катер, окрашенный в светло-серый цвет, на корме которого золотыми буквами выделялось название «Робинзон». Машина его была защищена тентом из непромокаемой парусины.

Широкая аллея, обсаженная бананами, чередующимися с превосходными манговыми деревьями, вела к этой маленькой гавани, а другим концом упиралась прямо в громадную рощу самых разнообразных деревьев, среди которых скорее угадывалась, чем виднелась обширная усадьба.

Молодой капитан вижилинги, отдав необходимые приказания экипажу и убедившись в надежности причалов, проворно соскочил на берег и крупными шагами зашагал по аллее. Двое или трое негров с корзинами на головах, заметив его, пустились бежать, как зайцы в поле, очевидно, с радостным намерением возвестить в доме о его возвращении.

Действительно, издали уже донеслись радостные возгласы, и четверо детей, двое довольно больших мальчуганов и две прелестных маленьких девочки, с громким криком: «Папа! Это папа!» – кинулись навстречу капитану.

За ними спешила такая же обрадованная и такая же, как они, возбужденная красивая высокая молодая женщина с золотистыми волосами и голубыми глазами, лицо которой дышало счастьем и здоровьем.

– Шарль!

– Мери!

И молодой капитан с лихорадочной, почти конвульсивной нежностью стал обнимать и прижимать к себе взволнованную женщину и детей, всю эту милую группу из белокурых и чернокудрых головок. Счастливая семья медленно направилась к дому, разговаривая, расспрашивая, засыпая друг друга вопросами и возгласами.

Глава V

Изгнанник 1851 года. – «Беглецы в Гвиане». – Новые проекты колонизации. – Голет «Люси-Мари». – В путь к спорной территории. – Экваториальное течение Атлантического океана. – Свойства и образование почвы. – Скотовод и серингуеро. – Колонизаторы Арагуари. – Шесть лет спустя. – Жилище искателя каучука. – Неожиданность. – Полезное и приятное. – Полное счастье. – По случаю газет и журналов, прибывших из Европы. – Предчувствия. – Закон о наследовании. – Беспокойства и тревоги. – Удар грома. – Пожар и убийство.

Государственный переворот в декабре 1851 года для Шарля Робена, парижанина, молодого инженера, означал конец карьеры. Усердный работник, умница, честнейший и благороднейший человек, Робен, верный своим убеждениям, боролся против узурпатора до конца.

Тяжело раненный на той самой баррикаде, где Бодэн пал геройской смертью, он каким-то чудом оправился от своих ран, предстал перед смешанной комиссией и был сослан в Кайену после бутафорского суда.

Этот приговор был тем более бессовестен, что у молодого инженера оставалась молодая жена и четверо сыновей, из которых старшему было всего десять лет.

В одном из предыдущих наших романов⁶, мы уже говорили, как после невероятных трудов и усилий в продолжение многих лет эта работающая семья сумела, наконец, окончательно устроиться в Гвианской колонии и приобрести благосостояние, близкое к богатству.

У нас нет здесь ни времени, ни места, чтобы пересказать хотя бы в общих чертах, каким образом изгнанник вернул себе свободу, описать драматический приезд в колонию его жены и детей, их встречу на одном из островков Марони, нужду, лишения и ужасы, пережитые ими в первое время.

Все это любознательный читатель найдет в «Беглецах в Гвиане», причем все описанные там приключения совсем не вымышленные, как бы можно было подумать, а совершенно точный и правдивый рассказ, материалы которого собраны автором на месте, где жили, страдали и трудились эти люди. Там читатель увидит, как эти Робинзоны, поначалу изыскивавшие себе только средства пропитания, затем стали искателями золота, потом скотоводами, а впоследствии, при содействии нескольких чернокожих, в каких-нибудь шестнадцать лет приобрели великолепное поместье. Они блистательно доказали, насколько несправедливы наши европейские предрассудки, не позволяющие видеть в этой прекрасной колонии ничего, кроме ямы для преступников. Читатель узнает, каким образом сыновья ссыльного, став взрослыми

⁶ «Беглецы в Гвиане».

мужчинами, под руководством своего наставника и пользуясь всем, что дала современная наука, увеличили свое состояние. Двое из них, старший Генрих и младший Шарль, женились на двух сиротках английского происхождения, потерпевших крушение в этих местах, а двое остальных братьев, Евгений и Эдмонд, отправились в Европу, чтобы усовершенствовать свое образование, первоначально данное им отцом.

Здесь уже начинается рассказ о приключениях «Искателей каучука», который таким образом может считаться продолжением истории «Беглецов в Гвиане».

Как ни был обширен их дом и поместье, вскоре, однако, плантация «Бонн-Мэр» («Добрая Матушка»), основанная на Марони, немного повыше быстрин, известных под именем «Прыжка Петер-Сунгу», стала тесна для трудолюбивых колонизаторов. Не то, чтобы появление новых лиц в семье в чем-либо изменило ее взаимоотношения или вызвало какие-нибудь столкновения или недоразумения. Напротив, обе молоденькие англичаночки, Люси и Мери Броун, простые, милые, любящие и нежные, очутившись в атмосфере тесной дружной семьи, всецело отдали себя своим приемным родителям, привязались к ним всем своим существом, со всею искренностью и пылкостью молодых сердец, уже успевших изведать горе. Смелые и сильные, эти девушки, с детства привыкшие встречать жизнь и опасность лицом к лицу, сумели, сохранив всю очаровательную грацию женщины, стать вме-

сте с тем отважными и мужественными женами молодых колонизаторов.

Но вот стали появляться на свет дети. Ресурсов плантации по-прежнему продолжало хватать на всех. Она доставляла весь комфорт и удобства колониальной широкой жизни, о которых мы, жители цивилизованных стран, втиснутые в тесные рамки европейской жизни, не имеем даже представления. Тем не менее сыновья инженера, став в свою очередь отцами семейств, более не находили достаточно просторного поля для своей деятельности в пределах отцовского поместья, не находили также полного удовлетворения своему личному самолюбию и применению своей личной инициативы.

Их родоначальник, обладавший самыми рациональными взглядами и давно выработанными планами по благоустройству и обновлению колонии, сам был того мнения, что в интересах национальной колонизации следовало попытаться привить культуру где-нибудь еще в другом месте, чтобы убедиться, не удастся ли сделать и там то же самое, что было сделано им в верховьях Марони.

– Почему бы, например, не основать в южной части нашей французской колонии, – говорил он, – столь плодородной и тем не менее столь заброшенной, такую же ферму, как наша, и поручить заведывание ею совершенно самостоятельно одному из наших молодых хозяев?

В этом не было ничего особенно рискованного, принимая

во внимание все имеющиеся теперь средства для новой колонизации – людей, скот, запасы, инвентарь и деньги.

Вопрос этот был всесторонне обсужден, план будущей фермы основательно обдуман, и, после долгого взвешивания всех возможных обстоятельств, Шарль, младший из сыновей, заявил, что он готов отправиться на исследование местности для нового поселка.

– Я намерен, если вы ничего против не имеете, говорил он, обращаясь к остальным членам семьи, собравшимся на совет, – исследовать прежде всего местность Ойапокка, хотя и не надеюсь найти вблизи от этой реки место, которое мы пожелали бы избрать. Но я хочу это сделать скорее ради личного удовлетворения. Я сильно сомневаюсь, что наше колониальное правительство предприняло все необходимое для дальнейшей колонизации, и хочу это проверить. Покончив со своими исследованиями, я рассчитываю спуститься на юг, по одной из больших рек и проникнуть в самую глубь спорной территории!

– Хвалю, сын мой! – воскликнул старый инженер, которого и старость не могла состарить. – Твое решение является осуществлением одного из моих заветных желаний, и так как еще не поздно, и годы мои еще не слишком тяготят меня, то я присоединюсь к твоей экспедиции, в качестве добровольца.

– Нет, отец, будь ты предводителем и главой ее, прошу тебя! Могу ли я желать себе лучшего, более надежного и более опытного руководителя, наставника и учителя, чем ты?!

– Нет, нет! Я уже давным-давно предоставил моим сыновьям главную инициативу с тем, чтобы при случае они могли проявить себя и выказать надлежащее знание, ум и энергию. Итак, решено: я – твой пассажир, а Ангоссо будет твоим боцманом. Не правда ли, старый друг? – ласково добавил он, обращаясь к старому негру атлетического сложения, сидевшему тут же в сторонке и занятому плетением гамака для кого-то из детей.

– Я рад ехать куда угодно с маленьким господином Шарлем! – весело отозвался старик.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь! Мы, недолго думая, начнем собираться в путь и готовить голет «Люси-Мари» в дальнее плавание. Отобрав лучших матросов из числа наших людей, мы снимемся с якоря и двинемся на Арагуари!

– Значит, вы отказались от мысли об Ойапокке?

– Да, покуда; если только ты не настаиваешь на том, чтобы исследовать его немедленно, отец!

– Я, видишь ли, дитя мое, хотел бы исследовать эту страну, о которой некоторые путешественники рассказывали столько чудес, а наши современные исследователи, насколько мне известно, не сочли нужным посетить!

– Я же предлагаю Арагуари, так как это будет французской границей наших будущих владений, как я имею основания предполагать. Невозможно, чтобы две такие разумные нации, сторонницы прогресса, как Франция и Бразилия, умышленно еще долго поддерживали этот географический

нонсенс. Кроме того, я основательно изучил спорные пункты, условия и дипломатические ноты, которыми вот уже более полутора столетия обменивались правительства. Это вселяет в меня надежду, что Арагуари, или река Винсен-Пинсон, останется французской...

Спустя неделю инженер, его младший сын Шарль и пять человек экипажа спустились вниз по течению Марони до селения Спархуин, где стоял на якоре голет, вместимостью приблизительно около двадцати тонн, который, благодаря своим размерам, мог подняться выше порогов Хермина.

Береговое плавание в Гвиане от Марони до Амазонки, по-видимому, не представляет никаких опасностей даже и на судах столь малого водоизмещения. Но, к несчастью, оно всегда бывает продолжительно и трудно, вследствие ветров и обратных течений.

Как известно, экваториальное течение Атлантического океана расходится надвое. Одна часть его направляется к северу, параллельно берегу, и носит название Гвианского течения. Принимая в себя воды Амазонки и всех других их малых и больших рек, вплоть до Ориноко включительно, проходит в Антильское море между Тринидадом и Мартиникой и вливается в Гольфстрим.

Противодействие, оказываемое этим течением судам, следующим вдоль берега с северо-востока на юг, уже само по себе достаточно велико, но тут к нему еще присоединяются ветры, часто дуящие с запада, что вынуждает суда беспре-

станно лавировать по крайней мере до Ойапокка.

Правда, это неудобство с лихвой возмещается на обратном пути. Так, например, парусное судно, шедшее пять – шесть, а нередко и десять – двенадцать суток, от Марони в Кайену, благодаря тому же течению и ветру без хлопот и усилий возвращается обратно в двадцать четыре часа.

Как ни быстроходна была «Люси-Мари», тем не менее ей потребовалось 18 суток, чтобы достичь устья Арагуари. Она поднялась вверх по реке, не испытав проророки, и бросила якорь в том месте, где, как мы видели, недавно остановилась вижилинга.

Путешественники, как люди, умеющие дорожить временем, тотчас же приступили к исследованиям. Поручив троим из своих людей охранять судно, хорошо вооруженные, снаряженные инструментами для исследования почвы и запасами пищи, они отправились пешком.

Сначала им попадались незначительные возвышенности, но вскоре они очутились на обширном плоскогорье. Теперь они могли не только с помощью подзорной трубы, но даже и простым глазом убедиться в справедливости описаний старых исследователей, преимущественно доктора Ле-Блока.

Во всей Гвиане эта местность наиболее покрыта водою.

Во время засух эти земли усеяны многочисленными озерами, светлыми и чистыми, на которых распускаются самые дивные экземпляры водяной флоры. Но в дождливое время

года, проток, образуемых водами, становится недостаточно, и, разливаясь, выходя из берегов, они почти сплошь заливают всю местность. Таким образом, говорит Ле-Блок, можно было бы проехать в пироге от Ойапокка до Арагуари, не увидев моря. Позади, то есть немного повыше этих озер, куда не достигают разливы и наводнения, встречается полоса лесов на твердой сухой почве. Полоса эта в разных местах то шире, то уже. Она идет вдоль извилин реки вплоть до подножия гор, но чаще всего прерывается на открытых равнинах, которые тянутся на некотором расстоянии от моря.

Первым делом старый инженер и его сын исследовали некоторые из этих девственных лесов, оканчивавшихся у плоскогорья, и убедились, что в них встречаются в огромном количестве несколько различных видов каучуковых деревьев.

– Вот это прекрасно! – воскликнул Шарль после нескольких дней неутомимых исследований и блужданий по лесу, – я сделаюсь «серингуеро»⁷

Затем он прибавил:

– Впрочем, этот промысел будет лишь одной из отраслей, быть может важнейшей, моего хозяйства, но не единственной. На этих превосходных саваннах⁸, тянующихся до края го-

⁷ Каучук был назван португальцами *barrocha* или *seringa*; так его назвал монах Манозель да Эсперанца, открывший его у индейцев камбэба, которые изготовляли из этой густой древесной смолы сосуды и бутылки в виде кувшинов, называемых серингами; отсюда происходит и слово серингуеро.

⁸ Саваннами именуются в Гвиане луговые степи, называемые льяносами в Ори-

ризонта, несомненно, можно развести скот и в немалом количестве! Итак, решено, не правда ли, отец: я буду одновременно и скотоводом, и искателем каучука.

Исследовав саванну так же внимательно, как и лес, ознакомившись с самой почвой ее, определив главный склон вод и изучив всю эту местность с величайшей тщательностью, наши разведчики возвратились к голету. Осмотр был окончен.

Остановившись на короткое время в Кайене, путешественники возвратились на Марони. Здесь Шарль должен был сесть на пакетбот, чтобы отправиться в Демерару, главный город английской Гвианы, и зафрахтовать там судно, для доставки материала и жителей новой колонии. Ему посчастливилось встретиться с капитаном одного американского парохода, который, почуяв здесь наживу, принял на себя доставку всего необходимого.

Через шесть недель это судно с грузом и пассажирами бросило якорь в устье Арагуари, а приведенный им на буксире голет стал переправлять материал к месту назначения, на что потребовалось несколько рейсов. Первым долгом свезли на берег двадцать молочных коров с телятами, двух быков, несколько десятков овец, четырех свиней, кур, нескольких низкорослых степных лошадок и всякого рода запасы и припасы, для удовлетворения всех нужд новой колонии, вплоть до первого сбора плодов или до новой доставки провианта.

Тут были и ящики морских сухарей, и кули риса и маиса, и пакеты кофе, бочки и бочонки с вином и тафией, запасы сахара и всякие пищевые консервы, мясо, зелень, плоды, рыба и тому подобное. Затем шла одежда, белье, гамаки, пологи, оружие, упряжь, сундуки, чемоданы, столовая и кухонная посуда и всякая домашняя утварь, инструменты кузнечные, слесарные, плотничьи, столярные, орудия для промывки золота, громадные запасы проволоки, пироги, доски и бревна, совершенно готовые в дело, наконец, и само население будущей колонии.

Персонал ее состоял из основателя и главы ее, его жены и четверых детей, из двадцати негров бони, двенадцати женщин и нескольких ребят. Всего было тридцать восемь человек и две собаки, Боб и Диана, два громаднейших дога, необычайной силы и ума...

Прошло шесть лет упорного, настойчивого труда, принесшего радость, счастье и благосостояние. Раз в год колонизаторы с Марони приезжали сюда погостить на новую плантацию, названную странным именем «Казимир» в память старика негра, который некогда так любовно ходил за стариком Робеном. Точно также и жители «Казимира» ездили раз в год на Марони, попутно сбывая в Кайене свои продукты или обменивая их на ввозные товары.

Вот, при возвращении с одной из таких годовичных поездок, на этот раз в виде исключения предпринятой Шарлем Робеном одним, без семьи, мы вместе с ним и входим в его дом.

Но пусть это слово не вызывает у читателя представления о наших европейских жилищах, тяжелых, громоздких ящиках, каменных, с чугунными решетками, с вечно запертыми дверями и окнами.

Ничего подобного! Трудно себе представить что-нибудь более кокетливое, грациозное и воздушное, чем это сооружение, открытое со всех сторон для воздуха и света.

Ни дверей, ни окон, ни стен тут не существует, да и к чему? Это просто огромный навес из пальмовых листьев с кровлей превосходнейшего светло-золотистого цвета, цвета спелой ржи, непроницаемой ни для палящих лучей тропического солнца, ни для проливных дождей экваториальных стран. Навес поддерживают двадцать столбов из чудеснейшего дерева голубого блестящего цвета с красными и желтыми переливающимися полосами, симметрично расположенными. Из-под крыши до самой земли спускаются чудные циновки, развешенные на небольшом расстоянии друг от друга, подобно подвижным шторам или жалюзи, которые можно по желанию поднять или опустить. Между столбами над роскошным полом висят красивые, пестрые гамаки.

Все это строение поднято на высоту более двух метров над сваями из того не гниющего неразрушимого дерева, которым изобилуют эти леса. Из этого жилого помещения к земле ведет очень широкая и массивная лестница, чрезвычайно величественная.

Отсюда да и отовсюду, откуда ни глянь, видны хижины

чернокожих, живописно уединенные среди небольших рощиц из деревьев, дающих много плодов, зелени и тени от зноя. В прохладной тени весело возятся целые группы негрятят и маленьких краснокожих, а также и взрослых негров, негрятенок, индейцев, индианок, дружно живущих между собою под сенью господского замка.

Лимонные и апельсиновые деревья, украшенные золотом плодов, бананы с шелковистым отливом, склоняющиеся под тяжестью своих громадных гроздей, росли по соседству с хлебными деревьями с их массивными плодами и манговыми деревьями, усеянными золотисто-коричневыми плодами. Своеобразный вид этому необычайному фруктовому саду придавали грациозно возвышавшиеся тут и там красивые пальмы, стройные и кокетливые, величественные и ласковые.

В углу, с северной и западной стороны, девственный лес темной полосой перерезает горизонт, а за ним тянется саванна, бесконечная, беспредельная, сменяющая обширную прогалину, обращенную к востоку.

Пока молодой человек предавался радостям возвращения в родную семью, шла разгрузка вижилинги.

Припасы и товары отправили в склады и магазины, затем негры понесли громадные ящики с предметами необходимости и роскоши для семьи господина...

Надо было видеть, с какой шумной радостью встретили маленькие колонисты эти ящики, с каким нетерпением ожи-

дали они, когда их раскроют. Молодой отец, будучи человеком состоятельным, приобрел для своих детей и полезное, и приятное в таком количестве, что даже избалованные детки были бы опьянены такой роскошью, таким изобилием подарков. Уже по одному этому можно судить о радости маленьких белолицых дикарей великой амазонской пустыни.

Стоит ли описывать прекрасные игрушки, настоящие художественные произведения, привезенные прямо из Парижа, одинаково полезные как для умственного развития детей, так и для их развлечения и забавы?

Наши читатели легко могут представить себе превосходные маленькие локомотивы, совсем как настоящие, движущиеся паром, микроскопы, в которых бесконечно малые существа ясно видны во всех подробностях, телеграфы, приводившие в изумление наших отцов, и телефоны, приводившие нас в изумление, затем множество прекрасных книг, с чудными гравюрами, которые сами собою волнуют ум и воображение не только детей, но и взрослых. Наконец, Генрих, старший из детей, десятилетний мальчик, которому на вид легко можно было дать целых двенадцать лет, настолько он выглядел крупным и сильным, получил полную сбрую для маленькой лошадки, специально для него выезженной, и хорошее ружье центрального боя, настоящее ружье – не игрушка.

Мальчуган, который стрелял из лука как природный индеец, не находил слов, чтобы отблагодарить отца, когда тот вру-

чил ему ружье; так велика была его радость! И если когда-нибудь, на каком-нибудь клочке земли в целом мире царило абсолютное счастье, то это было, наверное, в эти минуты, в этой экваториальной пустыне, где стояло жилище счастливого серингуэро.

Но вот легкая тень набежала на лицо молодого отца в тот момент, когда рука его коснулась объемистого свертка газет и журналов.

Жена тотчас же заметила эту перемену.

– Ну, что ж, – отвечал Шарль тоном человека, который примирился с чем-то неприятным, – лучше уж сказать тебе сразу, тем более, что еще ничего не сделано!

– Это по поводу журналов, не правда ли? Но какое нам дело до того, что там делают или говорят?! Разве мы не счастливы здесь, вдали от всей этой суеты и шумихи цивилизованного мира!

– Да, ты права, друг мой, и наша взаимная любовь и нежность позволяют нам прекрасно мириться с нашим одиночеством, в этом море света, солнца и свободы. Но может случиться, что другие люди вспомнят о нас, заговорят, затронут нас, и вот это-то смутно тревожит меня. На обратном пути с Марони я просмотрел все эти газеты, от нечего делать во время путешествия, и в них, между прочим, увидел, что наши депутаты наметили Гвиану как место ссылки для рецидивистов-преступников.

– Но ведь это не новость, милый! Ведь в Гвиану давно

уже ссылается часть преступников, осужденных французским правосудием на каторжные работы, долгосрочные или бессрочные!

– Да, но это не одно и то же, милая Мери. Если я правильно понял текст нового предложенного на утверждение закона, то речь идет не о заключении их в остроги, где они подлежат известному надзору и наблюдению, а о массовом выселении в Гвиану «рецидивистов». Это вторично попавшиеся в злодействах и преступлениях люди без чести и совести, вечные и непримиримые враги человеческого общества и его главных устоев – собственности и порядка. Их-то и предполагают вывозить сюда целыми транспортами, высаживать в Гвиане, наделять землями и предоставлять им почти полную свободу. Рассчитывают таким образом заселить Гвиану, дать ей рабочие руки, в которых здесь чувствуется недостаток, возродить испорченные организмы... Станный способ лечить больного, давая ему вредную пищу или, иначе говоря, пополнить полубочку посредственного вина скверным уксусом; это едва ли можно считать за удачный рецепт для исправления вина.

– Но этих рецидивистов, как ты их называешь, разве так много?

– Около двадцати тысяч! Двадцать тысяч негодяев, без удержу и надзора, точно эпидемия, ворвутся в круг честных и порядочных людей, в среду тихого работающего населения Гвианы. Это положительно заставляет меня содрогаться!

Подумали ли они, в самом деле, о последствиях того, что они предлагают? Чтобы очистить крупные центры от всяких отбросов, от всякого нежелательного элемента, они не стесняются подвергнуть опасности и жизнь, и имущество честных граждан, таких же искренних, верных и любящих сынов Франции, как они сами, а даже и более их! Ну, будь Гвиана новой страной, колонией, не имеющей жителей, одиноко заброшенной среди океана, то такую меру можно было бы только приветствовать; но ведь дело обстоит совершенно иначе!

– Ты прав, но как это лично задевает нас? Мы находимся так далеко от будущего места ссылки!

– Для нас опасность будет, быть может, еще больше, так как мы находимся на нейтральной полосе, на которую заявляют свои права и Франция и Бразилия, и в которой ни та, ни другая страна не являются хозяевами и не могут проявлять своей власти. Нельзя ожидать от ссыльных, что они добровольно подчинятся судебному приговору. Одна мысль о принудительном пребывании в стране, где царит известный порядок и законы, об обязанности трудиться и подчиняться существующим законам для таких людей будет невыносима. Я уверен, что они сделают все на свете, чтобы избавиться от всего этого. И не будет ли соблазном для них, если бок о бок с их местом заключения находится страна, не имеющая господина, не знающая властей, законов и прав, куда без особого труда могут бежать все, как обыкновенно бегут сюда бег-

лые каторжане из острогов. По их примеру, эти свободные ссыльные, без сомнения, станут покидать свои места ссылки и переселяться сюда. Здесь они могут жить по своему желанию, как и чем угодно, без помех и стеснения, дав полную волю своим низким инстинктам! Как видишь, положение будет весьма незавидное для всех нас; ведь мы, так сказать, являемся гражданами, не имеющими родины!..

В этот момент со стороны хижин негров и индейцев раздалась звуки какой-то тревоги.

– Что там такое? – спросил Шарль, быстро встав со стула.

Высокий, рослый негр, бледный, как бывают бледны негры, когда они чем-либо сильно взволнованы или испуганы, то есть пепельно-серый, в несколько прыжков взобрался на лестницу, ведущую в жилище господина, и, задыхаясь, проговорил:

– Господин, там чужие люди... белые... Они сожгли наш маленький карбет у бухты Женипа... увели скот и убили моего брата Квассиба... Я был там и получил рану! – с этими словами негр указал на свое плечо, разрубленное сабельным ударом.

Глава VI

Признание разбойника. – Нотариуса действительно убили. – Бесстыдное нахальство. – Луш дешево отделяется. – Неробей! – От Аппруагадо Ойапокка. – Лихорадка. – Переправа через реку. – Обетованная земля. – Планы на будущее. – За старое ремесло. – Надо работать, чтобы есть! – Первые жилища. – Импровизированный обед. – Избыток. – Грабеж. – Едва став свободными, они помышляют уже о рабах. – По губам текло, а в рот не попало. – Преследование. – Португальцы. – Луш, готовый расплатиться, все-таки не расплачивается. – Новые опасения. – Страшные угрозы.

Вернемся на правый берег Аппруага, поросший вековыми деревьями, в тени которых беглые каторжники предавались отвратительному обжорству на своем людоедском пиру.

– Но, – воскликнул с ужасом и отвращением Шоколад, – то, что вы мне предлагаете, ведь человеческое мясо!

– Ну так что же из того, если бы и так? – возразил Луш. – Нотариус приказал долго жить, а мы здесь подыхали от голода... Пусть же мертвые послужат на пользу живым!

– Луш прав, – поддержали остальные негодяи с набитыми ртами. Но, заметив, что араб и мартиниканец с отвращением и ужасом отбросили от себя куски, которые они ели, Красный цинично добавил:

– Э, да Арби и Немытая рожа что-то жеманятся... Ну, тем

лучше: нам больше останется!

– Так скажите мне, – сказал с видимым усилием Шоколад, – скажите мне по крайней мере, что вы его не убили!

– Да говорят же тебе, что его угорь прикончил. Немало было с ним хлопот, чтобы вытащить его из воды... Если бы не голод, так мы и возиться-то с ним не стали бы!

– Глупости! – возразил Луш, сознавая за собой поддержку Геркулеса и испытывая какое-то злобное наслаждение задиравать Шоколада. – Ну а что если бы угорь был тут ни при чем? Что бы ты сделал, скажи на милость?

– Я предпочел бы вернуться туда, откуда мы бежали, и снова влачить за собой цепь и ядро и до конца дней моих есть одни квашеные огурцы, чем оставаться еще хоть одну лишнюю минуту с вами! – отвечал с негодованием Шоколад.

Луш засмеялся скрипучим, старческим смехом.

– Э, да ты, брат, проповедуешь не хуже заправского попа! Тебе бы и следовало идти в попы, чем жениться и доводить себя до прихлопывания твоей чертовки!..

При этих словах несчастный резко вскрикнул и, побледнев, как мертвец, одним прыжком, словно тигр, бросился на старого негодяя, согнул его, как тростинку, пригнул к земле и ударом ноги приготовился было раздавить ему череп.

– Помогите! – захрипел старый разбойник. – Помогите! Прирежьте его, как свинью!..

Геркулес кинулся было на защиту своего сообщника, но

тут же упал, как подкошенный, сраженный ударом кулака гиганта. При виде этого Красный и Кривой не решались тронуться с места. Судьба Луша, казалось, была уже решена; но вдруг в душе Шоколада произошел какой-то переворот, и он выпустил из рук негодяя и отрывисто проговорил:

– Довольно одного убийства!.. Довольно!

Между тем Луш, не чувствуя более на себе железной руки Шоколада, жадно втягивал в себя воздух. Геркулес, оправившийся лишь наполовину от полученного тумака, с трудом подымался на ноги, ощупывая руки и ноги.

– У тебя, брат, тяжелая рука, с тобой плохие шутки... – обратился Луш к Шоколаду. – Давай помиримся... Не стоит портить себе кровь из-за всяких пустяков... Будем друзьями... ладно? Нам еще немало остается сделать, чтобы стать свободными людьми, да нас и не так уж много!..

При этом он шепотом добавил, наклонясь к самому уху Геркулеса:

– Вот птица, от которой нам при первой возможности следует избавиться!

Геркулес отвечал на это выразительным и одобрительным подмигиванием в то время, как Шоколад, молча отойдя в сторону, сел на траву и, опустив голову на руки, глубоко задумался.

Спустя полчаса компания беглых каторжников тронулась в путь, завернув в окровавленную одежду несчастного Нотариуса остатки его тела, предназначавшиеся на следующий

ужин или обед.

Шоколад с арабом и мартиниканцем замыкали шествие на расстоянии каких-нибудь двадцати метров.

Эти бедняги, искренне возмущенные поступком товарищей, ничего так не желали, как расстаться со своими ужасными спутниками, и вполголоса совещались с Шоколадом, которому они всецело доверяли.

– Нам надо уйти от них, – говорил араб своим красивым гортанным голосом. – Геркулес как-нибудь убьет тебя... Луш ему так сказал... я слышал!

– Ай, ай, ай! – подхватил чернокожий. – Мы уйдем от них на берег Кайены, а то они убьют нас... и съедят, как того несчастного!..

– Полно, ребята, – прервал их Шоколад, – несмотря на мучительный голод, к нему вернулась вся его энергия, – раз вы присоединяетесь ко мне, то обещаю вам, что спасу вас. Последуем за ними до Ойапокка: втроем мы ничего не можем сделать, а там посмотрим, как нам без шума отделаться от них! Ну, а что касается их намерения прирезать меня, как цыпленка, то это еще мы посмотрим. Прежде всего, мы никогда не будем спать все трое одновременно; один из нас все время будет сторожить двух других во время их сна. У нас два палаша точно так же, как и у них... Значит, мы равны им по оружию, кроме того, я запасусь хорошей дубиной, такой, с которой я никого на свете не побоюсь, и с четырьмя справлюсь один. Так, значит, решено?

– Да, да... ты иди, куда хочешь, я всюду пойду за тобой! – решительно сказал араб.

– А я куда пойду? Ты возьмешь меня с собой? Я буду смелее тигра и вернее пса! – проговорил мартиниканец.

– Ну, и прекрасно, друзья, превосходно. Если не падать духом, то мы доберемся до Бразилии и там найдем средства честно зарабатывать себе на хлеб!

От Аппруага до Ойапокка считается по прямой линии около 50 километров. По одной из наших хороших европейских дорог самый обыкновенный пешеход не спеша может пройти это расстояние в одни сутки. Но совершенно другое – переходы при той нестерпимой жаре, какая царит здесь, когда почва загромождена одичавшей растительностью, перерезана во многих местах реками и речками, оврагами и трещинами. И все-таки нечто вроде дороги соединяет общину Аппруага с общиной Ойапокка. На всем громадном пространстве этой общины, составляющем приблизительно около 164 000 гектаров, встречаются лишь одинокие жилища, разбросанные там и сям или образовавшие небольшие группы, главным образом у Серебряной Горы. Здесь один из зажиточных фермеров продолжает производство превосходного кофе, весьма известного среди знатоков этого продукта.

Эта тропа, называемая дорогой, след которой местами едва виден, помогает путникам уже тем, что указывает им нужное направление.

Приходится переправляться в нескольких местах через

речки, ручьи и через бухты Ратимана и Арима, достигающие десяти метров ширины и значительной глубины. Далее встречаются тринадцать довольно крутых подъемов. Переправившись через заливчик Угря, вы очутитесь у бухты Тумуши, проследовав столь же долгим и трудным путем, идущим все время то в гору, то под гору. Восемь километров отделяют бухту Тумуши от весьма значительной реки Уанари, впадающей в широкое устье Ойапокка.

Эта последняя часть пути была сопряжена с невероятными трудностями для беглецов; некоторые из них начинали испытывать первые приступы местной лихорадки. Геркулес, Кривой и Красный ощущали сильную дрожь; зубы у них стучали; почти то же испытывал и араб. Только мартиниканец, Луш и Шоколад еще крепились. Между тем, совсем скоро им должны были понадобиться все силы, так как они были уже недалеко от устья реки, в том месте, где ее ширина не менее двенадцати километров. Уже двое суток, как они оставили за собой Аппруаг, и даже людоеды, принужденные бросить начавшие разлагаться от жары остатки трупов их товарища, подошли бы с голода, если бы Маленький Черныш, по счастливой случайности, не разыскал под симарубами множество черепашек. Охотникам издавна известно, что черепахи, чрезвычайно лакомые до плодов симарубы, почти не отходят от этих деревьев в ту пору, когда плоды их, созрев, градом сыплются на землю. Черепахи с жадностью уничтожают их тут же.

Несмотря на свою слабость, беглецы утащили множество черепах, чтобы тотчас же испечь их в собственном панцире, на горячих углях, и утолить этим вкусным горячим мясом томящий их голод.

Наконец, с невероятными трудностями, переправившись через Уанари, они увидели гору Лукас, которая как бы всажена между устьями Уанари и Ойапокка, выдвигаясь в самое море, над которым она оканчивается отвесной стеной.

По другую сторону мутных вод реки виднелась темная полоса лесов спорной территории. Это и была «Обетованная земля», один вид которой вызвал дикий крик радости у беглецов. На мгновение они забыли и пережитые муки, и страдания, и голод, и лихорадку, и все страхи и невзгоды, перенесенные со времени их бегства из острога. На радостях, они забыли даже то чувство глухой ненависти, которое питали к трем из своих товарищей.

Одна и та же мысль завладела всеми: надо переправиться во что бы то ни стало и переправиться как можно скорее. Хотя кругом – пустыня, все же они будут чувствовать себя в полной безопасности только тогда, когда оставят за собой эту последнюю и грозную преграду.

Надо соорудить плот! Скорее – новый плот! Подходящего дерева здесь так много, что Серебряная гора, говорят, получила свое название от беловатых стволов деревьев цекропий, которыми поросли все ее скалы, а листья с оборотной стороны имеют серебристо-белый цвет.

Наиболее сильные из беглецов, вооружившись своими абордажными палашами, стали рубить деревья, а остальные переносили их к воде, где связывали лианами. После двенадцатичасового упорного труда плот был готов. Усевшись на него, беглецы поспешили переправиться на другой берег.

Промокшие до костей, с окровавленными ногами, с распухшими и израненными икрами, исцарапанными колючими растениями и острыми камнями, они, как безумные, кидаются вперед на рыхлую почву отмели и вязнут в ней по колена.

Но что из того? Теперь они свободные, вольные люди! Вольные, как дикие звери в лесу, на которых они весьма похожат и по своим зверским инстинктам, и по своему чудовищному аппетиту.

Собрав последние силы, каторжники выбирают из ила и тины отмели на твердую землю и останавливаются, совершенно выбившись из сил, едва переводя дух.

Четверо бандитов затягивают глупую, бессмысленную и бесстыдную песню каторжан, а остальные трое молча пожимают друг другу руки.

– Ну, друзья! – восклицает Луш, сделавшийся теперь снова столь же речистым, как в былое время на базарах и ярмарках, когда зазывал в свой балаган зрителей. – Довольно пустословить! Теперь, когда мы, так сказать, дома, нам следует прежде всего выработать план действий!

– О, что касается меня, – заявил Геркулес, – я просто хочу

отправиться в Бразилию; там, говорят, есть города, настоящие, хорошие города, и там я, наверное, найду себе занятие по своей специальности!

– Да, парень, я прекрасно соображаю, к чему ты клонишь! Но видишь ли, голубчик, прежде, чем приняться за твое прежнее ремесло – грабителя, в сообщничестве с Лушем, который так ловко и хорошо умеет управляться со всякими замками, надо нам еще заглянуть в ресторан, а потом уже подумать о проездных билетах в те города, о которых ты говоришь!

– О, еда всегда приходит на ум, когда не чувствуешь за собой погони жандармов, – ухмыльнулся Геркулес. – Ну, а скажи на милость, далеко эта Бразилия?

– Да как тебе сказать, сын мой, так напрямик, как птичий полет, лье около ста.

– Сто лье!..

– Э, да неужели-же опять придется так плестись, как мы плелись до сих пор от самой Кайены?!.. Ну нет, мое почтение... если так, то это вовсе не весело!

– Да подожди, дай оглядеться! Как-нибудь все устроится! Вместо того, чтобы избегать жилищ и людей, мы, напротив, будем искать их и, когда набредем на жилье, так позаимствуем провиант у тех добрых людей, что проживают там!..

– А если нас накроют?

– Как ты глуп! Ведь я же тебе говорю, что здесь нет ни полиции, ни жандармов, ни судей, ни солдат... Понимаешь?

– Прекрасная страна, нечего сказать!

– А жители здесь такие же добрые люди, как и мы с тобой; они удрали либо из французской Гвианы, либо из Бразилии.

– Так, значит, они теперь работают для того, чтобы прокормиться?!

– Надо так полагать!

– Вот прекрасно-то! Быть на свободе и портить себе кровь, гнуть спину от работы! Чем это лучше, чем в остроге!

Продолжая этот поучительный разговор, беглецы принялись отыскивать речных устриц и креветок. Утолив немного свой голод, двинулись дальше, на этот раз уклоняясь несколько к югу, чтобы избежать громаднейших болот, тянувшихся вдоль всего берега.

На этот раз счастливый случай, на который они столько раз рассчитывали, действительно подвернулся им. Они вдруг неожиданно вышли на большую прогалину. Вырубленное и расчищенное от леса место расположилось над заливом, вероятно, образуемым Уассой, довольно широкой и быстрой рекой, впадающей в устье Ойапокка, конечно, с правой стороны и несколько выше Уанари.

Их взорам предстали небольшие участки полей с совершенно уже зрелым маниоком, маисом. Группы хижин укрылись в тени бананов, плодовых и хлебных деревьев, защищавших также своею тенью молодые кофейные посадки.

С присущей каторжникам смелостью наши беглецы пошли вперед и, подгоняемые мучительным голодом, смело во-

шли в одну из хижин. Скромное жилище было пусто, как, впрочем, и все остальные хижины, но по всему было видно, что хозяева где-то недалеко. Кроме того, вот еще подробность, имевшая громадное значение для людей в положении наших беглецов: все эти хижины были битком набиты съестными припасами. Тут были лепешки, корзины, полные грубой маниоковой муки, спинные корзины, нагруженные доверху колосьями маиса, целые горы копченой рыбы, гирлянды вяленого мяса, громадные чашки с кофейными зернами и даже кристаллизованный сок сахарного тростника. Словом, здесь ни в чем не было недостатка, подбор продуктов свидетельствовал об основательном знакомстве с требованиями местной жизни.

Без дальнейших церемоний каторжане расположились здесь, как в своей собственной кладовой, с жадностью набросились на пищу и принялись уничтожать ее с невероятным обжорством. Трудно, да и бесполезно было бы перечислять количество уничтоженных ими продуктов, – да и не все ли равно?!

Наконец, пресытившись, беглецы стали желать уже и излишнего, по крайней мере четверо негодяев, с которыми Шоколад, араб и чернокожий продолжали еще оставаться до первого удобного случая.

– Что касается меня, то я с удовольствием выкурил бы трубочку! – проговорил Красный.

– Ну, а я, – сказал Луш, – охотно и выкурил бы трубочку и выпил бы еще чашечку кофе!

– Да вот! – воскликнул Красный. – Здесь и трубки, и табак!

– Э, да здесь есть все, это – настоящий рай.

– Право, хорошо быть свободными, и есть, сколько душе угодно!

– Да, если бы и дальше так было!

– Хм! У меня явилась мысль! – воскликнул Луш. – Первобытные люди, обитающие в этих прекрасных местах, должно быть, какие-нибудь добродушные негры, с которыми можно будет сговориться!

– Каким образом? – спросил Геркулес, большой охотник до расспросов.

– Да так же просто, как курить этот табак, который не наш! Ведь негры для того и созданы, чтобы работать, не правда ли? И работать на других, на белых, как мы! Ну, так и заставим их работать на нас. Если они будут недовольны, то здесь по соседству растет достаточно дубин, чтобы вразумить их. Тогда они в силу убеждения сделаются нашими рабами, невольниками или, вернее, нашими слугами. Это слово звучит приличнее. Наступят еще хорошие дни и для нас, воров!

– Я, например, охотно стал бы хозяином поместья! – заявил в заключение Луш.

– Прекрасная идея!.. Превосходная! – воскликнули бан-

диты. – Да здравствует господин Луш, хитрец из хитрецов!

Но Шоколад, не проронивший пока ни единого слова, одним своим возражением разрушил эту заманчивую картину.

– Ну, а если этим неизвестным придет фантазия – обратиться вас в рабство? Что, если они более многочисленны, чем мы, и заставят вас работать, как каторжных, как вы и есть, и станут за это расплачиваться с вами батогами? Что вы на это скажете?

– Ты, Шоколад, не часто говоришь, но каждый раз, когда ты раскрываешь рот, мне кажется, что я слышу адвоката, – заметил Луш. – Но ты прав, и я предлагаю убираться отсюда подобру-поздорову... Кстати, я только что заметил там, на отмели, две хорошенькие пироги. Надо, не теряя попусту времени, сейчас же нагрузить одну из них припасами, схватить каждому по нагайке, затем усилить наше вооружение, захватив здесь сабли, которых у нас недостает на всех, и затем гайда!

– Одобряем! – крикнули в один голос Геркулес, Красный и Кривой.

Менее чем за четверть часа, туземная маленькая пирога была нагружена до краев и готова к отплытию.

Шоколад, который поневоле принужден был участвовать в грабеже, также сел в пирогу вместе с арабом и Чернышом.

И вся шайка благополучно удалилась после того, как предусмотрительный Луш проткнул дно другой пироги веслом, чтобы помешать погоне.

В продолжение дня они поднялись вверх по заливу и к ночи пристали к лесочку, доходившему до самого берега, чрезвычайно болотистого. Геркулес проклинал себя и других за то, что забыл захватить с собой гамаки. Пришлось возместить эти столь полезные в южных лесах висячие койки толстой подстилкой из листьев кумбу. Каторжники заснули на ней сном праведников.

Неприятный сюрприз ожидал их при пробуждении.

Злобные крики и свирепые возгласы на непонятном наречии огласили воздух, и восемь человек, из которых двое были вооружены ружьями, а остальные – саблями, обрушились на лагерь беглецов.

По блестящим черным глазам под густыми бровями, по матово-желтому цвету лица, по гладким черным волосам в нападающих можно было узнать португальцев, хорошо знакомых бывшим каторжникам, так как их нередко можно встретить во французской Гвиане. Моментально вскочив на ноги, беглецы тотчас же сообразили, что перед ними ограбленные ими люди, и приготовились к защите.

Восемь человек против семерых – шансы равные, но дула двух ружей были угрожающе направлены на каторжников.

– Вот видишь, – говорил Шоколад Лушу. – Разве я не был прав, предполагая, что ваши мнимые рабы могли со своей стороны иметь намерение обратить вас в рабов?!

– Ну, это еще надо посмотреть! – отвечал разбойник.

– О, смотреть тут нечего, а лучше вступить в переговоры!

– Каким образом?

– У тебя есть деньги, уплати ему убыток, – и дело с концом, а не то берегись!

– Хм! А ведь это было бы забавно и совершенно противно моим привычкам! – отозвался Луш.

Однако страх на этот раз взял верх над жадностью, и он попытался пойти на мировую.

Сделав знак предводителю, он медленно достал из пояса, снятого с убитого им араба, золотую монету, взял ее двумя пальцами, поднес к глазам обворованного человека и, лукаво подмигнув, сказал:

– Не сердитесь, приятель, мы вам заплатим! Светленькой двадцатифранковой монеты с вас, наверное, хватит за продукты и пирогу! Не правда ли?

Но португалец сделал энергичный отрицательный жест и, посоветовавшись со своими товарищами, повелительно потребовал, чтобы ему отдали весь пояс со всем, что в нем было.

Геркулес, услышав это требование, принялся осыпать врагов сочными ругательствами, угрожающе размахивая своим тяжелым веслом.

– Что еще? Церемонии?! Берите червончик, да и с Богом, – вертай назад, а не то я вас угощу по-свойски... вот так! – и с этими словами гигант, размахнувшись веслом, с такой силой ударил им по близстоящему стволу кайенской пальмы, что начисто срезал его, как топором.

Португальцы, ошеломленные этим ударом, в первый момент приняли его за сигнал общего нападения, и их предводитель скомандовал своим стрелкам стрелять.

Курки щелкнули, но, точно сговорившись, дали осечку, что вызвало шумный хохот со стороны каторжников.

Геркулес повторил свой прием. Беглецы, обступив его, подражают с большей или меньшей ловкостью и силой, смотря по способностям. Тогда португальцы, видя себя вооруженными одними саблями, против столь решительных и смелых людей, начинают отступать. Каторжники, со своей стороны, довольные тем, что так легко отделалась, возвращаются к пироге, в одну минуту вскакивают в нее и бегут, преследуемые злобными криками португальцев.

– Ну вот! – как бы в заключение, сказал Луш. – Я так и знал, что это прекрасно уладится! Хитрецы всегда торжествуют, и, право, как-то особенно приятно запастись провиантом, не тратясь для этого из своего кошелька!

– Хвались, хвались! – пробормотал ворчливо Шоколад. – Если бы ты понимал, как я, что они говорили, то не задирали бы прежде времени нос!

– Пфа! Я слышал, что они кричали там какие-то глупости на своем обезьяньем языке... Но мне на них наплевать!

– Говори, говори!

– Да ты понимаешь, что ли, по-португальски?

– Я прожил два года на верфях в Спархуине с португальцами!

– Ну, так что же эти черти португальцы сейчас говорили, давай выкладывай!

– Что они пошли за подкреплением, что они все станут преследовать нас и сумеют разделаться с нами!

– Ну, и что же?

– Что они свяжут нас по рукам и ногам, как телят перед забоем, – и доставят в Кайену, чтобы получить за нас премию.

Глава VII

Шесть лет тишины и спокойствия. – Начало тяжелых дней. – Раненый. – Приготовления. – Экспедиция. – Индийские сарбаканы и отравленные ядом кураре стрелы. – В походе. – След. – Каким образом индеец по одному запаху узнает огонь, разведенный белыми людьми. – На прогалине. – Оргия. – Проекты разбойников. – Страшная опасность, грозящая колонии. – Пленники. – Каким образом хочет отомстить Луш. – Раскаленная добела сабля. – Недоумение.

Впервые за все шесть лет «искатели каучука» на Арагуари сделали жертвами угрозы их имуществу и даже их жизни.

Бывали, правда изредка, случаи, особенно в первое время основания этой маленькой колонии, что совершались хищения. Вскоре как беглые, живущие в этой стране, так и случайные прохожие поняли, что для них несравненно выгоднее не трогать этого поместья: они во всякое время по своему выбору, в обмен на каучук, могли получить здесь деньги, провиант или другие предметы необходимости.

Все кругом прекрасно знали, что если бы «серингалья дона Карлоса», как они называли владения молодого Шарля Робена, не было здесь, то им пришлось бы очень далеко ходить со своими продуктами, имея дело с людьми, несравненно менее добросовестными, чем французские колонисты.

Итак, во имя ли своих личных выгод, или во имя той сим-

патии, которую сумели внушить к себе молодой серингуэро и его доброжелательная семья, только все авантюристы этой страны, дезертиры, беглые невольники и иные беглецы, каторжники и поселенцы, люди более или менее подозрительные, бродячие индейцы и мнимо-оседлые жители жили мирно с многочисленным персоналом колонии.

Будучи уверены в том, что они во всякое время найдут радушный прием, что они никогда не встретят отказа даже в небольшом денежном кредите, в качестве ли аванса или просто так, что их всегда снабдят в счет будущих поставок каучука всеми необходимыми для них орудиями, и одеждой, и припасами, эти люди ни разу не пытались нарушить свои нравственные обязательства по отношению к серингуэро, несмотря на то, что в этой стране нет ни властей, ни законов, ни вооруженной силы.

Потому не трудно себе представить то волнение, какое вызвало появление раненного негра, известившего о пожаре и об убийстве одного из работников, совершенном белыми людьми.

У Шарля не было необходимости успокаивать свою жену, смелую и неустрашимую, какую и должна быть жена колониста-пионера.

Он поспешил допросить раненого, но бедняга, ослабев от потери крови и израсходовав весь запас своих сил на быстрый бег, вдруг тяжело рухнул на землю, потеряв сознание.

Как человек, привычный к случайностям, Шарль, не те-

ря ни минуты, оказал ему первую помощь. С проворством и искусством настоящего хирурга он, осмотрев рану и найдя, что ни один из жизненно важных органов не задет, соединил края ее легким швом, остановил кровь.

У чернокожих атлетов обмороки всегда непродолжительны. Раненый вскоре раскрыл глаза и со свойственной людям его расы подвижностью улыбнулся своему господину, который подносил в этот момент к его губам флягу с тафией, излюбленным напитком чернокожих.

– Ну а теперь расскажи мне, что там случилось, – сказал молодой человек, снедаемый тревогой, но внешне сохраняя совершенно спокойный вид.

К сожалению, все сведения, полученные от негра, были самые поверхностные.

Оказывается, он случайно зашел в свою хижину среди дня – захватить ружье. Добежав до прогалины, где стояли амбары и сараи, вдруг увидел густой дым и услышал треск... Все пылало! Полагая, что это произошло от несчастной случайности, он хотел спасти хоть что-нибудь, как вдруг наткнулся на чье-то тело, лежавшее поперек тропинки. С ужасом узнал он своего земляка Квассиба, с окровавленным лицом и грудью и без признаков жизни. Он собрался оказать помощь, как вдруг белые люди, одетые в грязные лохмотья, набросились на него с дикими криками.

– Сколько их было? – спросил Шарль.

Пять или шесть, кажется; он хорошенько не помнит. С ни-

ми столько же мулатов, вооруженных ружьями. Окруженный со всех сторон, он отчаянно отбивался и получил сабельный удар по плечу, но ему все-таки удалось вырваться от них, и он побежал сюда быстрее лани...

– Хорошо! А теперь посмотрим, что будет дальше! – заметил молодой человек с невозмутимым хладнокровием. – Бог с ним, с серингалем, но я хочу знать, что случилось с бедным Квассибой. Я все-таки надеюсь, что он еще жив!

С этими словами он снял висевший на одном из столбов большой воловий рог и громко и протяжно затрубил в него.

По этому сигналу, возвещающему утром и вечером, при начале работ и по окончании их, раздачу неоценимого нектара, называемого тафией, все негры, мулаты, индейцы, работавшие вокруг жилища, поспешили со всех ног к своему господину.

Шарль, знающий своих служащих всех до одного, наугад вызвал двенадцать человек и приказал встать у лестницы. Мулатов он отправил обратно на работу, а остальным, объяснив в нескольких словах положение дела, приказал:

– Пусть каждый из вас вооружится немедленно, негры – ружьями, индейцы – сарбаканами.

Чтобы не было пререканий, он умышленно избрал шесть негров и шесть краснокожих. Пока те побежали в свои хижины и карбеты⁹ за оружием, Шарль взял короткостволь-

⁹ Негры бош и бони с верхнего Марони – это бывшие невольники голландцев, вольные уже больше века; они сохранили для своих жилищ в полной неприкос-

ный карабин, только что привезенный из Кайены, и револьвер нью-кольт, пятизарядный, крупного калибра, тщательно зарядил их, затем захватил кожаный лакированный патронташ, наполненный зарядами, прихватил еще маленький компас и небольшую карманную аптечку.

Жена, столько времени не выдавшая мужа, решительно подавила в себе волнение при виде его нового отъезда и, стараясь скрыть слезы, подступавшие к горлу, спокойная, как древняя римлянка, прощаясь, сказала:

– Будь осторожен!

– Да, да... конечно... Я захватил с собой на четыре дня провианта, но надеюсь вернуться раньше... Я уезжаю спокойно, так как оставляю тебя на Лооми, а те двадцать человек, которые остаются здесь, в случае беды, стоят целой армии!

Затем, не добавив ни слова, он молча поцеловал по очереди своих четверых детей и спустился на эспланаду перед домом.

Участники экспедиции стекались один за другим с удивительной поспешностью и полной готовностью последовать за своим господином хоть на край света. Несмотря на обычную апатию этих людей, всех их воодушевляло желание что-нибудь сделать, чтобы отвлечь грозящую колонии беду. Да-

новенности тип хижин своих африканских предков, со всех сторон закрытых, тогда как карбеты индейцев, напротив, совершенно открыты со всех сторон и представляют собою только одну кровлю на столбах.

же индейцы, эти неисправимые лентяи, и те бежали рысцой, угрожающе потрясая своими сарбаканами.

Раз их господин приказал захватить с собой эти смертоносные орудия, значит дело действительно серьезно. Между тем нет ничего более безобидного на вид, чем эти хрупкие полые внутри трубки длиной около трех метров, состоящие из двух лежащих одна на другой трубок и связанные между собой простыми пропитанными смолой волокнами. Что же касается стрел, которые, точно гром, поражают ягуара или тапира, то их можно бы принять за простые деревянные спицы или спички длиной менее двадцати сантиметров. Кажется непонятным, как благодаря маленьким шарикам из шелковистого вещества, окружающим основание и середину ствола, эти стрелы могут попадать в цель так метко и верно. Но коричневый заостренный конец, слегка зарубленный, пропитан кураре, и этим сказано все: малейший укол влечет неминуемую смерть, более верную даже, чем укол гремучей змеи.

Наконец все люди маленького отряда были в сборе и тотчас же выступили в поход, держа путь на юго-восток и почти не уклоняясь от берега Арагуари. Одеты только в одни холщовые штаны, босые, с обнаженными головами, как и подобает настоящим обитателям лесов, черепа которых не боятся солнечного удара и солнечного припека, они быстро продвигались вперед.

Менее чем за два с половиной часа маленький отряд ко-

лонистов прошел расстояние, отделяющее жилище синьора Карлоса от подожженного негодаями серингаля.

Оказалось, что раненный вестник ничего не преувеличил: строения представляли собой груды пепла, запасы каучука, съестные припасы, одежда, орудия и оружие, скромная утварь – все было уничтожено огнем или грабителями.

Шарль, с первого же взгляда оценивший убытки, отнесся к ним, по-видимому, совершенно спокойно, но не мог, однако, скрыть своей тревоги, не видя на месте тела несчастной жертвы. Впрочем один из индейцев успокоил его.

– Вот там, господин, – сказал он, указывая на группу из нескольких человек, расположившуюся под громадным хэвеа, деревом, из которого добывают каучук.

Быстрыми шагами молодой человек подошел к группе и с радостью узнал бедного Квассиба, лежащего на подстилке из листьев, а подле него двух других негров, заботливо и толково ухаживающих за ним.

Эти двое людей, также из числа рабочих серингаля, возвращаясь в склад со своим сбором каучука, наткнулись на тело потерявшего сознание товарища, плававшее в крови, в нескольких шагах от дымящихся развалин серингаля. Хотя раны несчастного были довольно серьезны и даже опасны для жизни, тем не менее негр пришел в себя. Он узнал своего господина и со слезами на глазах пожал протянутую ему руку.

– Ах, господин, – прошептал он угасающим голосом, –

бедный Квассиба умирает... он не увидит больше своей жены... своих малюток...

– Нет, нет, мой друг, ты не умрешь, ты увидишь твою жену и детей, будь спокоен!

– О... я очень болен, господин... Эти скверные люди хотят идти к вашему дому, сжечь его и убить всех.

– Кто они такие?.. Сколько их?.. Знаешь ты их?

– Я полагаю, что это мароны, то есть беглые каторжники из Кайены... с португальскими мулатами... всех человек шесть или восемь, не знаю точно... Берегитесь их, господин!

– Можешь ты рассказать, как все это случилось и в каком направлении они бежали отсюда?!

Но раненый, голос которого слабел с каждой минутой, теперь произнес лишь какие-то несвязные слова, прерываемые стонами, а затем начал бредить.

Приказав тотчас же отнести раненого в свою усадьбу, Шарль лично проследил, пока его уложили на носилки, наскоро изготовленные из гамака. Двое его товарищей взялись нести носилки, но молодой человек отрядил еще двоих из сопровождавших его негров охранять раненого и сменять носильщиков во время пути.

Когда те были готовы тронуться в путь, Шарль обратился к ним со следующими словами:

– Вы передадите Лооми, чтобы он не позволял никому удаляться от дома и чтобы он и люди день и ночь сторожили дом до моего возвращения. Что же касается Квассиба, то

пусть его поместят в моем доме, и госпожа сама будет ухаживать за ним. Скажите также старой Ажеде от моего имени, чтобы она тотчас же дала больному «исиво», как если бы он был индеец; таково мое приказание ей. Так и скажите. Ну, а теперь прощайте, дети мои, идите с Богом, а мы двинемся на розыски!

Напасть на след негодяев было нетрудно для жителей лесов, привыкших с самых юных лет бродить во всех направлениях по этим чащам тропических девственных лесов.

Шарль, который в этом отношении не уступал ни одному из индейцев или негров, шел впереди.

След увидели почти сразу же, так как бандиты не старались даже скрыть его. Он вел прямо в глубь леса, избегая тропинок, но так прямо, что можно было безошибочно сказать, что проводником был человек, знакомый с жизнью дикарей.

После двух часов быстрого хода индеец Пиражиба, шедший впереди, остановился и едва слышно сказал Шарлю, идущему следом за ним:

– Господин, они здесь!

– Но ведь ты их не видишь и не слышишь!

– Да, но я чую носом запах костра, разложенного белыми!

Шарль, зная, что Пиражиба столь же опытный следопыт, как и проводник, одобрительно кивнул ему головой, как ни странно могло бы показаться всякому другому подобное уверение.

Маленький отряд осторожно продолжал подвигаться вперед и через каких-нибудь пятьсот метров вышел на большую поляну, на краю которой был виден полуразрушенный карбет, давно заброшенный серингуерами.

Густой дым тяжелым облаком поднимался спиральями вверх над громадным костром, едва достигая половины высоты деревьев: настолько здесь атмосфера пропитана сыростью и влагой. Инстинкт краснокожего не обманул его: действительно, туземцы никогда бы не воспользовались для костра этим деревом, распространяющим столь едкий дым, что пища, приготовленная на нем, приобретала отвратительный привкус. Кроме того, дым мог выдать их присутствие врагу.

Но, с другой стороны, беглецы, быть может, рассчитывали на свою численность или же слишком были уверены в своей безнаказанности, но только издали уже был слышен их громкий говор, шумный смех и даже песни.

– Эти негодяи пьяны, как пираты после попойки, – сказал Шарль, вспомнив, что в подоженном карбете находился полубочонок с двадцатью литрами тафии.

Не теряя ни минуты, молодой человек распорядился окружить с трех сторон ветхое строение. Осаждающие укрылись за толстыми стволами могучих старых деревьев.

Но, не надеясь на волю случая, Шарль отрядил троих индейцев, которым поручил обойти кругом всю поляну и засесть в засаду, чтобы отрезать путь негодьям в случае, если бы они вздумали бежать с той стороны, которая оставалась

незащищенной, и приказал им сделать все возможное, чтобы захватить разбойников живыми.

В заключение он велел своим людям оставаться на месте до последней минуты, предоставив ему одному войти под навес карбета, и только когда он крикнет им: «Сюда, ко мне!», – присоединиться к нему.

Пока трое индейцев пробирались к месту засады, Шарль с остальными осторожно пошел в обход, стараясь не производить ни малейшего шороха и все время скрываясь за деревьями.

Подойдя к карбету, Шарль забрался в густой куст, откуда ему было видно каждое движение и слышно каждое слово негодаев.

Но разбойники, видимо, до того были уверены в своей безнаказанности, что не позаботились даже выставить часового. Одни из них, развалясь в гамаках, курили или дули, как воду, тафию, другие пожирали сушеную рыбу и лепешки, прерывая свое занятие лишь для того, чтобы прополоскать горло огненным напитком.

Вдруг к диким возгласам и ругани пирующих присоединился страшный шум, как бы глухое мычание быков, встревоженных или разгневанных чем-то. Шарль, которому карбет заслонял поляну, в первый момент не мог определить, откуда происходили эти звуки.

Впрочем, разговоры, ясно доносившиеся до его слуха, настолько поглощали внимание, что мешали думать о шуме.

– А знатная рыба у этого торговца каучуком! – сказал тягучий голос пьянчуги.

– Эй, Геркулес!

– Что ты скажешь, господин Луш?

– Ты даже не говоришь, а только рот набиваешь! Ты хоть бы спел что-нибудь, развеселил бы товарищей!

– Я хотел бы, чтобы все были, как я... мне все представляется в розовом свете, я никогда еще не был так счастлив.

– погоди, приятель, когда я хорошенько подкреплю свое нутро, тогда ты увидишь!

– Эй, да что эта скотина ревет так... можно подумать, что она чует что-то!

– Ты не вали на нашу кавалерию!

– Бедняги, они, конечно, не стоят коней, но все же, при случае, могут оказать важную услугу... Я люблю их, как родных детей!

– А хмель-то у тебя какой нежный да чувствительный!.. Как подумаешь, такой старый, закоренелый преступник, из-за которого у нашего общего господина и покровителя черта чуть все котлы не лопнули, когда он варил тебя, а туда же – расчувствовался!.. Там, на «Форели», ты гвоздем пробуравил башку этому бедняге арабу... а тут не сумел, как следует, прибрать этого черномазого, который сегодня утром хотел помешать нам грабить!..

– Да, брат... это была «плохая работа»; признаюсь, нечисто сработал... я его только полоснул вместо того, чтобы

прирезать. Это, видишь ли, потому, что я навек потерял!

– Ну, об этом не горюй: скоро ты снова набьешь руку; впереди ведь будет случай поработать!

– И то правда!

– Ты думаешь, мы долго здесь будем толкаться по соседству с этим прекрасным жилищем и не постараемся попировать в нем?!

– Ты, кажется, слышал, что нам рассказывали наши новые союзники – мулаты.

– Настоящие чудеса!

– Ну вот то-то и оно: просто руки чешутся, и глаза разгораются!

– А там, когда мы все пообчистим, тогда и валяй дальше на всех парусах!

– У них, говорят, настоящие суда есть, которые с полным удобством доставят нас в Бразилию, с припасами и со всеми деньгами колониста!

– Да, это превосходное дело – прибыть туда не с пустыми руками, чтобы и там сперва повеселиться!

– Но послушай, говорят, немало людей в этом дворце-то! Что, как они осмелятся встретить нас ружейными выстрелами?

– Да полно тебе! Хозяин-то отсутствует, он теперь в Кайене, только его баба с ребятенками дома, да еще сколько-то черномазых да краснокожих! А это не стоит и выеденного яйца!

– Ну, так пойдём! И если хочешь меня послушать, учиним погром теперь же!

– Теперь же – это значит завтра, так как сегодня мы предаёмся веселью. Кроме того, – добавил негодяй зловещим тоном, – на сегодня у нас есть своя работа.

– Какая же?

– А выпустить кишки тем трём баранам, что лежат там связанные!..

– Так ты непременно хочешь уничтожить их?.. Мне это не совсем по душе, из-за Шоколада... Он, знаешь ли, в сущности, недурной парень, несколько горлодер, но он ни разу не выказал себя дурным товарищем... А что касается Маленького Черныша, то мне наплевать на него: ведь он не более, как негр... А Мабула не жаль: одним арабом меньше – не большая важность!

– Шоколад должен умереть первый, – прервал старый бандит своего собеседника тоном, не терпящим возражения и полным сдержанной ненависти. – Я ещё не забыл, как он меня помял тогда, когда мы прибрали Нотариуса!

– Да разве он мало нас допекал всякий раз, как нам приходилось что-нибудь стибрить?! Из-за каждого пустяка чуть не драться с ним приходилось!

– Я щадил его до сих пор, потому что он говорит по-португальски и был нам нужен. Разве ты забыл, как он со своими двумя ротозеями воспротивился нам, когда ты свалил с ног этого черномазого. Ведь именно по его вине ты не смог

разом прикончить одного, а другой успел убежать в направлении главного жилья... Нет, подожди только! Я тебя научу разыгрывать филантропа!

– Хм! Ты на кого хочешь наговоришь с гору!

– Разве не правда? Этот господин Шоколад, видите ли, вздумал разыгрывать честного и порядочного человека... Ну а эти честные люди нам не нужны!

– Это – твое дело! Я умываю руки; во всяком случае я не берусь сводить с ним счеты; на меня в этом деле не рассчитывать!

– Да я всажу свою саблю в живот каждому, кто только вздумает встать на мое место! Я сам хочу с ним разделаться, и ты увидишь, как я его обработаю!

Столько было ненависти и злобы в лице и голосе старого негодяя, что даже Геркулес, этот закоренелый разбойник, и тот невольно содрогнулся при последних словах.

– Помнишь, – продолжал Луш, – ты еще спрашивал меня, когда мы, захватив этих трех молодцов врасплох, повалили и связали, зачем я сунул свою саблю в огонь!

– Я не мог понять, зачем тебе понадобилось превратить блестящий стальной клинок в какую-то железную кочергу!

– Вот увидишь! Смотри, сабля эта раскалилась добела, а теперь я хочу ею перепилить ему шею! Понял теперь? Эй, вы там, тише! – заревел Луш, обращаясь к остальным, и на мгновение грозный окрик его покрыл шум и гам оживленной ругани и шуток каторжников. – Я обещал вам под ко-

нец пирушки интересное зрелище, даровое представление!..
Подходи ближе! Плата ни с кого не взимается! Знайте это!

С этими словами старый Луш, выйдя из гамака, неверной поступью пьяного человека приблизился к костру, взял за деревянную рукоятку саблю, весь клинок которой был скрыт под горячими углями костра и теперь горел, как огненный меч архангела.

– Ну, теперь мы с тобой посчитаемся, Шокол...

Но слово замерло у него на устах, и раскаленное оружие выпало из рук. Он попятился назад, как будто наступил на какого-нибудь гада. Луш совершенно остолбенел при виде человека высокого роста, с ружьем за спиной и скрещенными на груди руками, который, словно грозное привидение, вдруг точно вырос из-под земли.

Крики проклятия замерли на устах остальных разбойников, которыми тоже овладел ужас.

На прогалине воцарилась мертвая тишина.

– Я запрещаю вам трогать этого человека, – звучно и властно сказал незнакомец на чистейшем французском языке.

Глава VIII

Сюда! – Геркулес становится стратегом. – Новый Самсон. – Пойманы в западню. – Кавалерия каторжников. – Оседланные быки. – Кураре. – Безмолвная смерть. – Бесплезная борьба. – Пленники. – Ведомые на привязи. – Подлость. – Возвращение. – Последний этап эвакуации. – Предусмотрительность. – Через спорную территорию. – Новые рекруты. – Поимка скота. – Исповедь Шоколада. – «Приставьте меня к делу!» – Условное прощение. – Каждому по делам его. – Принудительные работы.

При последних словах молодого человека, неожиданное появление которого ошеломило негодяев, чары рассеялись, и Геркулес первый овладел собой.

– А-а, да ты один! Так подожди же! Я переломлю тебя, как спичку! – бешено заревел он.

Но Шоколад, видя опасность, грозившую его нежданному защитнику, закричал:

– Перережь мои путы, и нас будет двое!

– Сюда! – скомандовал в этот момент Шарль.

На этот призыв негры и индейцы, скрывавшиеся за деревьями, кинулись вперед со своими ружьями и сарбаканами.

– Тысяча чертей! – воскликнул Луш. – Мы попались! Спасайся, кто может!

– Стой! – крикнул Шарль своим командирским голосом. –

Сдавайся, не то вы все до единого погибли!

В этот трудный момент Геркулес проявил способности, которых ни сам он, ни кто другой в нем никогда не подозревал. В мгновение ока смелый план созрел в его голове.

– Хорошо, хорошо! – забормотал он сердитым, недовольным голосом. – Покончим дело миром! – затем шепотом добавил, наклоняясь к самому уху Луша: – Ты с товарищами встань за моей спиной и по моему знаку беги к быкам!

Между тем Геркулес оперся об один из столбов старого строения, как бы для того, чтобы обезопасить себя со спины; вдруг он выпрямился, напряг свои сильные мускулы и вскрикнул торжествующим голосом:

– Бегите, друзья! Они попали в западню!

Действительно, в этот момент ветхая хижина рухнула, погребая всех семерых врагов под кучей обломков, щепок, старой листвы, гнили и мусора.

Пока колонисты выбирались из-под этой бесформенной груды, каторжники и мулаты, выбежав на прогалину, в несколько прыжков очутились возле быков, которыми так умилялся еще недавно Луш. То были двенадцать низкорослых волов, привязанных бок о бок к кольям, вбитым в землю, и стоявших неподвижно, как вкопанные. Это было по меньшей мере странно ввиду обычно столь неукротимого нрава этих животных, этих диких детей саванны... Но несчастные животные поневоле забыли свой буйный нрав. У каждого из них было продето сквозь ноздри веревочное

кольцо или глухая петля, а оттуда шли еще другие две веревки, так что образовалось подобие веревочных удил, приспособленных не ко рту, а к ноздрям, то есть к самому болезненно чувствительному месту животных.

Нетрудно себе представить, что этот варварский способ быстро умирят их буйную и непокорную натуру.

Мгновенно перерезав ножами привязи, каторжники и мулаты вскочили на спины своих импровизированных коней и, ухватившись за уздечки, погоняя несчастных волов ударами ножей в шею, с дикими криками торжества и вызова помчались, как бешеные, по направлению к лесу.

Однако торжество их продолжалось не долго. Едва они успели выскочить на середину открытой поляны, как их слух уловил какой-то короткий свистящий звук, словно шелест тростника. В тот же момент трое из быков, несшихся во весь опор впереди других, вытянули хвосты и, низко опустив голову, как-то разом зашатались и кинулись в сторону, как бы охваченные ужасом.

Несколько секунд спустя трое других проявили те же симптомы ужаса, а там еще и еще трое, – и вдруг все перестали повиноваться своим всадникам, несмотря на то, что те безжалостно рвали им ноздри и страшно неистовствовали.

Несчастные животные наконец покорились и продолжали бежать дальше, после упорного сопротивления, но на этот раз в них не было уже прежнего бешеного порыва. Они сделались какими-то вялыми, бежали, точно нехотя, издавая

жалобное мычание, спотыкаясь, слабея с каждой минутой.

– Тысяча чертей! – ревел Луш. – Эти проклятые быки оставят нас на мели, и колонисты со своими неграми перестреляют нас, как куропаток!

– Ну-ка, ребята, попытаемся все-таки добраться до леса! – кричали остальные, еще более перепуганные, чем раньше.

– Это бесполезно, – возразил один из португальских моряков, – наши быки ранены стрелами, отравленными ядом кураре, и через несколько секунд они все падут: этот яд никому не дает пощады! Вот, смотрите! – хладнокровно продолжал он. – Видите этот крошечный деревянный колышек, как бы обмотанный белой шелковой паутиной, которая вонзилась в морду моего быка? Не дотрагивайтесь до нее!.. Это стрела индейца, она вернее всякой пули и смертоносней яда гремучей змеи. Все наши быки до последнего ранены, через пять минут ни одного из них не останется.

И действительно, несчастные животные падали один за другим под своими всадниками, мотая отчаянно головой, ворочая уже потухшими зрачками, и, наконец, оставались неподвижны.

Через минуту зеленая поляна стала представлять собою бойню. Вооруженные саблями каторжники, опасаясь кровавого возмездия со стороны поселенца, решили дорого продать свою жизнь и защищаться до последней капли крови.

Но мулат, не разделявший их воинственного настроения, напротив, стоял за сдачу на милость победителя.

– Потому что, если бы этот человек хотел нашей смерти, то мог бы приказать своим индейцам стрелять по нам, а не по своим же быкам! И теперь мы все бы корчились и выворачивали белки, как эта бедная скотина! Значит, он хочет пощадить нас, взять нас живьем! – говорил он.

На это столь логичное рассуждение нечего было возразить. Между тем колонисты успели уже выбраться из-под развалин карбета и, не спеша, с полной уверенностью в себе, приближались к разбойникам. Позади их, на некотором расстоянии, плелись Шоколад, араб и мартиниканец, освобожденные Шарлем и теперь с трудом владевшие своими конечностями, затекшими от пут, которыми они были связаны товарищами. Одновременно из-за деревьев, где они находились в засаде, вышли три индейца, проявившие такую удивительную ловкость в стрельбе отравленными стрелами.

Шарль, остановившись в нескольких шагах от негодей, взвел курок револьвера и сказал самым спокойным, ровным голосом:

– Бросьте ваше оружие и сдайтесь!

Видя по его тону, что всякое сопротивление бесполезно, каторжники поспешили исполнить его требование.

– Ну, теперь подходите один за другим! Табира, возьми веревки от гамаков и свяжи им хорошенько руки за спиной.

Луш, помня свой сан и звание, подошел первым. Вид у него был жалкий; он низко наклонил голову и покорно протянул руки, как человек, которому не впервые надевают на-

ручники или кандалы.

Однако ему хотелось умилоstitивить Шарля и представить ему якобы смягчающие вину обстоятельства.

– Пожалейте нас, великодушный господин, смилуйтесь над нами! – говорил он. – Мы несчастные люди, скорее заблудшие, чем преступные. Мы готовы вам поручиться, что никогда не отважмся снова на подобные дела! Клянусь вам: мы ничего так не желаем, как честно зарабатывать свой хлеб. Дайте нам возможность работать, и вы увидите!..

– Молчать! – крикнул ему молодой поселенец.

– Молю вас, не убивайте нас!.. Бога ради, не убивайте нас, добрый господин... Мы сделаем все, что вы захотите... Мы готовы даже снова вернуться в Кайену, если вы того потребуете... Пощадите нас!..

– Пиражиба, – сказал Шарль, не устаивая ответом негодя, – если этот человек осмелится еще раз обратиться ко мне или к кому-нибудь из вас, ты привяжешь его к дереву и угостишь пятьюдесятью ударами палок по спине.

Это радикальное средство, точно магическая сила, разом остановило поток красноречия старого негодя.

Процедура связывания заняла около двадцати минут так как Табира старался исполнить это крайне добросовестно, сознавая всю важность возложенной на него обязанности.

Надежно связанных каторжников и их сообщников, кроме того, связали по четверо вместе прочными веревками,

так что образовались четыре шеренги, по четыре человека в каждой, и при каждой в качестве надзирателя и караульного состоял один из негров Шарля.

После этого, как свора собак, порученная верным псарям, они двинулись по направлению к подожженному ими карбету. Что же касается трупов убитых волов, то их предоставили в распоряжение муравьям, которые менее чем в одни сутки обчистят их и препарируют трупы, лучше любого анатома.

Индейцы шли по бокам отряда пленных, не спуская с них глаз, на случай, впрочем, весьма вероятный, если бы те вздумали бежать. Шарль замыкал шествие в сопровождении Шоколада, который подробно изложил ему весь ход событий, со времени их бегства из острога до серингаля молодого француза.

Шарль внимательно слушал, не прерывая рассказа, передаваемого глухим, монотонным голосом. Из него поселенец узнал, что негодяи ограбили португальцев в Уасса и чуть не были захвачены ими и препровождены обратно в Кайену. Беглецы с большим трудом ушли от энергичных преследователей, которые гнались за ними долго и неустанно. Избежав, наконец, этой опасности, самой серьезной из всех, каким они подвергались во время этого трудного, опасного и нескончаемого путешествия, каторжники решили добраться кратчайшим путем до берегов Амазонки, где рассчитывали найти возможность перебраться в Бразилию.

Переправившись через несколько рек, обогнув несколько

озер, поблуждав в лесах, перейдя ряд саванн и повстречав несколько племен кочевых индейцев, которые, видя их ужасное положение, снабжали их из милости пищей, они, после целого ряда мытарств, пришли наконец в небольшое селение, жители которого были поглощены ожесточенным боем между собой.

Проученные горьким опытом, что жители спорной территории чрезвычайно щепетильно относятся к своим правам на собственность, беглецы, насколько возможно, воздерживались от грабежа, довольствуясь в большинстве случаев тем, что им добровольно давали.

Видя ожесточенный бой поселян, они воздержались от всякого участия в нем и выжидая его окончания, мучимые голодом, спрятались по соседству с селением в маисовом поле.

Некоторые из дерущихся, окончательно оттесненные, обратились в бегство. Тогда каторжники разумно рассудили, что они могут присоединиться к беглецам. Общность положения могла сблизить их, а знание местных условий жизни очень пригодиться.

Нагнав бежавших с поля сражения, каторжники присоединились к ним и были тем охотнее приняты теми, что усиливали маленький отряд.

Так как их новые союзники, бразильские мулаты, довольно хорошо объяснялись на кайенском наречии, то они легко пришли к соглашению и тотчас же сговорились. Это произо-

шло неподалеку от маленькой речки Тартаругал на территории индейцев из племени куссари.

Мулаты, по слухам зная о молодом серингуеро и его крупном хозяйстве, всячески стали расхваливать его зажиточность, богатые склады и запасы всякого добра. Не подлежало никакому сомнению, что там можно было найти какую-нибудь работу и даже весьма приличный заработок и уж во всяком случае радушный временный приют, в котором беглецы так нуждались.

– Работу! Да это пригодно и прилично только для негров! – воскликнул на это Луш с благородным негодованием. – А мы – французы, белые, европейцы, и этот поселенец примет нас, как равных, и будет счастлив общению с такими людьми, как мы. В случае же, если он не окажет нам должного почтения и уважения, то пусть бережется: мы его проучим по-своему!

Вслед за этим он стал соблазнять мулатов перспективой наживы и грабежа. Его речи не преминули оказать желаемое воздействие на умы слушателей. Не прошло и двух дней, как мулаты решили напасть на серингаль, – так искусно сумел старый каторжник подыскать извинительные причины для подобных деяний. Так как все беглецы были окончательно истощены и изнурены, то договорились в течение нескольких дней обсудить основательно план разгрома, а тем временем во что бы то ни стало подкормиться и поднабраться сил.

Они находились в тот момент среди обширной саванны,

где мирно паслись громадные стада рогатого молочного скота и диких быков.

Бразильцы, привычные к этому делу, изловили с помощью лассо несколько молодых бычков и таким образом обеспечили себя запасом свежего мяса. Затем, продолжая охотиться тем же способом, они поймали еще двенадцать отборных животных. Создав подобие кавалерийского отряда, направились к жилищу молодого серингуэро.

Благодаря поистине удивительному инстинкту мулатов, они, почти не уклоняясь от прямого пути, очутились близ одиноко стоявшего в стороне серингаля, который и поспешили разгромить.

Тогда-то и произошли те события, которые уже известны нам, а именно: разграбление жилища негра бони Квассиба, попытка убить его, поджог строений, усилия Шоколада с арабом по спасению негра, отступление разбойников и появление Шарля.

Отряд пленников и победителей достиг развалин обгорелого серингаля, когда рассказ Шоколада подошел к концу.

– Сударь, вы знаете всю правду без малейшей утайки! Как видите, я согрешил и был наказан, как того заслуживал. Теперь я бежал, это правда, но не мог более выносить своего положения. Я не теряю, однако, надежды выйти на новую дорогу, и мое единственное желание – честно зарабатывать себе на пропитание. Вы, конечно, ничем мне не обязаны; я – человек, стоящий вне закона, беглый каторжник, которого

всякий может безнаказанно убить, как собаку... Но если вы хотите сделать доброе дело и помочь бедняге, который твердо решил жить честно и который не боится никакой работы, дайте мне где-нибудь у себя угол и работу. Дайте займы несколько пригоршней муки, одолжите мне на время орудия, нужные для работы, и вы увидите, что вам не придется раскаиваться в оказанной мне поддержке. Да вот еще эти двое моих товарищей; я уверен, что и они так же, как я, хотят стать честными работниками. Не откажите, сударь, сделать и для них то, о чем я просил для себя. Могу вас уверить, это будет доброе дело, и вы спасете трех несчастных, которые во всяком случае заслуживают сожаления, если не снисхождения!

– Вас зовут Винкельман; вы родом эльзасец, если не ошибаюсь, вы так сказали? – спросил Шарль, не давая прямого ответа.

– Да, сударь! Но только мне тяжело слышать свое настоящее имя. Я так давно не слышал его, давно никто не называл меня так! В остроге, для всей администрации я был просто № 7, а мои товарищи по каторге прозвали меня Шоколадом, и если вам все равно, зовите и вы меня так же!

– Хорошо, – согласился молодой человек. – Теперь выслушайте меня: неподалеку отсюда, в десяти километрах не более, есть местность, изобилующая каучуковыми деревьями. Я намеревался заняться в ближайшее время освоением этой местности. Вы и ваши двое товарищей можете работать там.

Пищевыми запасами, одеждой и необходимыми орудиями, гамаком и чистым одеялом вас снабдят. Вы построите себе там карбет, а двое из моих лучших рабочих обучат вас этой работе, так что вы станете равноправными работниками. По истечении трех месяцев вы доставите мне на дом добытое вашим трудом и получите за него установленную плату. Но не раньше, как по истечении трех месяцев. Поняли? Затем еще одно условие: кроме серьезной необходимости, вы не должны ни под каким видом покидать своих сараев, где будет производиться работа, и своего участка! От вас будет зависеть впоследствии возможность улучшить свое положение!

Каторжник, приложив руку к сильно бьющемуся сердцу, сказал:

– Благодарю вас, сударь: вы спасли мне больше чем жизнь!

– А теперь, – обратился Шарль к остальным, – я, конечно, мог бы сейчас же казнить вас, приказав моим индейцам убить вас, как собак, или же по меньшей мере отправить вас одних в Кайену, а других в Бэлем. И это мое неотъемлемое право, быть может, даже мой прямой долг. Вы пытались совершить убийство моих людей, намеревались разграбить мое имущество, и никто не может мне помешать совершить над вами суд и расправу, так как я считаю это справедливым по чести и совести. Но вместе с тем я не могу допустить мысли, что даже такие люди, как вы, как бы глубоко ни погрязли в пороках, всегда и бесповоротно оставались бы негодьями. И вот, только в силу этого убеждения, я готов пощадить вашу

жизнь и отсрочить ваше водворение в места заключения, то есть в те остроги, откуда вы бежали.

При этих словах, столь великодушных и столь неожиданных для провинившихся негодяев, последние разразились шумными криками радости и выражениями безграничной благодарности.

– Молчать! – гневно прикрикнул на них молодой человек. – Когда я говорю, никто не смеет открывать рта! Вам предоставляется единственная, скорее всего, возможность искупить свои преступления путем труда и раскаяния, и я предлагаю вам верное средство для этого. Завтра днем за вами приедут лодки и отвезут вас в одно место, где вы будете пользоваться относительной свободой, но откуда вы не сможете уйти, даже если бы вы того хотели. В ваше распоряжение будет выделено достаточное количество земли, на которой могут трудиться 50 человек в течение многих лет. Но я должен предупредить вас, что это – остров, совершенно отрезанный от остального мира, доступный только лодкам в пору дождливого времени года. Добраться туда можно только трудными и опасными проходами и проливами, известными только нам одним. В сухое же время года вода пересыхает, и тогда вокруг острова образуется озеро жидкого ила, на котором не могут удержаться даже птицы. Очутившись на этом острове, вы будете в состоянии уйти с него только по моей воле. Вы получите достаточное количество съестных припасов, которых вам должно хватить на известный, назна-

ченный мною срок. Вам дадут одежду, орудия. Вы будете работать и не получите ни нового провианта, ни каких-либо других припасов или предметов необходимости иначе как только в обмен на соответствующее их стоимости количество каучука. Лентяи могут жить, как знают. А в случае, если бы вы каким-то образом ухитрились покинуть остров, и вас увидели бы на моей земле, то знайте, что я вторично не прощу! Помните, что всякое ослушание будет для вас равносильно смерти!

Глава IX

Возобновление работ. – Жестокий, но полезный урок. – Место ссылки беглецов. – Не побеседовать ли нам о каучуке? – Воспоминания о Ла-Кондамине, введшем его в употребление. – Специальные ботанические сведения. – Старый способ эксплуатации. – Новый способ. – Надрезы на деревьях. – Сбор сока. – Испарение. – Вознаграждение серингуэро. – Шестьдесят франков в день! – Одна Амазонка дает четыре тысячи тонн каучука. – Состав сока хевеи. – Первое употребление. – Вулканизация. – Твердый каучук, или эбонит.

Благодаря быстрому и энергичному вмешательству Шарля Робена, в усадьбе и плантации на Арагуари снова водворились мир и спокойствие. Воспоминание о событиях, так сильно взволновавших все население и чуть было не погубивших не только благосостояние, но и самое существование плантации и ее владельцев, мало-помалу сглаживалось.

Из этого не следует, конечно, что трудолюбивые охотники за каучуком совершенно вычеркнули из своей памяти пережитые ими часы тревоги и опасений; напротив, если урок был жесток, то он вместе с тем был и полезен.

К счастью, следствием печального происшествия были чисто материальные убытки, легко поправимые. Оба раненых негра, из которых один в первое время внушал серьез-

ные опасения, именно Квассиба, теперь уже совершенно оправились. Сгоревший серингаль был заново отстроен, и работы возобновились.

Беглые каторжники и их сообщники мулаты, согласно решению Шарля, были выселены на одинокий остров. Эта импровизированная тюрьма, созданная самой природой, лежит между вязкими болотами, находящимися между извилистым устьем Тартаругаля и илистым озером Лаго-Реаль и соединяющимся с Арагуари через узкий канал, доступный только в пору наибольшего половодья.

Остров, будто специально приспособленный для выселения, густо порос каучуковыми деревьями, растущими целыми семействами. Он вырос, как уже было сказано выше, из моря жидкого ила и тины, представляющего собою совершенно непреодолимую преграду в продолжение большей половины года.

Этот остров имел приблизительно около трех лье в окружности и был несравненно надежнее всех административных тюрем, где содержатся преступники.

Через шесть месяцев бегство могло бы еще стать возможным, с помощью специально построенных пирог. Но как не трудно предвидеть, Шарль позаботился о том, чтобы на острове не было оставлено ни одного судна, которым могли бы воспользоваться его опасные пленники, ни одного орудия, необходимого для сооружения шлюпки. Он не сомневался, что в течение ближайших шести месяцев помилован-

ные им негодяи не потревожат его покой. А в течение этого времени Шарль решил обдумать дальнейшую судьбу своих непрощенных пленников. Впрочем, негодяи как будто примирились со своей участью; хорошо снабженные припасами, одеждой и необходимыми для их нового ремесла орудиями, они обещали усердно заниматься добыванием каучука.

Насколько серьезны были эти обещания и намерения, должно было показать будущее. Шоколад и его двое товарищей поселились на участке, отведенном им Шарлем, и с полным усердием принялись за дело серингуеров. Привычные к тяжелому труду, ловкие и сильные, они в короткое время стали образцовыми рабочими.

Заговорив об использовании этого столь полезного и в настоящее время так широко применяемого в нашей современной промышленности вещества, быть может, будет не лишним кратко осветить интересный и важный вопрос о добыче каучука.

Увлеченные нитью рассказа и непрерывной цепью драматических происшествий и моментов, мы до сих пор не имели возможности остановиться на практической стороне промысла серингуера, нередко более прибыльного, чем промысел золотоискателей, и при этом менее тяжелого и требующего самых незначительных затрат.

Искатели каучука, как и золотоискатели, нередко испытывают и восторг и головокружение, а также и свои огорчения. Золотоискатели увлекаются, как азартные игроки, обна-

ружив руду, где сверкают крупницы золота, руки у них дрожат в то время, когда они промывают металл. Серингуеро же не менее взволнован, когда, руководствуясь своим инстинктом, натывается на такое место, где растут в изобилии и во всей своей тропической красе те драгоценные для него деревья, сок которых должен его обогатить точно так же, как золотой песок обогащает золотоискателя.

Заветной мечтой каждого искателя золота является отыскать залежь, то место, где, благодаря известным геологическим условиям, собрался в наибольшем количестве драгоценный металл. Точно так же, если каучуковые деревья различных пород встречаются почти повсеместно в горячем поясе Америки, то каждый серингуеро направит все свои усилия и все свои способности на то, чтобы отыскать место, где эти деревья встречаются не одиночными экземплярами, а целыми семействами. Рощи, состоящие сплошь из одних каучуковых деревьев, являются для серингуеро теми же залежами золота и предметом его страстных надежд.

В известное время в Калифорнии и в Австралии рассказы о баснословных состояниях, нажитых на приисках, о невероятных находках породили всем знакомый психологический феномен, названный образно «золотой лихорадкой». Поиски каучука, его эксплуатация и нередко невероятно громадные барыши, приносимые этой эксплуатацией, породили в свою очередь во многих местах точно такую же «каучуковую лихорадку».

И как знать, может быть, в самом недалеком времени, превосходные места на Амазонке станут таким же местом притока эмигрантов и вообще людей, жаждущих наживы, как золотосные пустыни Калифорнии.

Промысел добывания каучука представляет собою такую великолепную арену для применения энергии и избытка сил человека!

Уже с давних пор индейцы с берегов Амазонки вздумали применять каучук для изготовления различных предметов домашнего обихода. Они весьма умело пользовались этим густым смолистым соком некоторых деревьев, но только путешественники почему-то никогда не упоминали об этом в своих записках и отчетах, вероятно, не обратив на это особого внимания.

В 1736 году Ла Кондамин, посланный в Южную Америку для измерения дуги меридиана, рассказал об этом обычае индейцев в своем докладе Академии Наук, сообщив, что обычай этот – изготовлять различную утварь из густого смолистого сока известных деревьев он наблюдал у индейцев на реке Амазонке на юго-восток от Квито. Это вещество, обладающее любопытным свойством принимать какую угодно форму и твердеть после погружения в кипящую воду, не пропускающее ни воды, ни воздуха, добывается из дерева хэвеа и называется «каучук».

Ла Кондамин является по справедливости крестным от-

цом этого полезного продукта, и ему принадлежит честь ввоза его во Францию и в Европу. Но этот молочный сок, называемый каучуком, имеется не в одном только дереве хэвеа, и не в одной только Южной Америке произрастают растения, дающие это драгоценное вещество. Ствол хэвеа нередко достигает пяти метров в окружности. В центральной Америке, в Индии, на Яве, на Мадагаскаре, в Ост-Индии встречаем разновидности этого растения.

Способы добывания каучука, имеющие столь важное значение для качества этого вещества, еще весьма не усовершенствованы, хотя за последнее время и замечается стремление к улучшению их, о чем в сущности давно уже следовало подумать.

В былые времена серингуеры обычно обвязывали ствол дерева наискось крепкой лианой на высоте пяти-шести футов от земли. На стволе делали надрезы или, как выражаются рабочие, «пускали кровь», повыше того места, где ствол был перевязан. Сок начинал вытекать очень обильной струей, натыкался на лиану, спускался по ней и стекал в глиняный или деревянный сосуд, поставленный у подножия дерева. При этом способе терялось очень много драгоценного сока.

Предварительно приготавливалось достаточное количество глиняных сосудов в виде бутылок или серинг («seringa» – бутыл). Эти бутылки серингуеро погружал одну за другой в молочный сок дерева, быстро испаряющийся на воздухе, а осо-

бенно на солнце или перед огнем. Когда все водянистые части его испарялись, то на сосуде оставался густой слой клейкого каучука, приставшего к глиняной бутылки. Затем эту бутылку погружали в жидкий сок каучука снова и снова, пока на бутылки не образовывался достаточно толстый слой этой клейкой массы. В дне бутылки пробивали отверстие и погружали ее в воду, чтобы глина размякла и вылилась вон, а каучуковая бутылка отправлялась на продажу. Полученный таким способом каучук содержал в себе много земли, глины и воды и требовал тщательной очистки, при которой отчасти терял свои качества.

Впрочем, такой способ был вскоре заменен другим, с аналогичным принципом, но применение которого значительно экономичнее и дает продукт несравненно более чистый. В Бразилии этот способ называется «тигельхинас», – то есть маленькие чашки.

Вот его описание. Лиана совершенно не применяется. Серингуэро просто делает во всю глубину коры надрезы длиной в 3–4 сантиметра и под каждым из этих надрезов размещает маленький стаканчик из белой жести, используя комок мокрой глины, на котором устанавливается стаканчик.

Это проделывается чрезвычайно быстро поутру между 8 и 10 часами. В полдень все стаканчики уже наполнены молочно-белой, точно густые сливки, жидкостью. Рабочий время от времени совершает обход деревьев с ведром, куда выливает содержимое стаканчиков, а затем ставит стаканчики на

прежнее место.

После этого он возвращается в свой карбет, подле которого, на открытом месте, устроена коптильня, род немудреной печи, снабженной сверху трубой, куда выходит дым. Для этой цели употребляется специальное топливо, – плоды пальмы.

Вместо глиняной бутылки используются деревянные лопатки, напоминающие колотухи деревенских прачек, с той только разницей, что у этих лопаточек острые края. Серингуеро обмакивает свою лопаточку в молочную жидкость и подвергает ее действию горячего дыма. Водянистые части каучука быстро испаряются, и на лопаточке остается тонкий слой клейкого вещества. Тогда повторяется тот же прием, отчего получается ряд новых слоев этого вещества, совершенно ровных, чистых и эластичных. Когда толщина слоя каучука, образовавшегося на лопатке, считается достаточной, то рабочий ударяет ребром лопатки о какое-нибудь твердое тело, преимущественно о камень. Режущий край лопатки разрезает сперва с одной, потом с другой стороны слой каучука, так что получаются два ровных и красивых пласта совершенно чистого каучука. Пласты эти тотчас же подвергаются действию солнца, чтобы водянистые частицы испарились как можно быстрее и основательнее.

Испарение влаги должно быть как можно более полным, так как присутствие воды неминуемо вызывает брожение, а

как следствие – негодность всего материала. Прокапчивание каучука в дыму противодействует процессу брожения и разложения, но этого не всегда бывает достаточно. Словом, серингуеро прежде всего не должен забывать, что его главный враг – брожение.

В последнее время этот способ пытались улучшить, но он остается все-таки самым распространенным.

На этом оканчивается задача серингуера. Его каучук отправляется в виде пластинок или прямо в Европу, или в Соединенные Штаты Америки, где поступает во всевозможные мануфактуры, фабрики и мастерские.

Но теперь почти сам собою встает вопрос: сколько же этой драгоценной жидкости может дать одно дерево? Сколько может заработать на этом деле усердный и добросовестный рабочий в день?

Три литра жидкого сока хэвеа дают один килограмм сгущенного каучука, за который рабочий там на месте получает 4 франка.

Дерево, имеющее ствол не более 50 сантиметров в окружности, может дать в среднем 54 литра молочной жидкости, из которой получится 18 килограммов плотного, сгущенного каучука, что приносит денег 72 франка с каждого дерева.

Там, где деревья встречаются целыми семьями, то есть группами, а не поодиночке, как, например, в местности между Арагуари и Яари, а серингуеро человек деятельный и работающий, он без особого труда может добыть 15 и более ки-

лограммов каучука в день, что составляет по средней цене 4 франка 60 франков в день.

Свыше десяти тысяч чернокожих ежегодно занимаются этим делом, и один город Пара продает ежегодно на 15 миллионов каучука, то есть в три раза больше, чем французская Гвиана продает золота.

Посредники между производителями и промышленниками наживаются, покупая продукт на месте и затем собирая его перед отправлением, так что на рынке в Гавре цена каучука достигает в среднем от 10 до 12 франков за килограмм, в зависимости от качества.

Добавим ко всему вышесказанному: этот промысел в некоторых частях Бразилии настолько прибылен, что одна провинция Амазонка в настоящее время экспортирует около 4 миллионов килограммов в год на сумму около 40 миллионов франков.

И подумать только, что эти 40 миллионов добываются из маленьких жестяных стаканчиков, установленных под надрезами коры хэвеа!

Теперь закончим несколькими словами отступление от хода рассказа, без чего наш роман «Искатели каучука» совершенно утерял бы свое истинное значение.

Итак, каучук в своем чистом виде бесцветен и прозрачен, но тот, который поступает в продажу, всегда имеет коричневую окраску, более или менее темную, приобретаемую от дыма при окуривании и удалении водянистых частиц, содер-

защищая в нем.

Это вещество мягкое, гибкое, эластичное при температуре в 10 градусов, почти не изменяющееся от действия воздуха и абсолютно не пропускающее влагу или воду, горючее и дающее при горении яркое пламя с копотью и весьма неприятным смрадным запахом. Оно еще обладает свойством тотчас же плавиться, если соединить вместе две только что разрезанные части.

В кипятке каучук быстро размякает и вздувается, но не растворяется, точно также и в спирте. Растворяющими каучук веществами являются: керосин очищенный, эфир, скипидар, бензин и главным образом сероуглерод.

Что же касается собственно каучука, очищенного от посторонних примесей, то он состоит из углеводов и содержит в себе 87,2 % углерода и 12,8 водорода. Кроме того, известно, что он является плохим проводником тепла и совершенно не проводит электричество.

Первоначально применение каучука было самое скромное, и ничто не позволяло предвидеть в будущем столь широкого его использования. Сначала он служил только для стирания карандаша с бумаги и чистки обоев. В 1785 году физик Шарль одним из первых использовал непромокаемость каучука и его эластичность, растворив его в скипидаре и покрыв этим раствором воздушный шар с водородом. В 1790 году стали пропитывать этим раствором различные ткани и фабриковать рессоры.

В 1820 году Надлер придумал вводить в ткани нити каучука, но действительно непромокаемые одежды и плащи впервые удалось изготовить только Макинтошу, который между двумя полотнищами шерстяной мериносовой ткани проложил тонкий слой каучука.

К 1840 году относится весьма важное событие, сделавшее применение и употребление каучука почти универсальным. Именно до этого времени применение каучука было ограничено: сильный жар делал его слишком мягким, а холод лишал эластичности.

Вулканизация, изобретенная англичанами Ханкок и Бродинг, окончательно уничтожила эти недостатки каучука; этим способом им удалось сделать его недоступным влиянию внешней температуры и вместе с тем сохранить всю его непромокаемость, гибкость и всю присущую ему эластичность.

Соединение с серой в известной пропорции, более или менее значительной, в зависимости от степени твердости, какую желают придать изготавливаемым предметам, – в этом состоит весь секрет вулканизации.

С тех пор появилась возможность вырабатывать различные сорта каучука и применять его для всевозможных целей. Тогда началось производство каучуковых труб, проводов, мячиков для детей, эластичных каучуковых тканей для подвязок, подтяжек, поясов, частей для хирургических инструментов, зубных щеток, спасательных кругов, губок, ти-

пографских валиков, пожарных кишков, передаточных ремней, портсигаров, гребенок, половиков, галош, детских игрушек (кукол и животных), тканей для дождевых плащей, всевозможных сосудов, акустических приборов, резиновых подушек и так далее, – всего нельзя даже и перечислить.

Если увеличить примесь серы, то каучук теряет свою эластичность и приобретает твердость, блеск и вид черного дерева или черепахи. Для этого надо только довести каучук до мягкости теста, при температуре в 150 градусов, и прибавить в него серы в количестве равном одной пятой части его веса. Тогда он получает название «твердого каучука», или «эбонита».

Применение его, можно сказать, почти универсально, так как ему можно придать любую форму и сделать его пригодным для любого назначения.

Сульфуризация (прибавка серы) делает каучук в такой высокой степени неизменяющимся ни при каких условиях, что он еще более противится действию всяких растворяющих веществ, чем даже эластический, вулканизированный каучук.

Глава X

Жизнь искателя каучука. – Иные времена – иные нравы. – Прежние колонисты и нынешние. – Время – деньги! – Без передышки. – Каким образом дикари-индейцы обделывают свои дела. – Верность слову. – Цивилизованные индейцы становятся испорченными и развращенными. – Неожиданное появление Шоколада. – Побег ли это? – Бедствие на скотном дворе. – Таинственные воры. – Никаких следов. – Прием индейца Пиражиба. – Ловушка. – Результаты. – Гигантский змей Амазонки.

Глядя на каучуковое дело, можно подумать, что жизнь серингуэро – одно наслаждение, а сам он, с первого взгляда, представляется кем-то вроде сатрапа, утопающего в роскоши, как нельзя лучше приспособленной к условиям жизни под тропиками.

Рассказы о жизни прежних плантаторов, конечно, немало способствовали такому ложному представлению. Но теперь – иные времена, иные нравы!

Плантатор доброго старого времени, раз наладив промышленную и сельскохозяйственную сторону дела, беззаботно предавался своему легендарному тунеядству. Земли его обрабатывались, как попало, согласно традициям предков. Рабы-невольники под кнутом управлятеля и надзирателей сажали сахарный тростник и в надлежащее время сре-

зали его. Самые примитивные мельницы обрабатывали его, сок извлекали по некогда выработанной в старые времена технологии и затем отправляли на рафинадные заводы в Европу.

Плантаторы не заботились даже об уменьшении числа рабочих рук, об усовершенствовании способов обработки, об улучшении продуктов... К чему? Они и без того ели вкусно, пили сладко, спали мягко, в прохладе, тишине и покое, курили чудные сигары и гнали от себя всякую заботу, а в качестве развлечений то катались на лодках, то верхом.

Словом, они не видели даже своей курицы, несущей золотые яйца, а только яйца, и даже не интересовались источником всех этих благ. Поэтому всегда оставались неспособными помочь себе в момент какого-нибудь кризиса или обеспечить себе безбедное существование в будущем.

Быть может, этот удивительный застой всяких физических и умственных способностей следует приписать отвратительному обычаю рабовладения, при котором истязание одной половины рода человеческого развращало и способствовало вырождению другой.

Как бы то ни было, но настал момент, когда лихорадочный порыв сдул знойным дыханием эту отвратительную спячку, повсюду, от высших и до низших ступеней общества. Во всех отраслях промышленности и торговли, во всех странах и под всеми ветрами, люди приняли за девиз американскую пого-

ворку: «Время – деньги!»

И никто не избежал этой перемены: рудокопы и инженеры, скотоводы и плантаторы, заводчики и фабриканты, производители кофе и сахарного тростника, искатели золота. Все стали соперничать друг с другом и между собой: кто проявит больше энергии, кто двинет вперед свое дело. Все стали работать, не покладая рук, памятуя, что пропущенное время не вернуть, что потраченный даром час унес с собой ту прибыль, которую он мог бы принести. Все старались сделать как можно лучше и как можно больше.

Искатели каучука, какими мы их видим теперь, мало походили на прежних плантаторов. Шарль не ограничивался тем, что посылал своих людей расставлять стаканчики под надрезами в коре каучуковых деревьев и затем терпеливо ожидать их возвращения с пластинами каучука, полученными после испарения молочного сока и обработки его, как это было описано выше. Нет, его задача была не столь легкая.

Прежде всего, он считал своим долгом позаботиться о потребностях своих полутора или двухсот рабочих, и не только позаботиться об их нуждах, но и запасти в складах все необходимое для них – по меньшей мере на год вперед.

Над добыванием каучука работали у него всего две трети наличных рабочих; остальные же расчищали и корчевали леса под посевы, возделывали землю, сажали маниок, маис, иньям, пататы и тому подобное, удобряли пастбища, разводили скот, возводили постройки. Кроме того, сажали сахар-

ный тростник, табак, ухаживали за кофейными плантациями, собирали бананы, хлопок и многое другое. Местные серингуэро вынуждены были заниматься земледелием, наравне с главным промыслом.

Но и это еще не все. Остается еще сбор лесных плодов, дающих масло и волокна, ловля черепах и пираруку, местных рыб, являющихся одним из важных питательных продуктов в этой местности. Все это, кроме сбора, требовало еще уборки, вяленья и сохранения впрок, в складах, приспособленных для этих продуктов. Наконец, на хозяине лежала забота о содержании и изготовлении рыболовных снастей, судов и так далее.

Вы скажете, что все это лежит на рабочих. Конечно! Но каждый, кому известна непреодолимая апатия, лень и полное отсутствие всякой инициативы у чернокожих, знает, что они пальцем не шевельнут и с места не тронутся, если над ними не будет стоять хозяин, не будет указывать им и следить за исполнением его приказаний. И вот поэтому-то хозяин уже с рассветом выходит из дома осматривать саванны, то есть пастбища. Он видит, что один из лучших его лугов уже несколько дней заполнен сорняками, которые заглушают своими твердыми жесткими стеблями сочные кормовые травы.

Тотчас же надо снарядить людей и поджечь эту часть пастбища, а затем следить, чтобы пожар не распространился дальше, направлять его, не то вспыхнет пожаром вся саван-

на.

Тем временем уже явился рабочий с одной из серингер донести, что на их участке деревья истощены, что в мастерской приостановилась работа. Надо тотчас же отправляться на розыски нового участка каучуковых деревьев, быть может, на несколько дней, вооружившись компасом, бродить по лесу, жить, как дикари или лесные бродяги, а отыскав участок, спешить назад, захватить что надо и устроить на новом месте новый серингаль, снабдить его и рабочих всем необходимым и пустить дело в ход под личным наблюдением.

Едва хозяин управился с этим, как прибывает из Кайены береговое почтовое судно и привозит почту, а с ней и сведения о ценах на разные товары на всех мировых рынках. Надо во всем этом разобраться, подумать и вывести соответственно свои расчеты. Но вот уже новое дело требует его внимания и его распоряжений: на каком-то из его катеров оказался неисправным мотор. Надо осмотреть, заменить поломанные или попортившиеся части новыми, разобрать и все это сделать самому или под своим непосредственным наблюдением.

А тут ждет уже новая забота и работа: вот с одним из рабочих случился солнечный удар; необходима немедленная помощь, а оказать эту помощь может только он, хозяин: ведь ни врачей, ни больниц нет. Там другого бьет лихорадка, третьему бревном переломило руку; единственный врач – хирург и фельдшер – все тот же хозяин.

Вот группа совершенно диких индейцев явилась для тор-

говых сделок. Их надо принять как можно радушнее: это лучшие рабочие и при том честнейшие люди. Но их трудно поселить вблизи жилья: все они прирожденные кочевники, дети вольных степей. Но Шарлю удалось удержать подле себя человек пятнадцать с их семьями; они пасут стада, так как это дело им больше по душе.

Вновь прибывшие не понимали ни одного слова ни по-португальски, ни на общепринятом языке в низовьях Амазонки, *lingua geral*, на котором изъясняются почти все индейцы. Но что из того? Сговориться при желании всегда можно. Их всего человек двенадцать, мужчин, женщин и детей, в лодке, крытой наполовину большими листьями.

Самый старый из них (по-видимому, вождь, так как в руках у него трость, знак власти, а голос и жесты повелительны) идет прямо к хозяину; тот ведет его к магазинам и складам. Но дикарь, по-видимому, ничуть не удивлен громадными запасами самых разнообразных предметов и припасов. Он молча указывает на пилу, топор, зеркало, нож, гвозди, проволоку и так далее.

Он выбирает наугад то, что ему нравится, собирает все это в кучу, относит в свою лодку и возвращается назад все той же небрежной, величавой походкой, не проронив слова.

Увидав сложенные груды каучука, он отбирает часть и указывает на нее Шарлю, считая, что это количество каучука соответствует по своей стоимости цене забранных им предметов.

На это Шарль отрицательно качает головой. Тогда индеец призадумывается на минуту; он готов уже вернуться к своей лодке и принести обратно отобранные им предметы... Но нет, он молча начинает увеличивать свою грудку каучука, прибавляя к ней пласт за пластом и глядя все время вопросительно на Шарля, как бы спрашивая его: «Ну, а этого достаточно?»»

Наконец Шарль утвердительно кивнул головой.

Договор заключен. Тогда индеец оборачивается спиной к солнцу, указывает на небо и затем подымает четыре пальца.

Это означает, что через четыре лунных месяца он доставит плантатору количество каучука, равное отложенному.

Затем он достает свою трубку, смотрит на молодого хозяина серингуэро. Тот приказывает дать индейцу пачку пресованного табака. Индеец берет ее, не спеша направляется к одной из ближайших хижин, поднимает горячую головню, уносит ее к себе на лодку, ставит парус, и отплывает со всей своей родней, не проронив ни слова, не сделав ни единого жеста. Глядя на остальных, можно подумать, что они ничего не поняли, ничего не слышали. Между тем каждый из них все видел, каждый знает о заключенном соглашении. В назначенный срок, день в день, час в час, та же лодка пристает к серингалю, и те же люди будут на ней. Они перенесут в склад определенное количество каучука, не убавив и не прибавив ни одного пласта против того, что было условлено.

Тогда их вождь достает свою трубку и смотрит вопроси-

тельно на хозяина. Тот прикажет дать ему пачку табака, после чего индеец протянет хозяину сосуд, не уступающий по величине и объему кубкам, из которых пили герои Гомера. Когда его наполнят тафией, он отопьет из него вволю, затем передаст своим соплеменникам, не исключая женщин и детей. Все выпьют из этого сосуда, и когда в нем не останется больше ни капли, один из них пойдет за горящей головней, чтобы захватить ее с собой на дорогу.

И они уедут, как приехали, не сказав ни слова, не спросив ни о чем, и когда-нибудь снова вернуться сюда точно таким же манером. И так они поступают всегда, никогда не изменяя своему слову, не нарушая данного обещания.

Это относится главным образом к диким индейцам, не вкусившим еще плодов цивилизации, потому что, увы, – индейцы цивилизованные (как, например, тапуьи или кабокио), живущие в низовьях Амазонки, постоянно общаясь с белыми людьми по меньшей мере сомнительной репутации, уже утратили ту безупречную честность, какая присуща их диким соплеменникам.

Такие случайные явления и разные непредвиденные события постоянно нарушают регулярное течение жизни серингуеро, выбивая его на время из колеи, отвлекая от дела, внося перемены и оживление в его однообразную жизнь. Кроме того, ему еще нужно находить время обучать и воспитывать своих детей, чтобы из них не выросли белые дикари.

Наконец, есть еще целый ряд всяких неожиданностей, как

мы это только что видели, при набеге беглых каторжников, и как это вскоре еще раз увидим; неожиданностей, всегда влекущих за собой множество волнений, опасений и трудов.

Прошло около двух с половиной месяцев с того времени, когда Шарль так удачно и благополучно сумел защитить свое жилище от негодяев, покушавшихся на его достояние. Он только что проводил безмолвный экипаж туземной лодки, на которой приезжали дикие индейцы, и мысли его почему-то вдруг перенеслись к Шоколаду и его двум товарищам, которых он не видал с самого дня переговоров с ними там, на прогалине.

Через своих людей он знал, что все трое работают усердно и что все они здоровы. Этого пока ему было достаточно, и он с удовольствием думал о приближении того момента, когда можно будет перевести их поближе к усадьбе и присоединить к многочисленному персоналу своих служащих.

Принимая во внимание прошлое этих несчастных, которые все-таки сумели устоять против развращающего действия каторги и теперь проявляли старание и усердие в работе, беспрекословно подчинившись запрету приближаться в течение назначенного им срока к жилью, Шарль думал о том, что они вполне способны стать достойными членами человеческого общества.

На его глазах уже было такое искреннее и полное возрождение одного бывшего преступника и беглого каторжника,

фальшивомонетчика, Гондэ, который двадцатью годами безупречной жизни искупил свое бывшее преступление и сделался доверенным человеком его отца.

Вот почему он мог надеяться, что и обращение трех ка-торжников будет его победой и торжеством, а возвращение их на путь истинный будет искренним и бесповоротным.

Он не в состоянии был удержаться от недоумения и разочарования при виде высокого мужчины, тяжелой походкой приближавшегося к нему с низко опущенной головой.

Завидев Шарля, этот человек, у которого был крайне несчастный и смущенный вид, снял свою грубую соломенную шляпу, несмотря на опасность солнечного удара. Это был Шоколад.

– Накройтесь! – резко приказал Шарль. – Вы должны знать, как легко здесь схватить солнечный удар.

Затем, все так же резко и строго, он добавил:

– Что вам надо? Зачем вы пришли? Зачем явились сюда без моего разрешения?

Шоколад стоял перед ним бледный и дрожащий, смущенный и растерянный, как провинившийся ребенок, и бормотал несвязные извинения.

Видя волнение бедняги, Шарль счел нужным успокоить его, поняв, что, быть может, уважительные причины заставили того нарушить запрет.

– Ну, объясните, в чем дело, – сказал он более мягко. – Я готов вас выслушать!

Обычно, когда каторжнику предоставляется возможность говорить, то он говорит с такой необычайной словоохотливостью, с такой вычурностью и витиеватостью, точно хочет показать, что не разучился еще выражать свои мысли образно и красиво, не утратил способности говорить последовательно и ясно.

Молодой человек, которому часто приходилось сталкиваться с беглыми каторжниками или отбывшими срок наказания, отлично знал эту их особенность и потому оценил сжатость и сдержанность речи Шоколада.

– Вы изволили сказать, сударь, – начал беглец своим обычным, глухим, как бы сдавленным голосом, – что в случае серьезной опасности или заболевания кого-нибудь из нас один из троих может прийти сюда и сообщить о случившемся... Вот я и пришел!

– Что же у вас случилось? Вам грозит какая-нибудь опасность? Какая?

– Я, право, и сам не знаю; но вот уже неделя, как нас каждую ночь обкрадывают...

– Ну, ну... говорите, я слушаю!

– Воры, видите ли, приходят каждую ночь, а так как вы нашли нас тогда в такой компании, то можете думать...

– Неужели вы полагаете, что те могли уйти оттуда?.. Это совершенно невозможно...

– Нет, я этого не говорю, но только у нас происходят странные вещи... Вы были столь добры, что прислали нам

свиней, овец и птицу. Наш скотный двор процветал благодаря уходу Арби, нашего араба, сведущего в этом деле, и вдруг на прошлой неделе мы, встав утром, видим, что наша изгородь разрушена, и одной свиньи нет. На другой день пропала другая, через день – третья; затем пришла очередь овец, а теперь у нас осталась только одна птица!

– И вам не удалось изловить вора?

– Мы сторожили по очереди все ночи напролет, но напрасно; и, что всего хуже, мы даже нигде не могли разыскать следов. Мне уже думалось, что это дело ягуара, но в этих местах ягуаров нет, это несомненно!

– Странно! Быть может, вы просто не сумели отыскать след! Подождите, я отправлю с вами одного из моих индейцев или даже двух: для них лес не имеет тайн, и я уверен, что они найдут какой-нибудь знак.

– Ну, а если это люди, сударь?! Какие-нибудь лесные бродяги, которые умеют замечать и скрывать свой след так, что могут даже провести краснокожих? Я, видите ли, долгое время жил в лесах, вместе с индейцами, и кое-чему научился у них, но, несмотря ни на что, все-таки ничего, ничего не нашел!

– Ну так мы сделаем еще лучше! – решил Шарль. – Я пойду с вами сам и возьму с собой нескольких индейцев и нескольких негров. А вы отдохните с дороги; вас сейчас проведут в одну из хижин, накормят, а завтра, мы отправимся с рассветом.

– Если бы я осмелился, то попросил бы вас, сударь, разрешить мне сейчас же вернуться: товарищи без меня умрут от страха.

– Пусть будет так; мы все отправимся туда сейчас же! – решил Шарль.

Не теряя времени, снесли в шлюпку припасы, гамаки и оружие, созвали людей. Молодой хозяин простился с семьей, и, всегда готовый везде и все делать самому, направился в сопровождении своих людей к лодке. Этот путь, хотя и несколько длиннее, был гораздо удобнее и менее утомителен, чем по суше.

Экипаж маленького судна, состоявший всего-навсего из двух индейцев и четырех негров, что вместе с Шоколадом и Шарлем составляло восемь человек, прибыл на место ровно за час до захода солнца. Таким образом, молодой человек имел полную возможность обследовать всю местность вокруг жилья, разыскать след похитителей и принять соответствующие меры.

В сопровождении неразлучного Пиражибы он описал несколько кругов вокруг карбета, пока остальные его люди раскинули шатры и исправили поломанную изгородь, за которой поместили двух привезенных с собой свиней.

Не прошло и десяти минут, как Пиражиба вдруг остановил своего господина, указал ему на длинный след, похожий на широкую борозду, промятую в траве, и произнес одно только слово:

– Сикуруи!

– Ну, слава Богу! Это только змея! – воскликнул Шарль со вздохом облегчения. Затем, войдя в хижину и обращаясь к Шоколаду, он добавил:

– Будьте спокойны, друзья, теперь мы знаем вора! Вы хорошо сделали, что предупредили меня о ваших пропажах: ведь это чудовище, не находя более ничего себе по вкусу на вашем скотном дворе, при первом случае проглотило бы одного из вас! Судя по следу, это змея порядочных размеров. Ну, а теперь, Пиражиба, друг мой, ты знаешь, что надо делать в подобных случаях... Надо во что бы то ни стало изловить этого вора сегодня же!

– Да, господин! – отозвался индеец. Не теряя времени даром, он пошел к лодке, отыскал в ней один из тех громаднейших крючков, на которых удят самую крупную рыбу, и длинную и крепкую лесу такой прочности, что она легко могла выдержать вес свыше тысячи килограммов.

Насадка была уже готова – одна из двух молодых свинок, привезенных ими, которая теперь так вольготно расположилась в опустевшем загоне и, благодушно похрюкивая, с наслаждением уплетала кукурузу.

Пиражиба безжалостно прервал это приятное времяпрепровождение, связал ей ноги и, не обращая внимания на отчаянный визг, сделал на спине два параллельных продольных надреза. Затем он продел ей под кожу сквозь жировой слой острие своей сабли так, что из кожи и жировой ткани

спины образовалась петля или ручка, куда можно продеть уду с крючком.

Так делают рыбаки, насаживая живца на крючок в качестве приманки.

Свинка, накричавшись вволю, наконец смолкла и лежала совсем смирно, убедившись, что никак не может избавиться от мучительного железного крючка.

Наступила ночь, но обитатели карбета не спали, в тревожном ожидании, чутко прислушиваясь к малейшему шороху.

Вдруг лежавшая все время безмолвно и неподвижно свинка отрывисто захрюкала.

– Змея тут, близко! – шепнул один из негров, – и она голодна!

– Молчи! – шепотом остановил его Шарль.

Протяжный крик отчаяния сменил отрывистое хрюканье свинки, затем послышался тихий шелест в траве и ничего больше. В продолжение целой четверти часа – ни звука, ни малейшего движения.

Змея здесь, но проглотила ли она приманку? Впрочем, вскоре раздался хруст и треск, вслед за ним оглушительный шум, как от падения подрубленного дерева, шум, от которого содрогнулись столбы и балки карбета.

– Ага... старая матка-змея – попалась! – весело воскликнул негр, ненавидевший всеми силами души всех гадов.

При этом бедняга отважился выйти из-под навеса и сделать несколько шагов вперед, и вдруг, как подкошенный,

упал на землю, отчаянно вскрикнув от охватившего его ужаса. Что-то тяжелое, плотное, чего он не мог разглядеть во мраке, пронеслось над ним со свистом и быстротой циклона.

Изгородь загона разлетелась в щепки, как от налетевшего урагана, даже земля задрожала, а обломки полетели во все стороны. В воздухе запахло отвратительным запахом мускуса.

К счастью, негр отделался одним страхом. Он потихонечку, ползком, на четвереньках возвратился в карбет и, стуча зубами, пробормотал:

– Господин, бома (змея) проглотила крючок. Она крутится и извивается вокруг дерева... мы можем пойти и отцепить ее теперь!

Но Шарль, не отвечая, высек огонь и проворно зажег несколько каучуковых факелов, употребляемых в серингальных и дающих ослепительно яркий свет.

Прием индейца оказался чрезвычайно удачным: действительно, гигантская змея амазонских девственных лесов извивалась и корчилась на крючке Пиражибовой удочки. Никогда еще за все двадцать пять лет своей жизни в безлюдных экваториальных пустынях молодой серингуэро не видывал чудовища таких размеров.

Колеблющийся свет факелов придавал чудовищу еще более отвратительный и ужасный вид. С присущей змеям жадностью, она проглотила молодую свинку, а вместе с ней и огромный крюк, не обратив внимания даже на близость

человека. Стальной крюк глубоко вошел змее в горло и, несмотря на все ее конвульсивные усилия, ей не удалось ни проглотить, ни отрыгнуть его.

И вот громадное чудовище корчилось и извивалось, то сворачиваясь в клубок, то сгибаясь дугой. Затем вся эта груда отвратительных зеленоватых колец вдруг развернулась, и змея обвилась вокруг ствола дерева, повиснув головой вниз. Обезумев от боли, причиняемой острыми лапами крючка, расвирепев от силы сопротивления, чудовище наконец упало на землю и поползло вокруг дерева, то вытягиваясь во всю длину, то сокращаясь.

Шарль, опасаясь, что веревка не выдержит таких усилий и порвется, решил побыстрее покончить с чудовищем. Воспользовавшись моментом, когда, немного обессилев, змея на мгновение осталась неподвижной, он дважды выстрелил ей в голову из своего превосходного английского ружья.

Смертельно раненное, но все-таки ужасное, чудовище конвульсивно извивалось еще в течение нескольких минут, – так живучи эти громадные гады, – наконец, замерло.

Когда спустя полчаса стало ясно, что змея действительно сдохла, Шарль и остальные присутствующие с трудом могли поверить своим глазам: чудовище оказалось длиной до двадцати двух метров! Судя по черным на темно-сером фоне пятнам, а главное, по ее размерам, это была анаконда, или сикуруи, которую не следует смешивать с боа, так как эта

змея главным образом водяная.

Но все на свете кончается, пришел конец удивлению Шарля и его людей. Хозяин угостил всех участников этой экспедиции, а также и трех бывших каторжников обильными порциями тафии и табака, после чего все мирно улеглись в свои гамаки и проспали до утра, чтобы на завтра приняться за выделку превосходной змеиной шкуры.

Глава XI

Утро в девственном лесу. – Змеиная шкура. – Приятная неожиданность. – Работа трех товарищей. – Что араб и мартиниканец думают сделать со своими деньгами. – Возвращение на пироге. – Груз каучука. – Господин избирает сухой путь. – Семейство на пристани. – Нет ни белых, ни черных, все люди братья. – Тень. – Разочарование. – Ожидание. – Тревога. – Мучительные опасения. – Шарль не возвращается. – Поиски. – Ужас лесных бродяг. – Катастрофа. – Страшное пробуждение.

Долгой тропической ночи, наконец, пришло на смену утро.

Солнце как-то неожиданно зажгло высокие верхушки деревьев, и туман, окутывавший своим густым молочно-белым покровом поляну, мигом рассеялся.

Как обитатели хижины, так и временные гости давно уже проснулись. Однако присутствие господина на этот раз помешало обычному гаму, каким всегда сопровождается пробуждение негров. Шумливые и веселые, как взрослые дети, негры, едва спустив ноги с гамака, имеют привычку начинать день оживленными окликами, шутками, возней, толкотней, бешеными скачками и прыжками, гомерическим смехом и хохотом.

Ночь на нулевом градусе широты, длящаяся по мень-

шей мере десять часов, с избытком дает возможность восстановить силы, потраченные на дневной труд. Шарль же, как большинство европейцев, даже акклиматизировавшихся, спал только с полуночи и потому проснулся последним.

– Ну, ребята, – крикнул он, бодро соскочив на землю, – теперь давайте умываться! Первый, кто будет готов, получит двойную порцию!

Не трудно было предвидеть, что не оказалось ни первых, ни последних: все были готовы одновременно.

Умывание заключалось в том, что все кинулись в реку, где смешались в кучу черные и медно-красные тела. И негры, и индейцы, мокрые, со струйками воды, стекавшими по груди и по спине, со всех ног побежали получать обещанную порцию нектара из сахарного тростника.

После этого приступили к выделке змеиной шкуры.

Эта операция обычно не представляет трудностей, даже если животное больших размеров. Змею обвязывают вокруг шеи крепкой лианой и подвешивают к одному из поперечных сучьев большого дерева. Человек, вооруженный острым ножом, вонзив его в самую глотку змеи, повисает на нем и спускается, обхватив ногами туловище змеи и продолжая виснуть на ноже, который под давлением тяжести человека, разрезает по прямой линии кожу змеи с нижней стороны от головы до хвоста. Потом человек снова взбирается на дерево, обрезает кожу вокруг головы, заворачивает ее, спускает завернутую часть вниз, и товарищам его остается только

тянуть шкуру, чтобы отделить ее от мяса.

В данном случае этот способ не устраивал из-за необычайной величины и страшного веса убитого чудовища. Понадобилась бы по крайней мере особая лебедка, чтобы поднять кверху пресмыкающееся; кроме того, даже рослый человек едва ли бы мог спуститься по этому огромному туловищу, представлявшему собою толстый цилиндр.

Поэтому Шарль решил снять шкуру прямо на земле, постепенно приподнимая шестью громадное туловище, чтобы легче было сдергивать с него кожу. Дело подвигалось медленно, но без неприятностей.

Сдернутую кожу натерли золой и скатали, в ожидании надлежащей отделки, так как зола предохраняет ее от насекомых и от гниения.

Отложив в сохранное место драгоценную добычу, молодой плантатор стал осматривать, в ожидании завтрака, участок, освоенный его новыми рабочими из беглых каторжников, и высчитывать приблизительно то количество каучука, какое он мог дать. Обычно не щедрый на похвалы, а также и на упреки, на этот раз Шарль не мог удержаться, чтобы не выразить своего удовольствия по поводу того, что увидел здесь. Около 3000 килограммов каучука превосходного качества, чистого, совершенно однородного, отлично высушенного, отвечающего требованиям самого взыскательного и капризного покупателя, было сложено у новопоселенцев в строгом порядке на полках из досок, рядами с промежутка-

ми, дающими доступ воздуху.

Но это еще не все; трое товарищей вырыли под полками небольшие ямки, где время от времени разводили огонь, не слишком сильный, из легкого хвороста, который изгонял последние следы влажности и, так сказать, довершал первоначальную сушку.

Этот добавочный уход за изготовленным каучуком, кажущийся на первый взгляд излишним, на самом деле настолько улучшает качество каучука, что стоимость его сразу повышается на 1 франк за килограмм.

– Прекрасно, друзья мои, прекрасно! Я очень доволен, – сказал Шарль, – каждый из вас получит по добавочной тысяче франков на свою долю.

– Тысячу франков! – воскликнул араб, сияя от радости. – Тысячу франков чистыми деньгами?

– Да, чистыми деньгами, если ты этого хочешь, друг мой! Но скажи, что ты думаешь делать с этой суммой?

– Я оплачу свой проезд обратно в Алжир, на остальное куплю лошадей и мулов и буду кормить свою старую мать, жену и детей!

– Но, милейший, ты не можешь вернуться в Алжир: там тебя снова заберут и вышлют в Кайену!

– Но если я окажусь хорошим работником, вы, господин, испросите у президента республики разрешение на помилование, и тогда... мне можно будет вернуться к своим!

– Да, конечно, я охотно сделаю это! Но разве ты так хо-

чешь покинуть меня? Подумай только, как быстро ты можешь разбогатеть здесь, тогда как там тебе придется влачить жалкое существование!

– Да, господин прав, но моя старая мать там, моя добрая жена и дети...

– Но кто же мешает тебе выписать их сюда? Они будут членами нашей семьи! Я могу написать им, когда хочешь, хоть теперь же!..

– О господин! – воскликнул бедняга. – Если так, то я останусь здесь на всю свою жизнь и всегда буду тебе верным и усердным слугой и работником!

– И будешь здесь основателем алжирской колонии!.. Ну, а ты, приятель, – обратился Шарль к мартиниканцу, который усердно, но безуспешно высчитывал что-то по пальцам.

– О, я, господин, не могу сосчитать всего этого: это для меня слишком много!

– Не беспокойся, я сосчитаю за тебя! Ты тоже хочешь вернуться на родину?

– Я не так глуп! Я останусь подле жилища господина... У нас на Мартинике нечего есть, а здесь я буду богат, богат, как настоящий помещик!

– А тебе не скучно будет жить здесь одному, без семьи?

– Я знаю в Кайене добрую кумушку негритянку, и если вы позволите, чтобы она приехала сюда, в ваше поместье, то я буду более счастлив и доволен, чем кто-либо из негров на своей родине или негров в Кайене и Мартинике!

– Решено, приятель! В следующий раз, когда мы поедем в Кайену, мы привезем твою негритянку, и я позабочусь о твоём помиловании. Ну, а теперь, детки, довольно беседовать, идемте есть, а затем мы отвезем ваш каучук в склады. Что касается вас, – обратился он к Шоколаду, – то я сообщу вам о своих намерениях, а вы выскажетесь откровенно, насколько они вам улыбаются.

– Я готов слушать вас, когда прикажете, – отозвался Шоколад своим глухим и печальным голосом.

После скромной трапезы, общей для всех, как и накануне вечером, нагруженная до краев лодка со всем своим экипажем отправилась в обратный путь. Но так как в ней для всех не хватило места, Шарль, ввиду нестерпимого зноя на реке, предпочел вернуться сухим путем в сопровождении индейца Пиражибы, своего всегдашнего неразлучного спутника. Араб и мартиниканец остались на каучуковом заводе, а Шоколад должен был сопровождать лодку и на следующий день вернуться обратно со свежим провиантом и припасами. Выгрузив здесь все это, он должен был затем доставить на склады оставшийся каучук.

Было около девяти часов утра, когда отъезжавшие на пироге и возвращавшиеся сухим путем расстались.

Лодка, хотя и сильно нагруженная и шедшая далеко не ходко, прибыла к месту раньше. Как только она показалась в виду усадьбы, о ней тотчас же дали знать в доме. Госпожа Робен, со всеми детьми, поспешила на пристань. Ря-

дом шла Ажеда, крупная, величественная негритянка, окруженная целой гурьбой веселых и чрезвычайно шумливых и крикливых негрятят. Ее супруг и счастливый родитель всех этих пышущих здоровьем негрятят рослый негр Лооми был опрятно одет в просторную блузу, белые холщовые панталоны и широкополую соломенную шляпу, в зубах – большая сигарета.

Лооми – товарищ детства, так сказать, названный брат молодого плантатора, один из сыновей старого негра Ангоссо, который всю свою жизнь был верным другом и товарищем старика Робена, как в хорошие, так и в тяжелые времена его жизни. Дети Ажеды и Лооми росли вместе с господскими детьми на совершенно равных правах и по-братски делили с ними все радости и огорчения.

Трудно было представить себе что-либо более привлекательное, чем эта пестрая группа лиц. Хорошенькая супруга молодого плантатора, белая и румяная, как фарфоровая куколка, в своем изящном бледно-голубом платье, так красиво гармонировавшем с ее красотой нежной блондинки, опиралась на руку рослой негритянки, по-своему живописной и нарядной. Дружно обнявшиеся дети, белолицые и чернокожие, по-видимому, и не подозревали ни о какой разнице между собой.

Взором, полным беспредельной нежности, обе женщины, англичанка и негритянка, следили за веселым роем своих детей, не делая различия между ними, настолько сердца их бы-

ли полны материнской нежности и любви к тем и другим.

Что же касается Лооми, то он был на седьмом небе от радости и гордости, когда все эти милые малютки, белые и чернокожие, резвились вокруг него, поминутно дружественно окликаая его: «Папа Лооми!», – что для него звучало отраднее всякой другой ласки.

Однако темное облако омрачило настроение этой милой группы: на корме пироги не было Шарля, как все того ожидали. Его появление всегда являлось сигналом всеобщей бешеной гонки. Каждый хотел добежать первым и получить первый поцелуй возвратившегося Шарля.

– Почему же папы Шарля нет на пироге? – хором спрашивали детки.

– Почему господин не с вами? – осведомился в свою очередь Лооми у прибывших.

Но оказалось, что все обстояло благополучно: хозяин возвращался домой сухим путем с Пиражибой. Он намеревался попутно взглянуть на вновь отстроенный на месте сожженного серингаль, где теперь работали другие рабочие.

Но как ни кратковременна эта отсрочка свидания с горячо любимым мужем, отцом и господином, отсутствие его в данный момент было настоящим разочарованием для всех, и вся только что веселая компания ушла с пристани, заметно опечаленная.

Остался только Лооми – наблюдать за выгрузкой и уборкой каучука.

Он радушно встретил Шоколада, которого сам обучил ремеслу серингуеро. В ожидании хозяина поместил его в удобной хижине.

Тем временем часы бежали; вот уже два, три часа, – и все никого!

Госпожа Робен, хотя и привыкшая к частым отлучкам своего мужа, на этот раз почему-то несколько встревожилась.

Маленький Генрих, занявшийся после урока английского языка стрельбой из самострела со своими двумя обычными товарищами – маленьким Лооми и Табира, заявил, что он пойдет навстречу отцу.

– Потерпи, дружок, – отвечала ему мать, далеко не столь спокойная, как старалась казаться, – он, вероятно, скоро придет.

Но вот прошло уже четыре часа, а Шарля все не было.

Лооми, видя беспокойство своей госпожи, предложил тотчас же отправиться ему навстречу. Но молодая женщина не согласилась, так как муж, со времени появления беглых каторжников вблизи усадьбы, строжайше запретил кому бы то ни было из живущих в доме отлучаться в его отсутствие хотя бы на один час.

Несмотря на то, что эти негодяи были выселены на болотный остров, откуда не могли уйти, распоряжение не было отменено, и Лооми, скрепя сердце, подчинился ему. Но Табира с одним из товарищей мог отправиться на поиски молодого плантатора.

Оба индейца молча вооружились, один своим большим луком, другой сарбаканом, и никем не замеченные пустились в путь. Длинным, легким шагом краснокожих, сынов Амазонки, эти неутомимые ходоки быстро шли вперед.

Лучшего выбора в данном случае нельзя было и сделать. Эти двое индейцев были самые опытные следопыты, самые смелые лесные охотники, для которых девственные леса не имели тайн. К тому же они всей душой и всем существом своим были привязаны к Шарлю, что, в сущности, весьма редко бывает с местными индейцами. Южноамериканские краснокожие редко привязываются к кому-либо из иноплеменников, зато, привязавшись к кому-нибудь, остаются верны до самой смерти.

После полутора часов невероятно быстрого хода, совершенно немислимого для европейца, наши следопыты очутились вблизи первого карбета. Вдруг Табира, шедший впереди, остановился и указал товарищу на признаки, весьма очевидные, присутствия здесь посторонних людей.

Несмотря на свою обычную невозмутимость, оба индейца сильно заволновались. Быстро обменявшись несколькими отрывистыми фразами на своем родном языке, они вдруг пустились бежать лесом напрямик, предварительно изготовив свой лук и сарбакан. Что же так взволновало этих людей, столь мало впечатлительных, которых даже близость неминуемой смертельной опасности едва ли может заставить содрогнуться?!

Шарль только что отошел от второго карбета, где, естественно, не нашел ни души. В эту пору дня все люди, ночующие в нем и хранящие здесь свои запасы и припасы, а также добытый ими каучук, находились на заводе, где вырабатывали каучук, в глубине лесной чащи.

Окончив осмотр запасов, он с легким сердцем отправился дальше, по дороге на минуту приостановился, чтобы срезать длинный прут в виде тросточки.

Опираясь на эту тросточку, Шарль шел бодро и весело, время от времени перебрасываясь несколькими словами со своим спутником, Пиражиба, державшим в зубах толстенную сигару. Индеец ворчал на свою оплошность: он потерял кремь и огниво.

– Пустяки, – успокаивал его Шарль, сворачивая себе самокрутку. Он достал из кармана свой кремь и огниво, высек огонь, зажег фитиль и поднес индейцу, чтобы тот мог закурить сигару.

В этот момент Пиражиба, стоявший к нему лицом, вдруг уронил свою сигару и, отскочив далеко в сторону, громко вскрикнул с ужасом:

– Господин, берегитесь!

Молодой человек даже не успел обернуться, чтобы убедиться, откуда ему грозит опасность. Что-то просвистело над головой, почти в тот же момент он почувствовал, что его горло сжато такой силой, что у него внезапно захватило дух. Глаза его закатились, в ушах раздался невыносимый шум,

он, потеряв сознание, как подкошенный упал на землю...

Спустя некоторое время, продолжительность которого он никак не мог определить, ощущение прохлады на лице мало-помалу помогло ему очнуться.

Он медленно начал приходить в сознание. Слышал смутный говор нескольких голосов, наконец полуоткрыл глаза и увидел над собой темную листву хевеа.

Он сознавал теперь, что лежит на спине, хочет приподняться и сесть, но напрасно: он не в состоянии пошевелить ни руками, ни ногами. Что это может значить? Ну, так и есть: он крепко связан по рукам и по ногам.

Он почувствовал холодную воду на лице, и туман, застилавший ему глаза, мало-помалу стал рассеиваться.

Какая ужасная действительность представилась его глазам, буквально сразила этого смелого, неустрашимого человека!

Глаза с недоумением остановились на довольно многочисленной группе людей, стоящих полукругом около него. Он снова закрыл глаза, чтобы не видеть этих людей, но насмешливый голос, в котором слышится нечто жестокое и злобное, напоминает ему о той действительности, о которой он и сейчас еще не может вспомнить без ужаса. Этот голос говорит ему:

– Ну-с, милейший господин, на этот раз вы не столь высокомерны, как тогда, не правда ли? А теперь довольно неж-

ностей и обмороков, – пора поговорить и о деле!

Глава XII

Колонизационные приемы англичан и американцев. – Дикие звери и разбойники. – Видимая покорность. – Планы бегства. – Многочисленные разочарования. – Последствия погружения в ил. – О счастье, могущем произойти от неудачи. – Луш является изобретателем. – Луш превращается в корзинщика. – Каторжники изготавливают каучук. – Непромокаемость. – Успех и безумная радость. – Досады и конечная удача. – На море жидкого ила. – На свободе. – Бандиты с берегов Амазонки. – Союз с мурами. – Цена лассо.

Беглые каторжники и бразильские мулаты волей-неволей должны были примириться с перспективой ссылки на одинокий, затерявшийся среди непроходимых болот остров, и, по видимому, подчинились этому приговору без особых протестов и возмущения.

Сознавая, что на этот раз сила не на их стороне, и считая себя счастливыми, что им пришлось иметь дело с французом, великодушнейшим из врагов и победителей, они отлично понимали, что им могла грозить несравненно худшая участь. Как англичане, так и американцы непременно применили бы к ним, ни мало не задумываясь, страшный суд Линча и привели бы тут же свой приговор в исполнение. А приговор этот мог быть только двоякий: перестрелять всех или перевешать, в зависимости от того, какой из этих двух

способов казни являлся в данных условиях более удобным. Практичные американцы и англичане охотно подсмеиваются над тем, что они называют французской «чувствительностью», которая, как они говорят, очень мила и красива в теории, но вредна на практике.

Чрезвычайно строгие даже у себя дома ко всяческим покушениям на личность и имущество человека, – до крайности нетерпимые в этом отношении вообще, – они становятся совершенно неумолимыми, когда такие покушения совершаются в диких, нецивилизованных странах, где они одинаково обращаются как с хищным зверем, так и с человеком-хищником. Можно ли приручить тигра-людоеда после того, как он уже попробовал человеческого мяса и стал вселять ужас и страх во всем поселении? Нет, нельзя! Значит, остается только убить его.

Можно ли рассчитывать на исправление закоренелого преступника, который в стране, лишенной законов, властей и вооруженной силы, дал полную волю своим преступным инстинктам и совершенно не признает ни собственности, ни святости человеческой жизни? Нет, нельзя! Ну, так смерть и ему!

Но иные страны – иные нравы! И если француз спешит избавиться от зверя-хищника, то на жизнь подобного себе он смотрит далеко не так легко, каким бы преступным и недостойным ни был этот человек. Что же касается известных нам негодяев, то Шарль был вполне уверен, что он поставил

их в такие условия, при которых они будут совершенно лишены всякой возможности творить зло.

При иных обстоятельствах он был бы вправе рассчитывать на это, но он не знал неутомимой энергии, необычайной изобретательности и удивительной настойчивости тех людей, с кем имел дело.

Едва только пироги, доставившие каторжников на одинокий остров, успели скрыться из виду, как их притворная покорность воле молодого плантатора мгновенно исчезла и уступила место яростным крикам и проклятиям по адресу этого человека, пощадившего их жизнь. Они поклялись при первом удобном случае жестоко отомстить ему за свое заточение, а в устах подобных людей это было не пустой угрозой.

Ни один из них и не думал приняться за работу. Единственно, что теперь занимало их мысли, это желание найти средства бежать и вслед за тем удовлетворить свое чувство мести.

Бежать! Вернуть себе свободу! Вот что теперь заботило их. Да и почему бы им не бежать отсюда, когда они уже бежали раз и при гораздо худших условиях?

Первоначально все их планы терпели неудачу. Сначала они долгое время бродили, как дикие звери в клетке, по острову, наконец пришли к убеждению, что с обычными и наличными средствами нет никакой возможности преодолеть препятствия, воздвигнутые самой природой.

Прежде всего попробовали построить плот, но оказалось,

что на этой густой, клейкой жиже они не сдвинут его с места, это примитивное приспособление, столько раз выручавшее их из беды, здесь не могло им сослужить службу.

Тогда они задумали выдолбить из ствола толстого дерева пирогу. Но у них не было никаких подходящих для этой работы инструментов, а способ, которым для этой цели пользуются индейцы, обходящиеся часто без всяких орудий, не был им известен. Да и в сущности на что им могла пригодиться пирога? Ведь они не знали фарватера узкого извилистого канала, запруженного бесчисленными подводными камнями и мелями, о которые они неминуемо должны были разбиться и потерпеть крушение. А крушение в этом жидком, клейком иле, в этой густой тине, было верной смертью.

Наконец, старик Луш, этот многоопытный каторжник, хитрейший из хитрецов, надумал, после целого ряда неудачных планов и попыток, прибегнуть к довольно остроумному средству.

По берегам острова росла в изобилии арума, из которой жители тропиков плетут корзины для зерна, плодов и всяких иных домашних дел. Из прутьев или лыка этого растения, несравненно более гибких и упругих, чем наш камыш или ивняк, Луш сплел себе пару лыж, похожих на снеговые лыжи, какими обыкновенно пользуются жители северных и полярных стран.

«Если люди могут ходить, не проваливаясь, по снегу глубиной до двух – двух с половиной метров, благодаря такой

обуви, которая представляет собой очень широкую площадь, то почему бы она не могла оказаться пригодной и для ходьбы по этой проклятой тине?» – рассуждал не без некоторого основания старый разбойник.

Но результаты этого нового опыта, казавшегося в теории превосходным, оказались плачевными на практике.

Едва Луш сделал пять-шесть шагов по тине, как отчаянно вскрикнул и разом провалился по уши. Но как человек предусмотрительный, он, прежде чем отважиться на опыт, приказал подвесить себя крепкой лианой к ближайшему большому дереву, а конец этой лианы велел товарищам держать в руках. Не будь этой лианы, которая спасла ему жизнь, старого Луша не было бы на свете.

Наполовину захлебнувшегося, облепленного илом, как крокодил, купавшийся в болоте, его вытащили, наконец, на берег.

Но странное дело – эта новая неудача привела старика в превосходное настроение. Вместо безобразной гримасы, обычной для него, нечто похожее на улыбку появилось на его старческой физиономии.

Он проворно разулся, выполоскал свою одежду и стал напевать мотив избитой кандаальной песенки, которая была его излюбленной музыкой.

– Эй, старина, уж не напекло ли тебе солнцем голову? – не мог удержать своего удивления Геркулес при виде необычайной веселости своего старого приятеля. – Чего ты так раз-

веселился, точно макака, охмелевшая от пальмового вина?! Ну, что тут забавного, братцы? Как по-вашему? Я ничего в толк не возьму, чему тут радоваться! Вижу только, что нам, видно, и подохнуть здесь! Волей-неволей надо будет начать изготавливать каучук и работать, как неграм, в угоду этому проклятому плантатору!..

– Совершенно верно, сын мой, – серьезно подтвердил Луш, – придется начать работать, работа даст нам свободу!

– Воля ваша, а наш старик не в своем уме... вот оно что! А между тем его «университет» был превосходно оборудован!..

– Ты славный малый, любезный верзила, но бываешь глуп, как тюлень. Впрочем, можно сказать, что это почти постоянно бывает с тобой, когда ты не спишь!

– Ну, слава Богу! Старина пробирает меня: значит, его башка в полном порядке!.. Итак, ты говоришь, что нам надо начать изготавливать каучук?

– Да, племяш, хоть немного, а работать надо, если мы не хотим подохнуть здесь!

– Хм! Так разве это поможет нам выбраться отсюда?

– Да!

– И всего только сделать надрезы в коре деревьев, дать соку стечь в жестяные стаканчики, затем подсушить его на дыму?!

– Да, вот именно, а после того можешь пустить кровь плантатору и выпустить его потроха, поджечь его скорлупу

и прокоптить всю его ораву, как мясо черной обезьяны!

– Черт возьми! Да неужели это правда, что ты говоришь?

– Такая же правда, как то, что меня зовут Луш! Даю тебе слово доброго каторжника!

– А ты расскажи хоть немного, как это будет?

– Нет, шалишь! Ничего вперед рассказывать не буду; придет время – увидишь сам. Я хочу приготовить вам, друзья, приятный сюрприз! Ну, сегодня попируем на славу, а завтра примемся за работу!

Сказано – сделано, и сделано на совесть!

После целого дня дикой оргии и целой ночи шумного и грубого хмеля Луш принялся весело и бодро мастерить новую пару лыж из тех же гибких прутьев арума или, вернее, из его лыка.

Товарищи еще на рассвете отправились добывать каучук. Это случилось в первый раз за все время. Вскоре остовы лыж были готовы. Тогда Луш принялся за плетение, и так велико было его искусство и проворство в работе, которой занимаются каторжники в центральных тюрьмах, что к полудню первая пара лыж была сделана. Наученный собственным опытом, старый каторжник несколько видоизменил их форму: он значительно удлинил их, одновременно убавив ширину, так что они стали похожи на игрушечные пироги. Посредине было устроено гнездо для ноги, к которой лыжа привязывалась тонкими и крепкими мочалками. Кроме того, он на этот раз так туго и плотно плел эти лыжи, что они почти не

пропускали воды и, казалось, были из толстой ткани.

Довольный своей работой, Луш закрепил каждую из лыж на двух лианах на нижней ветви дерева, затем развел огонь, но не в импровизированной печке, где они готовили себе пищу, а прямо на открытом воздухе, неподалеку от того места, где были подвешены лыжи, чтобы быстрее просушить их.

Тем временем возвратились подневольные серингуеро с ведрами, полными молочно-белого сока каучуковых деревьев.

Луш все делал молча, не достаивая никого ни одним словом. Он взял одно из ведер с каучуковым соком, осмотрел его содержимое с видом знатока и затем вылил в одну из своих лыж. Жидкость равномерно разлилась по всей лыже с внутренней ее стороны, после чего он снял лыжу с дерева и подверг ее действию дыма и огня.

Не прошло и двадцати секунд, как слой плотного, сгущенного каучука тонкой пленкой покрывал всю внутреннюю поверхность лыжи.

Оглушительный взрыв радостных криков приветствовал этот первый успех. Теперь все поняли тайный смысл слов Луша: «работа даст нам свободу!»

Насладившись своим успехом, Луш решился, наконец, объяснить своим товарищам, каким образом ему пришла в голову эта мысль: он увидел, как сквозь плетенье его лыж просачивалась илистая жидкость!

– И в самом деле! – воскликнул Красный с непритворным энтузиазмом.

– Как же мы глупы, что раньше не подумали об этом?!

– Да, а между тем, всегда так бывает, – заметил Кривой, – все чрезвычайно просто, когда до него додумаешься!

– Эй, послушай, старина, – вдруг заметил Геркулес, – почему, бы нам не изготовить точно таким же образом пирогу, где все могли бы поместиться?

– А ведь ты прав! – поддержали другие каторжники.

– А вот и нет! – возразил Луш. – Пирогу таким образом изготовить нельзя: во-первых она будет недостаточно прочна, а, во-вторых, как и чем заставите ее двигаться по этой густой, как студень, тине? Вспомните наш плот! Ведь течения здесь нет, в этой проклятой тюре!

– Ну продолжай, мы сгораем от нетерпения узнать, что ты думаешь делать!

– Это проще простого: обувши эти непромокаемые лыжи, человек сможет двигаться вперед, переступая шаг за шагом, как по сухому пути, не проваливаясь от своей собственной тяжести, а этого уже будет достаточно.

– Да... да! Bravo, Луш! Bravo! Да здравствует мудрейший из мудрецов!

– Если так, то мы спасены, и тогда берегись плантатор и все его проклятое гнездо! Мы ему припомним, что значит заточать свободных людей в такие ямы!..

– Тише, детушки, тише, не шумите прежде времени! По-

дождем конца, что-то он нам еще покажет! Дайте мне окончательно изготовить эту парочку лыж, и тогда посмотрим, можно ли нам в самом деле радоваться! А это будет видно после окончательной пробы!

Весь запас каучукового сока, собранного в это утро, пошел на первую пару лыж.

На другое утро, по распоряжению Луша, решено было отдыхать от вчерашних трудов и посвятить этот день окончательному выяснению, есть ли надежда уйти с этого ненавистного всем острова.

Точно так же, как в первый раз, Луш приказал привязать себя под мышки к большому дереву. Товарищи держали конец лианы, служившей спасательным канатом, а он надел лыжи и, вооружившись длинным, крепким и легким шестом, осторожно ступил на жидкую илистую поверхность озера-болота. Несколько минут неопишуемого волнения сменились громким восторгом: их изобретательный товарищ стоял твердо на ногах и не проваливался, – жидкая черноватая тюря, напоминающая нефть, мазут или расплавленный асфальт, держала его.

– Крепко ли ты стоишь, старина? – окликнул его Геркулес сдавленным от тревоги голосом.

– Как на суше! – отозвался Луш. – Теперь смотрите, я пойду вперед! Это самая важная проба: если я сумею устоять на одной ноге, то значит, все благополучно!

С неимоверными предосторожностями он приподнял од-

ну ногу, занес ее вперед и передвинулся таким образом приблизительно на шестьдесят сантиметров. Осмелев немного, он занес точно так же и другую ногу и сделал еще шаг вперед. Старый негодяй так правильно соразмерил длину и ширину лыж, что в них можно было свободно шагать, не задевая одной за другую и не рискуя кувыркнуться головой вниз.

Правда, идти в этих лыжах можно было лишь очень медленно, но что из того? Каторжникам некуда особенно спешить, у них в распоряжении сколько угодно времени!

Теперь Луш сбросил с себя спасательный канат и смело сделал около ста шагов вперед от берега, затем, довольный результатом испытания, весь сияя, возвратился к своим восхищенным товарищам, шумно приветствовавшим его на берегу.

– Ну, а теперь, детки, – проговорил он, – наше избавление является лишь вопросом времени. Так возьмемся же дружно за дело!..

Однако непредвиденные обстоятельства задержали их на острове больше, чем они предполагали.

Никто из них не мог так сплести лыжи, как Луш. Но как он ни спешил со своей работой, как ни усердствовал, более одной пары в день ему никак не удавалось изготовить. Остальные целиком занялись сбором и добыванием каучука.

Наконец, через десять дней все было готово. Каждую пару лыж испытали, и все они оказались годными. Счастливые и довольные как люди, стоящие накануне осуществления дав-

но затаенной мечты, беглые каторжники назначили на следующий день свое выступление в путь.

Но в эту ночь над островом разразилась одна из тех тропических гроз, о которых мы, жители умеренной зоны, не имеем и представления. В продолжение целого часа оглушительные удары грома следовали беспрерывно один за другим, сопровождаемые ослепительной молнией. Более чем в двадцати разных местах ударила молния в старые гигантские деревья и раздробила их в щепки, в том числе и то большое дерево, под сенью которого хранились непромокаемые лыжи изгнанников. В несколько минут все стало добычей пламени: лыжи горели как факелы.

Пришлось начинать всю работу сначала. Терпеливые и настойчивые, привычные к неудачам и затруднениям, к долгому и томительному труду и выжиданию, каторжники принялись за работу.

Но тут опять случилась беда: Луш, переутомившись, вдруг заболел лихорадкой и вынужден был приостановить работу на две недели.

Впрочем, и эта новая задержка нисколько не обескуражила товарищей старого разбойника, а, напротив, как будто еще более усилила их энергию. За ним ухаживали, как только могли ухаживать эти люди за человеком, столь необходимым им. Благодаря этому уходу больной быстро поправился и мог снова приняться за работу.

И вот снова настал великий день! Каторжники захвати-

ли с собой все, что только можно было захватить, главным же образом – провиант. Покинули остров со всевозможными предосторожностями, хотя этот одинокий затерявшийся в болотах остров был слишком далек от всякого населенного людьми места. Как мы уже говорили раньше, это озеро-болото, эта громадная лагуна носила название Лаго-Реаль и была усеяна бесчисленными островками, выплывавшими там и сям из жидкого ила.

Беглецы шли по ней целых три дня, медленно переходя от одного островка к другому, от одного клочка твердой почвы к другому.

Но вот они, наконец, на воле, а между тем трудолюбивые и честные серингуеро, ничего не подозревавшие об этом, продолжали спокойно спать.

Побуждаемые жаждой мести, привлекаемые алчностью и завистью к тому богатству и роскоши, какими пользовался молодой француз-переселенец, бандиты охотно отмахали бы, не останавливаясь, сто километров, отделявших их от главного жилища француза. Но наученные горьким опытом и зная, что молодой плантатор, при помощи и содействии своих служащих, не так-то легко даст себя прирезать, они решили выждать благоприятного случая, а тем временем подыскивать средства для нападения.

Случай помог им в этом.

Они уже несколько дней бродили по земле, некогда занятой миссионерами, а теперь давно заброшенной. Хотя пло-

довые деревья, кусты и другие растения уже одичали, тем не менее они могли еще дать пищу голодным, не взыскательным на вкус людям. Беглецы решили здесь расположиться.

Вдруг совершенно неожиданно для них, на этой самой земле, окруженной со всех сторон широким кольцом девственных лесов, появилась орда бродячих индейцев, с низовьев Амазонки.

Презираемые и гонимые всеми другими племенами своих соотечественников, живущие частью охотой, частью рыбной ловлей, а по преимуществу воровством и грабежом, не желая обрабатывать хотя бы небольшой клочок земли, эти южноамериканские цыгане бродят по лесам и степям, куда их гонит случай или поиски пищи.

Трусливые и вместе с тем жестокие, они нападают на жилища и селения в тех случаях, когда могут рассчитывать на безнаказанность, грабят, убивают одиноких колонистов или оседлых соплеменников-индейцев. Ужас и презрение, вселяемое этим племенем, настолько сильны, что само их имя является для индейцев других племен кровным оскорблением. Назвать индейца «мура» – это все равно, что нанести ему самую большую обиду.

Мура являются париями в семье краснокожих. Каждый, кто встретит на пути мура, считает себя вправе убить его, как бешеную собаку или какое-нибудь другое вредное животное, и почти никогда не отказывает себе в этом удовольствии.

И в самом деле, трудно себе представить что-нибудь более

отталкивающее, чем их физиономии, которым они стараются придать самый отвратительный вид. Между прочим, у них в обычае рассекать себе ноздри и верхнюю губу и вставлять в эту щель клыки пекари, которые так и врастают в ноздри и губу, когда рана заживет. Можно представить себе, какой вид им придают эти «украшения» в сочетании с аляповатой татуировкой черной и красной красками, которой покрыты их лицо и верхняя часть тела.

О людях можно сказать то же самое, что о хищных животных; кажется, будто те и другие узнают себе подобных по каким-то неуловимым приметам, как будто преступность и злодейство оставляют на них свое клеймо.

Как это ни странно, но эти разбойники и грабители с берегов Амазонки сразу сдружились с подонками цивилизованного общества и вступили с ними в самую тесную дружбу. Это чрезвычайно поразило бразильских мулатов, которые привыкли видеть в мура беспощадных врагов, вселяющих страх и ужас всем, кто только завидит их.

Мура было всего около сотни, и все они были вооружены луками и стрелами, а некоторые имели еще дрянные ружья, топоры, тесаки. Кроме того, почти у каждого было длинное ремненное лассо, очень ловко используемое для ловли скота в саваннах.

Мулаты, придя в себя от изумления, вступили в разговоры с мура на общепринятом здесь языке, исполняя роль переводчиков для Луша, который тотчас же надумал превра-

тить мура в грозных союзников.

Краснокожие отозвались с полной готовностью на все сделанные им предложения: настолько был высок авторитет белой расы даже в глазах этих порочных и отверженных людей. Зная их нрав и обычаи, Луш, чтобы возбудить их алчность, стал расписывать богатства молодого француза и рассказывать, как легко все это может им достаться.

Мура слушали его, развесив уши, тем более, что они издавна знали про эту богатую плантацию и громадные запасы всяких товаров у молодого серингуэро, хозяйничавшего здесь многие годы.

Уже не раз они нападали на него, но каждый раз безуспешно, благодаря беспримерному мужеству защитников, в числе которых было несколько человек мундуруку – заклятых врагов их племени.

В конце концов они пришли к убеждению, что француза нельзя одолеть, и потому окончательно отказались от всяких покушений на его спокойствие.

Но вот люди той же белой расы вступают с ними в союз против ненавистного белого серингуэро. Там был один белый, а все остальные или индейцы, или чернокожие, тогда как здесь у них было четверо белых. Под предводительством этих белых мура могли теперь считать себя непобедимыми. Решив этот вопрос, они сразу сговорились со своими союзниками, не вдаваясь в подробности плана.

Условились, что каторжники поведут их в атаку на се-

рингаль, а добычу они поделят между собой поровну. Мура поклялись беспрекословно повиноваться своим предводителям, обещавшим им свою помощь и поддержку. Чтобы скрыть присутствие столь многочисленного отряда и в то же время действовать без промедления, новые союзники рыскали по саванне в поисках коней.

Не прошло и недели, как у всех в отряде были превосходные полудикие кони, которых, однако, эти прирожденные объездчики очень скоро укротили, с присущей индейцам жестокостью и бесчеловечностью. Тогда они отважились мало-помалу подходить ближе к усадьбе, соблюдая всевозможные предосторожности. Учредили у себя отряд лазутчиков и стали выжидать, с терпением и выдержкой настоящих хищников, удобного момента для нападения.

Между тем владелец плантации, довольный уничтожением хищника-змея, весело и беспечно шагал по широкой просеке, не подозревая о готовившейся против него засаде и оживленно беседуя со своим спутником – индейцем Пиражибой.

Чтобы зажечь сигару своего спутника, утерявшего кремень и огниво, Шарль на минуту остановился.

Человек двадцать мура притаились за деревьями.

Случай был слишком заманчив, чтобы его упустить, и один из них ловко пустил свое лассо, которое обхватило шею молодого переселенца с адской силой, и, не успев что-либо сообразить, он упал полузадушенный, потеряв сознание.

Глава XIII

Чтобы принудить пленника говорить. – Луч надежды. – Страшные угрозы. – Упорное молчание. – Возражение. – Поступок мулата. – Дикий конь. – Подобие охоты с помощью лассо. – пытки. – Адское кольцо. – Порвавшаяся подпруга. – Всадник на земле. – Брешь. – По саванне. – Тщетное преследование. – Новый Мазепа. – Отчаяние. – Обморок. – Переправа через реку. – Действие воды на кожаный ремень. – Бессильное бешенство. – Близость спасения. – Нож. – Молниеносная смерть.

Можно себе представить ужас и изумление Шарля, когда после продолжительного и глубокого обморока, раскрыв глаза, он увидел перед собой Луша и его товарищей.

– Ну-с! – продолжал каторжник, отбросив сосуд с водой, которую он плескал прямо в лицо серингуэро. Ну-с, сударь, или вы совсем утратили дар слова? Надо попробовать разжать ему зубы!..

Шарль молчал.

– Хм!.. Да вы упрямитесь! Хорошо, мы сейчас посмотрим, кто из нас кого переупрямит... Господин Луш знает приемы, которые могут заставить говорить даже немого, приемы совершенно безошибочные...

Тут Геркулес выступил вперед и сказал: «И я тоже знаю такое средство. Если ты предоставишь этого человека на

несколько минут в полное мое распоряжение, то я ручаюсь, что сделаю его столь же болтливым, как целая стая попугаев!»

– Руки долой, увалень! Знаю я твои средства! Дай тебе волю, так ты его разом сплющишь прежде, чем мы добьемся от него хоть одного слова!

В продолжение этого разговора, из которого намерения разбойников совершенно прояснились, мысли с бешеной скоростью проносились в голове Шарля. Окинув все вокруг одним взглядом, он увидел, вместе с каторжниками и бразильскими мулатами, большое число мура, своих беспощадных врагов, а он был один, совершенно один. Табира не здесь, не в плену у негодяев; слабый луч надежды зародился в его душе, но весьма слабый, – увы! А все-таки, если мундуруку, ловкость, хитрость и сообразительность которого ему хорошо были известны, если он не задушен мурами, то, наверное, последовал по его следам, и тогда не подлежит сомнению, что он сделает все на свете, чтобы, при помощи смелых и мужественных защитников серингаля попытаться спасти хозяина.

Голос Луша прервал его мысли.

– Так вы не хотите говорить?.. Прекрасно! Я скажу тогда, чего хочу. И после того вы скажете «да» или будете действовать согласно моим намерениям. Это все, чего я требую от вас! Вы богаты, даже, можно сказать, до смешного богаты; так нам, видите ли, прежде всего нужно ваше состояние!

А так как Шарль и на это только презрительно усмехнулся, то негодяй продолжал:

– Да! Я знаю, что казна ваша хорошо охраняется; знаю, что там постоянно находятся человек тридцать, которые встретили бы нас ружейным огнем, не считая тех молодцов, которые попотчевали бы нас своими отравленными спичками... Неправда ли, это кажется вам очень забавным?.. Но мы не так глупы, голубчик, и тоже умеем дорожить своей шкурой! Оборудуем это дело, не получив ни одной царапины, понимаете ли? Вот почему я рассчитываю на вас, что вы облегчите нам это дело! Так вот, вы проводите нас к дому, как будто мы ваши старые друзья, и введете в казнохранилище, а тогда мы решим, какой взять с вас выкуп. Но смотрите, не пробуйте нас обмануть: я имею привычку принимать свои меры предосторожности. Знайте, что если только вы шевельнетесь, если сделаете хоть малейший жест, мы выпустим из вас все потроха! Теперь вы знаете, господинчик, чем вы можете выкупить свою жизнь!

Во время этой пространной тирады Шарль продолжал хранить упорное молчание, как бы не видя и не слыша ничего из того, что происходило вокруг него.

Это презрительное спокойствие вывело Луша из себя, и он дал волю приступу бешеной злобы.

Товарищи его разразились целым градом ругани и проклятий; даже мура, до того невозмутимые и, по-видимому,

совершенно равнодушные, огласили воздух дикими звуками.

– Ах, так ты так! – заревел негодяй. – Ты еще не знаешь, сколько ненависти таится в сердце человека, прошедшего тридцать лет своей жизни на каторге, в этом аду... Вы по горло сыты и пьяны, а мы подышаем с голоду... Теперь, когда вы в нашей власти, вы еще бравируете нами! Ну, так я скажу, что мы хотим не ваших денег. Я мог бы, пожалуй, пресытившись всем, если не отпустить вас на все четыре стороны, то все-таки пощадить вашу жизнь при условии, что вы станете работать на нас... Но теперь кровавый туман застилает мне глаза, и я хочу крови, да, крови!.. А-а, вы ничего не говорите!.. Но черт возьми, у вас есть красавица жена и детвора!..

– Молчи, негодяй! – воскликнул Шарль громовым голосом, делая страшное усилие, чтобы разорвать свои путы.

– Ага!.. Вот что вас заставляет плясать – когда говорят о вашей бабе, и ребятах! – заговорил Луш, снова становясь несколько спокойнее.

– Ну так знайте, что все они будут своим порядком прирезаны, могу вам поручиться за это, а мясо их отдадим рыбам в реке, чтобы они хорошенько разжирили на сладком мясе! А после того мы позаботимся и о вас!

– Лжешь, мерзавец! Лжешь и сам дрожишь за себя! Ты знаешь, что моей семье нечего бояться! Что касается меня, то ты и не воображай, что можешь меня запугать и заставить сдаться на твои условия! Кому? Каторжнику! Да в уме ли

ты?!

– Болтайте себе, батюшка, сколько угодно: меня это, признаюсь, забавляет... Ну, а теперь мы приступим к делу! Эй, ребята, нет ли у кого-нибудь из вас пропитанного серой фи-тиля? Мы пока, ради забавы, поджарим ему уши, а там придумаем еще какие-нибудь другие развлечения... Вот вы увидите, ребятюшки, как это будет весело!

В этот момент один из мулатов подошел к Лушу и сказал ему на кайенском наречии:

– Послушай, приятель, если ты хочешь позабавиться и других позабавить, а кстати и сломить упрямяство серингуе-ро, то предоставь это мне: я за это берусь!

– При условии, что ты ему не повредишь, он нам нужен!

– Не бойся, будет жив!

– Ну так делай, что знаешь!

Мулат, весьма довольный такой сговорчивостью, подо-звал одного из своих товарищей и произнес несколько слов по-португальски.

Тот побежал куда-то и спустя несколько минут вернулся, с трудом ведя за собой норовистого коня, бешеные порывы которого едва сдерживали самые варварски строгие удила, безобразно затянутые.

– Хорошо! – сказал добровольный палач.

– Что ты хочешь делать? – спросил его Лущ.

– Дать ему объездить вот этого коня, с которым ни один из нас не мог ничего сделать.

Слова эти вызвали у мура протяжный, дикий рев восхищения. Очевидно, предполагаемый способ выездки дикого коня должен был представлять собой нечто ужасное, чтобы так обрадовать этих дикарей.

Напуганная их воем лошадь поднялась на дыбы и стала бить ногами. Но два длинных лассо, кинутых с необычайной ловкостью, в один и тот же момент скрутили коня по передним и задним ногам и мгновенно парализовали движения благородного животного. Лишенный возможности биться, но не усмирённый, конь стоял теперь неподвижно, дрожа всем телом.

Тем временем мура, очевидно посвященные в план мулатов, побежали за своими конями, в одно мгновение вскочили на них, галопом примчались обратно и выстроились широким кольцом, потрясая в воздухе своими лассо.

Мулат сделал знак Геркулесу, невероятная сила которого была ему известна, и приказал взять пленника и взвалить его на спину дикого жеребца. Геркулес придерживал его в лежащем положении, а двое ловких и проворных мулатов привязывали его крепкими лассо к спине дрожащего от гнева коня. Теперь мура расширили круг настолько, что между ними оставалось приблизительно по двадцать метров.

В это самое время Луш окликнул мулата:

– А ты можешь поручиться, что этот бешеный жеребец не прорвется?..

– Если бы это случилось, то было бы в первый раз, прия-

тель! Мы уже не впервые играем в эту игру!.. Будь спокоен, я за все отвечаю, и после часа бешеной гонки я готов поручиться, что и конь, и всадник будут послушны, как овцы!

– Ну, если так, то валяй!..

Тогда мулат, внимательно осмотрев, как привязан пленник, одним ударом ножа перерезал ремни лассо, спутывавшие коню ноги, и сорвал с него удила.

На это потребовалось не более трех секунд.

Почувствовав себя на свободе, жеребец с минуту оставался неподвижным, как вкопанный. Затем, громко заржав, стрелой понесся вперед, но вдруг, почувствовав у себя на спине постороннее тело, остановился на мгновение и попытался схватить молодого француза зубами.

В этот момент бразилец, держа наготове длинный прут, изо всей силы ударил им по крупу коня.

Обезумев от боли и бешенства, молодое животное взвилось на дыбы и затем вихрем бросилось по саванне.

Несмотря на всю свою силу воли и выносливость, Шарль, испытывая ужасные толчки и тряску, не в состоянии был подавить глухой вопль, тотчас вызывавший жуткий вой бандитов, ликующих при виде его мучений.

Мулаты, отличные наездники, как и гаучосы аргентинской пампы, чтобы принять участие в этой дикой игре, побежали за своими лошадьми. Четверо же каторжников, чрезвычайно заинтересованных началом зверской забавы, стали тесной группой посредине громадного круга, образованного

на открытом месте саванны конными индейцами.

Разгоряченный конь, видя перед собою свободное пространство, несколько минут бежал вперед, но увидев всадника, мчавшегося на него, взвился на дыбы и, круто повернув назад, понесся в противоположную сторону. Но и здесь его ожидал всадник, потрясающий в воздухе ненавистным лассо. Шею скакуна до сих пор жег рубец от его страшного удара.

Дикий конь кидался туда и сюда, но повсюду перед ним встает всадник, вселяющий в него ужас своими криками и жестами, взмахами ременного лассо.

Поняв, наконец, что его усилия тщетны, измученный молодой конь отказывается от надежды прорваться сквозь этот заколдованный круг и бежит теперь по кругу, как цирковая лошадь. Бока у него раздуваются, рот в пене. Описав круг, он выбегает в центр его и в бессильном бешенстве роет копытами землю, громко ржет и старается сорвать с себя зубами человека, привязанного к его хребту, но не может освободиться от своей ноши.

Мулаты несутся во весь опор, преследуя с дикими криками молодого скакуна и размахивая в воздухе своими лассо.

Шарль, лишенный возможности двинуться, терпит невыносимую муку. Каждое движение скакуна болезненно отзывается во всем его теле, каждый скачок причиняет ему нестерпимую боль. Солнце нещадно палит его лицо и голову; все его тело, страшно сдавленное, болезненно ноет. Он

чувствует, что силы мало-помалу оставляют его, и появляется горькое желание, чтобы конь под ним упал и раздавил его своей тяжестью.

Между тем, от вмешательства мулатов молодой скакун совершенно обезумел и бросился напролом.

Первый мура, на которого он налетел, взмахнул лассо, но дикий конь вдруг низко пригнул голову между передними ногами и понесся прямо, сознавая, что так петля не захватит его.

Твердо знавший свою роль индеец поскакал рядом, выжидая момента, когда конь подымет голову.

Не слыша свиста лассо, молодой жеребец подумал, что опасность миновала и, выпрямив свою гордую шею, победно заржал. Но в этот момент пущенное меткой рукой индейца лассо упало тяжелой петлей на шею скакуна, обвив ее у самого соединения с головой.

Превосходно выдрессированная лошадь мура сразу остановилась, как вкопанная, а всадник ее изо всей силы сжал ей бока железными шенкелями, чтобы не быть сброшенным с коня в тот момент, когда молодой дикий жеребец, полупридушенный петлей лассо, тоже вдруг остановится.

Как известно, индейцы ездят без седла. Эти несравненные всадники прикрепляют свои деревянные стремяна с помощью веревок к подпруге, сплетенной из травяных волокон. К подпруге прикрепляется и конец лассо.

Готовясь к этой дикой забаве, мулат сказал Лушу: «Будь

спокоен, я за все ручаюсь». Но он не рассчитывал, да и не мог рассчитывать, на случайность, в сущности даже пустячную случайность, и при том чрезвычайно редкую, как утверждали присутствовавшие при этом.

В тот момент, когда лассо обвилось вокруг шеи жеребца, тот сделал бешеное усилие. Подпруга у коня под индейцем лопнула, а конь и всадник покатались на землю. Почувяв свободу, дикий жеребец пустился стрелой и в одно мгновение исчез в облаке пыли.

Ближайшие мура тотчас же кинулись в погоню за ним, опередив взбешенных и разочарованных мулатов. Но молодой жеребец, обезумев от страха, уходил на глазах у всех; всякое преследование становилось бесполезным. Только отдаленный топот нарушал воцарившуюся тишину. Шарль, обессилев от боли, ослепленный солнцем, оглушенный приливом крови к голове, но все еще сохраняя смутное сознание, сразу понял, что ушел от своих врагов, благодаря какой-то счастливой случайности, но какой именно, не знал. Да и не все ли ему равно, в сущности? Его положение оставалось не менее трагичным. Что его ожидало, если животное, все еще несшееся без памяти вперед, наконец, выбившись из сил, упадет?

И несчастному молодому человеку стало казаться, что последняя искра его разума гаснет при одной мысли об этом.

Вскоре он потерял сознание и очнулся только спустя некоторое время, от ощущения свежести.

Он чувствовал, что вода смачивает все тело, набирается в рот, вливается в уши. Он слышал шум, столь знакомый пловцам во время ныряния.

Рискуя задохнуться, он поднял голову и увидел, что конь плывет посреди широкой реки. Если это не самообман, ему кажется, что его путы не столь сильно уже давят. Нет, это не самообман: от долгого пребывания в воде ремни лассо размякли, растянулись, он может теперь действовать одной рукой. Мало-помалу лассо становится все мягче и мягче, и ему наконец удастся совершенно высвободить свою правую руку из-под ремня, спиралью обвившего все его тело.

Между тем конь выбрался уже на берег и отряхнется от воды, но, испугавшись движения привязанного к нему человека, снова мчится по равнине, точно преследуемый демонами.

Однако невольное купание освежило молодого плантатора и не только вернуло ему сознание, но и отчасти силы. Хотя положение его не перестало быть отчаянным, все же он уже начал помышлять о возможности спасения.

С удивительной ясностью видит он теперь все перед собой и вспоминает происшедшее: и предательский захват, жертвой которого он сделался, и появление каторжников, которых он считал пребывающими на острове, и странное присутствие мура, его непримиримых врагов.

Он отчетливо представляет себе, какая жуткая опасность грозит его семье, если каторжники со своими страшными со-

юзниками двинутся на осаду его жилища. А он здесь, бессильный помочь им, безоружный, разбитый и измученный!

При мысли об этом безумное бешенство овладело им. Шарль извивается, как уж, стараясь высвободиться из-под ремней лассо, невзирая на то, что у него из-под кожи выступает кровь, что от натуги кружится голова, и он ежеминутно рискует опять потерять сознание.

Ему удастся наконец высвободить и свою левую руку. Несколько минут он терпеливо выжидает, чтобы кровообращение снова восстановилось в его затекших конечностях. Крик радости вырывается у него из груди: он чувствует, что высвободился до самых плеч, что обе руки его свободны, и он может наполовину перевернуться под ремнями, ставшими теперь гораздо слабее.

Вот он совсем перевернулся и лежит теперь на животе лицом вниз, обхватив шею скакуна обеими руками.

Между тем, бедное животное, совершенно загнанное и выбившееся из сил, начинает проявлять признаки несомненного истощения. Бока его конвульсивно вздымаются, дыхание становится неровным, свистящим, ноздри, непомерно раздутые, налились кровью.

Неужели Шарль будет ждать, что конь под ним упадет, станет кататься в предсмертных судорогах агонии и искалечит его вконец? Нет! Нет!.. Он вдруг вспоминает, что у него на поясе должен быть надежный нож, с которым он никогда не расстанется, нож с роговой ручкой и небольшой пилой и

пинцетом.

Он ощупывает свой карман и с неопишуемой радостью убеждается, что нож при нем.

Смелый план мгновенно созрел в его мозгу. Он сознает, что на таком бешеном аллюре он не может с безопасностью соскользнуть на землю в случае, если перережет свои путы, тем более, что ноги его затекли и вздулись, как бревна. Он не может достать рукой, вооруженной ножом, тех полос лассо, которые связывают его ноги с крупом коня.

«Мне остается только одно – остановить это несчастное животное, а для этого у меня в распоряжении всего только одно средство – нож!»

Раскрыв свой нож, он выжидает минуты, когда животное вынуждено будет нагнуть голову и несколько замедлить свой бешеный бег.

Момент этот не долго заставляет ждать себя. Перед ними вместо гладкой равнины и высоких трав – густой кустарник, предвещающий близость леса. Обессиленное животное, боясь споткнуться, скачет вперед с большей осторожностью. Тогда Шарль наставляет свой нож как раз в том месте, где приходится первый позвонок, прикрепляющий голову к шее, и одним сильным ударом вонзает его по самую рукоятку в шею животного.

Лошадь грузно падает на землю и остается неподвижной, как пораженная громом.

Глава XIV

Мучимый голодом. – Сырое мясо. – Отвращение. – Обезьянье угощение. – Остатки жира ягуара. – Ночь на дереве. – Как разводят огонь в лесу. – Конский филей. – Угрозы, которые могут быть приняты за похвальбу. – Подвиги белого, превзошедшего индейца. – Трудности отыскивать направление в лесу. – Применение листьев и стеблей дикого ананаса. – Индейский лук. – Примитивное, но грозное оружие. – Без сапог. – Шарль нападает в свою очередь. – Охотники за людьми. – Без следа. – Первая стрела.

Избавившись, наконец, от обезумевшего коня, Шарль прежде всего перерезал ножом свои путы и принялся растирать отекавшие ноги.

Несмотря на свою необычайную силу, он чувствовал себя совершенно разбитым. С каким наслаждением растянулся бы он тут же, на земле, и вкусил несколько часов живительного отдыха и сна! Страшные опасения, тревога за близких не позволяли думать о себе, о своем отдыхе. Он ничего не ел с самого утра. Его мучил голод, но нет возможности развести огонь: его кремь и огниво утеряны, а есть сырое мясо лошади, внушающее ему непреодолимое отвращение, он не решался.

Но вот поблизости ему бросаются в глаза несколько диких ананасов, плоды которых за неимением лучшей пищи все же

дают возможность хоть на время утолить голод, а главное, томящую его жажду.

Только теперь ему становится ясен весь ужас его положения: он совсем один, без оружия, в совершенно диком месте и далеко от своего жилища. Кроме того, близится ночь, страшная, таинственная тропическая ночь, населенная хищными зверями и страшными гадами. Тогда жуть девственного леса вселяется даже в сердца смельчаков, когда они утопают в целом океане непроницаемого, абсолютного мрака.

Наконец, он слишком хорошо знает нравы и обычаи этой страны, где живет с раннего детства, чтобы не бояться преследования со стороны врагов.

При иных обстоятельствах он сумел бы шутя укрыться от мулатов и даже от индейцев, несмотря на их поразительную чуткость и наблюдательность. Разве он не обладал еще большей выносливостью, чем они, и разве постоянное пребывание в этих лесах и саваннах не научило его всем их хитростям и уловкам?!

Но ведь бегство только удалит его от жилья, а он хочет во что бы то ни стало как можно скорее вернуться туда, даже рискуя жизнью!

Наконец, самое насущное в данный момент – устроиться, сколь возможно, удобно и безопасно на ночь. Остаться здесь, подле убитого им коня, нечего и думать: запах свежего мяса непременно привлечет ягуаров, которые, осмелев, ночью легко могут наброситься и на него. По этой же причине он

не может унести с собой ни куска свежего мяса, запах которого тотчас же почуют ягуары. Поэтому Шарль довольствуется тем, что уносит с собой уцелевшую еще часть лассо, которую обматывает вокруг своего пояса, и, захватив с собой еще несколько ананасов, углубляется в самую чашу леса.

Вдруг он изменяет свое намерение. К чему ему прятаться под гигантскими лопухами и папоротниками в девственном лесу, подвергая себя опасности встречи с дикими зверями? Разве не лучше провести ночь здесь, на опушке, взобравшись повыше на одно из деревьев? Там, под шатром, непроницаемым для лучей солнца, он не найдет благодетельных лиан, по которым может легко взобраться наверх, тогда как здесь на деревьях, ближайших к саванне, лианы ползут по стволам до самой вершины.

Выбор его падает на великолепный канари-макака (как называют его туземцы), или обезьянье дерево. Его плоды своеобразной формы, снабжены как бы крышкой и заключают в себе миндалины, до которых обезьяны очень лакомы.

Ствол в четыре обхвата – гарантия того, что ни одно хищное животное не взберется по нему. Кроме того, ветви его были расположены так, что молодой человек мог сравнительно удобно устроиться на них.

С ловкостью гимнаста, несмотря на утомительную тряску, перенесенную им перед тем, Шарль садится верхом на толстый сук и привязывает себя лассо.

Он тотчас же заснул, как убитый. Ни адский концерт ры-

жих ревунов, ни беспрерывное хрюканье пекари, ни крики оленей, ни отрывистый звук лая ягуаров не могли пробудить его от этого тяжелого сна.

Проснулся он только за полчаса до рассвета; хотя тело его все еще разбито после проведенной в сидячем положении ночи и вчерашней бешеной скачки, но дух бодр, и мысли ясны и спокойны.

К сожалению, голод мучает его все сильнее и сильнее. При свете едва брезжущего утра он увидел несколько плодов того дерева, на котором находился, и мысленно сказал себе: «Раз я провел ночь, как обезьяна, то могу и позавтракать поутру, как обезьяна». Не теряя времени, он срезает один за другим несколько плодов, отделяет с помощью ножа крышечку, прикрывавшую деревянистый сосуд, достает из него миндалины и принимается грызть их с большим усердием, заедая вместо питья ананасами.

– Ну, а теперь пойдем посмотрим, что осталось от моего бедного коня, если еще осталось, и постараемся приготовить себе более питательный обед!

Спустившись с помощью крепкой лианы на землю, он направился к останкам своего скакуна. Предчувствия не обманули его: ягуары учинили пир на славу, но, на его счастье, оставили нетронутыми язык и филей; все остальное было уничтожено.

Впрочем, Шарль не рассчитывал даже и на это и потому был очень доволен.

Человек непредусмотрительный, конечно, поспешил бы срезать эти вкусные куски мяса и убежать с ними в самую чашу, чтобы там всласть и беспрепятственно наесться свежим жареным мясом.

Но Шарль прежде всего желал убедиться, преследуют ли его враги или нет. Для этого ему было необходимо оставаться вблизи того места, где лежали останки коня, чтобы видеть, будучи самому невидимым, что враги предпримут, дойдя по следу до этого места.

Отделив от остова язык и филей острием своего ножа так, чтобы можно было принять это за работу ягуаров, затем оставив подле трупа лошади обрывки лассо, Шарль отрывает клочки ткани от своей рубахи и, испачкав их в крови, раскидывает тут же.

– Прием довольно наивный, надо признаться, – говорит он про себя, – но ничем не следует пренебрегать в моем положении. Если только они спешат, то, пожалуй, и на самом деле поверят, что меня растерзали ягуары, и не станут продолжать свои розыски. Во всяком случае, как бы они ни спешили, они не могут явиться сюда ранее, чем через час: значит, время у меня есть. Мне надо добыть огня.

Если бы при нем был его кремень и огниво, ничего не было бы проще; к сожалению, у него их нет. Пришлось добывать огонь трением двух кусков дерева один о другой.

Люди неопытные охотно верят рассказам некоторых путешественников, что это совсем нетрудно сделать. Но пусть

они только попробуют и тогда убедятся, что после долгих усилия сами гораздо сильнее нагреются, чем те два полена, которые они терли одно о другое.

Шарль, как человек, знающий цену времени, отыскал глазами «сырник» – дерево, получившее свое название благодаря нежной белой, сильно пористой древесине, напоминающей по своему виду сыр. С удивительным проворством молодой француз набрал несколько горстей белого шелковистого пуха, которым окутаны семена плода в капсулах, служащих им внешней оболочкой.

Эти шелковистые волокна, представляющие собой как бы тонкий пух, тот самый, которым индейцы обматывают концы своих отравленных стрел, чрезвычайно легко воспламеняющийся, служат кочевникам вместо трута. Они постоянно имеют при себе запас этих шелковистых волокон в плотно закрытой кубышке.

В сухом дереве недостатка не было. Шарль собрал его в нужном количестве, отдавая предпочтение смолистым видам, и сделал из них небольшой костер. Затем, добежав до кустов американского тростника, растущего здесь в изобилии, срезал с десятков хороших тростинок. Амазонские индейцы приготавливают из них свои стрелы.

Теперь Шарлю не хватало только одного (достать это было вовсе не трудно), – куска твердого дерева.

Очистив от коры кусок дерева величиною с ладонь, он сделал на нем своим ножом глубокий надрез, всунул туда пу-

чок шелковистых волокон, затем вставил в середину пучочка заостренный конец одной из тростинки и, держа тростинку вертикально, принялся с усиленной быстротой вращать ее между двумя ладонями в продолжение трех или четырех минут.

Вскоре в воздухе запахло гарью, вслед затем душистые волокна загорелись. Тогда Шарль выпустил из рук свою тростинку, проворно накинул на горящий пушок сухие былинки и веточки, раздул огонь и, когда веточки и былинки загорелись, высыпал их на заранее приготовленный костерок.

Вот и все! Не правда ли, как просто; между тем нужно признаться, что вновь прибывший европеец, будь он даже ученый, доктор естественных наук, едва ли бы сумел сделать так, как поступил Шарль в данных условиях.

Теперь плантатор, выждав, когда костер прогорел и превратился в грудку углей, разложил на горячие уголья филей и язык. Когда все было почти готово, он засыпал землю огнем, накрыл все сухими травами и валежником, чтобы почва в этом месте приобрела свой обычный вид. Уйдя в чащу, чтобы утолить там свой голод, в то же время сквозь просвет между деревьями он зорко наблюдал за далеко раскинувшейся саванной.

Увы, ожидания не обманули его: не прошло и часа, как он заметил вдали, чуть не на самом краю горизонта, в высокой траве саванны, несколько черных точек, которые быстро увеличивались.

Не подлежало сомнению, что то были его враги, преследовавшие его по следам, как гончие – оленя.

Вот они уже у того места, где лежит обглоданный остов коня, который они внимательно разглядывают, чтобы не упустить ни малейшей подробности, хотя бы даже самой пустячной. Теперь Шарль может похвалить себя за предосторожность, а главное, за то терпение, с каким он выждал дальнейших событий. Необходимо было разобраться в намерениях врагов.

Всех их было теперь восемь человек: двое мулатов и шесть мура, которых нетрудно было узнать по татуировке, покрывавшей совершенно обнаженную верхнюю часть тела.

– Надо отступать, – решил про себя молодой человек. – Надо бежать лесом; у меня, быть может, останется в распоряжении полчаса, а быть может, и больше, прежде чем они нападут на мой след...

С этими словами он подобрал с земли пучок тростинок, беззвучно проскользнул за деревья и скрылся в чаще.

Первая мысль его теперь была об оружии, так как с одним ножом нечего было и думать противостоять врагам.

Но какое оружие можно было сделать, в его положении? Всякий другой человек сильно бы задумался. Но Шарль недаром был знатоком условий местной жизни, недаром знал кайенские леса и саванны.

В его голове мгновенно родилась блестящая мысль.

Он внимательно высмотрел несколько кустов диких ананасов и срезал у них стебли и листья, которые тотчас стал растирать руками с такою силой, что те распались на отдельные волокна. Получились крепкие волокна, напоминающие волокна алоэ. Он разобрал их на нити, и когда получилось, по его мнению, достаточное количество этих нитей, он стал плести, по способу индейцев, тоненькую бечевку.

Покончив с этим, Шарль занялся дальнейшими поисками. Из младших представительниц семейства пальм: конана, вайя, каму, ауара, пагауа или мрина – он выбирал такие, у которых листья или, вернее, средний усаженный листочками стебель листа наиболее твердый. Он остановил свой выбор на ауара.

Как известно, средний стебель листа у однодольных достигает иногда громадных размеров и бывает чрезвычайно крепок, но расщепляется без труда. Так называемые пальмовые тросточки, красивого, темно-коричневого, почти черного цвета, ровные и гладкие, как полированное черное дерево, и ничуть не уступающие ему в крепости – на самом деле не что иное, как средний стебель молодого пальмового листа.

Шарль поспешно отрезал с дюжину кусков листьев длиной около тридцати сантиметров, расщепил их ножом до трех четвертей длины, сплющил, заострил концы и сделал по одной стороне зазубрины.

Осмотрев их каждый в отдельности и убедившись, что они настолько же гибки, насколько прочны и упруги, он связал

их в пучок полоской коры. Он потратил на все не менее трех часов.

Без сомнения, это можно было бы сделать и гораздо скорее, если бы не непрерывные трудности пути по дремучему лесу. Хотя эти громадные леса вовсе не представляют собою той непроходимой чащи, какую так охотно рисует себе воображение европейских художников, тем не менее путешественнику приходится постоянно напрягать свое внимание, чтобы, ступая по этой почве, густо заваленной валежником и старым листом, не подвергнуть себя опасности упасть и сломать ногу. Кроме того, громадные деревья, поваленные грозой или подгнившие, падая и увлекая за собой своих ближайших соседей, образуют целый хаос ветвей, стволов, листьев и лиан, которые вырастают вокруг этих падших великанов, обвивают и сплетают их целой сетью совершенно посторонней растительности. И тогда все это приходится обходить. Бывает, что и один громадный ствол преграждает путнику дорогу, и тогда прежде, чем ступить на него, необходимо убедиться, достаточно ли он надежен, чтобы выдержать вес человека. Иначе можно провалиться в него и очутиться оплетенным со всех сторон десятками змей и змеенышей, гигантских муравьев, пауков-крабов, или сколопендр, которые кишат в таких прогнивших стволах. Наконец, так как все деревья в лесу растут крайне неравномерно, то густо и кучно, то редко, приходится все время ловко пробираться между стволами, иначе рискуешь разбить себе лоб.

Между тем жара становилась невыносимой. Но Шарль, с детства привыкший к этому влажному зною, без малейшего дуновения ветерка, к этой атмосфере теплицы, продолжал шагать все тем же удлинённым шагом, каким ходят индейцы, и в то же время продолжал свою работу. Он достал из связки одну тростинку, затем один из заостренных наконечников, изготовленных им из стеблей ауары, и вставил его в конец тростинки. Затем обмотал место соединения наконечника с тростинкой раза три – четыре изготовленной им бечевкой из ананасовых волокон, и у него получилась стрела. С виду это не более, как примитивное и хрупкое деревянное оружие, но индейцы пользуются им не без успеха даже против тапира и ягуара. Менее чем за час готова была дюжина таких стрел.

Оставалось изготовить лук, это бесшумное, безмолвное, но беспощадное оружие, которое краснокожие предпочитают наравне с сарбаканами даже лучшему ружью.

Индийский лук обычно изготавливается из сердцевины дерева, называемого, хотя и неправильно, «железным».

Это дерево не имеет себе равных по невероятной твердости (об него тупятся лучшие стальные инструменты) и до того тяжелое, что один кубический дециметр его весит 1, 49 килограмма. Наиболее ценным деревом считается крапчатый амауа, темно-коричневого цвета, с желтыми пятнышками. Краснокожие придумали оригинальный способ приспособить это дерево для намеченной цели.

Так как сердцевина его, совершенно не разрушимая,

окружена очень плотной и непроницаемой оболочкой, то они по преимуществу избирают упавшие и дуплистые деревья, у которых эта предохранительная оболочка сточена термитами. Сердцевина, несмотря на свою невероятную прочность, довольно легко расщепляется в длину. Расколов ее топором, индеец придает осколкам размеры и форму лука, обрабатывая их с невероятным терпением и старанием, с помощью клыков патиры. Нет ни одного карбета, где бы вы не нашли нижней челюсти этого животного, срезанной там, где она соединяется с верхней. Это туземный рубанок, служащий для изготовления лука из железного дерева.

Размеры большого индейского лука достигают двух метров и более. Автор этой книги привез в Европу два таких лука, подаренных ему одним ссыльным, отбывшим срок наказания в Голландской Гвиане.

В материале у Шарля не было недостатка, но Шарль не имел ни времени, ни возможности, чтобы соорудить себе бесподобное, не имеющее равного оружие. Он решил довольствоваться простым отростком черного кедра, очень ровным, прямым и гладким и столь же гибким, как и упругим. Ему осталось только натянуть тетиву из оставшегося конца бечевки из ананасовых волокон, чтобы у него получился лук, правда, примитивный, но в умелых руках представлявший страшное оружие.

Ему необходимо было принять еще одну предосторожность: до этого он шел, не пытаясь скрывать свой след, остав-

ляемый на траве и почве его тяжелыми кожаными сапогами. Возможно, впрочем, что он делал это умышленно. Но теперь, когда он готов встретить врага, молодой плантатор решил воспользоваться всеми выгодами своего положения и постараться захватить своих врагов врасплох.

Он снял сапоги, запрятал их в дупло большого дерева и заменил их обычной обувью индейцев – поршнями из коры пальмы миритис. Поршни эти Шарль привязал к ногам лоскутками, оторванными от своего широкого пояса. Благодаря этой обуви он уже не оставлял после себя следа.

Прожевав на ходу несколько кусков поджаренного на углях конского мяса, Шарль внезапно переменял направление, значительно уклонившись влево, потом вернулся немного назад, параллельно своему прежнему следу, притаился за стволами колоссального дерева и стал терпеливо выжидать.

В числе других ценных качеств, приобретенных им от индейцев в дни ранней молодости, надо назвать удивительное терпение и выдержку. Прошло целых два часа, во время которых Шарль ни разу не шелохнулся, ни разу не выказал малейшего волнения или нетерпения.

Другой на его месте, вероятно, покинул бы свою засаду и поспешил бы продолжать свой путь. Он, однако, слишком хорошо знал своих врагов, чтобы не считаться с их упорством и не быть уверенным, что рано или поздно они непременно пройдут здесь, мимо него, по следу, как настоящие

ищейки.

Необходимо было поэтому во что бы то ни стало задерживать их, избавиться от их преследования, иначе он неизбежно должен будет пасть жертвой их хитрости и коварства.

На этот раз расчеты не обманули его. Вскоре смутный шум голосов достиг его слуха, а затем громкий смех. Несомненно, то были мулаты и их страшные союзники.

Шарль, притаившись между стволами, догадался, что они смеются над ним, над этим белым, который бежит от них, не скрывая даже своего следа; но вдруг раздались восклицания разочарования: след пропал. Шарль так удачно выбрал свою засаду, что между стволами густо стоящих в этом месте деревьев мог все видеть. Нарушив порядок, – враги все время шли гуськом, – мулаты и мура сбились в кучу и внимательно присматривались к почве, в надежде найти какое-нибудь указание, чтобы определить, куда девался молодой плантатор.

Вот они рассыпались по всем направлениям в поисках следа, а затем снова собрались в кучу и стали совещаться, не зная, как быть дальше.

Тогда Шарль, выпрямившись, натянул лук, прицелился и спустил стрелу в спину одного индейца.

Глава XV

Сравнение лука с охотничьим ружьем. – Предпочтение краснокожих. – Воспоминание о наших предках. – Подвиги Шарля. – Двумя врагами меньше. – Хитрость дикарей. – Вращательное движение. – Сабельный удар, превращающий лук в палку. – Стрелок, превратившийся в палочника. – Отступление. – Бегство. – Раненный и обезоруженный. – Саванна. – Гремучая змея. – Примитивная музыка. – Не в том опасность! – Недомогание. – Лихорадка. – Злокачественная рана. – Проклятая река!

Несмотря на то, что лук – примитивное оружие, в умелых руках он становится страшным оружием даже и в том случае, когда стрелы не отравлены. Индейцы так искусно умеют пускать свои стрелы, что не мудрено предпочтение, оказываемое им луку перед ружьем.

Какова максимальная дальность охотничьего ружья, заряженного дробью? Возьмем для примера ружье двенадцатого калибра; оно бьет не дальше 50 или 60 метров, да и то еще на таком расстоянии даже самый опытный охотник не может поручиться, что попадет в цель. Если зарядить охотничье ружье пулей, то выстрел на дальнейшее расстояние также не может быть очень верен, потому что пуля при гладкоствольном ружье не отличается ни правильностью полета, ни силой удара.

Нельзя, конечно, утверждать, что лук может выдержать сравнение с нарезным оружием, о котором здесь нет речи. Но деревянный лук, в два метра высоты, спускающий стрелу почти такой же длины, в руках индейца безошибочно попадает в самую маленькую обезьянку или в птицу величиной с фазана, на расстоянии ста – ста двадцати метров. Какой охотник-европеец может проделать то же самое с гладкоствольным охотничьим ружьем?

Автор этого рассказа своими глазами видел, как индейцы марони пробивали навылет лимон, насаженный на стрелу, воткнутую в землю, на расстоянии сорока и пятидесяти метров, или убивали наповал сидевших на самой вершине деревьев маленьких ревунокчиков и макак, а также и птиц. И в этом нет ничего удивительного: это по силам любому стрелку среднего уровня; настолько постоянное упражнение и навык развили в них умение владеть своим излюбленным оружием.

Кроме того, лук имеет преимущество: он не производит шума, могущего спугнуть дичь или предостеречь заблаговременно врага. Наконец, возобновление запасов стрел несравненно легче и доступнее, чем возобновление израсходованных пуль и пороха, не говоря уже о том, что последние портятся под влиянием сырости.

Все эти преимущества лука в достаточной мере объясняют нам предпочтение, какое индейцы отдают ему перед огнестрельным оружием, которое долгое время не пользовалось

доверием даже у цивилизованных народов.

Изумительная ловкость в стрельбе из лука не является, однако, исключительной привилегией только одних дикарей. Нам известно, что во времена, еще не столь отдаленные, наши предки также были виртуозами этого искусства.

Стоит только вспомнить времена Франциска I, короля Франции, и перенестись мысленно к 1520 году, когда король Англии, Генрих VIII, выдающийся стрелок и страстный охотник, состязаясь с лучшими французскими стрелками, всадил все свои стрелы в центр цели, стреляя на расстоянии 240 ярдов, или 218 метров. Между тем этот подвиг английского короля не является чем-то исключительным, и многие стрелки могли сделать то же самое. Не подлежащие сомнению документы позволяют утверждать, что пернатые стрелы, в противоположность стрелам более тяжелым и потому менее дальнобойным, могли попадать в цель на расстоянии до 600 ярдов, то есть приблизительно до 546 метров, и что на расстоянии 400 ярдов, или 364 метров, хороший стрелок часто попадал в червонец.

К тому же указы этого короля, Генриха VIII, относительно стрелков из лука говорят сами за себя. Так, например, мы не без удивления узнаем, что каждому английскому подданному мужского пола вменялось в обязанность умение стрелять из лука и обучение этому своих детей. Формально воспрещалось каждому мужчине, достигшему двадцатичетырехлетнего возраста, стрелять ближе, чем на расстояние 220 ярдов,

то есть 200 метров, – пернатой стрелой, и ближе 140 ярдов, то есть 127 метров, – тяжелой стрелой.

Сила удара этого примитивного метательного снаряда, изготовленного из обыкновенного тисового дерева, просто изумительна. Так, например, отряд стрелков в сто человек, в 1548 году, стрелял в присутствии короля Эдуарда II на расстоянии в 400 ярдов (364 метра), и стрелы, попавшие в цель, пробили насквозь дубовую доску толщиной в 27 миллиметров, не уклонившись ни на йоту.

Если современные нам южноамериканские индейцы не такие удалые борцы, как прежние европейские стрелки, то они тем не менее остаются несравненными стрелками.

Так и Шарль Робен ничуть не был удивлен, заслышав странный вой вслед за просвистевшей в воздухе стрелой.

Между тем, он пустил ее по меньшей мере на расстоянии ста метров. Зазубренный наконечник стрелы вонзился, точно в мягкий клубок, в спину одного мура, и несчастный, раненный насмерть, забился в предсмертных муках, издавая глухое хрипение.

Испуганные товарищи огласили воздух диким ревом и разбежались в разные стороны, не подумав даже оказать хоть какую-нибудь помощь умирающему.

– Раз! – проговорил Шарль, хладнокровно приготавливая вторую стрелу.

Случайно во время бегства другой индеец очутился подле молодого француза. Мура бежал с быстротою лани; Шарль

подпустил его на расстояние 20 шагов и затем пустил в него стрелу, которая пробила ему шею. Индеец упал, не издав ни звука, а изо рта хлынула кровь.

Шарль одним прыжком выскочил из засады, отстегнул у павшего врага его лук и стрелы с железными наконечниками, его тесак и кисет с огнивом и трутом и небольшим количеством шелкового пуха. Молодой европеец вынужден был прибегнуть к такому ограблению.

Теперь число осаждающих уменьшилось на два человека, то есть их осталось всего 6. Положение Шарля от этого еще не улучшилось, а скорее, наоборот. Оправившись от страха и мура и бразильцы поняли, что с беглецом надо считаться, тогда как раньше они даже не подозревали в нем ни ловкости, ни смелости.

Они решили противопоставить его тактике индианизированного европейца свою тактику и хитрость природных дикарей и побить его же собственным оружием.

Забрав все, что он считал нужным, Шарль, не теряя ни минуты, временно вернулся на прежнее место в свою засаду, где он был защищен с трех сторон толстыми стволами деревьев, образовавших род ниши. До его слуха издали доносился разговор вполголоса, и он не без основания полагал, что это враги обсуждают план нападения. Не имея возможности ничего предпринять, молодой человек стоял неподвижно, притаившись за стволами и напрягая слух и зрение.

Вскоре ему показалось, что на том самом месте, где упал

только что убитый им мура, какая-то неподвижная темная тень вдруг слегка заколыхалась и ясно вырисовалась, как на экране, на более светлом фоне ствола.

Без сомнения, это новый враг, который также исследовал почву! Не теряя ни минуты, Шарль пустил стрелу и услышал отчаянный возглас.

Спустя две минуты тень снова появилась, и он снова пустил в нее стрелу. Опять послышался крик, и все смолкло.

– Странно! – подумал молодой человек, которым вдруг овладело смутное беспокойство. – Я положительно не могу объяснить себе, каким образом эти мура, правда, чрезвычайно малодушные, но при том и чрезвычайно хитрые, стоят все на одном и том же месте и как бы добровольно подставляют себя под мои выстрелы! Здесь, наверное, что-нибудь да не ладно!

И вот он, осторожно высунув голову, увидел, что за одним из деревьев слегка выглядывает корпус мура. Но по тяжелому, неуклюжему движению этого татуированного тела Шарль угадал ловушку.

– Это не живой человек! Очевидно, эти негодяи хитрее, чем я думал: они подобрали тела убитых и теперь подставляют их мне, чтобы я израсходовал на них свои стрелы!

Но он не подозревал всей истины и в следующую минуту вдруг почувствовал неопределенное ощущение близкой опасности, хотя решительно ничего подозрительного вокруг себя не видел и не слышал; затем уловил чуть слышный вздох, точно

шелест крыльев маленькой птички. Шарль быстро обернулся, держа наготове лук, и вдруг увидел у себя над головой руку, вооруженную тесаком.

Еще момент, и смертоносное оружие опустилось бы на его голову. Так как у него не было времени выскочить из своей засады, то он инстинктивно замахнулся луком и машинально принял на него удар тесака. Этому он был обязан, вероятно, жизнью или во всяком случае спасением от смертельной раны. Тесак тяжело опустился и, попав вкось по дереву лука, пересек тетиву.

Теперь в руках у Шарля остался уже не лук, а простая длинная палка из тяжелого кедра. Между тем мура, еще не пришедший в себя от своего удара впустую, снова занес свое оружие. Молодой человек поспешно выскочил из своей засады и очутился теперь лицом к лицу со своим врагом.

– Ага, милейший! – насмешливо воскликнул он по-французски. – Нам знакомы эти военные хитрости, но нам знакомо также и вращательное движение хорошей надежной дубинки в руках опытного борца! Знакомо ли тебе вот это? – с этими словами он принялся быстро вращать у себя над головой палку, оставшуюся от лука. Она, описывая громадные круги, со всего маху задела в каких-нибудь три секунды три раза индейца по голове, по бедру и по руке. Напрасно тот неуклюже размахивал своим тесаком, пытаясь защищаться и парировать эти страшные удары. Оружие его все время встречало пустое пространство.

Ошеломленный этим градом ударов, сыпавшихся на него, мура громко крикнул, призывая на помощь. Но в этот момент увесистый удар заставил его смолкнуть, выбив два зуба и раскровав губы и рот, а в следующее мгновение тесак выпал у него из рук. Одна рука беспомощно повисла вдоль туловища: была переломлена кость.

Наконец, и этот мура выбит из строя. И пора: на его призыв спешили со всех сторон товарищи. Они окружили Шарля, который, прислонившись спиной к стволу, стал обороняться, размахивая вокруг себя своей палкой.

С криками диких животных устремились двое мулатов и трое оставшихся невредимыми мура на неуловимого противника, но тот, защищенный со спины громадным стволом и уверенный, что со спины его обойти не могут, в течение некоторого времени ухитрялся удерживать нападающих на почтительном расстоянии.

Наносимые им с размаху удары были так метки и так увесисто падали то на головы, то на плечи и бедра его пяти противников, что вскоре их полукруг стал редеть.

Не будучи в состоянии дать себе отчет в удивительной силе этой дубинки, совершенно не знакомые с новыми для них приемами, ежеминутно поражаемые этим противником, они, наконец, начинают отступать, приготавливают свои луки и решаются покончить с ним издали.

Шарль сразу сообразил, в чем дело. Он кидается вперед с

тесаком в руке, отнятым им у убитого мура, и, держа в другой руке свою длинную кедровую палку, прорывается сквозь группу врагов, ранит на бегу одного из них, опрокидывает двух других и скрывается в чаще леса. С минуту он считает себя спасенным. Но острая боль, как бы от ожога в левой руке, заставляет его вздрогнуть, и он замечает, что ранен стрелой, пущенной ему вдогонку.

– Плохо дело! – говорит он, спокойно обламывая ствол и вырывая из раны железный наконечник стрелы, – если стрела эта отравлена, то я погиб!

Однако крики, раздающиеся у него за спиной, не позволяют ему сомневаться в намерениях врага. У него нет времени перевязать свою рану; негодяи преследуют его по пятам; надо бежать.

Ах, если бы он успел захватить с собой лук и стрелы, отнятые им у убитого мура! Как бы ему легко было теперь перебить их всех поодиночке! Но, увы! Они остались там, в его засаде.

К счастью, он в беге не уступит никому, даже самому кариаку, луизианской лани, и грациозной гвианской дикой козе. Пока он еще не ощущает своей раны, из которой, к счастью, обильно сочится кровь. Хотя следы крови выдают его врагу, он тем не менее не спешит перевязать ее или хотя бы остановить кровь, обернуть ее своим поясом. Он знает, что если стрела была отравлена, кровотечение – первоначально лучшее лечение, так как вместе с кровью смывается наиболь-

шая часть яда, попавшего в рану. Он разглядывает на бегу железный наконечник, извлеченный им из раны, и ему кажется, что на нем не видно ни малейшего следа яда. Дай-то Бог, чтобы он не ошибся!

Наконец, кровь перестает сочиться, благодаря компрессу, останавливающему кровотечение. Так как обувь его не оставляет следа, то надежда на спасение еще не потеряна. Поневоле приходится отказаться от борьбы – необходимо по крайней мере уйти от врагов.

Он продолжал бежать и скоро заметил, что почва кругом заметно изменилась. Вид лиан, все более и более опутывающих гигантские деревья, богатая растительность, изобилующая яркими и неповторимыми цветами, наконец, присутствие кустов, – все говорило, что он находится на опушке леса, что лесу скоро конец.

Вдруг он выбегает на открытое место; это громадная саванна, поросшая жесткой, короткой травой, наполовину опаленной солнцем. Местность ему кажется знакомой. Уж не бывал ли он здесь, в поисках новых пастбищ для своего скота? Весьма возможно! И он бежит дальше по луговой равнине; но резкий пронзительный звук, донесшийся до него, заставляет его замедлить свой бег.

Этот род свиста и треска, напоминающего детские трещотки, хорошо знаком исследователям. Шарль ни минуты не сомневался: это характерный звук роговых колец на хвосте гремучей змеи. Довольно неуклюжая в своих движениях

ях и апатичная по природе, гремучая змея почти никогда не нападает на человека, а напротив, имеет привычку уходить, как только заслышит его приближение. Вот почему рекомендуется, проходя по местам, где водятся эти змеи, идти не спеша и ударять прутом впереди себя по траве, под которой эти змеи скрываются. Этой простой предосторожности бывает вполне достаточно, чтобы заставить гремучую змею уйти. Но, с другой стороны, она приходит в бешенство, если нарушить ее покой хотя бы самым легким прикосновением. Горе тому человеку, который, проходя, заденет ее или наступит на нее ногой: в один момент она свернется спиралью, высунет голову над кольцами туловища, которое, как пружину, выбросит вперед по направлению обидчика. Это уже не прежнее апатичное существо – теперь она ни в чем не уступит знаменитой мартиникской железной змее. Укус ее почти всегда смертелен.

Шарль, не выказывая ни малейшего чувства страха или удивления, только несколько замедлил свой шаг и стал слегка похлопывать высокую траву длинной тростью.

Спустя несколько секунд он снова услышал такой же треск и шелест, а там еще и еще. Очевидно, эта часть саванны положительно кишела гремучими змеями. Но плантатор смело продолжал идти вперед, ни мало не смущаясь этим ужасным соседством.

Он припомнил, что в детстве его чернокожий воспитатель, старик Казимир, научил зачаровывать змей и что он же

несколько раз заговаривал его и прививал известные яды, не только противодействующие ядовитости укуса, но и ограждающие от укуса.

Эти прививки, возобновляемые время от времени, сохранили свою силу.

– Ах, будь у меня время, как бы легко мне было призвать к себе всех этих чудовищ и повести их за собой навстречу негодяям, которые гонятся за мной. Какое грозное войско! – проговорил он про себя.

И, продолжая слегка пошевеливать длинной палкой траву, он поднес лезвие своего тесака к губам и стал наигрывать на этом странном инструменте своеобразную мелодию – чрезвычайно нежную и приятную.

И странное дело: на пространстве двадцати – двадцати пяти метров трава зашевелилась, тут и там появились черные точки, а затем и головы змей, покачивавшихся грациозно на своих лебединых шеях.

– Да, – продолжал молодой француз, – я знаю, вы любите эту музыку, и вас мне нечего бояться!.. Что для меня опасно, так это недомогание, какое я начинаю ощущать и которое вдруг вызвало во мне чувство усталости! Что бы это значило? Неужели стрела была отравлена?

Он продолжал идти еще с четверть часа, не переставая на-свистывать, и стал замечать, что змей все меньше и меньше; вскоре они совершенно исчезли.

Его недомогание заметно усилилось; он ощущает сильный

озноб, в ушах у него шум, в глазах мутится. Бросив взгляд на свою руку, он замечает, что она потемнела, стала мертвенно синеватой, кругом появилась опухоль; пальцы на руке начинают терять свою обычную подвижность; чувствительность при касании уже совершенно утрачена.

Тем не менее присутствие духа не покидает раненого. Будучи убежден в серьезности своего положения и вполне сознавая, что его рана, если не смертельна, то во всяком случае чрезвычайно опасна, он только ускоряет шаг по направлению к темной полосе, виднеющейся на горизонте прямо против него.

Что же там, снова начинается полоса лесов?

Он смутно припоминает, что когда-то он там видел большую и широкую реку.

Задыхаясь, изнемогая и умирая от жажды, он, наконец, вступает под сень первых деревьев, которые он увидел еще издали. Да, он не ошибся! Вот и река шириною около двадцати пяти метров и местами поросшая по берегам муку-муку.

Значит, он может утолить свою жажду, помыть свою рану и восстановить отчасти свои силы, погрузившись в холодные струи реки...

Проклятье! Он вдруг проваливается выше колен в топкое, мягкое болото, предательски поросшее сверху зеленой травой. До реки остается еще пять-шесть метров, но добраться до нее по этой илистой отмели нет никакой возможности.

Он с большим усилием выбирается из этой тины на твердую землю и, полный отчаяния, бежит вдоль берега, надеясь найти где-нибудь место, какой-нибудь перешеек, скалу или что-либо в этом роде, позволяющее ему добраться до воды и погрузиться в нее, хотя бы даже она кишела кайманами и электрическими угрями.

Но напрасно! Илистая отмель тянется бесконечно и беспрерывно на всем протяжении, куда только хватает глаз, и он не может рискнуть перебраться через нее, не затонув окончательно в этом иле.

Глава XVI

Что это за яд? – На берегу проклятой реки. – Поваленное дерево. – Жажда. – Кайман. – Отчаянная борьба. – Победа. – Электрические угри. – Муки Тантала. – Прорванный мост. – В воде. – Естественный плот. – Вперед! – Последнее сражение. – Лассо. – Побежден. – Триумф и поражение. – Военный клич мундуруку. – Ужас Табира. – Первый труп. – Мститель. – Свободен. – Отдан на съедение диким зверям и муравьям. – Возвращение в усадьбу. – Беда.

В обычных условиях Шарля не тяготила экваториальная жара. Он, подобно неграм и индейцам, мог идти сколько угодно под палящими лучами солнца, не опасаясь солнечного удара, постоянно висящего угрозой над каждым человеком белой расы в этих краях. Не боялся приступов лихорадки, которая для непривычного европейца является неизбежным следствием чрезмерного утомления. Он умел также очень долго обходиться без питья и без пищи. К несчастью, рана все это изменила.

Молодой человек сразу утратил все проворство и ловкость хищного животного, всю свою удивительную выносливость, постоянно поддерживаемую подвижной жизнью и окружающими опасностями, и, если сохранял еще ясность мысли, то только благодаря невероятному усилию своей воли.

Мучимый голодом и жаждой, невыносимо страдая от раны, окруженный со всех сторон, он все еще пытался бороться.

Река текла почти по прямой линии вверх от места, где он увяз, но ниже течение ее казалось чрезвычайно извилистым. Шарль не без основания полагал, что, спустившись вниз по течению, он сумеет найти место, где ил не успел еще скопиться в таком количестве.

Он снова пошел, прокладывая себе дорогу между кустами, обрамлявшими берег реки, с трудом продвигаясь вперед и опираясь на палку. Левая рука его уже не могла удержать тесак, чтобы прорубить дорогу в чаще. Тернии и колючки разрывают его одежду и тело; лианы поминутно преграждают путь.

Все как будто сговорилось против него. Но вот вздох облегчения вырвался, наконец, из его груди. Он увидел недавно поваленное грозой громадное дерево, перегородившее реку и как бы образовавшее собою мост. Не заботясь о том, что из этого может выйти дальше, Шарль решил во что бы то ни стало переправиться через эту проклятую реку; непреодолимый инстинкт, берущий верх даже над разумом, влечет его вперед.

Это упавшее дерево, превосходный купа́йя, чрезвычайно похоже на сямарубу, с которым его очень легко спутать и от которого оно отличается только корнями, коричневыми и волокнистыми, тогда как корни сямарубы желты и компакт-

ны. С невероятным трудом Шарль взбирается на ком земли, удержавшийся в корнях вырванного грозой дерева. Садится верхом на гладкий и прямой ствол, чтобы, ползя по нему, постепенно двигаться вперед в сидячем положении, так как чувствует, что не в состоянии удержаться на ногах.

Вот он уже на полпути. Пока все идет благополучно. Он уже у кроны дерева, громадные развесистые ветки которой достигают противоположного берега.

Так как муки жажды становятся совершенно невыносимыми, он собирается спуститься по одному из больших сучков в воду и погрузиться в нее. Он уже предвкушает наслаждение от этого купанья, которое должно вернуть ему силы и бодрость, и медленно склоняется над водой.

Но, о ужас! Что-то бесформенное, зеленоватое, с невероятной быстротой движущееся в воде, вдруг вынырнуло наверх, и почти у самых его ног раскрылась громадная пасть с синевато-лиловатыми челюстями, готовыми сию минуту сдавить его. Одновременно омерзительный запах мускуса отравляет воздух.

– Кайман! – шепчет он, ужаснувшись. Но, к счастью, чудовище слишком спешило, не то, не прошло бы пяти – шести минут, и Шарль неминуемо сделался бы добычей крокодила.

Но в нем вместе с опасностью растет и мужество. Призвав на помощь весь остаток сил, он повисает онемевшей рукой на ветке и, преодолев ужаснейшую боль, причиняемую ему

этим усилием, рубит тесаком тупоносую морду каймана.

Несмотря на толстую и крепкую броню, верхняя чавка почти отсечена, кровь течет ручьем, но Шарль продолжает рубить с размаху, как мясник мясо.

Ошеломленный частыми ударами, изуродованный и окровавленный, кайман видит, наконец, что он бессилен против такого врага, и отступает. Он резко ныряет на дно и скрывается, бешено колотя хвостом по воде, так что пена и брызги настоящим дождем разлетаются кругом. У Шарля только одна забота: проглотить несколько глотков воды, от которых, быть может, зависит его жизнь.

Течением в одну минуту смыло все следы ожесточенной борьбы человека с крокодилом, француз вторично наклоняется над водой и хочет погрузиться в реку. В силу привитой ему воспитанием привычки всегда соблюдать осторожность, он приглядывается раньше к светлой и прозрачной реке, чтобы убедиться, нет ли здесь еще другого каймана.

Каймана нет, но что это за существа, длинные, темные, почти черные, извивающиеся, как змеи? Их здесь штук шесть, если не больше; длина их достигает приблизительно полутора метров; они как будто сторожат добычу.

– Гимноты! – воскликнул с отчаянием Шарль. – Боже мой! Да это какое-то проклятие! Нет, я не стану пить!

Он знает, что несмотря на их безобидный вид, эти электрические угри, или гимноты, страшно опасны не только для всех водяных существ, но и для человека и самых крупных

млекопитающих.

Не только одного их прикосновения достаточно, чтобы парализовать самое сильное существо, но и жидкость, которую они выделяют, действует точно так же, как и само их прикосновение, и противиться этому нет никакой возможности.

Удрученный, но не подавленный этим безжалостным течением обстоятельств, Шарль решает снова взобраться на ствол и переправиться на другой берег этой предательской реки, в которой не мог ни восстановить своих сил, ни утолить своей жажды. Но теперь он с ужасом замечает, что дерево при падении раскололось, и крона держится у ствола всего на нескольких волокнах да на коре.

От движения и сотрясения во время его борьбы с кайманом, под тяжестью его собственного тела верхушка совершенно отделится от ствола, это несомненно. Уже сейчас слышится подозрительный и зловещий треск. И вот вся крона, под напором излишнего веса, и благодаря силе течения, сначала слабо колыхнулась, едва только Шарль успел перебраться на нее, затем описала как бы полувращательное движение и наконец отделилась от ствола.

Шарль, судорожно вцепившись в ветви, не выпускал их из руки. На его счастье, купайа – одно из самых легковесных деревьев и может служить как бы естественным плотом. Кроме того, падение обломившегося конца ствола в реку спугнуло и разогнало гимнотов.

Верхушка дерева завертелась и поплыла по реке, уноси-

мая течением. Наконец-то Шарль может напиться вдосталь, может с наслаждением погрузиться в воду, одно прикосновение которой к его пылающему телу является для него неопи- суемым блаженством. Пробыв несколько минут в воде, он перестал ощущать всякую боль, и здоровый организм его как-то сразу ожил. Он хотел бы продлить это наслаждение, но возможная и даже вероятная близость страшных обита- телей этих вод заставляет его отказаться от своего желания.

Он ни минуты не переставал цепляться за сучья и ветви своего плавучего зеленого острова, который течением при- бивало ближе то к одному берегу, то к другому, в зависимо- сти от капризов течения. Сознавая, что он может бесконеч- но плыть так вниз по течению, Шарль решается воспользо- ваться моментом, когда вершину прибило течением ближе к противоположному берегу, чтобы заставить свой плавучий остров поскорее пристать к нему.

Сделать это не так трудно, как это кажется с первого взгляда: на берегу у самой воды росли громадные деревья, нижние ветви которых далеко простирались вперед и нависали над рекой.

Шарль, ухватившись за одну из таких больших ветвей и обхватив изо всей силы обеими ногами тот сук, на котором он плыл, притянулся к большому дереву и таким образом пристал, по счастливой случайности, в таком месте, где не было илистой отмели.

Ступив на твердую почву, он отвязал свой пояс, погрузил

его в воду, перевязал им свою раненную руку, еще раз освежил лицо водою и затем продолжил путь. Лес снова начал редеть... скоро открывалась саванна.

Кедровую палку он обронил во время борьбы с кайманом. Теперь срезал себе здоровую палку гвианского дерева, заострил ее с одного конца и довольно бодро зашагал вперед по тому направлению, где, по его предположению, должна была находиться его усадьба.

Прошло два часа. По расчетам молодого плантатора ему оставалось всего километров 20 до усадьбы. Вдруг поблизости раздался протяжный вой. Шарль сразу узнал его: значит, разбойники не утратили его следа.

Крики усиливались, и вот из высокой травы, точно из-под земли, выросла группа людей, бегущих к нему. Их пятеро. Это они, пять оставшихся в живых из восьми его преследователей, трое мура и двое мулатов.

Запыхавшиеся, озлобленные, все в поту, они с криками окружают его, размахивая своим оружием. Шарль хватается за свой кол.

Смущенные на мгновение решительным видом противника, враги останавливаются.

Индеец, желая, очевидно, покончить с ним сразу, не рискуя доводить дело до рукопашной схватки, приготовился пустить в него стрелу; но один из мулатов ударом своего тесака плашмя переламывает стрелу и кричит.

– Разве ты не знаешь, что набольший приказал захватить

его живьем?!

– Я не знаю никакого набольшего! Не мешай мне, я хочу убить этого белого!

– После, если хочешь, но не теперь! Пойми же ты, дурак, что когда он будет в наших руках, нам легко будет овладеть серингалем, не подвергая себя опасности. Если же ты его убьешь, все будет кончено, и те, кто отстаивают жилище, не захотят нас слушать!

Тогда, поняв в чем дело, мура опускает свое оружие, но при этом спрашивает:

– Ну, а кто же задержит его? Этот человек сильнее нас всех, вместе взятых! Я боюсь!

– А разве у каждого из нас нет лассо?

Но Шарль, не дожидаясь конца этого разговора, кидается на своих преследователей с колом в руке. В другое время ни один из негодяев не остался бы жив, но молодой француз сильно ослабел за эти два дня непрерывных мучений и страданий.

Тем не менее перепуганные мура и бразильцы разбежались, как зайцы, во все стороны, но затем тотчас же возвратились, окружив его с пяти сторон и угрожая своими лассо.

Шарль хватается за тесак, старается пробить себе дорогу и уйти из этого заколдованного круга, центром которого он теперь является. Он вторично бросается на врага, но вдруг останавливается, заслышав свист лассо.

Не успела ременная петля опуститься на его плечи, как он

с удивительной ловкостью и проворством рассекает ее у себя над головой. Но второе лассо, а затем третье одновременно готовы опуститься на него. Он успевает рассечь второе, но третье захватывает его по рукам в тот самый момент, когда он готовится отпарировать летящую петлю обратным ударом тесака. Петля туго стягивает его плечи, прижимает руки к бокам и парализует всякую возможность движения. Нападающие приветствуют воем радости эту удачу.

Мура, пустивший лассо и держащий в руке его конец, сильно встряхивает его, и сотрясение, передавшееся Шарлю, настолько сильно, что тот не может устоять на ногах и падает, как подкошенный, на землю.

Тогда один из мулатов кидается к нему, полагая, что теперь ему легко будет справиться с этим человеком, и хочет связать ему ноги, но в тот же момент негодяй падает от сильного удара ногой в грудь, который ему наносит уже лежащий на земле француз. С глухим криком отлетев в сторону, враг остается сидеть на траве, дико вращая глазами.

Однако, вложив остаток сил в этот последний удар, Шарль уже не в состоянии сопротивляться остальным четверым. Одно мгновение он еще старается стряхнуть с себя эту горсть врагов, но вскоре наполовину теряет сознание и остается неподвижен.

Мура с криком торжества кидаются связывать его, затем принимаются плясать вокруг него, как безумные.

Но торжество их непродолжительно: грозный крик огла-

шает воздух и отдается по всей равнине. Мура в недоумении смолкают и прислушиваются, как бы не доверяя своему слуху.

Тот же крик повторяется снова, но уже ближе и заканчивается грозным ревом, напоминающим крик разъяренного ягуара.

Негодяи узнают военный крик грозных воинов мундуруку, самых отважных из всех Амазонских индейских племен и непримиримых врагов муру.

Не заботясь более о своем пленнике, охваченные на стоящей паникой, они бегут без оглядки, как стадо молоденьких пекари от преследующей их пантеры.

В этот момент необычайного роста индеец, совершенно голый, в военном снаряжении, сложенный, как древний гладиатор, быстрыми прыжками выбегает на равнину и, как гром, обрушивается на мулата, еще не пришедшего в себя от пинка, полученного им от Шарля и потому только не последовавшего примеру своих товарищей. Красавец индеец в третий раз издает свой воинственный клич и добавляет:

– Господин, это я!

Но Шарль едва в силах прошептать ему в ответ:

– Это ты, Табира?!

Мулат, схваченный одной рукой за шиворот, как паршивый щенок, падает на колени и молит о пощаде.

Но индеец, лицо которого искажено злобой, раздражает-

ся демоническим хохотом. Наполовину придушенный мулат опускает голову, издавая глухое хрипение. Тогда индеец, выпустив его горло, схватывает за курчавые волосы и заносит свой тесак. Раздается глухой удар, и туловище падает на землю, мигом обезглавленное.

Табира отшвыривает от себя голову ногой с омерзением, затем склоняется к своему господину и перерезает лассо, которым тот был связан.

– Скажи, господин, хочешь, чтобы я убил и остальных? – спрашивает он.

Но молодой человек не может даже ответить.

Решительный индеец принимает его молчание за утвердительный ответ, поднимает с земли свой тесак и сарбакан и устремляется по следам беглецов.

Не прошло и получаса, как он вернулся, гордый и довольный, весь испачканный кровью, и снова склонился над Шарлем, который начинает приходить в себя.

– Табира! – говорит хозяин. – Это ты, верный друг!

– Это я, господин! Пойдем отсюда, теперь нам нечего больше опасаться!

– Ты их всех убил?

– Мура – черные коршуны, которые осмелились поднять руку на белого, возлюбленного мундуруку! Табира только отомстил за своего друга и казнил подлых хищников. Теперь все кончено, будь спокоен; они больше не вернуться. А кафузы, друзья черных коршунов, тоже умерли. Пойдем же, гос-

подин, с твоим верным индейцем. Надо спешить, время уходит, а ведь там есть еще и другие!..

– Дай мне хоть поблагодарить тебя, мой славный друг!

– Благодарить? За что? Разве ты не брат мундуруку? Разве ты не кормил, не поил и не берег наших стариков, наших женщин и детей, когда мы, мужчины, были на тропе войны? Разве ты не сражался против их врагов? Теперь ты слаб, но рука Табиры сильна, и она поддержит тебя, и если нужно, то даже понесет тебя!

С этими словами Табира внимательно осмотрел рану Шарля и одобрительно покачал головой.

– Эти мура – глупые свиньи! Счастье, что им не знаком вурари (кураре). Господин ранен стрелой, отравленной ядом пипы; ему нечего опасаться!

Пипа – очень крупная американская жаба отвратительного вида.

– Пипа – не смертельный яд, – продолжал индеец, – особенно для человека, которому были сделаны прививки против змеиного яда. Табира знает травы, которые уймут лихорадку и опухоль! Господин скоро опять будет здоров!

Утешив таким образом раненого, он достал из своей походной сумы лепешку из кассавы и маленькую флягу с арума.

С жадностью уничтожив лепешку и сделав несколько глотков тафии, Шарль почувствовал себя гораздо сильнее и бодрее, и оба друга отправились отыскивать подходящее ме-

сто для ночлега, оставив труп бразильца-мулата на съедение диким зверям и термитам.

Согласно настойчивому желанию Табиры, этот труп, равно как и тела остальных врагов, должны исчезнуть бесследно. Быть растерзанным ягуарами или объединенным муравьями считается в глазах индейцев с берегов Амазонки верхом злосчастья. Вот почему мстительный мундуруку не пожелал избавить своих заклятых врагов от этого посмертного изгнания.

На ходу индеец срывал какие-то травы и растирал их листья и стебли руками, изготавливая род пластыря, который он и наложил на рану своего господина.

Быстро наступила ночь. Табира своим тесаком срезал немного разных трав, сделал из них густую и мягкую подстилку, и оба друга заснули на ней крепким сном.

Усталость и страдания, перенесенные Шарлем за эти два дня, так подействовали на его организм, что он проспал до самого восхода, не просыпаясь.

Между тем лечение Табиры было столь действенно, что за ночь боль значительно ослабла, опухоль спала, и рана не имела уже столь ужасающего вида.

Теперь для заживления раны нужно было всего несколько дней.

Подкрепив свои силы поутру кое-какими кореньями, собранными на рассвете, Шарль и Табира двинулись в путь.

По пути Шарль узнал от своего спутника, как тот покинул

усадыбу, как отправился разыскивать своего господина, как он сперва напал на след мура и каторжников, затем на след дикого коня, к которому был привязан его господин.

Все это, конечно, отняло у него очень много времени, особенно если принять во внимание расстояние до того места, где было совершено на Шарля дерзкое нападение.

Но несмотря на свое поразительное чутье, на свою неутомимость и легкость на ходу, он, как мы видели, чуть было не опоздал. Шарль в сущности был обязан жизнью только той случайности, что негодяи непременно хотели захватить его живым.

Расстояние, отделяющее их от серингаля, уменьшается с каждым часом. Шарль давно уже в знакомых местах. Он спешит, чтобы сократить еще более последние минуты пути, разделяющие его и его близких, которых он чуть было не лишился навсегда.

И его сердце, сердце супруга и отца, трепещет от радости при мысли о свидании, на которое он боялся даже надеяться! Все его существо стремится туда, где его ждут родные, тревогу и опасения которых за себя он спешит успокоить... Вот, наконец, большие деревья роши, в которой прячется его жилище. Пальмы, манговые деревья, апельсины, бананы...

Но что значит эта мертвая тишина кругом? Почему не слышно обычного шума кишашего жизнью муравейника, этого миниатюрного промышленного городка?

Что это? Воображение?.. Подходя ближе, Шарль не видит

хижин рабочих, рассыпанных вокруг барского дома.

Он с недоумением смотрит на своего краснокожего товарища, который также, видимо, смущен, несмотря на присутствующее всякому индейцу хладнокровие. Местность все та же, ничто кругом не изменилось, а нигде нет следов жилья...

Шарль, едва оправившийся от ужасных потрясений, пережитых им, думает, что его преследует страшный кошмар. Он кидается вперед и в несколько прыжков оказывается на том месте, где был его дом; глаза его встречают обгорелые бревна, а из груди вырывается ужасный крик.

Хижины, карбеты, склады и магазины, его жилище – все это превратилось в груды обгорелых обломков и пепла, из-под которого там и сям торчат обуглившиеся пни.

Весь громадный персонал, состоявший из негров и индейцев, с женами и детьми, исчез, точно так же, как и его собственная семья.

Не в силах произнести ни слова, несчастный чувствует вдруг, что жизнь покидает его.

Он раскидывает руки; раздается его нечеловеческий вопль, и покачнувшись, как подкошенный, он падает, точно громом сраженный, на руки верного индейца.

Часть 2. Скитальцы

Глава I

Резня. – Подвиги добровольного палача. – Опыяненные водкой, опыяненные кровью. – Два врага. – Знак повелителя. – Подвиги Диего. – Грабеж. – Великодушен, как пират. – Разочарование. – Где сокровища? – Тщетные поиски. – Средство заставить говорить. – Человек, сожженный живьем. – Безмолвие. – Растерянность бандитов. – Новые пытки. – Бесплезное бешенство. – Человек унес свою тайну. – После избиения. – Искатели каучука в опасности. – Поощадите!.. Сеньор Диего, поощадите!

– Смерть! Смерть всем! – режут в бешенстве человек двенадцать, испачканных в крови и грязи, точно мясники на бойне.

– Сеньор Диего!.. Сжальтесь!..

– Молчать, горлопаны!.. Эй вы, заставьте эту скотину замолчать! Он мне все уши прожужжал, а у вас еще есть дело там?

В этот момент человек, просивший пощады, тяжело падает на землю от сильного сабельного удара по затылку.

Но лезвие соскочило. Широкая струя крови хлынула из ужасной раны, обнажившей мясо и мышцы, несчастный

подымается на ноги, шатаясь, делает несколько шагов вперед и снова падает.

– Не так! – кричит тот, кого несчастный молил, называя Диего. – Вы не умеете даже порядком выпустить кровь из этой шантрапы... Вот смотри! – и, схватив левой рукой раненого за волосы, он без усилия отрывает его от земли и одним взмахом сабли начисто сносит ему голову.

Диего безучастно и равнодушно взглядывает на обезглавленное тело, конвульсивно содрогающееся, и небрежно, точно шар, откидывает от себя голову на середину площади со словами:

– Ну, а теперь очередь за другими!

Опьяненные кровью и водкой палачи издали дикий рев восхищения и кинулись на группу людей, перед которой бежали в безумном страхе, не помня себя, человек двенадцать безоружных, в одних рубашках и изорванных штанах.

Крики «смерть, смерть!» вновь оглашают воздух; обе группы соединяются и окружают бегущих со всех сторон, после чего начинается страшная резня.

Удары сыплются градом на несчастных, отсекают им конечности, рубят лица, прокалывают грудь и спину; по земле текут целые реки крови. Крики отчаяния и вопли несчастных покрывают даже вой и рев убийц. Затем тела убитых грудой остаются лежать на месте, а победители бегом устремляются по единственной улице деревни.

– Ну, а теперь и других! Продолжайте, ребята! – кричит

Диего, отталкивающее лицо которого сияет дьявольской радостью.

И избиение продолжается, все более и более беспощадное и бесчеловечное.

Вдруг Диего, шагавший крупным, решительным шагом позади второго маленького отряда, резко останавливается при виде высокого мужчины с простым ружьем в одной руке и высокой тростью с золотым набалдашником в другой, на которую он опирался.

Крик ярости вырывается из уст этого человека при виде происходящей резни.

– Как, Диего? Это ты?.. Ты?.. Проклятый негр!.. Ты сейчас умрешь! – и с быстротою молнии он бросает трость, вскидывает ружье к плечу и, почти не целясь, стреляет в оторопелого Диего. Но ружье дает осечку.

Диего, избежав, благодаря этому обстоятельству, смертельной опасности, раздражается громким хохотом и кидается на своего противника. Но последний, не теряя времени, хватает свое ружье за дуло и замахивается на Диего прикладом.

Однако Диего успевает проскользнуть под прикладом, который неминуемо раздробил бы ему череп. Всего на одну десятую секунды опережает он момент, когда тяжелый ружейный приклад с размаху опускается вниз, и успевает обхватить обеими руками чернокожего атлета, еще не успевшего прийти в себя после своего удара впустую.

Начинается отчаянная борьба. Оба противника, по-видимому, не уступают друг другу в силе и ловкости. Точно две змеи, сплетаются они, обвиваясь один вокруг другого, душат, давят, катаются по земле, не издавая ни звука. Лица искажаются злобой, губы кривятся, а зубы стараются впиться в тело противника. Несмотря на свою громадную силу, Диего начинает ослабевать. Противник его, с виду как будто менее мускулистый мулат, лимонно-желтого цвета, вскоре стал брать верх над Диего, и борьба, первоначально довольно ровная, сулит теперь победу мулату.

Негр, видя это, скрежещет зубами, как хищный зверь, и, чувствуя, что его дело плохо, издает пронзительный крик, призывая на помощь сообщников.

– Проклятый негр! – ревет мулат. – Тебе не одолеть меня.

В этот момент один из сообщников Диего, быстро наклонясь за спиной мулата, ударом тесака отсекает ему ногу. Мулат с душераздирающим воплем падает, увлекая за собой своего противника, которого старается задушить. Но соплеменники негра вырывают его из рук искалеченного врага. Диего подбирает с земли свой тесак и, видя, что его товарищи готовятся изрубить побежденного, кричит им:

– Не убивайте его! – Затем добавляет, слыша негодующий ропот негодяев и желая сохранить их расположение к себе: – По крайней мере, не убивайте его сейчас!

Между тем один из убийц, заметив на земле трость с металлическим набалдашником, поднял ее и, подавая Диего,

заискивающим голосом говорит:

– Вот возьми, этот знак повелителя подobaет тебе! Ты – наш господин!

– Благодарю, друг! Ты можешь еще добавить «добрый господин». Клянусь небом, мы здесь повеселимся, и те, кто помогал мне, не пожалеют об этом!

В этот момент протяжный звук трубы, похожий на жалобное мычание вола, раздался с другого конца деревни. Лицо негра озарилось свирепой радостью.

– Наша взяла! Переворот свершился!

– Да здравствует Диего!.. Да здравствует наш вождь и повелитель! – кричат во всю глотку люди, столпившиеся кругом того места, где все еще бьется и корчится от боли искалеченный мулат.

– Да здравствует Диего! – доносятся издали диким воем голоса палачей, вероятно, уже закончивших свою кровавую работу.

И вдруг вся улица заполнилась людьми. Откуда-то появились мужчины, не принимавшие участия в бою, чернокожие и мулаты, женщины, старцы и дети, всего человек 500–600.

Все они, как по команде, признавая свершившийся факт, кричат с усердием, доказывающим удовлетворение или, быть может, только свидетельствующим о здоровых голосовых связках.

– Да здравствует Диего! Да здравствует наш повелитель, наш вождь!

На эти крики Диего, желая, вероятно, еще более возвысить свою новорожденную репутацию доброго господина и свою популярность, обращается к манифестантам и, опираясь на свой жезл, набалдашник которого светится, как алмаз, говорит:

– Благодарю вас, друзья, что вы добровольно избрали меня своим вождем и господином!

Это слово «добровольно», против которого красноречиво протестуют груды кровавых тел, лежащие на улице, вызывает громкий, скорее добродушный, чем недоброжелательный смех.

Не смущаясь, однако, этим смехом, вождь продолжает ласковым и чрезвычайно мелодичным голосом, свойственным многим неграм и резко контрастирующим с их нередко чрезвычайно грубой натурой и крупным телосложением:

– Я сказал вам, друзья, что у вас будет добрый господин, и докажу это сейчас же! Что сделал вон тот, кого вы видите там валяющимся на земле, как боров, когда шесть месяцев тому назад вы признали его своим господином? Он забрал себе все богатства своего предшественника, он присудил себе одному и его хижину, и его запасы, и его тафию, и его золото!

– Да!.. да!.. это правда!

– А я, заместивший его, по вашей воле и желанию, отчасти, но главным образом по моей собственной воле, буду великодушен. Я ничего не хочу для себя! Слышите? Ничего! Хижина его пусть остается вам: займи ее, кто хочет! Его ору-

дия охоты и рыбной ловли поделите между собой. Разыграйте по жребию его челноки и коней! Поделите между собой его сушеную рыбу и другие припасы. Выпейте его тафию и возьмите себе его золото! Я все отдаю вам! Сокровища тирана принадлежат народу!

При этих словах, которых, вероятно, никто не ожидал, энтузиазм толпы достиг своих крайних пределов.

Толпа, до того довольно спокойная и безучастная, вдруг точно обезумела. Громкие крики и возгласы перешли в дикий вой, и все, мужчины, дети, женщины и старики, предвкушая богатую поживу, принялись исполнять какой-то безумный танец.

Несколько человек из числа убийц, уже пьяные от выпитого раньше вина, с воем устремились к красивой большой хижине, стоящей посредине деревни, в тени нескольких великолепных бананов. Вслед за ними хлынула и толпа.

Между тем Диего и человек шесть из его приспешников остаются подле раненного врага, который за все это время не издал ни звука.

Хижина в несколько минут была разграблена дотла. Грабители, уверенные в том, что сумеют найти все остальное и после, набросились главным образом на тафию. Запасы ее, как ни были велики, исчезли удивительно быстро, поглощенные с жадностью и проворством, свойственными неграм и некоторым индейцам.

Хмель овладел всеми, этот ужасный хмель дикарей, уси-

ливаемый раскаленной температурой тропиков. Некоторые, не сумев соразмерить дозу со своими силами, с минуту ша-таются из стороны в сторону, едва держась на ногах, затем принимаются бегать, как угорелые, издавая какие-то нечленораздельные звуки, и валятся, как подкошенные, кто где. Другие, более благоразумные или более расчетливые, расположились тут же на траве и пьют постепенно, растягивая наслаждение и отдаляя момент полного бесчувствия. Наконец, третьи, люди обстоятельные, осматривают тщательно все помещение: каждый ящик, ларец, каждый темный угол, отыскивая золото. Вскоре глухой ропот и негодование, граничащие с возмущением, раздаются в стенах хижины павшего властелина. Его ярко украшенные сундуки, лари, в которых хранилась одежда, перерыты, корзины с плодами опрокинуты, запасы зерна высыпаны на пол; даже все сосуды, чашки и фляги – все обыскано, но золота нигде нет.

Что тафия, когда в данный момент человек уже не в состоянии больше пить?

Золото! Это завтрашняя тафия, это – тафия, когда угодно и сколько угодно; это – беспечная, беззаботная жизнь в будущем! Горе тому, кто его так хорошо запрягал, так сохранил свои громадные сокровища, о которых все знают, но никто не может найти!

Обманутые в своих ожиданиях, громилы бегут, обезумевшие, в поту, вне себя от бешенства, к Диего, который сохранил до сих пор полное хладнокровие.

– Господин, нас ограбили! – вопят они.

– Кто вас ограбил, друзья? Кто осмелился отнять у вас что-либо?

– Это он! Он! – кричат одновременно двадцать голосов, дышащих бешенством и злобой. – Он похитил все золото!

– Смерть! Смерть ему, он нас обокрал!

– Я так и думал, – говорит Диего, усмехаясь с видом всезнающего мудреца, – и вот почему сейчас помешал вам убить его. Труп нем, а живого мы заставим говорить!

– А если он не захочет сказать?

– Я вам говорю, что мы заставим!

– Когда?

– Сейчас же! Разве я не властелин ваш и вождь? Разве я не должен всегда думать за вас и, при случае, действовать за вас!

– Хорошо сказано, Диего! Да здравствует Диего!

– Довольно, ребята! Теперь принесите мне на площадь несколько охапок соломы и как можно больше «бешеных ягод», да поскорее!

Как и все вновь вступившие в управление повелители Диего нашел поначалу усердных и старательных исполнителей, не возражающих и не расспрашивающих, а беспрекословно повинующихся.

В одну минуту они натащили стеблей маиса (кукурузы), валежника и другого сухого горючего материала, наконец, целые корзины мелких ярко-красных конических ягод, дли-

ною в два – три сантиметра, называемых «бешеными ягодами».

– Довольно, друзья, довольно! – сказал Диего своим удивительно певучим голосом.

И, не гнушаясь работой, он быстро сооружает костер, дает знак одному из своих пособников разжечь его, хватается раненного мулата под мышки и кладет его к костру, ногами в огонь.

При соприкосновении с огнем несчастный вскрикивает нечеловеческим голосом и поджигает ноги так, что они чуть не переламываются.

– Ну же, приятель, будь благоразумен, – обращается к нему Диего. – Я ничего не спрашивал у тебя до сих пор, зная, что ты непременно несколько поломаешься прежде, чем станешь отвечать; но думаю, что, убедившись в моей готовности прибегнуть к сильным средствам, ты согласишься добровольно сказать мне, где ты спрятал твоё золото, не правда ли?

– Нет, – глухо рычит мулат.

– А-а, ты упрямисься! Но к чему? Ведь ты знаешь, что сейчас должен умереть! Так постарайся же умереть прилично и, по возможности, сократить свои мучения! Говори же! Ведь они все равно тебе не нужны, твои сокровища.

– Не скажу!

– Слушай, я тебе подарю жизнь и прикажу тебя доставить морем в Бэлем!

– Ты лжешь, негр!

– Это ты совершенно верно сказал, любезный! Да, я лгал... Но ты меня оскорбляешь и забываешь, повидимому, что ты в моей власти, и потому ты сейчас увидишь, как негр мстит!

Ноги раненого, которые он успел слегка отстранить от пламени, по приказанию Диего опять суют в огонь. Тело краснеет, вздувается, печется, отвратительный запах паленого мяса распространяется кругом.

Несчастный сжимает зубы до скрипа; глаза его наливаются кровью, жилы на лбу натягиваются, как канаты, даже самое лицо его посинело.

– Где золото? – ревет Диего охрипшим от бешенства голосом.

Ответа нет.

– Ты упорствуешь? Посмотрим, кто из нас настоит на своем!

Опять он приказывает оттащить мулата от костра, схватывает его ноги, сдирает с них кожу, вздувшуюся пузырями от огня, и совершенно обнажает мускулы.

– Ягоды! – кричит он своим пособникам. – Давайте сюда ягоды!

Он берет горсть, другую и приказывает изрубить их тесаком. В несколько секунд ягоды превращаются в красную массу, которую складывают в посуду. Тогда Диего натирает страшные раны несчастного этим едким соком, прикоснове-

ние которого к обнаженному, живому мясу заставляет мулата выть от боли.

– Да, да, я знаю, – продолжает негр с адским хохотом, – это куда больнее огня: ведь, как только мясо запечется, оно становится уже нечувствительным, тогда как этот сок жжет и разъедает даже без огня... Ну, так что же? Будешь ты говорить?

– Нет, нет и нет!

– Тысяча чертей! Ты еще смеешь заноситься передо мной, когда ты уже при последнем издыхании!.. Но мы еще посмотрим!.. Еще не все! У меня есть в запасе еще другие средства!..

Но действие ягодного сока делает страдания и муки несчастного совершенно нестерпимыми. Вой, исходящий из его уст, не имеет ничего схожего с голосом человеческим. Слышатся только одни ужасные нечленораздельные глухие звуки и порывистые всхлипывания, настоящий предсмертный хрип. Быть может, он даже и не в состоянии сказать что-либо, если бы и хотел.

Обезумев от хмеля и жажды наживы, чудовища, окружающие несчастного, не только не испытывают чувства, хоть сколько-нибудь похожего на жалость или сострадание, при виде этих ужасных мук, а напротив, измышляют еще новые пытки, думая этим сломить его упорство.

Но не находя новых средств заставить его говорить, они растерянно смотрят друг на друга. А Диего снова раздражает-

ся дьявольским смехом.

– Ну, будем продолжать представление! Как видно, у этого животного душа крепко держится в теле... Так попробуем что-нибудь другое!

Он хватает свою саблю и подходит к несчастному, на страдальческом лице которого выступил кровавый пот. Заметив, что глаза его закрыты, палач схватывает двумя пальцами верхнее веко, сильно натягивает его кверху и одним быстрым взмахом срезает. Глазное яблоко выкатывается, громадное и круглое, черное и все налитое кровью.

– Что? Ты этого не ожидал? – спрашивает Диего. – Не правда ли? Ну, а теперь срежем и другое, чтобы не нарушать симметрии!.. Ну вот! Готово!.. Будешь ты теперь говорить? Где сокровище, где твое золото? Слышишь?

Но в этот момент как бы весь организм несчастного страдальца бессознательно возмутился; тело мулата напрягается с такой силой, что разом подскакивает вверх, порвав связывающие его веревки.

Ослепленный солнцем, сжигающим его глаза, лишенные век, он как будто на мгновение приходит в сознание, силится сказать что-то, но его губы отказываются произносить членораздельные звуки.

Быть может, измученный нечеловеческими пытками, он готов в этот момент купить быструю смерть ценой признания и указать место, где он скрыл это трижды проклятое золото.

Кругом воцарилась мертвая тишина; все ждут слова или

знака, – но напрасно: мулат, по-видимому, истощил остаток сил на это последнее усилие.

Он конвульсивно протянул вперед руки, слегка покачнулся и тяжело рухнул на землю. Диего кидается к нему и не может воздержаться от крика бешенства: его жертва ускользнула от него. Все было кончено. Последний взгляд изуродованных глаз дал ему увидеть валявшийся подле него на земле тесак, брошенный кем-то из убийц. Несчастный жадно схватил его в тот момент, когда почувствовал, что падает, и обеими руками изо всей силы вонзил его себе прямо в сердце.

Присутствовавшие не ожидали подобного конца, в диком бешенстве кидаются к трупам, рубят и крошат его на куски, вырывают друг у друга эти кровавые клочья мяса, насаживают их на концы своих сабель и тесаков и бегут по улице деревни со свирепым воем, жестикулируя, как настоящие дикари.

Диего один остается у костра, который начинает гаснуть. Опершись на свой жезл, он издали наблюдает за бешеной оргией, следующей за разгромом и резней.

– Это какой-то рок! – говорит он сам себе. – Все шло так хорошо сначала и вдруг окончилось так бессмысленно, так глупо, из-за непостижимого упорства этого животного! А между тем мне эти деньги, эти сокровища необходимы; необходимы для достижения той цели, которую я себе поставил. К чему мне быть вождем этих бесноватых, если они

все равно через пять – шесть месяцев дадут мне преемника точно таким же решительным способом, что, по-видимому, предназначено судьбой каждому властвующему над ними. Вожди сменяются на этой спорной территории, гораздо чаще, чем бы они того хотели! А потому у меня не хватит времени скопить сокровища или приобрести золото, в котором я так нуждаюсь... Значит, остается только одно – пойти ограбить серингаль француза. Средство это рискованное, ведь он станет защищаться не на шутку, я его знаю! Кроме того, его боготворят эти проклятые краснокожие! К тому же, он не раз оказывал услуги многим из нас, и эти дураки способны питать к нему признательность!.. Но что делать?! Жребий брошен! И надо действовать, не теряя времени, если Диего, изгнанный, пария, бунтовщик, негр, желает превратиться в дона Диего, президента будущей Амазонской республики.

Вдруг он обернулся, ощутив на своем плече чью-то руку. Лицо его приняло гневное и грозное выражение, но, узнав в подошедшем одного из своих верных приверженцев, он улыбнулся.

– Это ты, Жоао?

– Я, господин! Я все слышал, но ты будь спокоен, я, когда надо, умею быть и глух, и нем; ты это знаешь!

– Откуда ты? И почему тебя не было здесь, когда мне нужны все мои сторонники?

– Я только что с Арагуари!..

– Из серингаля?

– Да, но серингаля больше не существует!

– Тысяча проклятий!

– Успокойся; если мы не можем теперь ограбить француза, то можешь сделать еще лучше того!

– Говори!

– Ты знаешь, колонизаторы Марони, его родственники, очень богаты, и они уплатят, кому следует, какой угодно выкуп.

– Я не понимаю!

– Сейчас поймешь... подожди!..

Глава II

Убежище отвергнутых. – Безымянная деревня. – Смутные границы. – Заливные саванны. – Набор жителей. – Несколько страниц из истории колонизации. – Глухая вражда португальцев. – Наши права на спорную территорию. – Первые шаги французов в экваториальных странах. – Смелый шаг де Феролля. – Утрехтский мир. – Одно-единственное слово, ставшее причиной конфликта, длящегося 173 года! – Бессилие дипломатов. – Необходимость покончить с этим положением вещей.

Ужаснейшая сцена, служащая прологом к нашему рассказу, разыгралась в возникшей лишь недавно деревне, посреди громадной саванны на спорной территории Гвианы.

Географическое местоположение этой деревни не могло быть определено в точности, по той причине, что она еще не существовала в ту пору, когда смелый французский путешественник Анри Кудро, исследовавший эту территорию, совершал свое путешествие по этому берегу. Что же касается редких торговцев и купцов, посещавших деревню, то у них были совершенно иные интересы и задачи, чем определение географической точки.

Построенная людьми, вовсе не стремящимися к контактам с представителями Бразильской власти, редко заглядывающими сюда, деревенька эта лежит настолько в стороне от

обычных торных путей, что нет ничего удивительного, что о ее существовании и по сие время почти никому не известно.

С другой стороны, эта маленькая колония, которая, быть может, завтра уже погибнет насильственной смертью, и осколки которой будут рассеяны вихрем восстаний по всей саванне, где будет свергнута власть, никем не утвержденная, никем не признанная, ни на что не опирающаяся.

Таким образом эти отверженные в сущности являются людьми, не имеющими родины, так как земля, на которой они живут, представляет никому не принадлежащую территорию.

Это, однако, еще не значит, что никто не заявляет на нее претензий и даже весьма настойчивых.

Но сначала – о саванне, где расположилась эта безымянная деревня.

В данном случае слово «саванна» не следует понимать как громадную поросшую травами равнину, нечто вроде русских степей или североамериканской прерии.

Напротив, саванна представлена здесь местностями самого разнообразного характера, в зависимости от большего или меньшего возвышения почвы. Поэтому есть «заливная саванна», или «низменные пастбища», травы которых растут на твердой почве, но почти постоянно бывают покрыты водой. Есть «средняя саванна», совершенно сухая, чаще лежащая на горизонтальной плоскости; растительностью ее в течение круглого года питается скот. Есть еще так называемая

припри, или пинотьера, получившая свое название от неизвестного рода пальм, растущих здесь по берегам рек и на островах, которыми изобилуют эти реки. Припри одновременно может быть причислена и к «заливной саванне», и к средней, так как, вследствие слабого понижения ее уровня, бывает попеременно то сухой, то залитой водой, смотря по времени года.

Саванны перерезаны течением довольно значительных рек – Тартаругал-Синхо, Рио-Итоба и других более мелких рек, потоков и даже просто ручьев, образовавшихся из озер и болот.

Реки, речки и ручьи текут здесь совершенно по ровному дну, без всяких порогов или теснин. Они сплетаются между собой, скрещиваются, пересекают друг друга, словом, напоминают собою систему кровообращения в человеческом организме. Присутствие воды в любой данной местности видоизменяет ее природу и характер. Берега рек, обрамленные высокими деревьями, образующими целые зеленые изгороди, покрывают равнину капризными извилистыми линиями, разделяя пастбища на низменные, средние и на пинотьеры.

А потому слово саванна совсем не должно вызывать представление о громадной безлесной равнине. Мало того, самый характер саванны таков, что путешествие по ней часто является затруднительным и даже не всегда безопасным.

Ясно, что отверженные всякого рода, у которых еще не сведены счёты с обеими соседними нациями, не могли из-

брать себе лучшего места, где можно укрыться от всякого рода преследований и невзгод.

Беглые невольники, солдаты-дезертиры, беглые каторжники и все вообще стоящие вне закона, подозрительные торговцы, бегущие от несправедливых нападков или справедливых строгостей, все стекаются сюда, в эту страну, не имеющую ни хозяев, ни властей, в эту обетованную землю. Их объединяет необходимость сплотиться (чтобы давать отпор индейцам, которые очень недолюбливают их) и борьба за выживание.

Нетрудно представить, как невысок должен быть уровень нравственности этих людей и какие гарантии спокойствия может представлять подобное соседство для колонистов, желающих осваивать неисчислимые естественные богатства этой страны.

Как мы уже говорили в первой части этого романа, колонисты, поселившиеся здесь, должны быть постоянно настороже, жить, так сказать, на военном положении. Им самим приходится заботиться о своей безопасности и ограждать свои семьи и свое имущество от покушений и набегов соседей. Впрочем, и бразильское и французское правительства, претендующие на спорную территорию, захоти они даже вмешаться в такие дела, были бы весьма дурно встречены.

Не переставая уверять Францию в своем искреннем расположении, Бразилия, доказывавшая это не раз на деле, оста-

валась всегда безусловно несговорчивой, когда речь заходила о спорной территории.

Тем, кто решился бы обвинить автора этой книги в известном пристрастии, он ответил бы следующими строками, заключающими в себе дипломатическую формулу, которую, по-видимому, руководствуются около века наши упорные соперники. Слова эти исходили от португальского морского министра, стоявшего во главе этого министерства в 1798 году.

Привожу эти слова дословно: «Опыт, доказавший, каким малым успехом увенчались до сего времени старания французов основать свои колонии в Кайене, дает некоторый повод надеяться, что они будут не более счастливы в этом и в дальнейшем будущем. Самое важное заключается в том, чтобы с вашей стороны всегда было скромное и незаметное усердие и разумный патриотизм, необходимые для того, чтобы постоянно создавать препятствия их честолюбивым замыслам, без видимого насилия или заметного недоброжелательства».

Кажется, это достаточно вразумительно и убедительно.

Прошло уже 88 лет, как эти инструкции были преподаны представителям бразильской власти. И что же? Они, по-видимому, не изменились ни на йоту с тех пор, как Бразилия, сбросив иго метрополии, 12 октября 1822 года стала независимым государством. Доказательством является то, что несмотря на уступки, предложенные французским правительством с целью установить границу, уполномоченные

обеих стран никогда не могли прийти ни к какому соглашению, несмотря на бесконечные прения.

Бразилия не прочь решить этот вопрос о границе, но при условии совершенно обделить Францию, то есть присвоив себе девять десятых спорной территории. Но права Франции на эти земли неоспоримы, и надо отдать должное, что ее государственные люди стараются всеми силами добиться условий более приемлемых и, главное, более соответствующих достоинству Франции.

Эти права Франции на спорную территорию идут еще от первого начала колонизации этого берега французами. В XVI веке Франция номинально владела всеми землями, лежащими между Ориноко и Амазонкой. Но поглощенная войнами с Италией, затем – религиозными войнами, она с удивительным равнодушием позволила испанцам и португальцам присвоить себе наибольшую часть земель Нового Света.

Когда в 1664 году была основана первая французская колония, в Гвиане между Марони и Ориноко расположились уже голландцы; но французы тем не менее все еще оставались хозяевами земель, лежащих между Марони, Амазонкой и Рио-Негро. Лишь в 1688 году португальцы, видя, что торговля с прибрежными индейцами принимает значительные размеры и, кроме того, поняв географические преимущества этого превосходного положения, решили серьезно подумать, как бы им оттеснить французов с северного берега Амазонки. С этой целью лиссабонское правительство воз-

двигло пять небольших укрепленных постов на северном берегу Амазонки. Тогда Людовик XIV повелел господину де Фероллю, тогдашнему губернатору Кайены, утвердить права французской монархии на все земли северного бассейна этой реки. Португальское правительство отказалось признать основательность требований французского правительства, и тогда де Фероль, по приказанию Людовика XIV, в мае 1697 года в мирное время занял своими войсками Сан-Антонио де Макапа, а остальные четыре укрепленных форта разгромил и уничтожил.

«Господин де Фероль, – пишет тогдашняя газета „Mercure Galant“, – выполнил храбро и в весьма короткое время предписание, полученное им от своего двора – выгнать португальцев... С 90 человеками войска он обратил в бегство 200 человек португальцев, которых поддерживали еще до 600 индейцев, стер с лица земли все форты, кроме Макапа, где оставил французский гарнизон, и затем вернулся в Кайену с пятью или шестью судами, с которыми он пустился на это смелое предприятие. Но этот воинственный подвиг пропал даром: наш маленький гарнизон не мог держаться более месяца в Макапе, и португальцы вновь заняли этот пост».

Первый дипломатический договор, пытавшийся урегулировать это дело, заключен 4 марта 1700 года. Переговоры, возникшие по поводу дела Макапы, привели к временному договору, по которому монарх Франции обещал воздер-

жаться от основания каких-либо колоний, поселений или укреплений на правом берегу Амазонки, а португальский король обязывался, со своей стороны, снести и уничтожить форт Макапа, не возводить никаких фортов и не занимать никаких позиций на спорном побережье, которое временно должно было оставаться нейтральным. Согласно этому договору, Португалия, действительно, сама уничтожила Макапу.

В таком положении оставалось все вплоть до Утрехтского мира.

В старых соглашениях этого мира граф де Тарука требует от имени португальского короля, «чтобы король Франции уступил ему, и после него всем его преемникам, будущим королям Португалии, навсегда все права на все земли, именуемые „Северным мысом“, принадлежащие княжеству Мараньон и лежащие между реками Амазонкой и Винсен-Пинсон, невзирая ни на какие предварительные договоры, временные или окончательные, которые когда-либо были или могли быть заключены относительно владения и прав на вышеупомянутые земли».

Этот знаменитый договор, подписанный 11 апреля 1713 года, должен был положить конец конфликту, с момента возникновения которого прошло уже целых двадцать пять лет; но вместо этого, он послужил поводом для целого ряда препирательств, которые затянулись вплоть до нашего времени.

Параграф восьмой договора 1713 года по существу гласит, что Франция отказывается от права навигации по Амазон-

ке и что оба берега этой реки должны принадлежать Португалии, а реку, которая должна служить демаркационной линией между владениями Франции и Португалии, называет именем Жапок, или Винсен-Пинсон.

Но странное дело, договор не обозначает ни долготы, ни широты, на которых находится эта река, и ничего решительно не говорит о том, кому должны принадлежать земли, лежащие внутри страны.

Это упущение, более или менее умышленное со стороны португальских уполномоченных, дало повод к недоразумениям и является основанием спорных вопросов и по сие время.

Не странно ли, в самом деле, что это имя Жапок, нигде и ни разу не упоминающееся в предварительном договоре 5 марта 1712 года, вдруг вошло в окончательный договор от 11 апреля 1713 года, и не родится ли при этом подозрение, что это наименование реки было впоследствии добавлено португальцами, которые пожалели о том, что сразу не предъявили больших требований.

И если нельзя допустить подобной возможности по отношению к торжественному договору, то, с другой стороны, нельзя не удивляться, на сколько все касающееся границ в этом договоре туманно и неясно, недоговорено и неопределенно. Если, как говорят сами португальские авторы, представители их нации на Утрехтском конгрессе были превосходно осведомлены относительно этого вопроса, то нельзя

сказать того же самого о представителе Франции, маркизе д'Укселль, генерале-дипломате, который был столь же неловким и неискусным дипломатом, как и безжалостным и беспощадным генералом.

Что же вышло из этой двусмысленности, как бы на смех поднесенной нашим уполномоченным? А то, что португальцы впоследствии стали утверждать, что этим договором их границей признается Ойапокк, впадающий в океан, между 4 и 5 градусами северной широты, и что под именем земель «Северного Мыса» следует разуметь земли мыса Оранж, то есть свыше 80 лье берега!

Со своей стороны, французы утверждали, что речь шла о речке, впадающей в залив Винсен-Пинсон, между 1 и 2 градусами северной широты, и не соглашались ни под каким видом признать столь чрезмерные требования, которые лишали нашу колонию чуть не половины ее береговой линии и трех четвертей ее площади.

Необходимо настаивать на том факте, что если бы речь шла о реке Ойапокк, то ни в каком случае в предварительных требованиях договора португальцы не обозначили бы ее под именем Винсен-Пинсон, которым эта река никогда и нигде не называлась и ни на одной из карт того времени не обозначена, а повсюду обозначена под именем Ойапокк или сходным с ним, как это видно из целого ряда карт, изданных тогда и в позднейшее время. Таким образом демаркационную линию изображает река, носящая название Винсен-Пинсон,

и не достаточно доказать тождество имен Жапок и Ойапокк, потому что наша река нигде не обозначена под именем Винсен-Пинсон просто или с каким-либо добавлением к этому имени.

При внимательном изучении старых карт, напротив, ясно видно, что канал Карапапори, а следовательно и река, впадающая в него, носили названия Аравари, Арровари, Аревари, Винсен-Пинсон и Иварипоко. И надо согласиться, что последнее название не более отлично от имени Жапок, чем Важабэго, которое носил в то время наш Ойапокк, как это несомненно доказано. Вот эту-то границу по Карапапори, образующему северное разветвление Арагуари, признанное Гумбольдтом за настоящий Винсен-Пинсон, Франция не перестает и не переставала требовать для себя. Добавим еще, чтобы закончить это изложение, имеющее для Франции еще иное, более важное значение, чем только простое географическое недоразумение, что вопрос этот так и не сдвинулся с места, несмотря на многие договоры, состоявшиеся впоследствии, и бесчисленные переговоры и совещания между дипломатами Франции и Бразилии.

В 1794 году эмансипация невольников во французской Гвиане напугала португальцев, которые, снарядив пять небольших судов, в ожидании формального объявления войны, начали с того, что стали грабить в Цассе большую ферму богатого скотовода гражданина Помм, который в ту пору был депутатом в конвенте.

И после, в течение двадцати лет, обе стороны продолжали истолковывать с оружием в руках смысл Утрехтского трактата. С 1794 по 1798 год весь берег между Амазонкой и Ойяпокком был совершенно безлюден. Необходимо было увеличить пустыню между Кайеной и Пара, так как при соприкосновении с французами, давшими свободу рабам, Пара также очень скоро осталась бы без рабов и без индейцев. Между тем наши индейцы с Кунани и Макари жалели нас. Несколько сот семейств, вывезенных далеко, сумели обмануть бдительный надзор, установленный над ними, и, смеясь над самыми жестокими репрессиями, невзирая ни на какие опасности, вернулись на утлых пирогах из Мараньона в Марони и Кунани. Эти обстоятельства побудили Жаннэт-Удена, племянника великого Дантона, главного комиссара Конвента в Гвиане, изучить вопрос о наших границах с Португалией для окончательного утверждения их, при установлении всеобщего мира. С этой целью он поручил географу Ментеллю и инженерному капитану Шапелю составить два доклада, которые были отправлены одновременно в морское министерство.

Несмотря на эти разумные мероприятия, дипломаты все же нашли возможность подписать 20 августа 1797 года договор, еще более нелепый, чем предыдущие, так как он отодвигал нашу границу до Карзевенна. Но директория не желала утвердить его. 6 июня 1801 года новый договор, составленный в Бадахосе, переносил французскую границу на

Арагуари и объявил, что навигация по Амазонке открыта на совершенно равных правах для обеих наций.

Амьенский трактат 25 марта 1802 года, весьма точный и ясный, окончательно устанавливает границу на главном устье Арагуари на 1 градус 20 минут северной широты, между Новым островом и островом Покаяния, и далее по Арагуари, Винсен-Пинсон и Ла-Кондамин от ее устья и до ее истоков, а отсюда – по прямой линии от ее истоков до Рио-Бранко.

Все, по-видимому, было улажено, как нельзя лучше, благодаря этому трактату, который является официальным и окончательным разъяснением Утрехтского трактата. Но для господ дипломатов было бы слишком просто придерживаться его в точности. Последовали трактаты 1814 и 1815 года, и дипломаты, вероятно, огорченные этим справедливым и разумным решением вопроса, поспешили вернуться к своим излюбленным двусмысленностям.

В 1822 году Бразилия, став независимой, унаследовала и права и претензии Португалии. Страшнейшие гражданские войны разорили ее, и в 1824 году французское правительство, чтобы отстоять свою колонию от вторжения инсургентов, бежавших из Пары, отдало распоряжение губернатору Кайены возвести укрепленный форт Макари, или Винсен-Пинсон. Для этой цели был избран островок на озере Мапа. Этот пост был эвакуирован в 1840 году. Но так как мы продолжали настаивать на своих правах, то колониальное

правительство возвело новый пост на правом берегу Ойа-покка.

Переговоры относительно окончательного установления границ тянулись вплоть до 1844 года и затем были навсегда прерваны.

В 1849 году, затем и в 1850 году в Париже организовалась бразильская экспедиция, которая должна была отправиться для занятия Мапа. «Необходимо, – говорит открыто и смело в палате депутатов в Рио-де-Жанейро, 19 апреля 1850 года, Тоста, бразильский морской министр, – основать в тех местах солидную колонию, чтобы Бразилия могла отстоять надлежащим и положительным образом свои владения». Но бразильская экспедиция встретила в водах Мапа французский авизо, охранявший берег, и бразильское правительство, желая чем-нибудь утешиться в своей неудаче, принялось энергично протестовать против образа действий Франции.

В 1853 году снова возобновились переговоры и продолжались вплоть до 1856 года. Уполномоченные обеих наций, Хис де Бутенваль и виконт д'Уруннэй без конца ломали копья в этом географически-историческом турнире, и в результате виконт д'Уруннэй предложил Франции как границу реку Карсевенн, истоки которой неизвестны, а известно только одно устье, а Хис де Бутенваль предложил Бразилии границу по реке Тартаругал, которая также, вероятно, имеет где-нибудь свой исток, но зато не имеет устья, так как теряется

в бесконечной сети озер и болот.

Таким образом, эти ученые борцы за интересы своих наций ни к каким положительным результатам не пришли. Когда дипломатия ничего не достигла, то губернатор провинции Пара решился испробовать в 1858 году вооруженную силу. Экспедиция, по образцу экспедиции 1850 года, под началом таможенного лейтенанта отправилась из Пары и высадилась в Кунани, на спорной территории. Население Кунани, состоящее главным образом из беглых невольников, встретило присоединителей ружейным огнем.

Тогда правительство Рио стало жаловаться, что Франция содержит в Кунани агентов, поддерживающих Проспера Шатон, французского консула в Паре. Таможенный лейтенант был произведен в капитаны, а Проспер Шатон получил выговор.

Позднее также не могли уладить пограничных споров. Между тем в последнее время спорный вопрос снова всплывает наружу, из-за рецидивистов.

Так как Гвиана была избрана местом ссылки, то Бразилия стала тревожиться, и не без некоторого основания, относительно такого опасного соседства для ее смежной провинции Амазонии. Действительно, столь близкое соседство двадцати тысяч негодяев и преступников, утративших в большинстве случаев и страх, и совесть, высылаемых сюда из Франции и других ее колоний, не могло быть желательным для Бразилии.

И вот снова начались переговоры. Однако остановимся на этом, из уважения к читателю, который, вероятно, уже готов просить пощады.

Глава III

Чернокожий авантюрист. – В ком трудно было предположить столько научных знаний. – Приключения золотоискателя. – Сказочные богатства. – Разработка. – Триста килограммов золота в одном слитке. – Планы бегства. – Затруднения миллионера. – Неудачи претендента. – Экспедиция. – Четыре часа на пироге. – На прогалине. – Фамильярности Луша. – Жестокий урок. – Тревоги и опасения матери. – Спасайтесь!

Автор невольно увлекся и занялся несколько длинным изложением исторических фактов в предыдущей главе; но он все-таки надеется, что читатели простят ему это, из уважения к причинам, побудившим его к такому отклонению в область истории. Мы ведь знакомим со страной, очень мало известной. Поэтому разве не следует описать ее с разных сторон?

Теперь вернемся к нашему рассказу. Диего, или Жак по-португальски, главное действующее лицо только что разыгравшейся кровавой драмы, – рослый негр лет тридцати, могучего сложения, настоящий чернокожий Геркулес. Лицо его, отталкивающее и вместе с тем вселяющее ужас, страшно обезображено оспой. Нос, от этой ужасной болезни, которой так подвержены негры, до того искажен и изрыт, что представляет собою какой-то бесформенный комок с двумя несоответственно большими зияющими ноздрями. Рот, изуродован-

ный шрамом, резко выделяющимся фиолетово-лиловой полосой на его блестящей черной коже, почти постоянно полураскрыт дьявольской усмешкой, позволяющей видеть два плотных ряда ослепительно белых зубов. Глаза с припухлыми, красными веками и белками, испещренными целой сетью красно-коричневых прожилок, с блестящим зрачком, смотрят пронизательно и злобно, каким-то режущим, жестоким взглядом.

Обычное выражение этого лица, на котором никогда не появляется приветливая улыбка, – холодно-злобное и упорно безжалостное.

Это редкое уродство, с которым, кажется, никогда нельзя свыкнуться, пугает нередко даже самых близких ему людей, чем Диего, по-видимому, очень доволен и даже умышленно старается еще более усилить это впечатление. Он нарочно выставляет напоказ свое уродство и как будто даже кичится им. С другой стороны, и нравственный его облик вполне соответствует наружному.

Жестокий и безжалостный от природы, он горяч до бешенства, беспощаден в ненависти, непримирим во вражде, горд и надменен, как сатана, корыстен и хитер, и при всем этом обладает страшной властью над самим собой. Трудно сказать, играет ли он известную роль или афиширует свои чудовищные пороки, физические и духовные, – никто не разгадал его тайны, и никто не может ничего сказать с уверенностью. Он наводит на людей ужас и, кажется, в восторге от

того впечатления, какое он производит.

Были случаи, когда он в один момент подавлял в себе приступы самого дикого бешенства и разом становился спокоен. Он убил наповал товарища из-за бутылки тафии и отдал в распоряжение своих собутыльников свой трудовой заработок целого месяца. Когда ему грозили, когда его оскорбляли и осмеивали пьяные люди, он презрительно пожимал плечами и отходил в сторону, а затем терпеливо выжидал, когда они придут в себя, чтобы погубить их, предварительно подвергнув самым утонченным пыткам.

Придя неизвестно откуда и всего какой-нибудь год тому назад в эту маленькую колонию, он сумел приобрести над всеми остальными ее членами страшное влияние, несмотря на то, что все они его втайне ненавидели и боялись.

Что более всего способствовало его влиянию на остальных, помимо его непомерной физической силы, это его необычайный ум и, главное, научные знания, поистине поразительные у такого человека, как он, по-видимому, всегда далеко стоявшего от всякой образованности. Он совершенно свободно говорил на французском, английском и португальском языках. Время от времени торговцы, поддерживавшие торговые сношения с берегом, доставляли ему книги и журналы и разные брошюры, которые он прочитывал с жадностью и интересом, к немалому удивлению его полудиких односельчан и товарищей, которые не могли даже объяснить себе подобное чудо.

И это еще не все. Иногда он предпринимал более или менее продолжительные экскурсии и аккуратно заносил на карту различные подробности местности, характер ее, словом, изготовлял себе подробнейшие топографические карты, безусловно точные.

В продолжение целых шести месяцев он держался совсем в стороне, не вмешиваясь в постоянные свары и интриги населения деревни, которое избирало и свергало своих вождей и старшин с невероятной быстротой и проворством.

Но со времени принятия власти последним из вождей, он стал возбуждать против него общественное мнение, не выставляя, однако, своей кандидатуры. Он слился с этими людьми, стал принимать активное участие в их жизни, столь неравномерно распределенной между трудом и дикими оргиями. Когда же счел момент подходящим, стал доказывать остальным, что надо избавиться от их вождя, того самого мулата, с которым он вступил в дружбу, снискав всеми возможными средствами его расположение и втершись в доверие к нему тем, что энергично содействовал ему в разных опасных обстоятельствах его жизни.

Далее мы уже видели, каким образом ему удалось низвергнуть несчастного мулата и занять его место.

За месяц до этого трагического события, мулат, работая над небольшой золотиносной россыпью, случайно наткнулся на залежь. Первая же проба промытого песка дала счастли-

цу на сто франков золота! Это была громадная цифра, которой гвианские золотые прииски никогда раньше не достигали.

Пораженный такой неожиданной удачей, мулат весь день продолжал работать один, и богатство этой руды не убывало. Вечером он вернулся в свою хижину, неся в мешке около килограмма золота стоимостью три тысячи франков.

Продолжать и далее работать одному было бы, несомненно, более безопасно и практично. Но счастливый золотоискатель, желая, вероятно, поскорее похитить у земли ее сокровище, предпочел взять себе в помощники товарища, зная по опыту, что работать вдвоем несравненно легче и выгоднее.

Он доверил свой секрет Диего, своему доброму другу, который выслушал его равнодушно, как человек совершенно бескорыстный, чуждый алчности и вполне довольный тем скромным существованием, каким довольствовались и остальные его товарищи – обитатели лесов.

Диего охотно стал работать вместе с мулатом, не проявляя ни малейшего желания обогатиться. Результаты промывки на этот раз оказались еще более блестящими, чем накануне.

На предложение мулата получить свою долю Диего решительно отказался, удовольствовавшись скромным вознаграждением за труд.

Залежь казалась поистине неистощимой. После целой недели упорного труда, мулат, совершенно выбившись из сил, но более алчный, чем когда-либо, предложил своему то-

варищу устроить сток или желоб и подговорить нескольких землекопов для самой черной работы.

Диего, как всегда покладистый, но все такой же равнодушный к возрастающему с каждым днем богатству, сделал, будто для вида, несколько замечаний.

– Промывка с помощью желоба, без сомнения, будет много продуктивнее; она даст в десять раз, может быть, во сто раз больше золота, чем промывка вручную; это правда, но если люди, которых ты хочешь нанять для этих работ, заподозрят, как невероятно богата золотом эта почва, то ты можешь нажить себе этим немало хлопот!

– Мы станем собирать промытое золото два раза в день, когда все спят или отдыхают, и никто не узнает, как велик процент золота, получаемого с этих россыпей!

– Да, это, пожалуй, хорошая мысль! Но есть ли у тебя в достаточном количестве ртуть?

– Ртути у меня довольно, об этом не беспокойся!

– Ну, в таком случае устроим желоб.

Это приспособление, весьма элементарное в сущности, состоит из ряда корытцев или, вернее, дощатых труб для стока, длиною приблизительно около четырех метров и шириною в 50 сантиметров при глубине в 30. Верхний конец его шире, а нижний – уже, чтобы можно было нижний конец одного корытца вставить в верхний конец следующего за ним. Таким образом, из совокупности этих корытцев образуется род сточного канала или длинный желоб, достигающий дли-

ны в 20, 40 и 50 метров, с определенным уклоном. Каждое колено желоба называется корытцем; на дно каждого из них кладется толевая пластинка с множеством круглых отверстий или же просто тонкая деревянная дощечка с такими же отверстиями, поддерживаемая небольшими подставочками, которые слегка приподымают ее над дном корытца и не дают плотно прилегать к нему. На дно каждого корытца под доску или толь кладут ртуть.

Первое корытце желоба зарывают в берег ручья, перегороженного запрудой, чтобы вода бежала непрерывно по желобу равномерной струей. Остальные корытца или колена желоба установлены на козлах так, чтобы получался нужный уклон для стока воды.

Золотоносная земля или песок, вырытые заступом, накладываются лопатой в желоб, где и промываются бегущей по желобу водой, уносящей за собой землю и песок. Золото, более тяжелое, проваливается в отверстия на дно корытцев и там амальгамируется, то есть пристает к ртути.

Когда ртуть достаточно насытится золотом, ее промывают или процеживают в козьей шкуре или плотном холщовом мешке. После фильтровки остается белая тестообразная масса – амальгамированное золото, которое потом нагревают в любой посудине на жарком огне, и ртуть улетучивается.

Такова в кратких словах примитивная процедура, к которой прибегали пионеры-золотоискатели.

Несмотря на видимое несовершенство этой системы про-

мывки, невероятное богатство этой россыпи было таково, что она давала в сутки от 10 до 12 килограммов золота (24–28 фунтов).

На четвертой неделе работы друзья, подсчитав приблизительно свои богатства, убедились, что у них накопилось около 350 килограммов золота на сумму свыше одного миллиона франков.

И вдруг внезапно россыпь оскудела; оскудела до того, что не стала давать решительно ничего. Очевидно, залежь истощилась; но как раз к этому времени истощился и запас ртути, несмотря даже на то, что Диего, предвидевший это, устроил нехитрый аппарат, предназначенный для сгущения паров ртути, образующихся при выжигании золота.

Муллат, ничего не скрывавший от своего друга Диего, зарывал постепенно свои несметные сокровища в землю под полом хижины. И золотой песок, и зерна он ссыпал в глиняные бутылки или фляги, вместимостью приблизительно около 10 килограммов каждая. Оплетенные настоящей броней из волокон и лыка арума, они становились невероятно крепкими. Благодаря такой упаковке перевозка золота не только удобна, но и безопасна, так как во флягах его легко скрыть между другими такими же флягами, содержащими местные продукты, и иными малоценными предметами.

С того момента, как дм пришлось прекратить разработку россыпи, Диего снова втянулся в свою, по-видимому, ленивую и праздную жизнь, но зато с тем большим усердием стал

возбуждать ближайших собутыльников против своего друга мулата.

Так продолжалось дня три – четыре. Между тем мулат, живший в постоянной тревоге с тех пор, как на него свалилось с неба это неожиданное богатство, стал высказывать намерение переселиться в цивилизованные страны.

– Что за польза быть миллионером, если приходится питаться той же скудной порцией маниоковой муки и той же сушеной рыбой, как и все бедняки? – говорил он Диего.

Тот со своей стороны обещал ему содействие в осуществлении этого плана, даже предложил сопровождать его до берега и помочь ему уехать с первым проходящим судном.

Кстати, маленький пароход, приходивший раз в месяц из Кайены в Пару за быками на мясо, необходимое для продовольствия главного города французской колонии, ожидался в самое ближайшее время. Капитан этого парохода имел привычку заглядывать попутно в прибрежные местечки для обмена или покупки каучука, золота, рыбы; с ним можно будет сговориться.

Между тем Диего, покончив с приготовлениями к отъезду своего друга, вернулся к себе веселый и чрезвычайно довольный. Затем вытащил весь свой запас тафии, созвал приближенных и единомышленников, напоил их допьяна и сказал.

– Надо с этим покончить сегодня же! Этот негодяй хочет натянуть вам нос и удрать отсюда со всем своим золотом,

втихомолку, не сказав никому ни слова. Но мы еще посмотрим! Вам известно, что он богат, страшно богат... и я знаю, где у него спрятано золото... Разройте только землю под полом его хижины и вы найдете столько золота, что вам хватит его за глаза! Берите, сколько хотите, а его все еще останется достаточно. Но не рассыпайте его даром! Подумайте о будущем и рассчитывайте на меня! Снесите ко мне, в мою хижину, как можно больше... впоследствии вы найдете его у меня, это золото, которое необходимо нам, если мы хотим основать свою республику! Надо быть очень богатыми, чтобы обеспечить нашу независимость! Сегодня предавайтесь веселью! Идите и объявите всему населению о намерениях этого подлого беглеца и провозглашайте своим вождем Диего!

Пьяная ватага устремилась в деревню, рассыпалась по всем направлениям, неожиданно напала с оружием в руках на сторонников и приверженцев мулата, принуждая их признать нового вождя и безжалостно избивая, убивая и закалывая всех, кто выказывал колебание.

Диего, со своей стороны, не оставался в бездействии. Как человек, умеющий ставить при случае свою жизнь на карту и в силу природной жестокости находивший наслаждение в кровавых зрелищах, он вмешался в толпу пьяных убийц и был, как мы уже имели случай видеть, одним из главных действующих лиц той страшной, дикой драмы, при которой мы только что присутствовали.

Обманутый в своих надеждах и тем более взбешенный тем, что деньги ускользнули из его рук, он тотчас же решил возместить эту неудачу разгромом серингалья молодого француза в верховьях Арагуари.

Когда он уже обдумал план грабежа, один из его людей сообщает ему, что серингаль уничтожен, и от него не осталось даже и следа!

В этот момент Диего почувствовал что-то похожее на приступ отчаяния, но последующие слова Жоао успокоили его.

– Если так, – сказал он, – то я это дело обдумую!

– Но надо спешить, господин, не то будет поздно!

– Я сам отлично понимаю, что надо действовать без промедления! Но где мы возьмем двадцать человек, которые мне нужны для этого дела?

– Достаточно будет и десяти, если они будут хорошо вооружены!

– Десяти человек мало!

– Ведь их всего только четверо белых и с полдюжины мура, пьяных в стельку. Мура, ты сам знаешь, рассыплется во все стороны, как лягушки, в которых пустили камнем.

– Да, ты прав! Действовать надо: это единственное средство держать в руках серингуеро и добиться от него всего, чего я хочу... Так решено! Постарайся собрать человек десять, менее пьяных, чем остальные, приведи их к заливу и посади на две пироги. Одной будешь командовать ты, другой я.

Выслушав эти распоряжения, Жоао, не теряя ни минуты, расстался с новым вождем и отправился исполнять его приказания.

Тем временем Диего, достав из своего тайника несколько карабинов и патроны, отнес их к пристани, где были привязаны пироги, принадлежащие деревне.

Против ожидания, Жоао вскоре вернулся в сопровождении группы измазанных кровью чернокожих, возбужденных выпитой тафией и дикой оргией, последовавшей за бесчеловечной резней своих же односельчан, возбужденных, но готовых повиноваться своему новому вождю, который внушал им полное доверие.

В нескольких словах Диего объяснил им, в чем дело и что от них требуется: быстрое и неожиданное нападение, скорее для видимости только, а завтра они уже будут снова у себя в деревне. Благодаря этой маленькой экспедиции удастся, говорил он, возместить исчезнувшие сокровища.

Этого было более чем достаточно, чтобы вызвать полную готовность сделать все, что от них потребуют. Не теряя ни минуты, они схватились за весла, и легкие пироги помчались, как птицы, по тихим водам залива.

Без малого четыре часа они усердно работали веслами, невзирая на палящий зной. Пот катился градом по черным торсам и лоснящимся черным лицам; мышцы рук напрягались, как канаты, а пальцы судорожно сжимали ручки весел. Целые тучи мошкары оседали на обнаженные потные спины,

плечи и шеи; беспощадные лучи солнца падали отвесно на круглые, покрытые мохнатой шапкой волос черепа; но дикие мореплаватели, невзирая ни на что, продолжали мирно работать веслами, сопровождая эту тяжелую работу нелепым ритмическим припевом, значение которого они сами не понимали.

Вдруг Жоао, стоявший на носу передней пироги, обернулся и жестом заставил разом смолкнуть оба экипажа.

Залив делал крутой поворот. Пирог умерили ход и стали огибать мыс, поросший ковром водяных растений.

В этот момент Жоао сильным ударом весла заставил пирогу, на которой он находился, круто повернуть и засесть носом между корнями водорослей и прибрежных кустов, заканчивавшихся громадными блестящими и твердыми, как подносы, листьями.

Следующая позади пирога проделала тот же маневр, отчего обе они оказались совершенно скрытыми от посторонних глаз.

Гребцы с проворством и ловкостью обезьян, цепляясь за корни, выбрались на твердую землю, где росли высокие пальмы, авангард целого леса пальм.

– Здесь! – проговорил Жоао, указывая рукой на прогалину, в ста метрах от того места, где они теперь стояли.

– Хорошо! – отозвался Диего и приказал своим людям вооружиться.

Маленький отряд, выстроившись, беззвучно двинулся

вперед по мягкой сырой почве.

Диего первым подошел к прогалине, поросшей редкими стволами тощих, но стройных пальм, прямых и неподвижных, как готические шпили. На этой полянке он увидел группу безоружных индейцев, занятых свеживанием огромной рыбы, известной здесь под названием пираруку. Немного подалее, между стволами пальм, виднелись гамаки, и в них лениво растянулись белые люди; одни из них курили, другие тянули из дорожных фляг тафию. Наконец, с противоположной стороны лежали двое раненых, крепко связанных и как будто брошенных здесь в траву подле жалкого, наспех сооруженного карбета, состоявшего из нескольких плохо скрепленных кольев и кровли из больших широких листьев.

При виде рослого Диего мура, бросив свою рыбу, с протяжным воем кинулись к людям, растянувшимся в гамаках. Эти проворно вскочили на ноги и с недоумением уставились на колосса-негра с безобразным лицом, за спиной которого стояли еще другие негры, вооруженные с головы до ног. Однако удивление их продолжалось недолго. Один из них, человек уже старый, с лицом, выражавшим дерзость и наглость, сделал шаг вперед и шутливо воскликнул:

– Эге! Да это негр!.. Ну здравствуй, приятель, как живешь?

Но Диего остался безмолвным.

– Что же ты, или проглотил свой язык, или ты глух, парень?! Мне кажется, что господин Луш оказал тебе честь,

заговорив с тобой!

– Молчать! – грозно произнес Диего. – Отвечай мне ты, когда я буду тебя спрашивать!

– Что? Эта немытая рожа смеет мне говорить «ты»? Видно, мир перевернулся! Мы – белые люди, как видишь, и здесь, как и всюду, негры должны преклоняться перед ними!

– Вы – беглые каторжники, бежавшие из Кайены, не так ли? – продолжал Диего, не устаивая Луша ответом, хотя пепельно-серый оттенок, который приняло его лицо, указывал на скрытое бешенство.

– Ну, и что же из того? Какое тебе до этого дело?

– Вы разграбили и сожгли серингаль француза?

– Разве ты судебный следователь? Нам здесь такого не требуется! Слышишь, мы и без тебя обойдемся! И знаешь ли, ты меня не запугаешь с твоей страшной рожей и черномазой командой!

– Довольно! Надо проучить эту старую обезьяну! – крикнул Диего, ни на йоту не изменяя своему пренебрежительному хладнокровию.

И без малейшего усилия он, протянув вперед руку, хватается негодяя за шиворот, вытаскивает его из гамака и, держа на весу, на вытянутой руке, как мокрого щенка или котенка, разглядывает его как ребенок – игрушку, затем швыряет на землю с гримасой отвращения, добавив при этом:

– Меня зовут дон Диего, не забудь этого!

– Геркулес, сюда! – вопит старик.

На этот зов второй европеец, в белых холщовых панталонах и синей матросской рубаше, выскакивает из гамака и кидается на негра. Диего спокойно достает из-за пояса револьвер, приставляет его дуло к груди нападающего и говорит:

– Долой руки, любезный! Я не хочу вам зла, но вы должны исполнить мои требования! Не то я вас истреблю всех до последнего и брошу на съедение кайманам!

– Вот это сказано толком! Чем мы можем вам служить, господин «дон» Диего, которого я совсем не знаю и о котором никогда ничего не слышал?

– Сейчас узнаете, что я от вас требую, а кто я, это вас в сущности вовсе не касается. Прежде всего, вы все четверо последуете за нами и отошлете ко всем чертям этих гадов мура!

– А затем?

– Это уже мое дело! А ваше дело – повиноваться!

При последних словах молодая женщина, бледная, заплаканная, изнеможенная, выбежала из карбета, держа на руках ребенка, и кинулась на Диего; двое других детей цеплялись за третьего, мальчика лет десяти, который смело смотрел на то, что происходило вокруг него.

– Кто бы вы ни были, – воскликнула женщина, – спасите нас, молю вас! Сжальтесь над этими детьми, у которых теперь, быть может, уже нет отца! Вырвите нас из рук этих негодяев!

Диего, ошеломленный и недоумевающий, в первую минуту хранил угрюмое молчание, затем, обернувшись к Жоао, стал расспрашивать его по-португальски, не ответив ни слова на отчаянную мольбу женщины.

– Это и есть жена серингуеро с Арагуари с его детьми? Ты в этом уверен?

– Я видел ее всего один раз, но узнаю ее!

– В таком случае, Жоао, друг мой, у тебя счастливая рука, и этот выводок маленьких французов, право, не дурной приз! Забирай их всех на пироги и в путь!

Глава IV

Опасения. – Собака. – Неожиданное появление одного из свидетелей несчастья. – Рассказ о трагедии. – В отсутствие господина. – Приготовления к обороне. – Пожар карбетов и хижин. – Вызов, требование и возражение. – Зажигательные стрелы. – Отступление. – Оцеплены. – Отчаянное сопротивление. – Избиение и поражение. – Пленники. – Тщетные поиски индейца Габира. – Беззащитность. – Затопленная пирога. – Жалкие остатки прежнего величия. – План кампании. – Что могут сделать три человека и одна собака. – Идем!

При каких странных и ужасных обстоятельствах молодая и прелестная подруга Шарля Робена со всеми своими детьми очутилась в руках негодяев-разбойников, бежавших из острогов Кайены? Какое беспримерное несчастье обрушилось вдруг на богатое и роскошное поместье серунгуеро? Какая буря развеяла в прах все его богатства, так честно и благородно нажитые и приобретенные?

Читатели, вероятно, не забыли еще, как молодой искатель каучука Шарль, избавившись чудом, благодаря вмешательству индейца Табиры, от преследовавших и истязавших его негодяев, наконец очутился перед обгорелыми развалинами своего дома и всех великолепных строений усадьбы.

Надломленный страшными предчувствиями, измученный и исстрадавшийся, молодой человек, изнуренный в

борьбе, которую он выносил в течение сорока восьми часов, почувствовал, что силы изменили ему при виде обрушившегося на его голову нового несчастья. Он бы легко примирился со своим материальным разорением. Что, в сущности, значила для этого смелого, отважного и неутомимого колониста даже полная потеря всего состояния по сравнению с той трагедией, какая постигла его, супруга и отца?

Что случилось с дорогими его сердцу существами, более драгоценными, чем сама его жизнь?! Где теперь его жена, это милое, кроткое, хрупкое и прекрасное существо, вся жизнь которой могла быть резюмирована в двух словах: «любовь» и «самоотречение». А его детки? Эти милые, добрые, искренние создания, которых любили все в усадьбе, и старые, и малые?! Какие негодяи могли оставаться безучастны к их просьбам и мольбам, какие изверги могли покушаться на их счастье и спокойствие? Какие чудовища могли обидеть такие кроткие и невинные существа, едва вступившие в жизнь? В каких преступных руках находились они теперь?

Шарль ужасно боялся дать себе ответ на эти вопросы. Ему казалось, что он видит отвратительных мура, под командой беглых каторжников устремляющихся на штурм серингаля. Захваченных врасплох рабочих безжалостно избивают, режут, как овец; его жену и детей негодяи хватают своими грубыми, окровавленными руками, издеваются над ними, быть может, оскорбляют, бьют и увлекают за собой в дикую пустыню или в леса.

Сраженный этими мыслями, он тяжело падает на землю, как будто силы, поддерживавшие его, вдруг моментально исчезли.

Мало-помалу он пришел опять в себя: он лежал на берегу ручья под большим манговым деревом, куда верный индеец, встревоженный бессознательным состоянием своего господина, отнес его, чтобы не было у него перед глазами обгорелых остатков прежнего жилища. Сделав это, Табира, не привычный к оказанию помощи при обмороке, недуге, совершенно неизвестном и непонятном для человека его расы, так как маловпечатлительные от природы индейцы совсем не знают обмороков, все же машинально принялся растирать своего господина, подобно тому, как это делается при солнечном ударе, и это отчасти подействовало на больного.

Но, едва придя в себя, Шарль почувствовал страшную боль в сердце, и вместе с этим к нему вернулось и воспоминание о случившемся.

Табира, обрадованный тем, что его господин ожил, выражал свою радость громкими возгласами и энергичными жестами. Вдруг, как бы в ответ на его ликование, откуда-то раздался протяжный, жалобный вой. Вслед за тем громадная собака с окровавленной мордой и изрезанной местами кожей, выскочила из кустов, росших по берегу ручья и залива, кинулась прямо к Шарлю, принявшись лизать ему лицо и руки и прерывая свои ласки веселым, коротким лаем.

– Боб! Это ты, мой славный пес? – пробормотал Шарль упавшим голосом, машинально лаская косматую голову животного.

Боб, заслышав свою кличку, весело запрыгал вокруг своего господина, не переставая радостно лаять, как будто он был особенно обрадован тем, что его господин узнал его и назвал его по имени. Затем он вдруг чинно и смиренно сел подле Шарля и как будто призадумался на мгновение, потом вдруг сорвался с места и с воем кинулся в кусты, откуда только что выбежал.

Шарль, хорошо знавший ум этой собаки, тотчас же сообразил, что там в кустах есть что-нибудь необычайное, что надо пойти и посмотреть. Несмотря на свою слабость, молодой серингуэро готовился уже встать и обыскать кусты, как собака опять выскочила вперед, а за ней появился человек, бледный, едва держащийся на ногах.

Одежда на нем висела ключьями; он шел с трудом, опираясь левой рукой на закоптевшее от пороха ружье, а в правой держал топор, топорище и лезвие которого были в крови. Длинная ссадина рассекала его щеку почти во всю длину, струйка крови засохла на обнаженной груди.

Индеец мигом навел на него свой ужасный сарбакан, но человек, заметив это, выпустил из рук и ружье, и топор, а затем, увидав Шарля, сидящего на траве, под деревом, протянул к нему руки и воскликнул на чистом французском языке срывающимся от волнения голосом.

– Ах, сударь, вы живы! Благодарение Богу, вы еще живы! Значит, они не убили вас!..

И две крупных слезы сбежали по его загорелому, испачканному кровью лицу.

– Какое несчастье! Господи, какое ужасное несчастье! – продолжал он, заливаясь слезами. – Но не ваша в том вина, видит Бог... Мы дрались не на шутку... Бедная барыня!.. Бедные деточки!..

Шарль смотрит на этого человека и узнает в нем Винкельмана, прозванного Шоколадом.

Взволнованный и растроганный, он вскакивает на ноги при виде этого человека, так искренне оплакивающего его несчастье, как будто от него пострадал не другой, а он сам. В этот момент Шарль видит в нем только друга, который в тяжелую минуту делит с ним его горе, как брат с братом, и в порыве благодарности протягивает ему руку.

Бывший каторжник вспыхивает от болезненного чувства стыда и волнения, которого он не может преодолеть, затем сразу бледнеет и не смеет принять протянутую ему руку.

– Дайте мне вашу руку, Винкельман, – говорит Шарль, тоном убежденным и вместе с тем ласковым, – я хочу пожать руку честного и хорошего человека! Забудьте прошлое. Вы его давно искупили и отныне смотрите на меня, как на вашего друга!

Ободренный этими словами, сказанными от всей души, и в значении которых нельзя было ошибиться, несчастный

гордо выпрямился и, преобразившись, крепко пожал протянутую ему руку, не находя слов для ответа.

– Ну, скажите, что случилось здесь? – продолжает Шарль, съедаемый тревогой. – Скажите все, что вы знаете... Говорите прямо, не бойтесь меня испугать или расстроить. Я теперь силен и могу все слышать! Впрочем, вы ранены, едва держитесь на ногах... Дайте мне осмотреть ваши раны и перевязать их!

– Нет, нет, мы к этому привычны... не извольте беспокоиться, мы и хуже того видали, да живы оставались... Кроме того, кровотечение уже прекратилось. Кровь запеклась и задерживает дальнейшую потерю крови, я только ослаб; ведь они уже очень много выпустили этой самой крови из меня, но это ничего... Если бы только это, и ничего худшего не случилось, то об этом горевать бы не стоило... Но если вы позволите, я сяду, силы мои еще слабы. Я расскажу вам в нескольких словах все, что видел.

«Когда мы пристали и вас не оказалось с нами, все ваши домашние были очень опечалены, но затем стали ожидать вас со стороны сухого пути. Когда вы все не возвращались, ваша супруга стала сильно тревожиться и, наконец, отправила двоих индейцев разыскивать вас. Один из них – тот, который и сейчас еще при вас, а другого я больше не видел. Так как в доме опасались возможного нападения, то негр бони, распорядившийся всем в вашем отсутствии, тотчас же при-

нял все меры предосторожности и приказал всем готовиться к обороне на случай нападения.

Он раздал всем оружие, приказал очистить все карбеты и хижины и все население их собрал вокруг большого дома. Кроме того, он приказал выбранным им самим людям охранять склады и магазины.

Все шло хорошо, и мы не отчаивались. Но, к сожалению, вы все не возвращались. Все мы были глубоко огорчены, могу вас уверить, видя, как страдала и беспокоилась ваша жена и плакали ваши детки. Между тем отправиться на розыски нельзя было: наступила ночь, да и никто не знал, в какой стороне вас искать.

Время было близко к полуночи, все огни были давно погашены; но никто не спал; все караулили дом, склады и амбары, чтобы забить тревогу при первом появлении опасности.

Вдруг собаки, привязанные под верандой, точно ошалели, стали рваться с цепи.

Мы сразу сообразили, что это не могли быть вы с вашими индейцами. Тогда негр бони крикнул: «Кто идет?» Ответа не было. Но спустя пять минут все хижины и карбеты, расположенные вокруг дома, запылали ярким пламенем. Счастье еще, что все они были пусты, и никого из людей в них не осталось. Кругом было светло, как среди белого дня. Но нельзя было различить, с какими врагами мы имели дело — так старательно прятались эти негодяи.

Вскоре среди треска горящих строений мы услышали чей-

то голос, кричавший нам, чтобы мы сдались и немедленно оставили большой дом.

Этот голос я когда-то слишком часто слышал и узнал бы его из тысячи голосов. Если я когда-либо в жизни еще встречу этого человека, то клянусь, он умрет от моей руки.

Тогда бони, видя, к чему клонится дело, приказал открыть огонь наугад, и мы разом дали один общий залп.

Раздавшиеся в ответ там и сям вопли и проклятия дали нам знать, что наши заряды не пропали даром.

Потом снова воцарилась полная тишина. Наши противники, видя, что застигнуть нас врасплох не удалось, стали, по видимому, совещаться.

В продолжение часа нас не трогали. Но это напряженное спокойствие не предвещало нам ничего хорошего; мы, старые, лесные бродяги, хорошо знали, что еще до рассвета нам придется вынести нешуточный натиск со стороны этих негодяев.

Мы не ошиблись. Действительно, нас ждало нечто ужасное.

Карбеты и хижины сгорели, как снопы соломы, и все погрузилось в непроницаемый мрак.

Но вот вдруг появляются красные горящие точки во мраке, затем быстрые огненные молнии проносятся над нашими головами со всех сторон. Слышится свист, и целый град стрел сыплется на крышу, на столбы, на веранду дома и вонзается в здание: негодяи придумали навязать на концы своих

стрел пучки сухих листьев, смазанных каучуком, и, дав им загореться, пускали стрелы на нас.

И вот запылал пожар, страшный, ужасающий пожар. Крыша дома и веранды были объяты пламенем; спустя немного горящие балки начали падать на нас; оставаться долее в доме не было никакой возможности; надо было бежать.

Оружие у нас было наготове: мы выстраиваемся плотным каре, женщин и детей помещаем всередину и направляемся к пристани, чтобы попытаться спастись на судах. К несчастью, бони не подумал распорядиться, чтобы наши люди охраняли это столь важное место – все предвидеть так трудно.

Между тем стрелы начинают сыпаться на наши головы; мы отвечаем но – увы! – не можем видеть врага, тогда как он видит нас, как на ладони, и бьет на выбор.

Наши падают один за другим, пронзенные стрелами, падают, как подкошенная трава. Мало-помалу они начинают расступаться; некоторые даже бегут и укрываются, где могут.

Но вот мы уже у пристани и думаем, что спасены... И что же?! Мы попадаем в самую гущу этих негодяев, которые поджидали нас там. Они оцепляют нас со всех сторон, нападают с саблями и тесаками наголо, бьют, рубят, колют и режут, как стадо овец.

В наших рядах водворяется паника. Несчастные негры, которые могли бы еще защищаться, если бы не паника, пускаются бежать врассыпную, их избивают поодиночке одного за другим.

В этой сутолоке, в этом аду, я теряю из виду своих двух товарищей, араба и мартиниканца, неизвестно куда исчезнувших в этой свалке. Знаю только, что и они, наравне с остальными, дрались не хуже других и честно исполнили свой долг.

Но все это было ни к чему; в тот момент, когда я, обессилев, упал, я видел, что мадам и деток схватили негодяи и увлекли куда-то; затем точно сквозь сон я видел, что ее увезли на одном из ваших паровых катеров, кажется... однако, могу сказать, что, пока я был при памяти, им не сделали никакого вреда; я думаю, что они увезли их в качестве заложников».

– Ну, а дальше что? – спросил Шарль, весь бледный, со стиснутыми зубами, со сверкающими злобой глазами, жадно слушавший этот рассказ.

– А дальше я ничего больше не видал... Силы изменили мне; я потерял так много крови, что не мог больше держаться на ногах, упал и, вероятно, лишился сознания. Мне смутно помнится, будто бони, распорядившийся всем, а также и его брат были также схвачены негодяями. Остальные или бежали или полегли на месте... Я пришел в себя только несколько часов спустя, когда солнце было уже высоко. Одна из ваших собак страшно выла у пристани, кидалась в воду, ныряла, затем выплывала на берег и опять принималась выть. Я позвал собаку; она позволила себя погладить и затем осталась подле меня. Тогда только я увидел, что все суда исчезли, точно

также и все тела, которые эти негодяи, вероятно, покидали в воду. Я, по счастливой случайности, упал в кустах, и потому меня, вероятно, не нашли, и я избежал удовольствия попасть на закуску кайманам. Не зная, куда идти, я решил дожидаться здесь. Кроме того, я был слишком слаб, чтобы уйти куда-нибудь отсюда. И вот я устроился, как мог, с собакой в этих кустах. Мы вот уже двое суток кое-как перебиваемся здесь остатками сушеной рыбы да куаком, уцелевшим во время пожара, под развалинами одной хижины. Вот все, что я имею возможность рассказать, сударь, и я только сожалею о том, что не мог сделать больше! Но вы вернулись; значит, не все еще погибло. Правда, нас всего три человека и одна собака, но все же мы еще можем немало сделать!

– Благодарю вас, друг мой, я с благодарностью принимаю ваше великодушное предложение, принимаю так, как вы мне предлагаете: я не могу даже говорить о вознаграждении, так как слишком многим обязан вам; ваши заслуги передо мной из тех, которые ничем не оплачиваются. Человек, рискующий своей жизнью ради моей семьи, принадлежит к этой семье!

– Ах, сударь, что вы говорите!.. Возможно ли это? Я, право, не знаю, что мне вам сказать, вам, который сделал так много для меня, для человека, упавшего так низко!.. Клянусь небом, я дам разрубить себя на куски за вас при первом случае, когда это может понадобиться!

В продолжение этого печального рассказа индеец Таби-

ра, с трудом понимавший лишь некоторые слова по-французски, несколько отошел в сторону, чтобы на свободе внимательно изучить местность, со свойственной его соплеменникам способностью улавливать самые незаметные для другого человека приметы.

Несмотря на его невозмутимое хладнокровие и спокойствие, бедняга краснокожий также глубоко страдал: общее несчастье поразило его в самое сердце; ведь и его жена и дети исчезли неизвестно куда во время этой страшной катастрофы, но у него не было даже и того слабого утешения, какое было у его господина, именно, что они еще живы.

Обойдя все место, на котором стоял господский дом, в надежде отыскать какой-нибудь след, обшарив все кругом, обыскав все кусты, индеец вернулся к пристани угрюмый, с отчаянием в сердце.

Здесь он присел на корточки на берегу и уставился глазами в воду, без мысли, без внимания, тупо и равнодушно, как человек убитый горем.

Раненный Винкельман как раз заканчивал свой рассказ, и Шарль горько сожалел, что не уцелело ни одно судно, как вдруг увидел, что Табира, сидевший уже давно совершенно неподвижно, нырнул головой вниз в Арагуари.

Встревоженный плантатор поднялся с места, опасаясь, уж не помешался ли его верный друг. Но спустя минуту индеец вынырнул, держа в руке конец порванного причала, затем, проворно взобравшись на деревянный помост, служа-

щий пристанью, он со всей силы потянул на себя причал. Шарль и Шоколад бросились к нему на помощь, видя, что ему одному не справиться, и немного погодя увидели над водой острый нос затопленной пироги.

Вытащить ее на берег, вычерпать воду, перевернуть и осмотреть со всех сторон для них было делом нескольких минут. Пирогой оказалась в полной исправности. Борта ничуть не пострадали, и, к счастью, в маленьком ларе на корме уцелели принадлежности рыбной ловли: лесы, удочки, крючки, несколько острых железных наконечников для остроги, две чашки, деревянное блюдо, сравнительно глубокое, тесак и довольно большой холщовый просмоленный мешок с мукой куак.

Это, конечно, немного, но в том положении, в каком они находились, и эти запасы были для них целым богатством.

Табира, не теряя времени, тотчас же срезает на берегу подходящие сучья и прутья для изготовления древка для острог или гарпунов, в одну минуту приделывает их, как должно, и затем принимается разыскивать дерево, пригодное для весел.

Тем временем Шарль развязывает мешок с куаком и с радостью убеждается, что содержимое его ничуть не пострадало от пребывания в воде.

В этом нет ничего удивительного, просмоленный холст, предназначенный для предохранения муки от чудовищной сырости этих мест, приспособлен так, что в продолжение

очень долгого времени не поддается влиянию сырости, почему такие мешки и используются всеми золотоискателями для доставки провианта на прииски, часто издалека. Их вместимость обычно равняется двадцати пяти килограммам, что составляет средний вес ноши человека.

Шарль развел водой небольшую долю найденной в ларе муки, так что из нее образовалась густая каша, и, разложив по блюдечкам, знаком пригласил своих товарищей поест, причем не забыл и Боба, которого не пришлось уговаривать.

Подкрепив свои силы этой немудреной пищей, все трое принялись за работу и стали делать весла. Эта, в сущности, не трудная для привычного человека работа подходила к концу, когда Шарль первый прервал продолжительное молчание, которое не решались нарушить ни Шоколад, ни индеец.

– Мне кажется, что я разгадал план этих негодяев, – сказал молодой плантатор, обращаясь к Шоколаду, который также все время думал о последствиях трагедии. – Потеряв надежду захватить меня живым в плен, они вздумали заставить меня сдаться на все их условия, захватив вместо меня всех членов моей семьи!

– Это несомненно так, но я не вижу их цели: что им, собственно, нужно?

– Денег! Весьма возможно, даже вероятно, что именно денег! Но в таком случае зачем им было уничтожать до основа-

ния мой серингаль, жечь магазины и склады, переполненные товарами, разорять всю плантацию и таким образом лишить меня возможности уплатить им выкуп?

– Может быть, они рассчитывали на кредит, которым вы можете пользоваться в Паре и в Кайене?!

– Да, вы, пожалуй, правы! Вероятно, это так! Когда они найдут надежное и безопасное место, чтобы скрыть моих детей и жену, то, наверное, пришлют мне своего посланца, с поручением предъявить мне их требования... Теперь мне становится ясно, зачем они увели или затопили все мои суда: это для того, чтобы я не мог уйти отсюда и чтобы они могли найти меня здесь!

– Я тоже полагаю, что это так! – подтвердил Шоколад.

– Они не ожидали, что Табира сумеет увидеть и вытащить умышленно затопленную ими пирогу!

– Теперь остается только определить, в каком направлении они ушли отсюда. По моему мнению, они едва ли могли укрыться на правом берегу Арагуари: они побоялись бы соседства с бразильцами, а потому, несомненно, остались где-нибудь на левом берегу.

– Ага! Мне кажется, я догадываюсь: с ними были бразильские мулаты. Они хорошо знают область озер, эту непроходимую местность, лежащую между Мапою и тем местом, где Тартаругал теряется в озере Двух Устьев – это место самое подходящее для них! Эта часть спорной территории расположена таким образом, что совершенно недоступна для каж-

дого, кто не знаком с ее характером и особенностями почвы. Несколько решительных и смелых парней могут там отстоять себя против целой армии. Апурема, тот левый приток Арагуари, который я исследовал самым тщательным образом для своих промышленных целей, образует собою естественный канал, соединяющий Арагуари с Тартаругалом, а затем и с озерами... Туда они и бежали; это не подлежит сомнению! Как ты думаешь, Табира? – добавил Шарль, повторив слово в слово все сказанное на туземном наречии.

– Я с тобой согласен, господин! – отозвался индеец.

– Значит, мы туда и направимся!

– Одни?.. Все трое? – глухим гортанным голосом осведомился индеец.

– Нет, ты останешься здесь, если хочешь, мой славный Табира... Ведь и тебе надо разыскать твою жену и детей!

– Нет, господин, куда ты пойдешь, туда и я! Папула – смелая и отважная дочь мундуруку; или она умерла, и тогда я отомщу за нее, или же она жива и сумеет вернуться к нашим братьям, к людям нашего племени. Папула вынослива, сильна и ловка, как воин... Лес не имеет тайн для нее; рука ее умеет владеть и веслом, и луком; ее стрела бьет метко и сильно... Дети Табиры пойдут за своей матерью и не отстанут от нее. А я останусь с тобой!

– Пусть так, мой верный друг! – сказал Шарль, зная, что индеец никогда не изменит раз принятого решения. – Идем!

– Я, конечно, не смею давать вам советы, сударь, или воз-

ражать против ваших распоряжений, – вмешался Шоколад, – но попросил бы вас разрешить мне высказать одну мысль, которая сейчас мелькнула у меня в голове!

– Говорите, друг мой, я охотно выслушаю вас!

– Видите ли, сударь, я слышал с тех пор как живу здесь, что тут, на самой реке, есть военный пост; может быть, эти бразильские солдаты могли бы оказать вам содействие в этом деле?!

Шарль печально улыбнулся.

– Вы говорите о военном поселении Педро II, этом небольшом посте, состоящем из двадцати пяти человек несчастных индейцев тапуйев, под командой одного бразильского офицера и одного полицейского комиссара? О них нечего и думать! Во-первых, этот пост уже с полгода оставлен по случаю страшной эпидемии натуральной оспы, унесшей почти весь маленький гарнизон, во-вторых, эти бразильцы, видя в нас, французах, мирных завоевателей этих земель, на которые они сами зрятся, ни перед чем не остановятся, чтобы повредить нам, и вместо помощи скорее будут радоваться постигшему меня несчастью!.. Нет, друг, мы можем рассчитывать только на самих себя! В сущности, оно, пожалуй, и лучше, что нас так мало, и мы почти безоружны. Это является защитой для тех несчастных, что находятся теперь во власти похитителей, самые интересы которых могут служить гарантией нашей безопасности! Итак, идем!

Глава V

На пироге. – След. – Красноперая стрела. – Встреча на берегу. – Негр бони Лооми. – Вести об отступающих. – Берега Апурема. – Саванна. – Стада. – Линия водораздела. – Тартаругал Гранде. – Свидание. – Белые и черные. – Личность Диего вырисовывается. – Выкуп. – Роковой подарок. – Негр своего класса. – Адвокат без дела. – Ради хлеба насущного! – Кража. – Мщение. – На каторге. – Опять деньги. – Ужасные угрозы.

Серингаль Шарля Робена был расположен всего в нескольких километрах от первого порога Арагуари, вниз по течению. От этого места, некогда столь прекрасного и оживленного, а теперь унылого и безлюдного, всего девяносто километров по прямой линии до слияния Арагуари с Апурема, то есть в общей сложности около ста девяти километров, если принять в расчет извилины реки Арагуари.

Наши трое друзей проехали это расстояние в течение пятнадцати часов. Индеец Табира, бесподобный гребец, за все это время не выпускал из рук весла, кроме тех нескольких минут, в продолжение которых он подкреплял свои силы едой. Тогда его замещал Шарль, несмотря на энергичные протесты эльзасца, желавшего во что бы то ни стало внести в общий труд свою долю. Впрочем, течение облегчало им плавание и гнало пирогу неудержимо вперед.

Все трое хранили угрюмое молчание, которое только изредка прерывал индеец, жадным взглядом пожиравший все время левый берег реки, ближе к которому он упорно держался все время.

Иногда у него вырывалось гортанное восклицание, и он указывал рукой на какой-нибудь изогнутый или помятый лист муку-муку, на какой-нибудь обломленный корень или стебель, как будто чья-то заботливая рука умышленно отметила путь на всем протяжении канала. Так как эти приметы становились очевиднее и все чаще, то наши друзья заключили из этого, что негодяи умышленно хотели обозначить свой путь.

На другой день около полудня путешественники достигли места впадения Апурема; и если в их уме могло еще таиться хоть малейшее сомнение относительно происхождения подмеченных ими примет, указывавших путь похитителей, то сомнение это должно было само собой рассеяться при виде предмета, очевидно, умышленно оставленного на виду и в таком положении, которое ясно говорило о преднамеренности. Это была длинная красноперая стрела, привязанная горизонтально к двум стволам муку-муку, с концом, обращенным в сторону верховьев притока.

– Вот это ясно! – прошептал Шарль вполголоса. – Ну что же, двинемся вверх по Апурема!

И они смело двинулись вперед по этой реке, которая, как

мы уже говорили, соединяет Арагуари с Тартаругалом и с системой озер.

Впадение Аपुरема находится всего в тридцати километрах по прямой линии от Тартаругал-Гранде, но его сильно извилистое течение делает бесконечный ряд поворотов, удваивающих, если не утраивающих это расстояние. Сама линия русла этой реки описывает громадную дугу по отношению к прямой, которая является как бы тетивой к луку, изображаемому рекой.

Вскоре, однако, приметы и указания, столь частые по берегу Арагуари, стали пропадать. Впрочем, Шарль этим не тревожился, уверенный, что в недалеком будущем все ему станет ясно. Действительно, он был прав. Не прошло и двух часов, как их пирога, идя вверх по течению Аपुरема, быстро суживающегося в своем верхнем течении, за крутым поворотом реки вдруг стала приближаться к пироге, где находилось трое негров. Из них двое сидели на веслах, а третий мог быть назван пассажиром.

В тот момент, когда обе пироги должны были встретиться, громкое восклицание вырвалось из уст негра-пассажира.

– Господин, это – я!

– Ты, Лооми? Откуда ты? Куда направляешься, мой добрый товарищ? Есть у тебя какие-нибудь известия?

– Да, да, господин. Меня послали в сторону усадьбы, чтобы я разыскал вас. Госпожа и детки живы и здоровы; им никакого вреда не сделали!

– Спасибо, мой добрый Лооми... Твои слова возвращают мне жизнь! – воскликнул молодой человек с глубоким вздохом облегчения. – Но где же другие? Где твоя жена и дети, где семьи наших индейцев, наших рабочих негров? Где все они?

– Они все спаслись, бежали в леса... Мура не могли их догнать, и каторжники тоже не нашли никого, и никого не задержали!

– Ну, тем лучше! Но чем они будут жить там, в лесу?..

– Об этом не беспокойтесь, господин; в лесу много зверей, птиц, и они тоже не умирают от голода! Поспешите, господин, в деревню между озер; там ты найдешь свою госпожу и детей...

– Кто тебя послал, Лооми?

– Большой безобразный негр, который злее скорпиона и уродливее жабы.

Обе пироги во время разговора господина с негром удерживались на одном месте веслами.

– И чего же хочет от меня этот негр?..

– Не знаю, господин; он держит в хижине под стражей госпожу, детей и моего брата!

– А почему он не отправил твоего брата вместе с тобой?

– Не знаю, господин!

– Кто привел мою жену и детей в эту деревню?

– Каторжники и португальские мулаты!

– А те негры, что сопровождали безобразного негра, кто

они такие? Откуда?

– Это негры из Озерной деревни... Но надо нам спешить туда, господин; я думаю, что этот безобразный негр хочет потребовать от вас очень много денег!

– Ну, и пусть себе требует! Во всяком случае, поспешим туда, в эту деревню... Я сгораю от нетерпения узнать поскорее, в чем дело!

Пирога, на которой находился Лооми и двое негров, за все время не проронивших ни звука, проворно повернула и пошла впереди пироги француза, как бы указывая путь.

Шарль и двое его спутников плыли следом на расстоянии двух пирог.

Вскоре вид местности резко изменился, так что всего через каких-нибудь два часа путники увидели себя в совершенно иной стране. Река, суживаясь все более и более, превратилась теперь в ручей шириной не более десяти метров. Громадные деревья, растущие только по берегам больших рек, уступили место особому рода ивняку и другой растительности, обычно окаймляющей игарапы – лесные ручьи.

Нет ничего прекраснее этих стройных красивых пальм, чарующих глаз в экваториальных прериях Америки, подобно тому, как стройные тополя украшают наши европейские луга. Высохшие мавриции, на которых целыми стаями живут болтливые попугаи и яркие ара, напоминают стройные колонны старых греческих храмов, обвитых плющом и повиликой, по которым проворно бегают ящерицы. Мавриция,

или гвианская пальма, в полном цвету, стройная и величественная, развернувшая на высоком прямом стволе 10–12 больших зеленых опахал, образующих как бы капитель колонны, колышется при малейшем ветерке, а ее громадные веерообразные листья шумят, точно лес перед грозой у нас, в Европе.

Засохшие и мертвые опахала ломаются и свешиваются вдоль ствола, пока не упадут на землю и не усеют почву своими ломкими остатками.

Растут эти мавриции целыми семьями, почти вытесняя всякую другую растительность, иногда заполонив своими стройными рядами громадную площадь, так что не видно ни конца ни края, иногда же образуют только узкую кайму дрожащих вершин, любующихся своим отражением в водах ручья, бегущего в их тени.

Но вот лес вдруг уступил место кампо, великой гвианской прерии, раскинувшейся от Ойапокка до устья Амазонки и тянущейся по левому берегу богатырской реки, вплоть до Рио-Ямнуда.

Эта прерия, представляющая собою то топкое, даже и в сухое время года, болото, то выжженное солнцем пастбище на горных плато, виднеется сквозь прогалины, образовавшиеся между стволами мавриции, местами вырубленными или погибшими по различным причинам.

Сочные пастбища, орошенные ручьями, быстро бегущими по светлому дну, или неподвижными, точно застывшими

водами озер, манят к себе обильной и лакомой пищей. Телки и телята резвятся вокруг своих маток, а величавые и ленивые быки с высоко поднятыми рогами и блестящими мордами зорко оглядывают местность своими большими спокойными глазами, готовые в любой момент бесстрашно устремиться на всякого обидчика, будь то ягуар или иной пират кампо.

Дальше река с трудом пробивается, извиваясь на протяжении нескольких километров в глубокой лощине, которую она затопляет в дождливое время года. Даже палящие лучи солнца не успели еще полностью высушить эту низину, все еще топкую и болотистую, сверкающую сотнями маленьких зеленоватых лужиц, дышащих вредными испарениями, болотными лихорадками и несущими в себе заразу.

А еще дальше река превращается уже просто в узкий канал, протекающий через сплошное болото, поросшее осокой, тростником и водяными растениями с листьями блестящего темно-зеленого цвета и бледно-желтыми стеблями, обычно называемыми кувшинками. Есть тут и другие водяные растения с листьями круглыми, как тарелки.

Впоследствии, от разложения всех этих растений, образующих под водой сплошную сеть корней и побегов, образуется слой почвы, на которой будут расти муку-муку, а последние в свою очередь удобряют ее и затем вымрут, подняв и осушив почву и подпочву; и тогда на их месте вырастут травы прерии.

Между тем Апурема суживается все больше и больше; ее

ширина едва достигает нескольких метров, но она остается по-прежнему быстрой и глубокой. Берега пологие и сухие, а вдали уже виднеется и сам Тартаругал-Гранде¹⁰.

Шарль догадывается, что в этот момент их пироги проходят едва заметную линию водораздела между Тартаругал-Гранде и Аपुरема, так как существует сообщение между обоими бассейнами в течение восьми месяцев в году.

Настала ночь, и приходится остановиться. Так как гамаков нет, ночуют в пирогах, предварительно крепко привязав их веревками к прибрежным кустам.

На другой день с рассветом обе пироги выходят из Аपुरема и входят в поперечный канал, пролегающий по низине, затем выходят из этого канала и входят в другой, а после четырех часов непрерывного хода пересекают чудесную светлую реку и пристают у большого карбета, расположенного всего в нескольких саженьях от пристани.

Река эта, текущая с востока на запад и достигающая в этом месте шестидесяти метров ширины, – Тартаругал-Гранде.

Пристав к берегу, оба негра-ребца в передней лодке, безмолвные, как помощники палача, причалили свою пирогу, убрали весла и знаком пригласили спутников серингуэро последовать их примеру.

Затем один из них обратился к Шарлю и, указав ему рукой на карбет, сказал на ломаном португальском языке:

¹⁰ Слово Тартаругал – на наречии индейцев племени тупи означает крупная черепашка.

– Вождь здесь!?. Он ждет тебя, белый человек.

Шарль не колеблясь вошел в жилище первобытного типа и очутился лицом к лицу с негром со страшным и отталкивающим лицом, колоссального роста и сложения, вооруженным с головы до ног. Это был Диего.

Он был опрятно одет в синюю матросскую рубашку, в цветную ситцевую сорочку; белые холщовые штаны были запряты наполовину в высокие охотничьи сапоги из рыжей кожи; словом, на нем был праздничный наряд свободного негра. За пояс была засунута пара больших револьверов; под рукой лежал тесак, а между ног было зажато хорошее двуствольное охотничье ружье.

При появлении европейца, смотревшего на него скорее с любопытством, чем с тревогой, негр встал не торопясь, с самым равнодушным видом, и указал на индейский стул, изображающий каймана, странно изогнувшегося. На это любезное предложение хозяина Шарль ответил отрицательным жестом и остался на ногах.

После нескольких минут напряженного, почти мучительного молчания, он, наконец, прервал его, обратившись к негру по-португальски:

– Кто вы такой и чего от меня хотите?

– Право, милостивый государь, – ответил Диего с подчеркнутой любезностью, своим нежным, мелодичным голосом, так странно контрастировавшим с его чудовищной на-

ружностью, – ваши вопросы могли бы, по своей точности и ясности, смутить всякого другого! Я подразумеваю всякого другого негра, так как мои сородичи вообще не отличаются логичностью, последовательностью и диалектикой. Но я, к счастью, нахожусь в исключительных условиях и потому сумею, вероятно, удовлетворить вас!

После этих слов, произнесенных на превосходнейшем французском языке и притом совершенно свободно, Шарль не мог удержаться от невольного жеста удивления.

– Вы спрашиваете, кто я? – продолжал негр, делая вид, что не заметил его движения. – Здесь меня зовут Диего, то есть Жак, если хотите; с недавнего времени я вождь не признающих закона негров этой Озерной деревни. Для вас я буду Жак Дориба, простой кандидат прав парижского университета... в ожидании чего-нибудь лучшего. Все это я сказал для того, чтобы поставить вас с собой на равную ногу... Кроме цвета кожи... У меня, видите ли, в этом отношении есть свои предубеждения или, если хотите, предрассудки... Чего я хочу? Я хочу, чтобы вы уплатили мне миллион звонкой монетой. Вот, кажется, все, что вы желали знать, господин Робен, не так ли?

Шарль, настолько же пораженный всем этим, как если бы перед ним заговорил членораздельными словами дикий бык, с минуту хранил полное молчание. Но вскоре, вернув себе полное самообладание, ответил негру, лицо которого изображало скверную улыбку:

– Так это вы держите у себя в деревне мою жену и детей?

– Да, я!

– Но по какому праву?

– По праву сильнейшего, как вы видите, и так как вы богаты, то я требую с вас миллион в качестве выкупа за них. Эта цифра мне кажется достаточной для удовлетворения моего самолюбия... Но, быть может, вы считаете ее ниже своего достоинства?

– Довольно издевательств, будем говорить серьезно!

– Я никогда не шучу, когда дело идет о деньгах! – затем, видя, что молодой француз ничего не отвечает, Диего добавил: – Итак, решено, что вы признаете себя обязанным уплатить мне эту сумму чистоганом?

– Вы не в своем уме! Вы – скорей сумасшедший, чем преступник! – воскликнул Шарль. – Допустим даже, что я согласился бы на это условие; где же я найду такую сумму, особенно теперь, когда погубили все мое дело, разогнали всех моих рабочих, уничтожили мою флотилию, словом, после того, как меня разорили дотла ваши друзья-каторжники!

– Но я готов поверить вам в кредит! Ваши родственники, колонисты на Марони, богаты, чрезвычайно богаты, это все знают; для них не составит труда собрать миллион в Кайене! Ну, а если нет, то вы будете работать, как негр, на негра! Эге! До сих пор негры работали на белых; так пусть же и белые поработают на негра!.. Это маленький реванш племянников дяди Тома!

– Но скажите, чем я виноват перед вами, что вы, поправ человеческие и божеские права, издеваетесь надо мной и налагаете на меня петлю или выкуп, ни с чем не сообразный?

– Вы говорите о каких-то священных правах? Я их не знаю, а знаю только одно право, повторяю вам, – это право сильного, и я пользуюсь им.

– Ах, негодяй!

– Негодяй?! Сколько вам угодно: эпитеты меня мало трогают!.. У меня нет причин злобствовать против вас лично, но вы богаты, и мне нужно ваше богатство; вы – человек белой расы, и потому я хочу вас сломить, как хотел бы сломить и растоптать всех представителей этой проклятой расы!

– Какое же зло сделали вам люди этой расы, чтобы возбудить в вас такую злобу, такую ненависть, такую алчность и жестокость, совершенно несовместимые с тем образованием, каким вы, по-видимому, обладаете?

– Какое зло, спрашиваете вы! Сейчас скажу! Я всю свою жизнь влачил, как цепь, то добро, которое они мне навязали; я с самого раннего детства был мучеником вашей убийственной цивилизации. Вы не думайте; я не хочу оправдываться в ваших глазах; вам нет никакого дела до того, почему я такой, а не иной; но если я хочу ответить на ваш вопрос, то просто из любви к искусству, если можно так выразиться, да еще потому, что хочу подогреть свою ненависть к подобным вам людям на огне моих воспоминаний.

– Но какое мне дело до этого циничного перечисления

всяких чудовищных измышлений?! – воскликнул Шарль.

– Нет, извините! Вы одним словом раздули пепел, присыпавший костер моих чувств, и теперь вы выслушаете меня до конца, я этого хочу! Черт возьми! Не каждый день судьба посылает мне такого слушателя, как вы! Кроме того, сведения о моей особе дадут вам возможность убедиться, насколько бесповоротно мое решение... Впрочем, я буду краток, не беспокойтесь... Я никогда не знал того, что вы называете счастьем, кроме, быть может, самых ранних лет моего детства, когда я был милостивым негрятенком, настолько, насколько им может быть несчастный пария человеческого рода!

– А я, воспитывающий негров на равной ноге с моими собственными детьми, не делаю разницы...

– Хорошее вы дело делаете, нечего сказать! А подумали ли вы, что будет дальше! Могут ли они и впоследствии быть равными с вашими детьми или другими людьми белой расы, даже будь они намного выше этих людей во всех отношениях!.. Отдадите ли вы замуж за негра вашу дочь? Позволят ли вы вашему сыну взять себе в жены негрятянку? Но к чему все эти вопросы!.. Я был, видите, не глуп, способен и понятлив, и мои успехи в школе выдвинули меня, на мое несчастье, на видное место, учителя и наставники стали отмечать меня, на меня обратили особое внимание... Из меня решили сделать «выдающегося» человека, решили дать мне образование, высшее образование! С этой целью меня отправи-

ли во Францию, и я стал пансионером одного из лицеев Парижа, за счет моего родного города. О, кто может описать тоску и муки маленького дикаря, уроженца лесов, из страны жгучего солнца и широкого простора, изнывающего целыми годами в четырех стенах этой университетской тюрьмы, одинокого, отверженного и всем чуждого среди своих белых сверстников, уже и в ту пору несправедливых, и жестоких, и безжалостных к чернокожему мальчику, не имевшему ни единого друга, ни одного близкого ему человека, не выдавшему ни одной ласки, ни дружеского привета, ни пустячного лакомства!! До самого окончания курса я для всех оставался негром низшего класса!.. Вы меня понимаете? Негр!.. Рабочая скотина!.. Этим все сказано. Для чего же меня лишили свободы, оторвали от родины? По какому праву распорядились мной как вещью? Разве я хотел быть ученым, образованным человеком?! Но это еще не все! Надо было увенчать это доброе дело, довести его до конца. Меня заставили изучать юриспруденцию... все ваши законы, часто жестокие и бессмысленные, всю эту прескучную чепуху вашего законодательства, меня, сына старой негритьянки, которой я не мог даже дать куска хлеба на старости лет, не мог облегчить ее горькой доли ни сыновней ласкою, ни заработанным грошом... Затем, получив аттестат об окончании курса и кандидатский диплом, я был безжалостно выкинут на улицу, мне прекратили даже субсидию, которою я пользовался, пока учился, и на которую существовал с грехом пополам.

И это было вполне естественно, в порядке вещей. Разве я не получил высшего образования? Разве не был ученым, образованным человеком? Разве не имел свободной профессии? Наконец, не пора ли было мне уступить место другим несчастным маленьким неграм из начальной школы, которые ждали там, у себя на родине, своей очереди попасть в лицей и затем стать адвокатами без дел и врачами без практики, или инженерами без построек... Итак, мне предоставлялось самому пробиваться в жизнь, как знаю и как умею. Предоставлялось самому доставать себе кусок хлеба. И каждый день, день за днем, надо было добывать откуда-нибудь, каким-нибудь способом этот хлеб... А на что я, в сущности, был пригоден? Что я был такое? Адвокат! Да их в Париже больше, чем ракушек на берегу моря. К тому же еще негр!

Надо было прежде всего переменить кожу? Кой черт решился бы мне доверить свое дело? Черномазому?! И я узнал тогда нужду, страшную нужду европейского пролетария... нищету больших городов...

В Париже негр должен быть миллионером или чистить прохожим сапоги на улице – середины нет! И я поступил половым в кафе. – «Эй, гарсон, кружку пива!.. Эй, живо, рюмку шартреза!..» «Вот извольте-с... сию минуту-с!..» И за это я получал два су на чай!.. Для этого я учился, получил высшее образование...

Я уже не стану говорить об унижениях, насмешках и окриках, которые приходилось выносить бедному Снеговому Ко-

му, как меня остроумно прозвал один веселый посетитель.

Кто сочтет, сколько горечи, обид и желчи скопилось у меня на дне души, капля за каплей, прежде, чем я из этих двух су на чай собрал ту сумму, которой хватило на обратный путь на родину!

Я вернулся беспомощный, не пригодный к ручному труду, без гроша, несчастный, а, главное, чужой на своей родине, чужой и своим братьям-соплеменникам; я не понимал ни их языка, ни их потребностей, ни их вкусов, ни привычек и обычаев. Я был испорчен, развращен вашей цивилизацией. Я был жертвой этой цивилизации, которая ничего мне не дала и все у меня отняла; я до безумия жаждал ее утонченных наслаждений, которых едва успел отведать и которые только видел мельком.

Зачем навязали мне эту проклятую цивилизацию, которой я не просил? Зачем сделали из меня ученого, когда я ничего так ни желал, как оставаться простым рабочим негром?

И вот, побуждаемый этой ненасытной жаждой наслаждений, я сделался золотоискателем и в конце концов напал на богатую залежь.

Я имел глупость войти в компанию с капиталистами... конечно, людьми белой расы. Они лишили меня моего прииска и разбогатели за мой счет. Тогда я собрал вокруг себя несколько человек без предрассудков, людей решительных и энергичных, и расправился с негодяями, когда суд отказал мне в удовлетворении. Главный виновник моего разорения

поплатился и за себя, и за других... Я был вне себя, я себя не помнил!

Прожив, как хищный зверь, целых два года, скитаясь по лесам и болотам, я, наконец, подошел к одной деревне. И здесь меня схватили, изнемогающего от голода, покрытого гнойными ранами, умирающего от злокачественной болотной лихорадки. Я не мог даже сопротивляться... И вот я из больницы попал на скамью подсудимых, а затем злополучный Жак, которого вы видите перед собой, был приговорен к десяти годам каторжных работ добрыми и справедливыми господами судьями, конечно, белыми, которые, по-видимому, оказались даже милостивыми к нему.

Вскоре я бежал с каторги и в конце концов добрался до спорной территории, после целого ряда приключений, которые только усилили мою ненависть к людям вашей расы. Здесь я заболел оспой, которая изуродовала меня, как видите. Но нет худа без добра: эта болезнь сделала меня неузнаваемым до такой степени, что те, кого вы сейчас называли моими друзьями, те беглые каторжники, о которых вы говорите, даже и не подозревают, кто я такой. А теперь я хочу быть богат, хочу обладать золотом, которое может дать решительно все, ведь все на свете продажно, все можно купить! Несколько дней тому назад я уже думал, что достиг своей цели; я был так близок к ней. Я убил человека для того только, чтобы овладеть его золотом... Это был мулат, следовательно, полубелый, и я получил только полуудовлетворение; я потешил

свое чувство ненависти, но не достиг своей цели: золото его исчезло и его нигде не могли разыскать. Но сегодня счастье снова улыбнулось мне: вы попали в мои руки. Теперь вы заплатите мне за других. Как видите, у меня нет выбора; кроме того, я так решил и так хочу! Вот вам мой ультиматум: члены вашей семьи, в настоящее время находящиеся в моих руках, будут возвращены вам при уплате выкупа в миллион франков, который вы можете уплатить мне частями, но все – звонкой монетой. Вы можете уплачивать в счет этой суммы за каждого из членов вашей семьи по двести тысяч франков, при уплате которых вам будет каждый раз возвращен кто-нибудь из моих пленников. Даю вам три месяца срока до первого платежа; по прошествии же этого срока одного из ваших детей убьют...

При этих словах Шарль дико вскрикнул от отчаяния и вцепился в горло негодяю, как разъяренный тигр.

Но Диего успел высвободиться из его железных пальцев и, придерживав в свою очередь обезумевшего от горя и гнева молодого француза, сказал спокойным, насмешливым тоном:

– Осторожнее, милый мой господинчик, осторожнее: такое рукоприкладство не проходит даром; это оплачивается особо. Предупреждаю вас, что новая подобная выходка с вашей стороны будет смертным приговором одному из ваших близких! Надеюсь, вы не столь наивны, чтобы не понимать, что их жизнь гарантирует мою безопасность. А потому поспешите извиниться передо мной и отошлите же этого ин-

дейца, который, кажется, целится в меня из своего сарбана! Между прочим, могу вас успокоить: с вашими ничего неприятного не случится; с ними будут хорошо обходиться... я не намерен вымещать на них свою злобу и ненависть к белой расе; я хочу от вас только денег, а они являются для меня чеками на получение этих денег. И потому, естественно, я буду их беречь и охранять. Я не спрашиваю вас, согласны ли вы на мои условия... Я убежден, что вы все это обдумаете, и ваши размышления приведут к желанным для меня результатам! Итак, ровно через три месяца, день в день и час в час, мои уполномоченные будут ожидать вас здесь, чтобы получить от вас первый взнос. В случае, если бы вы раньше срока собрали нужную сумму звонкой монетой, то костер, зажженный на вершине горы Тартаругал, известит меня о вашем прибытии, и во всякое время – добро пожаловать. Впрочем, еще одно слово: предупреждаю вас, что ваши возлюбленные ангелы находятся в надежном месте, и похитить их у меня не так-то легко. А если бы вы все-таки вздумали попытаться похитить их, то я не задумаюсь ни на минуту отправить их на тот свет. А затем, честь имею кланяться и желаю вам, чтобы Бог богачей был благосклонен к вам! Прощайте, или, вернее, до свидания!

Глава VI

Жалобы Луша и его друзей. – Свобода худшая, чем плен. – Сообщение. – Заговор против Диего. – Планы и замыслы. – У маркитанта. – Ночь репрессий. – Заговорщики. – Хижина вождя. – Громкий храп человека, который больше не проснется. – Подвиг Геркулеса. – Жестокость убийцы. – Свист змеи тригоноцефала. – Страшное видение. – Живой мертвец. – Пойманы в ловушку. – Жертва своего предательства. – Диего обещает расплатиться за все.

– Ну-с, господин Луш, что ты теперь скажешь? Ты наш наибольший и умнейшая голова!

– Да что, любезнейший мой Красняк, скажу, что мне решительно нечего вам сказать!

– Ну а ты, Геркулес, толстяк тяжеловесный, что можешь сказать о нашем настоящем положении? Какое твое мнение?

– Ба! Да я вовсе не для того рожден, чтобы иметь какое-нибудь мнение; вы посмотрите только на меня: разве моя башка устроена так, чтобы размышлять или рассуждать? Я могу только вам сказать, что чертовски скучаю! Вот и все!

– И мы тоже совершеннодохнем здесь от скуки! – разом воскликнули каторжники, возившиеся с починкой парового катера, похищенного при разгроме серингаля на Арагуари.

– Хм! А как нас знатно обокрали! – продолжал Красный с горечью. – С того самого дня, когда мы так лихо распро-

стились с «Форелью» и отклонялись господам надзирателям острога, мы не Бог вещь что выиграли!

Кто бы мог подумать, что так выйдет! – вмешался в разговор Кривой, у которого пот струился со лба, и рубаха дымилась, как бока загнанной клячи. – Мы думали, что, вырвавшись оттуда, прямо попадем в блаженную страну, где будем пить сколько влезет, есть до отвала и затем снова пить до одурения, а потом нежиться на солнце, как кайманы... Ну, а на деле вышло...

– Вышло, что нам приходится работать, как неграм... тогда как сами эти негры ничего не делают, проклятые бездельники!

– Это доказывает, что поговорки не всегда говорят правду, нередко врут! – серьезно и поучительно заметил Луш.

– Как ты легко смотришь на это, старина!

– Ну, а ты смотри иначе, если хочешь или, вернее, если можешь!

– Конечно, я хотел бы посмотреть на это иначе. А вы, ребята?

– Да, да... и с нас этой жизни хватит!

– Неужели только и есть отрады, что работать, как подневольные, с утра и до ночи, да портить себе кровь?!

– И если бы нам хоть платили за это, а то ведь только и награды, что пинки да ругань!

– И выходит, что мы – покорные рабы этих неумытых рож, этих негров, которые заставляют нас работать, как невольни-

ков, а потом еще выторговывают у нас каждый кусок лепешки, каждую горсть куака, каждый лоскут сушеной рыбы...

– И ко всему тому, еще никогда не быть уверенным в завтрашнем дне и не понимать ничего из их тарабарщины, кроме нескольких слов, пойманных на лету!

– Воля ваша, это не жизнь! И черт меня побери, если мы не прогадали, когда вырвались из острога на волю!

– Каторжные там – невольники здесь, не все ли равно? Одно другого стоит!

– Там дальше видно будет! – сказал Луш все так же невозмутимо.

– Да уж и теперь видно. Чего еще смотреть?! Признайся, старина, поступили мы, как дураки, когда спалили усадьбу француза, разорив ее хозяина. К чему это привело? Что мы выиграли? Ровно ничего! Разве не лучше было бы нам сговориться с ним?

– Да, может быть!

– Он ведь, в сущности, вовсе уж не такой несговорчивый!

– Это правда!

– И если бы хоть эти дураки, португальские мулаты, не затащили нас сюда, мы, быть может, еще что-нибудь могли бы сделать! Мы изловили госпожу плантаторшу и ее выводок, и он, вероятно, щедро раскошелится бы, чтобы получить их обратно!

– Да, а теперь все эти денежки достанутся этому громадному негру, их вождю, этому Диего, который выманит у

француза немало червонцев и положит в свой карман.

– Терпение, детки, терпение! – проговорил Луш. – Ведь всего только один месяц, как мы здесь!

– Да, но и этого слишком много!

– Возможно, что и так, не спорю. Но привяжи покрепче свой язычок, да не слишком брани португальцев: это наши единственные друзья здесь!

– Не может быть!

– Что мне лгать?! Я говорю, что знаю, поверь мне! Неужели ты думаешь, что им здесь лучше живется, чем нам, под надзором этого безобразного негра, который одинаково ненавидит и белых, и полубелых? Если ты полагаешь, что они здесь счастливее нас, то ошибаешься!

– О, мы все знаем, что их участь такая же, как и наша. Мы все здесь, как мыши в мышеловке!

– Ну так вот, голубчик, если уж ты потерял терпение, то старый батька Луш утешит тебя доброй вестью: знай, что всему этому скоро конец!

– Скоро? Как скоро?

– Да не позже чем сегодня ночью!

– Правда?!

– Черт возьми! Эта весть ударила мне в голову, как стакан доброй старой тафии.

– Клянусь дьяволом, мне хочется закричать: «Да здравствует что-нибудь!»

– Не кричи, мой свет, – остановил Луш расходившегося

Красного, – и вы, ребята, тоже не кричите, а выслушайте меня: я расскажу вам кое-что в двух словах. У этого Диего здесь не одни друзья, – начал каторжник, понизив голос и делая вид, что не отрывается от своей работы. – Против него озлоблены некоторые из сторонников прежнего «даба», то есть вождя, которого он отправил на тот свет накануне нашего прибытия сюда. Эти люди ненавидят его больше, чем желтую лихорадку, но только боятся его.

– Надо думать, такое чудовище, рожденное от каймана и змеи!

– Молчи и не прерывай меня!

– Так вот, наши мулаты пронюхали об этом и хотят воспользоваться этим обстоятельством, чтобы избавиться от этого чудовища!

– Черт побери, это дело опасное!

– Не столь опасное, как ты думаешь! Кроме того, им удалось склонить на свою сторону Жоао, ближайшего друга и любимчика Диего, пообещав ему, что он займет место Диего, как только того уберут совсем.

– Это еще надо посмотреть!.. Его ближайший друг... Это, мне кажется, несколько подозрительно!

– Напротив; здесь это в обычае. С тех пор, как существует эта деревня, ближайший друг всегда убивает вождя и сменяет его, а того в свою очередь убивает его ближайший друг.

– И ты говоришь, что это должно совершиться сегодня ночью?

– Непременно сегодня! Жоао должен влить своему другу в тафию какое-то зелье, а затем надлежащим манером перерезать ему глотку.

– А мы... что мы можем сделать? Чем мы можем помочь этому делу?

– Мы будем приберегать силы напоследок, чтобы начать действовать в последний момент, в том случае, если бы эти трусы оробели. Но я думаю, дело обойдется и без нас. Мулаты рвут и мечут; они непременно хотят прикончить его, и мы можем положиться на них. Но у них припасено оружие и для нас, и я полагаю, что мы будем участвовать только ради того, чтобы их число было больше.

– Ну хорошо, а затем?

– А затем все будет проще простого; мне известно, что пароход, перевозящий ежемесячно быков из Пары в Кайену, должен проходить здесь на днях. Капитан этого судна, имеющий дела с нашими неграми, должен прибыть сюда с минуты на минуту; его здесь ждут. Ничего не может быть легче, чем схватить его за ворот, связать лапы, задние и передние, и бережно уложить на дно парового катера, а затем вскочить туда самим, – и вперед!

– Вперед? Куда?

– Как куда? Заберем с собой мулатов, которые нам сослужат службу лоцманов, благо они эти места хорошо знают. Когда мы доберемся до парохода, то захватим экипаж и спустим его потихоньку за борт; затем поступим точно так же и

с капитаном, если он не захочет быть нам во всем послушен и идти туда, куда мы захотим. Красный – опытный механик; он справится с машиной, и мы будем полными хозяевами на судне. В наших руках будет настоящий морской пароход, это недурно!

– Да, действительно, это совсем недурно! Молодец старина! Ты не глуп, и башка у тебя не соломой набита!

– О, это еще не все... послушай-ка конец моей сказочки и тогда уже кричи «браво!» Этот Жоао, как-то подпив через меру, проболтался, а мулаты себе на ус намотали: через два месяца ровно искатель каучука, тот самый француз-плантатор, который ухитрился сбежать как-то от нас, должен приехать сюда к пристани на большой реке и привезти с собой деньги для Диего, так сказать, часть выкупа за жену и ребят. Кто нам мешает забрать с собой весь выводок, увезти его к себе на судно и потребовать за него выкуп вместо Диего, а деньги колониста прикарманить.

– Превосходно, старина! Превосходно придумано. А главное, надо будет хорошенько поприжать колониста!

– О, в этом ты можешь положиться на меня! Ну, а теперь молчок до самой ночи!

Сообщение Луша, как оно ни было неожиданно и необычайно, тем не менее не заключало в себе совершенно ничего невероятного.

Так как Диего держал всех в своей деревне под палкой, то мулатам скоро наскучила подобная жизнь, к которой их

принуждал этот чернокожий тиран.

Взбешенные подчинением негру, что для них являлось страшным унижением, они решили свергнуть это позорное иго, прикончив Диего.

Они без труда нашли себе сообщников, правда, немногочисленных пока, но верных. Диего ненавидели очень многие, особенно сторонники его предшественника-мулата. Он держался только страхом, внушаемым им даже ближайшим друзьям и приверженцам. Мулаты правильно рассчитали, что, властвуя над людьми при помощи страха, он не мог рассчитывать на их верность, если кучка решительных и энергичных людей пошатнет его власть. Тогда, утратив страх перед ним, его бывшие рабы и подхалимы первые обратятся против него.

Мулаты с самого начала ловко сумели завладеть симпатиями и доверием населения деревни. Диего, желая упрочить за собой популярность, отступил от своей обычной строгости, не только разрешив, но даже и поощрив устройство в деревне чего-то вроде лавочки с продажей тафии и разных мелких привозных товаров. В этом заведении обычно собирались все бездельники деревни, то есть почти все ее население.

Поводом, побудившим Диего к этой уступке, являлось прежде всего основательное знание характера его соплеменников: «Пока негр пьет и имеет, что пить, он ни о чем другом не думает и не помышляет». До тех пор, пока его желудок

полон, его ум не работает, а это было на руку Диего, мечтавшему без помех устроить свои делишки.

Мулаты догадались сыграть на чувствах туземцев, то есть их нежных чувствах к тафии, и спаивали их систематически, насколько им позволяли средства, и этим заручились расположением этих пьяниц. Свой же план они держали пока в строжайшей тайне и открылись только Лушу и то в самый последний момент, зная, что он и его сообщники являлись их естественными союзниками и что они могли им пригодиться в случае нужды.

Таким образом заговор имел, несомненно, шансы на удачу, тем более, что Диего ничего не подозревал. Вечер прошел, как всегда. У шинкаря, или маркитанта много пили, много пели и плясали. Диего также заглянул на часок к маркитанту в сопровождении своего неразлучного друга Жоао. Как милостивый монарх, он благосклонно окинул взором шумное веселье и разгул своих подданных, затем метнул грозный взгляд в сторону беглых каторжников и величественно удалился.

Маркитант выпроводил своих посетителей без особой церемонии, как только их карманы опустели, то есть в них не осталось ни крупички золотого песка, игравшего здесь роль обменной монеты.

Каторжники удалились в отведенную им хижину, где они помещались все вместе; она находилась по соседству с хижинкой, занимаемой мулатами.

Еще некоторое время слышалось несвязное бормотание блуждавших по деревне пьяниц, изредка – крик какого-нибудь ненасытного пропойцы, не упившегося еще до полного бесчувствия. Затем все затихло и успокоилось, и вся деревня, по-видимому, погрузилась в мирный сон.

Прошло еще около часа. Вдруг беглые каторжники, которые не спали от тревожного возбуждения, скорее почувствовали чем услышали шаги человека, осторожно пробиравшегося босиком. Вскоре на пороге показался мужчина и, издав слабый переливистый свист, – условный знак, – вошел в помещение.

– Это ты, друг? – шепотом спросил вошедшего старый каторжник.

– Я! – ответил бразилец.

– Оружие с тобой?

– Да, все ружья уже заряжены; здесь по ружью на каждого из вас!

– Хорошо... давай!.. Эй вы, ребята, пора! Присоединяйтесь к остальным, а главное, ни звука, чтобы все тихо! Слышите? А ты уверен, что негодяй Диего спит? Ты знаешь, с ним шутки плохи... он способен уложить всех нас до последней, в случае чего!..

– Жоао подал мне знак, уходя от него, что все обстоит благополучно. Дело сделано. Диего выпил сонное питье... Я только что оттуда и слышал, как он храпит, словно наевшийся боров. Кроме того, я видел и условный знак, оставленный

Жоао, – колос маиса, положенный поперек дороги у входа у карбет!

– Если так, то ладно... Ступай вперед, мы за тобой!

Четверо каторжников молча вооружились, захватили с собой тесаки и босые вышли вслед за мулатом. За хижиной их ждали остальные мулаты, к которым они и присоединились, а затем все вместе крадучись тронулись к жилищу Диего.

До сих пор все шло как нельзя лучше. Но вот нечто непредвиденное расстроило весь этот план, столь простой и прекрасно обдуманной. Жоао, который должен был стоять на страже в нескольких шагах от карбета, где свирепый вождь спал мертвым сном, предвестником вечного сна смерти, на посту не оказалось.

– Проклятые негры, – ворчал Луш, – на них никогда и ни в чем нельзя положиться! Значит, затея не удалась, и самое умное – вернуться восвояси!

– Но, – возразил Геркулес, – раз уж мы начали, то по мне было бы лучше довести дело до конца. Эта скотина храпит, как тюлень, даже отсюда слышно. Можно и без негра обойтись. Я берусь прирезать Диего, как свинью перед праздником.

– Ну, как знаешь, – проговорил Луш, по обыкновению колеблясь между своей обычной трусостью и желанием избавиться от страшного негра. – Кроме того, нас здесь девять человек, хорошо вооруженных; «мясницкое» дело нам тоже знакомо! Почему бы нам, в самом деле, и не справиться од-

ним, без этого негра?!

Заговорщики, торопясь покончить с начатым делом, смело вошли в карбет, не более роскошный, чем всякий другой, у любого из туземцев.

Это был простой навес из листьев на тонких, но прочных столбах, соединенных между собою, вместо стен, бамбуковым плетнем. Три широких открытых отверстия заменяли собою окна и двери: Диего не боялся ни сквозняков, ни мош-кары, ни скорпионов и вампиров.

Вся обстановка жилища состояла из нескольких табуретов, двух сундуков или ларей и гамака, подвешенного между двумя столбами. Ни часовых, ни ночной стражи Диего не терпел: у него был сон, чуткий, как у ягуара; видел он впотьмах также не хуже ягуара, да и силой Бог не обделил его, – словом, он всегда мог сам постоять за себя в случае надобности.

Геркулес, идущий впереди, передает свое ружье соседу, чтобы освободить руки, и, подойдя вплотную к гамаку, заносит свой тяжелый тесак. Его успевшие привыкнуть к темноте глаза ясно различают сероватый силуэт гамака, слегка отвисшего посредине, под тяжестью спящего в нем человека.

Уже не соблюдая никакой осторожности, Геркулес, левой рукой придержав одновременно ткань гамака и лежащего в нем человека, быстрым движением проводит своим тесаком по неподвижной туше. Спящий издает глухой храп и делает конвульсивное движение. Геркулес придавливает его еще

крепче, наносит второй удар тесаком, затем – третий и, наконец, охмелев от запаха горячей, свежей крови, льющейся ручьями, принимается с бешенством рубить и колоть давно уже ставшее неподвижным тело.

– Вот тебе, негодяй, за удары хлыста, которыми ты нас потчуеть! Получи, мерзавец! Я хотел бы, чтобы у тебя было сто жизней, чтобы отнять у тебя отдельно каждую из них! Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! На, получи! – и каторжники, и мулаты, торжествуя столь легкую победу, ликуя, что им удалось порвать цепь, тяготевшую над ними, шумно столпились вокруг Геркулеса, неистовствовавшего над своей жертвой.

Вдруг все смолкли и точно застыли на своих местах: позади них раздался быстрый металлический свист, похожий на скрип пилы по металлу. Этот неопределенный звук был всем им хорошо знаком и леденил их души ужасом. Это был свист озлившейся змеи тригоноцефала. Обезумев от страха, они кинулись было к окнам, но в недоумении остановились при виде света, льющегося из соседних жилищ. Перед каждым окном выстроился небольшой отряд негров, вооруженных ружьями. Они кидаются к выходу. Но им навстречу снова раздается зловеший свист тригоноцефала, вслед за ним громкий злорадный хохот. В тот же момент в карбет летит брошенный снаружи зажженный прорезиненный факел и падает как раз к ногам столпившихся мулатов и каторжников, осветив их, как молнией. Одновременно с этим в дверях появляется колоссальная фигура и отталкивающее лицо Диего

со скрещенными на груди руками и торжествующим видом. Он стоит в дверях, как грозное привидение, как страшный призрак.

– Диего!.. Диего!.. Это Диего! – стон отчаяния вырывается из уст присутствующих.

– Он самый! – подтверждает насмешливо негр.

– Но тот... тот, что лежит там... Кто же он? – невольно спрашивает совершенно растерявшийся Геркулес.

У таких людей, как эти преступники, даже в тот момент, когда они попались в западню, реакция происходит удивительно быстро. Не сказав ни слова, даже не посоветовавшись, все они, точно по взаимному соглашению, заранее обдуманному, скидывают ружья и прицеливаются в негра, продолжающего хохотать.

Но прежде чем они успевают спустить курки, Диего, молниеносно вытянув вперед руку, вооруженную револьвером, делает три выстрела один за другим. Трое из мулатов падают убитые наповал. Остальные, ослепленные вспышками пороха, пятятся назад и с минуту колеблются. Пять-шесть ружейных дул высовываются из каждого окна, угрожая маленькой кучке убийц, захваченных врасплох и растерявшихся.

– Долой оружие, негодяи! – крикнул Диего, держа их под огнем своего револьвера. – Пусть хоть один из вас тронется или произнесет слово, – и я уложу его на месте, как собаку!

– Ну что ж, – соглашается Луш, который всегда является

сторонником кратких мер, – раз он не расстреливает нас тут же, лучше всего ему повиноваться. Надо спасти свою шкуру!.. Ладно, ладно, вождь, мы сдаемся! – и, не колеблясь ни минуты, он бросает свое ружье.

– Ну а вы там, остальные, поторапливайтесь! – резко понукает Диего. – А теперь выходите поодиночке, один за другим, и смотрите, чтобы не было никаких предательских штук, не то я вас живыми изжарю!

Пристыженные, подавленные, осоловелые от страха и удивления, заговорщики машинально повинуются страшному негру и медленно выходят из ловушки, не будучи в состоянии сообразить, каким образом они могли попасться в эту западню.

Сторонники вождя тотчас же хватают их, крепко связывают по рукам и по ногам с поразительным проворством и ловкостью, затем, покончив с этим делом, остаются в ожидании дальнейших распоряжений.

Диего, по-видимому, чрезвычайно весел и доволен. Его безобразное лицо выражает ужасающую веселость, от которой буквально содрогаются несчастные.

Гордой, спокойной поступью он подходит к Геркулесу, отвратительно перепачканному кровью, и насмешливо обращается к нему:

– Так это ты сделал эту работу? Это твоих рук дело, верзила? Хм! Черт возьми, ты на руку не ленив... Настоящая мясницкая работа, что и говорить!.. А вот ты сейчас желал

знать, кого же так хорошо обработал – я сейчас прикажу удовлетворить твое законное любопытство!

С этими словами он сделал знак двоим из своих людей. Обрубив веревки, на которых был подвешен гамак, они притащили его вместе с трупом и опустили на землю подле великана. Диего выхватил из рук рядом стоявшего негра факел и, развернув гамак, осветил искаженное конвульсией мертвое лицо Жоао.

– Жоао!.. Это Жоао! – воскликнули хором каторжники, страшно изумленные.

– Да, это глупец Жоао! – подтвердил насмешливо Диего. – Жоао, вливший в мою чашу какое-то сонное питье, которое должно было усыпить меня и предать меня беззащитным в руки вот этого мясника. Но Диего всегда настороже, он никогда не зевает; он все видит и все замечает, хотя молчит. Диего видел его проделку и, воспользовавшись минутой, когда его друг Жоао отвернулся, подменил его чашу своей. Тот, ничего не подозревая, выпил то, что предназначалось мне. Он заснул, а я снес его в свой гамак, уверенный, что эта милая шутка имела целью не только доставить мне приятный крепкий сон, но и нечто другое. Не такой уж я наивный, чтобы попасть в ловушку, так не хитро подстроенную. И надо было напасть на другого, а не на меня; надо было знать, что я обучен никому не доверять и всех, и всего остерегаться... Но довольно болтовни! Теперь вы знаете, в чем дело. Довольны вы? Ну и прекрасно, теперь спокойной ночи! Вы устроитесь

здесь пока, все вместе, и живые, и мертвые, а главное, не придумывайте никаких штук, предупреждаю вас. Вас здесь будут сторожить лучше, чем на адмиральском судне «Форель», а завтра мы с вами увидимся. Итак, спокойной ночи, голубчики! После трагедии будет комедия. Надо же нам немножечко позабавиться. Здесь, в этой проклятой стране, удовольствия редки, черт возьми... Ну, завтра потанцуем и попляшем, а я заплачу музыкантам.

Глава VII

Диего никому не доверяет, и благо ему. – Приготовления к пытке. – Батоги. – Геркулес в должности палача. – Стойкость мулатов и малодушие белых. – Добавочная раздача. – Палач становятся жертвой. – Каким образом Диего предполагает отвязать пациента, не дотрагиваясь до его уз. – Этот способ состоит просто-напросто в том, чтоб отделить части тела. – Неумолимая жестокость. – Цинизм. – Искалеченный соучастниками. – Диего едва успевает спастись. – Мулат чуть было не становится мстителем. – Повешен за одну руку. – Живой и умирающий. – Посланец. – Тайна.

Диего прекрасно делал, что никому решительно не доверял, не исключая даже своего лучшего друга Жоао, а напротив, остерегаясь его более других.

Тайна заговора, вопреки всему, была свято сохранена до самого последнего момента. Измены не было ни с какой стороны. Тому, что остался жив, Диего всецело обязан только самому себе, своей удивительной чуткости и проницательности цивилизованного дикаря. Хитрый негр уже давно ввел целую систему надзора, распространявшегося на всех без исключения, а главным образом на его близких, невзирая ни на какие их уверения и доказательства преданности и верности. И эта система, как видим, вполне оправдала себя.

Нетрудно представить, какие размышления томили остав-

шихся в живых заговорщиков в то время, когда, лежа впере­мешку с мертвецами в карбете, они ожидали рассвета и решения своей участи. Уверенные в беспощадности и звер­стве врага, знакомые с его невероятной изобретательностью в пытках, зная, что они имеют дело с человеком, лишенным, подобно им самим, всяких предрассудков, они не без осно­вания опасались самых страшных репрессий.

Вскоре они должны узнать, что их ожидает. Уже более по­лучаса как рассвело. По всей деревне шел глухой гул, и все население ее было в необычайном возбуждении. Те из обита­телей деревни, которые не принимали участия в ночном за­держании заговорщиков, теперь уже успели узнать о неудав­шейся попытке и ее развязке. Все они комментировали, каж­дый по-своему, и самый факт, и вероятные последствия его, и предавались шумной радости, притворной или искренней.

Во всяком случае все были в восторге от предстоящего эпилога этой драмы и, зная нрав своего вождя, заранее были уверены в том, что зрелище будет потрясающее.

Вскоре арестованных, бледных, как мертвецы, с дрожа­щими коленями и вытянутыми лицами, привели на площадь и выстроили под большим манговым деревом.

Диего уже ждал их, стоя посреди группы суетливых ту­земцев, достаточно накачавшихся тафией, щедро поднесен­ной им вождем, который, вероятно, нашел, что для данного случая следовало несколько подогреть энтузиазм своих спо­движников.

Никакого допроса, суда или следствия, конечно, нет; приговор уже заранее произнесен, остается только решить, какова будет казнь.

Несчастных хватают, раздевают донага, раскладывают на земле животом вниз и крепко привязывают за руки и за ноги к четырем кольям, заранее вбитым в землю.

Только одного Геркулеса не распинают на земле; напротив, у него развязали и руки, и ноги, и он как будто на свободе, хотя и окружен со всех сторон сплошным кольцом вооруженных туземцев.

Диего снова подает знак, и один из негров приносит связку прутьев длиною в полтора метра и толщиной в палец, гибких, как хлыст, и крепких, как плетъ из кожи носорога. Принесший прутья положил их перед Геркулесом, недоумевающим и удивленным.

– Ну, милейший, так как ты вчера ночью добровольно избрал себе роль палача, то продолжай играть ее и сегодня. Постарайся влечь внушительное нравоучение этим славным ребятам, которых ты видишь перед собой распятыми, как лягушки! – обратился к нему Диего. – По десяти добрых ударов на каждого будет пока достаточно для возбуждения кровообращения. Главное, не щади их, бей, что называется, на совесть, изо всей силы! Если попробуешь схитрить хоть сколько-нибудь, тем хуже будет и для тебя, и для них, помни это!

Несчастный, едва сознавая, что делает, машинально берет в руки прутья и принимается лупить со всего размаху по

спине ближайшего к нему человека.

Это оказывается Луш.

При первом ударе багрово-синий рубец выступает поперек спины старика, который начинает выть изо всех сил.

– Недурно! – похваливает Диего. – Недурно. У тебя есть и приемы, и выучка, молодец. Продолжай, приятель!

Удары сыплются один за другим на тощее старческое тело негодяя, который уже не в состоянии издавать ничего, кроме хриплых невнятных звуков.

После десятого удара вся спина его исполосована кровавыми бороздами, кровь частыми мелкими каплями, словно роса, выступает из-под рубцов; кожа местами висит клочьями.

– Хорошо, – продолжает беспощадный мучитель, – теперь следующего!

Следующий – Красный, который при виде товарища, подошедшего к нему с палкой наотмашь, страшно вскрикивает и тем вызывает громкий смех присутствующих.

– Что поделаешь, бедняжка, – обращается к нему Геркулес, весь бледный от волнения, с каплями пота, струящегося по лицу. – Таков приказ!.. Если хочешь, я могу убить тебя разом; тогда ты не будешь так мучаться.

– Стой, не смей глупить! – воскликнул Диего, услышав слова Геркулеса. – Берегись, если ты осмелишься убить его. Он мне нужен, слышишь? Здесь у нас, в этой дурацкой стране, не больно много механиков, черт возьми!.. Проучи его

как следует, чтобы отбить у него охоту снова приниматься за подобные шутки, как нынче ночью, но пусть он останется жив, не то смотри!!!

– Полно, мужайся, Красняк! – шепчет надорванным, жалостливым голосом Луш. – Если можно будет отделаться только одной хорошей поркой, так это еще не так плохо, а то можно было бы и шкуру, и кости оставить здесь!

Впрочем, после минутной слабости, Красный выносит довольно стойко свое наказание.

Что же касается Кривого, то трудно передать то бабье малодушие, какое он проявил. Его крики, слезы и унижительные плаксивые мольбы возмущают мулатов, которые не могут удержаться, чтобы не выказать ему своего презрения.

Совершенно иначе держат себя эти люди. Несмотря на страшные удары, сыпавшиеся на них, никто из них не издал ни одного стога, ни одной жалобы, ни малейшего звука. Сам Диего был поражен таким мужеством и самообладанием.

Покончив с ними, Геркулес думает, что он теперь сделал свое дело; теперь его мучит только неизвестность относительно ожидающего его самого наказания. Он утирает рукавом рубашки пот с лица и неуклюже переминается с ноги на ногу, опершись на свое орудие пытки.

– Прекрасно! – одобряет Диего. – Ты превосходно знаешь свое дело, и право, одно удовольствие смотреть на твою работу! Ведь ты не устал еще, не правда ли? Ну так начинай снова!

Услыхав это приказание, каторжники, обезумев от страха, принялись выть что есть мочи и отчаянно просить пощады. Их жалобные мольбы, видимо, приводили в восторг жестокого негра.

– Ну, довольно! – крикнул он наконец резко и гневно, когда несчастные истожили весь свой запас просьб и жалких слов. – Раз вы так ревете и от всей души молитесь мне, я раздобруюсь и прикажу всыпать каждому из вас по пятнадцати ударов вместо десяти. Эй ты, скотина, ты мне их хорошенько раздай, этих мокрых куриц; пусть запомнят надолго этот урок!

Волей-неволей, бедный Геркулес должен снова приняться за свою постыдную работу, под которой надламывается даже его здоровая натура.

Луш, Кривой и Красный в полном беспомоществе перестали выть и стонать. Можно было бы подумать, что и мулаты также потеряли сознание, если бы их страшно исполосованные спины не вздрагивали спазматически при каждом ударе, а дыхание не вырывалось с хриплым свистом из конвульсивно сжатых губ.

– Довольно! – сказал, наконец, Диего, который не мог удержаться, чтобы не прошептать сквозь зубы, глядя на мулатов: «Да, это мужчины!»

Он делает знак, и те же, кто привязывал несчастных к кольям, так же проворно отвязывают их, обмывают кровь, струящуюся из их ран, и приводят их в чувство, вливая им

в рот изрядное количество крепкой тафии.

– Уф! Наконец-то кончено! – вздыхает дрожащим голосом Луш, приходя в себя. – Но, увы, мне кажется, меня изодрали в клочья, и я чувствую, как будто собаки рвут меня на части!

– Ну что, старик, хватит с тебя? Станешь ты пробовать еще раз убрать меня из числа живущих? Нет? Не правда ли, это обходится дороже, чем ты думал? Но чем строже было наказание, тем оно будет тебе полезнее! – Затем, обернувшись к Геркулесу, добавил: – Ну, а теперь за тобой очередь! Ты проделал вчера эту шутку, значит, по справедливости должен быть строже других и наказан!

– Что же вы хотите сделать со мной? – воскликнул прерывающимся голосом несчастный, которого ожидание предстоящей пытки сделало слабее и беспомощнее ребенка.

– Сейчас увидишь! Ложись на землю по доброй воле; дай себя привязать за руки и за ноги, как и твоих друзей, а главное, не пробуй сопротивляться, иначе, при первой попытке с твоей стороны, я всажу тебе пулю в лоб.

Но эта громадная туша лишена какой-либо силы сопротивления; в этом бычьем организме нет ни капли энергии, ни малейшей силы воли. Близость физических страданий до такой степени подавляет его, что без всякого возражения он грузно валится на землю с отяжелевшим телом, бессмысленным взглядом и лицом, искаженным безумным ужасом.

– Он даже не почувствует ударов батогов! – прошептал

про себя Диего и задумался.

Между тем Геркулес после нескольких минут мучительного ожидания вдруг чувствует, что к нему вернулась способность говорить, и начинает молить негра о пощаде.

– Ну, уж так и быть, – отзывается, наконец, бесчеловечный мучитель, – я избавлю тебя от батогов!

– Благодарю тебя, вождь, – продолжает несчастный плаксивым голосом обиженного ребенка, – прости меня совсем... не наказывай меня, – и у тебя не будет более верного слуги, чем я... Пощади меня, молю тебя, пощади! Прикажи меня отвязать!

– Хорошо, согласен... Пусть твои друзья освободят тебя от твоих уз! Эй, старик, если ты можешь еще держаться на ногах, возьми тесак и освободи своего друга!

Луч, недоумевая при виде неожиданного великодушия, по меньшей мере странного в таком человеке, как этот негр, тем не менее берет из рук одного из негров тесак и принимается перерезать им веревки, связывавшие руки Геркулеса.

– Что ты там делаешь? – спрашивает его Диего.

– Отвязываю руку этого парня!

– Да разве я так велел тебе это сделать?

– Как же иначе?!

– Как ты плохо соображаешь, старик! Я хочу, чтобы эти прекрасные веревки остались целы!

– Но в таком случае... пришлось бы...

– Что?

– Отрубить... отсечь... саму руку!

– Ну, так что же? Отсеки или отрежь для начала одну руку, иного средства освободить веревки я не вижу?..

– Да это невозможно, вождь! Вы, конечно, изволите шутить... искалечить так товарища!..

– Даю тебе время сказать «сейчас»! А если ты еще будешь колебаться, то я прикажу тебя смазать медом и посадить на солнце, на закуску мухам и мошкаре!

– Так значит, все-таки надо!.. Но у меня духа не хватает... рука не подымается!

– Ну же, негодяй, поторапливайся! Ведь не за такие же безделицы уголовный суд сослал тебя на Кайену!

Тогда Луш, совершенно истощенный только что вынесенной пыткой, ухватил покрепче свой тесак и приблизился к своему товарищу, принявшемуся реветь, как резаная свинья.

– Бедняга, – пробормотал, запинаясь и глотая слезы, дрожащим голосом старик. – Что поделаешь? Надо покориться!.. Все равно, не я, так другой это сделает... Там у нас на каторге тоже никто не винил палача... Таков приговор, сам понимаешь! Если откажусь я, другой сделает то же, а я лишусь своей шкуры!

– Ну, что же! Я жду! – грозно крикнул Диего.

Луш с трудом наклонился, схватил руку Геркулеса и принялся пилить ее своим тесаком, который был недостаточно острый и плохо резал.

Рев и вой несчастного были так ужасны, так душеразди-

раючи, что многие из зрителей не в состоянии были вынести этого зрелища.

Но Диего, веселый и довольный, с разгоревшимися глазами и вздернутой вверх губой, словно тигр, почуявший запах крови, окинул толпу свирепым взглядом, заставившим сразу замолкнуть в сердцах зрителей всякое чувство сострадания к несчастному.

Наконец, Луш отделил в локте отрубленную руку товарища.

– Прекрасно! – одобрил Диего, – сработано на совесть, старина! Теперь за тобой очередь, Красняк! Возьми тесак и ампутируй ему какую-нибудь ногу!

– Рад стараться, господин! – отзывается негодяй. – Я не стану кочевряжиться... всяк за себя... такова наша жизнь... Раз... и два!.. Готово... Прикажете еще? – добавил он, отсекши одну ногу с удивительной ловкостью и проворством.

– Нет, довольно! Теперь очередь за Кривым. Я хочу, чтобы все вы приложили руку к этому делу... Эй, да этот детина потерял сознание... ну да впрочем у нас нет времени приводить его в чувство!..

– По крайней мере, отбиваться не будет, – говорит Кривой, желая щегольнуть перед негром таким же цинизмом, как и его товарищ. – Бедняга, когда я работал на бойне, то мне не раз приходилось иметь дело с быками, не столь здоровыми, как ты... но вот и готово!.. Вот что значит мы! Теперь чья очередь? – спрашивает он, отдавая тесак, обогрен-

ный кровью от конца до рукоятки.

– Твоя! – повелительно говорит Диего одному из мулатов.

С минуту этот человек смотрит на страшно искалеченное тело Геркулеса, не скрывая своего ужаса и отвращения при виде отрубленных конечностей, из которых длинными струйками течет кровь, красная и пенистая, затем, собрав все свои силы, вдруг бросается на Диего с занесенным наотмашь тесаком, громко крича:

– Негодяй, ты не будешь больше рубить людей! Изверг!

Порыв этот настолько неожидан, движение так быстро и решительно и так неудержимо, что Диего, захваченный врасплох, не успевает даже защититься. Тяжелое лезвие тесака с силой, удвоенной отчаянием и бешенством, готово врезаться в шею жестокого мучителя, который сознает, что на этот раз он погиб. Он машинально заносит для защиты правую руку, чтобы заслонить ею лицо, но это удается ему лишь отчасти. Тесак глубоко врезается в его руку и рассекает плечо до самой кости. Мулат смело заносит свое оружие во второй раз, но гигант-негр, не издав ни малейшего звука, не призвав никого себе на помощь, с проворством и ловкостью хищного зверя увертывается и, обхватив смельчака обеими руками поперек туловища, сдавливает его с такой адской силой, что разом переламывает ему хребет.

– Молодец, голубчик! – сказал Диего, холодно и презрительно отбросив мулата, как щенка, на несколько сажен от себя.

Этот поразительный прием вызвал невольный восхищенный вой у присутствующих, до сих пор хранивших растерянное молчание.

– Да, ревите теперь! – со злобной насмешкой пробормотал Диего. – А если бы ему удалось убить меня, то вы разорвали бы меня на части! Знаю я вас!

Затем, как будто ничего не случилось, как будто кровь не лилась ручьем по его черной спине, он обернулся к последнему мулату и насмешливо сказал:

– Твой приятель неловок! Ну, а ты что думаешь сделать?

– Постараюсь быть ловчее его, если смогу! – смело и гордо ответил бразилец, не сморгнув глазом.

– Значит, если прикажу прикончить эту скотину, которая издыхает, корчась на земле, то ты попробуешь, как и он, убить меня?!

– Да!

– Ну, так знай же, что ты сам изрек сейчас свой смертный приговор! Я приговорил вас, после батогов, к сравнительно легкому наказанию – казнить частями самого виновного из вас и сделать это только для того, чтобы урок пошел вам впрок. Остальных я милую, убежденный, что они впредь будут благоразумны. Что же касается этого Геркулеса, то оставшаяся рука послужит нам для того, чтобы за нее повесить его на этом манговом дереве! Надо, чтобы он умер не слишком скоро!.. Пусть повисит!..

Вслед за этим Диего отдает шепотом приказание двоим из

своих людей, которые тотчас же бегом направляются к одной из хижин и вскоре возвращаются оттуда, неся две длинные и крепких веревки и корзину, полную глины. Они хватают Геркулеса, все еще лежащего в глубоком обмороке, смазывают толстым слоем мокрой глины кровавые обрубки, обматывают их холщовыми тряпками, чтобы остановить кровотечение, и крепко привязывают эти примитивные лубки.

Мулат спокойно наблюдает за всеми этими приготовлениями, производившимися умышленно медленно, чтобы продлить его пытку и томление неизвестностью. Это железный человек, которого ничто не может смутить.

Негры хватают его так же грубо, вяжут веревками и привязывают к телу Геркулеса. Затем один из них надевает петлю на единственную оставшуюся руку изуродованного торса, тогда как другой негр, взобравшись на манговое дерево с проворством обезьяны, перекидывает другой конец веревки, который он держал в зубах, через крепкий громадный сук дерева, так что конец ее падает на землю.

По знаку вождя кучка негров, очевидно, заранее предупрежденных о своей роли, общими силами хватается за спускающийся с дерева конец веревки и тянет за него изо всех сил, повиснув на нем всей своей тяжестью, как живая гроздь.

– Эй вы, вздергивай! – скомандовал Диего.

И оба тела, тело умирающего и живого, туго связанные одно с другим, начинают медленно подниматься вверх, тяжело крутясь в воздухе и вися на единственной обескровленной

руке несчастного, скрюченной мертвой судорогой, как когти хищной птицы.

Трое каторжников, затаив дыхание и обезумев от ледящего душу ужаса, совершенно пришибленные и подавленные, тупо и бессмысленно смотрят на это страшное зрелище, мысленно рассуждая:

– Как мало нужно было для того, чтобы и нас постигла та же участь!

– Ну, ребята, – насмешливо, в виде наставления, говорит неумолимый негр, которому теперь никто не осмелится противиться, – надеюсь, что вы будете впредь благоразумны! Праздник наш кончен... Теперь идите к себе и сидите смиренно, перевяжите ваши раны и ждите моих приказаний. Вы – свободны!

И все трое поплелись, шатаясь и спотыкаясь, как пьяные, к своему карбету, провожаемые насмешками и издевательствами негров, чрезвычайно довольных тем, что видят белых людей такими униженными и растерянными, такими поруганными и измученными.

Диего, рана которого все еще сочилась кровью, гордо и спокойно направился к хижине одной старой негрятки, искусной во врачевании ран. Но вот прибегает рослый полунагой негр с бамбуковой тростью в руках и слабым голосом, едва переводя дух, говорит ему:

– Господин, Эставао прислал меня сказать, что завтра «Симон Боливар» будет где тебе известно!

Выслушав эти слова запыхавшегося гонца, обливающегося потом, невозмутимый вождь, вопреки своему обычному хладнокровию и спокойствию, выказал сильное и заметное волнение.

Он тащит едва держащегося на ногах и падающего от изнеможения гонца в свою хижину и жестом дает знать толпившимся вокруг нее людям, что желает остаться один с прибывшим негром.

Зная по опыту, что нужно считаться с волей этого грозного вождя, негры медленно, как бы нехотя, расходятся и тотчас же идут нализываться тафией, шумно обсуждая кровавые события этого утра.

Вскоре на площади не остается никого, кроме тел двух повешенных, над которыми кружатся коршуны, слетевшиеся на пир.

Глава VIII

Трудности снабжения провиантом французской Гвианы. – Недостаток скота. – Быки из Пары. – «Симон Боливар». – Труппа лирических артистов. – Ужасное плавание. – Повальное пьянство на судне. – В канале Морака. – Янгада. – Рулевой. – Капитан с недоверием смотрит на трезвость вновь прибывшего. – Сели на мель. – Бешенство. – Рука Диего. – Капитан, который уже не хозяин больше на своем судне. – Захваченное судно. – Проекты негра. – Гибралтар Амазонки. – Соучастие. – Диего и Шарль Робен.

За более чем двести лет французская колония в Гвиане все еще не разрешила вопроса о своем продовольствии. Как ни странно, но и по сие время эта колония вынуждена прибегать для снабжения продовольствием к помощи не только соседних с нею стран, но и главным образом к помощи своей метрополии.

Ежемесячно Франция поставляет туда муку и консервы всякого рода, мясные, рыбные, зелень и всякие овощи, огромное количество картофеля, лука, бобов, целые транспорты сушеной трески, сахара, кофе и шоколада.

Напрасно вы стали бы возражать, что зелень, овощи и сахарный тростник произрастают здесь почти без обработки почвы, что и кофе, и какао ждут только рук для сбора, что реки Гвианы, быть может, самые рыбные реки всего ми-

ра, а скот, особенно быки и свиньи, могли бы размножаться здесь до бесконечности на этих богатейших пастбищах заливных саванн, которые не надо даже засеивать. Несмотря на все это, французская колония не производит решительно ничего, кроме маниока, из которого изготавливается куак и кассава, то есть экваториальный черный хлеб и туземные макароны, составляющие, в соединении с сушеной треской, основное питание местного населения. Что же касается свежего мяса, предназначенного для нужд служебного персонала и административных лиц, для богатых негоциантов, то приходится, не имея возможности вывозить из Франции живой скот, приобретать его в Паре у соседей.

Стоило бы только развести скот на превосходных саваннах французской Гвианы, свое мясо, свежее и превосходное, за каких-нибудь пятьдесят сантимов за килограмм было бы здесь в изобилии. Но местная администрация почему-то предпочитает, вопреки всяким экономическим соображениям, выписывать скот из Бразилии. Таким образом продовольственные подрядчики, отправляющиеся в бразильскую провинцию для закупки скота, по смешной цене, двадцать – двадцать пять сантимов за килограмм, продают это самое мясо за два – два с четвертью франка за килограмм в Гвиане.

Упомянем еще, что дичь, которая с каждым годом становится все более легендарным лакомством, и рыба, которую здесь ловят некоторые отбывшие срок наказания аннамиты, достигают здесь прямо невероятных цен в тех редких случа-

ях, когда появляются на базаре.

Несколько небольших судов отправляются в Пару за быками и несут каботажную службу по берегу, приставая в Кашипур, Кунани, Мапа и других местах, где они грузят изделия мелкой частной промышленности.

Но так как, вследствие ветров, течений и приливов, регулярность рейсов этих судов очень часто нарушается, что может пагубно отозваться на обеспечении колонии продовольствием, то администрация вошла в соглашение с некоторыми negociантами, которые обязались совершать на пароходах регулярные рейсы.

Это лучшее, что администрация могла придумать в ожидании того времени, вероятно, весьма отдаленного, когда французские саванны, по меньшей мере столь же прекрасные, как и саванны Пары, будут эксплуатироваться французскими скотопромышленниками.

В то недавнее время, когда происходило рассказываемое нами, и разыгрывалась описываемая драма на спорной территории, колонию обслуживал в смысле снабжения провиантом, а главное мясом, небольшой пароход вместимостью 300 тонн. Специально построенный для береговой и речной навигации, он имел небольшое водоизмещение, а самый корпус его с обшивкой из легкой брони и машиной, приспособленной для топки дровами, вышли из мастерских одного из средиземноморских судостроительных заводов. Он имел оснастку трехмачтового голета и 10 человек экипажа, кото-

рых за глаза хватало для того, чтобы обслуживать машину и управляться с парусами.

Хозяин этого пароходика назвал его именем героя южноамериканской независимости Симона Боливара.

Матросы и боцман, кочегары и машинисты – все были чернокожие, что, однако, вовсе не означает, что эти люди представляют собою хорошую и надежную рабочую силу. Напротив, эти негры очень часто во время плавания, и на стоянках в особенности, упиваются тафией до самозабвения, пляшут, как настоящие негры, как укушенные тропическим тарантулом, в то время когда надо грузить товары или забирать топливо, состоящее главным образом из стволов корнепусков.

Капитан этого судна – мулат Параэнзо, человек лет сорока. Бывший рулевой и лоцман, бывший контрабандист, сохранивший свои прежние связи и сношения с жителями спорной территории, это был посредственный моряк и человек, лишенный предрассудков.

В одно прекрасное утро «Симон Боливар» вышел из города Пары со своим обычным грузом, около восьмидесяти голов быков.

Кроме того, пароход, служащий в обычное время только для перевозки мирных жвачных животных, на этот раз имел еще человек шесть пассажиров опереточной труппы. Это были французы, совершавшие турне по Южной Америке: они были в Рио-де-Жанейро, в Виктории, в Порто-Сегуро, в Ба-

хии, в Пернамбуко и Паре, а теперь собирались вернуться во Францию, проехав через Кайену, Суринам, Демерару и французские Антильские острова.

По-видимому, судьба не баловала этих бедняг, заброшенных судьбой на «Симон Боливар». Все шестеро, трое мужчин и три женщины, скупились в единственном помещении, торжественно называемом салоном, на самом же деле – зловонной конуре, теснота которой могла соперничать разве только с ее неопрятностью. Жестоко качаемые на коротких резких волнах океана, мучимые ужасами морской болезни, ютясь на своих же сундуках и чемоданах или на соломенных грязных морских креслах, задыхались от вонючих потоков, протекающих к ним с палубы. Не будучи в состоянии подняться наверх, по лестнице, сплошь загаженной нечистотами, превратившими судно в клоаку, злополучные артисты с томительным нетерпением ожидали первой пристани.

К счастью для них, на судне был еще пассажир, более привычный к этой ужасной обстановке, устроившийся где-то на корме у штурвала. Он время от времени спускался к ним, принося им то плодов, то немного тафии, разведенной водой, то кусок кассавы, и вообще всячески старался облегчить их положение, столь же скучное, сколь и тяжелое.

Лишь матросы превосходно чувствуют себя, топчась в грязи и навозе сплошь загаженного нечистотами судна, с беззаботным равнодушием черной расы ко всему, что касается чистоты, опрятности и порядка. Дуют себе тафию, сколь-

ко могут, делают спустя рукава свое дело, исполняя команду капитана лишь после нескольких повторных приказаний и с видимой неохотой и ленью. Затем растягиваются тут же, где попало, среди грязи и навоза, а, проснувшись, снова тянут тафию, поют и ухитряются еще плясать, выделявая свои диковинные прыжки, к немалому восхищению зрителей, их же товарищей.

Капитан также добросовестно напивается; из всего экипажа в надлежащем виде остается только один рулевой да механик.

Тем не менее «Симон Боливар» идет себе, ни шатко ни валко, вперед, не теряя из виду берегов, окаймленных мутными и низкорослыми корнепусками.

С наступлением ночи команда бросает якоря где попало: осторожность, необходимая при таком береговом плавании, где абсолютно невозможно плыть впотьмах. Берега низки и плоски и так часто изменяются, благодаря сильным приливам, что от одного плавания до другого лоцман бывает не в состоянии узнать данное место: то приливом унесло мыс или косу, бывшие раньше на этом месте, то свалило деревья и вехи, обозначавшие путь; или наносной почвой закупорен канал или передвинута илистая мель.

Оттого суда, совершающие здесь береговые рейсы, весьма часто садятся на мель, что, впрочем, не представляет особой опасности, так как мели недостаточно плотны, и сняться с них не стоит большого труда.

«Симон Боливар», обогнув мыс, называемый старыми географами Северным Мысом, вошел в канал Марака, отделяющий материк от острова того же имени. Здесь он бросил якоря перед наступлением ночи, как раз против болот, тянувшихся от линии корнепусков, растущих вдоль берега, и до большого озера Короссоль, или да-Як, очертания которого нанесены только пунктиром на превосходной карте Гвианы, составленной господином Маже.

Хотя на пароходе не было вахтенного матроса, во время этих ночных стоянок, все-таки один негр, менее пьяный, чем остальные, и менее сонный, заметил на берегу три огня, расположенных правильным треугольником.

Очевидно, под влиянием необычайного усердия к службе, он решился предупредить капитана, который свернувшись в своем гамаке, подвешенном у рулевого колеса, чередовал бесчисленные сигареты с не менее бесчисленными приемами спиртного напитка.

Эти три зажженных огня, вероятно, означали что-то условное, так как пьяница-капитан испустил трехэтажное ругательство, вылез из своего гамака и, спотыкаясь, сделал несколько шагов по направлению к борту.

Остановясь и покачиваясь на ногах, он навел на эти костры свою подзорную трубу.

– Пусть этот проклятый напиток превратится в яд, если нет опять чего-нибудь в этом треклятом канале!.. Да, да... хорошо... три огня означают, что я должен ждать лоцмана...

Пусть меня чума заберет, если мой приятель Диего не драгоценный человек, который всегда решительно обо всем подумает... И он умеет заставить своих людей смотреть в оба, чтобы избавить своего приятеля Амброзио от неприятных случайностей... Значит, все благополучно! Можно пойти и продолжить свою дружескую беседу с этой не допитой еще бутылочкой!

Действительно, капитан Амброзио не ошибся ни относительно значения огней, ни относительно их происхождения. Едва только солнце показалось на горизонте, еще окутанное густыми туманами, тяжело нависшими над болотом, как появился в отдалении маленький туземный плот янгада, построенный из чрезвычайно легких стволов, сплетенных крепкими лианами, и снабженный прямоугольным парусом. Управлялся он, вместо руля, досками, называемыми гуарами, вертикально воткнутыми между бревнами плота. Вода действует на них или путем сопротивления или же течением. Человек, управлявший янгадой, был вооружен двухлопастным веслом. Кроме него, на плоту находилось двое негров.

Капитан сам окликнул их, когда плот подошел на полкабельтова.

– Эгой, с яганды!

– Эгой, с судна! – отозвались оттуда.

– Эй, да это ты, Эставао... Приставай, друг мой... приставай, потихонечку.

– Я сам, капитан Амброзио, здоровья желаю!

– И тебе также, друг любезный! Какой ветер занес тебя сюда?

– Меня прислал дон Диего для...

– Ну, хорошо, хорошо... у меня есть пассажиры на судне.

– Хм, неужели?!

– Да... лови причал и живо наверх!

– Есть, капитан! – отозвался негр.

Янгада тотчас же повернулась, круто описав пол-оборота; капитан кинул людям, оставшимся на ней, непочатую бутылку тафии, которая была поймана на лету одним из них, и увлек за собой на корму вновь прибывшего.

– Ну, что, Эставао? Что нового?

– Меня мучает жажда, капитан Амброзио, – ослабившись, отвечал негр.

– Да, знаю, но это вовсе не ново... На, пей и отвечай скорее!

– А то, – начал негр, проглотив добрую чашку крепкого напитка, – что наш проклятый канал снова занесло илом!

– Дьявол! И это все, что ты имеешь мне сказать?

– Остальное вам скажет сеньор Диего сам.

– Значит, я увижу его?

– Может быть! Я ничего больше не знаю. Он меня прислал к вам только для того, чтобы я провел ваше судно.

– Но скажи, пожалуйста, сын мой, ты мне за все ручаешься? Знаешь, не глупи, у меня ценный груз и пассажиры на

судне... французы... приличные...

– Я постараюсь, как могу, капитан Амброзио!

– Я в этом не сомневаюсь, приятель! Кроме того, ты знаешь, что тебе хорошо заплатят за услугу и щедро напоят.

– Знаю, что потрудиться для вас одно удовольствие!.. Но мы здесь болтаем, а время идет; прилив растет! Разрешите мне приказать сняться с якоря. Надо смотреть во все глаза!

– Даже не промыв глаз лишним стаканчиком тафии?!

– Благодарю, капитан, но на этот раз я откажусь; лучше, если позволите, после, когда мы пройдем устье.

– Кой черт, – подумал про себя сеньор Амброзио, – надо полагать, положение должно быть серьезное, если этот парень отказывается от налитой чашки тафии. Но он хорошо знает свое дело; я в нем уверен... Пойду-ка выпить пока...

Положение должно было быть довольно серьезное, если лоцман, скомандовав через рупор в машину «ход вперед!» взялся сам за штурвал и повел «Симона Боливара».

В течение двух часов пароход, идя под малыми парами, очень счастливо и благополучно лавировал между мелями и банками, загромаждавшими узкий канал. Вдруг на судне почувствовали едва заметный толчок, затем слабое сотрясение, и оно внезапно остановилось.

– Тысяча чертей! – заревел капитан, пробудившийся от толчка. – Мы сели на мель!

Действительно, пароход врезался носом в густую илистую мель и лег на ней, подобно кайману, греющемуся на солнце.

– Ход назад! Полный пар! – кричит громовым голосом пьянчуга, разом протрезвев при виде опасности, грозящей его судну.

Винт бешено работает, но напрасно; пароход стоит неподвижно, как железная глыба.

– Сели на мель во время прилива! Придется ждать большого вала, чтобы сняться. Ждать, до каких пор? Негодяй, – кричит он на лоцмана, – ты врезался в мель, которую и слепой не мог бы не заметить, и ты еще называешься лоцманом! Да последний юнга, десятилетний мальчишка, сделал бы не хуже!

Капитан начинает все более и более тревожиться за свое судно и опасаться последствий этого неприятного случая, так как отлично сознает, что ждать придется очень долго, а запасы воды и корма для скота уже почти вышли. Он рассчитывал возобновить их, по обыкновению, в Мапе, а эта задержка могла повлечь за собой в самом непродолжительном времени потерю всего его груза.

Ввиду этого, вместо терпеливого и безучастного ожидания, когда сильный вал снимет его с мели, как это обычно делают чернокожие в подобных случаях, он решился немедленно предпринять что-нибудь, чтобы сняться, не теряя времени.

Приказав спустить шлюпку, он отправился с четырьмя гребцами исследовать характер этой мели, но осмотр привел его в полное отчаяние.

– Знаешь ли ты, негодяй, – обрушился он на лоцмана, – что если бы ты захотел умышленно посадить меня на мель, то не мог бы сделать этого лучше? Весь канал свободен по крайней мере на два кабельтова, и ты это знал, так как сам только что прошел по нему, чтобы дойти до моей последней стоянки, а ты посадил пароход на мель, которую должен был видеть за целые полмили! При этом ты не был пьян!.. Я, право, не знаю, что мне мешает отправить тебя квакать в эту зеленую тюрьму!

– Не сердитесь, капитан... Сейчас прибудет дон Диего, он поможет вам сняться.

– Диего! – воскликнул капитан с нескрываемым недоверием. – Что ты мне рассказываешь? Как, разве он не у себя в деревне, на озере или в Мапе? Как он может знать, что мы сели на мель?

– Я не знаю! – растерянно пробормотал негр и вдруг весь задрожал как будто от страха. Неожиданное появление парусного судна, шедшего на всех парусах и быстро обогнувшего мель, делало дальнейшее разъяснение излишним.

Капитан сразу узнал одно из судов флотилии вождя Озерной деревни.

– При других обстоятельствах и во всякое другое время, – подумал он, – я благословил бы судьбу за его появление, но сегодня, не знаю почему, вид моего приятеля не предвещает мне ничего доброго... Меня окружает какая-то тайна, и я поневоле спрашиваю себя, чем все это кончится!

Между тем парусник, обогнув мель, проходит в открытое место, затем заворачивает и мчится прямо на корму парохода, с искусством, которое вызвало бы невольные аплодисменты у любого опытного моряка. Между двумя судами не осталось и полутора метров расстояния.

Но в данный момент у капитана на уме совсем другое, чем восхищение ловкостью маневров.

Едва только суда стали борт к борту, как с парусного судна, точно туча саранчи, налетело человек двадцать полунагих негров, вооруженных с головы до ног. В одно мгновение они рассыпались по палубе с величайшей бесцеремонностью и кольцом окружили недоумевающего капитана.

– Здравствуйтесь, приятель! – раздался позади его насмешливый голос.

– Здравствуйтесь, Диего! – ответил мрачно сеньор Амброзио. – Кой черт, чего вы от меня хотите?

– Да только помочь вам, любезнейший; ведь вы, вижу, в затруднительном положении!

– Да, по вине вот этого скота, лоцмана, которого вы мне прислали и которого я, к сожалению, не приказал выбросить за борт!

– Это было бы очень печально; бедняга Эставао, посадив вас на мель по моему приказанию, обеспечил ваше благополучие!

– По вашему приказанию!.. Мое судно в опасности, по вашему приказанию! Мой груз должен погибнуть... Мои су-

довладельцы должны разориться!.. Продовольствие Кайены должно пострадать! И все это по вашему приказанию... Воля ваша, ваши шутки зловещи, приятель!

– А вы, приятель, смотрите на все слишком трагически... Пойдите, поговорим толком. Вы служите на жаловании у судовладельцев, которые дают вам конуру, продовольствие и произвольное количество тафии вдобавок к до смешного ничтожному жалованию, совершенно не соответствующему вашим заслугам и знаниям. Только такие маленькие добавочные доходы, как контрабанда, да содействие побегам невольников и острожников позволяют вам, при известном риске, сводить концы с концами. Примите же мой совет – бросьте эту службу и поступите на службу ко мне!

– Хм, вы советуете поступить на службу к вам? Так ли я слышал?

– Ну, да! Что же тут удивительного! Я дам вам командование хорошим судном, поручу вам хорошие экспедиции, вы будете вести контрабанду на широкую ногу, с легким оттенком пиратства, и приобретете то широкое довольство, тот излишек, который я предоставлю всем, кто захочет мне служить верой и правдой!

– Вы говорите, что дадите мне командование хорошим судном? – повторил капитан в недоумении. – Каким судном?

– Да вот этим самым, «Симоном Боливаром», у которого мы переименуем только название и внешность. Право, я не понимаю, приятель, как вам не претит проводить жизнь в этом

зловонном, плавучем хлеву и тратить ваши способности знающего и опытного моряка на такое мерзкое дело!!

– Простите, не понимаю, чем вы мне предлагаете командовать, когда я и так здесь командир... Кроме того, судно это не принадлежит вам!

– Напротив, оно принадлежит мне!

– С каких это пор?

– С того момента, как я здесь на судне! Послушайте, приятель, я буду с вами откровенен, в двух словах разъясню все... и вы сами поймете.

– Ну, а если нет?

– А если нет, то вас сейчас же выкинут за борт, в эту черно-зеленую гущу, и поминай, как звали!

– Говорите, я слушаю!..

– Вы знаете или не знаете, да, впрочем, это все равно, что я имею намерение и решил основать здесь, на этой вольной земле, общество людей, которые могли бы по своей численности, своей сплоченности и организации, охранять в целостности и неприкосновенности свои интересы и свою независимость.

– Так почему уж не сказать сразу: хочу основать здесь республику!

– Да, республику, если хотите! Но для этого мне нужно набрать сторонников, вернее, сподвижников! В рядовых гражданах у меня, конечно, не будет недостатка: все стоящие вне закона, которыми кишит эта область, стекутся ко мне без ма-

лейшего зова. Но мне нужны для моей цели средства объединить их, организовать их в обособленное государство. Для этого мне необходимы три вещи: время, деньги и хорошее судно. Для начала пока и одного будет достаточно! Время... Через два месяца я сумею собрать несколько тысяч войска. Денег... Я нашел безошибочно верное средство выколачивать деньги. И как только приток денег начнется, мои люди тотчас же будут вооружены и снабжены всеми необходимыми припасами. Судно... У меня есть ваше: так как, вы, быть может, стали бы колебаться отдать ли его мне или нет, я счел за лучшее, не говоря вам ни слова, завладеть им. Вы, если пожелаете, будете командовать моими морскими силами и будете набирать людей до тех пор...

– Пока не буду повешен, как пират, на рее какого-нибудь из французских или бразильских крейсеров!

– Но, глупый человек, разве я не сказал вам, что через два месяца могу собрать вокруг себя пять или шесть тысяч человек, которые не побоятся ни Бога, ни черта! Я знаю в области озер такое громадное водное пространство, на котором свободно могла бы маневрировать целая эскадра. Лаго Ново, укрепленный мною, может стать Гибралтаром Амазонки; все военные силы Бразилии не в состоянии будут выгнать нас оттуда; наконец, если мы будем сильны, то наше существование будет официально признано или по крайней мере терпимо, чего с нас для начала достаточно!

– Черт возьми, приятель, вы мне столько наговорили!..

– Наконец-то, я с удовольствием вижу, что вы хотите быть благоразумным!

– Ничего больше не остается!

– Нет, нет, я вовсе не этого хочу; я не желаю никакого принуждения, понимаете? Я спрашиваю, принимаете ли вы охотно, с радостью мое предложение и обещаете ли служить, как говорится, верой и правдой, с полным усердием и преданностью?

– Ударим по рукам, приятель! Решено!

– Хорошо, ловлю вас на слове, но знайте, что я буду за вами следить! А теперь, для начала, надо снять судно с мели, это прежде всего. Оно сегодня же к ночи должно быть отведено в сохранное место. Я не моряк, но знаю, что для этого достаточно разгрузить судно или, по крайней мере, облегчить его. Прикажете выкинуть за борт быков, а кайенцы пускай на этот раз подтянут свои животы. Через полчаса это будет сделано, и пароход всплывет. А теперь проводите меня в свою каюту и будьте любезны вручить мне ваше оружие, если у вас оно имеется, и все судовые документы.

В продолжение этого довольно длинного разговора, одинокий пассажир, не принадлежащий к составу трупы, встревоженный остановкой парохода и смущенный появлением парусного судна, незаметно поднялся по лестнице, ведущей из салона, или кают-кампании, наверх, и слышал, оставаясь невидимым в люке, весь разговор между Диего и капитаном.

Уловив из разговора все, что для него было важно, он спокойно спустился в салон и сообщил своим товарищам по несчастью о случившемся, причем в заключение сказал:

– Господа, надо вам вооружиться терпением и мужеством: положение, хотя и тяжелое, и опасное, но все же, быть может, не отчаянное. Кроме того, бандит, во власти которого мы все теперь находимся, имеет надобность во мне... Надо только нам быть полностью солидарными, а затем будем мужественны и терпеливы!

В этот момент Диего, в сопровождении капитана, появился в раскрытых наполовину дверях общей каюты.

Жест невольного удивления вырвался у него при виде незнакомца, стоявшего впереди группы пассажиров, и безобразное лицо его даже побледнело, то есть на нем выступили сероватые пятна.

– А-а, господин Робен! – проговорил он изменившимся голосом, – я не ожидал увидеть вас здесь!

Глава IX

Ради выкупа. – По пути в Пару. – Один. – На борту «Симона Боливара». – Два врага лицом к лицу. – Новые пленники. – Душераздирающее прощание. – Из канала Марака в Кайену. – Снятие парохода с мели. – Убежище. – Плавание между водяными зарослями. – Искусство лоцмана Эстевао. – Бассейн Озерной. – Превосходная сеть внутренних путей сообщения. – Еще мечта Диего. – Разговоры, подслушанные непрошенным ухом. – Судно не пройдет. – Снятие мачт. – На озере да Як. – Возвращение в деревню.

Вот благодаря какому стечению обстоятельств, в сущности весьма простому, Шарль Робен очутился так кстати лицом к лицу со своим врагом.

Как мы помним, молодой человек был вынужден принять без возражений грубый и жестокий ультиматум Диего в момент его первого свидания с ним в карбете, на берегу Тартаругал-Гранде.

Соппротивление тогда было немислимо, и Шарль счел себя вынужденным согласиться на условия или, вернее, требования бандита.

В настоящий момент нельзя было терять времени, имея в виду трудности и длительность пути, а также огромную величину требуемой для выкупа суммы.

В сопровождении верного индейца Табира и эльзас-

ца Винкельмана, единственных, по-видимому, уцелевших и оставшихся в живых после разгрома серингаля друзей, Шарль Робен поспешил спуститься к впадению Апурема. Счастливый случай свел его на реке с одним из богатейших скотопромышленников этого края, с которым он изредка поддерживал дружеские соседские отношения.

Этот богатый скотовод плыл вверх по реке на своем голете до пристани, расположенной против фазенды. Узнав о катастрофе, принесшей столько несчастий молодому серингуэро, он великодушно предоставил в его распоряжение все имевшиеся у него свободные деньги, несколько тысяч франков, а также и свой голет со всем его экипажем.

Шарль принял все это с горячей признательностью, поблагодарил в немногих сердечных словах этого великодушного и прекрасного человека и тотчас же простился с ним. Молодой плантатор спустился по Апуреме до ее слияния с Арагуари, где расстался с Табириою, снабдив верного и смышленного индейца подробными секретными наставлениями.

С ним остался только эльзасец. Голет поднялся вверх по реке до поста Педро II, откуда ведет самая отвратительная из всех дорог к крепости Макапа, весьма гиперболически прозванной бразильцами «Севастополем Амазонки». Отослав обратно великодушному владельцу его маленькое судно, Шарль спустился пешком по ужасной дороге, ведущей в Макапа и тянущейся на протяжении приблизительно ста десяти километров, которые он прошел в два дня.

Здесь он поселился вместе со своим спутником в единственной гостинице города, выжидая прихода одного из пароходов, которые довольно часто ходят вверх и вниз по Амазонке.

Ожидание это продолжалось целых восемь дней; наконец, им удалось попасть в число пассажиров на один из пароходов «Бразильской Компании», совершающих регулярные рейсы между Рио-де-Жанейро и Манаосом.

Спустя два дня они пришли в Пару. Хотя он был известен с самой лучшей стороны в этом важном коммерческом центре, Шарль Робен не мог получить кредита, равного сумме требуемой Диего для первого взноса.

Впрочем, он и не баюкал себя этой надеждой. Один из его корреспондентов, француз, недавно переселившийся в Гвиану, великодушно отдал ему все, что мог, тысяч 20 франков, но Шарль оставил из этой суммы только то, что ему было необходимо, чтобы добраться до Кайены или, вернее, до Сент-Лоран-дю-Марони, ближайшего от колонии его отца и братьев цивилизованного местечка.

Остальную сумму он доверил Винкельману, которого также снабдил подробными инструкциями, приказав ему пользоваться этой суммой, как он найдет лучшим в их интересах.

Эльзасец, тронутый до слез этим доказательством дружбы и доверия, горячо благодарил Шарля и обещал или победить или погибнуть, и это не было пустым хвастовством с

его стороны.

Затем Шарль, дороживший каждой минутой оставленного в его распоряжении времени, тотчас же занялся своим переездом из Пары в Кайену. К несчастью, сообщение между главными пунктами французской колонии и бразильским берегом чрезвычайно редкое, и, потеряв надежду, он собирался уже зафрахтовать лично для себя какой-нибудь голет, когда вдруг узнал о приходе «Симона Боливара», продовольственного судна Кайены. Он без особого труда договорился с капитаном и сел на пароход вместе с компанией злополучных артистов, которых злая судьба также привела к сеньору Амброзио.

Все, что было дальше, уже известно читателю, вплоть до того момента, когда Диего появился на пороге зловонной каюты, предоставленной в распоряжение пассажиров.

– Я не ожидал встретить вас здесь, господин Шарль Робен! – сказал невероятно изумленный негодяй при виде молодого плантатора.

– И я вас также! – холодно отозвался Шарль. – У нас не было уговора, когда вы так недостойно обложили меня невероятным выкупом, что вы на первых же шагах встанете мне поперек дороги к выполнению и без того непомерно трудной задачи, возложенной на меня вами!

– Поверьте, я не менее вас сожалею об этой задержке, могущей повредить моим интересам; но не бойтесь, я все это поспешу исправить. Мое парусное судно сейчас же доставит

вас в Кайену без малейшего промедления. С таким экипажем, как этот, нет оснований для каких-либо опасений; все это – отъявленные негодяи, но лично мной выдрессированные. Они будут беречь вас, как зеницу ока, так как вы представляете для меня весьма почтенную сумму, и этого достаточно.

– Я готов отправиться сию же минуту, – сказал Шарль. – Что касается вот этих лиц, очутившихся здесь по совершенно не зависящим от них обстоятельствам, то надеюсь, что вы разрешите и им вместе со мной пересечь на ваше парусное судно, которое должно доставить нас в Кайену!

– Это частные пассажиры? Не правда ли?

– Да.

– Едущие в Кайену?

– Да.

– К сожалению, я не могу исполнить вашей просьбы. Эти люди не имеют надобности молчать, а я вовсе не желаю, чтобы сюда явился один из стационаров Кайены и произвел высадку своей команды. А потом я их задержу у себя; мои планы могут пострадать от их нескромности.

– Так как мне уже известно, что вам совершенно незнакомо понятие гуманность, то я не стану пытаться пробудить в вас какое-либо чувство сострадания к этим людям, но думаю, что вы все-таки слишком разумны, чтобы совершать совершенно бесполезные преступления!

– Иногда я убивал ради удовольствия или развлечения! –

с отвратительной хвастливостью заметил Диего.

Шарль презрительно пожал плечами и продолжал:

– Рано или поздно власти проведуют о ваших подвигах, и тогда расплата будет ужасна!

– Тогда мы посмотрим и что-нибудь придумаем! – заметил негр.

– А пока позвольте мне предложить вам вот что: эти три несчастных женщины, которых вы видите в таком ужасном состоянии, непременно должны будут погибнуть от анемии и болотных лихорадок, если вы удержите их у себя в Озерной деревне. Позвольте им уехать вместе со мной в Кайену и оставьте у себя, в качестве заложников, их мужей! Раз вы уже изобрели систему заложников, то жизнь их мужей будет вам залогом за их полное молчание, а когда я выкуплю своих близких, вы сумеете без малейшего риска отпустить и их.

– Эта комбинация мне кажется допустимой! – небрежно уронил негр после минутного размышления. – Как ни приятен мне вид страданий людей, принадлежащих к вашей проклятой белой расе, я все-таки соглашаюсь на эту комбинацию, но, конечно, не из гуманности, как вы разумно изволили заметить, а из того же личного интереса! Ну, а теперь прощайте! Я и так слишком долго разговаривал с вами! Я предпочитаю беседу наедине с кайманами беседе с белыми людьми! – с этими словами Диего повернулся на каблуках и вышел.

Едва только за ним затворилась дверь, как зловонная ко-

нура, именуемая салоном парохода «Симон Боливар», превратилась в сцену для трогательнейшей картины прощания трех актрис с их мужьями. Эти славные женщины ни за что не хотели оставаться на свободе, когда их мужья будут томиться в плену.

Но мужчины горячо благодарят Шарля, крепко жмут ему руку и радуются этой развязке, которой они никак не могли ожидать.

Отчаянные крики оглашают каюту; молодые женщины хотят лучше умереть в этих болотах, чем расстаться со своими возлюбленными супругами, но мужья уговаривают их, просят, умоляют, и Шарль, посторонний свидетель этой умилительной сцены, не может удержаться от слез при виде столь трогательной любви и привязанности.

Вскоре появление Диего кладет конец всем этим душевным излияниям. Приотворив дверь, он обращается к Шарлю со словами:

– Голет мой стоит под парусами; он сейчас отправляется, спешите! И женщины тоже!

– Нет! Нет! – кричат в отчаянии несчастные артистки, заливаясь слезами.

– Эй вы, ребята!.. Тащи их! – грубо обращается Диего к неграм, стоящим за его спиной. – Нечего церемониться!

– Стой! – крикнул на это один из трех артистов, молодой человек лет двадцати пяти, с правильными чертами умного, живого лица.

– Иди, дитя мое, – обратился он к жене, – иди, повинуйся... я этого хочу!.. Прошу тебя, дорогая, иди за ними!

И тихонько, как расплакавшегося ребенка, он взял жену на руки, поднял на палубу и так же на руках отнес ее на голет.

Несмотря на возражения и душераздирающие мольбы двух остальных женщин, их мужья последовали примеру своего товарища и отнесли на судно своих бедных подруг в полубморочном состоянии.

Перед тем как расстаться молодой артист, пожимая руку Шарля, сказал ему со всем жаром молодого и любящего сердца:

– Услуга, которую вы нам оказали, не оплачивается простою признательностью! Располагайте нами, мы все готовы вам служить чем только можем!

Шарль в ответ на это в нескольких словах сообщил ему о постигших его несчастьях и добавил:

– Вы увидите там мою жену и моих детей, поручаю их вам! – и, вырвав клочок из своей записной книжки, он быстро набросал карандашом несколько слов и передал записку своему новому другу со словами: «Это ей!»

Затем еще одно дружеское рукопожатие, еще один поцелуй и объятия с женами, и, поторапливаемые матросами, трое артистов быстро взбежали на пароход, в то время как маленькое парусное судно стало медленно отходить, наполняя ветром свои паруса.

Снятие с мели «Симона Боливара» произошло без малей-

шего затруднения, благодаря простейшему средству, предложенному Диего и беспрекословно принятому капитаном Амброзио, который, по-видимому, спокойно примирился со своим несчастьем, учитывая и то, что его новый хозяин пустил в ход самые убедительные аргументы, которым трудно было противоречить.

Несчастных быков кидали за борт, и они грузно падали в самую гущу ила, которая тотчас же поглощала их, к великому удовольствию людей экипажа, остававшихся зрителями, а также и самих экзекуторов, на которых было возложено потопление быков.

Довольные тем, что они губят жизнь хотя бы бедной скотины, эти негры ликовали по случаю злой шутки, которую они этим устраивали кайенцам. Возбужденные еще, кроме того, изрядным количеством тафии, с видимым наслаждением исполняли свою возмутительную обязанность, находя какое-то зверское, дикое удовольствие.

Вскоре облегченное судно стало мало-помалу повиноваться действию винта и, наконец, высвободив окончательно свой нос из отвратительной тины, в которой оно увязло, всплыло над желтоватыми водами канала.

Диего следил за всей этой процедурой с невозмутимым бесстрашием и видимым равнодушием. Временами, однако, лицо его хмурилось, а лоб бороздили глубокие морщины. На его вопрос, как глубоко сидит его судно в воде, капитан ответил:

– Всего один метр двадцать пять сантиметров, без груза, с одним балластом!

– Хорошо; в таком случае мы пройдем!

– Что же нам теперь делать, кум?

– Увести пароход в сохранный место, куда никто не догадается прийти его искать, а именно, в воды озера да-Як!

– Что вы говорите, кум? Это – невозможно!

– Полноте! Вы, кажется, немножечко бразилец, не правда ли, кум, и потому верите, что существует нечто невозможное, а я, как ни мало во мне французского, все же твердо помню их старую поговорку: «Невозможного не существует для француза!»

– Ваша поговорка очень красива и звучит гордо в теории, но на практике это не всегда бывает!

– А вот увидите!

– Да что тут видеть; несомненно, что вы посадите нас на мель, но основательнее, чем в этот раз!

– Пусть так! Но будьте любезны поручить Эставао вести судно!

– Эй, Эставао, слышишь? Берись за руль и проведи нас без приключений в залив!

Эставао молча подходит к рулевому колесу, смело приказывает людям проделать некоторые маневры, которые вызывают у капитана ужас и недоумение, и затем безбоязненно направляет судно на громадный лист водяных зарослей, кажущихся непроходимой чашей болотных муку-муку.

– Воля ваша, кум, этот негр не в своем уме! – невольно восклицает Амброзио. – Ведь мы погибнем!

– Успокойтесь, Эставао садится на мель не иначе, как только заведомо... Смотрите сами!

Действительно, судно, двигавшееся совсем медленно, врезается прямо в самую чашу высоких водорослей, мягких и гибких, которые послушно расступаются на обе стороны под его форштевнем. Огромные, прямые, негнущиеся и блестящие, как подносы, темно-зеленые листья сами собою ломаются под напором судна; сотни цапель и других водяных птиц вылетают из своих неприступных убежищ и с жалобными криками кружатся над громадным чудовищем, извергающим дым и белые облака пара.

– Знаешь ли, где мы теперь находимся? – спрашивает Диего после четверти часа этого странного плавания парохода по дремучему лесу муку-муку.

– Право, ваш Эставао маневрирует, как никто в мире! Я готов отдать свой язык на закуску кайманам, если найдется другой такой лоцман!

– Ведь я же вам говорил! Так вы, вероятно, и не подозреваете, что мы находимся теперь у самого устья пролива, соединяющего канал Марака с озером да-Як... то есть моим озером! Превосходная водная площадь, имеющая в длину свыше сорока километров, а в ширину – около тридцати. Этот чудный бассейн изобилует черепахами и пираруку, и в

нем я не боюсь всех флотилий Франции и Бразилии!

– Это что-то невероятное! И неужели никто не подозревает существования такого громадного водного пространства?

– Подозревать-то подозревают, но не знают. Но это еще не все! И вы будете не так еще удивлены, когда я скажу, что это чудесное озеро не представляет собою закрытого со всех сторон бассейна, где меня легко можно было бы запереть, в случае, если бы какими-нибудь судьбами узнали о его существовании. Нет, считая вас отныне моим компаньоном и верным союзником, я не хочу скрывать что-либо, касающееся навигации. Потому скажу, что озеро да-Як, на котором свободно могли бы маневрировать две – три эскадры и на котором будет маневрировать моя эскадра, обеспечивает меня продовольствием на веки вечные – так неимоверно велико его рыбное богатство. Оно может своими бесконечными мысами корнепусков, растущих по берегам, снабжать в течение очень многих лет, весь мой флот, как бы велик он ни был, превосходнейшим топливом. Это озеро соединено широкими и глубокими проливами со всем этим рядом озер, тянувшихся вдоль берега. Я, если мне вздумается, могу беспрепятственно пройти из озера да-Як в озеро Ветра; из озера Ветра в озеро Флориана; из озера Флориана в озеро Гарсев; из озера Гарсев в озеро Пиратуба и выйти у Северного Мыса в Атлантический океан, через пролив Сикурию, замаскированный таким же дремучим лесом муку-муку, как и этот пролив.

– Вы меня поражаете, кум!

– И это еще не все! Если хотите, мы можем еще проследовать вдоль берега с юга на север и продолжать это внутреннее плавание. Таким образом мы из озера Пиратуба, вместо того чтобы выходить в океан, можем пройти в озеро Руку, которое также сообщается с океаном несколькими проливами, одинаково хорошо скрытыми от нескромных глаз. Устья их густо заросли муку-муку и другими водяными гигантами и представляют собою скорее прерию, покрытую высокими травами, чем водное пространство, доступное для судов. Из этого озера мы можем проникнуть в великолепный Лаго-Ново, усеянный цветущими островками, где можно основать земледельческие колонии для снабжения продовольствием всей страны. А так как Лаго-Ново, в свою очередь, сообщается с Арагуари, то вы сами видите, любезный кум, что это мое маленькое владение имеет известные достоинства в стратегическом отношении. Я могу, при желании, свободно разгуливать со своим флотом на пространстве в 10000 квадратных километров, благодаря этой сети водных сообщений, единственной в целом мире. Понимаете ли, я могу объявить себя здесь хозяином всей этой страны, изученной и исследованной мною до мельчайших подробностей и известной только мне одному. Кто посмеет явиться сюда и изгнать меня из этих владений, особенно когда у меня будет несколько пароходов и большое, хорошо вооруженное войско, и хотя бы несколько военных шлюпок вдобавок к небольшой флоти-

лии легких пирог с военными командами?! Лоцманы на всем побережье – мои люди, и в случае предательства или измены что может быть легче, чем преградить вход в каналы деревьями? В скором времени у меня будут деньги, правда, не особенно большие, но все же их хватит, чтобы вооружить «Симона Боливара» и иметь возможность обложить хорошей пошлиной пароходы «Бразильской Компании». Совсем скоро у меня будут люди, так как Франция высылает на свою территорию двадцать тысяч рецидивистов-преступников, что доставит мне превосходнейшую коллекцию негодяев и злодеев, которым терять нечего и которые для любого партизанского вождя являются настоящей находкой. Словом, на нашей стороне будет сила, и очень отважен должен быть тот, кто осмелится пойти против нас! И тогда, как знать, нельзя ли будет, ловко и искусно воспользовавшись взаимным недоброжелательством, существующим между двумя соседями – Францией и Бразилией, добиться официального признания меня главой самостоятельного маленького государства, хотя бы даже под протекторатом той или другой из этих двух стран.

– Bravo, кум! – с восхищением воскликнул Амброзио. – Грандиозно и ловко задумано! Теперь я вижу, с кем имею дело. Это недюжинная затея. Если до сих пор у меня могла оставаться по отношению к вам какая-нибудь задняя мысль, то отныне знайте, что у вас не будет более верного и усердного помощника, чем я!

Во время этого довольно продолжительного разговора, происходившего на португальском языке, трое артистов, облокотясь на борта парохода, машинально и безучастно наблюдали, как под кормою послушно ломались громадные жесткие листья муку-муку. Капитан и Диего расположились всего в нескольких шагах от них и, по-видимому, не замечали их присутствия, нимало не подозревая, что один из этих трех артистов понял все, от слова до слова. В тот момент, когда негр равнодушно внимал уверениям своего вновь приобретенного союзника, самый колодой из трех французов очень спокойно закинул обе свои руки на шею своих товарищей, как бы шутя, приблизил их головы к своему лицу так, что уши их почти касались его губ, и едва слышно шепнул:

– Главное, друзья, смотрите не проговоритесь, что я уже три года живу в Бразилии и говорю по-португальски почти так же, как по-французски!

Вдруг судно остановилось, повинувшись повелительному голосу Эставао, крикнувшему в рупор в машину «стоп!»

– Ну, что там еще такое? – спросил Диего.

– Никогда нельзя всего предвидеть, – улыбаясь заметил капитан. – Вы мне не сказали, что пролив окаймлен с обеих сторон высокими деревьями, а я сам этого до сих пор не заметил, настолько был поглощен вашими речами.

– А какое значение могут иметь эти деревья, желал бы я знать? – нахмурившись, осведомился Диего.

– Огромное, как видите, кум, так как они мешают нам ид-

ти!

– Каким это образом?

– Взгляните сами! Их громадные поперечные сучья задевают за мачты и винты и задерживают пароход, не дают ему пройти!

– Что же нам делать в таком случае?

– Убрать все мачты и реи!

– Кой черт!

– Не беспокойтесь! Это, конечно, работа не малая и не легкая, но нас здесь так много, что мы с этим справимся. Это будет просто вопрос времени. Когда «Симон Боливар» будет чист, как понтон, то пройдет, где угодно, и так же легко, как любая пирога... при условии, конечно, что дно пролива останется одинаковой глубины на всем протяжении!

– Что касается этого, то я могу смело утверждать, что посредине пролив на всем своем протяжении имеет не менее двух метров глубины!

– Если так, то за все остальное я ручаюсь!

Как и предвидел капитан, снятие и уборка мачт и рей, вантов и парусов прошли вполне благополучно, потребовав, однако, целого дня усиленной работы.

Вскоре «Симон Боливар» вошел в воды озера да-Як. Здесь пароход был подвергнут полной, основательной уборке, после чего не осталось и следа от тех нечистот, которыми было загрязнено все это судно частью от пребывания на нем скота, частью же от чрезвычайной неряшливости и неопрятности

вечно пьяного экипажа. Водохранилища были убраны, и все портящиеся припасы свезены с парохода.

Лоцман Эставао, которому это озеро было прекрасно знакомо, избрал небольшую бухточку, окруженную со всех сторон невысокими, но густыми и развесистыми деревьями, и здесь стал на якорь у самого берега. Для пущей предосторожности судно пришвартовали еще двумя канатами и с кормы, и с носа, так что оно становилось совершенно неподвижным. После того над палубой был сооружен обширный навес из больших и плотных листьев канны, чтобы предохранить ее от переменного действия солнечных лучей и проливных дождей, а все люки и отверстия тщательно забиты и заколочены.

Четыре человека, прекрасно вооруженных и на верность которых Диего мог положиться, были приставлены охранять судно, после чего экипаж, а также отряд личной стражи вождя, вместе с тремя французами-пленниками, покинули пароход. Они все разместились в пароходных шлюпках и два дня спустя благополучно прибыли в Озерную деревню, где их восторженно встретили.

Глава X

Деликатность. – На Марони. – Конец плавания. – Пристань. – В проливе. – Руль. – Мыс и бухта Кокосовых Пальм. – Возврат в родное гнездо. – Старик Ангоссо. – Подымаясь по аллее манговых деревьев. – Тропический дворец. – Два брата. – В семье. – Огорчение. – Гостеприимство. – Военный совет. – Луч надежды. – План кампании. – Пятьдесят килограммов золота. – Что думает сделать Анри? – Будет битва. – Где Диего нашел бы с кем поговорить.

Благодаря попутному ветру и течению, несущему суда с юго-востока на северо-запад, плавание голета было быстрым и приятным.

Спустя пятьдесят часов маленькое парусное судно, в восходных руках чернокожих моряков выучки Диего, подходило к Кайене.

Избавившись от ужасной грязи и отвратительного, пропитанного нечистотами воздуха парохода, от тошнотворного запаха турбины, молодые женщины несравненно легче и лучше перенесли эту вторую половину пути.

Если бы не мучительное беспокойство и страшные опасения за участь мужей, то они могли бы считать себя совершенно счастливыми. Но, увы! – напрасно Шарль старался развлечь их и вывести из того унылого отупения, в какое они впали после страшной разлуки с мужьями. Напрасно моло-

дой человек старался успокоить их. Он не мог внушить им той надежды и спокойствия духа, каких сам не испытывал, волнуясь за своих близких, и потому мог только горевать вместе с ними.

Но теперь новые и не менее мучительные заботы обрушились на трех молодых женщин.

Их артистическое турне, не будучи безусловно убыточным, не было вместе с тем и особенно прибыльным. Маленькая труппа жила, так сказать, изо дня в день, скромно делая свое дело и покрывая свои небольшие расходы. В Паре они сели на пароход, несравненно более богатые надеждами, чем звонкой монетой; отправились дальше в расчете на будущие блага, надеясь жить на доход с представлений.

Но теперь, когда их маленькая труппа была рассеяна по воле злого рока, что ожидало этих трех женщин, когда, высадившись в Кайене, они без всяких средств очутятся в этой стране, столь негостеприимной к европейцам?!

Шарль без особого труда угадал эту тайную заботу, которую они всячески старались скрыть от него. Делая вид, будто решительно ничего не подозревает, дал им понять с максимальной деликатностью, что общее несчастье сблизило их с ним настолько, что он не считает себя в праве бросить их на волю судьбы и просит их не отказываться от гостеприимства его семьи.

А так как те все-таки еще не решались, из чувства крайней щепетильности, согласиться на его предложение, то он

нашел средство окончательно склонить их, сказав:

– Гостеприимство во все времена являлось здесь самой священной обязанностью колонистов, от которой мой отец ни разу в жизни не отступал. Наш дом очень велик, а моя мать и мои невестки будут искренне рады дорогим гостям. Вы заранее можете быть уверены в самом сердечном приеме. Наконец, сама справедливость требует, чтобы они берегли вас, пока ваши мужья будут оберегать там мою жену и детей и будут заботиться о них. Таким образом мы общими силами будем содействовать всеобщему освобождению. Теперь вы сами видите, что у вас нет никаких оснований отказываться от гостеприимства моей семьи, а напротив, все говорит за него.

Порешив, наконец, на этом, пассажиры просили капитана голета миновать Кайену и дойти до широкого устья Марони. Войдя в него, маленькое парусное судно быстро поднялось вверх по течению до Сан-Лорана, но, не приставая здесь, направилось к посту Альбина, находящемуся на голландском берегу этой большой реки. На этом посту находится комиссар, командированный сюда губернатором Суринама.

Этот милый и услужливый господин, в продолжение многих лет поддерживавший самые дружественные отношения с семейством Робена, радушно принял у себя Шарля и его спутниц, причем выразил некоторое удивление, что так скоро видит его снова в этих местах, где он еще так недавно был по торговым делам.

Шарль не счел нужным сообщать ему о несчастьях, обрушившихся на него, и попросил только предоставить ему и его спутницам как можно скорее большую пирогу с хорошими и надежными гребцами, неграми бони, чтобы доставить их без промедления в поместье его отца.

Это было нетрудно, и в тот же вечер прекрасное туземное судно с четырьмя рослыми и здоровыми гребцами готово было к отплытию. Из особой предусмотрительности, на корме был устроен навес из больших листьев, чтобы предохранить дам от палящих лучей солнца.

Шарль написал длинное письмо жене и предложил трем дамам сделать то же – написать письма их мужьям. Когда все письма были готовы, он вложил все четыре в один общий большой конверт и передал его штурману голета, дав ему приличную сумму за услугу и так же щедро вознаградив весь экипаж. Он заручился торжественным обещанием, что пакет будет доставлен по назначению.

Голет, имевший достаточное количество запасов и на обратный путь, тотчас же отправился восвояси, тогда как пирога, снабженная всем необходимым, проворно и легко понеслась вверх по реке.

Спустя десять часов она благополучно миновала пороги Сан-Хермина, зашла на два часа на остров Соинти-Казаба и затем продолжала идти вверх по течению километров тридцать.

Ночь провели в гамаках, подвешенных на ветвях больших

прибрежных деревьев, а на утро, с рассветом, пирога вошла в небольшой проливчик, в устье которого стояла флотилия семейства Робен. Здесь же была выстроена и пристань, далеко выдвинутая над водой для большего удобства. Несколько служащих, которым был поручен надзор за судами, постоянно жили здесь, в специально построенных просторных хижинах, удобно обставленных всем необходимым и окруженных садами и огородами, где в изобилии росли самые распространенные здесь овощи и плодовые деревья.

Эти служащие тотчас же узнали Шарля Робена и выбежали его встречать, сердечно приветствуя его.

– Отец и брат дома? – спросил он их.

– Да, да! – ответили они почти в один голос.

– Хорошо, благодарю вас, друзья!.. Ну, а вы, – обратился Шарль к гребцам, – приналягте на весла и получите хорошее вознаграждение да сверх того хорошее угощение!

Ободренные таким обещанием, чернокожие гребцы, уже давно знакомые с необычайной щедростью французских колонистов на Марони, навалились на весла изо всех сил, помогая себе однообразным гнусавым подпеванием. Пирога стрелой полетела по спокойным водам канала или, вернее, пролива, который давным-давно был приспособлен колонистами для постоянного пользования, а потому на нем не было никаких препятствий, какие обыкновенно встречаются здесь во всех таких проливчиках.

Быть может, на первый взгляд, этот пролив, благодаря рас-

чистке и приспособлению к нуждам навигации, утратил свой живописный вид, но, с другой стороны, значительно выиграл в смысле благоустройства и удобства плавания по нему.

Новые регулярные посадки заняли место старых деревьев, этих великанов бывшего девственного леса, грозивших ежеминутно обрушиться на головы путешественников или, по меньшей мере, преградить им путь. Двойная аллея бананов, раскинувших по обе стороны канала свои широколистые шатры, как бы сгибаясь под тяжестью гроздей своих плодов, была не менее приятна для глаза, чем прежняя дикая чаща девственного леса, где прятался скромный карбет Робинзонов Гвианы.

Но вот пирога подошла к громадной скалистой запруде, перегородившей весь канал от одного берега до другого. Однако, узенький канал, прорытый человеческой рукой, давал возможность обойти эту каменную запруду и, обогнув ее, снова выйти в пролив, описав небольшой крюк метров в двести.

Теперь всего несколько ударов весел, и пирога плавно пристает к мысу, красиво окаймленному красным песком и украшенному великолепнейшей рощей кокосовых пальм.

Чернокожие гребцы прекратили свою работу и теперь выносят багаж путешественниц, в то время как Шарль высаживает их. Затем вся маленькая группа двигается с мыса кокосовых пальм по широкой аллее манговых деревьев, по обе стороны которой раскинулись сплошные участки тех чудес-

ных тропических цветов, что приводят в такой восторг европейцев. Кассики и туканы оглушительно трещат в блестящей густой листве, сквозь которую повсюду выглядывают, словно золотые яблоки с бронзовым отливом, плоды манго – соперники наших апельсинов. Парочки попугайчиков, неумолчно перекликаясь, пролетают над головой с быстротой молнии. Блестящие, точно самоцветные камни, крошечные колибри жужжат в самые уши, качаясь в чашечках цветов и состязаясь с ними в яркости и красоте, а несколько, очевидно, ручных обезьян проделывают в верхних ветвях деревьев акробатические трюки или с наслаждением объедаются плодами манго, до которых они большие охотницы.

Невзирая на свою озабоченность, Шарль, при виде всей этой очаровательной картины, прелесть которой не могла надоесть ему, испытывает какое-то особое ощущение, умиротворяющее и вместе умиляющее, которое всегда охватывает человека, как бы мало чувствителен он ни был по натуре, в те моменты, когда после всяких житейских треволнений он возвращается в места, бывшие колыбелью его детства и ранней молодости.

Затем измученная душа его невольно возвращается к воспоминаниям о дорогих близких, которые всего несколько месяцев тому назад резвились здесь среди цветов, и глухое рыдание вырывается из его груди.

– Господин Шарль! – восклицает вдруг удивленный и полный нежной ласки голос.

И старый негр, высокий и совершенно седой, опрятно одетый в полотняную куртку и такие же панталоны, спешит к нему навстречу с раскрытыми объятиями.

– Да, – печально отвечает молодой человек, крепко пожимая руку старику, – это я, мой добрый Ангоссо!

– Надеюсь, не случилось никакого несчастья? Молодая госпожа и детки все в добром здоровье?

– Увы! Надеюсь, что да!

– Вы не знаете? Значит, случилось несчастье?

– Все дома, не правда ли?

– Да, да... мой добрый маленький белый сыночек старого негра... у тебя, верно, болит сердце...

– Ох, как болит! Ты угадал, мой старый друг!

И так как старик не в состоянии произнести ни слова и смотрит с недоумением на трех молодых женщин, стоящих тут же и совершенно изнемогающих от усталости и только что пережитых душевных мук, то Шарль добавляет:

– Ты все узнаешь, мой добрый Ангоссо! Разве ты не такой же член нашей семьи, как и мы все? А потому и тебе достанется немалая доля нашего общего горя!

Между тем аллея, описав поворот, начинает подниматься в гору. По обе стороны появляются кокетливые карбетты, вокруг которых резвятся, как маленькие котята, веселые негрятята, черные, как хорошо вычищенный сапог, с крепкими, здоровыми, лоснящимися на солнце или в траве телами, точ-

но выточенными из черного дерева. Негритянки, красивой опрятно одетые в пестрые камиза, с руками, украшенными широкими серебряными или золочеными браслетами, с многоцветными яркими повязками на голове, суетливо хлопочут около огромных корзин среди целого птичьего двора. Здесь блестящие и яркие хокко, торжественные и серьезные агамы, похожие на механических игрушечных птиц, и суетливые марайи живут в самом добром согласии с курами и петухами и даже с лесными тетерками и глухарями.

Мужчины все на работе: они заняты резкой сахарного тростника, сбором кокосов и кофе, уборкой маниока или же вырубкой леса.

Карбеты встречаются все чаще и чаще; это уже целая деревня, настоящий рай для рабочих.

Аллея все продолжает идти в гору, описывает две-три петли и, наконец, расходится на две стороны, образуя как бы громадную изгородь вокруг всей усадьбы «Бонн-Мэр», построенной на возвышенности. Этот дом – настоящий дворец тропических стран, одно из роскошных жилищ, наподобие тех, какие воздвигают себе богатейшие колонисты. Им не приходится считаться ни со временем, ни с пространством, ни с рабочими руками. Девственные леса поставляют материал, могущий возбудить зависть набоба. Им остается только следовать всем прихотям их личного вкуса, удобства и желаний, чтобы создать в роскошной раме этой богатейшей природы воздушный замок, снившийся им в грезах.

Шарль, волнение которого возрастало с каждым шагом, на минуту приостанавливается. Окидывает взглядом все строения, расположенные амфитеатром над зеленой лужайкой партера, господский дом-дворец, конюшни и склады, ткацкие, столярные и тележные мастерские, немного в стороне кузница и, наконец, гимнастическая площадка с трапециями, столбами, качелями и гигантскими шагами, на которых с веселым криком и смехом висят и кувыркаются дети. Среди всех этих строений с лиственными кровлями, побуревшими под солнцем и дождями, так красиво гармонирующими с темной зеленью деревьев, в тени которых они приютились, возвышается большой барский дом.

Это громаднейшая постройка целиком из самых драгоценных пород деревьев. Устройство ее в общем напоминает господский дом серингаля на Арагуари, но только в гораздо больших размерах, так как здесь могут свободно разместиться пять или шесть семейств.

На веранде развешен целый ряд белых гамаков, из которых многие заняты, так как теперь как раз время сиесты, то есть полуденного отдыха.

Наконец, молодой человек делает над собой усилие и идет дальше.

– Какое горе внесет в этот земной рай мое появление?! – думает он и оглядывается на своих трех несчастных спутниц, делает им знак быть бодрей и не падать духом и первый выходит на открытую площадку, расстилающуюся перед во-

сточным фасадом дома.

При звуке его шагов молодой человек в фуляровой рубашке и мавританского покроя шароварах, выскакивает из своего гамака, бросает сигару и весело восклицает.

– Шарль! Какими судьбами?

В следующий момент он уже висит у него на шее и душит его поцелуями.

– Мой славный Шарль! Что случилось?

– Случилось несчастье, Анри!

– Ах, Боже мой! – восклицает старший из братьев Робен, сделавшись бледным, как полотно.

Его восклицание, появление трех незнакомых дам и Ангоссо, идущего следом за ними в сопровождении негров-гребцов с багажом, заставляют всех присутствующих членов семьи поспешить навстречу приезжим.

Старик Робен – все еще бодрый, стройный и подвижный, несмотря на свои шестьдесят пять лет, величественный и внушительный, как патриций, со своей седой бородой и шевелюрой. Лицо матери, по-прежнему благородное и прекрасное, омрачено теперь каким-то тяжелым предчувствием. Молодая женщина, поразительно похожая на жену Шарля, спешит встретить гостей.

Шарль крепко обнимает мать, отца и невестку, которые ни о чем не решаются спросить его.

– А где же Эдмонд и Эжен? – спрашивает Шарль брата.

– Они на прииске, вот уже два дня!

– Это очень досадно, – говорит Шарль, – так как нам придется держать семейный совет, а вместе с тем и военный совет. Но прежде чем ознакомить вас с ужасными событиями, жертвой которых я стал, когда вернулся домой отсюда, позвольте мне исполнить по отношению к этим дамам, которых вы видите здесь со мной, просто долг вежливости и попросить вас оказать им то радушное гостеприимство, которое я предложил им от вашего имени! Они также являются жертвами той же катастрофы, в которой потонуло все мое счастье и благополучие. Оторванные насильственно от их естественных покровителей, заброшенные за тысячу восемьсот миль от родины, они остались в безвыходном положении, и я уверил их, что здесь они найдут и приют, и дружеское участие, и защиту от всякого рода невзгод.

– Ты был прав, сын мой, что поступил так! – с ласковым достоинством сказала старая госпожа Робен, сердечно протянув руку трем приезжим дамам.

– Судя по этим неграм с вашим багажом, я вижу, что вы в пирог совершили все это путешествие вверх по Марони и, без сомнения, совершенно измучены таким переездом. Поэтому позвольте мне проводить вас в комнаты и предоставить в ваше распоряжение все, что будет необходимо для вашего удобства!

Молодые женщины последовали за любезной хозяйкой и удалились вместе с нею. Тем временем трое мужчин и молодая жена Анри, которая, как, вероятно, помнит читатель,

была родною сестрою жены Шарля, прошли в большую гостиную.

– Ну, Шарль, – сказал, наконец, Анри, – ты, вероятно, видишь, что я сгораю от нетерпения и тревоги. Отец наш не решается тебя спросить... так говори же, дорогой мой... эта страшная неизвестность мучительна для всех нас, как ты сам понимаешь!

– Так вот... Мой серингаль сожжен и ограблен до тла кучкой беглых каторжников, и я окончательно разорен!

– Ну, и затем?.. Ведь это одно, в сущности, ничто для таких работающих людей, как мы!

– Это, действительно, было бы еще ничего, но это только пролог катастрофы! – продолжал Шарль.

В этот момент вернулась и госпожа Робен и села подле своей невестки Люси.

– Мало того, – продолжал Шарль, – все мои рабочие или убиты, или рассеяны, неизвестно где, как и их семьи. Наши бедные бони, наши друзья, можно сказать, такие преданные, такие испытанные в тяжелые времена...

– Да... но дальше? – торопит Анри, задыхаясь от волнения.

– Мери и дети мои тоже исчезли во время пожара; негодяи увели их за собой, и затем они попали в руки одного бандита... одного бесчеловечного негра, который держит их у себя в плену и сторожит их строже всякого тюремщика!

Протяжный вздох, похожий на стон, сорвался с уст обеих

женщин. Одновременно с ним, заглушая его, раздались возгласы, почти напоминающие рычание льва, которых не в состоянии были подавить отец и сын.

– Дьявольщина! – воскликнул Анри, разом выпрямившись во весь свой богатырский рост. – Да за такое дело следует разгромить всю эту проклятую местность, стереть с лица земли это разбойничье гнездо и уничтожить всех до последнего этих зловердных чудовищ, населяющих эти места!

Старик, спокойный до этого момента, как старый лев во время отдыха, вдруг почувствовал, что в нем пробудилась вся его бешеная энергия. Его обычно бледное под слоем загара лицо разом покраснело от прилива горячей крови, черные глаза вспыхнули огнем. Но, подавив усилием своей воли этот первый порыв бешенства, он остановил сына едва заметно изменившимся голосом.

– Подождите, дети! Прежде чем говорить о репрессиях, надо найти средство парировать этот удар. Дай твоему брату рассказать все по порядку, а ты, Шарль, расскажи нам обо всем, со всеми известными тебе подробностями. Когда мы будем знать все, то посмотрим, что можно будет сделать.

Никто из присутствующих не прерывал печального рассказа, который Шарль передал на одном дыхании, не останавливаясь ни на минуту, отрывистым и возбужденным голосом, на котором отражалось все его душевное волнение.

Даже женщины, давно привыкшие к ударам судьбы, осу-

шили свои слезы и сдерживали свои рыдания. Но, полные твердой уверенности в мужестве и энергии Робенов, они с напряженным нетерпением стали ждать первого слова главы семейства, черты которого мало-помалу просветлялись.

– Правда, это большое несчастье, – проговорил тот, наконец, своим обычным, мягким и сдержанным тоном, – но оно не непоправимо. Это ведь в сущности не что иное, как денежный вопрос!

– Да, отец, но не забывайте, какие это деньги; ведь, это – целый миллион! Каким образом достать такую сумму, особенно в такой стране, где денежные обороты так затруднительны?!

– У меня здесь сейчас имеется пятьдесят килограммов золота в слитках, которое я только что собирался отослать в банк. Наш прииск, без сомнения, даст нам в течение месяца шестнадцать или семнадцать килограммов, нужных, чтобы пополнить необходимую сумму в двести тысяч франков для уплаты первого взноса!

– Да, но затем?

– А затем у нас будет три месяца кредита, а три месяца – такой срок, в который такие люди, как мы, могут выпутаться из любого положения, как бы трудно оно ни было!

– Но подумайте только, как бесконечно долго будут длиться три месяца плена!

– Конечно, но я и не намереваюсь выжидать этого срока. Я крепко надеюсь, что нам удастся вырвать оттуда твоих бед-

ных детей в тот самый день, когда ты отвезешь этому негодяю твой первый взнос!

– И без опасности, без риска для них?

– Как ты можешь спрашивать у меня об этом? Что ты на это скажешь, Анри?

– Мне кажется, что я угадал твой план, отец, и если ты мне разрешишь, то выскажу тебе свою мысль.

– Я и прошу тебя именно об этом!

– Делайте что знаете! – воскликнул Шарль. – Я до того расстроен и измучен, что не в состоянии даже ничего придумать. Приказывайте, а я буду слепо вам повиноваться.

– Так вот, – сказал Анри, – Шарль, снабженный нужным количеством золота, доставит его на условленное место свидания, в назначенный срок. Взамен этого выкупа он потребует одного из своих детей и увидит, держит ли этот негодяй свое слово, в чем я, однако, сомневаюсь. Мне скорее кажется, что он склонен доить нас до бесконечности!

– Боже мой! – воскликнул Шарль. – А я об этом и не подумал!..

– Итак, я продолжаю. Я сегодня же отправлюсь подыскивать среди негров бони человек тридцать самых отважных и смелых парней, самых крупных и здоровых, каких только смогу найти!

Ты этих людей знаешь и знаешь: на них можно положиться. Мы их вооружим скорострельными ружьями, раздадим каждому из них по двести патронов, подучим их здесь вла-

деть и управляться с этим оружием, насколько нам позволит время, словом, сделаем из них настоящий маленький военный отряд.

Когда они будут прилично обучены, когда будут безупречно знать все построения и команду, усвоят важнейшие приемы осадной войны и будут уметь слушаться одного моего слова, одного жеста, то мы выступим с ними в поход. В то время, как ты, Шарль, отправишься на Тартаругал по Арагуари и Апурема, я со своими людьми расположусь в лесу поблизости от Озерной деревни.

– Да, но каким образом сделаешь ты это?

– То самое судно, на котором отправишься ты, доведет и высадит нас в каком-нибудь глухом месте на берег, а уж дальше я берусь отыскать эту проклятую деревню!

– Ну, а если кто-нибудь тебя увидит? Тебя или кого-нибудь из твоих людей и сообщит об этом вождю?

– Будь спокоен, это уж наше дело – суметь скрыться так, чтобы никто нас не увидел и не заметил. Разве я сам не полудикарь, выросший среди негров и натренированный лучшими из индейцев? Кроме того, нас примут за беглых рабов, ищущих места для основания мукамбо, то есть убежища для беглецов из Бразилии. Мы ознакомимся с обычаями и привычками населения деревни, за которым будем следить и наблюдать тайно и непрерывно. В то время как ты будешь вести переговоры с этим Диего, мы неожиданно захватим его трущобу. Жители деревни, не имея во главе своего вождя,

плохо организованные, захваченные врасплох неожиданным нападением, не смогут противостоять нам с нашим усовершенствованным оружием.

– Ах, дорогой мой Анри, твой план превосходен, и я уверен, что он должен удался!

– Ты такого же мнения, отец? – спросил Анри.

– Да, таково было и мое намерение, а потому я во всех отношениях согласен с тобой, кроме только одного пункта, именно: во главе этой экспедиции, в которой мы рискуем более, чем нашей жизнью, стану я сам. Тридцати человек, как ты говоришь, будет вполне достаточно, но мне думается, что для того, чтобы использовать их как можно лучше и избежать ошибок, нужно дать им побольше командиров, то есть разделить их на небольшие группы, каждая под начальством кого-нибудь из нас! Вот почему я желаю принять участие в этой экспедиции сам вместе с Гондэ и Николаем, которых они знают и которым доверяют. Эдмонд и Эжен останутся здесь охранять наших домашних. Ну, а теперь воспрянь духом, мой дорогой мальчик, и будем надеяться на все лучшее!

Глава XI

Парижанин, тулузец и марселец. – Краткая, но необходимая биография Пьера Леблана, прозванного Маркизом. – Приключения артистов. – Раймон и Фриц. – То, что Диего подразумевает под «Французским кварталом». – Прием каторжников. – Как говорят на «Соленом Лужке». – Энергичное возвращение. – Ужасная обязанность. – Трупы Геркулеса и бразильца. – Надо с судьбой примириться. – Неожиданная находка сказочного богатства. – Выкуп.

В числе трех новых личностей, судьбою которых Диего, со свойственной ему дерзостью, счел себя вправе распорядиться по своему усмотрению, есть одно лицо, заслуживающее особого внимания.

Это – самый младший из трех артистов, носящий имя Пьера Леблана, которого его товарищи наградили дружеским прозвищем «Маркиз».

Почему именно Маркиз, этого никто не знал, ни даже тот, кто носил этот титул.

Место его рождения было так же фантастично, как и его прозвище, по крайней мере Маркиз уверял, что он – парижский тулузец, ставший марсельцем.

Тулузцем он, действительно, вправе был себя считать потому, что его родители, честные актеры, оба родом из главного города Верхней Гаронны, вступили в этом самом горо-

де в законный брак, от которого и произошел их достойный отпрыск, Пьер Леблан. Парижанином он также мог себя считать, так как ему суждено было родиться за кулисами театра де Беллвилль в Париже, и акт о его рождении был занесен в церковные книги XX участка города Парижа. Но почему же еще и марселец? А потому, что, покинув в самом раннем детстве вместе со своими родителями Париж, он переселился в страну типичного акцента и своеобразного говора, столь близкого и родного всем марсельцам, и здесь прожил все свое детство и всю свою раннюю молодость. С этим акцентом он сроднился, как природный марселец, да и по духу тоже стал настоящим марсельцем. Таким образом гасконец, моко и парижанин в одно и то же время, впитавший в себя особенности уроженцев этих мест, молодой Леблан был, действительно, далеко не банальной, не заурядной личностью.

Дитя сцены, актер в душе, появлявшийся на подмостках с самого раннего детства, он актерствовал непрерывно и неутомимо, до того дня, когда вместе с маленькими усиками у него вырос и свежий, светлый голос, а тогда он смело выступил в амплуа тенора. Но это честолюбие погубило его. Так как голос его был недостаточно силен, чтобы с ним можно было выступать на больших или хотя бы даже на посредственных сценах, то маркиз был принужден стать просто виртуозом разных кафе-концертов.

Молодой артист, отчаявшись достигнуть когда-нибудь славы и богатства, кроме того, видя себя навеки обреченным

на службу в маленьких кофейнях и увеселительных садах, почувствовал себя униженным и решился на отчаянный шаг – отправился в Тулон и, не давая себе серьезного отчета в том, что он делает, записался в четвертый полк морской пехоты.

Маркиз, не раз изображавший на подмостках национальных героев, доблестных вояк, которыми гордилось отечество, сохранил в своем воображении маленький привкус пороха, а в своей памяти отражение мундиров и блестящих султанов и возымел надежду стать со временем, как и «всякий другой», маршалом Франции. С этой затаенной целью он и поступил в морскую пехоту, где продвижение по службе так быстро и где вообще легко выдвинуться.

Без особых препятствий он добрался до капрала, но скоро понял, что для него будет несколько затруднительно сделаться хотя бы корпусным командиром, ввиду того, что звание маршала отменено в настоящее время; тогда он постарался использовать как можно лучше время своей службы. Он стал усердно посещать фехтовальный зал, старательно изучил искусство уничтожения ближнего своего и сделался в скором времени настоящим виртуозом фехтования, рубки и борьбы. В то же время он успел побывать и в Кохинхине, и в Сенегале, неся свою солдатскую службу и на суше, и на море.

Наконец, отставка вернула его к радостям личной жизни. Он вернулся в Тулузу, разыскал там старого дядюшку, бедняка, не имевшего ни гроша за душой, а только дочь, столь

же милую и скромную, сколь и прекрасную. Пьер Леблан, не долго думая, влюбился в молодую девушку и стал ее мужем. В приданое своему супругу молодая принесла, кроме своего хорошенького личика и своей любви и нежности, еще очень хорошенький голосок.

Однажды наш артист, кормившийся теперь уроками фехтования, которые он давал молодым людям, совершенно случайно столкнулся с труппой артистов, отправлявшихся в Америку. Оказалось, что директором этой труппы был старый товарищ Леблана; он предложил ему ангажемент. Маркиз с радостью ухватился за это предложение, хотя директор и предупредил его, что жалование будет из скромных и, кроме того, придется выступать в разных амплуа – играть драму, оперетту, комедию, водевиль, а при случае – даже и пантомиму.

Пробыв подряд три года в Бразилии и испытав за это время всякие превратности судьбы, он, наконец, очутился на «Симоне Боливаре».

По наружности Маркиз был славный, здоровый, плотно сложенный маленький человечек, двадцати семи или восьми лет, с умным и живым лицом, очень выразительными чертами и лукавым, насмешливым взглядом вечно смеющихся глаз. Если бы не рот, постоянно складывавшийся в добродушную и ласковую улыбку, то выражение его лица можно было бы, пожалуй, назвать остронасмешливым.

Всегда веселый и добродушный, смотревший на жизнь с

ее лучшей стороны, видевший даже и в самых неприятных вещах известную долю хорошего, пренебрегавший невзгодами и от души радовавшийся малейшему благополучию, добрый товарищ и философ в душе, каким может быть человек, в один и тот же день играющий знатного барина и лакея, благородного отца и первого любовника, смелый и беспечный, как истинный француз, честный и верный в своих привязанностях, – таков был новый товарищ пленных детей и супруги Шарля Робэна.

Двое его друзей с первого взгляда казались людьми менее тертыми, менее проворными. Старший из них был неуклюжим и тяжеловесным мужчиной лет сорока, с черными глазами, густыми, черными, точно намазанными углем, бровями и всегда чисто выбритым подбородком, отдающим легкой синевой, как это часто бывает у сильных брюнетов. Теперь вот уже две недели, как подбородка его не касалась бритва, и борода тысячами колючек торчала из смуглого подбородка, точно щетина у ежа.

Звали его Жорж Раймон. Он тоже по преимуществу играл благородных отцов и пел басом, самым густым басом, когда того требовало представление. Несколько тяжеловатый и очень апатичный, он был в душе добрейший человек, несмотря на свою немного угрюмую и суровую наружность.

Последний из трех артистов – рослый детина, эльзасец тридцати пяти лет, долговязый, как журавль, тощий, как се-

ледка, белокурый, как спелый колос, и музыкальный, как соловей. Прекрасные голубые глаза с приятным синеватым отливом придавали его лицу, очень уж не по росту мелкому, выражение странной задумчивости, усиливаемое еще более некоторой наивной неловкостью, от которой он не сумел отделаться, несмотря на долголетнюю привычку выступать перед публикой. Звали его Фрицем, как всех эльзасцев.

Стоит ли говорить, что этих трех господ связывало не просто товарищество, а искренняя и прочная дружба, основанная на взаимном уважении и скрепленная общими неудачами, лишениями и затруднениями, общими радостями и печалями?!

Впрочем, столь различные по склонностям и характеру люди неизбежно должны легче сойтись в силу закона, по которому крайности и противоположности сходятся.

Однако, как ни привычны были эти люди к невзгодам, обычным в их бродячей жизни, все же не трудно понять, как сильно их поразила в первую минуту так неожиданно обрушившаяся на них катастрофа.

Единственным утешением для них было сознание, что их бедные подруги в безопасности, под охраною того великодушного человека, который вступился за них, и им не грозит мучительный плен, обещающий быть крайне тягостным, если не слишком продолжительным.

Довольные уже тем, что страдать придется им одним, и уверенные в находчивости и изобретательности своих жен, в

их умении выпутаться из затруднительного положения, бедные артисты вскоре приободрились после первых минут растерянности.

Едва только они прибыли в деревню, как Диего приказал отвести их в просторную хижину, которую он иронически прозвал французским кварталом, и поселить их там.

В этой хижине уже были три жильца, и нельзя сказать, чтобы это были приятные субъекты. Это – три каторжника.

Зная их прошлое, нетрудно понять, что их встреча с вновь прибывшими была не из самых дружелюбных.

– Хм! Гости! – первый воскликнул Луш, заведя незнакомцев.

– Да еще какие гости, в белье и с багажом, – распространился на ту же тему Красный.

– И как будто славные башки! – добавил Кривой.

– Эй, да тут уж кто-то есть! – воскликнул Маркиз радостно и весело. – Здесь даже говорят по-французски; быть может, это земляки! Добрый день, господа!

– Добрый день! – пробурчал Луш, с трудом переворачиваясь в своем гамаке вследствие боли в пояснице. – Вы, должно быть, тоже наши собратья?.. Вы прямо оттуда, не так ли?

– Ну, конечно, мы оттуда... даже из очень далека... и притом еще самым дальним путем! – отозвался Маркиз и запел песенку:

Оттуда, оттуда! С самого края света,

Оттуда, оттуда, где лежит Люксембург...

– Что с ними такое? Вас спрашивают, любезный, вы с «Соленого Лужка» (каторги)?

– Что?

– Сколько вы снопов накосили, прежде чем провели розеетов и улизнули в кусты (то есть сколько лет вы пробыли в остроге прежде, чем обманули бдительность сторожей и бежали в поля и леса)?

Но видя, что трое друзей не понимают ни слова из этого каторжного жаргона, Луш презрительно добавил:

– Пфа! Простаки (то есть порядочные, честные люди)! Эти ни разу не заставили дубы потеть (то есть никого не убили). Они не годятся даже на то, чтобы вытащить у кого-нибудь из кармана деньги, стащить часы, разгромить какие-нибудь склады или очистить квартиру!

– Ну и что же из этого? – гневно отозвался Маркиз, прижав кончики пальцев, как молодой петух, готовящийся налететь на другого петуха.

– А ничего... вы – не нашего поля ягода; это сразу видно! Ну, так придется вам держать себя смирно!

– Слушай, старик, – воскликнул Маркиз, возмущенный этим приемом и попыткой запугать его, – ты постарайся вести себя прилично по отношению к нам, или я переломлю тебя надвое, как спичку! Слышишь? Мы здесь не по своей воле и не ради своего удовольствия, и вы устройтесь так,

чтобы не отравлять нам жизнь, не то оплеухи посыплются градом, так и знайте!

– Полно тебе, Луш, – вмешался примирительным тоном Красный, – не заносись! Ведь он в сущности прав! Не всякому посчастливилось, как тебе, быть приговоренным к смерти, да еще не раз, и не всякий, кто пожелает, бывает каторжником... Лучше поладить между собой и затем сговориться, чтобы в один прекрасный день всем вместе бежать отсюда, тихонько и без шума! Как видите, друзья, и мы здесь не по своей воле и не ради своего удовольствия! – добавил он, обращаясь ко вновь прибывшим и потирая свой ноющий от боли спинной хребет.

– Ну, так-то лучше! Постараемся жить в мире и согласии, хотя мы и различных с вами убеждений и понятий!

Но эта разумная речь вызвала только разочарование у каторжников, которые поняли, что имеют дело с честными и порядочными людьми. Что же касается артистов, то они устроились самым спокойным образом, как люди, которых всевозможные случайности их жизни сталкивали со всякими людьми и всякими обстоятельствами.

На другой день Диего, как милостивый властелин, посетил своих новых подданных, вероятно, не столько с целью убедиться, что они ни в чем не нуждаются, сколько с тем, чтобы посмотреть, как отнеслись друг к другу эти столь разнородные явления, так неожиданно поставленные лицом к лицу друг с другом.

К великому его изумлению, он увидел полнейший мир и согласие во «французском квартале». Каторжники встретили его как господина, в руках которого и жизнь, и смерть, с тем униженным раболепием, какое все подобные негодяи умеют выказывать по отношению к тем, кто сумеет жестоко и беспощадно обуздать их и внушить страх перед собой. Что же касается артистов, то они держали себя прилично и с достоинством, без заносчивости и нахальства, но и без униженности и пресмыкательства.

Кроме любопытства, посещение Диего имело еще и другую побудительную причину. Он желал убедиться, действительно ли ему удалось усмирить, обуздать и окончательно поработить уроком пыток и казней позапрошлого дня трех негодяев, оставленных им в живых. Он имел удовольствие увидеть, что жестокий урок не пропал для них даром.

– Итак, – сказал он с пренебрежительной фамильярностью, – мы стали теперь благоразумнее и готовы исполнять беспрекословно каждое мое приказание? Да?

– Беспрекословно, как вы изволили сказать, господин! – отозвался Луш.

– Ну, и превосходно, ребята!.. Раз в вас столько готовности повиноваться мне, то мы сейчас же и испытаем ее на деле!

– Приказывайте, господин, мы готовы повиноваться!

– Как вы знаете, там подвешены уже более двух суток на суку мангового дерева два господина, которые начинают из-

рядно заражать воздух зловонием... Надо будет зарыть эту падаль. Так как вы были, правда, несколько против воли, их палачами, то будьте же теперь добровольными могильщиками для них!

– Слушаем, хозяин, слушаем!.. Но скажите на милость, – добавил Луш с той угодливой фамильярностью, которая свойственна обычно каторжникам по отношению к их начальству, – скажите на милость, вы непременно хотите, чтобы мы это дело взяли на себя?

– Что ты хочешь этим сказать, негодяй? – грубо одернул его Диего, грозно сдвинув брови.

– А то, что обыкновенно, в камерах, где есть новички, работу возлагают на этих новичков, а не на старожилов, и если вашей милости безразлично, кто исполнит работу, то эти три «господина» могут с одинаковым успехом приготовить тенистое местечко для тех двух бедняг.

Эта шутка почему-то пришлась по вкусу Диего, который криво усмехнулся и, найдя неожиданно для себя случай показать «новичкам», каким образом он проявляет свою грозную власть, с удовольствием решил для начала принудить их к этой ужасной работе.

– Ты прав, старик, на этот раз, – уронил он, – пусть будет, как того требует установленный обычай! Вы еще день пробездельничаете с моего разрешения и облепите себя пластырями и компрессами, лентяи, но завтра этому конец, так и знайте! А вы, – добавил он, обращаясь к артистам, – следуй-

те за мной!

– Да здравствует наш патроя! – крикнули каторжники.

– Ну, ладно, ладно!.. Ваша очередь впереди!

Между тем трое артистов, недоумевая, что им предстоит, но зная, что никакое препирательство с этим жестоким тираном невысказано, сочли за лучшее повиноваться ему.

Диего проводил их к своей хижине, дал каждому из них по тесаку, по заступу и лопате и, не сказав ни слова, подвел к манговому дереву, на котором качались обезображенные, исклеванные коршунами и уже сильно разложившиеся трупы двух повешенных.

– Эти двое, – сказал он жестким, суровым голосом, – пытались меня убить! Один из них, по-моему приказанию, был живым изрублен на части своими же товарищами и сообщниками, а другой – живым привязан к его трупу... Вот в каком духе я понимаю репрессии! Больше мне вам говорить нечего. Теперь выберите место где-нибудь за деревней, выройте яму и закопайте мне эту падаль!.. Идите! А вы, – обратился он к жителям деревни, с любопытством столпившимся вокруг вновь прибывших иноземцев, – вы оставайтесь на местах и делайте свое дело! Пусть эти люди исполнят мое приказание, и чтобы никто из вас не смел помочь им или идти за ними, или глазеть на них!

Не трудно себе представить, как велики были отвращение и ужас артистов, внушаемые им этой омерзительной работой, от которой никакие силы в мире не могли их избавить.

Не в состоянии произнести ни одного слова, но инстинктивно сознавая, что надо повиноваться без промедления, чтобы не заслужить жесточайшего наказания, они уныло двинулись в путь, за околицу деревни, закинув на плечи свои лопаты и заступы, с намерением выбрать место для могилы несчастным, казненным так бесчеловечно.

Выбор их остановился на небольшом песчаном пригорке, в трехстах метрах от деревни, скрытом за густой рощей деревьев и поросшем травой и цветами.

– Мужайтесь, друзья! – печальным голосом прошептал Маркиз, обращаясь к товарищам. – В жизни бывают нередко тяжелые случаи; надо приниматься за работу!

– За работу! – точно эхо отозвались Раймон и Фриц и тотчас же принялись рыть землю.

Около получаса они работали не покладая рук и работа подвигалась успешно, как вдруг одна из лопат отскочила от какого-то постороннего предмета, довольно мягкого и в то же время упругого.

– Хм! Что это такое? – спросил эльзасец с удивлением. – Что бы это такое было?

Маркиз, не долго думая, нагнулся, разрыл руками сухую, рыхлую землю и не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть от удивления.

Не успел он приподнять руками плотную рогожу, сплетенную из растительных волокон, как обнаружил при этом целую груду металлических комочков, плотных и твердых,

неправильной формы, мутно-желтого цвета, как бы закоптелых.

Он взял в руки целую горсть комочков и стал внимательно разглядывать их, причем ему бросился в глаза их значительный вес.

– Клянусь своим именем, клянусь своим успехом в оперетте, если это не золото, друзья мои, золото в том виде, как его находят в рудниках и на приисках!

– Золото?! – воскликнули с недоверием оба его товарища.

– Шш! Тише... Не кричите!.. Постараемся быть спокойны, насколько это возможно. К счастью, мы здесь одни, это прекрасно!.. Да, друзья, это золото! – продолжал Маркиз, пересыпая золотые комочки с ладони на ладонь.

– Вот неожиданность-то!

– Что мы теперь будем делать? Боже правый!

– Прежде всего, друзья, будем спокойны и благоразумны... не будем увлекаться!

– Черт возьми, да его много здесь!..

– Да, и еще... и еще...

– И еще того больше!..

Несколько ударов заступа, сделанных с величайшей осторожностью, обнаружили, действительно, еще другие корзины, плотно обвязанные бечевками и весящие весьма порядочно.

Маркиз приподнял одну из этих корзин.

– А знаете ли, что это весит по меньшей мере двадцать

килограммов!

– Двадцать килограммов! А что это может приблизительно представлять собою, если перевести на деньги? – наивно осведомляется эльзасец.

– Да так, около шестидесяти тысяч франков, милейший Фриц!

– Шестьдесят тысяч франков!

– Но ведь этими корзинами полна вся яма! Смотри! Пять, шесть... семь... восемь!..

– Девять, десять... О, я умею считать... А эти бамбуковые свертки, связанные с одного конца и заткнутые деревянной пробкой с другого и припечатанные смолой!..

– Надо раскрыть один из них!

– Ну, вот!

– Хм! Да это золотой песок... самый чистейший, тончайший, прекрасно промытый... самый настоящий золотой песок!

– Какая удача, друзья, какая удача!

– Кой черт, кому может все это принадлежать?

– Или личности, именуемой «никто», или этому отвратительному негру, который царит в этой деревне!

– Во всяком случае я не намерен ни объявлять всенародно об этой находке, ни заявлять о ней местному полицейскому комиссару!

– Я также!

– И я!

– Мы здесь – пленники, с которыми обходятся не многим лучше, чем с собаками, которых загнали в одну конуру с каторжниками, настоящими преступниками и злодеями. Среди них наивно было бы предполагать законного владельца этих несметных сокровищ!

– Конечно, об этом нечего и думать!

– Но, в таком случае, что делать?

– Зарыть поскорее эту яму или лучше увеличить ее настолько, чтобы в нее можно было опустить оба трупа!

– Если, однако, у этих денег есть владелец, что весьма вероятно, то этот владелец, конечно, заметит, что его тайник обнаружен.

– Таким образом лучше всего зарыть эту яму, накрыть ее, затем прийти ночью и унести все эти корзины и свертки в надежное место.

– Это правда!

– Это будет, конечно, самое практичное.

– Ну, живей за работу!

Работая с лихорадочной поспешностью, трое друзей, опасаясь нескромных ушей, продолжали свою беседу вполголоса, почти шепотом.

– У меня появилась удачная мысль, на что использовать эти, таким чудесным образом доставшиеся нам богатства! – сказал Маркиз.

– Твою мысль я угадал и вполне разделяю ее! – отозвался Раймон.

– Это вполне естественно! – согласился и эльзасец. – Наш новый друг, господин Робен, приговорен этим чернокожим негодяем к страшному, невероятному выкупу в миллион франков! Так вот он – этот выкуп его семьи!

– Да и наш тоже!

– Да, надо будет при первой возможности одному из нас бежать отсюда, разыскать этого господина и сообщить ему о нашей необычайной находке. После того несколько надежных людей, с полной осторожностью, тайно похитят весь клад, и наш приятель, имея в своем распоряжении достаточную сумму, сумеет выполнить все требования, предъявленные ему этим негодяем негром.

– Между прочим, – продолжает Маркиз, – у меня появилась идея, которую я хочу сообщить вам сейчас же. Это, быть может, несколько дикая идея, но она мне кажется превосходной. Вы останетесь здесь, а я берусь осуществить ее и ручаюсь решительно за все!

– Делай, как знаешь, Маркиз! Мы знаем, что ты ловок, как обезьяна, и уверены, что тебе удастся твоя затея!

– Пусть так!

– Теперь могила готова, сокровища зарыты, пора вернуться туда, к манговому дереву. Изготовим из бамбука носилки, на которых перенесем сюда трупы и покончим с этой тяжелой работой!

– Живо, друзья! Что касается меня, то я совершенно приободрился, благодаря этой находке, предвидя в ней развяз-

ку, какую не всегда удастся придумать даже авторам наших драм и комедий... Что ты на это скажешь, Фриц?

– Что эта ужасная обязанность, возложенная на нас безобразным негром, кажется мне не столь трудной, как раньше; во всяком случае она теперь является щедро оплаченной! – с философским видом добавил эльзасец.

Глава XII

За три дня до истечения срока. – Удивление. – Десять человек солдат. – Парламентерский флаг. – Красивый офицер. – Генерал, префект и министр. – Свидание. – Военные почести вождю Озерной деревни. – Диего и уполномоченный властей. – Немного политики. – Дипломатия. – Незнакомец все знает... и даже более того. – Диего начинает убеждаться, что его сон может стать действительностью. – Благоклонный нейтралитет Бразилии. – Лопец, Сулук или Франсиа. – Сокровище!

Через три дня истекал срок, так строго отмеренный свирепым Диего пострадавшему Шарлю Робену для передачи первой части выкупа, то есть первых двухсот тысяч франков.

Негр ожидал этой уплаты с лихорадочным волнением, так как его планы и проекты не терпели отлагательства, а денег, нужных на их осуществление, у него совершенно не было.

Между прочим, упомянем здесь, что здоровье госпожи Робен и всех детей, несмотря на страшные, пережитые ими тревоги и опасения, было прекрасным, и даже заключение, на которое они были обречены здесь, не повредило им. Впрочем, они не могли пожаловаться на недостаток ухода или комфорта. Они имели их наравне с самыми богатыми жителями Озерной деревни.

Диего, зная цену этих дорогих заложников, всячески ста-

рался доставить им все возможные удобства жизни, чтобы сохранить их в добром здравии и самочувствии, видя в них гарантию для получения необходимых ему капиталов.

Молодой женщине отвели для жилья просторную хижину, хорошо проветриваемую, сухую и опрятную, окруженную большим садом с тенистыми деревьями, где свободно могут играть и резвиться ее дети. Сад был обнесен высоким и плотным частоколом и недоступен ни для кого, кроме семьи Робен.

Две старых негритянки, бедные создания, не лишённые чувства жалости, были приставлены для услуг, и по приказу ли вождя или по собственному желанию всячески ухаживали как за молодой женщиной, так и за детьми. Таким образом, они были избавлены от злорадного или во всяком случае назойливого любопытства населения деревни и жили, можно сказать, безбедно и вполне прилично в материальном отношении. При таких условиях положение семьи Робен было бы вполне сносно, если бы не смертельная тревога и тоска, угнетавшая молодую женщину денно и нощно с назойливостью тяжелого кошмара.

Те несколько строк, которые написал ей ее муж, покидая палубу «Симона Боливара», а также и письмо, доставленное боцманом с тапуйского судна, были переданы ей одной из прислуживавших негритянок. С того времени у нее не было никаких вестей о муже, и она никого не видела, кроме двух старых негритянок, так как Диего строго-настрого за-

претил ей всякие свидания с французами-артистами, которые ни под каким видом не допускались к пленнице.

Бедная молодая женщина томилась ожиданием, а ожидание очень тягостно, особенно в тех случаях, когда надежда слаба. Между тем, в то время, когда Диего, нервный и нетерпеливый, тревожно считал часы, опасаясь какого-нибудь непредвиденного случая, какой-нибудь помехи, странный и непривычный в этих местах звук вдруг привлек его внимание. Звук этот несся с конца главной улицы деревни, тянувшейся во всю ее длину.

Негры тотчас же бросили свои дела и со всех сторон выбежали из хижин и карбетов, толкая и обгоняя друг друга, как будто на пожар.

Толпа волнуется, кричит, галдит и выражает не то восторг, не то недоумение, приплясывает и размахивает руками; словом, все кажутся обезумевшими, но на этот раз не от пьянства.

Странный звук раздается снова, звук столь необычайный для этих мест, что он вполне оправдывает недоумение, вызванное им среди местного населения.

Посудите сами, читатель, если бы вы вдруг услышали вибрирующие звуки медной трубы и увидели маленький отряд солдат, точно выросших неожиданно из-под земли в этих местах, где вооруженная сила является чем-то вроде легенды, что бы испытали вы сами на месте этих дикарей?

Диего, совесть которого была вовсе не так спокойна, как

он старался себя уверить, невольно содрогнулся, заслышав звук трубы. Он поспешно вооружился, засунул за пояс тесаки и револьверы и поспешил на тот конец деревни, опасаясь нападения вооруженной силы.

Но нет! Маленькая кучка солдат, с трубачом во главе, стоит смиренно да и малочисленность ее не вызывает тревоги.

Десять человек хорошо вооруженных ружьями и штыками солдат, перепоясанных широкими кушаками с патронташами и саблями в кожаных ножнах, медленно идут мерным шагом, выстроившись в две шеренги.

Босые, но чисто и опрятно одетые в белые или скорее суровые холщовые штаны и кители, в широкополых соломенных шляпах одного образца, они хорошо держат строй, не издают ни звука и сразу бросаются в глаза своей прекрасной военной выправкой, которую так редко можно встретить у индейцев тапуйев, этих карикатурных солдат, завербованных на скорую руку бразильским правительством.

Тем не менее, все это индейцы, но, вероятно, образцовая команда, лучшие строевики всего отряда.

Их начальник, выступающий впереди, с некоторой важностью и торжественностью, рослый мулат в кепи с назатыльником, как это принято в колониальных войсках, украшенном в три ряда золотым галуном, в мундире с блестящими золочеными пуговицами и обутый в высокие сапоги с громадными серебряными шпорами, горделиво выступает с саблей наголо, совсем как образцовый унтер-офицер или ка-

прал, которого не стыдно было бы поставить во главе отряда или роты любого из образцовых полков европейских войск.

Впереди всех – трубач, одетый так же, как и остальные рядовые солдаты, приложив к губам трубу, оглашает воздух громкими музыкальными звуками, видимо, с искренним увлечением своим искусством. Позади трубача, но впереди маленького отряда выступают еще два лица. Одно из них, очевидно, сержант, как это явствует из нашивок на его рукаве, держит в руках небольшой белый парламентерский флаг, гласящий о желании мирных переговоров. Должность другого лица, выступающего рядом с ним, трудно определить по одному костюму; но это, несомненно, важнейшее лицо во всем этом отряде. Глядя на него, можно с одинаковой вероятностью сказать, что это префект, или генерал, или уполномоченный посол. Треуголка с плюмажем из белых перьев, окаймленная золотым галуном, сильно надвинутая на ухо, с кокетливым и вместе молодецким видом, придает большую важность этому лицу, высоко несущему голову, как человек, облеченный многими полномочиями и сознающий всю ответственность возложенной на него обязанности. Мундир черного сукна с синеватым отливом, очевидно, выполнен в мастерской хорошего портного. Он украшен двумя рядами золоченых пуговиц; грудь увешана орденами самого разнообразного вида, пестреющими самыми разноцветными и яркими орденскими лентами, и расшита золотом; воротник и рукава у обшлагов украшены богатым золотым шитьем. Сло-

вом, золото слепит и сияет повсюду: на плечах, на груди, на спине, на боках и на рукавах.

На портупее, с пятью рядами галуна, привешена золоченая шпага в черных лакированных ножнах с темляком из шелка и золота.

Брюки из того же сукна, как и мундир, также украшены лампасами из широкого золотого галуна. Лакированные ботинки щеголевато обхватывают ногу и приятно поскрипывают на каждом шагу, как будто владелец их ступает по коврам дипломатических салонов. Наконец, пара густых золотых эполет с массивными золотыми кистями придает вышеупомянутому лицу совершенно военный вид, помимо того, что для людей, сведущих в этом деле, уже один темляк на его шпаге говорит о том, что он получил его за военные заслуги, и что он и в данное время принадлежит к действующим войскам.

Одной рукой, обтянутой тонкой белой перчаткой, он упирается на ручку большого зонта, тогда как другою поминутно поправляет очки в золотой оправе с темно-дымчатыми стеклами.

Что касается наружности господина, так ослепительно разодетого, но носящего свой расшитый золотом мундир с таким достоинством и вместе непринужденностью, то о ней трудно сказать что-нибудь определенное. Она, быть может и умышленно, не носит на себе никакого живого выражения. Это просто холодное, безжизненное, безучастное лицо,

непроницаемое и неподвижное, украшенное небольшой седеющей бородкой, скрывающей часть щек, верхнюю губу и подбородок, словом, физиономия дипломата, как бы застывшая в своем бесстрастии и лишенная всякого отзыва или отклика даже и на самые неожиданные явления.

Описать восторг и невероятное восхищение толпы негров при виде этого сияющего, раззолоченного со всех сторон господина более чем трудно – это абсолютно невозможно.

Даже появление Диего, снаряженного, как настоящий бандит, не в состоянии прервать их шумных восторгов.

Удивленный и сам, почти недоумевающий, несмотря на свой гордый нрав и совершенно неизмеримый апломб, Диего остановился в нескольких шагах от отряда и стал внимательно разглядывать уполномоченного, сержанта, офицера, трубача и даже рядовых солдат, входящих в состав этой группы.

Но уже в следующий момент, придя в себя от своего вполне естественного, впрочем, недоумения, он пренебрежительно пожимает плечами и, пробормотав по-французски «глупый маскарад», обращается по-португальски ко всей этой странной компании, так неожиданно появившейся у самой его деревни.

– Кто вы такие и что вам нужно?

В этот момент офицер командует: «Стой!» оглушительным командирским голосом, и маленький отряд сразу останавливается, как вкопанный, точно где-нибудь на параде.

Тогда уполномоченный, вероятно, считая ниже своего до-

стоинства отвечать лично на эти вопросы, произнесенные так резко и так грубо, делает офицеру знак рукой.

Тот, следуя, по-видимому, заранее полученному предписанию, отвечает тем же резким и отрывистым тоном:

– Нам нужно говорить с вашим вождем. Где он?

– Вождь – это я!

– Прекрасно, сеньор... благодарю!

Затем он поворачивается к солдатам и командует:

«Ружья к ноге!.. На караул!..»

Раздается мерное звяканье ружей; маленький отряд отдает честь вождю, после чего трубач играет торжественный туш, и когда последние звуки трубы замирают, офицер продолжает:

– Его превосходительство дон Педро Апавиллана, граф де Рио-Тинто, уполномоченный министр Его Императорского Величества Бразильского Императора, чрезвычайный посол его превосходительства министра иностранных дел, желает говорить с вами о делах особой важности!

– Прекрасно, – угрюмо соглашается Диего. – Но я прошу заметить, что я не подданный бразильского Императора, и потому спрашиваю себя или, вернее, вас, по какому случаю ваш Император присылает ко мне посла?

– Если бы вы были подданным Императора, то вас просто вытребовали бы в Макапу, тогда как теперь мы явились к вам с официальным поручением!

– Совершенно верно! В таком случае будьте любезны сле-

довать за мной. Мой дворец не пышен, это простая хижина, покрытая листвой, но вам будет оказано в нем то гостеприимство, на которое вы имеете право в качестве чужестранцев и моих гостей, а главное, как представители державы, которой нельзя пренебрегать!

– Представители мирной державы! – умышленно подчеркнул офицер.

Уполномоченный, все также безмолвный, повторил снова знак рукой, подобно автомату, и, сделав несколько шагов вперед, очутился рядом с Диего. Приложив к шляпе два пальца, обтянутых белой перчаткой, он этим жестом поздоровался с вождем, после чего капитан скомандовал:

– Ружья вольно!.. на пле... чо!.. на право!.. Марш!..

Трубач заиграл на своей трубе, и маленький отряд двинулся мерным шагом вперед. Все население деревни сопровождало своих неожиданных гостей в полном своем составе. Тут были и женщины, и дети, и старики. Все они, ворочая глазами, гримасничали, неистово жестикулировали и все время трещали неумолчно, сопровождая оживленными пояснениями и предположениями каждый жест, каждую мельчайшую подробность, которую им удавалось подметить у чужеземцев.

– Кой чорт! Что ему может быть нужно от меня, этому раззолоченному манекену, увешанному всякими цацками, точно какой-нибудь заморский адмирал в комической опере? – думал про себя Диего, все более и более удивленный. – Зна-

чит, обо мне уже знают там, в Макапе!.. И как это они добрались сюда, да еще в таком виде, чистенькие и вылизанные, точно их только что вынули из коробочки или ящичка, в котором их прислали по почте... Вероятно, на Арагуари стоит какое-нибудь военное судно. А эти тапуи – настоящие, обученные строю солдаты, да еще такие, каких нет и в Макапе... Ба-а! Да сумею же я отвертеться от этого уполномоченного, какой бы стреляной птицей он ни был! Он, вероятно, и не подозревает, кто я такой, и принимает меня за простого темного негра, который ничего решительно не смыслит... Я его проведу!..

Но вот и дворец Диего. Он вежливо пригласил своего спутника войти; тот по-прежнему оставался нем и поблагодарил Диего только наклоном головы. Капитан остался перед хижиной, скомандовал своим людям составить ружья в козлы перед входом в жилище вождя.

Вдруг в уме Диего зародилось подозрение. Вообразив, ошибочно или с некоторым основанием, что речь пойдет о его пленниках, он издал громкий, пронзительный свист, на который сбежалось человек пятнадцать его самых верных и усердных сторонников.

Ни мало не стесняясь и как будто он говорил о самых обычных вещах, Диего приказал им:

– Оставаться неотступно вблизи хижин пленников, не отходить от них ни под каким видом ни на шаг. Если со мной что-нибудь случится, помните мой наказ: перебить всех до

последнего!

Затем, обернувшись к уполномоченному, с легким оттенком иронии в голосе, он сказал:

– Теперь я к вашим услугам, господин уполномоченный!

Последний не спеша стал снимать свои перчатки, раздвинул фалды своего мундира, уселся на один из табуретов, поправил свою шпагу, приладив ее вдоль левой ноги. Поправив на носу золотые очки, слегка прокашлялся и, наконец, начал сухим, деревянным голосом автомата, говоря по-португальски:

– Сеньор, мое поручение к вам будет просто и незатруднительно, если только вы пожелаете облегчить мою задачу. Вы умны... даже очень умны, и, что еще более важно, вы образованны... а потому вы поймете меня! Вам также хорошо известна, как и мне, бесконечная распря, длящаяся целые века, между Францией и моей славной родиной по поводу спорной территории Гвианы...

Диего молча наклонил голову.

– И я добавлю еще, без лишних слов и дальнейших околичностей, – продолжал уполномоченный, – что вы, быть может, единственный человек, который может положить конец этому делу и разрешить этот старый вопрос!

После этих слов говоривший некоторое время молчал, как бы собираясь с мыслями, но, в сущности, лишь для того, чтобы возбудить любопытство и нетерпение своего собеседника.

– Каким же это образом, ваше превосходительство? – спросил, наконец, последний, которому наскучило дольше ждать.

– А вот каким: всего вероятнее, что Франция, занятая в настоящее время далеко не легкой задачей распутывания своих колониальных дел, еще долгое время не подумает об этом столь важном для вас и... для нас вопросе.

– Важном для меня? Что вы об этом знаете? – спросил Диего.

– Да неужели же вы так наивны, что полагаете, будто бразильское правительство не знает о том, что для него так важно знать? Нам все известно, и предупреждаю вас, даже еще многое, сверх того!..

А так как Диего недоверчиво качал головой, то дипломат продолжал все тем же сухим, деревянным голосом:

– Желаете иметь доказательства? Я могу подробно рассказать вам всю вашу жизнь за весь последний год, особенно за последние три месяца... Но к чему напоминать вам обо всем этом! Что вы более или менее изрубили своего предшественника, что вы держите под страхом палки или тесака ваш клан; что вы даете у себя убежище беглым каторжникам и обходитесь с ними несколько... хирургически, если можно так выразиться... что вы, в своих интересах, заставляете исчезать пароходы, – все это для нас, конечно, безразлично и мало нас интересует – ведь цель оправдывает средства! Особенно в делах правительственных! Кроме того я явился сюда

совсем не для того, чтобы читать вам наставления!

– Чего же вы желаете? Надеюсь, что вы отважились прийти сюда, в самое сердце спорной территории, в бассейн озер, куда вообще очень неохотно заглядывают люди белой расы, не для того только, чтобы изложить мне по-своему мою биографию!

– Отважился, говорите вы? Чтобы отважиться на это, не нужно было большой смелости, так как за моей спиной стоит правительство, у которого не в обычае допускать, чтобы его представителей прирезывали, как овец или баранов. Итак, я продолжаю: ваши проекты, безусловно, не лишены ни оригинальности, ни известной грандиозности и широты размаха... Быть может, и другие мечтали о том же раньше вас, но позвольте мне сказать, что, как мне кажется, никто, кроме вас, не может быть так пригоден для осуществления их, для претворения их в жизнь, как вы! Быть одновременно и Лопецом, и Сулуком, и Франсиа этой территории, не принадлежащей в данный момент никому, призвать сюда людей, создать ее население, дать ему конституцию и объявить это новое маленькое государство независимым, заставить соседние державы признать его таковым официально, – все это, конечно, не каждому по плечу. Тем более, что громадные и непреодолимые препятствия ждут вас на этом пути.

– Да, я знаю, но они не в состоянии запугать меня. Вам это известно, вам, который так хорошо обо всем осведомлен!

– Итак, – продолжает дипломат, – воздав вам подобающую

честь и выразив мое искреннее удивление, позвольте мне, вместе с вами, обсудить и взвесить всю важность всех этих препятствий. Вы – одни; ваш клан насчитывает не более шестисот человек, способных носить оружие.

– У меня будет свыше шести тысяч через два года!

– Бразильских дезертиров, которые не дорого стоят, и французских ссыльных, которые уж ровно ничего не стоят!

– Уж это мое дело, как использовать их! – возразил негр.

– Да, на собственный риск!

– Никакой риск не пугает меня!

– Пусть так. Но у вас нет денег!

– Скоро они у меня будут! – сказал Диего с загадочной усмешкой.

– Я охотно верю. Ну, а затем? Какое государство окажет вам поддержку? Какое примет вас под свой протекторат, официально признает вас?

– Все это мы увидим впоследствии! Самое важное в настоящее время – это существовать.

– Но ведь вы даже еще и не существуете! Ваша будущая республика то же, что и дом без стен, стол без блюд или рама без картины!

– Да, я это, черт побери, знаю не хуже вас! Но я пока еще ничего сделать не могу. А вы, господин уполномоченный министр... вы что-нибудь можете?

– Я?.. Может быть... Я, например, мог бы позволить вам рассчитывать на благосклонный нейтралитет Бразилии.

– Это, конечно, уже нечто!

– На нейтралитет, который позволит вам установить эмиграционное движение, официально одобряемое президентом или губернатором провинции Пара!

– И это правда?

– Что вы сказали?

– Простите, Бога ради!

– Я говорю, нейтралитет, который позволяет вам вести беспрепятственно торговлю с этой провинцией!

– Это было бы для меня спасением!

– В таком случае, не сомневайтесь!

– Да, но вы предложите мне взамен всего этого невыполнимые условия?!

– Нет.

– Но что же вы от меня потребуете?

– От вас потребуют, просто-напросто, обязательства покровительствовать исключительно, вы меня понимаете, исключительно бразильскому влиянию!

– Это возможно, так как, помимо всего, французы не пользуются моей симпатией.

– Затем, во всем и по всякому делу, сноситься с правительством Его Величества!

– Я согласен и на это!

– И впоследствии, когда придет время, просить о протекторате одной Бразилии!

– И это все?

– Наконец, вы должны еще обязать уважать и щадить права и собственность, равно как и личность, колонистов белой расы, поселившихся на спорной территории или намеревающихся поселиться на ней!

– Да это и в моих интересах!

– Но вы, однако, не всегда так поступали до сих пор! – заметил уполномоченный.

Последние слова подняли целую бурю в душе негра, разом возбудив все его опасения и подозрения. Он побледнел до того, что лицо его стало пепельно-серым и исказилось конвульсивной судорогой, а глаза налились кровью. Порывисто встав, он крикнул голосом, сдавленным от клокотавшей в нем злобы и сдержанного бешенства:

– Так вот зачем вы явились сюда! Вот в чем секрет вашего посещения, этой комедии и этих рассказов, которые я слушал, развесив уши, как дурак, в продолжение целого получаса! Так признайтесь, вы под прикрытием дипломатической неприкосновенности явились вырвать у меня хитростью или силой моих пленников?!

– Ни то ни другое! – возразил незнакомец, все так же невозмутимо спокойно.

– Не рассчитывайте, что это вам удастся, милейший, – продолжал Диего, – эти пленники, коль вам все известно, представляют для меня все мое будущее благосостояние, мой государственный фонд... Их выкуп должен служить основным вкладом; это будут стены моего дома, роскошный

пир на моем пустом столе, картина в мою раму... И я скорее предпочту прострелить вам голову, чем отказаться от них. Мне нечего терять! Слышите?

– Нет, вы лучше не стреляйте, а выслушайте меня! У вас не хватает спокойствия, а между тем спокойствие необходимо будущему государственному человеку! – уверенно заметил незнакомец. – Если бы я хотел вырвать у вас госпожу Робен, ее детей и трех французов пассажиров «Симона Боливара» силой, то не оставил бы на корвете, привезшем меня сюда на Арагуари, двести пятьдесят человек экипажа и не пришел бы сюда с жалкой горстью людей и парламентерским флагом; я бы заставил сопровождать себя две роты морской пехоты или десантной команды!..

– И тогда пленники были бы все перерезаны или задушены по моему приказу!

– А ваша деревня была бы снесена дотла, сметена с лица земли, население ее расстреляно, а женщины и дети отвезены в Макапу. Что касается вас, то вас я приказал бы изрезать на тоненькие ломтики и приготовить из вас нечто вроде блинчиков! Так вот, милейший, не старайтесь перехитрить меня или обойти, тем более, что, в сущности, я желаю вам только добра... Садитесь и слушайте меня внимательно!

Диего, усмирённый этим невозмутимым спокойствием или, быть может, напуганный присутствием военного судна в водах Арагуари, как будто успокоился и сел на свое прежнее место.

– Доказательством того, что я желаю вам всякого благополучия, может служить то, что я уполномочен вручить вам, из рук в руки, довольно кругленькую сумму, которая, оказывается, почти соответствует цифре, назначенной вами в качестве выкупа за ваших пленников!

– Миллион франков?..

– Да, приблизительно!

– Звонкой монетой?

– Да, звонкой монетой, если хотите... Я должен сознаться, что этот секретный фонд предназначался вам по милостивому соизволению моего правительства на то, чтобы помочь вам в настоящее время встать на ноги и выпутаться из затруднительного положения, на условиях только что изложенных мною. Но при этом вы, надеюсь, ничего не будете иметь против, если я, от своего имени и своей собственной властью, потребую от вас взамен передачи мне всех ваших пленников. Для Робена это будет прибыльно, да и для вас неубыточно.

– Одно за другое? В обмен?

– Да, конечно, не иначе!

– В какой срок?

– Послезавтра!

– Где? В каком месте произойдет обмен?

– Под карбетом на Тартаругале, против горы!

– Можете быть спокойны!

– Да, ведь это в ваших же интересах, тем более, что и в бу-

душем вам придется прибегать к нашей помощи и к нашим финансам. Наше правительство, как вам известно, достаточно богато и умеет щедро оплачивать оказанные ему услуги!

Таинственный уполномоченный собирался окончить этот разговор несколькими словами относительно самой формы обмена, как вдруг страшный гам и шум огласил всю деревню. Крики, вой, громкий хохот, сливаясь в один общий хаос звуков, порождали невероятную какофонию.

Диего в недоумении поднялся со своего места, не зная, что и думать. Он одним прыжком выбежал на улицу и столкнулся лицом к лицу с рослым детиной-негром. Весь в поту, жестикулируя, как безумный, негр держал за хвост мертвого тату¹¹, и странно, – это четвероногое как будто только что выскочило из ванны, наполненной золотом. Чешуя на нем блестела и сверкала на солнце золотыми лучами, причем при малейшем его движении с чешуи обильно сыпалась золотая пыль, явственно выделявшаяся желтыми пятнами на красной глине дороги.

Остальные негры, все более и более беснующиеся и обезумевшие, ревели, как быки на бойне, и неистово жестикулировали, оглашая воздух криками:

– Сокровища!.. Сокровища найдены!.. Найдены!

¹¹ Армадил, броненосец.

Глава XIII

Безумная страсть негров к пляскам и охоте. – Следствия встречи с тату. – Животное скорее даст оторвать себе хвост, чем выйдет из своей норы. – Беззубый, но имеющий зубы. – Секрет упорства тату. – Каким образом это упорство можно сломить простым щекотанием. – Загнанный в свою нору. – Мина и контр-мина. – Зловонный запах. – Труп. – Тату среди груды золота. – Сокровища найдены. – Опьянение и безумие Диего. – Все пропало! – Инкогнито разоблачено. – Маркиз, Винкельман и Табира.

В те отдаленные времена, когда люди черной расы были для всего мира несчастными и жалкими рабами, развлечения на плантациях были редки, как в Северной, так и в Южной Америке; они состояли почти исключительно в пляске и охоте.

Когда негры, изнуренные и измученные ежедневной работой, возвращались в свои хижины, они обычно собирались под руководством одного из своих единоплеменников, который с барабаном в руках предводительствовал танцами, или, вернее, пляской, состоявшей из бешеных скачков и прыжков, ставших впоследствии легендарными.

Если же для танцев не было условий – из-за отсутствия барабана или из-за нежелания руководителя – невольники занимались охотой и предавались ей с таким же увлечением,

как и пляске, то есть с бешеной страстностью первобытного человека, искренним увлечением взрослого ребенка, который предается любимой забаве без размышления, без чувства меры, до изнеможения.

Рабовладельцы не только не воспрещали этих забав, но даже до известной степени поощряли их, зная, что люди, предающиеся веселью, не помышляют о дурном или, иначе говоря, не задумываются над священными правами на личную свободу и независимость и не замышляют протестов против их власти.

Впрочем, охота для рабов разрешалась с некоторыми ограничениями.

Господину предоставлялась так называемая благородная дичь, благородная птица и красный зверь. Чернокожим же разрешалось охотиться только на животных низшего порядка, при том под строжайшим запретом пользоваться огнестрельным оружием.

Несмотря, однако, на эти ограничения, негры-невольники по привычке или потому, что на доступную им дичь вполне можно было охотиться с их примитивным оружием, с большим упоением охотились на опоссума или тату (броненосца).

Кто в состоянии описать все хитрости, уловки и затеи этого полудикого охотника, его скитания по лесам, его погоню за зверем? С топором, лопатой или дубинкой он старается перехитрить, обойти и обмануть животное, состязаясь с ним

в силе, ловкости и выносливости.

Кто в состоянии пересказать возвращение негра с охоты, его удивительные рассказы, полные детского простодушия – изумительные по своей наивности, его прыжки и детский смех, когда он, резвясь и приплясывая, торжествующий и счастливый, возвращается в свою деревню с богатой добычей и запасом счастливого настроения на целую неделю. В настоящее время, хотя условия сильно изменились, и изменились, конечно, к лучшему, и негры стали из бесправных рабов полноправными гражданами – избирателями и избираемыми, все же они унаследовали от своих дедов и отцов – рабов две страсти: страсть к пляске под глухой ритм барабана и страсть к охоте на опоссумов и тату.

Как бы негр ни был озабочен, но если ему попадается на глаза жестянка или простой деревянный ящик, то, за неимением под рукой барабана, он тотчас же превращает эти предметы в музыкальный инструмент и, как ужаленный тарантулом, принимается выплясывать под аккомпанемент этих импровизированных инструментов.

Это совершенно фатальная страсть у негров.

С другой стороны, если он, идя по делу на свое поле или в мастерскую на работу, увидит случайно след когтей тату, он тотчас же забывает и про дело, и про работу, увлекаясь погоней и охотой. Если бы ему пришлось преследовать животное в течение двух суток, он не отстанет от него до конца и не успокоится, пока не изловит его.

Также и чернокожие подданные Диего унаследовали эти две страсти; и кроме индейцев, вообще довольно апатичных, в этой местности не было более ловких и энергичных охотников, чем негры Озерной деревни.

В тот день, когда бразильский уполномоченный со своим конвоем из солдат тапуйев так неожиданно предстал перед Диего, один из негров, имя которого предание не сохранило, увидел превосходного тату, весело бежавшего мимо густой рощицы камбрузов. При виде этого животного непреодолимая страсть к охоте разом пробудилась в нем. С минуты молодой негр стоял неподвижно, как очарованный, затем медленно занес свою дубину и приготовился нанести удар по хребту беззубого броненосца. Но тату, хитрый, как лиса, увернулся от удара и стал улепетывать между кустами с быстротой и проворством ящерицы. Охотник устремился следом за ним, прорываясь сквозь чащу бамбуков, настиг животное, несмотря на его увертливость, и уже приготовился оглушить его своей дубинкой, как вдруг тату, заведев норку, нырнул в нее с головой и скрылся. Остался на виду только хвост.

Озадаченный неожиданным исчезновением животного, охотник, не долго думая, обеими руками схватился за этот хвост и стал изо всей силы тянуть его на себя. Но все его попытки были тщетны! Никакая сила в мире не в состоянии вырвать это животное из его норы, где оно сидит так же крепко, как нарезной снаряд в жерле пушки. Но и негр был упрям и не упустил добычу; однако, видя, что ему так не справиться

с животным, решил принести лопату, чтобы разрыть нору. Сказано – сделано! Он выпускает хвост животного, которое тотчас же исчезает в норе, и бежит со всех ног по направлению к деревне.

Воспользуемся этим временем, чтобы сказать несколько слов об этом интересном животном.

Тату, или броненосец, гласят учебники естественной истории, млекопитающее из рода беззубых. Слово беззубый по отношению к тату звучит как простая шутка, против которой это животное протестует самым энергичным образом, так как оно имеет прекрасные зубы.

Теперь перейдем к характеру этого животного и самым замечательным его особенностям. Во-первых, это млекопитающее совершенно не имеет шерсти; длина его тела, не считая хвоста, достигает 60 сантиметров, и все оно покрыто броней из костистых щитков, многоугольной формы, расположенных поперечными поясами. Словом, это род брони, весьма прочной и твердой, которая, однако, вместо того, чтобы сделать животное неподвижным, как, например, панцирь черепахи, ничуть не стесняет проворства и живости его движений.

Нрава тату робкого, головку имеет маленькую, морду сильно удлиненную, череп плоский, глаза расположены по бокам головы, корпус массивный и мясистый, ноги короткие, с очень сильными когтями.

Это животное по преимуществу роющее. Его пища состо-

ит главным образом из земляных червей, улиток, насекомых, личинок и растительных продуктов – маниока, маиса, но все-таки он предпочитает разлагающиеся трупы.

Бык, лошадь или какое-либо другое животное, подошедшее в лесу или в саванне и брошенное на произвол судьбы, тотчас же привлекают броненосца, который издали чует запах падали или вообще трупный запах, даже если труп или падаль зарыты. Тату тотчас же принимается рыть ходы в земле, пробирается внутрь остова мертвечины и обжирается ею, обгрызая до самой шкуры, подобно крысе в басне, поселившейся в сыре.

Кроме других странных особенностей, тату обладает еще способностью подымать дыбом щитки своей брони, подобно тому, как это делает со своими иглами дикобраз, с тою только разницей, что он это делает не в момент нападения на него, так как тогда это послужило бы ему скорее во вред, чем на пользу.

Только в тех случаях, когда его захватят, а он готов скрыться в свою нору, тату вдруг подымает дыбом щитки своей брони, и тогда они, врезавшись в стенки и свод хода, совершенно не дают возможности сдвинуть животное назад, хотя бы на один дюйм. Оно как бы врастает в землю, и никакие силы не в состоянии вырвать его из подземного хода. В тех же случаях, когда охотник преследует его по пятам, разрывая лопатой подземные ходы, этот гигантский крот роет все новые и новые подземные галереи с изумительной энер-

гией и проворством.

Первое, что тогда бросается в глаза, – хвост; обычно, хватаются за него, тянут, что есть сил, – и напрасно: тату, так сказать, врос в землю! Этим и объясняется, почему молодой негр, несмотря на свою необычайную силу не мог вырвать из норы броненосца. Единственно, что он мог сделать, это обломить хвост, но все-таки и этим не добился бы своей цели.

Между тем существует средство преодолеть это упорство животного и выйти победителем из борьбы с ним: когда охотников двое, то один, срезав тоненькую тростинку, заостряет ее с одного конца и осторожно почесывает этим концом под щитками кожу животного там, где она обычно бывает прикрыта щитками, производя таким образом легкое, беспрерывное щекотание. Тату, по-видимому, испытывает при этом такое упоение, что мускулы его размягчаются, щитки опускаются, складываются, и весь он ослабеваает настолько, что сила сопротивления совершенно пропадает в нем, и он делается добычей своих врагов.

Иногда охотник может и один проделать такую штуку, но тогда нужно, чтобы он имел при себе эту магическую тростинку. Но наш молодой негр, не имевший при себе никаких, даже и самых примитивных орудий, совершенно благо-разумно решил, что ему следует бежать домой за лопатой и помощниками.

Негры, несомненно, имеют немало пороков и недостатков, но они во всяком случае не эгоисты, и каждый из них

с радостью готов поделиться с товарищем счастливой находкой. Так и юный охотник не захотел лишиться своих друзей удовольствия охоты за тату, со всеми ее увлекательными перипетиями.

Первые из его односельчан, которых он встретил и сообщил о своем затруднении, тотчас же схватили заступы и лопаты и бегом кинулись к норе тату, крича, приплясывая и жестикулируя, как сумасшедшие.

Всего их было человек двенадцать или около того, и все они принялись за работу с таким невероятным рвением, о котором трудно себе составить представление тому, кто видел этих самых людей за работой на поле, где они лениво царапают землю, подготавливая почву под маис или сахарный тростник и еле-еле шевеля лопатой.

В несколько минут дыра, где скрылся тату, превратилась в широкую и глубокую траншею.

Но вот зловонный запах ударил в нос работающим, сильный, удушливый, трупный запах разлагающегося мяса. Еще удар заступа, – и взорам негров открылись останки трупа, а сверху – обрывки шерстяных тканей. Но землекопы, издавна знакомые с привычками и вкусами тату, столь омерзительными для нас, европейцев, знали, что это животное особенно любит падаль и разлагающееся мясо, и стали рыть с еще большим усердием, ни мало не смущаясь своей ужасной находкой.

Заступы и лопаты работали вовсю, глубоко разрывая на

ключья несчастный труп и раскидывая эти ключья вместе с землей, вперемешку с комьями земли и песка.

– Тату!.. Тату!.. – раздаются голоса.

Несчастное животное, преследуемое с такой беспощадностью, без отдыха, с бешеным озлоблением, уходит все дальше и дальше, роет все новые ходы, основательно уходит в землю, работает и лапами, и рылом, на мгновение появляется на виду, но тотчас же снова исчезает под землей, благодаря усовершенствованным орудиям, которыми его снабдила природа.

Но эта продолжительная борьба заставила негров окончательно обезуметь: долгое сопротивление несчастного животного довело их до полного самозабвения. Они уже ничего не видят и не слышат, а только роют и копают, стараясь загнать вконец измученного тату в какой-нибудь тупик и принудить его сдаться.

И вот, действительно, их охота как будто близится к концу: изнемогая ли от этой бешеной работы, к которой вынуждала его погоня, или предвидя, что ему все равно не избежать роковой развязки, или же, наткнувшись на непроницаемый слой твердой почвы или камня, несчастное животное вдруг как будто успокоилось и остановилось. Кончик хвоста показался над землей среди груды песка и камней; один из охотников тотчас же схватился за него, а товарищи принялись поспешно разрывать землю вокруг этого места.

Еще один удар заступа, и громкий крик торжества огла-

шает воздух: злополучное животное изловлено. Но вот за этим торжествующим «ура!» раздается шум, крики, несвязные возгласы; словом, подымается целый содом.

То препятствие, на которое наткнулся в своем подземном бегстве тату, теперь предстало изумленным глазам охотников, и их охватило волнение, близкое к ужасу: они увидели перед собой невероятную грудку золота в самородках, крупинках и песке, тщательно заделанного в корзины, обвязанные крепкими циновками и бечевками из волокон арума.

Тату, отчаянно работая своими железными когтями, чтобы проложить себе дорогу, изорвал эти покровы и почти весь исчез в грудке металлических комков и комочков самой разнообразной формы и величины, начиная с самородков величиною с абрикос и кончая тончайшей пылью. Загнанное животное сверкало, как изображение какого-нибудь золотого фетиша из легендарного дворца Эльдорадо.

Сильный удар заступа по хребту положил конец движениям бедного животного, пытавшегося вырваться из рук своих мучителей.

Но негры не смели и подумать о присвоении себе хотя бы самой незначительной доли этих сокровищ. Не говоря уже о том, что их число весьма затрудняло равный и справедливый дележ, трудно было сохранить в полной тайне эту удивительную находку. А затем страшный и грозный призрак свирепого Диего предстал перед ними и разом разрушил мечты, которые втайне лелеяли некоторые в первые моменты счаст-

ливого опьянения. Одно воспоминание о нем мигом возвращало их к суровой действительности.

– Бежим известить вождя! – решили все в один голос.

Сказано – сделано! Счастливые охотники, забрав свои заступы и лопаты, захватив и броненосца, всей оравой, с визгом и смехом, бегом бросились к деревне, крича во все горло и на все голоса: «Сокровища, сокровища!.. Мы нашли сокровища!»

Такова была причина того крика и гвалта, который озадачил Диего, а отчасти и его гостя, когда переговоры их подходили к концу, и все между ними уже было решено.

Несмотря на беспредельное пустословие, каким негры вообще любят уснащать свои рассказы, ради большего впечатления и красного словца, несмотря на все отклонения от главного предмета, на массу ни к чему не нужных попутных подробностей, Диего очень скоро уловил самую суть дела и понял, что тайник, где его предшественник так умело скрыл от всех свои сокровища, благодаря погоне за тату, наконец, обнаружен.

Нервная дрожь охватила его с ног до головы; глаза его разгорелись, и странное выражение счастья на мгновение озарило его мрачное лицо.

Несмотря на свое невероятное самообладание, он был готов кричать, прыгать, плясать и жестикулировать, как безумный.

Но присутствие белого, по-прежнему остававшегося

невозмутимо спокойным, хладнокровным и безучастным, заставило его одуматься, сдержать свой порыв и побороть в себе желание немедленно вскочить и мчаться к тайнику.

– А-а, – проговорил он, обращаясь к своему посетителю, голосом, в котором слышалось волнение, и которому он старался придать любезный тон, – если бы я был суеверен, то мог бы подумать, сеньор, что ваше прибытие принесло мне счастье!

– Что вы хотите сказать? – спросил уполномоченный все тем же бесстрастным голосом.

– А то, что несметные сокровища, добытые некогда с большим трудом и громадными усилиями и таинственным образом исчезнувшие, вдруг вновь найдены моими людьми! Вы только что предложили мне миллион, и вот я нахожу другой миллион! Так будьте же дважды желанным гостем в моем доме!

– Я не совсем вас понимаю!

– Да я и сам едва могу сообразить, как все это случилось! Разрешите мне покинуть вас на самое короткое время, пока я успею добежать туда и тотчас же вернуться обратно, чтобы убедиться, в чем дело! Но, может быть, вы пожелаете отправиться вместе со мной?

– Нет, идите по своим делам, я предпочитаю подождать вас здесь!

– Как вам угодно, Ваше Превосходительство... до скорого свидания!

Оставшись один, дипломат, столь хладнокровный до этого момента, вдруг глубоко вздохнул, вскочил со своего места, стукнул кулаком по столу с такой силой, что стол чуть было не раскололся, затем снова сел и стал утирать платком пот, ручьями катившийся у него со лба.

– Все пропало! – пробормотал он сквозь зубы.

Но ведь снаружи его могли видеть?! Быть может, подозрительный, как всегда, Диего приказал своим людям наблюдать за ним? И незнакомец, поборов свое волнение, прорвавшееся было наружу, снова придал своему лицу спокойное и бесстрастное выражение, стал поправлять свои золотые очки, обмахиваться треуголкой, словом, снова стал так же невозмутимо спокоен и безучастен, как и раньше.

Индейцы-солдаты, небрежно растянувшиеся на земле подле своих ружей, составленных в козлы, не тронулись с места; их начальник, сидевший в тени развесистого дерева, остался также неподвижен. Жители деревни тоже не покинули своих хижин, вероятно, по наказу своего строгого вождя.

Диего захватил с собой всего человек десять с лопатами и корзинами.

Не прошло и получаса, как он уже вернулся, торжествующий и довольный, в сопровождении своих негров, тяжело нагруженных золотом.

– Вот, – шумно воскликнул он, входя в свою хижину, – вот мое золото, утаенное от меня человеком, которому я доверил его на хранение, и запрятанное им в таком месте, о кото-

ром никто не знал и никогда не узнал бы, если бы тату не польстился на труп одного беглого каторжника из Кайены, схороненного поблизости. И вот счастливая случайность! Подумайте, труп был зарыт всего в нескольких шагах от сокровища, и те, кто рыл могилу, даже не подозревали о существовании клада поблизости. Надо было, чтобы тату прорыл свои ходы, ища спасения как раз в этом направлении, и нарвался на эти груды золота, в которые и зарылся, не найдя себе выхода. Ну, разве это не удивительно?

– В самом деле крайне удивительно! – согласился уполномоченный слегка изменившимся голосом.

– Смотрите, какая чудесная находка!.. Каждый из этих людей несет на себе не менее тридцати трех килограммов золота, а их десять человек; это составляет уже миллион, если считать на французские деньги!

– Поздравляю вас, милейший, и от всего сердца! Но я думаю, эта находка ни в чем не изменит наших условий?!

– Конечно нет! Кой черт, когда начинаешь получать миллионы, то хочется получать их как можно больше... Я в настоящее время более чем когда-либо нуждаюсь в деньгах, точно так же, как и в благосклонном нейтралитете вашего правительства.

Заручившись этим уверением, уполномоченный, которому, в сущности, ничего более не оставалось делать в Озерной деревне, по крайней мере в настоящее время, стал прощаться с негром. Последний со своей стороны, по-видимо-

му, весьма был озабочен необходимостью припрятать свое золото в надежное место.

Поднявшись со своего места, уполномоченный подошел к двери и окликнул своего офицера, продолжавшего сидеть неподвижно под сенью дерева. Тот, в свою очередь, окликнул солдат, мирно спавших растянувшись подле своих ружей; те тотчас же вооружились и построились в ряды.

Чернокожий вождь и белолицый дипломат расстаются с притворной сердечностью, условившись свидеться вновь через три дня.

Трубач заиграл марш, на звуки которого опять сбежалось чуть не все население деревни, еще более возбужденное и заинтригованное теперь. Но музыка звучит все дальше и дальше от деревни, и вскоре залитый золотом уполномоченный, и офицер, и солдаты, словом, все это необычайное шествие скрывается в чаще леса. Ни у кого нет желания следовать за ними: в связи с находкой сокровища, все ожидают великих щедрот со стороны Диего, ожидают, что угощения и тафия достанутся на долю каждого, и потому все возвращаются назад в деревню.

Но мы последуем за солдатами.

Вскоре солдаты подходят к проливу, служащему путем сообщения с южной частью этой территории; здесь они садятся на пирогу, на корме которой развевается бразильский флаг, молча размещаются по своим местам. Солдаты превращаются в гребцов и сильно работают веслами.

Немного погодя уполномоченный прервал, наконец, всеобщее молчание, продиктованное самой элементарной осторожностью с самого момента выхода их из деревни.

Но теперь, когда, кроме этой пироги, нигде кругом нет ни души, когда нечего более опасаться шпионов, этот столь удивительно невозмутимый и бесстрастный господин вдруг издает бешеный крик ярости, вскакивает со своего места и кричит на этот раз уже по-французски и совершенно иным голосом:

– Черт возьми! Тысяча тысяч миллионов громов и молний!.. Ведь все погибло, Винкельман!

– Что вы говорите, Маркиз? – отзывается офицер, который уже расстегнул свой мундир и готовится заменить его простой холщовой блузой.

– Сушью правду, увы!.. Надо же было обстоятельствам так сложиться, что этот клад, так тщательно запрятанный и скрытый от всех, на который я рассчитывал, чтобы обеспечить несчастным пленникам свободу, был отрыт этими чернокожими как раз сегодня!

– Какое несчастье!

– Это Бог знает на что похоже! Дело было так хорошо обставлено, проведено без сучка, без задоринки, так удачно задумано, и вдруг, когда уже удалось провести этого дьявольски хитрого и подозрительного негра, остаться на бобах в самый последний момент! Нет, это положительно ужасно!

– Ну, а что вы скажете обо мне? Чего ради я превратился

в мулату, чего ради потел в этом мундире и задыхался в этой упряжи? Для того только, чтобы упустить столь благоприятный случай придушить этого черного негодяя?

– Ну, а разве мой маскарадный наряд не был хорош? Разве можно было меня узнать в этом наряде и в этой роли бразильского дипломата? И все это напрасно!

– Ну что делать, Маркиз! Что сделано – то сделано! Не надо только отчаиваться... Мы еще можем соединиться с господином Шарлем, который успеет уплатить требуемую сумму!

– Да, но ведь эта сумма вернет свободу только одному, тогда как, если бы не эта неудача, через три дня были бы свободны все!.. Право, если бы нас было не четырнадцать человек, а 40 или 50, и если бы на Арагуари действительно стояло военное судно, как я налгал этому черномазому, то можно было бы напасть на деревню с оружием в руках и воспользоваться опьянением негров, которые теперь, несомненно, все перепьются на радостях до полного бесчувствия и самозабвения...

– ... И все там перевернуть вверх дном и увезти наших пленников? Не так ли?

– Что ты на это скажешь, Табира?

Сержант, сидевший на корме пироги и направлявший ее ударами своей нагайи, невозмутимо поднял голову и ответил:

– Я сделаю так, как того захотят белые, но я с большой

радостью поджег бы всю эту деревню и изжарил бы всех этих проклятых негров в их хижинах! – и Табира при этом пренебрежительно сплюнул. – Но всего лучше идти к господину!

– Да, ты прав, Табира! Мы не можем и не должны ничего делать без его согласия: ведь малейшая неосторожность с нашей стороны может повести к ужасным последствиям! Ну же, дружно, ребята! Налегай на весла и с Богом в путь!..

Глава XIV

Необходимое объяснение. – Каким образом эльзасец исполнил свои инструкции. – Эгаритеа. – Первые рекогносцировки. – Нежданная встреча. – Каким образом переодетый Винкельман вдохновил Маркиза. – Комедийный актер готовится разыграть настоящую драму. – Автор и актер. – На Марони. – Приготовления к экспедиции. – В путь к Арагуари. – Через девственные леса. – Один под сенью карбета на Тартаругал-Гранде. – Таинственный шум. – Удивление. – Вместе. – Уничтоженные проекты. – Каким образом Маркиз думает устроить все дела одним револьверным выстрелом? – На месте свидания. – Никого!

Путем какого странного стечения обстоятельств Маркиз, так превосходно переодетый и загримированный, встретился с Винкельманом, и с индейцем Табирой и разыграл эту смелую комедию, которой ему удалось провести и одурачить Диего, этого хитреца из хитрецов и самого недоверчивого из людей?!

Но, вероятно, читатель уже сам об этом догадался, а потому мы удовольствуемся только тем, что подтвердим его догадку несколькими краткими словами.

Читатель, вероятно, еще помнит: при расставании Шарль дал эльзасцу следующую инструкцию: пользоваться деньгами по своему усмотрению, затем соединиться с Табирой у

развалин серингаля, где тот тем временем должен был заняться розысками уцелевших во время погрома бывших служащих, и, посоветовавшись с ним, продолжать действовать сообща, имея в виду ближайшее возвращение Шарля Робена на Тартаругал-Гранде.

При содействии того же французского негодяя, Винкельман приобрел эгаритеа (то есть небольшое судно) и нанял нескольких матросов тапуйев, тщательно отобранных все тем же его соотечественником. Нагрузив свое небольшое судно хорошими запасами продовольствия и раздобыв превосходнейшее огнестрельное оружие, с соответствующим количеством боевых патронов, он рассчитывал произвести, в случае необходимости, вооруженное нападение на Озерную деревню.

Решившись даже разыграть роль бразильского офицера, действующего по предписанию местных властей, чтобы тем самым сильнее воздействовать на умы в сущности весьма трусливых жителей деревни, он заказал себе прекрасный мундир капитана морской пехоты и двенадцать комплектов солдатского обмундирования, которые и уложил в особый ящик.

После того он спешно направился на Арагуари, куда и прибыл после довольно продолжительного, но совершенно благополучного плавания.

Табира, давно уже бывший на своем посту, успел за это время собрать кое-кого из своих бывших товарищей, бро-

дивших в лесу без убежища и без дела со времени страшно-го разгрома.

Что же касается остальных служащих серингаля, негров и индейцев с женами и детьми, то все они перебрались на верховья реки, выше порогов, где и ютились временно, и откуда их во всякое время можно было вернуть.

Посоветовавшись, эльзасец и Табира решили подняться на эгаритеа до фазенды, владелец которой проявил такое сочувствие горю Шарля. Здесь они основали свою штаб-квартиру и отсюда отправились, со всевозможной осторожностью, к окрестностям Озерной деревни, чтобы там, на месте, обсудить и подготовить вооруженное нападение на тот случай, если непредвиденные обстоятельства помешают мирным переговорам.

Винкельман, имея в своем распоряжении еще довольно крупную сумму, взял на себя смелость вернуть фазендейро деньги, одолженные им его господину. Фазендейро проникся еще большим доверием к Шарлю Робену и стал одним из самых деятельных и усердных союзников молодого француза.

Зная, что беглые кайенские каторжники находятся в Озерной деревне и опасаясь быть узнанным ими, эльзасец преобразился в мулата, что он осуществил без особых затруднений, натерев себе лицо, руки и все тело соком генипа.

Затем он отправился дальше, в сопровождении Табири и еще двух индейцев, оставив остальных индейцев, как и эгаритеа и весь ее экипаж, временно в фазенде.

Они бродили уже около недели вокруг Мукамбо, стараясь разведать привычки и образ жизни пленников, изучая местность и изыскивая средства завязать связи с госпожой Робен.

Табира дважды отважился пробраться в самую деревню днем и вернулся с самыми точными указаниями относительно ее расположения, после чего очередь пришла и эльзасцу. Винкельман с удивительной смелостью, присутствием духа и невероятным хладнокровием явился к лавочке, где выдал себя, благодаря основательному знанию португальского языка, за солдата, дезертировавшего из Макапы, и был радушно принят завсегдатаями корчмы, благодаря своей щедрости на угощение. Пробыв некоторое время в этой веселой и дружелюбной компании, он под вечер преспокойно ушел из деревни, сказав, что идет разыскивать товарищей, скрывающихся в лесу, и вдруг неожиданно столкнулся с Маркизом.

Маркиза он отлично помнил и в лицо, и по имени, несмотря на то, что видел всего только один раз в продолжение часа, когда Маркиз и его товарищи садились на пароход «Симон Боливар» вместе с Шарлем.

– Господин Маркиз! – шепнул он мимоходом молодому человеку и при этом сделал ему знак следовать за собой.

– Кто назвал меня по имени? Кто вы такой? – спросил актер, недоумевая, кто мог окликнуть его по имени, да еще по-французски, и кто такой этот мулат, которого он никогда раньше не видал.

– Шш! Будьте осторожны! Бога ради, ни одного лишне-

го слова, ни одного жеста, который мог бы возбудить подозрение! Доверьтесь мне! Я – не мулат, а француз, один из слуг господина Шарля Робена... вашего спутника на пароходе «Симон Боливар». Вспомните человека, который помогал грузить ваш багаж, это был я!

– Я отлично помню!.. Так идите прямо, притаитесь там в рощице камбузов... Я приду туда, как только будет возможно!

Винкельман продолжал идти дальше, не замедляя и не ускоряя шага, все той же небрежной, ленивой поступью человека, которому спешить некуда, не поворачивая головы и рассеянно блуждая взором по сторонам.

К счастью, произнесенные им по адресу Маркиза слова никем не были услышаны.

– Боже мой, Боже мой! Какими судьбами этот человек, которого я оставил на пароходе вместе с господином Робеном, очутился здесь! – думал Винкельман, удивленный до крайности этой неожиданной встречей...

– О каком новом несчастье придется мне услышать от него? Уж не случилось ли чего-нибудь и с моим добрым господином?

Впрочем, его беспокойство продолжалось недолго. Артисты пользовались почти с самого начала относительной свободой, а потому могли беспрепятственно ходить где угодно и в какое угодно время, но, конечно, лишь на известном расстоянии от деревни. Маркизу без особых хлопот удалось уй-

ти из деревни и свидеться в чаще с Винкельманом, поджидавшим его там.

Во время этого первого свидания, весьма непродолжительного, впрочем, из опасения возбудить подозрения, они ознакомили друг друга с положением дел с той и другой стороны и расстались, условившись свидеться снова, чтобы обсудить необходимые для общего спасения меры.

Надо ли говорить, что в течение тех трех дней, которые прошли между этим первым и следующим за ним свиданием, воображение и мысль молодого артиста, всегда столь пылкие и живые, работали более усиленно, чем когда-либо. Как освободить пленных? Десятки планов роились у него в голове.

Первоначальная идея Винкельмана – превратиться в мулата, затем в капитана бразильской армии и выдать себя за лицо официальное – вдохновила Маркиза.

В его чемодане и в чемоданах его товарищей хранилось немало костюмов, соответствующих всяким случаям жизни и пригодных для исполнения самых разнообразных ролей. Он перебрал содержимое всех трех чемоданов и собрал прекрасную полную парадную форму, которая была уже подробно описана нами раньше и могла ввести в заблуждение даже и такого предубежденного и недоверчивого человека, как Диего. Накладная борода, ордена, шпага и очки, – все было налицо в гардеробе странствующих артистов.

Затем он стал обдумывать и изучать свою речь, свои же-

сты и движения, свою осанку, словом, входить телом и душой в свою роль.

Он решил сыграть уполномоченного от бразильского правительства; зная тайные мечты Диего, предложить от имени бразильского правительства миллион золотом и затем, распрощившись, как подобает такому высокому лицу, – вернуться на свое судно, а ночью вырыть клад, перенести все золото на эгаритеа и в назначенный день и час вручить Диего, взамен пленных, миллион золотом!

Одурочить таким образом этого чернокожего негодяя, уплатить ему его же собственным золотом, освободить пленных, благодаря этому обману, – все это было в высшей степени заманчиво, особенно для прирожденного актера.

Товарищи, Фриц и Раймон, всей душой одобрили этот план и без всяких оговорок согласились со всеми его подробностями.

Вечером того же дня, когда состоялось третье свидание, Маркиз, тщательно упаковавший свой костюм, поцеловал своих друзей и тихонько отправился к Винкельману и Таби-ре, уже поджидавшим его. Мы уже видели, как блестяще и удачно Маркизу посчастливилось провести свою роль и как одно пустячное обстоятельство разом разрушило этот блистательный план, уже близившийся к полному своему осуществлению.

Теперь вернемся на Марони, в роскошную усадьбу плантации «Бонн-Мэр», где несчастный Шарль Робен вместе с

отцом и старшим братом также строил план освобождения своей семьи.

Проект Анри встретил всеобщее одобрение, и решено было тотчас же приступить к приготовлениям.

Время не терпит; нельзя терять ни минуты: трехмесячный срок весьма короток, если принять во внимание громадность расстояний и трудность путей сообщения.

Самым важным было, конечно, раздобыть как можно больше золота, и старик Робен, желая увеличить добычу драгоценного металла, на другой же день сам отправился на прииски с добавочным отрядом рабочих.

С этой стороны не предвиделось никакой задержки или помехи; прииск был богат, и необходимую для первого взноса сумму можно было получить в самом непродолжительном времени.

С другой стороны, Анри также не бездействовал: он поспешил отобрать из огромного персонала отца тридцать человек негров, из которых рассчитывал создать свой боевой отряд. Он мог брать наугад почти любого из этих людей, родившихся или по меньшей мере воспитанных и вскормленных на плантации «Бонн-Мэр»: на них вполне можно было положиться.

Смелые и отважные охотники, смолоду привыкшие обращаться с оружием и мастерски владеть им, несравненные гребцы, дети вольной саванны и девственных лесов, умеющие не хуже диких зверей прокладывать себе доро-

гу сквозь непроходимые чащи, способные выносить всевозможные лишения и безропотно встречать всякую опасность, трезвые и хладнокровные, преданные своему господину, как верные псы, благодарные семье Робена за то благосостояние, которое эти люди создали для них и для их семей, – они были неоценимые помощники.

Эти тридцать хорошо вооруженных негров, под командой умных и опытных людей, могли даже без кровопролития захватить убежище бандитов спорной территории.

Но самое важное было – приучить их к дисциплине, чтобы по возможности усилить еще более их природную решимость и отвагу.

Кроме того, Шарль очень рассчитывал, и не без основания, на содействие Винкельмана, Табиры и тех индейцев и негров из его бывших служащих, которых им удалось бы собрать вокруг себя на берегах Арагуари.

По его расчетам, усилия этих двух отрядов, действующих заодно, должны были дать самые блестящие результаты, хотя шайка разбойников превосходила их по численности во много раз.

Главное в таких делах – это быстрота и точность. Надо будет добиться и того, и другого.

Однако, вернемся к самим фактам.

Трех недель оказалось достаточно для подготовки задуманной экспедиции; так много старания было приложено с обеих сторон: и со стороны обучающих, и со стороны обуча-

ющихся.

Золотая россыпь тоже не обманула возложенных на нее ожиданий и расчетов. Она все это время давала блестящие прибыли. Восемь больших слитков, весящих каждый по 8, 334 килограмма стоимостью в 200, 016 тысяч франков, были тщательно уложены в массивный ларец из палисандрового дерева. Люди также были в полной готовности. Их военная выучка оказалась более чем достаточной для предстоявшей им задачи. Главное, они научились повиноваться с поразительной быстротой и точностью каждому слову команды и усовершенствовались в умении владеть своим скорострельным оружием.

Припасы и прочее были погружены на прекрасный голет вместимостью 50 тонн.

Настал час отправления. Почти все население плантации толпилось на «Мысе кокосовых пальм». Маленькая флотилия пирогов, которые должны доставить военный отряд на голет, стоявший на якоре приблизительно в 40 километрах отсюда вниз по течению реки, приготовилась к отплытию.

Наконец, отъезжающие в экспедицию обменялись последними приветствиями с оставшимися на плантации, и пироги помчали их к судну.

Как только люди пересели на судно, голет тотчас же снялся с якоря. Спустя две недели он входил уже в устье Арагуари.

Голет поднялся по Арагуари до притока Апурема. Ро-

бен-отец, его сыновья – Анри и Шарль, и Николай, их доверенный слуга, последовавший за семьей Робен из Парижа и никогда не расстававшийся с ней с момента их переселения в Гвиану, высадились ночью, с величайшими предосторожностями, у самого слияния этого притока с рекой.

Решено было пешком добраться до окрестностей Озерной деревни, причем никто даже не подумал о трудностях подобного путешествия и опасностях, которые могли им встретиться.

И в самом деле, что значили для этих сынов тропической природы болота, населенные мириадами злокачественных насекомых? Что значили бесчисленные реки, ручьи и потоки, через которые приходилось переправляться то вплавь, то вброд? Что значили утомительные переходы, зной, ливни и усталость?!

Каждый уверенно пустился в путь, неся на себе все свое оружие, гамак и тридцать килограммов съестных припасов, как будто собравшись на приятную загородную прогулку. Голет пошел вверх по реке до фазенды на Апурема, с Шарлем и двумя неграми. Здесь он застал лодку Винкельмана с индейцами, терпеливо ожидавшими возвращения эльзасца, отправившегося вместе с Табирой и маленьким отрядом, привезенным им из Пары, на разведку.

Шарль, зная преданность и ловкость этих двух союзников, уверенный в их осторожности и предусмотрительности, рассчитывал явиться на условленное место встречи приблизи-

тельно за два дня до них. Так как его роль была совершенно мирная, он хотел отправиться в карбет в сопровождении только двух негров.

Он, конечно, мог рассчитывать, что отряд Винкельмана, расположенный под прикрытием леса в окрестностях Озерной деревни, неизбежно встретится с отрядом его отца и брата.

Табира, не раз ездивший с ним на Марони, прекрасно знал в лицо не только его отца и брата Анри, но и большинство из бони, служивших и работавших на плантации. От них он должен был узнать план и присоединиться к ним со своим отрядом для подкрепления.

Совершенно обнадеженный, Шарль отправился на пироге тем же самым путем, каким следовал здесь три месяца тому назад; он не спешил, так как времени было еще много, прибыл на условленное место, то есть к карбету на Тартаругал-Гранде, за два дня до срока, назначенного ему Диего, и временно поселился в этом никем не занятом жилище.

Затем потянулись долгие часы томительного и тягостного ожидания.

Накануне, поутру, он отправил двух своих негров на вершину горы с приказанием зажечь там большой костер, который они должны были поддерживать в продолжение всей ночи, и остался теперь совершенно один. Сидя в своем гамаке, он предавался мучительным мыслям. Не ощущая укусов бесчисленных насекомых, облепивших его со всех сторон,

позабыв даже мучивший его голод, он не заметил, как наступил закат солнца, о котором так громко возвещают своим криком гуарибы (ревуны). Вдруг он сильно вздрогнул: среди разнородных звуков, возвещавших о пробуждении леса и его ночных обитателей, среди этой знакомой ему симфонии, его привычный слух различил другой звук, так сказать, посторонний, необычный: нечто вроде шума травы и по временам – легкий звук бряцания чего-то металлического.

– Это, несомненно, идет вооруженный отряд, – подумал он, инстинктивно схватившись за револьвер. – Я здесь один – и почти беззащитный. Неужели эти негодяи хотят меня ограбить? Да нет же! Он, наверное, хочет получить весь выкуп полностью!

Осторожный, как прирожденный индеец, Шарль беззвучно выполз из своего гамака, выбрался наружу из карбета, притаился за большим кустом юкки и стал выжидать с сильно бьющимся от тревоги и нетерпения сердцем.

Ночь спускалась на землю. Вскоре светлое пламя вспыхнуло вдали и разгорелось ярким огнем на вершине горы, ставшей теперь невидимой на фоне потонувшего во мраке горизонта.

Между тем шум, встревоживший молодого плантатора, становился все явственнее и заметно приближался.

– Эх, черт возьми! – произнес по-французски звучный молодой голос.

– Наконец-то! А я уже боялся, что мы сбились с пути! Вот

и сигнал, друг Винкельман!

– А вот и карбет, господин Маркиз! Господин Шарль, наконец, где-нибудь здесь неподалеку.

– Винкельман! Маркиз!.. – воскликнул Шарль, донельзя обрадованный и удивленный. – Вы здесь? Какими судьбами?

– Да, как видите, мой благодетель или, впрочем, не видите, а слышите! – отозвался Маркиз, ощупью отыскивая руку Шарля, которую он в конце концов нашел.

– Друзья мои, дорогие друзья мои... Что здесь случилось?

– Пока еще ничего особенного – простая неудача. Я, видите ли, с двумя моими товарищами случайно попал там, подле этой проклятой деревни, на клад, настоящий клад из тысячи и одной ночи. Мы с товарищами решили отдать все это золото, а его там были целые груды, на выкуп вашей семьи! Я даже придумал довольно удачный трюк для достижения этой цели, как вдруг странная, чисто дьявольская случайность разом разрушила весь наш план! Я сейчас расскажу вам все. Что касается вашей супруги, госпожи Робен, и детей, то вы можете быть спокойны; они все здоровы и сравнительно довольны! Впрочем, все устроено так, что вы завтра же увидите всю свою прелестную семью.

– Завтра! – воскликнул Шарль, все более и более удивленный.

– Да, завтра. Но позвольте мне, прежде чем начать рассказ обо всем этом, устроить наших людей: они совершенно зыбились из сил!

– Наших людей?

– Ну да, Винкельман, которого вы хорошо знаете, и ваш индеец Табира, да еще кучка краснокожих, вооруженных с ног до головы, все они устали, как собаки! К несчастью, невозможно зажечь свет, во-первых, потому, что у нас нет даже сальной свечи, а затем потому еще, что осторожность предписывает нам оставаться впотьмах. Но мы устроимся, как сумеем! Позвольте мне только расставить двух-трех часовых: трудно предвидеть, что может случиться...

Отдав все необходимые распоряжения с проворством и предусмотрительностью настоящего лесного жителя, Маркиз вернулся к Шарлю и начал ему рассказывать все по порядку едва слышным шепотом.

Шарль слушал его, не прерывая до самого конца.

– Так вы думаете, – сказал молодой человек, когда Маркиз закончил свою речь, – что этот негодяй, рассчитывая получить полностью весь выкуп, распорядится привести сюда всех своих пленных?

– Я уверен, что он явится сам: он ни за что не согласится доверить кому бы то ни было эту громадную сумму!

– Господи! Что это только будет, когда он увидит, что у вас нет всего этого золота, которое он думает получить?

– Да ведь нас здесь четырнадцать хорошо вооруженных человек, да еще ваши два негра, поддерживающие костер там на горе! Это уже шестнадцать. Мы спрячемся здесь поблизости и в нужный момент с быстротой смерча нападём на него!

– Ну, а если он прикажет своим черномазым негодьям сопровождать себя? Если нам придется иметь дело с сотней этих разбойников, что мы тогда будем делать? Шестнадцать человек, будь они смелы, как львы, и вооружены целым арсеналом превосходнейшего оружия, все же ничего не могут поделать против ста человек! Право же, это средство слишком рискованно, милый друг!

– А потому мы прибегнем к нему лишь в крайнем случае. Вы будете как будто одни – и всецело поглощены вашими условиями торга и выкупа. И тогда одно из двух: или он будет здесь с многочисленным отрядом, и мы останемся смиренно сидеть в кустах. Вы уплатите ему обещанную на этот срок сумму, а он, не видя меня, подумает, что я несколько задержался, что весьма возможно при затруднительности здешних сообщений. Если же силы наши будут равны, я предстану перед ним в наряде уполномоченного, вступлю с ним в переговоры, объявлю, что миллион здесь, на лицо, в моей пироге, и в заключение выхвачу из кармана револьвер и прострелю ему голову. Этот выстрел будет сигналом для наших людей; они стремительно накинутся на его людей с шумом и гамом, которые заставят их поверить, что врагов не 16, а 100, и, пользуясь первым моментом их замешательства, перебьют всех, кто только вздумает сопротивляться.

Шарль, почти убежденный этими доводами, готов был согласиться на этот план, не имея в своем распоряжении ничего лучшего, как вдруг ему вспомнилось решение, принятое

его отцом и братом.

– А я чуть было не забыл, – сказал он сдавленным голо-
сом, – что завтра, ровно в полдень, мой отец должен напасть
со своим отрядом на деревню и вооруженной силою вырвать
из рук негров мою жену и детей. Неужели они подвергнут
себя совершенно бесполезной опасности, в то время как мои
бедные дети и жена будут уведены сюда? Неужели им пред-
стоит схватка с чернокожим разбойником? А если мы не
справимся с ним? Что произойдет тогда, когда их приведут
обратно в деревню?.. Каких страшных и ужасных репрессий
с его стороны должен я опасаться для них?

Перед такими доводами Маркиз принужден был смолк-
нуть.

Оставалось только надеяться, что Диего явится сюда с
небольшой горстью своих приближенных или что Робены,
отец и сын, узнав каким-нибудь образом, что пленных под
конвоем отводят в какое-то надежное место, последуют тай-
но за ними, скрываясь в лесу и в кампо. Но на это, увы, было
весьма мало надежд!

Однако эти предположения оказались ошибочными: они
упустили из вида одно, правда, самое невероятное и недо-
пустимое: никто из них не предвидел, что Диего может не
явиться на условленное свидание.

А потому можно себе представить их удивление и недо-
умение, а затем и безмерную тревогу, когда назначенный для
свидания день стал медленно клониться к концу, а ни негра,

никого из обитателей Озерной деревни не было видно.

Шарль был близок к умопомешательству. Какие таинственные причины могли удержать беспредельно жадного до денег Диего? Какая ужасная катастрофа грозила вновь всем надеждам бедного молодого плантатора?

Друзья его не находили слов для утешения и молча оставались свидетелями его страшного горя и отчаяния, от которых у них у самих сжималось сердце. Вдруг им показалось, что там, за темным лесом, раздаются глухие неравномерные удары, едва уловимые в тишине ночи. Их можно было принять за выстрелы из огнестрельного оружия.

Глава XV

Почему Диего отсутствовал. – Тайник для сокровищ. – Последствия падения старого дерева на пирогу. – Добыча кайманов. – Выстрел. – Робинзоны атакуют деревню. – Искусная тактика. – Перед оградой. – Битва. – Штурм. – Две фурии. – «Анри, защищай свою мать!» – Опять вместе. – Осаждающие становятся осажденными. – Брешь. – Приступ. – Ужасное свойство карабинов. – Колебание. – Таинственная диверсия. – Паника. – Пожар. – Отступление. – Поле битвы. – Свободны.

Уж, конечно, не по своему желанию Диего не явился на условленное свидание в карбет на Тартаругал-Гранде. Неожиданная помеха остановила его на полпути.

Более того, он был взбешен этой задержкой, так как серьезно верил в посольство от бразильского правительства.

Заставить Шарля Робена терзаться неизвестностью и мучиться ожиданием было бы для него, пожалуй, даже приятной шуткой: самая мысль причинить страдания человеку белой расы являлась для него своего рода наслаждением. Но оказаться не пунктуальным по отношению к дипломату, особенно, если свидание с ним предвещало деньги и всякие блага, это, действительно, могло вызвать у Диего злокачественную лихорадку и разлитие желчи.

Между тем все произошло по его же вине.

Как только он почувствовал себя владельцем сокровищ, найденных его людьми в погоне за тату, у него в голове засела одна мысль – скрыть эти сокровища в таком надежном месте, где бы они были недоступны ни для кого. Но где найти такое место?

– Хм! Вот блестящая мысль! – воскликнул он, ударив себя по лбу. – Я перевезу все это золото на «Симона Боливара». Судно стоит в надежном месте; о существовании этого озера мало кто знает, пароход тщательно скрыт и замаскирован так, что увидеть или разыскать его трудно. И хитер должен быть тот, кто разыщет его там. До срока, назначенного мне этим раззолоченным шутом, остается еще три дня; этого более чем достаточно, чтобы побывать на озере и, вернувшись оттуда, успеть к условленному времени в карбет на Тартаругале.

Горя желанием покончить с этим делом побыстрее, Диего тотчас же приказал отнести корзины с золотом в самую большую из своих пирог, выбрал из числа своих людей самых надежных и немедленно отправился к месту швартовки присвоенного им парохода. Как человек, в высшей степени осторожный или, вернее, недоверчивый, он усадил с собой на пирогу и двух артистов, Фрица и Раймона, чтобы те не сбежали, как это сделал на днях их товарищ Маркиз, непонятное исчезновение которого сильно тревожило его.

Кроме того, перед своим отъездом он увеличил вдвое число стражей, на обязанности которых лежало поочередно ка-

раулить жилище госпожи Робен и ее семейства. Строжайше наказав им не допускать ни под каким видом связей с пленниками и преподав самые подробные наставления одному из своих самых верных людей, которого он оставлял в деревне, Диего успокоился.

Доставка золота прошла вполне благополучно, точно так же, как и упаковка его в денежный ящик парохода, по-прежнему неподвижно стоявшего в тихих водах у берега маленькой скрытой бухточки. После этого пирога, не теряя даром времени, направилась обратно в Озерную деревню.

Пирога прошла благополучно более половины пути, и Диего, довольный успехом экспедиции, щедро вознаградил обильными порциями тафии своих гребцов. Вдруг тяжеленное дерево, вышиною более сорока метров, покачнулось и с оглушительным шумом рухнуло, увлекая за собой соседние молодые деревья, сплетенные с ним крепкой и непроницаемой сетью лиан. Громадный ствол лесного великана, обрушившись на носовую часть пироги, проломил оба борта и уложил на месте троих гребцов, а все оставшиеся в живых пассажиры и гребцы были опрокинуты в воду.

Пролив был не особенно глубокий, и Диего, вероятно, скоро бы утешился после этого происшествия, так как жизнь гребцов для него была сущим пустяком, если бы только упавший старый ствол не преградил путь.

Продолжать путь пешком было невозможно, так как по обе стороны пролива тянулись плавучие и наносные пески,

переменяясь с илистыми мелями, которые ежеминутно готовы были поглотить всякого, отважившегося ступить на них.

Но как человек, знающий цену времени и не теряющийся даже в самых неожиданных обстоятельствах, Диего решил немедленно вернуться на судно. Там были разные орудия, особенно топоры и пилы, с помощью которых можно было проложить или, вернее, прорубить проход для пироги.

Общими силами пирогу починили кусками коры с помощью лиан. Правда, она ежеминутно грозила затонуть, но все, кто не сидел на веслах, неустанно вычерпывали воду тыквенными чашками или ложками или просто совками, на скорую руку сделанными из этой же древесной коры.

И вот кое-как, с грехом пополам, оставшиеся в живых добрались, наконец, до парохода, сидя по колена в воде. Здесь пирогу основательно починили и привели в полную исправность, но это заняло чуть не целый день. Близилась ночь и приходилось ночевать на пароходе.

На другой день с рассветом пирога снова отчалила с полным набором необходимых орудий, и часам к десяти утра путники подошли к запруде, преграждавшей им путь.

Все принялись за работу, но, несмотря на их усердие, работа подвигалась медленно: эти гвианские деревья почти не поддаются ни пилам, ни топорам. Диего разбирала все большая досада на это промедление.

Вдруг один из работников, стоявший по пояс в воде, издал ужасный крик при виде страшно обезображенных остатков

человеческого трупа.

– Что ты, дурак, чего испугался? – обрушился на него Диего.

– Это кайманы сожрали их в эту ночь!

– Ну так что же из того?

Действительно, работающих было много, шум был изрядный, и потому кайманы не осмеливались приблизиться к ним.

Вот уже полдень. Солнце палит нещадно, вода почти горячая, как в нагретой ванне. Все окончательно выбились из сил. Даже сам Диего, работавший рядом с подчиненными, чувствует непреодолимую потребность в отдыхе.

– Ну, часок отдохнем!

Перестали стучать топоры, пилы перестали скрипеть. Весь пролив, река и берега словно замерли, а кругом воцарилась тишина.

– Эй, да что это там такое? – вдруг спрашивает один негр. – Как будто гром гремит!..

– Да нет! Небо ясно! Откуда же быть грому?

Через несколько минут этот отдаленный шум стихает, затем снова возобновляется, немного более частый и как будто более явственный.

– Тысяча чертей! – восклицает Диего, побледнев. – Я не ошибаюсь... это, несомненно, оружейные выстрелы! В деревне дерутся!.. А я здесь не могу сдвинуться с места, словно зверь в капкане!

Он, действительно, не ошибался: это звучали выстрелы, которые слышны были и здесь. Но он далеко не подозревал настоящей причины их, не подозревал всего значения этой перестрелки.

Вернемся теперь к Робинсонам Гвианы и неграм бони с Марони.

Трое предводителей маленького отряда очень разумно использовали свое время с того момента, как поселились в девственном лесу вблизи деревни. Благодаря неустанному наблюдению, благодаря и дневным, и ночным разведкам и вылазкам, они превосходно изучили и расположение деревни, распорядок жизни и привычки ее жителей; узнали, где стояла хижина, в которой жила госпожа Робен со своей семьей, как велико число охранников и внешней стражи; знали даже об отсутствии Диего, хотя и не догадывались, куда именно он отлучился.

Последнее обстоятельство особенно радовало Робена и его сына, а также и Николая, их доверенного, хотя они не знали, чему следует приписать отсутствие грозного вождя.

Диего отправился на запад, вместо того, чтобы следовать в направлении к югу, то есть к Тартаругалу. Почему? Но не все ли равно? Самое важное, чтобы он отсутствовал подольше, особенно послезавтра, так как ровно в полдень маленький отряд должен был атаковать деревню и во что бы то ни стало освободить госпожу Робен и детей.

И вот этот с таким нетерпением ожидаемый день, нако-

нец, настал. Чего-то он станет свидетелем?

С самого утра они выступили в поход и стали подходить к деревне, со всевозможной осторожностью, скрываясь за всеми кочками, пнями, обвалившимися деревьями, то продвигаясь вперед, то останавливаясь, прислушиваясь к малейшему шороху, пожирая глазами пространство и ожидая последних приказаний своего начальства.

Робен разбил свой маленький отряд на три взвода, по десять человек в каждом: одним из них он решил командовать сам, другой поручил сыну и третий – Николаю. Последние два должны были напасть на деревню с правого и с левого флангов, бегом пробежать по главной улице, опрокидывая на пути все препятствия, и подоспеть одновременно к жилищу госпожи Робен.

А сам старик тем временем решил идти прямо на хижину, чтобы взять ее штурмом, воспользовавшись неожиданностью этой внезапной атаки, от которой охрана и привратники невольно должны растеряться.

Сейчас без двух минут полдень. Тридцать человек солдат стоят наготове, ружья к ноге, и только ждут сигнала.

Старый переселенец, знающий их всех до одного и уверенный, что на каждого вполне можно положиться, медленно проходит вдоль фронта и, окинув их орлиным взглядом, говорит своим звучным, ласковым голосом:

– С Богом, друзья, идите и исполняйте ваш долг!

Затем раздается команда: «Вперед! Марш!» – и два ма-

леньких отряда мгновенно трогаются с места беззвучным шагом хищников и исчезают в полях маниока, кукурузы и сахарного тростника.

– Теперь за нами очередь! – говорит старый Робен, обращаясь к людям своего отряда, и с проворством молодого человека, первый устремляется вперед с саблей наголо в правой руке и револьвером в левой.

Они идут перпендикулярно к главной улице деревни. Вот они уже достигли линии хижин, расположенных вдоль главной улицы. Эти хижины тянутся здесь не сплошным рядом, как дома на улицах города, а окружены садами, едва огороженными или вовсе не огороженными, и прячутся в тени громадных развесистых деревьев, по большей части фруктовых.

Робен и его люди видят перед собою жилище, где томятся пленники, его кровлю из листьев банана и высокую ограду из кольев, вбитых в землю. Это настоящая крепость.

Человек пятнадцать вооруженных стражей растянулись кругом забора в тени деревьев и, по-видимому, зорко сторожат заключенных.

Никто из них не спит: они хорошо знают, что наказ Диего должен быть свято исполнен.

При виде высокого белого, выскочившего, точно тигр, из-за кустов, при виде вооруженных с ног до головы негров, следующих его примеру с удивительной решимостью, стража мгновенно вскочила на ноги и схватилась за оружие, гото-

вьясь дать жестокий отпор, несмотря на неожиданность этого нападения.

Тот из них, который, по-видимому, является здесь начальником, тотчас же издает пронзительный крик, призывающий к оружию, и в то же время наводит свое ружье на Робена.

Последовал выстрел, но переселенец успел быстро отпрянуть в сторону, и пуля только пронзила плечо одного из его людей.

Бешеный рев раненого сейчас же заглушили свирепые крики его товарищей.

Робен уже снова устремился вперед.

– Брось ружье! – кричал он начальнику стражи тоном, не допускающим возражений.

Но тот хватает свое ружье за дуло и готовится бить прикладом, как дубиной.

С быстротой молнии старик бросается на него с обнаженной саблей и наносит смертельный удар по черепу бедняги; тот падает, обливаясь кровью, с головой, рассеченной пополам до самого основания носа.

– Ты сам того хотел, негодяй! – воскликнул старик.

Остальные, опешившие на мгновение от этого страшного удара, пришли в себя и навели свои ружья на негров бони.

– Ложись! – крикнул своим Робен.

Видя этот маневр, выполненный неграми с точностью и быстротой старых солдат, стража снова растерялась. А Робен тем временем успел уже командовать: «Целься!.. Пли!..»

Грянул залп – десять часовых полегло: кто был убит наповал, кто слишком серьезно ранен.

Оставшиеся невредимыми четыре или пять человек, приведенные в ужас этим побоищем, бросили свое оружие и с воем кинулись в деревню.

В это время с обоих концов деревни донеслись звуки нескольких выстрелов.

– Все обстоит благополучно, – пробормотал Робен про себя – только бы с ним там ничего не случилось!

Затем, присматриваясь к ограде, которая теперь уже всего в каких-нибудь трех метрах от него, он продолжал все так же про себя.

– Да тут нужно пушку, чтобы ее пробить. Вот если бы они оттуда догадались открыть нам дверь!

Не теряя ни минуты, он подзывает одного из своих людей, самого сильного и самого рослого, приказывает ему стать к изгороди, прижаться к ней плотно спиной и стоять твердо.

– Слушаю, господин! – отвечается негр бони.

Тогда старик одним прыжком вскакивает ему на плечи и, ухватившись руками за вершину бревна, взбирается по нему. Повиснув на руках, он заглядывает в сад и зовет:

– Мери!.. Мери!.. Вы здесь?

Возглас ужаса, а вслед за ним радостный крик оглашают воздух.

– Боже! Отец!.. Это вы?.. Дети, мы спасены!

– Отоприте нам дверь, дитя мое... скорее!.. Время дорого!

Молодая женщина, недоумевающая, задыхаясь от радостного волнения, стремительно бежит через сад к дому, расположенному в другом конце сада. Но ее тюремщицы, старые негритянки, столь ласковые и предупредительные к ней до этого времени, вдруг превращаются в бешеных фурий, видя, что их пленница хочет бежать.

Точно две гарпии, накидываются они на несчастную Мери, хватают ее за руки и своими длинными и крепкими, как когти, ногтями пытаются царапать ей лицо.

Робену некогда взобраться на частокол и придти на помощь молодой женщине. Но его внук Анри услышал голос деда и прибежал в сад.

При виде его старик выхватывает из-за пояса свой револьвер и кидает его в сад на песок.

– Анри, защищай свою мать! – крикнул он мальчугану.

Ребенок схватил оружие и с криком хищного животного кинулся к матери, которая отчаянно выбивалась из рук двух черных фурий. Взведя курок, мальчуган прикладывает дуло револьвера ко лбу одной из негритянок и вопит голосом, полным гнева и гордости: «Уходи вон, женщина! Если ты только протянешь руку к моей матери, я уложу тебя на месте!»

В ужасе обе старухи, бормоча проклятия, отступают, а молодая женщина молит сына и словами, и взглядом:

– Анри, дитя мое, они всегда были добры и ласковы к нам, пощади их!.. Не проливай крови, сын мой!

Тем временем старик уже перелез через изгородь и, спу-

стившись на руках по колу, прыгнул в сад. Он спешит к молодой женщине, и его приветствуют радостные детские голоса:

– Дедушка!.. Милый, дорогой дедушка! А папа? Где наш папа?

– Шарль! Где Шарль? – с тревогой вопрошает и молодая женщина.

– Скоро вы увидите и его, дети мои, – отвечает старик, обнимая и целуя их наскоро, – мужайся, Мери! Вы сейчас будете свободны!

В этот момент выстрелы стали заметно чаще, крики громче и беспорядочнее: по-видимому, жители деревни защищаются энергично.

– Дверь! – кричит Робен. – Надо отпереть дверь!

И старик, все еще сильный, ловкий и решительный, как в былые годы, кидается к тяжелым массивным дверям с надежными деревянными засовами, срывает эти засовы, распахивает дверь и зовет своих людей:

– Сюда, друзья! Сюда!

И вовремя: свыше двухсот человек в большинстве вооруженных ружьями, теснят отряды, находящиеся под командой Анри и Николая.

Бони, выстроенные стрелковой цепью, отступают в строгом порядке, отвечая на огонь неприятеля, который производит адский шум, несравненно более ужасный, чем наносимый им ущерб.

Несколько бони ранены; но ни один еще не выбыл из строя, и все они в полном составе вступают в крепость, которая должна защитить их от нападающих.

Теперь только все три предводителя отрядов могут убедиться, как важно было обучить их маленькое войско. Не подлежит сомнению, что они были бы уничтожены, эти бони, если бы только держались врассыпную, как это у них принято.

– Анри! Дорогой брат! Николай, добрый друг мой! – восклицает Мери.

– А я уж не надеялась больше увидеть вас! Но где же Шарль? Отчего я не вижу его среди вас? Разве он не здесь?

– Нет, сестрица, Шарль не здесь! – ответил Анри. – Он теперь занят мирными переговорами, чрезвычайно важными. Скоро вы увидите с ним.

– Хм! Что это значит? Что это за дым?.. Отчего запахло паленым? Слышите этот треск?

– Э, да ведь деревня горит!

– Кой черт! Кто мог запалить эти хижины? Никто из нас, я в том уверен, не правда ли, друзья?

– Никто!

– А если так, то тем лучше для нас; это, быть может, ускорит развязку... А то не правда ли, отец, мы из осаждающих превращаемся, кажется, в осаждаемых!

– Правда, дитя мое! К счастью, нам здесь, в этом бастионе, сравнительно легко постоять за себя. Отдохните немного, а я

пока обойду эту ограду, чтобы знать, в каком она состоянии, прежде чем попытаться произвести вылазку.

Но не успел старик отойти и двадцати шагов, как один за другим два выстрела грянули через изгородь; к счастью, оба они были плохо направлены: негры вообще очень плохие стрелки.

Анри видит два маленьких белых клуба дыма, угадывает за ними головы осаждающих и, спокойно вскинув ружье, дает последовательно два выстрела, по первому и по второму, уверенный в том, что он не промахнется.

– Двумя меньше, – говорит он с величайшим хладнокровием. – Эй, ребята, если вам охота быть перестрелянными поодиночке, – добавляет он смеясь, – так подходи по очереди!

Однако эта кровавая расправа вместо того, чтобы запугать негров, кажется, подзадорила осаждающих. Дикие вопли огласили воздух. Очевидно, готовится штурм крепости.

Старик Робен, в сущности, мало озабоченный этой затеей, отправляет молодую женщину и детей в дом, сам расставляет людей, приказав им спрятаться за деревьями сада, и строго-настрого запрещает им стрелять.

Вдруг раздаются глухие удары в стену изгороди: это осаждающие стараются пробить брешь в частоколе.

Спустя немного брешь пробита, и несколько физиономий показываются в ней, робко заглядывая в сад.

Они поражены мертвой тишиной, царящей здесь, и пола-

гают, что враги, напуганные их численностью, укрылись в жилище. И вот с безумным воем они врываются в ограду; около сотни человек в одно мгновение заполняет сад.

– Стреляйте! Врассыпную! – командует старый переселенец.

Тридцать выстрелов раздаются почти одновременно. Все пространство заволакивается дымом. Воющая и беснующаяся орава, кинувшаяся кто куда, сильно поредела под градом пуль и теперь, при виде страшного урона, понесенного ею, вдруг останавливается, как вкопанная, в нерешительности и недоумении. Мертвые и раненые лежат грудой, завалив своими телами брешь, а ужасные карабины стреляют непрерывно, разя самых отчаянных смельчаков.

Остальные, незнакомые еще со смертоносным свойством такого оружия, пьются в страхе, не понимая, каким образом эта горсточка людей может совершать такое опустошение, которое едва ли под силу несколькимстам человекам. Каким образом эти люди могут стрелять почти безостановочно, не заряжая своих ружей?

Вдруг что-то совершенно неожиданное превращает это недоумение и суеверный страх в настоящую панику.

В то время, как бони на мгновение прекратили свою стрельбу, в отдалении раздается ряд глухих, как бы орудийных выстрелов, заглушающих шум и треск пожара. Негры, полагая, и не без основания, что подходит новый неприятельский отряд, кидают оружие и бегут без оглядки, в один

момент исчезая в полях и лесах, как стая зайцев.

Робинзоны и сами удивлены, даже несколько встревожены и готовы поверить тому же предположению, хотя их привычный слух и улавливает некоторую разницу между этими глухими выстрелами и выстрелами ружейными.

Не теряя ни минуты, отец Робен приказывает всем выйти из дома, выстраивает своих людей тесной боевой колонной, в центре которой помещает молодую женщину, детей и раненых, и приказывает выступить из деревни.

Деревня совершенно безлюдна; все обратилось в пустыню. Все эти хижины и карбеты, построенные исключительно из горючего материала, сгорели, как пучки соломы, в несколько минут и представляют теперь собою только курящиеся и догорающие груды углей.

Теперь всякая опасность для пленных миновала. Освобождение свершилось. Однако выстрелы продолжают раздаваться и даже чаще прежнего, все так же неравномерно и все в одном и том же направлении.

Чтобы не попасть под горящие обломки, негры бони сворачивают к югу, минуя возделанные поля, не встретив нигде ни малейшей попытки сопротивления.

– Кто бы это мог забавляться и таким образом расходовать свой порох по воробьям? – заметил Анри, все более и более заинтригованный.

Вдруг громкий взрыв смеха огласил воздух: это он же первый и рассмеялся. Пройдя поле маиса, высокие стебли ко-

тогого заслоняли горизонт, они очутились у небольшого лещочка баобабов, всего в нескольких шагах от последней хижины деревни.

Пламя захватило высокие травы, растущие у подножия баобабов, и те загорелись в свою очередь, а плоды их, громадные тыквы величиной с добрую дыню, нагреваясь от огня, рвались один за другим, как паровые котлы, с оглушительным треском, напоминающим пушечные выстрелы.

– Спасибо вам, наши невольные союзники! – воскликнул Анри, когда на его глазах разлетелось вдребезги несколько тыквообразных плодов баобаба, упавших на горящую подстилку из трав и мхов. – Этот беглый огонь, столь безобидный, сослужил нам добрую службу. Не так ли? – добавил он.

Между тем маленький отряд уже подошел к проливу, на котором стояла флотилия Озерной деревни.

Предвидя успех своей экспедиции, успех, в котором он ни минуты не сомневался, старик Робен решил воспользоваться этими судами для того, чтобы спуститься до Арагуари. С этой целью он приказал запрятать в высокой траве целый набор весел, принесенных сюда его людьми, так как туземцы никогда не оставляют весел в лодках, а всегда уносят их к себе в хижину.

Солдаты, тотчас же превратившись в лодочников и гребцов, проворно размещаются на трех больших пирогах, держа оружие наготове, чтобы дать отпор, в случае неожиданного нападения или какой-нибудь засады. Наконец, все три пиро-

ги благополучно отчаливают от берега и направляются к югу, чтобы скорее достигнуть фазенды на Апурема, где они рассчитывают застать Шарля и трех французов-артистов, которых они считают давно бежавшими, так как их нигде не было видно.

Глава XVI

Что Луш называет исполнением своего долга. – Подлость негодяев. – Истинная причина этого излишнего усердия. – Роковая встреча. – Последствия прибытия в деревню Шарля и его маленького отряда. – Пятнадцать против двухсот. – Побеждены. – Два брата. – Где же Маркиз? – Исчез. – Сутки спустя. – Путешествие на древесном стволе. – Одиссея ночного путешественника. – На озере. – Один на приступ судна. – В каюте. – Побег. – Развязка, подстроенная Маркизом. – Взрыв «Симона Боливара».

Невозможно описать тот страшный приступ дикого бешенства, который испытал Диего, когда, преодолев все препятствия, благополучно вернулся в деревню.

Неужели все его усилия, все мудро придуманные комбинации, интриги, преступления, неужели все это было напрасно? Неужели ему придется отказаться от своей мечты, так долго и так упорно лелеянной им, и преклонить покорно голову перед несчастьем, дотоле непредвиденным?

Вся глубина этой катастрофы и ее последствия сразу предстали перед его воображением. Не подлежало сомнению, что его пленники были освобождены накануне, и деревня уничтожена, а жители ее перебиты или рассеяны. Что ему теперь из того, что в его руках желанная сумма и хорошее судно, если он остался почти один, без поддержки, с жалкой горстью

людей, уцелевших от погрома, жалкими остатками тех раболовных и трепещущих перед ним соплеменников, в которых он видел главное, основное зерно его будущей негритянской республики?!

На этот раз, вопреки своему обычаю, он не разразился громкими проклятиями и руганью, не подумал даже обрушиться на уцелевших жителей деревни: валявшиеся повсюду тела убитых достаточно красноречиво говорили о том, что битва была жаркая.

Быть может, впервые в своей жизни он испытал чувство, похожее на жалость или сострадание, и не мог не воздать должное этим доблестным и самоотверженным борцам за его интересы.

Но зато его бешенство, его чувство ненависти к победителям возросло до небывалых размеров, и в его разгоряченном мозгу уже родились страшные картины отмщения, к которому он намеревался прибегнуть.

Он долго находился в тяжком недоумении, не зная, к кому обратиться за объяснениями случившегося, не видя вокруг себя никого, кроме тех людей, которые были при нем и теперь стояли неподвижно, безмолвные и смущенные. Вдруг увидел, что из-за поля кукурузы вышли три человека и медленно, с опаской, приближаются к нему, с виноватым видом собак, которых только что побили, видом, который был бы в высшей степени комичен при других условиях и в иной обстановке.

Диего узнал в этих жалких фигурах трех беглых каторжников, бледных, изнеможенных, с опаленными бородами и волосами, в изодранной одежде.

– Как, это вы? – спросил он, чрезвычайно удивленный. – Кой черт! Что вы здесь делаете?

– Мы пришли к вашей милости, господин, – отвечал Луш, стараясь казаться сравнительно спокойным. – Вы спрашиваете, что мы здесь делаем? Мы пришли отдать себя в ваше распоряжение и спросить, что вы нам прикажете делать.

– Вы даже не захотели бежать?.. Не захотели вернуть себе свободу?

– Мы не так глупы! Мы исполнили свой долг честно, как подобает верным слугам, – продолжал старик с постепенно возрастающим нахальством. – Мы здорово за вас дрались, клянусь честью! И так как совесть у нас чиста и упрекать нам себя не в чем, то мы сказали себе: «Наш господин, смотревший на нас, как на фарфоровых собачек до этого времени, теперь убедится, что мы уж вовсе не такие дурные парни, как он раньше думал; он увидит, что и мы можем ему пригодиться на что-нибудь, особенно после того, как узнает, что мы стояли за него верой и правдой!»

– Так вы сделали это ради меня? – сказал Диего с некоторой недоверчивостью во взгляде и голосе.

– Да, доказательством того является наше присутствие здесь, хотя нам легко было бежать вместе с этими господами, которые так здорово потрепали ваших негров.

– Вероятно, переселенцы с Марони, не правда ли?.. Родственники Шарля Робена, с Арагуари?

– Это весьма возможно, конечно... С ними был совсем седой старик, белый, как лунь, который дрался, как лев, да еще молодой человек, как две капли воды похожий на поселенца с Арагуари, на торговца каучуком, настоящий дикарь! И силен, как мапури (гвианский тапир). Он рубился как бешеный... да!.. Кроме того с ними было человек тридцать черномазых, не в обиду будь сказано вашей милости, которые сражались, как черти, и расстреливали людей, как у нас на родине бьют мух хлопущкой... Вот бы вы посмотрели!..

– Что? Тридцать человек! Только-то?! Тридцать человек против пятисот!!

– Прошу прощения, ваша милость, да ведь не все тут были... Ну, положим, двести человек было на лицо...

– Ну, хоть и двести...

– А ведь негры этого старика имели такие ружья, которые стреляли безостановочно, точно в них было по тридцати зарядов... настоящие пулеметы!.. Так вот вы и потягались бы с ними с вашими пищалями, которые не многим лучше простых дубинок! Слова доброго они не стоят, эти пистонные ружья, вот что я вам скажу!..

– Но объясните, почему вас только трое?.. Ведь не всех же они, в самом деле, перебили!

– Да нет!.. Только когда ваши увидели, что держаться здесь нет возможности, что и госпожа, и парнишки выпущен-

ны на волю, что деревня горит со всех концов, как сноп соломы, они и потянули в лес!

– Ну хорошо, но отчего они теперь не идут ко мне?

– Хм! Вот видите ли, ваша милость, это потому, что они не очень обнадежены относительно вашей милости! – ответил Луш с фамильярной шутливостью. – И боятся, что будут здесь не очень хорошо приняты... Они знают, что у вашей милости нрав несколько крутоват... если можно так сказать, а потому они опасаются...

– Чего?

– Как бы после выстрелов да не заработать еще багогов от вашей милости...

– А-а, так значит, вы трое являетесь, так сказать, их представителями... Вы явились сюда, чтобы подготовить почву и поразведать о моих намерениях.

– Пожалуй, что оно так и выходит, ваша милость... Ваши-то, видя, что мы стоим с ними заодно, возымели к нам некоторое доверие и подумали, что к вам следует отправить кого-нибудь, кто бы умел, как следует, пошевелить языком и рассказать все, как было... рассказать тихо и спокойно, чтобы вы сами могли все рассудить... Ну, а на себя они в этом не надеялись!

– Уж скажем лучше, что увидав, как эти проклятые переселенцы одолевают и берут верх над нашими, вы трое побоялись попасть к ним в руки. Знали, что они вас не пощадят, а подвешат где-нибудь на первом же дереве за ваши добрые

дела или же водворят вас обратно в Кайену в благодарность за ту милую маленькую проделку, которую вы себе позволили с переселенцами на Арагуари! Не так ли? Вот и весь секрет вашего усердия!

– А что вам из того, ваша милость, из каких целей мы за вас стояли, из своих ли выгод или из симпатии к вам? Не все ли это равно?.. А своя выгода – это, видите ли, самое надежное средство расположить к себе людей... Кто своей выгоды не соблюдает?

– Это верно, а потому я вас не забуду. А теперь иди, старик, и зови остальных да скажи, чтобы они были спокойны: я не только не намерен наказывать их, а хочу высказать свою благодарность за их усердие.

– Вот это слово так слово! Умные речи приятно слышать!.. Эй вы, ребята, Красняк, Кривой, живо! рысью!..

Не прошло и получаса, как довольно большая и чрезвычайно шумливая толпа, состоявшая из мужчин, женщин и детей всякого возраста, появилась вдали, под предводительством беглых каторжников.

Страх, внушаемый грозным вождем, был так велик, что несчастные подданные его едва решились приблизиться к нему. Луш, который призывал на помощь все знакомые ему португальские слова, еле убедил несчастных негров, что им не грозит ни малейшая опасность.

Диего с первого взгляда определил приблизительно их число и убедился, что хотя от неприятельских ружей значи-

тельно поредели ряды его сторонников, тем не менее уцелевших еще достаточно много, чтобы и они могли представлять собою довольно внушительную силу.

Итак беда была еще не столь велика, как он полагал сначала.

Несмотря на весьма значительные убытки, причиненные его маленькой колонии, он вскоре утешился, убедившись, что смело может положиться на тех, кто остался в живых. Вместо того, чтобы трусливо бежать при первом выстреле, они мужественно защищались, не боясь смерти. Это было хорошо.

В прочувствованных и теплых словах Диего поблагодарил собравшихся за их геройское поведение во время неприятельского нападения, что вызвало настоящий энтузиазм. В заключение своей речи он сказал:

– Ваши хижины сожгли... Но вы не горюйте! У вас будет новая деревня, лучше и красивее этой, более удобная, а главное – лучше защищенная, чем эта. Я вас поведу на большой остров Лаго-Ново, и там вы построите себе новые хижины, новые жилища, лучше прежних, до которых никто не доберется. Там мы будем царями озера, которое величиною с море! Посевы и сады наши, слава Богу, не тронуты. Вы останетесь здесь, пока не соберете урожай, а затем мы переселимся туда, не теряя времени. Я вам доставлю оружие такое же, какое вы видели у наших врагов. У меня есть судно, такое, как у белых, и в нем есть карабины и порох... и... Гром и

молния! Что это такое!.. К оружию, друзья! К оружию!.. – вдруг закричал он зычным голосом, выпрямившись во весь рост и сверкнув глазами.

В этот момент Фриц и Раймон, о которых все, по-видимому, забыли и которые стояли, смешавшись с толпой растерянных негров, вдруг опрокидывают двоих из своих соседей, выхватывают у них из рук ружья и сабли и стремительно кидаются вперед с криком:

– Сюда, Маркиз! Сюда! На помощь!

Маленький отряд индейцев под предводительством трех белых неожиданно появился из-за леса. Оба француза сразу узнали своего друга Маркиза, Шарля Робена и Винкельмана, который несмотря на усердное оттирание еще не сумел избавиться от окраски, приданной его коже соком генипы.

Достаточно двух слов, чтобы объяснить читателю: появление маленького отряда было столь же неожиданное, сколь и несвоевременное – увы!

Шарль Робен, не дождавшись Диего в карбете на Тартаругале и не зная, чему приписать это необъяснимое отсутствие, понял, что в деревне произошло что-то необычайное, и решил отправиться туда немедленно.

Одно из двух: или нападение на деревню, произведенное отцом, удалось, и тогда он ничем решительно не рисковал, так как его враги должны были быть разбиты. Или же похищение его жены и детей не удалось. В таком случае подкрепление, которое он мог оказать своим маленьким отря-

дом, неожиданно явившимся на выручку, могло быть чрезвычайно полезно, а, может быть, изменить исход борьбы. Затем, если даже все бесповоротно погибло, то и тогда у него останется утешение отомстить за дорогие и близкие ему существа, погибнув вместе с ними или за них.

Руководствуясь этими мыслями, он спешил, насколько мог, и прибыл на то место, где стояла деревня, а теперь курились обгорелые развалины, как раз в тот момент, увы, когда Диего только что собрал вокруг себя остатки подчиненных.

Растерянность негров, пепелище на месте хижин, отсутствие старика Робена и его верных сподвижников – все говорило за то, что экспедиция его отца удалась.

Но у него не было времени поделиться этой радостью со своими близкими. Бешеная злоба, какую проявили негры, уцелевшие от погрома, заставляла действовать немедленно.

Отступить уже поздно. Надо во что бы то ни стало проявить свою силу, иначе всем им грозят ужаснейшие мучения. Впрочем, Шарль не знал, что Фриц и Раймон еще находились в руках бандита. Этого одного было бы достаточно, чтобы заставить его явиться сюда и попытаться во что бы то ни стало спасти их.

Он едва успел приказать своим людям изготовить оружие и построить их полукругом, чтобы не дать окружить себя, как уже рычащая, разъяренная толпа с бешенством устремилась на них.

Негры Диего, возбужденные присутствием своего вождя

и желая отомстить за свое поражение, сорвать свою злобу на этих, так поздно подоспевших врагах, кинулись в бой с отчаянным бесстрашием, пренебрегая не только опасностью, но и самой смертью.

Первый же дружный залп заставляет их отступить. Но зато и индейцы, вообще мало привычные к огнестрельному оружию и не обладающие дисциплиной негров бони, начинают стрелять, почти не целясь, с нервной суетливостью, излишней всегда, особенно в такие моменты.

Вскоре их ружья раскалились до того, что до них трудно было дотронуться; они расстреляли все патроны.

Правда, зато они уложили многих наповал, многих ранили, но и выстрелы негров тоже выбили нескольких из их строя.

Четверо индейцев убито, эльзасец ранен пулей в плечо и потому вынужден драться своим ружьем как палицей, благо правая рука его еще невредима. Раймон ранен картечью в бедро и едва может держаться на ногах. Из числа белых только Шарль, Фриц и Маркиз пока еще остались невредимы.

– Взять их живыми! – приказал Диего властным голосом, покрывающим нестерпимый гам, шум и вой, сопровождающие битву. – Слышите, живыми! Не то я размозжу голову первому из вас, кто убьет хоть одного из них! Что касается индейцев, то перебить их всех до последнего!

С этими словами он сам кидается вперед, не щадя себя, во главе небольшой кучки человек в тридцать, опередив на

несколько шагов главные силы своей армии.

Несчастливым европейцам приходится теперь защищаться каждому против пяти или шести человек негров, самых сильных и самых смелых, которые набрасываются на них с бешеным порывом диких зверей. Напрасно они отбиваются прикладами, с удвоенною отчаянием и решимостью силой, напрасно колят и рубят саблями тех, которые падают под их ударами. Врагов заменяют другие. Наконец, их схватили за руки, за ноги, за голову. Они стряхивают с себя последним нечеловеческим усилием эту гроздь людей, повисших на них, и изнемогающие, выбившиеся из сил и обезоруженные, падают на землю.

Фриц, падая, невольно восклицает:

– Herr Gott sacrament!..

Винкельман при этом возгласе вдруг приподнимается и в свою очередь восклицает:

– Да разве ты немец?

– Такой же, как поляки – русские! – отзывается Фриц. – Я – эльзасец!

Тогда взгляд Винкельмана жадно впивается в розовое лицо, в белокурые волосы Фрица, так резко контрастирующие со всеми этими черными лицами и телами лежащих кругом негров, и из уст его вырывается душераздирающий, подавленный крик:

– Боже мой!.. Фриц!.. Брат мой!..

Тот в свою очередь издает какой-то необъяснимый звук и

лепечет:

– Брат мой, бедный, несчастный брат мой.

Но ему заткнули рот, и крепкие веревки лишили его возможности двинуться с места или хотя бы протянуть брату руку. Он остался недвижим, задыхаясь от волнения, которое душит его, с глазами, полными слез.

Но Диего слышал этот крик, и свирепая усмешка скривила его рот, придав еще более демоническое выражение его безобразному лицу.

– Хм! – воскликнул он с отвратительным смехом. – Неожиданная встреча!.. Два брата!.. Как это трогательно!.. На этот раз мы хорошо позабавимся!

Шарль, Раймон и Винкельман также были крепко связаны.

Но Маркиз!.. Где же Маркиз?

Этот лихой малый сумел воспользоваться замешательством, когда внимание вождя и его людей было на мгновение отвлечено первым смертоносным залпом, и успел бежать. С проворством и ловкостью настоящего клоуна и невероятной силой опытного гимнаста, он вовремя подставил ногу двум неграм, схватившим было его за руки, и те с такой силой полетели на спину, что выпустили его. Затем двумя ударами кулаков в живот он освободился от двух других, вцепившихся ему в плечи, отшвырнул их от себя и очутился на мгновение свободным. Пятый негр преградил ему дорогу, но и тот покатился на землю от увесистого удара головой в грудь.

Заметив образовавшуюся в сплошной стене негров щель, Маркиз устремляется в нее так неожиданно, что никто не успевает задержать его. Кто-то на лету наносит ему сабельный удар по ноге, но Маркиз бежит быстрее прежнего. Он несется без оглядки и менее чем в полминуты скрывается из вида.

Это бегство было до такой степени смелым и неудержимым что никто не догадался даже погнаться за ним, все смотрели ему вслед, разинув рты.

– Пусть себе бежит! – засмеялся Диего. – Все равно далеко не уйдет! Кроме того, у нас здесь есть кем позабавиться. Вот эти господа ответят нам за всех. Ну, клянусь адом, я бы и злейшему врагу не пожелал быть в их шкуре!..

Целые сутки прошли с момента этой тяжелой сцены. Настала ночь. Развалины деревни давно догорели. Кругом безлюдно; вдали виднеются костры, выступающие красными пятнами во мраке, окутавшем землю и становящемся все гуще и гуще. Негры разбили лагерь среди своих полей, под открытым небом.

Человек, с трудом ступающий на ноги, опираясь на длинную палку, показался из-за маниока и осторожно пробрался вперед, тщательно избегая костров, пламя которых могло бы выдать его присутствие.

Он минует пепелище бывшей деревни, причем головни и угли хрустят то тут, то там у него под ногами. Осмотревшись кругом и определив местоположение по звездам, он направ-

ляется на север и четверть часа спустя подходит к ручью шириною около десяти метров.

Он узнает здесь пристань, у которой обычно находятся пироги, и не может подавить крика отчаяния – все пироги исчезли. Он опускается на землю на самом берегу и, опустив голову на руки, погружается в свои невеселые думы.

Только тяжелые вздохи вырывались из его груди, нарушая тишину.

Вдруг легкий плеск на реке привлек его внимание и вывел из грустного раздумья. Что-то продолговатое, черное медленно плыло по течению. Он протянул вперед свою длинную палку и ощупал ею плывущий предмет. Это был длинный ствол, вероятно, унесенный отливом...

Течением его на мгновение прибило к пристани, о которую он глухо ударился, попав при этом одним своим концом между ногами человека, сидевшего у пристани.

Как бы повинувшись внезапному внушению свыше, незнакомец быстро вскакивает верхом на ствол, который при этом погружается в воду одним концом. Человек с помощью рук и ног передвигается вперед до середины ствола, и тот выпрямляется, вернув себе прежнее равновесие. Несмотря на добавившуюся тяжесть, ствол продолжает прекрасно держаться на воде и плывет тихонько вниз по течению.

Человек, по-видимому, обрадованный этим обстоятельством, погружает свою длинную палку в воду, достает до дна и, отпихиваясь ею, как багром, заставляет ствол двигаться

быстрее. Это чрезвычайно радует беднягу, и он начинает работать с удвоенной силой и усердием.

Мало-помалу ствол движется все быстрее и быстрее; он идет почти с быстротою пироги. Но этого, по-видимому, мало ночному пловцу; он все ускоряет и ускоряет ход своего импровизированного судна.

Между тем часы бегут; ничто не выдает усталости этого безмолвного гребца, кроме разве его отрывистого дыхания да капель пота, градом катящегося у него со лба и выступающего на груди.

Тяжелая работа всецело захватила его. Время от времени он на мгновение прерывает ее и ложится вдоль ствола, чтобы жадно втянуть в себя несколько глотков воды и освежить горячую голову. Кажется, будто каждое мгновение передышки вызывает в нем укор совести, так как после нее движения его становятся лихорадочно поспешны, почти конвульсивны и порывисто нетерпеливы.

Прошло уже целых шесть часов, шесть мучительных часов среди жуткой темени экваториальной ночи, с ее протяжным воем ягуаров, ревом ревунов и плачем кайманов или треском обрушивающихся лесных великанов, напоминающим громовые удары.

Но вот ручей расширяется, образуя как бы просторное устье. Течение становится сильнее и быстрее; ствол начинает вздрагивать и вертеться из стороны в сторону и, наконец, выплывает на свободное водное пространство, в котором от-

ражаются мириады звезд. Теперь пловец спешит пристать к берегу. Его палка становится лишней: здесь он не достает до дна. Он попал в настоящую чащу громадных корнепусков и ошупью ищет какой-нибудь длинной и крепкой ветки, которую он мог бы срезать и с помощью своего тесака превратить в весло... Все это дело нескольких минут.

Он опять уже сидит верхом на стволе и с помощью самодельного весла кое-как направляет свое неуклюжее судно к темной черной массе, выплывающей из воды подобно морскому чудовищу, спящему возле берега.

Вот он подплывает к нему тихо-тихо, со всевозможной осторожностью, стараясь, чтобы не слышно было даже и плеска воды.

Он узнает судно, стоящее на якоре у самого берега. Да, это оно... сомнения быть не может.

Протяжный вздох облегчения вырывается из его груди, и на мгновение его судорожно сжатые руки перестают работать веслом.

Вот ствол прибило волной к корпусу судна, в носовой его части.

Вдруг он видит перед собой на поверхности воды длинный черный предмет, подкидываемый на коротких волнах, бьющихся о киль парохода. Это – пирога, привязанная к носовым якорным цепям. Снова вздохнув свободнее и отпустив ствол на волю волн, он ловко перебирается в пирогу и растягивается в ней во всю длину, чтобы отдохнуть в тече-

ние нескольких минут.

Между тем, наверху, на палубе судна, под сплошным листовым навесом, раздаются шумные крики радости, неудержимый пьяный смех, бессмысленные песни, храп и пьяная икота, сливаясь с глухими звуками негритянских бубнов и барабанов в убийственную какофонию.

На «Симоне Боливаре» пируют. Тафия льется рекой, всякий пьет полной чашей, стараясь залить палящую жажду, вызванную соленой и пряной пищей, на которую чернокожие безумцы накинулись со свойственным им прожорством, — настоящий негритянский пир.

Оставшиеся в живых участники кровавой драмы, разыгравшейся в Озерной деревне, празднуют по-своему тризну по убитым товарищам и вместе с тем готовятся этой фантастической оргией к предстоящему завтра грандиозному зрелищу пыток и казней, назначенному ко времени восхода солнца.

Диего, как милостивый государь, широко распахнул перед своими соратниками и вместе с тем подданными двери своих погребов и кладовых. Все припасы уже разграблены... Эти дикари пьют и едят, едят и пьют, орут и пляшут, воют и хохочут... Но впереди еще полночи... что-то будет поутру?

Утром Шарль, Винкельман, Раймон, Фриц и индеец Табира должны быть преданы смерти с самыми ужасными ухищрениями, с самыми невероятными пытками, какие только сможет изобрести бесчеловечная и сладострастно жестокая

фантазия озверевших, пьяных людей. Уже одно предвкушение этих безобразных мучений приводит Диего в неистовый восторг, вызывая в нем единственное волнение, какое еще доступно его зверской натуре. Эта перспектива до того опьяняет его, что отступив на этот раз от своих обычных правил строжайшей трезвости, он пьет наравне с остальными, ни в чем не отставая от своих собутыльников, пьет до самозабвения, до оупения, являясь одним из самых ярких участников общей оргии.

Отдохнув с четверть часа, человек в шлюпке поднимается; удостоверившись, что канат надежен, надевает его себе через плечо, берется за якорную цепь, проворно взбирается по ней до самого якорного крюка и затем повисает на руках. Еще минута-другая, и он уже на палубе.

Здесь оргия развернулась во всю. Шум, крики, песни и хохот стоят в воздухе, но внизу царит мертвая тишина.

Как человек, хорошо знакомый с расположением судна и знающий все ходы и выходы, ночной посетитель, ни минуты не задумываясь, осторожно прокрадывается к спуску в нижнюю каюту, некогда предоставленную в распоряжение пассажиров. Вот он уже на площадке перед дверью в каюту и видит смутно, при свете закоптелого фонаря, под потолком стоящего у двери часового с копьем в руках.

– Что тебе надо? – резко спрашивает его часовой.

– Сменить тебя... по приказу вождя! Иди – пей, там все пьют... ты не хуже других и тоже заслужил, как и другие.

– Скажи пароль!

– Сейчас, нагнись ко мне ближе, я скажу тебе на ухо, чтобы никто не услышал!

Часовой спешит исполнить это указание, видимо, радуясь избавлению от скучной службы, и почти в тот же момент падает на пол, издав слабый хрип.

– Вот пароль! Десять пальцев вокруг горла, посильнее сдавить, и обморок на полчаса, мертвый! – шепчет незнакомец и входит в каюту.

Пять человек, крепко связанных по рукам и по ногам, лежат на полу, едва дыша.

– Хм! Я еще вовремя поспел! – шепчет ночной посетитель, затем продолжает, несколько повысив тон: – Что же? Никто ни звука? Разве не узнают уже и друзей?

Теперь, когда свет фонаря падает прямо на его лицо, чей-то сдавленный голос шепотом восклицает.

– Маркиз! Это вы? Как вы здесь, друг мой?

– Как видите, и весь к вашим услугам! Пока все обстоит благополучно!

– Маркиз!.. Это Маркиз! – раздаются взволнованные голоса Раймона, Фрица и Винкельмана.

– Да, да, друзья, это я... А теперь – молча за дело!

И, не теряя ни секунды, он разрезает веревки, связывающие пленников, затем подходит к часовому, из предосторожности связывает ему руки и ноги, затыкает рот и спрашивает Шарля:

– Вы не ранены?

– Нет! – отвечает молодой человек.

– Прекрасно, так подвяжите себе этот канат под мышки и вылезайте в люк. Я вас спущу в воду, доплывете до носовых якорей и отвяжите привязанную к якорным цепям пирогу, затем подгоните ее к этому люку и потом не шевелитесь.

– Понял! – отозвался Шарль, наскоро пожал руку Маркизу и стал спускаться через люк ногами вперед, тогда как Маркиз постепенно сдавал канат.

Две минуты спустя чуть слышный стук каната о борт дал знать Маркизу, что пирога уже на месте.

Во избежание возможного недоразумения, Шарль слегка встряхивает канат, и это сотрясение передается Маркизу, как электрический ток.

– Ну, теперь за тобой очередь, мой добрый толстяк, – говорит Маркиз Раймону, который ужасно страдает от своей раны. – Черт побери! Пролезешь ли ты в этот люк? Можно ли иметь такое брюхо, когда затеваешь поиски приключений! – шутит неисправимый Маркиз. – Уф! Наконец-то пролез!.. Ну, и нелегко же это!.. Только бы канат выдержал! Ну, слава Богу!.. Все обошлось благополучно!

Затем пришла очередь Винкельмана, потом Табиры.

– Ну, а теперь ты, мой славный Фриц!

– А ты сам как же?

– Не беспокойся! Когда ты будешь уже в пироге, то я привяжу канат к середине этого здоровенного копыя, которое по-

ложу поперек люка, и, как видишь, устроюсь прекрасно. Да, кстати, скажи там остальным, что я здесь немного задержусь, так чтобы они не тревожились и ждали меня терпеливо. Мне хочется устроить им маленький сюрприз, а также и тем веселым господам, которые так беспечно пируют на палубе!

– Но смотри, будь осторожен, Маркиз!

– Не бойся!

Когда Фриц в свою очередь скрылся за бортом, а затем вскоре дал знать товарищу о своем прибытии на место, тем же легким сотрясением каната, Маркиз привязал свой конец каната к середине древка копья, снял фонарь, и, накрыв своей курткой, стал осторожно спускаться с ним по лестнице, ведущей в трюм. Здесь, как, впрочем, и повсюду на судне, кроме кормовой палубы, где шел пир, не было ни души. Все двери стояли настежь; нигде ни замков, ни запоров.

– Бочонки должны быть здесь! – пробормотал про себя Маркиз. – Ну, конечно!.. А что это... тафия! Нечего сказать, дикарям есть что пить, если только я дам им срок... А-а!.. Вот они!.. – воскликнул он немного погодя, наткнувшись на четыре небольших бочонка, вместимостью приблизительно в шестьдесят литров, стоявших несколько поодаль, в стороне от других.

Выбрав один из них, он ударом своего тесака выбил втулку, просунул в дыру два пальца, ощупал ими что-то сыпучее, похожее на порошок, и добавил:

– Ну, так и есть, порох!

Он вынул из фонаря свечку, осмотрел ее, затем с удивительным спокойствием духа и самообладанием, ни минуты не задумываясь и не моргнув даже глазом, всунул зажженную свечку в отверстие для втулки прямо в порох.

После того храбрец не спеша направился к выходу, ступая осторожно, чтобы не наткнуться на что-нибудь, но вдруг одумался и вернулся назад.

– Пожалуй, это протянется долго, – пробормотал он и все так же не торопясь всунул свечку наполовину глубже в порох, так что пламя ее едва выступало из отверстия втулки.

– Ну, на этот раз полно смеяться!.. А теперь поторапливайся, Маркиз, хоп-ля!

В две минуты он был уже у люка; еще минута, и он уже спускался по канату в ожидающую его пирогу, где его друзья, в страшной тревоге, уже считали секунды.

– Ну а теперь, друзья мои, за весла!.. Работай дружно! А то здесь скоро жарко будет! – добавил он.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Шарль.

– Э, милейший, развлечения здесь редки или, вернее, не развлечения, а представления.

– К чему вы это говорите?

– А вот к чему: драма, которая здесь разыгрывалась, подходит к концу; актеры сейчас уйдут за кулисы, а потому было бы досадно, если бы все это представление не имело никакой развязки!

– Но развязка налицо, мой милый, и совершенно иная,

чем мы думали, благодаря вам, Маркиз!

– Не хочу спорить с вами, но такая развязка лишена эффекта, а потому я как человек, страшно влюбленный в свое искусство, подумал о красивом апофеозе! Да, кстати, скажите мне, как, на ваш взгляд, далеко ли мы отошли теперь от судна?

– Так, приблизительно на триста метров, если не больше!

– Прекрасно! Нам отсюда отлично будет все видно, и вместе с тем мы не рискуем пострадать от трюка или быть забрызганы!

– Но вы говорили о каком-то апофеозе?

– Да... смотрите!..

В этот момент громадный столб пламени поднялся во мраке ночи и взвился прямо к небу, затем раскинулся широким снопом, ослепительно ярким и удивительно прекрасным. При этом страшный взрыв, точно сотни одновременно раздавшихся орудийных выстрелов, потряс воздух и оглушительным эхом раскатился по волнам.

Беглецы, онемев от ужаса и недоумения, увидели, как днем, темный силуэт парохода, из которого, словно из кратера вулкана, вырывались длинные языки пламени. При свете его резко выделялись мачты и ванты, но через секунду все это превратилось в бесформенные обломки.

Сильное сотрясение передалось по воде даже до того места, где находилась пирога с беглецами, и угловое судно заплясало на волнах, как ореховая скорлупа, и вдруг все погрузи-

лось в темноту. В пирогe все замерли и как будто окаменели.

Режиссер этой ужасной феерии уже не думал об одобрении зрителей, а те были не в силах ему аплодировать.

– Что ж, – проговорил он глухим голосом, – если эти люди были омерзительные негодяи, то, с другой стороны, сама жизнь предъявляет иногда чудовищные требования!

Часть 3. Долина хинных деревьев

Глава I

Современная Бразилия. – Ее процветание. – Пара и Манаос. – Долина Амазонки. – Роскошная сеть путей сообщения. – Река Рио-Бранко. – Кампо. – Трудности путешествия к берегам Рио-Бранко. – Противоположные сезоны в двух соседних странах. – Парана. – Среди островов, образованных параной. – Цивилизация и дикость. – На бателлао. – Мнение сеньора Хозе об индейцах. – Два дезертира. – Хлеба, холста и батога! – Жестокое наказание. – Страх, внушаемый одним именем канаемэ.

Из числа всех государств, больших и малых, входящих в состав Южной Америки, самое обширное и всего более населенное, самое богатое и самое культурное, самое цветущее и цивилизованное, – несомненно, Бразилия.

Немало Изид¹² потрудились, наверное, чтоб создать на земле Бразилии такую благодать. Эта страна не требует от своих сыновей или добровольных пришельцев даже упорного труда, чтобы одарить их всеми желанными дарами; она требует только самого малого усилия, скорее ласкового при-

¹² Изиды – др.-егип. богиня плодородия и материнства. – Прим. ред.

косновения к своей благодатной почве, чем тяжелой работы.

Впрочем, Бразилия сумела показать себя достойной этих щедрот.

Наделенная гидрографической системой, единственной в мире по своему совершенству, орошаемая громаднейшими реками, разветвляющимися до бесконечности, страна сумела оживить эти чудесные водные пути бесчисленными быстроходными пароходами и иными судами. Благодаря этому даже в самых отдаленных точках ее обширной территории кипит жизнь не менее интенсивная, чем жизнь портовых городов и крупных центров побережья.

Обладая почвой чрезвычайно плодородной, производящей самые лучшие и полезные плоды, таящей в себе самые ценные минералы, Бразилия сумела использовать с должным усердием и старанием эти естественные богатства, так что заняла одно из первых мест на рынках Старого Света своим кофе, каучуком, золотом и алмазами.

Долгое время зависимости от Португалии ввергло страну в состояние мертвящего застоя, умственного и экономического. Юная Бразилия сразу открыла двери всякому прогрессу современной науки, которая теперь представлена здесь несколькими видными именами.

Словом благодаря неустанным усилиям деятельных, воздержанных, энергичных и чрезвычайно работающих людей Бразильское государство, существующее не более ста лет, паразитально выросло и преуспело под мудрым и разумным

правлением своих государей¹³.

Не вдаваясь здесь в подробности эволюции этой молодой нации, развитие и силы которой крепнут с каждым днем, возьмем ее себе в пример. Утверждают, что рост населения городов является показателем процветания страны; поэтому возьмем, для примера, первый попавшийся город, ну, хоть Пару. В 1865 году Санта-Мария-де-Бэле-м-до-Гра-м-Пара или, короче, просто Пара насчитывала всего двадцать семь тысяч жителей. В 1885 году ее население возросло до семидесяти тысяч, а ее внешняя торговля, ввоз и вывоз, взятые вместе, достигали уже цифры ста пятидесяти миллионов франков. На это нам возражат, быть может, что исключительное положение Пары в устье Амазонки и на берегу океана дает ей возможность монополизировать как внутреннюю, так и внешнюю торговлю.

Пусть так; приведем тогда в пример другой город, лежащий на расстоянии тысячи трехсот километров вглубь страны, от берега Атлантического океана; это – город Манаос. Тридцать лет тому назад это был скромный городок, лежащий у слияния Амазонки и Рио-Негро, и едва ли мог похвастать своими тремя с половиной тысячами жителей; в том числе были и невольники. В настоящее же время этот городок является главным городом провинции Амазонки, насчитывает свыше пятнадцати тысяч жителей, имеет школы и коллегии, громадную публичную библиотеку, несколько

¹³ С 1902 года Бразилия – республика.

банков, прекрасный ботанический сад, госпитали, сберегательные кассы, театры и тому подобное.

Понятно, что этот значительный рост городов все-таки не может сравниться с ростом некоторых Северо-Американских городов, которые растут, как реки в половодье или во время разливов. Но этот лихорадочный рост, этот невероятный, внезапный приток эмигрантов совершенно незнакомы Бразилии, рост которой прогрессирует систематически, в строгой последовательности, постепенно, но верно. Зато здесь нет надобности опасаться внезапного отлива или каких-нибудь катастроф, так часто разом уничтожающих эти вулканически появляющиеся города Северной Америки.

Одного только, по-видимому, недостает Бразилии – железных дорог. Но на что, в самом деле, эти столь дорого стоящие пути сообщения, обходящиеся правительству в громадные суммы не только во время постройки, но и впоследствии, при эксплуатации, когда страна обладает прекраснейшими в мире реками, – путями, которые сами движутся на протяжении всех восьми миллионов пятисот тысяч квадратных километров ее площади.

Потому-то устройство, улучшение и приспособление этих чудных речных путей и было, как уже сказано выше, величайшей заботой бразильского правительства. Необходимо было иметь пути сообщения, по которым можно было бы передвигаться хорошо и быстро.

Отсюда понятно, что сеть водных сообщений Бразилии,

особенно бассейна реки Амазонки и ее главных притоков, может похвастать таким образцовым устройством, какого только могут пожелать все возрастающие требования людей.

Остановимся пока на этой громадной и цветущей долине реки Амазонки и поговорим еще о Манаосе. Посмотрим, для примера, каким образом этот прелестный город юной провинции Амазонки, несмотря на большую отдаленность, поддерживает постоянные связи с главными цивилизованными центрами Европы.

С ними Манаос связывают две прямых линии пароходства: одна – английская, «Red-Cross-Line», совершающая ежегодно девять рейсов из Ливерпуля в Манаос и обратно, с заходом в Лиссабон, Пару, Паринтин и Икоатиару; другая – французская, «Chargeurs Reunis», отправляющая свои пароходы из Гавра, с пересадочным сообщением из Гамбурга и Антверпена, с заходом в Лиссабон и Пару.

Кроме того, Манаос поддерживает сообщение с Северной Америкой, где Нью-Йорк является конечным пунктом, через компанию «Booth Steamship Company Limited».

Манаос также является центром движения быстроходных судов по Амазонке и ее притокам, напоминающим собой гигантскую систему артерий и вен.

Манаос сообщается также и с Соединенными Штатами Колумбии, посредством пакетботов двух крупных торговых фирм, которые в определенные сроки поднимаются вверх по течению реки Иса или Путумайо.

Ежемесячные отношения с Перу поддерживает пароходство, субсидируемое правительством; конечным пунктом его является Иквитос, а потому суда заходят в Кудахац, Кори, Теффе, Фонте-Боа, Тонантинс, Сан-Пауло, Табатинга, Лорето и Урари. Это, так называемая, линия Солимоес.

В различные бразильские портовые города, а главным образом в Рио-де-Жанейро и Пару, отсюда отправляются пароходы аккуратно три и четыре раза в месяц.

Наконец, для сообщений с городами и портами провинции Амазонки регулярно работают пароходы пяти различных компаний: из Манаоса в Санто-Антонио на Рио-Мадейра, еженедельно; из Манаоса на озеро Марари и Рио-Жуниа два раза в месяц; из Манаоса в Хантанахан на Рио-Пурус ежемесячно; из Манаоса в Акр, приток Пуруса и в Жавари, дважды в месяц.

При настоящем положении вещей, в этих отдаленных провинциях, при существующих требованиях и количестве населения, невозможно даже желать ничего лучшего.

А между тем одна из рек бассейна Амазонки, и из числа немаловажных, почему-то если не совсем забыта, то во всяком случае оставлена в большом пренебрежении при распределении сношений и сообщений между различными городами этой провинции.

Это – вторичный приток великой реки, впадающий в Рио-Негро, в трехстах двадцати километрах от его слияния с Амазонкой, река Рио-Бранко, или Белая река.

Она граничит своими притоками с Венесуэлой, а также и с тремя Гвианами, английской, голландской и французской, служит вместе с тем западной границей спорной территории, оспариваемой и Францией, и Бразилией. Река с беловатыми водами почти молочного цвета, с легким зеленоватым оттенком имеет длину не менее восьмисот километров от истоков до устья, то есть приблизительно равную длине Луары или Роны, и остается судоходной на протяжении пятисот километров.

Эта большая река, с которой хорошо ознакомились только со времени исследований французского путешественника Кудро, орошает своим верхним течением громадную и прекрасную прерию, или кампо, как говорят бразильцы, простирающуюся от двух градусов северной широты до пяти градусов, и от шестидесяти одного градуса западной долготы до шестидесяти четырех и даже далее.

Кампо Рио-Бранко вскармливает бесчисленные стада, которые могли бы быть неоценимым подспорьем для Манаоса, если бы сообщение было менее затруднительно и, главное, более быстро. Но правление провинции считает, что перевозка грузов и общее движение, пассажирское и товарное, недостаточно велико для учреждения особой специальной линии пароходного сообщения с этой частью провинции, что на первый взгляд кажется совершенно справедливым. С другой стороны, люди, заинтересованные в этом, утверждают, так же не без основания, что установление постоянного па-

роходного сообщения между Манаос и Боа-Виста, на Рио-Бранко, вызвало бы оживленное движение и подняло бы вообще жизнедеятельность страны.

Как же быть в таком случае?

«Если сомневаешься – воздержись!» – гласит пословица, и, согласно ей, видимо, и поступают власти. Они сомневаются и потому воздерживаются, на горе и в ущерб тем, кого судьба забросила на Рио-Бранко.

Вследствие этого, путешественник, не имеющий в своем распоряжении паровой шлюпки или катера, что бывает весьма часто, принужден выбирать между монтариа и бателлао.

Мы уже описывали монтариа в первой части этого романа; что касается бателлао, употребляемых главным образом для перевозки скота, то это – большие плоскодонные лодки, на которых свободно помещается от десяти до тридцати быков, с экипажем, состоящим из восьми или десяти человек индейцев с верховьев Рио-Бранко и одного наибольшего, или шкипера.

Такой бателлао, с соответствующим грузом, в летнее время идет вниз по реке двадцать суток, а в зимнее всего только десять. Плавание по Рио-Негро от устья Рио-Бранко и до Манаоса продолжается пять – шесть дней, независимо от времени года. На обратный путь, то есть вверх по реке, уходит обычно дней пятнадцать по Рио-Негро и сорок дней, а летом и шестьдесят дней по Рио-Бранко.

Монтариа, конечно, идет несравненно быстрее. Она мо-

жет пройти расстояние от устья Рио-Бранко до Боа-Виста в двенадцать, много пятнадцать дней, тогда как хороший паровой катер или шлюпка идет вверх по реке трое суток, а спускается вниз по течению всего в двое суток.

Не надо забывать при этом относительно громадной разницы в продолжительности путешествия, в зависимости от времени года; путь от Манаоса к Кампо-Рио-Бранко – перерезает экватор, вследствие чего, когда на Рио-Бранко лето, то на Рио-Негро – зима и наоборот. На Рио-Бранко лето продолжается с сентября до марта, а на Рио-Негро – с марта по сентябрь.

Это путешествие очень продолжительно, очень томительно и даже довольно опасно.

Амазонка и большинство ее притоков протекают по ровной местности, почти без уклона, окаймлены по обеим сторонам болотами и низинами, которые в зимнее время простираются на громадные территории, так что путешественник, часто сам того не подозревая, сбивается с фарватера. Кроме того, Рио-Негро очень подвержен тропическим бурям, ужасным, страшным бурям, которые неминуемо выбрасывают суда в болота или затопленные низины, где их гибель неизбежна.

Чтобы избавиться от подобной беды, монтариа и бателлао плавают лишь по парана, или паранна.

Эти парана – нечто вроде естественных каналов, питающихся от самих рек и идущих параллельно с ними; иногда

их бывает восемь и десять, соприкасающихся и образующих бесчисленные острова. Иногда эти парана не шире обыкновенных ручьев, иногда же – шириною с Луару или с Сену в том месте, где находится ее устье. Эти добавочные водные пути представляют собою настоящие лабиринты, открывают самые невероятные перспективы и оживляют вечно безмолвные девственные леса самыми фантастическими, шумящими потоками, капризными извилинами и веселыми ручьями.

На этих парана не встретить никого. Это настоящая пустыня; но по крайней мере плавание по ним спокойно и безопасно от бурь. Самое большое, если, время от времени, на расстоянии десяти километров друг от друга, вы встретите скромное, маленькое ситио, небольшую крестьянскую ферму с жильем и надворными постройками, прячущуюся в лесу, о которой вы догадываетесь главным образом по пироге, оставленной у берега хозяином, обычно индейцем.

Да и индейцы мансо, то есть оседлые, цивилизованные, почти все покинули левый берег Рио-Негро, из опасения и страха перед жоапири и другими вольными индейцами.

Именно в этих лесах, на левом берегу Рио-Негро, от самых ворот Манаоса и до устья Рио-Бранко, живут страшные по своей свирепости индейцы, которые с конца прошлого столетия вызывают ужас окрестных стран.

Наиболее известны живущие по берегам Рио-Жаопири, против селения Мура, на правом берегу реки. Они не боялись переправляться на своих челноках через реку и напа-

дать на селение, что и делали не раз, и что вызывало каждый раз страшное возмездие. Даже по настоящее время это место настолько небезопасно, что военный шлюп постоянно стоит у Мура для ограждения его населения от нападений этих краснокожих разбойников.

Впрочем, такие неприятные встречи ждут путешественника не только в этой местности, но даже и в предместьях самого Манаоса, в нескольких километрах от этого передового поста цивилизации, где можно найти не только все необходимые удобства жизни, но даже и утонченную роскошь.

Маленькая речка, впадающая в Рио-Негро в двадцати километрах выше Манаоса, считается почти столь же опасной, как и Жаопири. Несколько ниже первого водопада или порога, на этой реке, носящей название Таруман-Ассу, встречаются мукамбо, то есть селения беглых невольников и солдат, дезертировавших из Манаоса, грабителей и убийц.

Эти мукамбо чрезвычайно враждебны цивилизации, и цивилизованные люди даже не решаются туда заглядывать.

Но несмотря на бесконечную длительность этого путешествия, невзирая на адскую жару, царящую на этих парана, на миазмы и болотистые испарения, порождающие злокачественную лихорадку, несмотря на мириады насекомых, колющих, жалящих, щекочущих и кусающих днем и ночью без отдыха, этой поистине ужасной язвы, несмотря даже на присутствие свирепых индейцев, всегда находятся люди, которые решаются ежемесячно предпринимать путешествия от

Манаоса в Боа-Виста и обратно.

Появление сильно нагруженного бателлао с экипажем из рослых парней, с бронзовым цветом кожи, не представляет собою ничего необыкновенного в водах Рио-Негро в жаркое июльское утро.

Безмолвные, почти мрачные, индейцы с сосредоточенным видом маневрируют тяжелым, неуклюжим судном, нагруженным товарами, полученными в обмен за транспорт быков, доставленных с превеликим трудом из кампо.

Кормчий, или шкипер, атлетического сложения мулат, стоя у руля, флегматично направляет свое судно, время от времени испытующе поглядывая на своих людей, невозмутимых и бесстрастных, как бронзовые статуи.

Вдруг течение сразу стало сильным и быстрым. Бателлао, который от самого Манаоса шел вверх по парана Анавилана, параллельно левому берегу Рио-Негро, теперь покинул спокойные воды и вошел в воды, сильно вздувшиеся от дождей и мешающие движению судна.

Несмотря на свою флегматичность, быть может, более показную, чем действительную, шкипер хмурит брови и, по-видимому, проявляет некоторое беспокойство.

Заметив, что весла не в состоянии справиться с течением, он пристаёт к берегу, зацепляется багром за громадное дерево, напрягает свои мускулы и останавливает судно на месте.

– Что там опять, сеньор Хозе? – спрашивает по-португальски звучный молодой голос из-под лиственного навеса,

устроенного над кормовой частью палубы и образующего здесь род балдахина.

– Мы не двигаемся больше вперед, сеньор, – отвечает шкипер, – и скоро начнём двигаться назад: у этих негодяев руки, как плети... Вы слишком балуете их, закармливая с утра до вечера, как на убой, до отвала: Черт возьми! Да знаете ли, что в их интересах, чтобы наше плавание длилось как можно дольше!

– Неужели вы так думаете?

– Черт возьми!.. Необходимо их подтянуть для примера!

– Это всецело в вашей власти, сеньор Хозе, – отозвался его собеседник, – поступайте как знаете. Эти люди в вашем распоряжении... Здесь на судне, вы – хозяин. Я слагаю с себя все свои права и предоставляю их вам, пока мы будем находиться в плавании... Мы здесь в настоящее время не более как простые пассажиры.

– Ну и прекрасно! Давно бы так! – весело отозвался мулат. – Теперь вы увидите, умею ли я подбодрить этих неисправимых лентяев.

В это время из-под навеса вышел молодой человек лет двадцати восьми – тридцати и направился на открытую носовую часть палубы, где находился сеньор Хозе.

– Эй, Маркиз!.. Винкельман! – обратился он к лицам, покоившимся в гамаках, подвешенных один подле другого под навесом... – Разве вам не любопытно посмотреть, как наш капитан, сеньор Хозе, возьмется за дело, чтобы заставить

лентяев шевелиться?

– Право, нет, господин Шарль, – отозвался из-под навеса сонный голос. – Здесь жарко, как в пекле, и эта мошкара, которая с самого нашего отъезда из Манаоса облепила мою шкуру, точно она медом намазана, теперь на минутку как будто отстала от меня. Мне хочется воспользоваться этим, чтобы хорошенько вздремнуть.

– А вы, Маркиз? – снова спросил Шарль.

Но только громкий храп был ему ответом.

Мулат расхохотался, затем, когда у него приступ хохота прошел, издал громкий пронзительный свист. По этому сигналу гребцы тотчас же убрали свои весла, затем один из них закинул толстый канат из пиассаба на дерево и совершенно остановил бателлао.

– Ну а теперь, любезные, – продолжал шкипер, обращаясь к двум индейцам, связанным и лежащим на животах на самом припеке, – теперь я с вами расправлюсь!

– Что вы хотите делать? – спросил его молодой человек.

– Хочу сделать обещанное внушение! Видите ли, сеньор, если хочешь чего-нибудь добиться, то не следует останавливаться на полпути. Ведь эти негодяи, не знающие ни чести, ни закона, только о том и думают, как бы сыграть с нами какую-нибудь злую шутку. Если мы не будем остерегаться, то они отнимут у нас весь груз, утащат его, покинут здесь посреди реки, что равносильно нашей гибели в данных условиях. Вы видели, как они держали себя по отношению к нам,

несмотря на ваше превосходное обращение с ними.

– Увы, я надеялся побороть в них добром и лаской эту несчастную склонность к дезертирству. Это всегда удавалось мне по отношению к береговым тапуйям!

– То, что пригодно в одном случае, часто совершенно непригодно в другом! – наставительно заметил дон Хозе. – С здешними туземцами можно ладить только тремя средствами, как на это указывает даже местная поговорка: «Рао, рапо ет рао», то есть «Хлеба, холста и хлыста!» и главным образом последнего требует здешний индеец!

– Вы строги, дон Хозе!

– Строг, но справедлив.

За три дня до этого, двое из людей экипажа, пользуясь моментом, когда пассажиры после утомительной охоты крепко заснули, завладели одной из запасных шляпок и бежали; шкипер, изнуренный целым днем труда, заснул, не зная о том, что и европейцы с своей стороны тоже предались сну.

Дезертиры, дождавшись полуночи, захватили куски холста, составлявшие их вознаграждение за службу, вознаграждение чрезвычайно щедрое, кроме того, украли еще некоторое количество сыра, сухарей, табака, коробок с консервами кашаса (ликер из маниока), некоторые орудия для обработки расчищенных лесных участков и затем спокойно удалились.

Как самый замысел этого заговора созрел незаметно и неслышно, точно так же неслышно и незаметно совершилось и его осуществление; ни малейшего шума, могущего возбу-

дить подозрение или тревогу шкипера или пассажиров, ни малейшей торопливости или суетливости – все было проделано с ловкостью и проворством хищного зверя, свойственными этим детям природы. Каково же было возмущение и досада сеньора Хозе, когда он на другой день поутру увидел, что это индейцы так ловко одурачили его?!

Вдоволь пошумев, он, однако, скоро совершенно успокоился; к нему даже вернулось благодушное расположение духа. Он удовольствовался только тем, что удвоил надзор за остальными, чтобы застраховаться от повторения подобных случаев. Для вразумления же всей честной компании добавил:

– Впрочем, место здесь не такое, чтобы можно было безнаказанно проделать такую штуку: эти болваны или подохнут здесь от голода, не найдя дороги в этом лабиринте парана, или же сделаются жертвой индейцев браво, которые их без рассуждения зарежут и понаделают себе дудок из их костей. И в том и в другом случае позавидовать нечему!

Однако мулат, при всей своей опытности, упустил из виду еще третью возможность, а именно, страх, безумный страх перед голодом, одиночеством и, главным образом, перед индейцами браво, страх, который на другие сутки и привел обратно обоих беглецов на бателлао с повинной головой.

Сеньор Хозе позволил им вернуться на судно, приказал отнести на место все, что они украли, затем велел их крепко связать и сказал:

– Ладно! Завтра вы будете наказаны!

Таков был инцидент, предшествовавший разговору мулата с его белым пассажиром.

В тот момент, когда мулат готов уже был приступить к расправе, молодой человек обратился к нему еще с одним последним вопросом.

– Не можете ли объяснить причину этого совершенно непонятного для меня бегства двух индейцев? Ведь мы плывем в их края, то есть намерены их привезти домой, на родину, обращаемся с ними как нельзя лучше; кроме того, они должны получить за свой труд более чем щедрое вознаграждение. Что же, скажите на милость, могло побудить их бежать отсюда?

– А вы думаете, что они сами это знают? Эти люди бегут просто без всякой причины, как животные... без всякой надобности... просто так!.. Впрочем, если хотите, я сейчас допрошу их! Послушай, – обратился он к одному из двух связанных, казавшемуся несколько понятливее или, вернее, менее остолбенелым, чем его товарищ, – скажи, почему ты бежал от белых?.. Разве они не были хороши и добры к тебе?

– Нет, они были добры! – был глухой ответ.

– Но ведь ты обещал, что будешь им служить и останешься с ними до конца плавания!

– Да, я обещал!

– Так зачем же ты бежал? Куда ты хотел бежать?

– Я хотел бежать в мою малока (дом)!

– Да ведь мы туда плывем, как раз туда, где твоя малока!

– Да, вы тоже плывете туда!

– В таком случае было гораздо проще оставаться на бателлао, где вам, право, немного работы и где не грозит никакая опасность.

– Да!

– Ну, так зачем же ты бежал?

– Мне было скучно на бателлао!

– Ты ведь знал, что если тебя поймают, то ты будешь жестоко наказан?

– Да, знал!

– Что ты, кроме того, по прибытии на место не получишь обещанного вознаграждения за труды?!

– Да!

– Почему же, зная все это, ты не остался на судно до конца путешествия и твой товарищ тоже?

– Я не знаю!

– А почему вы вернулись сюда обратно?

– Здесь есть канаемэ.

– Что же, ты еще раз попробуешь бежать?

– Не знаю!

– Ну, довольны вы, сеньор? – обратился мулао к молодому человеку.

– Теперь знаете, что о них можно думать?

– Это что-то невероятное... глупее Бог знает чего если только это не притворство! – прошептал про себя Шарль.

– Ну а теперь мы расплатимся с ними: вы поплатитесь мне за вашу проделку!

– Да! – согласился индеец с пассивной покорностью, не пытаясь даже молить о прощении.

Шкипер крикнул одного из людей экипажа, который, как и его товарищи, сидел на корточках несколько в сторонке, безучастно присутствуя при этой сцене.

Зная установленный в подобных случаях порядок, он подошел к одному из связанных, развязал ему руки, получил от шкипера железную часть заступа и принялся со всей силы бить ею по ладони правой руки дезертира.

Шкипер между тем считал удары:

– Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять! Довольно! Теперь бей по другой руке.

И палач, все так же невозмутимо и флегматично, продолжал ударять со всего маха по руке своего товарища, нимало не смущаясь криками и воплями.

Дав таким образом пятьдесят ударов по рукам и столько же по подошвам ног, несчастного снова связали, положив животом вниз на припеке так же, как он лежал раньше. Товарищ его получил ту же порцию, хотя экзекуцию над ним проделал другой индеец, сменивший заморившегося палача, после чего его положили рядком с первым на солнышке, связав и ему руки за спиной, а большие пальцы обеих рук связав вместе тоненькой бечевочкой.

Пассажиры, разбуженные неистовыми криками, воплями

и воем злополучных жертв, не верили своим глазам: подобное наказание глубоко возмущало их.

– Послушайте, господа, надо быть благоразумными! Вы, может быть, думаете, что индейцы озлоблены против меня за то, что я их так проучил? Нимало, могу вас в том уверить! Такая аргументация, соответствующая их пониманию, дает им, напротив, самое прекрасное мнение обо мне! Вот вы сейчас сами увидите. Скажите, довольны вы вашим шкипером? – обратился он к наказанным.

– Да, довольны! – ответили прерывающимися, дрожащими голосами только что так ужасно наказанные беглецы.

– А почему вы им довольны?

– Потому, что шкипер поручил нашим же товарищам наказывать нас!

– Но ведь ваши товарищи били вас больно!

– Да, но мамалуко (то есть метисы, помесь белых и индейцев) бьют еще гораздо больнее и дольше!

– Ну да, конечно! Знаете ли, что они всыпают им по сто ударов палкой по пяткам и подошвам ног! – пояснил он пассажирам.

– А белые?

– Белые бьют еще хуже: они бьют, пока не переломают кости, а когда кости переломаны, человек не годится больше на работу, и тогда его кидают в воду, чтобы даром не кормить.

– Значит, я лучше и мамалуков, и белых?

– Да, лучше!

– Что же, будете вы опять пытаться бежать?

– Нет!

– А почему нет?

– Потому, что мы боимся канаемэ!

– Вы теперь сами видите, сеньоры, что они неисправимы!

– Но скажите мне, сеньор Хозе, что это за канаемэ, которые, как вижу, внушают этим людям безумный страх!

– О, сеньор, – отозвался мулат, понизив сильно задрожавший голос, – это ужасные люди, живущие исключительно только ради убийств. Воспитываясь из поколения в поколение для грабежа и убийств, они не знают с самого раннего детства никакой другой цели, кроме убийства ради убийства; так как они не людоеды, они изготавливают себе только ожерелья из зубов своих жертв и флейты из их голеней. Будь то белый или негр, индеец, мулат, мамалуко, для них безразлично; они убивают всех, кто только не принадлежит к их племени или к их общине. Да хранит нас Господь от встречи с этими канаемэ!

Глава II

Трудное плавание. – Ганчо и форкилья. – Тучи насекомых. – Черные и белые воды. – Индейцы на охоте. – Во время сиесты. – Странное отсутствие. – Беспокойство и тревога. – На страже. – Костер. – Ночная симфония. – Человеческие крики. – Канаемэ. – Дьявольский хоровод. – Шумное нападение. – Отпор. – Отвратительные безумцы. – После ночи. – Страшное зрелище. – Человеческие останки. – Это наши индейцы! – Каким образом становятся канаемэ.

Жестокое наказание подействовало превосходно. Вместо возмутительной небрежности к своей работе индейцы проявили сразу же удивительную деятельность, которая, хотя и не граничила с героизмом, тем не менее была очевидна и небезрезультатна.

Тяжелое судно снова стало подвигаться вперед, хотя и медленно. Дело в том, что, несмотря на все усилия, бороться против течения чрезвычайно трудно.

Однако жестокий урок, данный непокорным, оказался настолько полезен и для других, что не только товарищи, но и сами пострадавшие взялись за весла. Они работали своими избитыми, окровавленными руками и, только благодаря своей индейской закаленности, упорно хранили молчание, не жалуясь ни на что.

Шкипер потирал руки от удовольствия при виде такого

усердия, утверждая, что их гребцы будут работать, не покладая рук и не помышляя о побеге до тех пор, пока будут находиться в местности, населенной канаемэ. «На что-нибудь да беда нужна!» – говорит старая французская пословица, а мы говорим: «Нет худа без добра!» Но впоследствии снова придется принуждать их к работе, если мы не хотим, чтобы бателлао лишился своей двигательной силы и не пошел вниз под напором сильного и быстрого течения.

Но вот весла перестали делать свое дело, несмотря на страшные усилия гребцов. Бателлао, правда, не уносится вниз течением, но и не двигается вперед ни на единую пядь, так силен напор черных волн Рио-Негро. Видя это, шкипер заставляет причалить к берегу и распоряжается прибегнуть к помощи двух орудий, обычно используемых в подобных случаях и с успехом заменяющих весла. Эти два примитивных орудия известны здесь под названием *gancho* – ганчо (крюк) и *foquilha* (вилка).

Ганчо – это шест длиной в 4 или 5 метров, снабженный на конце небольшой палочкой, привязанной к нему крепкими лианами, образующий как бы крючок.

Форкильха несколько короче, но гораздо крепче и толще ганчо, причем один ее конец раздваивается естественно в обе стороны, образуя собою вилу.

Бателлао между тем идет вдоль берега и по самому берегу; двое индейцев зацепляют ганчо за большую ветвь, за ствол или за корневище и затем тянут со всей силы, подтягиваясь,

тогда как двое других напирают сзади на форкильо и толкают вперед, упираясь ногами о корни, пни и лианы.

Восемь человек работают таким образом, напрягая все свои силы, двумя ганчо и двумя форкильями.

Таким образом медленно движущийся вперед бателлао со стороны похож на громадного паука, ползущего вдоль берега, цепляясь за него длинными лапами.

Он и тащится таким образом по реке, под навесом прибрежных деревьев, которые задевают своими нижними ветвями за кровлю над кормой, служащую защитой и от солнца, и от непогоды, и от всяких неприятных случайностей в пути. Защита, по правде сказать, недостаточная во всех отношениях; под нее забираются мириады муравьев, падающих с ветвей деревьев, за которые зацепляется кровля. Эта грозная армия насекомых, которыми буквально кишат все берега рек экваториальных стран, обрушивается целыми полчищами на матросов и пассажиров, облепляет все тело как нагих негров и индейцев, так и закутанных в одежды белых, не давая никому пощады. За ними идут и другие враги из мира насекомых: пиаосы, эта маленькая мошкара, от укулов которой вся кожа покрывается черными пятнышками; карапана, острое жальце которых прокалывает даже самую толстую ткань и вонзается с такой силой в кожу человека или животного, что при его уколе брызгает кровь; mosquito, яд которых вызывает значительную опухоль, не менее болезненную, чем укус нашей европейской осы; карапаты, которые своими острыми

челюстями впиваются в тело человека и, как клещи, вьдаются, врастают в него, уходят вглубь и насыщаются кровью до того, что при вытаскивании у них обычно отрывается голова, присосавшаяся так крепко, что ее нет возможности вырвать.

И все эти мучители, все эти мелкие, ужасные вампиры с бешенством и озлоблением накидываются на путешественников, разливают по их жилам свой яд, упиваются их кровью, мучают и терзают их беспрерывно, и днем, и ночью, во всякое время, доводя их до бешенства, до исступления.

Индейцы, почти всегда малокровные, по-видимому, менее страдают от этой язвы, потому что вследствие их малокровия являются менее заманчивыми для насекомых жертвами, или же потому, что уже успели освоиться и притерпеться к укусам этих мучителей, или же потому еще, что кожа их несравненно грубее и менее чувствительна; во всяком случае они сравнительно меньше страдают, чем европейцы.

Кроме того, установлено, что европейцы, прибывшие в экваториальные страны, населенные насекомыми и мошкаррой, менее страдают от них, когда успеют акклиматизироваться, чем в первое время по своем прибытии. Путем ли постоянных прививок всех этих разнообразных ядов, или вследствие быстро развивающейся в этом климате анемии они с течением времени становятся менее чувствительны к ожогам и укусам насекомых, чем вначале.

Но это еще не все, что предстоит претерпевать в этих кра-

ях злополучным путешественникам. Берега этих рек поросли маленькими деревцами, с широкими толстокожими листьями, как листья фикусов, называемыми туземцами эмбооба. Каждое такое дерево, от линии воды, из которой выходит их ствол, и до кончиков листьев усеяно сплошной массой желтых муравьев, тех ужасных муравьев, которых бразильцы называют огненными муравьями. Эти свирепые насекомые моментально наводняют собою бателлао, проникают всюду, набрасываются на съестные припасы, которым они сообщают нестерпимый запах муравьиной кислоты, ползут по ногам вверх и облепляют всего человека, кусают, жалят, жгут нестерпимо, невыносимо, точно огнем, и вызывают во всем теле ужаснейший, болезненный зуд, способный довести человека до отчаяния.

Непрестанная забота путешественника предохранить и защитить себя, на сколько возможно, от этих укусов настолько заполняет все его существование во время подобного плавания, что делает совершенно неспособным не только к какой бы то ни было работе, но даже лишает возможности думать о чем-либо другом, кроме самозащиты.

Впрочем, некоторые пустячные инциденты все-таки изредка нарушают томительное однообразие этого плавания.

Местами течение реки, сдавленной берегами, становится еще быстрее и сильнее; тогда шкипер, оценив взглядом характер местности, отдает отрывистым, резким голосом приказание:

– Давай эспи!

Эспи – длинный, крепкий канат из пиассаба, постоянно лежащий свернутым на носу судна.

Двое людей берутся за конец этого каната, прикрепляют его к одной из бортовых шлюпок, садятся в шлюпку, затем отправляются на берег, насколько позволяет длина каната, и там прикрепляют этот конец каната к стволу какого-нибудь громадного, крепкого дерева.

Тогда остальной экипаж хватается за канат и тянет, как тянут на быстроходных судах, переправляя их через пороги.

Когда опасное место пройдено, снова продолжают работать форкильхой и ганчо.

Случается, конечно, что люди, управляющиеся с этими орудиями, плохо рассчитывают расстояние или наставят форкильху на такое место судна, с которого она соскользнет. Тогда неловкий кувыркком летит в воду, ныряет, как утка на пруду, затем снова появляется над водой, впрыгивает в шлюпку, за кормой судна, выбирается благополучно на берег, при громком смехе и шутках товарищей, более счастливых или более осторожных и менее неловких.

С наступлением ночи бателлао причаливают к берегу. Но сойти на сушу нет никакой возможности, особенно зимой, в некоторых местах берегов Рио-Негро, так как нельзя определить безошибочно, суша ли это или бездонная трясина.

Это плавание, столь затруднительное и неприятное по своей невероятной длительности, нестерпимой жаре обилию

жалящих насекомых, кроме того, не лишено опасностей и более серьезных. Так, например, нередко случается, что громадные деревья, корни которых подмыла вода или стволы которых разрыхлились от гниения и дуплистости, обрушиваются в реку, чуть не затопив бателлао, или ломаются под напором эспи или ганчо и падают в воду всего в нескольких футах от носа судна. Тогда воды бурлят и вздымаются высокими беспорядочными волнами под тяжестью падения великана, и судно начинает плясать, как пробка, на этих волнах, несмотря на свой тяжелый груз.

Но вот путешественники достигают, наконец, верхнего устья Рио-Жаопири, и тогда начинает казаться, что темные воды Рио-Негро как будто слегка бледнеют у левого берега.

Но это только кажется или это беловатая струйка свидетельствует о близости Рио-Бранко, воды которого опалового оттенка еще издали заметны среди черных вод Рио-Негро? Пассажиры европейцы вспомнили при этом, что подобный же феномен был замечен ими и ниже по течению реки при впадении Рио-Негро в Амазонку.

Они имели случай убедиться, что слияние вод двух рек происходит лишь на весьма значительном расстоянии от впадения одной реки в другую. Воды Рио-Негро сохраняют на протяжении нескольких километров свой цвет черного кофе и образуют вдоль левого берега Амазонки полосу, кажущуюся тем более темной, что воды вдоль правого берега светлее и серебристее. По-видимому, слияние двух разнохарактер-

ных вод совершается не сразу, и на поверхности реки местами еще выступают как бы темные пятна, выделяющиеся на светлом фоне Амазонки, как будто какая-то капризная линия разделяет между собой эти воды.

Суда, идущие по Рио-Негро, оставляют за кормой длинный след на чернильной реке, так хорошо оправдывающей свое название, след, испещренный мелкими волнами с мутно-желтыми, пенистыми гребнями, как бы увенчанными расплавленным янтарем, а темные леса по обеим сторонам реки, тесно обступившие ее берега, отражаются как-то особенно явственно в этой зеркальной поверхности полированного черного угля, медленно движущейся между двумя стенами вечнозеленых берегов.

Без сомнения, Рио-Бранко представляет путешественникам зрелище аналогичное, но только в обратном смысле.

Вследствие непомерного утомления всего экипажа, вызванного страшной, нечеловеческой работой в течение всего последнего дня пути, сеньор Хозе нашел нужным разрешить всем двенадцатичасовой отдых.

Таким образом, бателлао причалил к берегу и встал неподвижно на месте.

Полдень; жара томительная. Это – время сиесты. Европейцы, мулат, шкипер и двое беглецов остались на судне; растянувшись в своих гамаках, они предаются отдыху; остальные индейцы отправились в лес поохотиться, обещая принести свежей дичи, чтобы немного разнообразить обы-

денную суровую пищу и побережь провиант.

Нам может показаться странным такой отдых для замученных, изнуренных на работе людей, отдых, заключающийся в том, чтобы отправиться бродить по лесу в адскую жару и гоняться за козочками, хокко, маленькими пекари и агутти. Но индейцы вообще делают все не так, как другие люди. Кроме того, они чувствуют себя в этой раскаленной атмосфере как настоящие саламандры, а в этих непроходимых лесах – точно в родной стихии.

– Идите, – сказал мулат, – только смотрите, вернитесь к ночи и будьте осторожны: остерегайтесь канаемэ!

Но тех уже и след простыл; только там и сям, между деревьями, мелькали их фигуры, вооруженные длинными большими луками и колчанами, полными стрел из канна-брава, да еще неизбежным тесаком.

День прошел без особых приключений для пассажиров, которые добросовестно воспользовались этим временем, чтобы найти прохладу где-нибудь в самом тенистом местечке, обмахиваясь большими опахалами от насекомых, и, когда представлялась возможность, дремали, если кто из них был в состоянии это сделать. Но вот настала ночь, и, вопреки ожиданиям сеньора Хозе, никто из охотников не вернулся на судно. Между тем мрак сгущался с каждой минутой, а они все не возвращались.

Тогда беспокойство за отсутствующих сменилось тревогой, тревога – мучительными опасениями, особенно в виду

близкого соседства свирепых индейцев с Жаопири.

Рискуя привлечь их внимание и увидеть, как они неожиданно накинутся на судно, сеньор Хозе все же приказал разжечь большой костер, чтобы охотники, если они сбились с пути, могли найти свое судно, хотя последнее предположение было весьма невероятным, потому что природный инстинкт краснокожих всегда безошибочно руководит ими и никогда не обманывает.

В несколько секунд каждый перебрал в своем уме возможные предположения, и никто не мог найти ничего утешительного, ничего такого, что могло бы объяснить это отсутствие сколько-нибудь удовлетворительно. Страшная мысль о поголовном избиении несчастных упорно напрашивалась сама собою, а последствия этого ужасного происшествия неминуемо должны были стать весьма неприятными для всех остальных.

Конечно, охотники и не помышляли даже о побеге; ведь у них не было никаких средств к передвижению! Кроме того, они решительно ничего не захватили с собой; все, что могло бы их прельстить, осталось на судне. Заблудиться они тоже не могли: индеец, как днем, так и ночью, всегда умеет разобратся в лесу, всегда умеет найти свою дорогу, как настоящее хищное животное. Не могли они также стать жертвой охоты: животные, обитающие в этих экваториальных странах, не опасны для человека. К тому же их было немало, и все хорошо вооружены. С их ловкостью, силой, проворством

и знаниями местных условий, они, несомненно, могли отразить нападение каких угодно лесных животных.

И все время у всех в голове неотступно вертелась одна и та же мысль, одно и то же слово просилось на язык: канаемэ! Ах, как жалел теперь мулат, что с такой легкостью отпустил своих индейцев, что разрешил им поохотиться. Какое ужасное, непоправимое несчастье, если они, действительно, попались в коварную ловушку! Да и оставшиеся в живых теперь окажутся совершенно изолированными посреди реки, вдали от всякой помощи, лишенные необходимых им гребцов, единственной двигательной силы судна!

Но и это еще не все. Как знать, не явится ли сюда невзначай эта дикая орда разбойников, разлакомившихся после избиения их несчастных товарищей? Не обрушатся ли эти кроважные дикари нежданно-негаданно на бателлао и не постараются ли прибавить еще новые жертвы к только что убитым, так как священный завет их повелевает им убивать все и вся, везде и всюду?!

На всякий случай на бателлао приготовили оружие. Трое европейцев и мулат соорудили завал из тюков товаров, мешков муки, ящичков с сухарями и стали не без страха ждать, что им готовит темная тропическая ночь.

Время шло; проходит час за часом томительно медленно, среди странного концерта звуков, какими оглашается ночью воздух под зелеными сводами гигантских деревьев.

Шарль, куривший сигару, подносил ее огонь к своим кар-

манным часам, чтобы разглядеть по ним время.

– Еще всего только полночь! – говорит он. – Странное дело, гуарибы (ревуны, обезьяны) почему-то сразу смолкли!

Действительно, эта ревущая стая, голоса которой покрывают собою все остальные звуки ночи, о чем не может даже составить себе представление тот, кто не проводил ночи под открытым небом, в экваториальном девственном лесу, вдруг смолкла.

Издав предварительно несколько резких гортанных звуков, означающих гнев и беспокойство и повторившихся словно сигнал, обезьяны прекратили свой оглушительный концерт.

– Хм, – заметил шепотом Маркиз, – что это, господин Шарль, как видно, у этих «basso-profundo» ослабли голосовые связки, или их капельмейстер уронил свою дирижерскую палочку... Что бы это значило?

– Это значит, дорогой мой, что по лесу идут люди, – один или два отряда, идут неслышно; но гуарибы почуяли их присутствие и, оповестив друг друга о близости человека, смолкли при их приближении!

– Вы так думаете?

– Не только думаю, а вполне уверен! Быть может, это наши запоздавшие охотники или...

– Или?

– Это – враги!

– Ну, что же! Если говорить правду, то я предпочитаю,

чтобы уж это был враг, чем сидеть и томиться этим мучительным ожиданием; сидеть здесь смиренно, как рыбак с удочкой, и считать секунды мысленно, говоря себе: «Вот, вот сейчас придут»... и понемножку умирать в ожидании настоящего удара. По-моему, лучше разом кончить!

– И я также: мой темперамент так же мало мирится, как и ваш, с этим пассивным ожиданием. Ну, да теперь уже недолго ждать! Слышите?

Какие-то резкие пронзительные выкрики, страшно диссоциирующие, раздались в воцарившейся тишине и безмолвии леса.

– Это мне знакомо! – проговорил молодой человек. – Или я очень ошибаюсь, или эти звуки исходят из человеческих глоток. Как вам кажется, сеньор Хозе?

– Я того же мнения, как и вы! – мрачно ответил мулат и добавил еще: – Из индейских глоток.

Звуки эти довольно быстро приближаются, становятся как-то интенсивнее и все более и более отчетливей.

Одновременно с этим оба краснокожих, остававшихся на судне, затряслись, как в лихорадке: они дрожали всем телом, дрожали с ног до головы; зубы у них стучали, как кастаньеты.

– Канаемэ! Шкипер, это канаемэ! – пробормотал один из них дрожащим голосом.

Его чуткий слух, гораздо более тонкий чем у европейцев и даже чем у мулата не может обмануть. Он уже задолго до них различал в этих криках слоги, составляющие слово канаемэ,

которые выкрикивали эти далекие голоса:

– Канаемэ!..

И эхо бесконечного леса повторяет это грозное слово, отчеканенное в безмолвии и мраке ночи людьми, кричащими во все горло:

– Ка-на-е-е-мэ!..

– Ну, пожалуйста, господа!.. – восклицает вполголоса Маркиз, наводя дуло своего револьвера в том направлении, где все еще пылал костер, в каких-нибудь двадцати шагах от бателлао. – Что ни говори, а все-таки это весьма приятно для нас, – продолжал он, – что эти легендарные герои, вместо того чтобы напасть на нас крадучись, считают нужным заявить о себе этой возмутительной, но чрезвычайно полезной какофонией.

Но вот кустарники, ближайшие к открытому пространству, где был разложен костер, ломаются, точно под ногами тапира, и группа индейцев, совершенно голых, вооруженных луками и стрелами, стремительно вырывается вперед, крича и жестикулируя, как полоумные. Вид пылающего костра как будто приводит их в еще большее безумие. Они берутся за руки и принимаются водить хоровод или, вернее, бешено кружиться в хороводе, приплясывая и кривляясь, беснуясь, как черти в пекле, и проделывая какие-то невиданные гимнастические упражнения, беспорядочно размахивая руками, потрясая своим оружием, усиленно воя, как будто все они охмелели и пришли в исступление под влиянием винных па-

ров.

– Вот так канкан! Взгляните-ка, друзья, это прямо-таки забавно! – прошептал неисправимый болтун Маркиз. – Право, в них черт сидит, а в глотке целый оркестр. Нет, погодите минуточку!

Вдруг картина переменилась.

Индейцы, до этого момента как будто совершенно не обращавшие ни малейшего внимания на ярко освещенный пламенем костра бателлао, вдруг останавливаются на каком-то смелом антраша и с неподражаемой быстротой и ловкостью пускают из своих луков каждый по длинной стреле, которая со свистом пролетает в воздухе. Пущенные привычной рукой этих метких стрелков длинные тростинки канна-бравы пронизывают, к счастью, никем не занятые гамаки, неподвижно висящие над головами пассажиров, растянувшихся плашмя на животах на палубе за надежным прикрытием из тюков холста и мешков с мукой и зерном. Без этой необходимой и разумной предосторожности все находящиеся на судне были бы неизбежно поражены смелыми дикарями.

Но что это за странная идея, со стороны этих диких индейцев, считающихся самыми коварными и хитрыми из всех диких и полудиких обитателей этих великих лесов, прийти и нападать так безмерно смело?

В этом кроется какая-то тайна, которой никто в данном случае не мог да и не имел времени разгадать, так как рукопашная схватка должна была последовать за этим совершен-

но безобидным первым залпом стрел.

Дело в том, что нападающие, как будто уверенные в уничтожении всего экипажа судна, перехватывают свои луки в левую руку, равно как и пучки наготовленных стрел, потрясают правой рукой в воздухе своими тесаками и устремляются гурьбой на бателлао, по-прежнему безмолвный и как бы вымерший.

Врагов сравнительно мало, не более двенадцати человек, хотя они и шумят, как целых двадцать, причем их беспорядочные движения, бешеные прыжки и скачки могли обмануть даже привычный глаз и заставить принять эту кучку людей за более грозную неприятельскую рать.

Четыре выстрела грянули почти одновременно и, как мановением магического жезла, остановили их порыв, хотя, по-видимому, никто из них не ранен. Только молниеносная быстрота атаки спасла на этот раз и помешала стрелкам, которые не могли уловить столь безалаберно движущиеся мишени.

В первый момент дикари невольно приостановились, удивленные, но не смущенные, и отступили немного как бы для того, чтобы взять разбег, затем снова устремились вперед. Этим коротким моментом умело воспользовались осажденные и дали второй дружный залп.

Двое дикарей падают, а остальные, вместо того чтобы продолжать начатую атаку, к превеликому удивлению пассажиров, как будто совершенно позабыв бателлао, накидываются

с зверским бешенством на своих павших товарищей, рубят их своими тесаками на куски, рвут на клочья и продолжают выкрикивать свой дикий клич:

– Ка-на-е-е-е-мэ!.. Канаемэ!..

Сбившихся таким образом в одну кучу, их не трудно было бы теперь уничтожить, но неожиданное замечание сеньора Хозе останавливает европейцев от намерения стрелять по неприятелю.

– Эх, черт возьми, да я не ошибаюсь; ведь это же наши индейцы!

– Не может быть!

– Да нет же, я их прекрасно узнаю.

– Что же, они помешались, что ли?

– Они, по-видимому, совсем взбесились!

– Что же нам делать?

– Да вот что, – это очень просто! – отвечает мулат, перерубив одним ударом тесака канат, которым бателлао был причален к берегу.

– Вот и все! – и, схватив могучей рукой крепкую форкильху, он сильно оттолкнулся ею от берега, добавив:

– Ну вот, теперь мы спустимся немного вниз по реке, куда нас понесет течением, затем ухватимся за какой-нибудь здоровый сук, подтянемся за него к берегу и переждем там ночь! Когда совершенно рассветет, мы вернемся сюда, и тогда пусть меня черт поберет, если этот приступ бешеного безумия не пройдет у них к тому времени!

Сказано – сделано. Бателлао, которого понесло течением вниз по реке, подтянулся и пристал к берегу всего на расстоянии каких-нибудь трехсот – четырехсот метров от своей прежней стоянки, и здесь пассажиры могли спокойно и ничем не рискуя дождаться восхода солнца, комментируя каждый по-своему это странное, трагическое происшествие.

Вой и беснования продолжались еще в течение трех часов; затем мало-помалу все стихло.

За экваториальной ночью быстро следует яркий день, почти мигом сменяющий мрак ночи.

Как только рассвело, бателлао тихонько поднялся вверх к своей прежней стоянке и причалил к берегу в том самом месте, где и вчера, и здесь европейцам представилось странное, омерзительное зрелище.

Вокруг костра, уже догоревшего и угасшего, спали, как убитые, человек шесть индейцев, совершенно нагих и испачканных в крови. Подле них валялись останки сырого мяса, лоскуты, не похожие на части человеческого тела, почти сплошь усиженные мухами и другими насекомыми. Шесть голеней, обчищенных и обскобленных так, что лучше не сумел бы сделать ни один препаратор-анатом, лежали тут же на земле возле спящих.

Индейцы спали так крепко, что они даже не слышали, как сеньор Хозе и трое европейцев сошли на берег, вооруженные с ног до головы, и отобрали у них оружие.

Мулат не ошибся, это были действительно люди его эки-

пажа. Схватив обеими руками один из длинных крепких луков индейцев, он со всей силы ударил им раз пять – шесть по спинам негодяев, которые только теперь шумно пробудились и загудели, как рой потревоженных пчел.

– Как, негодяи, так это были вы?! – с бешенством набросился он на них.

– Да, мы, шкипер! – отвечал один из них обычным убийственно флегматичным тоном без малейшего замешательства.

– Что вы здесь делаете?

– Мы спали!

– Где ваши товарищи?

– Ах, да... товарищи... их нет!..

– Что вы с ними сделали?

– Что мы с ними сделали?..

– Да?

– Они умерли!

– А вы их съели?

– Не знаю!

– Как же ты не знаешь?

– Не знаю!

– А это что такое?

– Это голенная кость!

– На что она?

– На то, чтобы сделать из нее дудку!

– А на что такая дудка?

– Я не знаю.

– Отвечай, не то я тебе сейчас же разmozжу голову!

– Я и отвечаю, шкипер... отвечаю...

– Почему вы вчера не вернулись к ночи!

– Не знаю!

– Почему вы хотели нас убить?

– Потому что мы поели «bicho de taquera»?

– Что же из того, что вы поели «bicho de taquera»?

– Это сделало нас канаемэ... и мы были канаемэ всю ночь.

– А теперь?

– А теперь мы пойдём и будем работать ганчо и форкиль-хой, как раньше!

Глава III

После взрыва «Симона Боливара». – Все вместе. – Новый проект. – Шарль не хочет отказаться от начатого дела. – Ассоциация. – Реорганизация серингаля. – Хинные деревья в Гвиане. – Немного местной географии. – Лунные горы. – Гидрографическая система этой местности. – План исследований. – Отъезд. – Фантазия Маркиза. – Влияние среды. – Гастрономические предрассудки. – Кое-что о лягушках и слизняках. – Отравление беладонной. – Объяснение аналогией. – Рио-Бранко.

Возвратимся немного назад и изложим сжато события, последовавшие за освобождением несчастных пленников, томившихся в общей каюте «Симона Боливара». Опишем также и последствия бегства и спасения, организованных Маркизом с такой неустранимостью и с таким счастьем. Присутствие охотников за каучуком близ Рио-Бранко также будет объяснено читателю в свое время.

После взрыва и вероятной гибели всей шайки разбойников, находившихся на палубе «Симона Боливара», Шарль Робен, Винкельман, его брат эльзасец Фриц, Раймон и Маркиз направились к селению Мапа, где местные колонисты оказали им самое широкое и сердечное гостеприимство.

В их распоряжение был предоставлен прекрасный голет, и все пятеро отправились на нем в фазенду на Апуреме, где

рассчитывали застать маленький отряд, прибывший с Марони, вместе с его предводителями, а также и госпожу Робен с детьми.

Шарль, сведущий во врачебном деле, не желал никому доверить уход за двумя ранеными, Раймоном и Винкельманом. Принявшись за серьезное лечение, он окружил их самым внимательным уходом, благодаря чему здоровье их быстро пошло на улучшение и поправку.

Когда голет прибыл в фазенду, окончательное выздоровление больных являлось теперь только вопросом времени. Здесь они застали, как и рассчитывали, старика Робена, сына его Анри, прелестную подругу Шарля вместе с ее детьми, нашедших приют у радушного фазендейро. Они узнали от одного из бежавших индейцев о некоторых событиях, последовавших за благополучно окончившейся экспедицией старика Робена.

Хотя эти сведения были далеко не полны, они тем не менее обнадежили семью Шарля. Зная его изобретательность, находчивость, его удивительную энергию и знание местной жизни, а также, насколько продолжительны и затруднительны здесь всякие передвижения, особенно в этой области, еще совершенно дикой и почти безлюдной, близкие Шарля сумели заставить себя терпеливо ожидать его возвращения.

К счастью, ожидания их осуществились даже раньше чем они смели надеяться.

Можно себе представить, с какой неопишуемой радостью

приветствовали в фазенде благополучно спасшихся беглецов. Горячими потоками благодарности осыпали Маркиза, их общего спасителя и благодетеля. Радостное опьянение охватило всех при свидании, столь долгожданном и столь желанном.

Молодой артист, смущенный столькими похвалами, хотя и вполне заслуженными, глубоко расстроганный той лаской и любовью, какие все ему выказывали, совершенно растерялся и не знал, что ему делать, и только бормотал какие-то несвязные слова благодарности.

С этого времени, как заявил ему глава семьи, старик Робен, он сделался членом его семьи, равно как и его товарищи.

Когда раненые полностью оправились и почувствовали себя совершенно здоровыми, старик Робен стал поговаривать о возвращении на плантацию на Марони, вместе со всеми участниками экспедиции. Эта мысль казалась ему наиболее рациональной. Он думал, что его сын Шарль окончательно распростится с Арагуари и со спорной территорией, которая оказалась для него столь негостеприимной, и где его постигло такое ужасное несчастье.

Но, вопреки ожиданиям старого колониста, молодой человек не разделял его мнения и заявил, что, с его согласия и благословения, он хотел бы снова попытаться счастья в этих местах.

– Но послушай, дитя мое, не может быть, чтобы ты в столь короткое время успел серьезно и основательно обдумать этот

вопрос, требующий к тому же весьма обширных и основательных знаний! Вернись лучше на Марони. Там для тебя есть достаточно обширное поле деятельности, и там ты точно так же можешь удовлетворить свое самолюбие и желания! Я рассчитываю расширить дело, чтобы предоставить нашим новым друзьям независимость на первое время и обеспеченность в будущем. Драматическое искусство не обогатило вас, друзья мои, не правда ли? Если вы намерены от него отказаться и посвятить себя коммерческим делам и обосноваться у нас в Гвиане, то, вероятно, не откажетесь приобщиться к моему делу на весьма выгодных для вас условиях!

Артист только поклонился в ответ.

– Значит, решено, и вы тоже становитесь «Робинзонами Гвианы»! И, поверьте, вы ничего от этого не проиграете; ваше положение несравненно улучшится, тем более, что вы обладаете всеми качествами, необходимыми для умного, рассудительного и честного колониста. Что касается тебя, Шарль, то ты знаешь неистощимые богатства нашей земли и всей этой страны, тебе известно, как мы все были бы счастливы, если бы ты остался с нами. Я хочу надеяться, сын мой, что твое решение не бесповоротно!

– Ты прав, отец! Конечно, на Марони хватит богатств на всех нас, – отвечал молодой человек тоном решительным, но вместе и почтительным, в котором, однако, чувствовалась непреклонная решимость. – Вы знаете, что значит для меня слово «богатство». Это – возможность обеспечить моим

близким и всей нашей общей семье обилие всего необходимого для их удобства и благосостояния путем разработки новых девственных участков. Это значит для меня приобрести трудом и культурными насаждениями еще новый цивилизованный оазис на нашей новой родине. Я мечтал устроить здесь, на границе спорной территории, центр строго французского влияния и противодействовать этим мирным завоеваниям наших соседей, род морального барьера. Необходимо развивать здесь промышленность, выдвинуть вперед первые французские форпосты, с которыми в ближайшем будущем дипломатия должна будет считаться, когда вопрос об установлении границ будет обсуждаться снова. Я могу сказать без хвастовства, но не без некоторой гордости, что это мне вполне удалось бы, если бы не случившееся. Сейчас я разорен. Но это чисто материальные потери, не имеющие ничего общего с моими надеждами и мечтами, несравненно более возвышенными и грандиозными, чем простая роскошь переселенцев-колонистов, достигших высшего благосостояния.

Разве я не знал, когда схватился один на один с этой девственной землей, что не без труда заставлю ее служить себе? Мирное завоевание страны, где надо создать все решительно, конечно, не может обойтись без борьбы, без затруднений и неприятностей, даже без бед и несчастий, точно так же, как и завоевание силою оружия.

И я испытал, если хотите, поражение, но такое, на которое

я мог и должен был рассчитывать, и которое не подкосило ни моей энергии, ни моей веры в свою задачу, ни моих надежд на успех! Этот коммерческий центр, основанный мною на Арагуари, и сейчас еще существует, хотя бы в идее. Стоит только снова построить там серингаль, снова заняться производством каучука, собрать и созвать моих рабочих, моих служащих, рассеявшихся в настоящее время по лесам, и вы увидите, что работа повсюду закипит, как раньше. Все торговые обороты возродятся, как будто они никогда и не прерывались.

В сущности, именно прекращение торговых связей, с таким трудом налаженных в этой глуши, вот что явилось бы несчастьем и, можно сказать, даже стыдом для меня. Вот почему я намерен снова отстроить серингаль там же, но на иных основаниях и в иных размерах. Ведь не всегда же мы будем иметь таких соседей, как обитатели Озерной деревни, которые теперь надолго усмирены. Кроме того, их вождь был совершенно исключительный, из ряда вон выходящий человек, так сказать, единственный в своем роде, и заменить его будет нелегко. А наученные горьким опытом мы теперь сумеем охранить себя от подобных случаев в будущем. Но это еще не все. В той местности, как я убедился, есть еще другие богатства, которые не следует оставлять без внимания и которые мы должны во что бы то ни стало начать разрабатывать первые!

Кто может знать, какие результаты нам может дать эта

эксплуатация, о которой никто еще до сих пор не подумал, но возможность которой мне подсказали на днях несколько слов, случайно оброненных нашим гостеприимным хозяином.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил старик, теперь уже не находивший серьезных оснований для возражения, видя непреклонную волю и решимость, опиравшиеся на столь уважительные причины.

– Знаете ли, друзья мои, ты, отец, и Анри, что эта благословенная страна, эта Гвиана, все ресурсы которой вы так хорошо изучили, кроме всех известных вам богатств, дает еще в большом количестве хину?

– Хину? Это невероятно! Ты ведь знаешь, что это дерево может произрастать только в низменных и сырых местах; кроме того, оно требует высоты по крайней мере 1200 метров над уровнем моря.

– А между тем, на спорной территории хинные деревья встречаются в очень значительном количестве!

– Если так, то это может повести к полному экономическому перевороту, открывающему блестящие перспективы.

– Да, отец, именно полный экономический переворот, целая революция! Теперь остается только проверить это сообщение, определить количество и качество хинных деревьев Гвианы, определить стоимость их эксплуатации, необходимые на то затраты, словом, изучить этот вопрос всесторонне! С этой целью необходимо снарядить экспедицию, или, вер-

нее, группу исследователей, которая бы изучила местность, где растут хинные деревья.

– Имеешь ли ты хоть какие-нибудь достоверные данные?

– Об этом судите сами. Вы, конечно, знаете, хоть приблизительно, характер Рио-Бранко, который некогда был предложен в качестве западной границы французских владений в Гвиане. Вы знаете также, что эта весьма важная река, впадающая в Рио-Негро под 1 градус 30 минут южной широты и под 64 градуса западной долготы, течет с юга на север до Английской Гвианы, уклоняясь несколько на восток между 64 и 62 меридианами.

– Да, знаю, дитя мое! – сказал старик Робэн. – Но этим и ограничиваются мои познания в области местной географии.

– Но вы, вероятно, знаете все-таки, что пространство, лежащее между 67 и 65 меридианами и 4 и 1 градусами южной широты, представляет собою чудеснейшие прерии, которые только ждут своих колонистов. Но не станем говорить об этом. Между 62 и 63 градусом западной долготы и немного выше 2-ой северной параллели начинается горный хребет, слегка уклоняющийся с севера к юго-востоку, пересекающий 61 меридиан, под 1 градусом северной параллелью, где вилообразно разветвляется на две цепи. Верхняя цепь уходит с запада на восток, от 61 до 59 градусами, тогда как нижняя цепь, несколько более короткая, образует, так сказать, вторую конечность вилы. Эта горная цепь тянется на протяжении около ста лье.

Исследователи уверяют, что она достигает высоты от 1500 до 1800 метров; здесь находятся реки, весьма значительные и в большом числе, берущие свое начало в этих горах и бегущие по обоим скатам хребта, одни к северу, другие – к югу. Одна из рек – Эссекибо, река Английской Гвианы, а другая – Корентин – река Голландской Гвианы. Затем реки, текущие на юг – притоки Амазонки. Это Рио-Урубубу, Рио-Уатуман, Рио-Ямунда и Рио-Тромбетта. Все это кажется достаточно ясно, не правда ли?

– Без сомнения. Но в таком случае, если я не ошибаюсь, верхняя часть отрогов главного горного хребта, имени которого мы не знаем...

– Извини, отец, этот горный хребет зовется «La Serra da Luna» (Лунные горы).

– Прекрасно, так я хотел сказать, что верхняя цепь этих Лунных гор, быть может, где-нибудь сливается с нашей горной цепью Тумук-Хумак...

– По-видимому, нет. Вернее всего, что между теми и этими горами существует, так сказать, брешь, открытое и свободное пространство, приблизительно в сто километров.

– Впрочем, это не важно!

– Но зато для нас не безынтересно, что один из истоков Корентин вытекает, по-видимому, из гор Тумук-Хумак, а другой – из Лунных гор! Рио-Тромбетта также как будто имеет два истока, так что оба истока южной реки и оба истока северной реки берут свое начало близ Тапанахони, этого

главного притока нашего Марони.

– Подобное расположение обеих рек, идущих одна – в Атлантический океан, другая – впадающая в Амазонку, имеет для нас громадное значение. Благодаря этому обстоятельству нам, в случае надобности, будет нетрудно провести путь из Лунных гор и в Суринам, и к нам на Марони.

– Я весьма счастлив, что сумел так хорошо дать вам понять мою мысль. А теперь скажу, что одно из этих предположений уже проверено на опыте. Теперь остается только отыскать путь, ведущий на Марони. Из центра Лунных гор до истока Тапанахони считается не более, даже менее двухсот шестидесяти километров по прямой линии.

– Сущий пустяк, собственно говоря; для нас это – суток двенадцать пешего хода, не больше!

– И только вверх по реке на пирогах!

– Совершенно верно. Ну, и что же ты намерен делать?

– С вашего согласия, отец, я рассчитываю подняться по Рио-Бранко, проследовать через Лунные горы, исследовать хинные леса, набросать план местности, составить точную карту гор и рек и вернуться на Марони по Тапанахони. Что вы на это скажете?

– Ничего не имею против этого – план прекрасен!

– Благодарю тебя, отец! Я ничего другого и не ожидал от тебя! Итак, я отправляюсь и как можно скорее. Если не найду хинных деревьев, у меня все-таки останется утешение, что я оказал услугу географическому обществу и от-

крыл путь тем, кто придет сюда после нас.

– Вы найдете там хинные деревья, сеньор, – вмешался в разговор дворецкий фазенды, рослый мулат по имени Хозе, выказывавший колонистам с самых первых дней их прибытия сюда живейшую симпатию и расположение.

– Я в прошлом году ездил туда и сам видел эти деревья. Можете на меня положиться в этом: ведь я в течение шести лет был каскарильеро (искателем хины) в Боливии. С разрешения хозяина я готов сопровождать вас, если только вам желательны мои услуги в этом деле!

– Мы будем чрезвычайно признательны вам, милый Хозе! Если ваш хозяин захочет лишиться себя на некоторое время ваших услуг, то вы весьма обяжете меня; я обещаю щедро вознаградить вас!

– О, вы слишком великодушны, сеньор; об этом мы поговорим после того, как ваше предприятие увенчается успехом!

– Я отправлюсь с Винкельманом, который хорошо знаком с девственными лесами и прекрасно акклиматизировался, – продолжал Шарль, – прихватю еще с собой Маркиза!

– Я только что собирался просить вас об этом!

– Черт возьми, да ведь это настоящее удовольствие – иметь такого спутника, как вы, мой милый Маркиз! – отозвался Шарль. – Кроме того, вы наверняка созданы из того теста, из которого пекут великих исследователей, и я уверен, что вы в этом отношении далеко пойдете! Поверьте, я знаю

в этом толк! А теперь, если вы позволите, дорогой батюшка, мы обсудим с вами все важные подробности моей затеи и всего остального. Прежде всего, скажи, как ты думаешь, стоит ли снова возрождать эксплуатацию каучука на Арагуари?

– Право, дитя мое, ты можешь делать со мной все, что угодно. Ты знаешь, что я готов исполнить всякое твое желание. Ты всегда умеешь находить такие веские аргументы, такие уважительные причины, что мне остается только согласиться! Нас теперь очень много, и, по-моему, раз в принципе решено реорганизовать твой серингаль, то всего лучше приступить к этому без промедления. Я позволю только заметить, что такое место, где стояла твоя усадьба, не удобно для возведения нового серингалья!

– В таком случае, выберите другое!

– Тебе не кажется, что следовало бы строить твое жилище над порогом? Место очень живописное и сравнительно более безопасное. Или же выстроим его поближе к посту Педро II?

– И это хорошая мысль! Впрочем, я в этом отношении всецело полагаюсь на вас и на ваш многолетний опыт. К тому же у вас будет достаточно времени обсудить все это, пока мы будем разыскивать хинные деревья. Что же касается господ Раймона и Фрица, то они сами решат, заняться ли эксплуатацией каучука здесь или ехать на Марони и работать там. Они могут быть, по желанию, и серингуро, и скотоводами, и золотоискателями, смотря по их склонностям. Как здесь, у меня, так и там, на Марони, они будут встречены с распро-

стертыми объятями!

Спустя неделю трое европейцев, которым фазендейро любезно уступил в проводники своего мажордома Хозе, направились водою на Макапа, где они дождались первого судна, идущего в Манаос.

По прибытии в столицу провинции Амазонки они узнали, что владелец одного бателлао, только недавно прибывший с Рио-Бранко с грузом быков, умер от оспы. Индейцы, прибывшие с ним в Манаос, в качестве экипажа, очутились теперь в самом затруднительном положении: им некому было заплатить за службу и даже некому было их доставить обратно на родину. Узнав о том, что у покойного осталась семья в Боа-Виста – большом селении на Рио-Бранко, Шарль купил судно. Кроме того, от продажи быков получилась также довольно круглая сумма, которую также обратили в товары, и из этой же суммы уплатили индейцам. Затем Хозе был возведен в звание шкипера, и индейцы, искренне обрадованные столь счастливой развязкой, условились служить ему верой и правдой и довести судно обратно в селение Боа-Виста.

Для большей безопасности они избрали путь по паране Анавильяна, идущей параллельно левому берегу Рио-Негро до верхнего устья Рио-Жаопири, где мы их и находим после всех тех странных перипетий, о которых мы сообщали в предыдущей главе.

Один из индейцев, подвергнутых шкипером допросу об

их непонятном поведении в предыдущую ночь, ответил ему по меньшей мере странно:

– Мы поели *bicho de taquera*, и это сделало нас канаемэ на целую ночь!

При этих словах Маркиз не мог удержаться от смеха, несмотря на весь трагизм обстановки.

– Забавно! – воскликнул он. – Значит, можно стать канаемэ по желанию, как и профессиональным убийцей, а вместе с тем – и фабрикантом дудок из человеческих костей! Я некогда слышал от одного чудака-профессора аксиомы в таком же роде, по поводу внешних влияний на судьбу человека. Так, например, он совершенно серьезно подносит вам такие истины: «Все играющие на кларнетах непременно слепнут... Все, кто носят черные бархатные костюмы, обречены стать фотографами». К этому следует еще добавить, для полноты коллекции, такие перлы: «Все наевшиеся *bicho de taquera*, сделаются канаемэ!»... Вот в чем весь секрет. Странно!.. странно!..

– Вы смеетесь, Маркиз, – заметил сеньор Хозе, – а между тем это именно так!.. Кстати, знаете ли, что такое это *bicho de taquera*?

– Только по имени, да и то с недавних пор!

– Так, вот, если вы позволите, я объясню, в чем тут собственно дело.

– Пожалуйста, я только что хотел просить вас об этом!

– Видите ли, здесь встречается на определенных видах

тростника в громадном количестве такая разновидность гусениц, которую некоторые племена индейцев пожирают с жадностью.

– Странное угощение!

– Но, сеньор, я слышал, что в вашей стране, во Франции, белые люди едят, не будучи голодны, лягушек и слизней.

– Да, действительно, это правда!..

– Индейцы умеют посредством вываривания извлекать из этих насекомых превосходный жир, которым пользуются в качестве приправ для своей пищи; жир – чрезвычайно нежный и вкусный. Употребление его в пищу не вредит им и не производит никакого смертоносного действия, несмотря на его малоаппетитное происхождение. Но если им случается проглотить несколько таких *bicho de taqueta*, не удалив предварительно их внутренности, то ими овладевает сильное опьянение, доводящее их до дикого, безудержного бешенства. Подобно тому, как китайцы, накурившись опиума, теряют чувство реальности, и весь мир преобразуется для них; точно так же и индейцы, наевшись этих червей, переносятся как бы в иной мир. Они обитают в сказочно прекрасном лесу, где охотятся чудеснейшим образом, где деревья сгибаются под тяжестью превосходнейших плодов и роскошнейших цветов, благоухающих опьяняюще-сладким ароматом. Их убогие карбеты превращаются в роскошные дворцы, где они утопают в земных наслаждениях. Теперь вы понимаете, что эти несчастные индейцы с жадностью обжираются эти-

ми удивительными насекомыми, которые являются для них своего рода гашишем.

Однако злоупотребление этим опьянением неизбежно влечет за собой самые ужасные последствия, – неумеренное поедание этих червей разрушительно действует на организм индейцев, влияя на него более пагубно, чем алкоголь и более быстро, чем опиум.

Они платят за это опьянение нервным дрожанием ног и рук, трясением головы, притуплением чувств и ослаблением рассудка.

В заключение скажу, что бишо де такера, в сущности, совершенно безвредны, если не пренебрегать необходимой предосторожностью: предварительно оторвать головку и вырвать внутренности. Жир их чрезвычайно вкусен, нежен и очень напоминает собою хорошие сливки. Вот, господа, все, что я знаю и что могу сказать вам о бишо де такера.

– А вы сами когда-нибудь ели этих бишо? – слегка недоверчивым тоном спросил Маркиз.

– Да, сеньор, только один раз в своей жизни и при этом дал себе слово никогда больше не брать их в рот.

– Почему же?

– А потому, что под влиянием этого опьянения я в приступе дикого бешенства чуть было не зарезал своего господина и благодетеля!

– Эх, черт побери! Да это, значит, серьезно!.. Ну, признаюсь, я не особенно любопытен, но дал бы много, чтобы толь-

ко узнать истинную причину или хотя бы вероятное предположение относительно этого странного явления.

– К сожалению, я не в состоянии дать вам желаемых сведений!

– Жаль! А вы, господин Шарль, смею спросить, знаете хоть какое-нибудь вероятное объяснение этому действию бишо де такера?

– Да, мне кажется, знаю, милый Маркиз!

– Хвала Творцу!

– Ну, так вот, когда сейчас говорили о гастрономических различиях вкусов, сеньор Хозе упомянул об улитках или слизнях! Скажите, кстати, любите вы этих слизней?

– А ла Бургиньонн? Страстно люблю!

– Ну, а умеете их готовить?

– Имею лишь самое смутное представление!

– Ну, а знаете, что прежде чем употреблять их в пищу, их подвергают строжайшему посту или, вернее, морят голодом в течение двух недель?

– Да, слышал!

– А для чего это делается?

– Чистосердечно сознаюсь, – не знаю!

– Ну, так я скажу: это просто для того, чтобы дать им время совершенно очиститься от всех растительных веществ, которыми они обычно питаются! Эти вещества, совершенно безвредные и безобидные для животного, могут быть до того опасны для человека, что констатировали не раз серьез-

ное отравление от употребления в пищу недостаточно выдержанных улиток. Как вам, вероятно, известно, эти нередко не желанные гости в наших садах с жадностью поедают листья цикуты, боли-головы, белены, белладонны и тем не менее чувствуют себя совершенно здоровыми, как нельзя лучше. Теперь предположим, что какой-нибудь неосторожный лакомка поест этих улиток, не выдерживая их, а тотчас после сбора, и съест две-три дюжины улиток, наевшихся этих ядовитых веществ. Что бы из этого вышло?

– А вышло бы то, что он отравился бы точно так же, как если бы лично наелся белены, белладонны и аконита!

– Совершенно верно!

– А вы знаете признаки отравления, хотя бы только одной белладонной?

– Должен сказать, Шарль, что мое воспитание было весьма запущено, и я в очень многом весьма мало сведущ...

– Эти симптомы совершенно ужасны: прежде всего, у человека расширяются зрачки, он начинает бредить или галлюцинировать; галлюцинации эти часто бывают веселые, но часто переходят в беспричинное дикое бешенство, невероятную словоохотливость; человек принимается петь, плясать и смеяться. Словом, получается полная картина опьянения: он конвульсивно жестикулирует, дико хохочет, затем впадает в бешенство, переходящее в судороги и корчи, затем наступают галлюцинации полного безумия.

– Какую ужасную картину вы нарисовали в нескольких

словах! Мне так и представляется, что я вижу перед собой наших приятелей, исполнявших вчера перед нами у костра свою страшную дикую пляску, свой дьявольский хоровод, от которого нас вчера бросало в дрожь!

– Таковы в общих чертах симптомы отравления у лиц, неосторожно поевших ягод белладонны или же улиток, навешихся этого ядовитого растения.

– Таким образом, по вашему мнению, бишо де такера, это излюбленное лакомство краснокожих, питаются главным образом растениями, обладающими приблизительно теми же свойствами, как и наша белладонна.

– Без сомнения! Доказательством является то, что те лица, которые не желают испытывать этого ужасного опьянения или одурманивания, просто-напросто удаляют их внутренности и головку, затем едят без малейшего для себя вреда или опасности!

– Прекрасно, господин Шарль, все это превосходно; тем не менее я не понимаю, каким образом наши индейцы, поевши бишо де такера, вдруг превратились сами в канаемэ!

– Но послушайте, не будьте же столь пассивны: вы отлично понимаете, что они охмелели, ими овладело бешенство и дикое безумие. И тогда становится для каждого очевидно, что эти бедняги, у которых воображение было расстроено всевозможными рассказами и ужасами, приписываемыми канаемэ, этими безумцам, которые убивают исключительно из любви к искусству, совершают убийства ради убийства,

под влиянием опьянения, вызываемого этим странным насекомым, на самом деле уверились, что они превратились в кровожадных канаемэ! Ядовитое вещество, поглощенное ими, вероятно, в достаточном количестве, превратило преобладающую у них в настоящее время мысль в род *mania furiosa*, то есть бешенство, которое овладело ими в такой мере, что довело до братоубийства! Вот, я думаю, единственное и вместе с тем и самое логичное объяснение их поступков в данном случае.

– А как вы думаете, настоящие канаемэ тоже прибегают к действию бишо де такера для придания себе необходимого настроения, при совершении своих зверских обрядов и заветов своей секты?

– Ну, уж этого сказать не могу, – засмеялся Шарль, – хотя в этом нет ничего невероятного, и, быть может, нам впоследствии представится случай проверить это!

В этот момент голос шкипера прервал этот интересный разговор. Воды, по которым с такими усилиями медленно двигался вперед бателлао, становились все более и более беловатыми и теперь резко выделялись на фоне черных, прозрачных вод, видневшихся вдали.

– Рио-Бранко, сеньоры! – сказал мулат, и все невольно обратили свое внимание на расстилавшуюся впереди реку, совершенно не похожую на ту, на которой они сейчас находились.

Глава IV

Непредвиденная встреча. – Потерпевшая крушение паровая шлюпка. – Двое умирающих. – Шибэ. – Лекарство Маркиза. – Спасены! – Драма на Рио-Негро. – Бегство и покушение на убийство. – Добровольное крушение. – Спасение шлюпки. – Машина, задний ход! – Все благополучно. – Бен-то и Рафаэле. – Их повесть. – На буксире. – Старая индианка и больной ребенок. – Просят помощи. – Таинственный разговор. – Амулет маскунан. – Подозрения сеньора Хозе.

Бешеное опьянение у мнимых канаемэ совершенно прошло, оставив по себе только некоторую туманность в мыслях, шум в ушах и расслабление во всех конечностях. Несмотря на это, провинившиеся работали так, что исполнили не только свою работу, но и работу своих убитых товарищей, которых они искрошили после неудавшегося нападения на бателлао.

Счастье еще, что им тогда, когда они находились под влиянием опьянения, не пришла мысль перерезать друг друга. Эта ужасная фантазия могла бы иметь самые страшные последствия для всех, и самым меньшим было бы, конечно, то, что их судно могло застрять у берегов негостеприимного Рио-Негро.

Когда припадок безумия прошел, индейцы стали снова, как всегда, мрачными и безмолвными существами, работа-

ющими без увлечения, без охоты и без старания, но и без усталости. О канаям даже и не вспоминали, и голенные кости так и остались валяться на берегу у костра, не успев превратиться в легендарные дудки.

Однако это мирное настроение и это спокойствие, купленные столь дорогой ценой, продолжались недолго.

Бателлао, который тянули спереди и подталкивали сзади, должен был вскоре войти в широкое устье Рио-Бранко, как вдруг зоркий глаз шкипера заметил на илистой мели какой-то большой темный предмет, похожий на раненого кита или кашалота. Предупрежденные об этом пассажиры вышли из-под навеса, устроенного на корме, поспешно вооружившись на ходу, и стали вглядываться в необычайный предмет, по-прежнему неподвижный.

Судно медленно приближалось к нему. Маркиз, глаза которого могли соперничать в зоркости с глазами индейцев, утверждал, что этот предмет не что иное, как паровая шлюпка, врезавшаяся носом в мель. Он уверял, что различает трубу, сильно наклоненную к корме.

Когда подошли еще ближе, оказалось, что Маркиз был действительно прав.

Шкипер направил свое судно прямо на шлюпку и, зацепив ее якорем, подтянул к бателлао.

Тогда сеньор Хозе, не теряя ни минуты, в сопровождении Шарля перебирается на шлюпку. Здесь повсюду царит гро-

бовая тишина. На первый взгляд турбина – в полной исправности; кроме того, и все остальное здесь как будто на своем месте: нигде не заметно ни малейших признаков грабежа или борьбы.

Даже цинковая кровля, через которую пропущена труба, в полном порядке, только один из шестов, поддерживающих ее, несколько погнут.

После этого беглого осмотра, который им ничего решительно не говорит о причине крушения, они намереваются продолжать свои расследования. Вдруг до их слуха доносятся приглушенные стоны, которые, как им кажется, исходят из маленькой рубки на корме шлюпки.

Они осторожно направляются туда и видят на промокших тюках холста двух человек, крепко связанных и положенных друг на друга.

Перерезать веревки и вытащить их из тесной коморки, где они задохались, вынести их на воздух, – все это дело нескольких минут для Шарля и сеньора Хозе.

К величайшему своему изумлению, они узнают в несчастных двух белолицых.

Эти люди, казалось, дошли до крайних пределов истощения. Конечности их, затекшие от веревок, не в состоянии двигаться; глаза помутнели и смотрят тупо и неподвижно в одну точку; губы пересохли, посинели и едва могут шевелиться, а голос почти совершенно угас, так что с трудом выговоренное ими слово «спасибо» едва можно расслышать.

По состраданию, которое отражается на лицах при шедших и бережному обхождению с ними, потерпевшие угадывают в них своих спасителей.

Нечто похожее на вздох вырывается у них из груди – это слово «пить!»

Шарль бегом бежит на бателлао, хватает чашку, полную воды, вливает в нее порядочную дозу тафии и возвращается на шлюпку.

Со всевозможной осторожностью ему удается влить по несколько глотков этой живительной влаги каждому из двух незнакомцев.

Мало-помалу это питье начинает производить желанное действие; оно одновременно и оживляет, восстанавливая силы, и утоляет мучительную жажду. Спустя немного времени незнакомцы снова тянутся за питьем и теперь уже сами жадно пьют из большой чашки.

По мере того как они пьют, лица их оживают. Слабый румянец появляется на щеках, глаза проясняются, голос, хотя и дрожит, но все же становится более уверенным.

Они снова принимаются благодарить своих спасителей слабым, страдальческим голосом. Вдруг Шарля осеняет догадка:

– Да ведь они умирают от голода! Питье утолило их жажду, но не прекратило мучений от голода! Вот причина их чрезвычайной слабости!

– Да, вы правы, сеньор: эти люди истощены голодом! –

соглашается шкипер.

– Но они не в состоянии прожевать что-нибудь, они так слабы. Им нужно дать какую-нибудь жидкую пищу!

– Предоставьте это мне, если вы ничего не имеете против! Я сейчас приготовлю им прекраснейшее шибэ, которое они сумеют проглотить без труда и которое восстановит их силы не хуже самого лучшего супа из черепахи!

Это шибэ – незатейливое блюдо, не требующее никаких кулинарных познаний.

В небольшую латку всыпают горсть куака (грубой муки из маниока), вливают немного воды и размешивают это все пальцем так, чтобы образовалась каша, которую снова разбавляют водой.

Эта безвкусная похлебка, не имеющая ни запаха, ни цвета или, вернее, напоминающая по цвету грязные смоченные опилки, отличается чрезвычайной легкостью, удобоваримостью и питательностью.

Ничего лучшего в данном случае нельзя было придумать для больных, которые принялись с жадностью уничтожать эту пищу.

Шарль, зная по опыту, что обременять желудок людей, страдающих от истощения, чрезвычайно вредно, предлагает им воздержаться и подождать, пока они успеют приготовить им что-нибудь более вкусное и более подкрепляющее. Тем временем индейцы, которым теперь нечего было делать, так как работать ганчо и форкилей теперь не приходилось, сна-

чала бессмысленно смотрели на происходившее, затем растянулись на палубе, на самом припеке, и заснули, как пригретые солнцем животные.

Шарль, с помощью своих друзей и сеньора Хозе, перенес обоих незнакомцев со шлюпки под навес на корме бателлао, снял с них промокшую одежду, одел во все свежее и сухое. Маркиз тем временем приготовил для больных прекраснейшее кушанье, каким иногда балуют себя моряки: на бутылку хорошего бордосского вина кладут несколько кусков сахара и крошат в него довольно крупными кусками сухари, которым дают несколько размокнуть в вине.

– Не правда ли, господин шкипер, это не хуже вашего шибэ?

– Не стану с вами спорить, господин Маркиз, – только нужные для этого кушанья продукты здесь не всегда бывает легко достать. А то, право, может явиться желание захворать, – добавил мулат, с видом человека, знающего цену и вкус французского нектара.

Благодаря этому сердечному и разумному уходу оба незнакомца стали быстро поправляться.

Теперь они уже в состоянии сидеть и могут без особого усилия произнести несколько слов благодарности этим добрым людям, спасшим им жизнь. Затем снадобье Маркиза начинает действовать с изумительной быстротой. Растянувшись удобно в гамаке, они тотчас же засыпают крепким, здоровым сном.

Через три часа они проснулись от ощущения голода.

– С добрым здоровьем! – весело приветствует их Маркиз, который успел приготовить из припасов, найденных на судне, самый изысканный, праздничный обед.

– Господа, пожалуйста к столу! Мосье Шарль! Винкельман! Сеньор Хозе! Прошу оказать честь! Не дайте остыть всем этим прекрасным вещам.

Занятые подробным осмотром паровой шлюпки, трое мужчин спешат на зов, и невольный крик радостного удивления вырывается у них при виде гостей, хотя еще и не совсем окрепших, но все же держащихся уже на ногах и способных оценить по достоинству приготовленный в их честь обед.

Оба гостя – еще совсем молодые люди, с тонкими и правильными чертами лица, симпатичные, несколько смуглые, как обычно бывают португалыцы, черноволосые, с большими выразительными и честными глазами. Старший из двух был человек лет тридцати, самое большее, младшему же едва ли было двадцать пять лет.

Повесть их была не сложна, но драматична.

Один из них, более молодой, был сыном именитого коммерсанта в Манаосе и владельцем паровой шлюпки. Намереваясь попасть в верховья Рио-Бранко и убедиться в пригодности этой местности для скотоводства, он отправился туда месяца два тому назад со своим приятелем, четырьмя неграми и шестью индейцами-матросами.

После удачного исследования местности он возвращался

веселый и довольный в Манаос, считая мысленно будущие прибыли и доходы, мечтая о быстром и легком обогащении. Вдруг, при входе в Рио-Негро, его шлюпка под обоюдным напором своей турбины и течения врезалась со всего маха в илистую мель.

Были пущены в ход все средства, чтобы сняться с мели, но все напрасно. Так как дожидаться здесь поднятия уровня воды было невозможно, то решили, что на другой же день механик отправится в монтари, то есть маленькой бортовой шлюпке, с четырьмя гребцами просить помощи в деревне Мура, к счастью, находившейся недалеко отсюда.

Ночью негры и индейцы сговорились, накинулись на своего судовладельца и механика, мирно спавших в ожидании утра, и связали их. Награбив провианта и разных припасов, показавшихся им заманчивыми, нагрузили все это на две небольших шлюпки, обычно буксируемые за кормой судов, плавающих по этим рекам, и бежали кто куда, покинув несчастных бразильцев на произвол судьбы или, вернее, на мучительную голодную смерть.

С того времени прошли два дня и две ночи, когда, наконец, несчастные были спасены случайным прибытием бателлао.

По мнению Шарля и его товарищей, а также и двух жертв этой гнусной проделки, паровая шлюпка села на мель не случайно; крушение это было заранее задумано коварным экипажем.

Эти люди, с которыми во все время пути обходились как нельзя лучше и которым не на что было пожаловаться, не могли дождаться выдачи заработанной платы и обещанного им вознаграждения, которые они должны были получить самое позднее через два дня.

Не принимая ничего во внимание, позабыв про опасности и труды, которые они дружно делили с хозяином в течение двух месяцев, они без всякой уважительной причины, кроме своей нелепой жадности и грабительских инстинктов, побуждаемые своей врожденной склонностью к дезертирству, раскрали все, что им казалось заманчивым.

Это опять все та же старая история взаимоотношений цветных людей и белых, то же вечное нарушение данного слова и обязательств, являющееся отличительной чертой всего местного населения.

Когда оба бразильца, наконец, совершенно оправались и почувствовали себя снова сильными и бодрыми, то прежде всего стали обсуждать со своими новыми друзьями вопрос о снятии с мели паровой шлюпки.

Решено было тотчас же приняться за дело. Шарль, которому не раз приходилось сниматься с мели во время своих многочисленных плаваний по рекам спорной территории, был избран распорядителем этого трудного предприятия.

Прежде всего он счел нужным развести пары, что было не трудно, так как запасов топлива на судне было еще много. Кроме того, везде по берегу было много леса.

Но так как берег все же был не достаточно близко, чтобы пришвартовать корму паровой шлюпки к одному из стволов на берегу, то Шарль послал своего шкипера на спасательной лодке занести якорь, прикрепленный к надежному канату из пиассабы, немного подальше вниз по течению.

Когда это было сделано, молодой человек велел дать машине задний ход.

Винт завертелся, корпус паровой шлюпки сильно содрогается, и кажется, будто она скользит по илистой мели, которая служила ей ложем. Но нет, это только кажется.

– Вы достигли максимума давления? Не правда ли? – спрашивает Шарль механика.

– Да, а между тем мы не двигаемся с места!

– О, это только проба! Мы сейчас сделаем что-нибудь другое, остановите ход на время!

Машина разом перестала работать. Взяв второй канат, не столь толстый, но, пожалуй, не менее крепкий, Шарль прикрепляет и его к корме паровой шлюпки, а свободный конец перебрасывает на бателлао людям своего экипажа, столпившимся у правого борта.

– Пусть все люди возьмутся за этот канат, – приказывает Шарль своему рулевому, – и пусть каждый тянет изо всей силы, как только я скамандую: «Тяни!» Поняли?

– Да, сеньор, поняли!

– Дать каждому из людей по чашке тафии! Ну, готовы?

– Готовы!

Снова раздаётся команда: «Машина, задний ход!»... затем: «Трави канат!»... и, наконец, – «Полный ход!»...

Под влиянием общих усилий шлюпка, которую сильно гонит назад машина и тянут назад люди, начинает покачиваться, затем подается медленно-медленно, все еще опираясь на плотный слой ила.

– Смелей, ребята! Наляг дружнее! А там каждый будет пить сколько у него хватит сил! – крикнул Шарль своим людям, подбодряя их.

Возбужденные выпитой тафией и обещанием господина индейцы тянут изо всех сил; винт бешено работает, заставляя весь корпус судна дрожать, как в лихорадке. Паровая шлюпка скользит опять немного назад по илу, – и вдруг происходит страшное сотрясение, от которого Шарль падает, как подкошенный. Механик упал тоже; все люди на бателлао тоже повалились грудой один на одного, причем и сам бателлао поплыл вниз по течению.

– Канат порвался, должно быть, или якорь отлетел! – сказал Шарль, подымаясь на ноги.

– Ни то ни другое, сеньор! – восклицает радостно механик, остановив ход машины. – Мы всплыли!

– Bravo! Ну, а теперь, господа, мы можем сказать, что все устраивается к лучшему в сем лучшем из миров, и нам остается только должным образом отпраздновать это счастливое событие!

Это предложение не пришлось повторять: все принялись

праздновать каждый по-своему, но все с одинаковым воодушевлением.

После того как этот столь серьезный и поначалу казавшийся столь трудно разрешимым вопрос был благополучно улажен, оставался еще другой, не менее важный и серьезный, который предстояло еще решить.

Что было делать двум бразильцам, из которых теперь состоял весь экипаж их паровой шлюпки? Должны ли они попытаться своими собственными силами спуститься по Рио-Негро до Манаоса или просто добраться только до деревни Мура, где им, быть может, удастся найти несколько человек, которые согласятся отправиться с ними в Манаос?

Однако, об этом нечего было и думать: пуститься в опасное плавание при столь быстром течении по реке, загроможденной мелкими островками, мелями, плавучими стволами деревьев и плавучими травами, которые приходится поминутно устранять с дороги длинными шестами, было бы опасно вдвойне.

Уступить бразильцам часть своих людей, то есть дробить экипаж, и без того уже ослабленный, Шарль также не мог. Отдать хотя бы трех-четыре человек – значило лишиться себя возможности продолжать путь. Однако молодой бразилец разрешил этот вопрос самым неожиданным для всех и самым простым способом.

– Неужели, господа, вы уже хотите покинуть нас? – сказал он улыбаясь Шарлю и его спутникам. – Что касается меня,

то я чувствую себя так хорошо в вашем приятном обществе, что мне слишком трудно расстаться с вами.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Шарль, – не совсем вас понимаю.

– Я хочу сказать этим, что мое намерение не возвращаться ни в Манаос, ни даже в Мура! Что вы на это скажете, Бенто? – обратился он к молодому механику.

– Как вам угодно, сеньор Рафаэло!

– Я решил вернуться с вами, господа, назад в Боа-Виста!

– Но подумали ли вы об этом серьезно?.. – возразил Шарль. – Это будет почти невозможно, мне кажется!

– Напротив, это весьма возможно и даже весьма просто. Ваш бателлао мы возьмем на буксир, на тот самый превосходный канат из пиассабы, который уже доказал нам свою прочность. Ваши люди станут собирать топливо, и машина будет делать свое дело. Мой друг Бенто, как искусный механик, станет управлять ею, ваш шкипер возьмется быть штурвальным. Индейцы будут управлять вашим бателлао, и мы быстро подыдемся вверх по Рио-Бранко, в пять-шесть дней, вместо двадцати, которые потребовались бы нам для этого путешествия! Прибыв в Боа-Виста, я подберу себе надежный экипаж, и мы с вами расстанемся, – увы, – к великому моему сожалению, чтобы направиться, куда кому надо. Мы с Бенто вернемся в Манаос, а вы углубитесь в неведомые дебри! Таков, мой милый спаситель, проект вечно вам признательного Рафаэло Магальенса, который надеется, что вы его поддер-

жите в данном случае. Не правда ли, мы можем сказать, что это решено?

– Вы прелестный товарищ и, право, если меня что-либо удерживает от желания согласиться на ваше предложение, так это боязнь злоупотребить вашей добротой.

– Этим вы сделаете мне большое одолжение, могу вас в том уверить! Или вы не хотите вторично сделать мне одолжение?

– Дело не в одолжении, – возразил Шарль, – но я отлично понимаю, что вы теперь всего в нескольких часах пути от Мура, где без труда можете подыскать новый экипаж. Ведь вы почти на полпути к дому!

– Но раз я вам говорю, что предпочитаю возвратиться в Боа-Виста... Неужели вы серьезно отказываетесь?

– Нет, нет, пусть будет по-вашему: вы слишком дружелюбно и искренне настаиваете на своем любезном и великодушном предложении, чтобы я мог колебаться еще дольше!

– Ну, слава Богу! Что же, мы сейчас же отправимся в путь или подождем до завтра?

– У нас остается не более трех часов до наступления ночи, и я полагаю, что если вы ничего не имеете против, то лучше нам провести ночь здесь!

– Как вам угодно. А, кстати, вот, кажется, и гости едут!

– Где вы их видите?

– А смотрите, вон там! Видите эту уба, которая сейчас появится из-за островка и, по-видимому, направляется к нам!

– Да, вы правы! Но эта уба так мала и так низко сидит в воде, что я бы принял ее за каймана, плывущего вниз по течению!

Сеньор Рафаэло не ошибался. То была, действительно, одна из микроскопических лодочек, игрушечное по виду речное суденышко, настоящая индейская душегубка, в которой помещался всего один гребец и которая скользила по реке с удивительной быстротой, направляясь прямо к паровой шлюпке.

Выдолбленный из цельного ствола железного дерева, этот примитивный челнок получил вследствие сокращения слова итоба, название уба, что на туземном наречии значит дерево. Заостренный с двух концов, он строен и длинен, как щука, и превосходно приспособлен для быстрого хода и вообще отличается, при всей своей миниатюрности, многими удивительными качествами.

Индейцы пользуются уба преимущественно для плавания по мелким рекам, но нередко пускаются на этих челнах и по грозным валам Амазонки и ее важнейших притоков, до такой степени хорошо держится уба на волнах в руках опытного и искусного гребца.

Между тем уба заметно приближалась и как будто выростала на глазах путешественников, а спустя немного времени пристала к паровой шлюпке.

– Да ведь это женщина! – воскликнул Шарль, в высшей степени удивленный при виде того, что этот удивительный

гребец была женщина.

И не только женщина, а еще старая женщина, с поблеклыми чертами, прикрытая только одной танчой, то есть куском бумажной ткани, прикрывающей более или менее наготу туземных женщин.

На носу уба привязана гроздь бананов, под которой лежит бедный ребенок лет шести-семи, бледный, исхудалый, дрожащий всем телом, несмотря на палящий, удушливый зной.

– Что тебе надо, маскунан (старуха)? – спрашивает ее сеньор Хозе.

– Говорить с караи (белым)!

– Их здесь несколько!

– Ну, так с хозяином!

– А что ты скажешь хозяину?

– Это не твое дело, немытая рожа!

– Неприветливая старуха, – пробормотал про себя шкипер, гордившийся своим полубелым происхождением и, с другой стороны, не выносивший ни малейшего намека на свое происхождение от черной расы.

– Ну, войди, пожалуй, маскунан! – крикнул сеньор Рафаэло, перекинув за борт маленькую веревочную лесенку.

Старуха тотчас же причалила свой челнок к шлюпке, взвалила на плечи кисть бананов и с невероятным проворством взобралась в одну минуту на палубу парового судна, проявив при этом такую удивительную силу мускулов, какой трудно было ожидать от ее тощих, сухих конечностей. Сбросив

бананы на палубу, она тотчас же повернулась, не сказав ни слова, спустилась в уба, схватила ребенка, посадила на плечи и все так же молча проворно взобралась снова на палубу шлюпки.

– Откуда ты? – спросил ее молодой человек.

– Оттуда, из-за леса! – указала она руками по направлению к берегу.

– Когда ты выехала?

– Сегодня утром.

– Зачем ты пришла сюда?

– Чтобы повидать белых!

– А что тебе нужно от белых?

– Ребенок больной, у него «сесое» (злокачественная перемежающаяся лихорадка). Пагеты (колдуны) не могут его вылечить... А у белых есть снадобья... вылечи моего маленького!.. На, смотри, я тебе бананов принесла!

– Бедная женщина! – прошептал Шарль.

– Но у меня, к сожалению, нет больше лекарств, маскунан, – проговорил Рафаэло, – индейцы все утащили!

– У меня, к счастью, есть большой запас хины! – вмешался Шарль и сделал знак Хозе – сбегать на бателлао и принести оттуда маленькую походную аптечку.

– Не знаю, может, я ошибаюсь! – проговорил ему на ухо шкипер. – Но мне кажется, что эта старая чертовка неспроста сюда явилась. Посмотрите, сеньор, как, прикидываясь безучастной и невозмутимой, как все индейцы, она огля-

дывает все и на бателлао, и на шлюпке. Посмотрите, как этот маленький червь ворочает во все стороны свои глазенки. Пусть Бог меня накажет, если она сейчас не обменялась условным знаком с нашими людьми! Поверьте, сеньор, берегитесь ее!

– Вы преувеличиваете ваши опасения, милый Хозе, вследствие вашего предубеждения против индейцев, и потому иногда бываете несправедливы к ним!

На это Хозе ничего не возразил и отправился, бормоча себе что-то под нос, за ящиком с медикаментами, с которым он вскоре возвратился без особой торопливости и, по-видимому, с большой неохотой.

Шарль достал штук двадцать капсул с хиной, заставил маленького больного тут же проглотить четыре, а остальные отдал старой женщине, преподав ей при этом на туземном наречии необходимые наставления, как поступать дальше и каким образом лечить больного мальчика.

– Это твоя дымящаяся коберта? – спросила она вдруг, внимательно выслушав наставления Шарля.

– Нет, не моя! Но почему ты об этом спрашиваешь?

– Чтобы знать... На, возьми бананы – это тебе! Ты добрый... ребенок будет здоров... И канаемэ не сделают тебе вреда!

– А разве здесь есть канаемэ?

– Я не знаю... Прощай!

– Ты уходишь?

– Да!

Она закинула было ногу за бортовые перила и схватила уже ребенка, чтобы посадить его себе на плечи, как, вдруг что-то вспомнила.

С серьезным, сосредоточенным видом отстегнула она надетое у нее на шее маленькое ожерелье из обезьяньих зубов, украшенное костяным амулетом, и с некоторой торжественностью надела его на шею молодому французу, наставительно прибавив:

– Никогда не расставайся с этим ожерельем... Никогда! Слышишь, никогда!

И прежде чем Шарль успел прийти в себя от удивления, старуха торопливо схватила больного мальчика и с ловкостью макаки спустилась по веревочной лестнице в уба, вооружилась веслом и с такой силой оттолкнулась от паровой шлюпки, что крошечный челнок помчался вперед, как стрела.

– Ишь ты, старая карга, проклятая шпионка! Теперь ты спешишь к тем, кто тебя подослал, и расскажешь им все, что ты здесь видела, чтобы они потом могли напасть на нас невзначай ночью, захватить врасплох и затем изготовить себе дудки из наших голенных костей! – проговорил Хозе, провозжая злым взглядом индианку. – Пусть меня черт поберет, если я засну хоть на секунду, пока мы будем в этих проклятых местах!

– Да полно вам, милый Хозе, – ласково заметил Шарль

невероятно взбешенному мулату. – Ваши предубеждения делают вас несправедливым по отношению к этим бедным людям. Мне кажется, вы совершенно напрасно подозреваете эту старуху в коварных умыслах!

– Дело в том, что я уже проучен этими некрещеными чертями и знаю все их дьявольские хитрости! Вы до сих пор имели дело только с прибрежными тапуйями, с которыми еще можно кое-как договариваться. Но вы измените свое мнение о краснокожих, когда поживете среди этих чертей внутри страны. Признаюсь, я бы очень хотел, чтобы теперь уж было утро и мы могли убраться по добру по здорову как можно дальше от этого проклятого места, где мне как-то совсем не по себе. Поверьте, сеньор, все это неестественно, и нам придется всю ночь быть настороже, если мы хотим избежать серьезной опасности.

Глава V

Тропические ночи. – Ни рассвета, ни сумерек. – Бесконечно долгие двенадцатичасовые ночи. – Подозрения. – Ночная стража. – Заснувшие часовые. – Появление и приемы стаи кайманов. Подозрительная фамильярность этих животных, обычно очень недоверчивых. – Бателлао уносится вниз течением. – Выстрелы. – К оружию! – Ужас экипажа. – Абордаж. – Безобразные лица со всех сторон. – Принужденные отступить к корме. – Над пустым пространством. – Страшный ответ. – Света!.. – Мертв или ранен. – Хозе уверяет, что за ним «толстая свеча» Маркизу, а Маркиз уверяет, что он должен ему только один огарок.

К числу других удивительных вещей, поражающих на первых порах жителя умеренной полосы, недавно прибывшего в тропические страны, можно и должно также причислить ту поразительную быстроту, с какой здесь день сменяется ночью и ночь днем, почти без сумерек и без рассвета.

За несколько минут до шести часов путешественник видит, что солнце, увеличившееся до чудовищных размеров, жарко пылает, как огонь в кузнице, когда его жерло раздувают кузнечными мехами. Самые верхушки громадных деревьев горят в его лучах, как будто от пожара, и очарованный зритель думает насладиться этим величественным зрелищем, рассчитывает присутствовать при медленном дого-

рации последних лучей солнца, которое придает такую удивительную прелесть нашим долинам летним вечером. Но вместо того он видит, что небо как-то сразу принимает сначала фиолетовые оттенки, затем через минуту серые, которые быстро сгущаются, и менее чем за двадцать минут ослепительный пожар небес уступает место полному черному мраку.

Это как будто не заход солнца, а скорее какое-то внезапное гашение света, абсолютно похожее на гашение огней рампы в театре. Как зимой, так и летом, с 1-го января и по 31-ое декабря, такая ночь длится здесь полных двенадцать часов.

Минут за двадцать до шести часов утра небо начинает принимать сначала свинцово-серый, затем постепенно более светло-серый цвет; на востоке появляются сильно фиолетовые оттенки, и вдруг над верхушками деревьев появляется ярко-алая полоса, тогда как стволы еще тонут во мгле. Несколько минут происходит как бы борьба между мраком и светом, который яркими лучами, широким раскрытым веером раскинулся на горизонте. Еще миг, и солнце выплывает, пылающее, как болид, и уже палящее и раскаленное, как железо в кузнице.

Вечер гаснет, как задутая свеча. День вспыхивает, как от взрыва.

Если европеец, смущенный и пораженный в первое время этой быстротой смены дня черной ночью и черной ночи –

ярким днем, вскоре осваивается с этим и даже начинает находить в этом известную прелесть и красоту, хотя бы только в силу контраста, то нельзя сказать того же относительно бесконечной ночи, томительная продолжительность которой действует раздражающе на нервы и является для многих настоящей пыткой.

Когда измученный продолжительным странствованием по девственным лесам или разбитый долгим путешествием в пироге, использовав последние минуты дневного света на то, чтобы выбрать себе подходящее место для ночлега, развести костер, подвесить свой гамак и приготовить ужин, он видит наступление такой тропической ночи, он приветствует ее от души.

Ночь – это отдохновение, заслуженное в большинстве случаев дорогой ценой; это длинная остановка на пути, восстанавливающая растроченные силы; это уважительная причина, останавливающая увлекшегося исследователя и заставляющая его подчинить свое увлечение требованиям разума. Таким образом первые часы наступившей ночи почти всегда желанны и приятны для человека, много потрудившегося и уставшего за день.

Пужинав с аппетитом, он выкуривает несколько сигарет, обменивается немногими словами со своими друзьями, с неграми или индейцами, делает несколько заметок в своей записной книжке, приказывает подкинуть дров в костер и затем предлагает всем предаться сну. С наслаждением растя-

гивается он в своем гамаке, предварительно несколько раскачав его, и тихонько качается, как избалованное дитя.

А ведь нет еще и семи часов; много – если половина восьмого.

Гамак мало-помалу становится неподвижным; папироса, наполовину докуренная, гаснет, и человек уже спит крепким, здоровым сном.

Напрасно лесные животные, птицы и звери задают свои оглушительные концерты, сливая в один общий гам самые разнообразные звуки; напрасно режут обезьяны, квакают громадные жабы, рычат ягуары, пищат маленькие пекари; пусть они рычат, мяукают, режут, кричат или хрюкают, мычат или квакают, сколько душе угодно, – спящему до них нет дела. Он принял лучшее наркотическое средство – утомление, и на первых порах ничто не в состоянии нарушить его сон.

Все обстоит благополучно: спящий европеец блаженствует. Но вот наступает полночь или часть ночи, и адская жара сменяется более приятной температурой. Термометр фиксирует понижение на целых два-три градуса. Это приятное облегчение производит на организм спящего чисто физиологическое действие. Пробудившийся человек на минуту вылезает из своего гамака, затем, прогулявшись немного, снова возвращается с намерением продолжать свой сладкий сон. Но, увы! – очарование нарушено; он уже проспал шесть-семь часов и успел выспаться за это время, ему уже не спится.

В это время оглушительная лесная какофония, которой он раньше не слышал и не замечал, теперь изводит его. Он начинает клясть все и вся, начинает раздраженно ворочаться в своем гамаке, выбивает кремнем огонь, подносит фитиль к циферблату своих часов, и ему кажется, что его хронометр врет, что не может быть, чтобы ночь в сущности только еще началась. Он выкуривает сигару за сигарой или папиросу за папиросой и в мучительном томлении ждет, когда же, наконец, минет эта бесконечная ночь.

Его спутники также не спят по той же причине, что и он. Они бродят взад и вперед, встают и опять ложатся, сморкаются, ворочаются, охают, зевают и, наконец, начинают шепотом переговариваться, чтобы хоть сколько-нибудь развлечься.

Он упорно смотрит в огонь костра, стараясь загнипотизировать себя, или следит за полетом летучих мышей, вампиров, быстро шныряющих взад и вперед, любителю звездами, мигающими в темном небе, или в крайнем случае считает до тысячи, чтобы хоть чем-нибудь занять свои мысли.

Так продолжается часов до четырех утра, иногда же до самого рассвета. Тогда-то он, пожалуй, и заснул бы, да уж пора готовить завтрак, складывать вещи и трогаться в путь.

И как бы ни свыкся человек с жизнью девственных лесов, то же самое он будет переживать неизменно каждую ночь. Каждую ночь та же мучительная бессонница будет томить его и раздражать его нервы до предела, доводя его до отчая-

ния, что бы он ни говорил и ни делал и как бы героически ни противостоял денной суете, этой поистине непреодолимой потребности каждого жителя тропических стран.

Но, с другой стороны, надо подумать, что эта ночь длится целых двенадцать часов. Надо быть сурком, чтобы проспать столько времени беспробудно.

Несмотря на твердое решение не спать всю ночь и дежурить поочередно как на бателлао, так и на паровой шлюпке, трое европейцев, двое бразильцев и мулат, утомленные дневным трудом, все-таки заснули.

Маркиз, Винкельман, Бенто и Рафаэло устроились на шлюпке, надежно стоявшей на своем якоре. Условились, что каждый из них будет сторожить по одному часу, чтобы без особенного усилия дождаться неизбежного момента, когда всех начинает неудержимо клонить ко сну.

Шарль, Хозе и индейцы остались на бателлао, пришвартованном крепким канатом к корме паровой шлюпки.

Шарль взялся не спать в продолжение двух часов и затем разбудить Хозе, который должен был его сменить. Хозе ни за что не соглашался отказаться от своих предубеждений против старухи-индианки и даже поклялся, конечно, необдуманно, не смыкать глаз в эту ночь.

Бедняга, полагая, вероятно, что он не достаточно убедил своих товарищей в справедливости своих опасений, хотел взять на себя всю ответственность за охрану судов в течение этой ночи.

Он искренне был убежден, что будет в состоянии это сделать. Впрочем, ему в конце концов все-таки удалось поколебать доверчивое спокойствие двух бразильцев и даже Шарля, указав на некоторые, весьма характерные подробности.

– Поверьте, господа, что я не ошибаюсь в данном случае и не преувеличиваю возможной и даже вероятной опасности! – повторял он в сотый раз. – Эта старая ведьма – наверное, шпионка. Все мне говорит об этом... Припомните только ее взгляды искоса, эти испытующие, жадные взгляды, любопытные и вместе с тем беспокойные и тревожные. Пока вы с нею говорили, и она вас как будто слушала, я видел, что глаза ее все время бегали по сторонам. Мало того, я сразу уловил, как она сделала знак одному из наших людей; к несчастью, я только не могу сказать, которому, так как они стояли гурьбой в то время, как старуха была здесь. Наконец, неужели вам не показалось подозрительным, что эта старая чертовка вдруг, ни с того ни с сего, спросила вас, ваша ли это паровая шлюпка.

– Подозрительно?.. Но что здесь такого?

– Это доказывает, что те, кем она прислана была сюда, быть может, не сделают вам лично никакого вреда, но зато не поцеремонятся с вашими друзьями. Вот что это значит!

– В таком случае, быть может, было бы лучше сказать ей, что эта шлюпка моя!

– Без сомнения! Ведь у этой старой клячи есть хоть капля благодарности или чувства признательности к человеку,

оказавшему помощь ее ребенку. Она, вероятно, постарается не повредить лично вам; если можно, то даже избавит вас лично от всякой беды! Но она в душе убеждена, что обязана чем-нибудь только вам одному, если вообще можно говорить о душе, по отношению к такой некрещеной твари, как эта старая хрычевка. Поверьте, она ни на минуту не задумается сообщить своим сообщникам все необходимые сведения и даже проводит их сюда!

– Возможно, вы правы, – согласился Шарль, которого, наконец, поколебала настойчивая уверенность и доводы Хозе. Так будем сторожить всю ночь, как если бы нам в самом деле грозила серьезная опасность. Осторожность не есть малодушие, не правда ли? Нас теперь достаточно много, и у нас превосходное вооружение.

Порешив таким образом принять некоторые предосторожности, Шарль и Маркиз взялись стоять первую вахту, один на бателлао, другой на шлюпке, а товарищам своим предложили тем временем заснуть.

Шарль предусмотрительно опустил свой заряженный револьвер в карман шерстяной куртки, положил ружье у себя под рукой и устроился поудобнее на носовой части своего судна так, чтобы иметь возможность наблюдать и с того, и с другого борта своего бателлао.

Легкий ветерок поднялся вскоре и разогнал тучи надоедливых насекомых, жужжавших и роившихся над судами; та-

ким образом, хоть на время, бедные пассажиры и экипажи обоих судов могли отдохнуть от них и их нестерпимой назойливости.

Это было, по-видимому, благоприятное обстоятельство, которое, с другой стороны, могло стать также и роковым в данном положении. Эти маленькие, беспощадные и неутомимые мучители человека являются в тропических странах автоматическими будильниками, мешающими заснуть. Но Шарль был не такой человек, чтобы поддаться сладкой дремоте, которая против воли овладевает человеком в эту тропическую ночь, так отрадно прохладную, да еще при полном отсутствии крошечных крылатых и бескрылых мучителей.

Он стоял уже около полутора часов на вахте и мысленно предвкушал уже окончание остающихся тридцати минут, когда он сможет, наконец, передать это скучное дежурство другому, а сам получит желанный отдых, как вдруг едва слышимый плеск воды привлек его внимание.

Какая-то темная, черная масса, едва видневшаяся над водой, медленно плыла по течению, как будто ее несло водой, и постепенно приближалась к шлюпке.

Отдаление, а главным образом мрак тропической ночи мешали молодому французу решить сразу, что это был за предмет, хотя он ясно выделялся темным пятном на поверхности беловатых вод реки, и звезды в эту ночь проливали сравнительно яркий свет на землю.

Этот таинственный предмет имел, по-видимому, около

двух метров в длину и тридцать – сорок сантиметров в ширину.

Шарль, устав глядеть на этот плавучий предмет, пришел, наконец, к такому заключению, весьма вероятному и правдоподобному.

– Это, вероятно, кайман, высматривающий себе добычу.

Шум громкого, отрывистого дыхания, доносившийся как будто со стороны плавучего предмета, придавал еще большую правдоподобность этому предположению.

Но вот кайман, увидев, вероятно, совершенно неожиданный для него предмет, то есть паровую шлюпку, на минуту приостановился, вспенил воду лапами, с шумом втянул в себя воздух, затем проскользнул вдоль кормы шлюпки и снова отдался на волю течения.

Шарль, питавший омерзение к этим отвратительным животным, не преминул бы в другое время пустить пулю в этого ночного бродягу, но к чему было тревожить сон и покой товарищей, истомленных дневной работой, ради простого удовлетворения антипатии к этим животным?!

Но едва только этот крокодил скрылся, как появились один за другим второй и третий, следуя в хвосте один у другого с той свойственной им ленивой небрежностью и вместе наглой смелостью, которая появляется у кайманов, когда их много, и они могут надеяться на свою силу.

– Черт побери! – воскликнул про себя Шарль. – И крокодилы в эту ночь пользуются прохладой и хотят поблажен-

ствовать в холодке. Однако, провалились они... Что за фамильярность! Или они еще не знакомы с речными судами, или здешние пловцы терпеливее наших на Арагуари или Апуре-ма!

Между тем двое вновь прибывших кайманов также оставались при виде паровой шлюпки и внимательно разглядывают ее, затем медленно подплывают друг к другу, сопят, выдыхают воздух, плещутся в воде и затем скрываются по направлению к берегу.

Шарль, которого эти крокодилы скорее заинтересовали, чем встревожили, так как только те, кто проводит долгие ночи на страже, знают, что в такое время малейший пустяк является развлечением, теперь с удовольствием замечает, что время его вахты прошло.

Тихонько, чтобы не разбудить других, он идет будить сеньора Хозе, который встречает его громким и широким зевком и бормочет невнятным, полусонным голосом.

– Как? Уже?!

– Благодарю покорно, милейший приятель! «Уже?» Это очень мило! Вы, очевидно, прекрасно всхрапнули за это время, а я там сидел да звезды считал... Это уж не так весело... Ну, берите свой револьвер и карабин... вот так!.. Ну, теперь вы готовы?

– Да, сеньор, готов... да... конечно, конечно, я готов...

– Да вы стоя спите, сеньор Хозе!

– Не беспокойтесь... я ничего не проморгаю... Я держу

уху востро! Ничего подозрительного не было? Не так ли?

– Ничего! Я видел только трех кайманов, которые подплыли к паровой шлюпке, затем спокойно удалились.

– Ах, да, кайманы! – зевая повторил шкипер. – Да, да, они здесь очень смелы... я знаю... Спокойной ночи, сеньор!

– Спасибо, сеньор Хозе; а вам благополучной и приятной вахты!

Спустя пять минут, как бы по уговору, Шарль, растянувшись в своем гамаке, а мулат, сидя на шлюпке на носовой части бателлао, заснули оба почти в одну и ту же минуту и заснули как-то разом, точно убитые.

Трудно сказать, сколько прошло времени, но вдруг Шарль пробудился скорее от какого-то жуткого, почти болезненного предчувствия, чем от своеобразного звука, раздавшегося в ночной тишине. Как и все жители лесов, Шарль спал чрезвычайно чутко и даже сквозь сон различил характерный протяжный вопль, который вызвал у него досадливое восклицание: он сразу узнал крик кайманов.

– Опять эти проклятые твари! – воскликнул он сердито. – Так они не дадут мне спокойно спать сегодня! Гром и молнии! Если так, то пусть я переполюшу всех, пусть подыму тревогу, но непременно пушу пулю в первого из них, который подойдет ко мне на ружейный выстрел!

Но вдруг его охватывает весьма естественное недоумение. Он мигом обрывает свою речь и приостанавливает свой порыв мщения. Он вдруг почувствовал, что бателлао уже не

причален к корме шлюпки, а его тихонько несет течением вниз по реке, а очертания шлюпки сливаются с прозрачной мглой ночи.

Кроме того, целый отряд кайманов сопровождает бателлао, конвоируя его в строгом порядке, чинно и неотступно, не удаляясь далее чем на семь или восемь метров от судна.

Как человек, хорошо знакомый с расположением своего судна, Шарль, не теряя ни минуты, выскочив из шлюпки, кидается на носовую часть, хватает якорь, крепко прикрепленный к своему канату, и, без всякой посторонней помощи, закидывает его изо всех сил в реку, вслед затем увесистым ударом кулака будит мулата, спящего, как праведник.

Якорь зацепился за дно, и бателлао моментально остановился на месте.

Кайманы, которых сейчас никак не меньше десяти, трогательно, дружно, точно заранее обученные, также останавливаются и медленно начинают кружить вокруг судна, теперь стоящего неподвижно, плавно описывают круги. Один из них, более смелый и дерзкий чем остальные, подплывает настолько близко, что почти касается туго натянувшегося якорного каната, выступающего из воды под углом в 45 градусов. Все более удивленный и недоумевающий молодой человек вдруг видит, что у самой головы этого чудовища блеснуло что-то холодным блеском стали. Вскинуть свой карабин, прицелиться и выстрелить в каймана было для него делом одной минуты.

И вдруг, вслед за выстрелом, раздаётся страшный крик, далеко отдающийся по волнам реки, и из воды выскакивает на момент чёрный силуэт, бьёт воздух руками, конвульсивно опрокидывается назад и исчезает в воде.

– Что такое, сеньор?! – спрашивает растерянно мулат, одновременно оглушённый и ударом кулака, и выстрелом, ослеплённый пороховой вспышкой. – Что такое?

– А то, что наши кайманы раздваиваются и обращаются каждый в человека и челн, – отзывается Шарль, затем, обернувшись в сторону шлюпки, кричит звенящим, громким голосом:

– Тревога!.. К оружию, друзья! К оружию!

Между тем экипаж, пробуждённый выстрелом, шумно столпился вокруг своих начальников.

– Займитесь ими, милый Хозе, постарайтесь организовать оборону; у меня есть ещё с десятков выстрелов, я отражу первый натиск! Торопитесь! Не то будет поздно: эти негодяи возьмут нас на абордаж!

Мулат пытается изо всех сил собрать своих индейцев и побудить их дружно действовать против общего врага. Но бедняги до того напуганы, до того растерялись и опешили, что забились между тюками и, обезумев от страха, трясутся, как в лихорадке. Они даже не хватаются за свое оружие, которым, впрочем, и не были в состоянии воспользоваться – до того их обуял ужас.

Хозе один разрывается на части, в то время как Шарль от-

крыл против осаждающих адский огонь, на который вскоре стали отвечать и со шлюпки.

Молодой человек расстрелял уже все свои заряды, однако, без видимого результата, несмотря на то, что челны были на довольно близком расстоянии от него, так что он вполне мог стрелять наверняка.

– Вы плохие дела делаете, сеньор, – быстро проговорил мулат, окончательно отчаявшись в возможности чего-нибудь добиться от индейцев, впавших в оцепенение. Он догадался сбегать за патронташем Шарля и теперь, вернувшись с ним, увидел, в каком положении было дело, уловив на лету, как последняя пуля француза ударилась о твердую поверхность ствола железного дерева, из которого делаются уба. – Эти негодяи покинули свои челноки и теперь, сидя в воде, укрываются за ними, выставляя их впереди себя для защиты! Взгляните, видите этот водоворот в борозде, остающейся позади челнока! Это человек плывет!

– Да, вы, действительно, правы, Хозе! Я упустил дичь из-за ее тени... И черт меня побери, теперь, когда я вижу свою ошибку, я безоружен!

– Возьмите мой револьвер, пока я буду заряжать ваше оружие! – сказал мулат.

Но в этот момент воздух огласился истошным криком, который разнесся далеко по волнам:

– Канаемэ! Канаемэ!

– Эти негодяи идут на abordаж!.. А наши поганые трусы

дадут себя прирезать, как стадо баранов, без малейшего сопротивления!

Вслед за военным кличем присяжных убийц раздался громкий, звучный крик на французском языке:

– Смело, друзья! Мужайтесь!.. Мы идем к вам на помощь!

– Смелее, Хозе, мой славный Хозе, не робей! Бегите на тот борт и рубите их тесаком что есть мочи, не давая пощады! Я останусь здесь и тоже буду отбивать!

Уба подходят все ближе и ближе и, наконец, ударяются о корпус бателлао. На корме, на носу и с обоих бортов цепляются черные руки, точно когти, и страшно размалеванные белым и красным безобразные лица тотчас же появляются со всех сторон. Напрасно Шарль и Хозе колют и рубят во всех направлениях, с размаха отсекая эти черные когти и раскраивая черепа, они не могут поспеть повсюду, не могут отразить нашествия врагов, которые врываются со всех сторон.

А экипаж, видя, что покинутые врагами уба брошены на произвол волн и, точно поплавки, ныряют вокруг судна или уносятся течением, вдруг пробуждается от своего оцепенения и, обменявшись несколькими словами в тот момент, когда враги врываются на бателлао, кидается в реку – догонять покинутые челны.

Шарль и шкипер принуждены отбиваться от целого десятка озлобленных и рассвирепевших дикарей, рослых и совершенно нагих, вооруженных, как и они сами, большими тесками.

Завязался неравный бой, и если бы у двух защищавшихся не оказалось еще у каждого по два заряда в револьверах, то их, наверное, изрубили тут же.

Отступив на несколько шагов назад, Шарль стреляет. Один индеец падает мертвым.

– За вами очередь, Хозе! – кричит он. – Цельтесь в пояс!

Мулат дает два выстрела один за другим, и еще двое нападающих выбыли из строя, к великому его удовольствию. Затем он также отступает шага на два, размахивая во все стороны своим тесаком. Но враги плотной гурьбой кидаются на них. Шарль выпускает свой последний заряд и кидает ставшее теперь бесполезным для него оружие, затем отступает на два шага и содрогается, чувствуя позади себя пустое пространство.

Хозе, раненный в плечо, громко вскрикивает и, под тяжестью нанесенного ему удара, падает на одно колено.

Шарль быстрым взмахом рук в обе стороны на мгновение отстраняет удары тесаков, грозящие им обоим, но увлекаемый силой инерции своего порыва вдруг оступается, теряет равновесие и летит вниз.

Чья-то железная рука хватает его на лету, и грубый, но дружественный голос восклицает по-французски:

– Не бойтесь, господин, это я... Я вас удержу; у меня рука надежная!

В этот самый момент сильный удар заставляет бателлао содрогнуться; судно издает жалобный скрип, похожий на

зловещий стон.

Шарль чувствует, что сильные руки подняли его, как ребенка. По силе этого мощного движения и несколько глухому, низкому голосу он узнает Винкельмана. Он успевает еще крикнуть:

– Хозе, кидайтесь в воду!

Но в следующий момент уже чувствует, что очутился каким-то чудом на палубе паровой шлюпки, которая только что подошла борт о борт к бателлао.

Канаемэ, пораженные таким удивительным исчезновением белого, с минуту стоят в нерешительности, затем ищут глазами мулата, но не видят и его.

В это время раздается команда на шлюпке.

– Пли! – кричит Маркиз и одновременно с этим вскидывает свой карабин к плечу.

Четыре выстрела грянули разом, и вслед за ними еще четыре. Разбойники, осыпанные градом пуль и картечи, сваливаются в кучу, издавая отчаянный вой.

– Беглый огонь! – кричит снова Маркиз, и его ружье гремит, неумолчно выпуская заряд за зарядом.

Выстрелы трещат непрерывно, пули дробят конечности и увечат врагов или убивают их наповал, – и обезумевшие дикари нигде не могут укрыться от этих беспощадных пуль. Эта страшная бойня длится всего несколько минут.

Затем насмешливый голос актера, заглушая стоны и вопли раненых и предсмертный хрип умирающих, раздается

отчетливо и громко:

– Прекрати огонь!.. Дайте сюда канат, чтобы привязать нашу шлюпку к этому пресноводному суденышку, да дайте сюда света, чтобы нам поближе посмотреть на рожи этих мерзких негодяев!

Опытные путешественники всегда перед тем как пуститься в путь, запасают в большом количестве свечи, чтобы заменять ими далеко недостаточное и неудовлетворительное местное освещение рыбным или черепашьим жиром. Кроме того, даже и это плохое осветительное средство трудно доставать в пути, так как его можно найти только в деревнях, встречающихся далеко не часто и лежащих на громадном расстоянии друг от друга, или же в редких ситио, то есть одиноких хуторочках. А в здешних краях, где ночь длится целых двенадцать часов, свет может понадобиться немедленно.

Как только Маркиз потребовал света, оба бразильца поспешили выбить кремнем огонь и зажечь две свечи, которые при разгроме шлюпки уцелели вместе со своими стеклянными колпаками.

Взяв в руку одну из этих свечей, Маркиз вручил другую Винкельману, зарядил снова свой револьвер и предложил эльзасцу сделать то же самое, затем проворно перекинул ногу через бортовые перила шлюпки и очутился на носу неуклюжего бателлао.

Семь или восемь трупов, страшно изуродованных, обра-

зовали ужасающую груду на носу судна. Несколько человек раненых с трудом ползли, волоча свои перебитые ноги к корме, с мучительными усилиями приподымались и затем кидались в воду.

– Ну, ребята, не завидую вам в таком виде плыть! – кинул им насмешливо вдогонку Маркиз.

В это время отчаянные вопли, стоны и хрип умирающих слышатся из-под выступа кормы.

– Кой черт! Неужели и там еще есть эти негодяи? – проворчал молодой человек и вытянул вперед руку со свечой. Над самой водой он увидел убы дикарей, выстроившиеся тесным кругом, и в них индейцев, дезертировавших с судна.

Теперь эти индейцы с бешеным исступлением избивали раненых, искавших спасения в реке, безжалостно калеча этих несчастных, с невозмутимой жестокостью, свойственной их расе.

Увидав свет, один из них крикнул на скверном португальском языке, прервав на мгновение свое возмутительное занятие.

– Не стреляй, белый господин, это мы!

– Ладно, ладно!.. – машинально отозвался Маркиз, видимо, озабоченный совершенно другим. – Но где же наш приятель Хозе? Я был бы ужасно огорчен, если бы с ним произошло несчастье... Он такой славный малый.

Не успел он договорить вполголоса этих слов, как ему

вдруг попала на глаза среди груды тел пара ног в черных холщовых панталонах, страшно испачканных в крови. Тело и руки не были видны под телами убитых.

– А-а... да вот он! – воскликнул Шарль, откинув ногой чье-то окоченевшее уже тело. – Бедняга, вероятно, его дело плохо... Он уже не шевелится!..

Поперек живота Хозе лежал рослый индеец, проколотый тесаком насквозь, точно кусок мяса, посаженный на вертел. Другой индеец, горло которого обхватили железные пальцы мулата, совершенно задушенный, также растянулся поперек Хозе, придавив его всей своей тяжестью.

– Бедняга геройски защищался! – пробормотал горестно Шарль. – Однако, мне не верится, что он уже мертв!

В этот момент капля горячего воска, со свечи, с которой Маркиз нагнулся над мулатом, освещая его бледное лицо, упала на щеку Хозе.

Слабый крик вырвался из его груди, и в то же время он раскрыл глаза.

– Он – жив!.. Жив!.. Это трупы завалили и придавили его!..

– Ну, вас! Бух в воду!.. Туда вам и дорога, гады!.. – И, говоря это, Маркиз и Шарль общими усилиями высвободили сеньора Хозе из-под груды тел.

Как только шкипер почувствовал, что ничто больше на него не давит, он вздохнул полной грудью, приподнялся на

руках, сел и, узнав своих друзей, радостно протягивавших к нему руки, воскликнул:

– Так вы все живы!.. Какая радость, что я опять вижу вас! Кажется, больше всех пострадал я, но... все же еще не умер и, даст Бог, не умру на этот раз! Да, сеньор Маркиз, я вам обязан поставить толстую свечу...

– Не толстую свечу, а самый простой огарок, мой милый Хозе! – засмеялся неисправимый шутник Маркиз.

Глава VI

После боя. – Сон среди трупов. – Маркиз соглашается быть подвергнутым военному суду. – Подозрения почти оправдываются. – Изучение убы. – Каким образом и почему шлюпка в желанный момент уносится течением. – Поразительная апатия индейцев. – Есть, пить и спать. – Продовольствие на Рио-Бранко. – Рыбы, черепахи и дичь. – Пустыня. – Эмиграция по направлению к кампо. – Каксоейра. – Ее неудобства. – Индейцы паоксиана. – Первые фазенды. – Столица кампо на Рио-Бранко.

Дикое нападение, бывшее на этот раз делом не мнимых канаемэ, а настоящих дикарей-убийц, к счастью, не имело никаких серьезных последствий. Все ограничилось рубленой раной, полученной сеньором Хозе.

Простой перевязки и примочки из воды, разбавленной тафией, оказалось вполне достаточно для лечения этой раны, более страшной на вид, чем опасной. Сделав перевязку, шкипера уложили в гамак, укрыли от насекомых и дали возможность сладко заснуть, что он и сделал без особых просьб.

Впрочем, он один только был в состоянии заснуть после этой жаркой схватки. Все остальные, в том числе даже индейцы, были настолько возбуждены всем только что происшедшим, что долго не могли успокоиться. Кроме того, можно было опасаться нового нападения, так как ничто не гаран-

тировало путешественников от мести канаемэ за своих погибших соплеменников, а потому все продолжали бодрствовать в продолжение всей ночи, вплоть до утра.

Но напрасно: урок был так жесток, что никто из убийц не помыслил даже о возмездии. А, быть может, все они погибли в этой схватке.

Как только рассвело, механик развел огонь в машине и в ожидании, когда можно будет тронуться в путь, все принялись дружно уничтожать следы вчерашнего побоища. Индейцы экипажа, так отважно прыгнувшие в воду во время нападения врагов на судно, затем устремившиеся вдогонку за шлюпками, уносимыми течением, снова вернулись на бателлао, как только миновала опасность.

Как люди предусмотрительные, они постарались привязать к бателлао все уба, так легко доставшиеся им, затем преспокойно завалились спать, тут же, подле трупов убитых канаемэ, ничуть не смущаясь столь неприятным соседством.

Когда рассвело, они продолжали храпеть во всю мочь, а рядом лежали окоченевшие уже канаемэ, окровавленные и страшные даже теперь под своей яркой татуировкой, казавшейся еще ярче и безобразнее на их помертвелых, бледных лицах.

Все это были рослые красавцы. Их атлетическое сложение, дивная мускулатура, мощные фигуры представляли собою разительный контраст с тощими телами и робким, пришибленным выражением лиц выродившихся индейцев оке-

анского побережья.

Сильные, мускулистые, как древние гладиаторы, с высокой грудью, с могучей шеей, с тонкими конечностями, эти дикари-разбойники были воплощением образа человека в естественном состоянии, такого, каким бы его желали видеть скульпторы, художники и антропологи.

Кроме того, следует заметить, что все они были ранены спереди: в грудь, голову, лицо, живот, как это можно было видеть по ранам; только пули могли остановить их бешеный напор.

– Славные парни, господин Шарль, – проговорил Винкельман, глядя на эти тела, красоте и силе которых не уступало его собственное тело. – Если бы у нас не было такого оружия, плохо бы пришлось!

– Но кой черт! – воскликнул Маркиз. – Каким это образом они ухитрились так подобраться к нам, здесь, посреди реки, на совершенно открытом месте, и напасть на нас так неожиданно, что никто из нас даже не успел заметить этого!

– Ах, очень просто, – сказал Шарль. – Я полагаю, простите меня, господа, что все спали, как у вас на паровой шлюпке, так и у нас, на бателлао. Как вы думаете, Маркиз?

– Увы! К стыду своему, господин Шарль, я должен сознаться, если бы даже меня предали за это военному суду, что я спал, как новобранец.

– Военный суд прощает вас, Маркиз, так как вы доблестно искупили свою вину в момент боя! Что же касается спо-

соба, примененного в данном случае врагом, то он очень прост, хотя и далеко не всем доступен. Мне кажется, что я могу в точности восстановить картину или, если хотите, сцену нападения, так как, сам того не подозревая, присутствовал при всех предварительных маневрах неприятеля, предшествовавших атаке, и достаточно хорошо все видел, чтобы не ошибиться.

– Не откажитесь, мосье Шарль, рассказать нам об этом, пока механик разводит пары в своей кочегарке!

– Очень охотно, друзья! Эй, вы там, – крикнул он, обращаясь к индейцам, лениво растянувшимся на солнце среди трупов, – перекидайте мне сейчас же все эти трупы в реку, да смойте с палубы следы крови! Слышите? Ну, поворачивайтесь живее!.. Вам будет двойная порция тафии; хотя, в сущности, вы заслужили двойную порцию порки за вашу подлую трусость! А мы, тем временем, вернемся к рассказу. Так вот, эти канаемэ, мне кажется, что наши враги принадлежали именно к этому грозному обществу, предупрежденные неизвестно кем и неизвестно каким именно образом...

– А старая хрычевка, что привезла бананы и привозила сюда больного ребенка?! Вспомните подозрения и предчувствия бедного Хозе!

– Да, конечно, это весьма возможно, теперь и я, пожалуй, готов их разделить! Как бы то ни было, но канаемэ, о которых идет речь, явились сюда, превосходно переряженные кайманами!

– Кайманами?! – воскликнули вне себя от удивления Винкельман, Маркиз и двое бразильцев.

– Да, это сушая правда, могу уверить! Я видел во время моей вахты, как маневрировала стая таких кайманов, и должен признаться, что наивно смотрел на них, считая их за подлинных кайманов. У них были те же приемы, та же ленивая небрежность движений, те же молчаливые перемещения и шумное дыхание, та же нерешительность и даже присущий кайманам запах мускуса.

– Но в таком случае?..

– А вот прикажите поднять сюда один из этих челнов уба, причаленных под кормой нашего бателлао. Или нет, лучше вы, добрейший Винкельман, у которого такие сильные руки, – что я сегодня испытал лично на себе, и за что я вам глубоко признателен, – лучше вы вытащите нам за причал первый попавшийся из этих челнов!

– Сию минуту! Ташу!.. Эй, да эта штука тяжелая!..

– Надо думать, что так... цельный ствол итоба, так справедливо названного «железным деревом»... Это что-нибудь да весит!.. Теперь взгляните, господа, на этот маленький шедевр местного кораблестроения. Как видите, размеры этой уба вполне соответствуют размерам крупного каймана как по длине, так и по объему. Теперь взгляните на эту художественно выполненную голову крокодила на носу челнока, взгляните на эту морду, на эти глаза, сделанные из агата, которым инкрустировано дерево! А этот хвост, который тянет-

ся, образуя продолжение кормы, покрытый правильной, темной чешуей из щитков! Разве все это не настолько верно и художественно, чтобы даже днем не ввести в заблуждение на некотором расстоянии?!

– Да... Поразительно... Но где же помещается человек? – спросил Маркиз.

– А вот в этой дыре, в этой выбоине, которую вы видите наверху! Человек ложится в эту выбоину на живот: он как раз только умещается в ней, и его спина изображает собою спину каймана. Вот вам и доказательство! Посмотрите на спину этого убитого, которого наши люди собираются кинуть в воду! Видите, вся спина у него размалевана под цвет ствола итоба и даже на манер щитков крокодила.

– Да... Удивительно! Но каким образом они управляют этими судами?

– А вот посмотрите! Какое может быть, по вашему мнению, назначение этих двух деревянных лопаточек, прикрепленных веревками сзади, у кормы, и двух других таких же лопаточек, привязанных по обе стороны деревянной головы каймана?

– Право, не знаю... Впрочем, мне думается, что эти две лопатки служат вместо весел.

– Вот именно! Угадали! Человек лежит на животе, кладет голову в это маленькое углубленье, приспособленное здесь для подбородка и щек, так что глаза его приходится выше деревянной головы каймана, чтобы видеть, что проис-

ходит впереди, а также, куда ему направлять свой челн. Руки свои он просовывает в эти боковые вырезы, берет в каждую по лопатке и работает ими как веслами, создавая иллюзию передних лап каймана. В таком виде они явились произвести рекогносцировку. Убедившись, что на наших судах никто не шелохнется и, по-видимому, все спят, они решили прежде всего с чисто дьявольской ловкостью разобщить суда, чтобы таким образом лишить нас возможности помогать друг другу. С этой целью один из мнимых кайманов перерубил своим тесаком канат, которым бателлао был привязан к паровой шлюпке. Тогда наш бателлао стало сносить течением, но, к счастью, это продолжалось недолго: Крик торжества, имитирующий с поразительным искусством плач крокодила, пробудил меня, а быть может, также движение судна. Не теряя ни минуты, я закинул небольшой якорь, и он остановил нас сразу.

Это было как раз вовремя. Эта неожиданная остановка бателлао несколько расстраивала планы разбойников, и они стали плавать кругом бателлао и, наконец, увидели наш якорный канат, натянувшийся, как струна. До этого момента я был действительно сильно заинтересован поведением мнимых кайманов, которых принимал за настоящих, и в сущности был далек от всякого подозрения, как вдруг заметил, что перед мордой одного из этих чудовищ, подплывшего к самому якорному канату, блеснула сталь. Значит, эти кайманы были люди!.. Я выстрелил в того, который подплыл к канату,

и в тот же момент из мнимого каймана выскочил человек, громко вскрикнул, взмахнув руками, и упал в воду. Остальное вам уже известно. А теперь за вами очередь рассказать мне, что произошло у вас на паровой шлюпке.

– Да почти ничего! – отвечал Маркиз. – Мы все так крепко спали, что не только приготовления к нападению, но даже и самое начало атаки для нас осталось незамеченным.

Мы, конечно, обязаны высоте наших бортов тем, что попытка абордажа оказалась в данном случае совершенно невозможной. Если бы не это, нас бы всех перерезали, как овец! Разбуженные вашими выстрелами, мы наполовину догадались о случившемся. Тогда Винкельман, который, как вы знаете, не много говорит, но много делает, перерезал канат нашего большого якоря, а вы тем временем успели уже бросить якорь, благодаря чему шлюпка, которую понесло течением, могла подойти к бателлао и как раз в самый нужный момент!

– Господа, – раздался голос механика Бенто, – машина под парами. Я жду ваших распоряжений!

– Все готово к отплытию? – спросил Шарль.

– Все готово! – ответил знакомый голос, на который, однако, все разом обернулись.

– Как, это вы, сеньор Хозе? Да откуда же вы взялись, прости Господи!

– Прежде всего из моего гамака, но я успел затем осмотреть все причалы и убедился, что все в порядке!

– Но, дорогой мой сеньор Хозе, вы поступаете страшно неосторожно: вы можете схватить лихорадку... Вам необходим полный отдых!

– Очень благодарен, сеньор, за вашу дружескую заботу обо мне, но я чувствую себя совершенно здоровым. Да и, кроме того, что бы вы обо мне подумали, если бы я из-за такой пустячной царапины стал лежать, как пласт, целую неделю? Позвольте мне занять мое место у руля и провести беспрепятственно шлюпку между этими островами и островками, загромаждающими буквально все устье Рио-Бранко!

Это быстрое плавание, не требующее никаких утомительных работ, являлось настоящим наслаждением для всех участников экспедиции.

Мимо них плыли берега Рио-Бранко, а с них срывались перепуганные отрывистым стуком машины и шипением паров стаи диких водяных птиц, с криком уносились вдаль.

Освободившись от тяжелой изнуряющей работы ганчо и форкильхой, не опасаясь падения в воду деревьев, преграждавших путь, ни ложных маневров, влекущих за собой остановки или, что еще того хуже, позволяющих течению сносить бателлао вниз по реке, избавившись даже от своих беспощадных мучителей насекомых, благодаря скорости движения и ветру, вызываемому этой быстротой хода, все хором благословляют двух бразильцев, которым они обязаны всеми этими несравненными благами.

Но более всех были ошарашены этой неожиданной переменой условий плавания, без сомнения, индейцы экипажа, которые теперь могли почить на лаврах, предаваясь постоянному сну, прерываемому только едой и питьем.

– Довольны вы, что у вас нет теперь никакой работы, кроме как есть, пить и спать? – спросил Шарль, удивленный их невозмутимым равнодушием ко всему.

– Не знаем!

– Но раз у вас нет работы, то вам следовало бы позаботиться о продовольствии. Не так ли? Надо добыть нам дичи, рыбы, черепах!

– Да!

– Ну так сегодня вечером мы станем раньше на якорь, поближе к берегу, и вы отправитесь в уба за припасами! Здесь уж нет больше канаемэ. Но вы во всяком случае не удаляйтесь слишком далеко от судов!

– Да!

Раздобыть продовольствие на Рио-Бранко не так уж трудно, так как превосходнейшей рыбы и самой вкусной дичи здесь изобилие, вероятно, вследствие малонаселенности этих мест. На протяжении свыше пятисот километров от устья до Боа-Виста совершенно нет человеческого жилья. Население последовало за индейцами, которых также нельзя более встретить здесь, так как они перекочевали к верховьям реки, в область кампо, то есть прерий.

Таким образом Рио-Бранко до кампо является раем для

охотников и рыболовов, которые могут найти здесь полное удовлетворение своей страсти и с избытком запастись на дальнейшее плавание.

Во-первых, здесь водятся в огромном количестве пака, агути, бразильские куры, глухари, ара, козы и многие другие животные и птицы.

Во-вторых, – гимноты, или электрические угри, бразильские храпуны, пирахибы, пираньи, суруби, а также и другие вкусные рыбы, толсточешуйки и другие. Кроме того, здесь встречаются и черепахи: тракажас, или бахромчатая черепаха, а также громаднейшие тартаруга.

Тем временем плавание наших путешественников, еще так недавно столь медленное, затруднительное и нередко даже опасное, теперь совершалось без малейших хлопот и усилий и без всяких неприятных инцидентов.

Шарль, который был занят более других, наносил все время на карту, по компасу, течение Рио-Бранко, так как в его распоряжении была лишь очень плохая карта, совсем старая, а главное, допускающая слишком свободный полет фантазии.

Однако, как ни плох этот документ, все же он указывал, хотя и далеко не точно, места, некогда населенные и затем мало-помалу заброшенные со времени переселения, которое увлекало всех местных жителей выше стремнины, вплоть до кампо.

У устья Шеруини теперь насчитывалось всего каких-ни-

будь шесть-семь ситио, разбросанных в области озер и населенных индейцами, замбо или мамалуко.

От прежнего цивилизованного селения Санта-Мариа, расположенного некогда на левом берегу реки, не осталось теперь ни малейшего следа. Точно также и от Пескейро, бывшей королевской рыболовной станции, имевшей своим назначением снабжение рыбой маленького гарнизона форта Сао Жоаким. Кругом лес, все заросло и заглохло, и ничто не говорило, что здесь раньше жили люди, и стояли жилища.

Первое ситио, одинокая маленькая ферма, которое попало на этом пути, было ситио Бернардо Коррейо, старого португальца, занимавшегося главным образом заготовлением топлива для паровых шлюпок. Его ситио находится на правом берегу реки, приблизительно на двадцать восемь – тридцать минут к северу от линии экватора и неподалеку от озера Гварена, вокруг которого расположились с дюжину хижин, населенных неграми, индейцами и метисами обеих рас.

Эти раскиданные хижины представляют собой деревню, и даже самую значительную деревню на нижнем Рио-Бранко. На реке царит полное безлюдье. Тут тянется дикая пустыня или девственные леса, местами прорезанные болотами и безымянными речками, речечками и ручьями. Кроме серингалья Карнейро, где португалец, сеньор Васконселлас, занимается производством каучука, другого жилья вплоть до Виста-Аллегро на правом берегу не встречается.

Немного выше Виста-Аллегро, на том же берегу, лежит

озеро Энженирио, где в прошедшем столетии стоял сахарно-рафинадный завод. Но теперь исчез и он.

Вот и все жилье, которое можно встретить на протяжении четырехсот километров от устья реки до каксоейра.

Каксоейра, парализующая всякие сношения между Манасом и богатейшими, плодороднейшими кампо у верховьев реки, представляет собою ряд порогов, образуемых Кордильерами. Если бы не эти семь порогов, которые приносят сильный вред скотоводам, бателлао могли бы беспрепятственно подыматься во всякое время года до самого Боа-Виста, а паровая шлюпка могла бы непрерывно совершать рейсы даже в течение трех летних месяцев, так что могла бы забирать скот у самого порога фазенды.

К сожалению, до сего времени ничего не было сделано, или почти ничего, чтобы сколько-нибудь устранить это неудобство, а между тем легко бы устроить либо объездную дорогу, которая огибала бы пороги, или же прорыть канал в самой каксоейра.

Сколько труда, сколько потери времени, сколько опасностей! От всего этого можно было бы избавить несчастные экипажи бателлао, которые не менее пяти или шести дней мучаются, чтобы пройти через этот проклятый лабиринт скал и камней даже в самое благоприятное время.

Между тем паровая шлюпка сеньора Рафаэло и буксируемый ею бателлао пробирались без малейших задержек, благодаря своей превосходной машине и практическому опы-

ту лоцмана Сильва, старого замбо, который вместе с негром Антонио Баретто Мурату занимался проводом судов через каксоейра.

Выше каксоейра лежит та же пустыня, все так же заросли лесом некогда существовавшие здесь посты. Путешественник, ничего не подозревая, минует места, где некогда процветали обширные повоасао. Только гораздо выше, уже за порогами, встречаются четыре фермы оседлых индейцев паоксиано.

Еще выше находится устье Мокажахи, большой реки, протекающей через плодороднейшие земли, но опустошаемые постоянно страшными злокачественными лихорадками «сезое», свирепствующими здесь с невероятной силой. Здесь живут в таких гигиенических условиях, от которых бы содрогнулись европейцы, индейцы паоксиано, местные аборигены, костлявые и тощие, длиннобородые, со впалыми глазами и выдающимися скулами, сильно сходные по типу с аннамитами. В сущности, это хорошие люди, не столь вороватые, как остальные индейцы, и не столь одержимые страстью к дезертирству, кроме того, еще способные к привязанности и не чуждые благодарности к белым, к которым они относятся вполне дружелюбно, но, к сожалению, хилые и болезненные.

Сколько неисчислимых природных богатств пропадает даром в этой Богом избранной стране, столь прекрасной и плодородной, но столь же губительной в отношении своего климата!

Никто, конечно, и не помыслит в скором времени об освоении этих богатств ввиду малочисленности населения страны, раскиданного на громадном пространстве этой территории. Трудно себе даже представить, как безлюден весь этот бассейн Рио-Бранко.

Во всем юго-западном бассейне, то есть на территории правого берега, равняющейся почти всей французской Гвиане между Марони, Тумук-Хумук, Ойапокком и океаном, существует всего только одно племя паоксиано. Да и то число индейцев этого племени стало до того незначительно, что на Мокажахи, в шести малоках, их насчитывается всего не более ста пятидесяти душ. В остальной части бассейна их не больше того; словом, на всю область приходится не более трехсот человек.

После Рио-Мокажахи на левом, более высоком берегу среднего Рио-Бранко вырастает большая горная цепь Сиера де Караума, достигающая высоты 1150 метров. На протяжении около двадцати километров река течет у подножия этой величественной громады гор, а затем путешественники вступают в великолепную область кампо, этих необозримых цветущих и сочных лугов, которые простираются до самой Венесуэлы и захватывают даже часть английской Гвианы.

Здесь местность более населенная. Не то, чтобы замечалось обилие жилья, нет, но это уже не та дикая, безлюдная пустыня, какую является громадная часть этой территории, всецело предоставленной в распоряжение хищных зверей.

Фазенды почти непрерывно следуют одна за другой, на сколько только хватает глаз. Внимание путешественника невольно останавливается на зеленеющих лугах, где пасутся громадные стада полудиких быков, под надзором еще более диких пастухов. На холмах и пригорках виднеются жилища фазендейро, так как эти возвышенные места предохраняют их от наводнений. Здесь же раскинулись и прилежащие хозяйственные постройки, магазины, склады, бараки для служащих. По берегу стоят на своих якорьках бателлао, пироги и целые флотилии всевозможных судов, крупных и мелких; здесь, очевидно, производится погрузка скота.

Словом, тут уже чувствуется известное оживление, жизнь и деятельность. А что бы было, если бы не проклятая каксо-ейра, которая, как на зло, разгораживает эту прекрасную реку на две половины и тем, быть может, на долгое время препятствует более широкому развитию деятельности местных отважных колонизаторов.

Их здесь по меньшей мере двенадцать человек белых, раскинувших свои владения на расстоянии тридцати километров от Мокажахи, дающих заработок многочисленным слугам и рабочим, живущим патриархально, не имеющим никаких развлечений, кроме кратковременной отлучки в Боа-Виста, столицу кампо на Рио-Бранко.

Глава VII

Примитивная столица безлюдной провинции. – Там, где рождается человек, должен родиться и хлеб. – Там, где есть хлеб, может и должен быть и человек. – Богатства кампо. – Путь в глубь страны. – Индейская малока. – Оптимизм Маркиза. – Акангатарэ и турури. – Безумная страсть к бусам. – Несколько километров ожерелий. – Платок носовой не может быть подушечкой для булавок. – Под открытым небом. – Намерение дезертировать. – Сомнительные отговорки Клементино. – Индейцы уходят.

Боа-Виста – это столица кампо на Рио-Бранко. Однако это громкое название не должно вызывать в воображении читателя представления о каком-либо Эльдорадо, затерявшемся среди амазонской пустыни. Нет, он не должен думать, что в этой столице, хоть это и столица, встретит роскошь и утонченность, которыми так дорожат вообще бразильцы, или хотя бы только удобства рядового европейского города. Нет, это даже не людный, цветущий и богатый город, как Манаос, шумный, оживленный, полный движения и лихорадочной торговой деятельности; это даже не просто большое торговое село, какие встречаются во всех государствах Европы.

Столица кампо на Рио-Бранко похожа на тех испанских нищих, быть может, в самом деле подлинных гидальго, могущих насчитать целую вереницу имен и титулов своих пред-

ков и тем не менее завтракающих одной сырой луковицей, обедающих одной сигаретой, и ужинающих серенадой, – нищих, все имущество которых состоит из дырявого плаща и пары панталон, изукрашенных бесчисленными заплатами.

Тем не менее это родовитые гидальго – дворяне чистейшего происхождения.

Так и эта столица со своими двадцатью пятью – тридцатью жалкими домишками, сплошь крытыми соломой, маленькими, частью выбеленными известью, но в громадном большинстве опрятными и удобными, Боа-Виста, построенная на холме над рекой, все-таки столица.

Все в этом мире относительно.

Но как знать, не украсится ли этот эмбрион будущего города в непродолжительном времени фабриками, заводами, банками, театрами, отелями, доками, железной дорогой, телефонами и телеграфом? Удивительный рост некоторых австралийских и североамериканских городов дает основания надеяться на осуществление этого смелого предположения, тем более, что эта чудная страна решительно ни в чем не знает недостатка, а сами бразильцы – поистине удивительные колонизаторы.

Но что бы ни готовило этой столице будущее и чем бы она ни удивила наших потомков, в данный момент она все еще очень далека от всего этого. Только два общественных здания являются как бы залогом будущей цивилизации и культуры этого города – это церковь и школа.

Церковь, впрочем, еще только строится. Но начальная школа функционирует и чрезвычайно усердно посещается детьми белых, мамалуков и индейцев, работающих слугами у белых.

Несмотря на малые размеры этого «города будущего», обороты здесь совершаются довольно крупные, конечно, главным образом благодаря присутствию здесь белых, основные владения которых – крупные фазенды внутри страны. В числе этих белых только два европейца; один из них – португалец, а другой – итальянец. Остальные тридцать человек белых – уроженцы берегов Амазонки.

Тридцать два фазендейро на такую громадную территорию, скажут, очень мало! По-видимому, да! Но в сущности, эти интеллигентные работники, деятельные, энергичные, создали тем не менее все элементы будущей цивилизации и нашли средства удовлетворить насущные требования будущих переселенцев. Благодаря им, колонисты могут смело явиться сюда в каком угодно числе и все найдут здесь себе заработок, найдут готовый кусок хлеба, поддержку и защиту в случае надобности. Мальтус, столь осмеянный экономист, быть может, совершенно напрасно осмеянный, говорил с несколько грубым красноречием человека, привыкшего только считаться с цифрами: «Там, где рождается человек, должен родиться и хлеб». В этих словах усмотрели только простой афоризм, грубую шутку человека, возымевшего претензию ограничить человеческую расу количеством продуктов пита-

ния. Но эта ошибка не прощительна такому мыслителю, как он, тем более, что производство продуктов питания не может быть точно определено, а потому мы считаем себя вправе придать иное толкование его фразе, именно в таком смысле: «если родится на свете человек, то обеспечьте его хлебом».

А это в сущности не что иное как приглашение каждому человеку следовать благородным законам обязательного для него труда.

Таким образом Мальтус был прав, сказав, что когда родится человек, должен родиться и хлеб, и обратно, как прекрасно сказал Поль Бер: «Там, где есть хлеб, должен родиться и человек».

Таким путем скотоводы на Рио-Бранко видоизменили, быть может, сами того не подозревая, изречение английского экономиста: они использовали не имеющийся хлеб, а имеющихся быков.

И вот, в настоящее время тридцать две фазенды кампо имеют не менее тридцати двух тысяч голов рогатого скота и не менее четырех тысяч лошадей. Кроме того каждая из этих фазенд кормит огромное число служащих в качестве гребцов, носильщиков, сельскохозяйственных рабочих и домашней прислуги, негров, мамалуков, замбо и особенно индейцев, отказавшихся от бродячей жизни, живущих теперь в сравнительном довольстве, обеспечивших себе безбедное существование в будущем, имея верную и хорошо оплачиваемую работу.

Особенно важно знать, что кампо Рио-Бранко, как ни кажется пустынным и безлюдным с первого взгляда, весьма действительно эксплуатируется, и маленький городок, посад Боа-Виста, является центром, из которого исходят и где концентрируются все коммерческие и интеллектуальные интересы этой области.

Правда, здесь нет должностных лиц, изукрашенных золотыми галунами и нашивками, торжественных, напыщенных, но невежественных, съедающих наибольшую часть чистых доходов маленькой колонии. Нет здесь и солдат, рабочие руки которых несравненно более полезны для общественных работ. Колонисты превосходно управляют сами со своими делами и умеют также, в случае надобности, защитить себя сами, – надобности, впрочем, весьма редкой. Мирная колонизация, дающая местным аборигенам средства к существованию и возможность более легких условий жизни, превратила их в своих друзей и доброжелателей.

В предыдущем веке, у Сан-Иоакима (несколько выше Боа-Виста), была устроена государственная фазенда, охранявшаяся гарнизоном из штаб-офицера коменданта, сержанта, капрала, двадцати человек команды и одного унтер-офицера, казначея или делопроизводителя, которому было поручено управление фазендой. Но фазенда исчезла с лица земли давным-давно, а правительство все еще продолжает присылать сюда нескольких злополучных солдат, вследствие той неосведомленности, которая является исключи-

тельной привилегией именно европейских министерств. А пост, что это за пост! Это жалкая пародия – несколько развалившихся шалашей! А гарнизон?! – четыре солдата и один сержант, покинувшие свои соломенные шалаши и переселившиеся по соседству в ближайшую фазенду Сан-Бенто. Высшая администрация о них совершенно забыла, и они сами находят себе скромный заработок, позволяющий им удовлетворять с избытком все их потребности.

Современное правительство должно прекратить в будущем дальнейшую присылку сюда воинских частей, не имеющую никакого смысла и никому не нужную.

Шарль Робен и его спутники нашли у одного из местных фазендейро тот радушный прием, о котором наша эгоистичная цивилизация и представления даже не имела.

Их любезный хозяин желал бы надолго удержать гостей у себя, предоставить им все те удовольствия, какие доступны жителям Боа-Виста: обильную дичью охоту, скачки на резвых скакунах по необозримому простору кампо и чудесную рыбную ловлю.

Но Шарль торопился отправиться в горы и потому решил оставаться в Боа-Виста лишь столько, сколько ему было необходимо для подготовки к предстоящей трудной экспедиции, ни минуты дольше, а потому и не хотел задерживаться в доме радушного фазендейро.

Двух суток оказалось достаточно, чтобы снарядить экспе-

дицию и найти все необходимое для нее, главным образом, подыскать несколько человек индейцев паоксиано, которых ему и рекомендовал хозяин. Перед отправлением маленькое общество собралось за столом в столовой фазенды, где Шарль и его спутники распрощались с двумя молодыми бразильцами. Рафаэло и Бенто набрали себе новый экипаж для паровой шлюпки и готовились пуститься в обратный путь в Манаос.

Шарль, как человек предусмотрительный, тщательно изучил во всех подробностях предстоящий ему путь, но счел за лучшее не посвящать любезного фазендейро в суть настоящей цели его поездки в горы и изучения Лунного Хребта.

Как читатель, вероятно, помнит, он намеревался вернуться на Марони сухим путем, через горы, исследовав по пути хинные леса, о которых ему говорил Хозе.

И хотя мулат превосходно помнил, каким путем он следовал в прошедшем году, Шарль, на всякий случай (вдруг какая-нибудь неожиданность помешает ему воспользоваться услугами Хозе), запасся всевозможными сведениями и указаниями, добытыми у местного фазендейро.

Крайняя точка Тумук-Хумак, из которого вытекает главный рукав Марони, Тапанохони, находится на расстоянии приблизительно пятиста двадцати пяти километров, по прямой линии от Боа-Виста и лежит немного выше второй северной параллели. Таким образом, приходилось почти все время следовать на восток, упорно возвращаясь к этому на-

правлению после каждого вынужденного отклонения с этого пути.

Маленький караван тронулся в путь пешком, предполагая только в тех местах, где могут встретиться реки, бегущие в восточном направлении, пользоваться пирогами или плотами. Но, насколько известно, все реки, берущие свое начало в этих горах, текут в направлении юго-севера. Репунами, Куйюнини, Явр и Тчип-Уаа, соединяясь, образуют впоследствии Эссекибо, величайшую реку английской Гвианы.

Но в трехстах километрах от Боа-Виста, уклонившись слегка на юго-восток, мы находим Курукури-Уаа, верхний приток Рио-Тромбетта, текущего с запада на восток, немного выше первой северной параллели.

Возможно, что этим притоком придется воспользоваться на обратном пути.

На пятые сутки трое европейцев и мулат снова отправились в путь. Их сопровождали шестеро индейцев паоксиано, которые обязались идти с ними почти до самых Аторради.

Четыре лошади, предоставленные в их распоряжение фазендейро, были нагружены продуктами и всякой поклажей. От Кунт-Анау предполагалось подняться на пирогах, а двое слуг с фазенды, находившиеся при лошадях, должны были, перегрузив припасы и поклажу с вьючных лошадей на пироги, отвести лошадей обратно в фазенду.

Вот они и в открытом кампо. Шарль и Винкельман, уже вдоволь налюбовавшись тропической природой, имели вид

привычных путешественников, которым все эти красоты успели уже несколько понадоеть. Однако Маркиз, этот типичный парижанин, страстно влюбленный в сельские красоты и видевший здесь только леса да непроходимые болота или тинистые отмели вдоль берегов, восторгался на каждом шагу, как школьник, выпущенный на загородную прогулку.

Встреча с индейцами, с настоящими краснокожими, подлинными дикарями, такими, какие они есть вдали от белых людей, приводит Маркиза в неопиcуемый восторг.

Теснота малоков (индейских хижин), под крышей которых скучены двадцать пять – тридцать гамаков, не представляет собою для него ничего отвратительного, хотя оттуда вырываются ароматы, очень мало напоминающие розу или какой-либо другой душистый цветок. Вид роса, то есть полей, засаженных маниоком, бананами, ананасами, папайями, сахарным тростником, игнамом, пататами, внушает ему неудержимое желание поселиться здесь и жить, как живут эти индейцы.

– Подождите немного, Маркиз, подождите! – говорит ему Шарль, улыбаясь при виде его энтузиазма. – Вы скоро пресытитесь этими прелестями, и ручаюсь, что все это перестанет нравиться вам даже раньше, чем вы думаете. Все эти прекрасные вещи, от которых у вас теперь слюнки текут, станут вам омерзительны, и вы станете вздыхать по кусочку самого обычного ростбифа или краюшке белого хлеба, как некогда плакали евреи о легендарных луковицах.

– Да нет же, мосье Шарль! Нет! Неужели вы не находите, как и я, что эти индейцы, действительно, великолепны?

– Да, но мало одеты!

– Б-а-а! В такую-то жару! Их костюм превосходно приспособлен к климату! Посмотрите, как эта корона из перьев к лицу им! Как красивы эти лица, точно высеченные из красного гранита!.. Как называется у них эта корона?

– Они называют свой головной убор акангатаре.

– Акангатаре! Как это красиво звучит... Это настоящая диадема!

– И вы называете это костюмом?

– Нет, но ведь у них есть еще этот фиговый листок из бумажной ткани, которым они обертывают себя по бедрам и, надо им отдать справедливость, делают это довольно красиво!

– Это называется калимбэ, или турури, как они их сами здесь называют. Но мне кажется, что точнее всего было бы сказать, что они прикрыты только своей стыдливостью и одеты солнечным лучом; преобладающий их костюм – это нагота. Но вы еще ничего не сказали об их женщинах. Неужели вы будете настолько галантны, что станете уверять, будто эти кумушки, так пестро увешанные целыми километрами бус, кажутся вам привлекательными и грациозными?

– И здесь, как и у нас, мода имеет свои, зачастую весьма странные требования! Странными, конечно, можно назвать эти фантазии, созданные страстью к наряду и украшениям у

этих первобытных детей экваториальной прерии!

Между прочим, трудно составить себе представление, до какой степени доходит у этих женщин любовь к бусам.

Бусы – это, так сказать, их единственное украшение и даже единственное одеяние. Это главный предмет их вожделений, ради обладания которым они соглашаются на какую угодно работу, не боятся усталости и утомления, предпринимают дальние путешествия, даже не останавливаются перед убийством ради того, чтобы отнять бусы и завладеть ими.

Какое счастье, какая неопишуемая радость для этих дикарок иметь возможность показаться униженной бусами, с тангой, увешанной теми же бусами и столь малых размеров, что ее едва хватает на самое элементарное прикрытие, которым, однако, довольствуется их стыдливость! Какое упоение иметь тысячи и тысячи этих цветных зерен, из которых они изготавливают себе ожерелья, браслеты, пояса. Целые километры бус, как говорил Шарль, они наматывают себе на шею, на грудь, руки, на икры так, чтобы быть увешанной ими с головы до ног и задыхаться под их тяжестью.

Даже мужчины разделяют с женщинами это пристрастие к бусам и нередко носят десятки рядов бус в виде перевязи через плечо или по большому ожерелью в пять – шесть рядов бус на каждом плече, а также на шее.

Особенно поразила француза манера втыкать булавки в нижнюю губу, так что головки их приходится к зубам, острия же торчат наружу. Целых четыре, пять и шесть булавок тор-

чат из губы, и этот вид самоукрашения применяется одинаково и мужчинами, и женщинами.

– Что за дикая фантазия! – не мог не воскликнуть наш оптимист Маркиз. – Я готов согласиться, что булавки необходимы. Но почему бы не вкалывать их, ну, хотя бы в ткань их калимбэ, вместо того, чтобы уродовать себе рот?!

– А потому... – хотел было возразить Шарль и вдруг прервал себя на полуслове. – Да вот, посмотрите! – добавил он, громко рассмеявшись.

– Ах, черт возьми! Да... это уж не столь живописно! – согласился Маркиз при виде того, как один из индейцев, осторожно взяв двумя пальцами конец этой единственной принадлежности своего костюма, наклонил голову и громко, с видимым удовольствием высморкался в него.

– Теперь мне все ясно! Невозможно, чтобы носовой платок служил в то же время и подушкой для булавок, но нельзя сказать, чтобы это было опрятно! Счастье еще, что у него калимбэ достаточно велика, и все они очень часто купаются. А кстати, скажите, почему эти калимбэ, или турури, – видите, какие успехи я делаю в местном наречии, – почему они не одинаковой величины у всех, а у одних длиннее, у других короче?

– Право, не могу вам сказать! Спросите Хозе.

– Ну-ка, скажите мне, сеньор Хозе, почему это так?

– Размеры этого одеяния соответствуют достоинству того лица, которое его носит. Как видите, есть турури величиною

чуть не с ладонь, и есть такие, которые почти волочатся по земле.

– Вот как! Значит, и здесь существует известная иерархия!

– Несомненно!

Встретив у индейцев довольно холодный прием, наши путешественники, после бесконечных переговоров и торга, обменяли свои бусы, разменную монету этих мест, на свежие продукты и простились с малоками. Индейцы, встретившие путешественников без особой радости, так же равнодушно отнеслись и к их уходу.

Эти жители внутренней части страны, в противоположность береговым жителям, опаленные беспощадным экваториальным солнцем, как бы застыли в своем невозмутимом равнодушии ко всему окружающему.

На следующий день маленький отряд путешественников ночевал под открытым небом. Вот уже четверо суток, как они были в пути. Они все шли вдоль Кунт-Анау и видели уже вдаль темную линию Сиерра да Луна, Лунных гор. Далее предстоял путь уже на пирогах через пороги этой капризной реки, при условии, конечно, что местные речные жители согласятся одолжить свои лодки.

Путники расположились в небольшой рощице лиственных тенистых деревьев. Громадный костер, яркое пламя которого далеко разбрасывалось во все стороны, освещая кругом густой мрак ночи, служил и для приготовления пищи и

для отпугивания хищных зверей, довольно часто встречающихся здесь.

Кругом костра были развешаны девять гамаков, привязанных к стволам деревьев. Четыре больших четырехугольных ящика и целый ряд объемистых тюков расположены в строжайшем порядке у костра, так что могли служить людям сидениями.

Над огнем весело кипел медный котелок, а металлический кофейник пускал из носка свою тонкую струйку пара. На разостланном перед костром одеяле чинно расставлены четыре белых жестяных тарелки и такое же блюдо; тут же разложены ножи и вилки, отсвечивающие металлическим отблеском при пламени костра. Это – стол, сервированный для трех белых и мулата, неисправимых сибаритов!

Подле гамаков прислонены к стволам деревьев четыре добрых ружья, и на них привешены четыре пояса с патронташами и тесаками в кожаных ножнах. Немного подалее – луки и стрелы в пучках, и тут же куи, то есть кисеты с кремнем, огнивом и запасом древесного пуха. Здесь же и ожерелья, и маленькие мешочки с красящими веществами для праздничного туалета щеголих и щеголей-туземцев.

И вот Маркиз, караван-баши маленького отряда, возглашает во всеуслышание, что ужин готов.

Едят медленно, не торопясь: ночь предстоит длинная, а потому каждый старается продлить, насколько возможно, незатейливый пир.

А вот и торжественный момент кофепития, сигарет и долгих разговоров, предшествующих отходу ко сну.

Индейцы, более чем когда-либо флегматичные и угрюмые, уничтожили свои порции с жадностью голодных зверей, облизались несколько раз, несколько раз щелкнули зубами, глотнули, сопровождая этот процесс своеобразными гримасами, – и все было кончено.

Затем каждый из них изготовил себе по паре деркели, особого рода примитивных сандалий или туфель из древесного лыка, как это у них вообще в обычае.

Получив по чашке излюбленной тафии, индейцы лениво тащатся к своим гамакам, не проронив ни слова, не поблагодарив за угощение ни единым звуком, ни единым движением.

Впрочем, не все; один из них, который, по-видимому, принял на себя серьезную миссию, вместо того чтобы идти ложиться, подошел к группе белых и стал перед Шарлем, ожидая, чтобы тот обратился к нему с расспросами.

– А, это ты, Клементино, – сказал молодой человек, – что тебе?

Индейцы охотно носят португальские имена, которыми они в сношениях с белыми заменяют свои туземные прозвища, и с гордостью откликаются на них даже и среди своих, если хоть один раз побывали в обществе белых людей. Выказывая по отношению к белым величайшее презрение и пренебрежение, они тем не менее прежде всего спешат узнать их

имена и тотчас же присваивают их себе, щеголяя ими среди своих в родной деревне. Этим объясняется, что часто в самых отдаленных и глухих деревнях, далеких от всяких цивилизованных центров, вы встретите туземцев, зовущихся Ма-ноэль, Антонио, Жуан, Бернардо или Аугостиньо.

На вопрос Шарля Клементино отвечал коротко:

– Я хочу уйти!

– Как, уйти теперь?.. Почему?

– Мы идем слишком далеко!

– Но ведь ты и твои товарищи обещали сопровождать нас еще в течение трех дней пути!

– Это правда, но это слишком долго – еще три дня!

– Если вы самовольно уйдете, то не получите обещанного вознаграждения!

– Это ничего, мы все-таки уйдем!

– Сейчас же?

– Да!

– Но послушайте, ведь это же безумие! Подождите до завтра: ты проводишь нас к индейцу, который должен снабдить нас пирогами!

Клементино на это ничего не ответил.

– Знаешь ты этого индейца?

– Да.

– Кто он такой?

– Это мой дядя!

– Так почему же ты не хочешь повидаться с ним?

– Он – канаемэ!

– Что ты городишь! Здесь нет никаких канаемэ!

– Все, кто убивает, те канаемэ!

– Тот, кого он убил, этот твой дядя, был тебе друг или родственник?

– Да, это был мой брат!

– Хм, черт возьми! Значит, твой дядя ужасный негодяй.

Клементино пожал плечами и с величайшим равнодушием прошептал:

– Да, негодяй!

– А ведь ты говорил, что он твой друг?

– Да, это правда, он мой друг!

– Ты говорил, что долго жил с ним?

– Это правда, я долго жил с ним.

– Даже и после того, как он убил твоего брата?

– Да, господин!

– И ты не подумал отомстить за брата?

– Я не знаю! – отозвался Клементино удивленно, по-видимому, совершенно недоумевая, что это значило – отомстить.

– Так, значит, потому только, что твой дядя канаемэ, ты не хочешь проводить нас к нему?

– Я не знаю!

– Да ведь ты только что сказал мне это!

– Да, господин!

И Клементино вопреки всякой логике продолжал говорить как автомат, причем доводы Шарля не поколебали в

нем его животного, бессмысленного упорства.

Шарль, которому удалось привязать к себе тапуйев, береговых индейцев, и завоевать симпатии славных и умных мундуруку, совершенно не понимал этого умышленного ту-поумия. Ни он, ни его товарищи не могли уяснить столь удивительной разницы между людьми одной и той же расы, живущими на сравнительно незначительном расстоянии друг от друга и при условиях, мало чем отличающихся одни от других.

– Я сильно опасаюсь, – проговорил он по-французски своим товарищам, – чтобы нам вскоре не пришлось рассчитывать исключительно на свои собственные силы!

Затем он снова обратился к Клементино.

– Но послушай, ты окончательно решил уйти?

– Да!

– И твои товарищи тоже?

– И мои товарищи тоже!

– Остайся хоть до завтрашнего вечера! Согласен?

– Не знаю.

– Я дам каждому из вас вдвое больше, чем было условлено.

– Да, господин!

– Ну, значит, я могу рассчитывать на тебя.

– Да!

– Ну, и прекрасно... Теперь иди спать!

Поутру Маркиз проснулся первым, и крик удивления и

негодования невольно вырвался у молодого француза: ночью индейцы собрали свои пожитки, захватили оружие, кисеты, свернули свои гамаки и бесшумно удалились. Ушли даже без заработанной ими платы, так как белые, опасаясь дезертирства, догадались прибрать ящики и тюки под свои гамаки.

Глава VIII

Обретение одной пироги. – Дерево для весел. – На Куйт-Анау. – Маркиз ошеломлен полученными сведениями. – Нет багра. – Импровизированная кузница, молот и наковальня. – Леса. – Каким образом Шарль одним выстрелом отсекает лиану. – Ловля пираруку. – Рыба весом в пятьдесят килограммов и длиною в три метра. – Маркиз очень доволен тем, что ему предстоит сделаться коптильщиком. – Неожиданное посещение. – Кайман. – Смертельная опасность. – Страшная борьба. – Подвиг Винкельмана. – Врукопашную с кайманом. – Эльзасец уверяет, не без основания, что кайман – та же ящерица.

Дезертирство индейцев паоксиано не вызвало даже и тени ропота или возмущения; все предвидели это и ожидали, но несколько позднее, правда. Впрочем, тащить за собой против их воли людей по совершенно дикой местности – это скорее стеснительно, затруднительно, а главное, создает ежеминутную тревогу и беспокойство.

Лучше уж разом покончить с этим. С неожиданным уходом индейцев все решилось само собой. Оставалось только сказать им вслед: «Добрый путь!»

Позади было уже более чем сто километров – как раз треть расстояния, отделяющего Боа-Виста от гор, где, по словам Хозе, находятся целые леса хинных деревьев. Оставалось

всего около недели пути.

Для людей сильных, акклиматизировавшихся, привычных к усталости и той пище, какую можно было раздобыть в этих краях, подобная экспедиция не представляла собою ничего необычайного, не считая неожиданных случайностей. До сего времени все шло как нельзя лучше.

В самый день побега индейцев Хозе, который прекрасно помнил дорогу, случайно нашел в конце одной пикады, лесной тропы, проложенной индейцами и упирающейся в Куйт-Анау, кем-то брошенную пирогу, наполовину занесенную илом.

Это туземное судно не пострадало от продолжительного пребывания в тине и иле, и его плотные и твердые, словно кость, стенки из ствола итаубы превосходно устояли против переменного действия на них то солнца, то воды.

Изготовить четыре весла из дерева ярури было весьма не трудно, так как оно превосходно колется и поддается обработке, и вместе с тем чрезвычайно прочно и упруго. Винкельман, Шарль и мулат за час вполне успешно справились с этим делом, в то время как Маркиз занялся очисткой пироги и погрузкой в нее ящичков и тюков.

Как только все было готово, тотчас же и отчалили от берега. Шарль и эльзасец, привыкшие к работе и не любившие щадить своих сил, принялись гребти, как настоящие негры бош, эти удивительные, прирожденные гребцы на реке Марони. Сеньор Хозе, рана которого едва успела зажить, пра-

вил, ловко проводя пирогу по извилинам реки, по бесчисленным каксоейрам, загромаждающим ее течение, и мимо лежащих на пути громадных стволов деревьев.

Но зато, как бы вознаграждая за трудность плавания по Куйт-Анау, эта река предоставляла в утешение путешественникам невероятное обилие рыбы. Это был настоящий «живорыбный сад», в котором кишат сотни и тысячи суруби, жандия, тукунаре и громадных чудовищных пираруку.

Это обилие превосходнейшей рыбы являлось, конечно, весьма ценным дополнением к провиантским запасам путешественников, которым нельзя было не воспользоваться.

Хозе, опытный и страстный рыболов, горько сожалел об отсутствии приспособлений для рыбной ловли, которой можно бы было заняться теперь же. Ему иметь бы хоть простой гарпун, и он управился бы и с ним. Но увы! Даже и того у них нет.

– Гарпуна у нас действительно нет, мой бедный друг, – сказал Шарль, – но будьте спокойны, мы вскоре найдем лиану нику и опьяним реку!

– Что? Опьянить реку? – воскликнул Маркиз с комическим возмущением и недоумением. – Превратить всю эту безвредную и безобидную воду в хмельную влагу, от которой вся рыба станет мертвецки пьяна?!

– Да, и вы увидите всю эту рыбу, катающуюся в воде, как настоящие гуляки, перепившиеся по неосторожности так, что хмель ударил в голову!

– Я хотел бы видеть подобное зрелище!

– Ничего не может быть легче, мой милый Маркиз!

– Как? Неужели это правда? Такая же правда, как в книгах?

– Даже больше! Достаточно взять одно из растений, одаренных этим свойством опьянения!.. То, о котором я только что упомянул, – бобовое растение, называемое туземцами никоу или нуку. Его нарезают на куски, длиною в шестьдесят сантиметров приблизительно, и затем раздавливают их между камнями, а сок, получающийся при этом, смешивают с водой в реке, которая тотчас же окрашивается в слегка беловатый цвет. Через четверть часа вы увидите, как все рыбы заволнуются, точно ошалевшие, закачаются, зашатаются, как пьяные, и, наконец, останутся неподвижными на спине. Тогда их остается только брать голыми руками.

– Это что-то невероятное!

– Если бы у меня был только гарпун или острога, – снова вздохнул Хозе, возвращаясь к своей первоначальной мысли, – я бы в десять минут изловил вам пираруку, в двадцать пять фунтов, без всякой возни со стряпней из нуку.

– Мне кажется, уж не так трудно раздобыть для вас острогу, – проговорил Винкельман своим обычным, несколько глухим голосом, вероятно, глухим вследствие того, что он вообще был не очень говорлив, а когда говорил, то всегда как будто неохотно.

– В таком случае, не откажите!

– Но для этого пришлось бы пожертвовать одним из наших ружейных шомполов!

– Ну, это не беда! – сказал Шарль. – Наши четыре карабина все одного калибра, и нам вовсе не нужно четырех шомполов!

– Прекрасно! В таком случае, будьте добры пристать к берегу!

Спустя две минуты пирога пристала к берегу и причалила к какому-то кусту.

– Ну, а теперь – огня!

Пока Маркиз пошел собирать валежник, выбивать огонь и разжигать хворост, эльзасец выбрал ствол срубленного дерева, вонзил в него лезвие одного из топоров и, указав на его обух, сказал присутствующим:

– Вот вам и наковальня!

– Ну, а молот? – спросил Маркиз.

– А молотом будет обух другого топора!

За несколько минут тонкий железный прут шомпола раскалился докрасна. Тогда новоявленный кузнец положил раскаленный конец на свою наковальню и принялся мелкими, частыми ударами выковывать его, постепенно сплющивая, на подобие острия пики, затем, благодаря особой ловкости, ухитрился выделать две бородки, снова положил железо в огонь, заострил конец и, наконец, отсек верхнюю часть железного прута изготовленного им гарпуна на высоте десяти сантиметров.

– Вот вам и острога, Хозе, – сказал он, – и всего каких-нибудь десять минут работы... Хотите, я сделаю еще одну?

– Нет, благодарю, одной будет вполне достаточно! – отвечал мулат, удивленный проворством и искусной работой. – Ну, а остальное уж мое дело!

– А древко?

– Да вот один из этих бамбуков прекрасно может пригодиться для этой цели... затем несколько сажен бечевки – и все тут...

– Да, бечевки... а где у нас бечевка?

– Бечевку изготовить не трудно. Но так как у меня нет времени, чтобы свить ее из пиассабы, то я просто отрежу такую полосу от своего пояса!

– Превосходно! Вы находчивы!

– А вы-то! – воскликнул Маркиз. – Вы просто удивительны, мой друг! Где вы только научились такому искусству и такой ловкости?

– В ужасной школе, господин Маркиз, где я слишком долго пробыл, к великому моему несчастью! – ответил бедняга, страшно побледнев.

– Какая оплошность с моей стороны! – с огорчением воскликнул про себя добросердечный Маркиз, которого Шарль подтолкнул локтем, предупреждая, но, увы, слишком поздно, чтобы не напоминал несчастному о его прошлом, о долгих годах каторги и его преступлении, так давно искуплен-

ном и заглаженном.

К счастью, неожиданное происшествие вскоре прервало тягостное, неловкое молчание, последовавшее за неосторожным вопросом Маркиза, который, как человек тактичный, не стал усугублять тяжелого впечатления неуместными извинениями.

Пирога в данный момент находилась перед небольшим порогом, по ту сторону которого раскинуло свою зеркальную и ровную поверхность серебристое озеро, обрамленное с юга цепью гор.

– Эй, осторожнее, весла! – командует Шарль, когда пирога взлетает на гребень порога.

Вследствие довольно быстрого в этом месте течения потребовалось более четверти часа, чтобы вывести пирогу в тихие и спокойные воды озера.

– Ах, черт возьми! Ведь я забыл главное!

– А что такое?

– Да лесу, чтобы привязать к древку моей остроги!

– А у нас ни клочка бечевки!

– Неужели же нам из-за этого придется отказаться от удовольствия положить себе на зуб вкусный кусочек пираруку? – воскликнул Маркиз, всегда готовый полакомиться.

– Боюсь, что да, по крайней мере в настоящий момент!

– Ба! – воскликнул Шарль. – Тонкая, длинная лиана, гибкая и мягкая, тоже может пригодиться для этой цели и вполне сойдет за бечевку! Ну, а лиан здесь больше, чем надо: ви-

дите, как они спускаются в невероятном количестве с самых вершин деревьев и висят до земли?! Стоит только выбрать ту, которая нам больше приглянется, начиная от громадных, толщиной с руку, и кончая тоненькими волокнами, как соломинка.

– Но вы забываете, что достать их не так-то легко: тонкие-то свешиваются с высоты пятнадцати – двадцати метров! – заметил Маркиз. – Не каждый сможет, даже будь он ловок, как обезьяна, взобраться на эти деревья толщиной с башню и совершенно лишённые нижних ветвей!

– Это вовсе не так хитро, как вы думаете, господа! Это дело всего трех-четырех секунд.

– Вы, конечно, шутите, мосье Шарль!

– Ничуть! Вот смотрите!

С этими словами молодой человек взял свое ружье, медленно вскинул его к плечу, внимательно нацелился на одну из крепких, но тонких лиан, спускавшихся с поперечных ветвей дерева из середины чудесного букета орхидей в полном цвету. Раздался резкий, короткий звук выстрела, и лиана, отсеченная пулей, словно ножом, со свистом падает прямо в пирог, а вместе с тем с вершины дерева с шумом и оглушительным криком срывается целая стая туканов, многоцветных попугаев и тому подобное.

– Вот вам и требуемая леса, Маркиз! – говорит Шарль самым спокойным голосом, выкидывая пустой патрон.

– Поразительно! – воскликнул молодой парижанин. – Вот

бы поглядел на вас наш капитан Филь-де-Фер, мой бывший ротный командир! Ловкач, нечего сказать! И у нас были лихие молодцы, но и лучшие из них – перед вами сущие младенцы!

– Вы льстите, мой друг, и преувеличиваете сложность подобного выстрела, более поразительного с виду, чем трудно-го на самом деле! У меня на Арагуари любой из индейцев проделал бы подобную штуку... и они считают это за суший пустяк!.. Вам этой лианы достаточно, Хозе?

– Вполне, сеньор! Эта лиана, несмотря на то, что она так тонка и гибка, смело выдержит вес человека!

В одну минуту Хозе укрепил свою острогу на древке, а к древку привязал лиану и встал на носу пироги в классической позе заправского гарпунщика.

На лодке все хранили строжайшее молчание. Никто не шелохнулся, все знали, что пираруку – рыба весьма чуткая и недоверчивая, даже и там, где за нею обычно не охотятся.

Опытный глаз рыбака заметил впереди легкую рябь на поверхности воды и едва видимую пенистую борозду. Сильным, уверенным движением рыбак бросает вперед свою острогу, которая, просвистев в воздухе, исчезает в пенящемся водовороте, образовавшемся на том месте, где раньше едва заметно рябилась вода.

– Ну вот! – разочарованно восклицает Маркиз, полагая, что Хозе промахнулся.

Но мулат, не проронив ни слова, быстро начал сдавать ли-

ану, свернутую на дне пироги; бамбуковое древко остроги колышется, ныряет, вертится, опять ныряет и снова появляется.

Маркиз, все более удивленный и недоумевающий, сообщает, однако, что рыба, по-видимому, поймана. Но почему же Хозе не тащит ее из воды?

А Хозе, не спуская глаз со своей ласы, продолжает еще некоторое время ее травить, потом вдруг начинает ее постепенно выбирать из воды, но осторожно, без сотрясений, так, чтобы это было незаметно для рыбы, которая все время бьется, выбиваясь из сил.

Несмотря на всю силу сопротивления, оказываемого рыбой, мулат все-таки ухитряется подтянуть добычу настолько, что ее можно схватить рукой.

Маркиз, с лихорадочным вниманием следящий за перипетиями этого лова, видит, что рыба на одно мгновение показывается над водой, и не в состоянии удержаться от невольного крика восторга при виде громадных размеров этого чудовища.

– Эх, черт возьми! Откуда мы возьмем багор, чтобы вытащить эту громадину?!

В этот момент рыло и голова рыбы показывается из воды, и Винкельман, не теряя ни секунды, наносит сильный удар веслом по голове и разом оглушает рыбу. Теперь остается только втянуть эту тушу на пирогу, что для силача эльзасца уже совсем не трудно, несмотря на то, что рыба весит никак

не меньше пятидесяти килограммов и достигает длины около трех метров.

Пятьдесят килограммов веса!.. Три метра длины!.. Маркиз едва верит своим глазам и невольно оглашает воздух громким, торжествующим «ура!».

Его товарищи, привыкшие к такой добыче, с улыбкой следят за его энтузиазмом, не выражая со своей стороны ни малейшего волнения.

– Нет, вы, право, удивительные люди, – обращается к ним Маркиз, – и я не знаю, чему мне больше дивиться: вашему ли равнодушию или ловкости и искусству моего милого товарища Хозе! Но могу вас уверить, что знаю десятки парижских рыболовов, которые наделали бы несравненно больше шума из-за простого пескаря! Вот чудесная-то рыбина!.. Какая красивая окраска!.. А чешуи-то... Право, не меньше лепестков артишока! Мастерский удар, милейший Хозе! Вы всадили свою острогу как раз в самые ребра, а между тем ничего не могли видеть, когда кидали острогу; вы кидали ее просто наугад!

– Что вы хотите, сеньор Маркиз, – дело привычки! – скромно отозвался мулат, приготавливая снова свое орудие ловли.

– Как? Неужели вы собираетесь продолжать эту ловлю?

– Да, нам не помешает еще одна такая рыбина. Ведь в ней будет порядочно всяких отходов, так что чистого мяса у нас останется не более тридцати килограммов! Надо пользовать-

ся случаем: ведь как знать, будет ли и дальше такая рыба!

– А разве вы рассчитываете сохранять ее более или менее продолжительное время?

– Да, конечно!

– Я очень хотел бы знать, каким это способом; ведь у нас нет даже соли, чтобы засолить такую тушу!

– Каким способом? Да самым простейшим – копчением!

– А и в самом деле! Как я об этом не подумал! Я, видите ли, всякими ремеслами промыслял, а коптильщиком еще никогда не был и буду весьма рад научиться и этому делу.

– Потерпите немного, а главное, помолчите некоторое время: я снова начинаю! – сказал Хозе и опять занял прежнее место на носу пироги, внимательно вглядываясь в малейшую рябь воды впереди или по бокам лодки, выдающую подводные движения рыб.

И вот во второй раз мулат мечет свою острогу, которая со свистом исчезает под водой в том месте, где она слегка крутится и пенится.

Но странное дело, до слуха ловца донесся своеобразный звук, словно острие остроги ударилось о какой-то твердый предмет, и в тот же момент древко, которое Хозе не успел еще выпустить из руки, разом переломилось. Эта неожиданность заставляет мулата потерять равновесие, и он делает неловкое движение, взмахивает руками и грузно падает в воду. В тот же момент громадная пасть раскрывается как раз над тем самым местом, где только что скрылся Хозе. Две

огромные челюсти с целым частоколом страшных зубов с шумом раскрываются и захлопываются, но, к счастью, слишком поздно, чтобы схватить несчастного. Темная, покрытая скользкими щитками спина каймана показывается над водой из-под волны, что разбивается под килем пироги.

– Несчастный! – восклицает Маркиз, обезумев от ужаса и ища вокруг себя оружие.

Шарль содрогнулся и, схватив свое ружье за ствол, готовился ударить каймана прикладом по голове, но, к несчастью, приклад застрял под рыбой, и его не так-то скоро вытащишь из-под этой тяжелой туши.

В этот момент Хозе показывается над водой и кричит голосом, полным смертельного ужаса:

– Помогите!.. Кайман!..

– Не робей!.. Держись! – отозвался Винкельман и, держа в одной руке свой тесак, а в другой какой-то объемистый сверток, кинул на чудовище в ту минуту, когда оно уже разинуло пасть, чтобы схватить несчастного мулата. С удивительным хладнокровием и ловкостью эльзасец кидает прямо в раскрытую пасть крокодила свой сверток, который оказывается свернутым гамаком, и одновременно с этим вскакивает сам верхом на шею чудовища.

Безобразное животное с жадностью хватает плотную ткань гамака, в которую врезаются его острые, как железные гвозди, зубы. И так как с этой странной добычей кайман не

может уйти под воду, не рискуя захлебнуться, и выплюнуть эту добычу тоже не может, потому что зубы его завязли в плотной ткани, то он отчаянно изворачивается и со всей силой бьет хвостом по воде, стараясь сбросить с себя человека, усевшегося ему на шею. Но напрасны все его усилия! Атлет Винкельман, который некогда на уликах Кайены один на один схватился с бешеным быком, вырвавшимся с бойни, повалил его и убил на месте ударом кулака, Винкельман не выпустит и крокодила.

Сдавленный коленями эльзасца, словно железными тисками, кайман издает глухой хрип и на мгновение перестает вертеться и наносить бешеные удары хвостом по воде. Этим мгновением пользуется Винкельман и, приняв более устойчивое положение на спине крокодила, быстро вонзает ему свой тесак чуть не по самую рукоятку сначала в один, а потом и в другой глаз.

Струя черной крови брызгает из широко раскрытых орбит чудовища, образуя большое темное пятно на поверхности беловатых вод озера. Обезумевший от боли, смертельно раненный кайман, которому конец тесака прошел в самый мозг, бессознательно вздымается до половины из воды, точно становясь на дыбы, и запрокидывается на спину.

Отважный спаситель, не дожидаясь этого, проворно соскальзывает вдоль спины чудовища в воду, ныряет, подплывает под пирогой и появляется за ее кормой. Ухватившись одной рукой за борт, он спрашивает:

– А Хозе?

Маркиз, бледный, как полотно, стуча зубами, протягивает обе руки мулату, чтобы втащить его в пирог, а Винкельман с помощью Шарля медленно высовывается из воды, переносит ногу за борт лодки и весь мокрый молча присаживается на среднюю балку.

– Ну что? Не повредил он вам? – спрашивает он у Хозе без малейшего волнения, как будто ровно ничего не случилось.

– Самую малость! – отвечает оправившийся от страха мулат. – Он ударил меня только хвостом по ногам, но это было такое ощущение, словно меня ударили палкой по ним: они как будто разом отнялись! А вы? Если бы не вы, мне бы не сдобровать. Это чудовище растерзало бы и сожрало меня в одну минуту... вы не пострадали?

– Ни на столько! – отозвался Винкельман, показав на кончик ногтя.

– Я, право, не знаю, как мне вас благодарить, сеньор... Я абсолютно не понимаю, ни что я делаю, ни что говорю... Знаю только одно, что вы спасли мне жизнь!..

– Полноте, это сущие пустяки... в нашем положении нельзя же выручить друг друга в подобных случаях... о чем тут говорить? А вы что делаете, господин Маркиз?

– Я восхищаюсь вами, Винкельман! И вы находите еще время заботиться и думать о других после такой удивительной цирковой штуки! Нет, это, право, что-то невероятное!

– Но не стойте же с обнаженной головой, вы, пожалуй,

схватите так солнечный удар!

– А вы сами?

– Ну, я – дело другое! Я почти туземец, и мой череп, не хуже черепа любого индейца, привык к солнцу!

– Тысячи громов! Что у нас за славный товарищ, друзья! И как я счастлив, Винкельман, что имею возможность пожать вашу руку.

– Что касается этого, господин Маркиз, то эта радость вполне обоюдна!

– Ай, ай... не так сильно, мой милый! Вы не человек, а настоящий ворот! В другой раз я протяну вам не руку для пожатия, а кулак: он будет менее чувствителен!

– И я, Винкельман, сердечно благодарю вас, – проговорил Шарль своим ровным, спокойным и сдержанным голосом. – Благодаря вашему геройскому поступку, нам удалось избежать большого несчастья. Это еще одно доброе дело, которое зачтется вам, когда мы вернемся в Гвиану! Вы уже знаете, что я хочу этим сказать!..

– Значит, вы довольны мною, мосье Шарль, и думаете, что мой бедный Фриц будет счастлив?..

– Как вы можете меня спрашивать об этом, мой славный Винкельман!

– А если так, с вашего разрешения, не будем больше говорить об этом! Все, что я слышу, полностью ошеломляет меня: у меня даже в глазах мутится... А вот Хозе следовало бы дать чашку тафии, а то он, как видно, хлебнул лишку воды,

и с ним что-то неладно, как я вижу!

– Как! – воскликнул Маркиз. – Не говорить больше об этом! Да только об этом и следует говорить!

– Нет, нет. Это, право, не стоит того, и в сущности кайман этот – не что иное как та же ящерица! – заявил скромный эльзасец, стараясь отвлечь от себя всеобщее внимание и умалить по возможности свою заслугу.

Глава IX

Копчение. – Дело мастера боится. – Мародеры. – Ягуары-рыболовы. – Пристрастие хищников, малых и больших, к рыбе. – Привлеченные запахом муким. – За добычей. – Винкельман на страже. – Первый нападающий. – Ягуар-стратег. – Кража двадцати фунтов рыбы. – Пойманный за хвост. – Кто одолеет: человек или хищный зверь? – Убит. – Это не более как кот! – Покидают пирогу. – Тяжелый груз. – Индеец. – Из-за пятикопеечного зеркальца. – Предварительный уговор.

Жители тропической части Америки сохраняют продукты своей охоты и рыбной ловли простейшим и вернейшим способом – копчением.

Этот достаточно известный способ состоит в том, что развешивают рыбу или мясо, подлежащее хранению на более или менее продолжительное время, над костром из зеленых ветвей и сырого дерева, которые дают наибольшее количество дыма. Им и обкуриваются обрабатываемые продукты.

Это, в сущности, тот же способ копчения рыбы и ветчины, который практикуется повсеместно в цивилизованных странах.

Но само копчение, применительно к обстоятельствам, происходит несколько иначе.

Устраивают муким, как выражаются жители берегов Амазонки, – громадный костер, сооруженный из четырех жер-

дин, поддерживаемых вилообразными подпорами, на которые накладывают эти жердины. Подпоры втыкают в землю, образуется правильный четырехугольник. Затем на жердины накладываются древесные прутья. Это сооружение должно быть не выше поларшина от земли.

Костер, который заранее раскладывают под этим примитивным сооружением, состоит исключительно из мелких зеленых ветвей, но не из любых, так как в этих лесах немало деревьев, которые при горении издадут такое зловоние, что мясо и рыба становятся совершенно непригодны в пищу. Наоборот, другие древесные породы придают окуриваемым продуктам особенно приятный вкус, и опытные жители лесов прекрасно знают особенности тех или иных видов горючего материала.

Мясо или рыбу раскладывают на прутья в строгом порядке и зажигают зеленый костер. Тогда требуется особенное внимание. Нужно все время поддерживать ровный огонь, не давая ему ни слишком разгораться, ни гаснуть, и то умерять, то поджигивать его, смотря по надобности, чтобы первоначально подвергнуть окуриваемые продукты некоторой сушке, не допуская затекания или обжаривания их.

Само собой понятно, что мясо или рыба, подвергнутые жару костра, теряют известную долю содержащейся в них влаги и, кроме того, прокоптившись, могут долго сохраняться.

Такое копчение весьма часто применяется местными ин-

дейцами, когда они, опьянив какой-нибудь ручей или речку, выловят из нее огромное количество рыбы или перебьют целое стадо черных свиней, или пекари, или же убьют тапира. Тогда устройство мукима является для индейцев настоящим празднеством, шумным предвкушением грандиозного обжорства, опьянения кашири и неистойвой пляски.

Трудно себе представить что-либо более захватывающее и странное, нежели это сооружение среди леса! Кругом темная ночь, треск костра; густые клубы дыма носятся в воздухе. Красноватый отблеск огня играет на красных лицах индейцев, опьяненных запахом кашири, прокопченного мяса, танцующих, точно бесноватые, под звуки своего вибрирующего глухого тамбурина или барабана, гулко разносящиеся по лесу в ночной тишине.

Несравненно менее шумно и более спокойно совершалось копчение у наших четырех путешественников, а главное – гораздо прозаичнее и менее колоритно с точки зрения любителей местных красот.

Пираруку, распластанная пополам вдоль хребта и натертая индейским перцем, была бережно разложена на прутьях. Маркиз в качестве простого помощника коптильщика разжег мелкие зеленые веточки костра, расположенного под рыбой.

– Вот и все?.. – спросил он, когда пламя охватило веточки, образовав как бы сплошной красный огненный ковер – с таким искусством был разложен Шарлем этот низкий квад-

ратный костер.

– Да, все!

– В таком случае нам остается только сложить руки и ждать этого вкусного обеда, а затем, пообедав всласть, завалиться спать!

– Эх, черт возьми, как у вас это все скоро делается! Напротив, теперь-то и необходимо величайшее внимание, чтобы поддержать повсюду ровный огонь, подправлять его там, где он начинает затухать, раскладывать там, где он начинает разгораться, иначе вы рискуете испортить окончательно всю эту превосходнейшую рыбу.

– Прекрасно! Теперь я понял! Мы будем сторожить костер поочередно и будем всячески остерегаться, чтобы не заснуть!

– Вот именно; с этого вы и начните свое обучение ремеслу копильщика, под благосклонным руководством Хозе, а мы с Винкельманом тем временем займемся приготовлением обеда.

– Охотно! Таким образом у меня не явится намерение заснуть, как тогда на паровой шлюпке! Впрочем, здесь это менее опасно, чем там, не правда ли? Крокодилы, и живые, и мнимые, остались там в озере?.. Брр!.. Отвратительные животные!.. Меня кидает в дрожь, как только я вспомню о них!

– Крокодилы-то действительно остались там, но зато ягуары здесь.

– Как? Здесь есть ягуары?

– Здесь, как и везде в этой стране.

– Эх, черт!.. Я их видел в Париже в зоологическом саду...

Они показались мне не особенно приветливыми!

– О!.. Вы не преувеличивайте их кровожадности! Наши ягуары довольно трусливы и в общем, можно сказать, безобидны до тех пор, пока не ранены. Не было случая, чтобы они первые нападали на человека!

– А когда они ранены?

– Ну, тогда они, действительно, становятся чрезвычайно свирепы, можно сказать ужасны!

– Значит, они главным образом опасны, как мародеры?

– Вот именно! Запах копченого привлекает их, и они, без сомнения, станут бродить вокруг, с удивительной смелостью подходить к самому костру и стараться стащить самый лучший кусок и умчаться с ним во всю прыть.

– Не может быть?!

– Нет, это именно так, как я говорю!

– Даже и копченую рыбу они уносят?

– Копченую рыбу в особенности!

– Вот странный вкус!

– Совсем не такой странный, как вам кажется! Ягуар, видите ли, даже предпочитает рыбу мясу. Я сам не раз видел, как они терпеливо лежали по несколько часов на берегу ручья или реки и с невероятной ловкостью вылавливали прямо из воды молодых пираруку, тукунаре или ширанья весом в несколько килограммов!

– А, впрочем, почему бы и нет? Ведь наши кошки тоже любят рыбу и нередко браконьерствуют на реках. Я видел это не раз у нас в Европе!

– Во всяком случае, мы будем хорошенько сторожить свою рыбу. Огонь костра не всегда в достаточной степени отпугивает этих лакомок, которые, ради удовлетворения своего аппетита, рискуют иногда обжечь себе лапы и опалить усы!

Действительно, сторожили усердно, до одиннадцати часов ночи. Четвероногие мародеры, привлеченные вкусным запахом копченой рыбы, но вместе с тем и весьма трусливые по природе, довольствовались тем, что жалобно выли в лесу, сначала вдаль, а затем мало-помалу подходя ближе к притягательному центру, о чем можно было судить по все крепнущему хору этих невидимых хористов.

Около полуночи, прозванной баснописцем «часом преступлений», очередь сторожить пришла Винкельману.

Еще менее нервный, чем Шарль и Хозе, эльзасец, смотревший в высшей степени добродушно на все случайности кочевой жизни в диких лесах, слушал рассеянным ухом эту ночную симфонию.

Кто прожил многие годы среди девственных лесов, тот невольно становится невероятно равнодушен ко всевозможным опасностям, что совершенно непонятно для европейца, недавно прибывшего в эти дикие края. Путешественник, пропитанный насквозь страхами и опасениями, внушенными

ми ему цивилизацией, не может на первых порах понять сосуществования человека с дикими зверями, пресмыкающимися и опасными насекомыми, свирепость которых почему-то принято страшно преувеличивать.

Только впоследствии он разубеждается во всех этих сказках и приучается смотреть трезво на вещи, признавая за каждым из этих животных только действительные его свойства и качества и отвергая все беззастенчивые преувеличения.

Винкельман, присев на своем гамаке, рассеянно и безучастно поглядывал кругом, останавливая главным образом свое внимание на коптящейся рыбе и следя несравненно больше за огнем костра, чем за скрытыми маневрами ягуаров.

Впрочем, сейчас еще нечего было опасаться. Глухое рычание и протяжное завывание раздавалось из леса, а ягуар всегда смолкает, как только отваживается на грабеж, к которому у него вообще большая склонность.

Но между тем все-таки воцарилась сравнительная тишина. Из этого эльзасец заключил, что, вероятно, в самом непродолжительном времени огромные куски рыбы подвергнутся нападению.

– Эти мерзкие твари ни за что не хотят оставить нас в покое! – прошептал он себе под нос. – Вон там один присел и сидит, точно большой кот перед мышьиной норой; выжидает, разбойник!.. А глаза горят во тьме, точно две свечи. Будь

я такой стрелок, как господин Робен, я бы, не долго думая, разом погасил эти огоньки одним выстрелом. Но к чему напрасно подымать шум и будить всех, когда они так сладко и так мирно спят!.. Впрочем, погодите, голубчики! Эй! Подожди, любезный!..

Последние слова были уже обращены к громадному ягуару, который, осмелев вследствие царившей кругом тишины, осторожно выбрался из чащи, крадучись пробрался вперед и подполз, распластавшись по земле, насторожив уши, нюхая воздух и пожирая глазами добычу.

С присущим ему невозмутимым спокойствием, Винкельман покидает свой гамак, проворно и неслышно делает семь – восемь шагов, отделявших его от костра, наклоняется, хватая горящую головню и смело идет навстречу мародеру.

Ягуар останавливается, шипит, как рассерженная кошка, пятится назад при виде горящей головни, которая угрожает опалить ему морду.

– Ну, марш в свою берлогу! Живо, негодяй этакий! – шутиливо кричит эльзасец, и человеческий голос, действующий на животное словно какой-то талисман, вернее чем головня обращает ягуара в бегство. Испуганное животное, услышав окрик Винкельмана, разом поворачивается и удирает со всех ног, как молодой козленок.

Рассмеявшись добродушно тому, что он задал разбойнику такого страха, Винкельман не спеша направляется к своему гамаку, как вдруг картина разом меняется. Его добро-

душный смех сменяется крепким ругательством.

– Черт возьми! – восклицает он. – Да что же это такое?!

В то время, как он так победоносно отражал первого нападающего, другой за его спиной неслышно подкрадывается к лакомому куску, осторожно протягивает к нему лапу и одним махом тащит чудеснейший кусок рыбы, весом фунтов в двадцать! Как видно, ягуары знакомы со стратегией.

Винкельман, взбешенный тем, что эти мерзавцы так обошли его, одурачив как новобранца, кидается вперед с такой кошачьей ловкостью, какой трудно было ожидать от человека столь могучего сложения.

Маркиз, этот профессиональный гимнаст, был бы поражен быстротой и легкостью движений, если бы видел их.

Одним прыжком эльзасец очутился подле ягуара как раз в тот момент, когда вор, схватив добычу, уже готовился удрать вместе с нею. Он уже начал отступление: высоко подняв голову, напрягая мышцы задних ног, выпрямив хвост, он готовится сделать первый громадный прыжок и скрыться с добычей в чаще, чтобы потом пуститься наутек с быстротой лани.

Но Винкельман успел схватить его за хвост и мигом останавливает вора на месте.

Однако вор и тут не хочет выпустить своей добычи, как и Винкельман не хочет выпустить хвост, который он зажал в своих руках, как в железных тисках.

Ягуар шипит, упирается, рычит и тянет что есть силы. Винкельман ругается и тоже тянет хвост на себя, как насто-

ящий ворот.

Обезумев от бешенства и боли, как животное, пойманное в капкан, ягуар, поняв, что ему таким образом не одолеть этого врага, наконец решается выпустить изо рта рыбу, которую он роняет на землю. В тот же момент он оборачивается и, оскалив зубы, приложив уши к затылку, готов раздробить своими мощными челюстями смельчака, который решился связаться с ним. Но Винкельман не бросил своей головни.

С быстротой и находчивостью привычного охотника он сует эту горящую головню в самую морду разозленного зверя, который вдруг громко взвыл от боли и стал дико вырываться, так как Винкельман все не выпускал его хвост.

Тут происходит что-то невероятное: этот человек, обычно столь степенный и угрюмый, которого это положение, одновременно и смешное, и ужасное, ни мало не смущало, вдруг громко рассмеялся, как мальчишка, прищемивший хвост кошке в дверях.

– Попляши, негодяй! Попляши!.. Если твой хвост не переломится, то я тебя, голубчик, хорошо проучу: не скоро ты меня забудешь!.. Не будешь воровать в другой раз!

Вдруг ягуар взвыл еще громче, еще ужаснее. Шарль, Маркиз и Хозе сразу проснулись и, выскочив из своих гамаков, схватились за ружья.

– Ягуар! Это ягуар! – воскликнул Маркиз.

– И Винкельман борется с ним! – взволновался Шарль.

Все трое разглядывают неописуемое зрелище и останав-

ливаются в нерешительности, борясь между желанием разразиться смехом и страхом, внушаемым им этой сценой.

– Держитесь, Винкельман! – крикнул Шарль, вскидывая к плечу свое ружье. – Я сейчас уложу его на месте!

– С вашего разрешения, я и сам с ним справлюсь!.. Мы славно посмеемся, вот вы увидите, – продолжал эльзасец, все с тем же невозмутимым спокойствием. – И так как вы теперь все трое на ногах, да еще при оружии, то ничего опасного быть не может, а я попробую пустить в ход свои десять пальцев!

С этими словами он выпускает из рук свою головню, хватая хвост ягуара обеими руками и, сильным ударом опрокинув животное на спину, тащит его по земле сажени две, затем, не давая ему времени очнуться и собравшись с силами, одним взмахом поднимает животное в воздух и, покрутив его над головой, несколько раз ударяет с размаха о ствол дерева.

– Готово, – говорит он, – если только у него ребра не железные.

Три крика удивления приветствуют этот неповторимый фокус. Ягуар бьется в конвульсиях; кровь хлещет ручьем из его пасти, и, наконец, у него вырывается последний предсмертный хрип.

– Вот и кончено! – говорит атлет с детской радостью, тогда как Маркиз бормочет:

– Убить ягуара, как зайчонка!.. Нет, это невозможно! Это

я вижу во сне!

– Ба! – говорит пренебрежительно Винкельман. – Да он весит не больше ста кило! Кроме того, ягуар в сущности тот же кот!

– Да, да... ведь и крокодил, по-вашему, тоже в сущности та же ящерица, не правда ли?

– Ну, конечно!

– Как бы то ни было, а я все-таки еще раз скажу вам, что вы – славный товарищ и человек, каких мало!

– Да полно вам; каждый делает что может: ведь не мог же я дать этому разбойнику утащить половину нашей провизии! Посмотрите-ка, господа, он, кажется, не повредил ее... Надо только снова положить кусок над костром!

Этот инцидент не имел особых последствий. Ягуар, убитый таким своеобразным путем, был оставлен на месте, в распоряжении муравьев. Рыба, согласно правилам, прокоп-тилась в течение двенадцати часов, затем весь маленький отряд вернулся на пирогу.

Как и говорил Хозе, который до этого времени следовал знакомой ему дорогой, в скором времени они должны были расстаться с водным путем. Действительно, пришлось оставить пирогу и, взвалив на себя и поклажу, и съестные припасы, пешком тащиться по кампо.

Как ни привычны были к трудностям пути наши четверо путешественников, все же эта перспектива была не из приятных. Свернутый гамак, ружье, патронташи и запасные за-

ряды, смена одежды и белья, съестные припасы – все это, взятое вместе, составляло порядочный груз, который неминуемо должен был замедлять путешествие и сделать поход несравненно более утомительным и трудным.

Тогда Шарль, всегда стремившийся к простейшим решениям, предложил оставить все лишнее, а взять с собой только гамаки, ружья, патронташ и по десяти килограммов провизии на брата. Все уже были готовы согласиться на эту жертву, когда увидели неподвижно стоящего, подобно каменному изваянию, индейца, молча смотревшего на них.

– Вот удача! – воскликнул радостно Маркиз. – Если этот господин не один, может быть, нам удастся уговорить его и товарищей нести за нами нашу поклажу, отдав ему за труды часть тех мелочей, которые мы собирались бросить здесь.

– Да, пожалуй! – согласился Шарль и обратился к краснокожему, продолжавшему стоять без движения, опершись на свой большой лук. – Ты кто такой?

– Я из племени атторрадис! – ответил индеец, не шелохнувшись.

– Атторрадис! Знаете вы их, Хозе?

– Да, сеньор! Это племя, рассеянное вдоль гор Сиерра да Луна, от истоков Куйт-Анау до матто-жераль (большого леса).

– Прекрасно! Можно на них положиться? Способны они оказать какую-нибудь услугу белым за известное вознаграждение?

– Вы знаете уже жителей этой страны, сеньоры, и эти атторрадис – не лучше и не хуже других! Немного вороваты, ленивы и склонны к дезертирству, как все остальные. Впрочем, сколько я припоминаю, они не канаемэ.

– Отлично! Если за ними приглядывать так, чтобы они этого не замечали, они могут быть вполне подходящими носильщиками. Знаете вы несколько слов на их языке?

– Да, сеньор! Все общеупотребительные слова их наречия мне известны!

– Чего же лучше?! Не согласитесь ли вы вступить с ним в переговоры и предложить ему и еще нескольким людям его племени сопровождать нас.

– Охотно! Эй, приятель, скажи, ты здесь один? – обратился Хозе к индейцу.

– Нет, остальные там, в малока!

– Сколько человек?

Краснокожий поднял свою правую руку, растопырив на ней все пальцы.

– Это во всем мире означает пять!

– Хорошо, этого достаточно! Я знаю атторради, которых называют атторради малого каймана, и эти белые люди их друзья! – сказал мулат.

Индеец медленно сделал головой знак согласия.

– Так приведи сюда тех, что в малока!

– Зачем?

– Для того, чтобы нести в панаку (корзинах) все эти вещи,

которые ты видишь здесь!

– Нести? Куда?

– Туда! – сказал Хозе, указав рукой на восток.

– Это слишком далеко!

– Нет, всего только пять суток!

– А-а... а что нам дадут за это белые?

– Бус, чтобы вы могли себе сделать танги, ножи, крючки для рыбной ловли.

– Покажи! – прервал его индеец, впервые обнаружив что-то похожее на интерес.

Шарль, которому Хозе последовательно переводил дословно ответы индейца, раскрыл один из небольших ящичков и достал из него наугад пригоршню различных предметов, от которых у индейца глаза разгорелись.

– Те, что в малока, придут, – сказал он после довольно продолжительного созерцания предметов, очаровавших его взор: – но надо, чтобы белый дал мне что-нибудь!

– Пусть так! – сказал Шарль, обрадованный этим быстрым решением вопроса.

– Вот тебе, приятель! – подал он индейцу маленькое пятикопеечное зеркальце.

Не успел дикарь получить этот предмет, назначение которого было ему совершенно неизвестно, как тотчас же издал пронзительный звук, что-то среднее между криком и свистом, приблизил зеркальце к своему лицу и, увидав в нем свое отражение, выпустил из рук и свой лук и пучок стрел и

принялся выделывать какие-то бешеные движения.

– Теперь он весь наш! – сказал Маркиз, изучая с видом знатока этот образец местного хореографического искусства.

Между тем индеец вторично издал тот же звук, но еще громче, еще пронзительнее, и снова продолжал свой дикий, исступленный танец.

– Это наивное дитя прерии, мне кажется, весьма веселого нрава, – серьезно заметил по этому поводу Маркиз, – и я никак не мог предполагать в нем такой живой восприимчивости и впечатлительности после той невозмутимости и холодного бесстрастия, которыми он поразил нас в первый момент!

– Подождите еще пока высказывать о нем свое суждение, господин Маркиз! Вы только впоследствии убедитесь в его хитрости и коварстве, чтобы не сказать более!

Внезапное появление пяти индейцев, одетых, подобно первому, в одно простое калимбэ, с большим луком в руке и традиционным пучком стрел, прервало замечание Хозе.

Человек, получивший зеркальце, увидел их в тот момент, когда они вдруг появились из чащи кустарников, моментально прервал свои упражнения, громко окликнул их и, что-то проговорив на своем наречии, поднес каждому к самому носу свое зеркальце, с восхищением любуясь их недоумением и удивлением. В заключение он повесил это зеркальце к своему ожерелью из зубов тапира.

После того между индейцами завязался бесконечный разговор. Вопреки их привычкам, они говорили чрезвычайно быстро и многословно, попеременно указывая то на белых, то на зеркальце, то на тюки, то на восток, и в конце концов, по-видимому, пришли к соглашению.

Атторради согласились сопровождать белых до их малока.

Теперь начинаются главные переговоры, но уже с помощью кашири.

Впрочем, Шарль, привыкший ко всем этим тонкостям индейского обращения, надеется поскорее покончить с опьянением, бывшим неизбежным следствием неумеренного употребления этого отвратительного напитка.

Глава X

Конец кампо. – Матто-жераль, или большой лес. – Весьма покорные и податливые, когда они терпят нужду и лишения, индейцы становятся совершенно невыносимыми, когда питаются хорошо и сытно. – Тропа в девственном лесу. – Маркиз на пути страданий. – Отчаяние. – Все хуже и хуже. – Рой безумных мух. – Маркиз требует или железной дороги или хотя бы простого трамвая. – Сокровища тропической флоры. – Неожиданность. – Хинное дерево. – Мнимое хинное дерево. – Новая надежда – новые силы. – Каскарильеро.

Переговоры, начатые под кровом малоки атторради, окончились благопрятно. Индейцы, прельстившись будущими дарами белых, согласились сопровождать их в течение пяти суток по направлению к востоку. Шарль вручил каждому из них, в качестве задатка, по горсти бус, по паре ножниц, по карманному ножу и по несколько крючков для рыбной ловли.

Но, несмотря на их настоятельные просьбы, он не согласился дать им по зеркальцу: вручение этого столь ценного в их глазах предмета было отложено им до того момента, когда все обязательства, принятые ими на себя, будут исполнены.

Атторради, вынужденные признаться, что белый прав, не соглашаясь уплатить им вперед, нагрузили свои панаку (корзины) и отправились в путь, не удостоив своих жен и детей,

оставшихся в малоке, ни единым ласковым словом на прощание.

Четверо суток они бодро шли по кампо, которое постепенно начинало меняться; появился кустарник, местами прерии пересекались холмами и возвышенностями, на которых росли все более и более высокие деревья.

Затем им пришлось переправиться через две больших реки, идущих прямо с юга к северу, которые здесь известны под названием Репунины и Кужунины. Шарль не без основания думал, что это два притока Эссекуибо, главной реки английской Гвианы.

Постепенно путешественники приближались к Сиерра да Луна, где Хозе рассчитывал встретить виденные им здесь хинные деревья.

Вскоре они покинули кампо, непрерывно тянувшееся от самого Рио-Бранко. После прерии пошел ряд плоскогорий, все более и более лесистых, представляющих собою предгория Сиерры. Приходилось взбираться по крутым скалам, спускаться по каменистым уклонам, в глубокие рвы и овраги, в непроходимые серрадос (джунгли), переправляться через пересохшие ручьи; там и сям встречались узкие луговины; затем вдруг перед путешественниками встала темная и мрачная стена леса, которому, казалось, и конца не было.

Это и есть матто-жераль, великий лес, покрывающий все пространство вплоть до Тумук-Хумука и до самого Атлантического океана, то есть на протяжении приблизительно де-

вятисот километров.

Индейцы были в восторге. Принужденные до сих пор довольствоваться небольшой порцией маниоковой муки и копченой рыбы, они надеялись теперь угоститься тем, что им мог дать этот девственный лес, этот земной рай для охотников, где в изобилии встречается всякая дичь. До сего времени они не проявляли ни малейших признаков неудовольствия или злой воли и, по-видимому, даже не помышляли о дезертирстве, стоически перенося все трудности и лишения пути.

Шарль, для которого это отступление от общего правила было хорошим предзнаменованием, уже начал надеяться, что ему удастся удержать еще на некоторое время при себе этих полезных помощников, соблазнив их обещанием новых щедрот.

Но Хозе, знавший их лучше, советовал Шарлю не полагаться на них, как только они очутятся в лучших условиях и станут питаться сытнее и вкуснее.

Примечательно, в самом деле, что индейцы вообще гораздо благоразумнее, сговорчивее и даже менее склонны к дезертирству, охотнее исполняют возложенные на них поручения и обязанности, когда они голодают в течение двух-трех дней. Когда они сыты и ни в чем не нуждаются – совсем другая картина. Как это ни странно, но это так.

Вот эти сыны кампо легким и бодрым шагом, с веселыми и довольными лицами, вступают в матто-жераль.

Впрочем, каждый индеец чувствует себя дома в первозданном тропическом лесу. Невероятно любопытно видеть, как ловко и проворно он пробирается, точно змея, между непроходимыми зарослями кустов, нигде не оцарапав себе даже тела, тогда как белый человек на каждом шагу оставляет клочья своей одежды.

В самом деле, нет ничего более утомительного и изнурительного, чем путешествие по девственному лесу для человека непривычного, и бедный Маркиз испытал это на себе.

Между тем индейцы, со свойственным им удивительным чутьем, вскоре нашли тропу, одну из тех незаметных глазу дорог, проложенных такими же индейцами, которые для них являются настоящими большими дорогами. Там, где белый не видит ничего, кроме непроходимой чащи лиан и гигантских деревьев, преграждающих путь, индеец узнает след, по которому идет шаг за шагом, не уклоняясь в сторону, совершенно так, как если бы эта дорога была обозначена вехами или придорожными столбами.

Шарль, Винкельман и мулат свободно лавируют среди всех этих встречающихся на каждом шагу препятствий, которые доводят бедного Маркиза до отчаяния.

Бедняга запутывается в лианах и падает во весь рост носом вниз, с трудом подымается, но шипы зацепляют его шляпу и срывают ее на ходу. Он старается стащить ее с сука, но сук вдруг отскакивает с силой стальной пружины и закидывает шляпу на несколько сажень в сторону, в самую глубь ча-

щи.

В то время, как он старается достать оттуда свой головной убор, его спутники успели уже порядочно уйти вперед, и Маркиз потерял их из виду. Он оборачивается назад, сбивается с тропы, теряет даже само направление и идет уже в противоположную сторону.

Его окликают, он отзывается, его начинают искать и, наконец, находят, и тогда только он убеждается, что шел обратно к Рио-Бранко. Он отчаянно ругается, проклинает судьбу и совершенно не может понять, каким образом нарывается все время на такие препятствия, тогда как его товарищи идут вперед почти так же свободно и спокойно, как и в саванне.

Но иногда девственный лес становится жесток и по отношению к привычным людям, столько лет бродившим по нему.

Бывает, что едва вы ступили ногой на какую-то колючку, которая проколола вам сапог, как уже хватаетесь одной рукой за ближайшую ветку, но и эта ветка усажена колючками, которые вонзаются вам в руку. Поупражнявшись некоторое время таким образом, вы оказываетесь начинены сотнями колючек.

Вдруг тропа прерывается сплошной густой растительностью, и вам приходится далеко забегать вперед, чтобы найти ее вновь и по ней продолжать путь. Наконец, тропа отыскивается, но только в ста метрах от того места, где вы стоите.

Оказывается, что тропа раздвоилась, но что оба следа далее соединяются и идут в одном и том же направлении.

Что же делать? Индейцы ушли вперед. Они должны указывать путь и нести поклажу, а белые стараются поспевать за ними как умеют. Кричат, ищут тропу, снова теряют и опять находят и в конце концов нагоняют своих носильщиков.

В сущности, эта тропа ничего не стоит. Она, можно сказать, сомнительна даже для индейцев, которые теряют ее пятьдесят раз в день. Ее преграждают упавшие деревья, часто свалившиеся одно на другое, колючие кустарники образуют настоящие баррикады. Глядя на эти громадные обрушившиеся стволы, страшно удивляетесь, как еще они не придавили вас.

После шести часов такой ходьбы, Маркиз больше не может справиться с собой. Эти непрерывные препятствия, эти падения, царапины, уколы, удары, толчки, эти хлестания ветвей и лиан, бьющих его по лицу и по ногам, доводят его до отчаяния. Его темперамент, превосходно мирящийся с серьезными опасностями и лишениями, с голодом, холодом, жаждой и даже с физической болью, приспособлен к активной борьбе, но никак не может примириться с этими ежеминутными раздражениями, растрavляющими его нервы и доводящими его до состояния, близкого к отчаянию.

Полусмеясь, полусердясь, он изливает свое желчное настроение и по-своему мстит предательскому лесу, осыпая его ругательствами, хотя лес, по-видимому, не внимает ему

и, вероятно, еще долгие годы не намерен изменить ни своего внешнего вида, ни своего характера.

– О тропическая природа, которую так превозносят писатели и художники, которую они изображают нам такую прекрасную, как мало ты похожа на эти описания, на эти чарующие картины! Полный терний, колючек и игл, сырой и темный, как подвал, но жаркий и удушливый, как парник, этот сказочный тропический девственный лес – грязен, неопрятен, нечесан и не умыт, как старое безобразное чудовище. Таковым ты и представляешься мне, и таков ты и есть на самом деле! – говорил Маркиз. – Вы смеетесь, мосье Шарль, а я бешусь и чувствую, что становлюсь глуп, вынужденный плестись таким образом шаг за шагом, не в состоянии думать ни о чем другом, как только об этих шагах. В былое время, когда я был солдатом, я делал трудные переходы, с ранцем и мешком за спиной, во всей амуниции; но тогда по крайней мере мы знали, куда идем! Поешь, шутишь, болтаешь и шагаешь себе мерно в ногу с товарищами, и если заморишься, то все-таки по-человечески, чувствуешь усталость, но на душе легко и спокойно. А здесь это какое-то обезьянье ремесло!

Все ваши способности вы должны напрягать на то, чтобы не разбить себе голову, не выколоть себе глаза, не поломать себе ноги. Все ваши физические и душевные силы должны быть направлены только к одной цели – цели самосохранения. Вы должны, опустив голову, перебираться через одно

препятствие, чтобы не проглядеть как-нибудь другого; оберегать голову, чтобы не удариться ею о сук, и в то же время остерегаться, чтобы вас не задел лист, режущий, как пила, и при всем этом наткнуться на шипы и колючки, которые вонзаются вам в руки, и в грудь, и в спину и царапают вам лицо и спину; огибать овраг, чтобы ввалиться в трясину! Этим всецело должен быть поглощен ваш ум, все ваши помыслы и чувства в течение шестидесяти минут в продолжение часа и двенадцати часов в продолжение дня!

Но вскоре жалобы Маркиза поневоле должны были прекратиться, так как лес стал в полном смысле непроходим не только для него, но и для его товарищей и даже для самих индейцев.

Матто-жераль становился все чаще и чаще, все темнее и темнее.

Опустив низко голову, согнув корпус, с громоздкими корзинами за плечами, почти ползком, на животе пробирались индейцы под громадными стволами упавших деревьев или плелись вразброд по болотистым низинам и трясинам и волей-неволей были принуждены замедлить свой шаг.

Вот длинная лиана захлестнулась за ногу одного из них, и он упал лицом вниз. Другой отбивается от терновника, который всадил ему свою комочку посредине спины, из которой так и бежит кровь. Тот, что идет впереди, так сказать, проводник, сбился с тропы и разыскивает ее в чаще, расчищая себе путь тесаком. Ветка, которую неосторожно выпу-

стиль из рук четвертый, перескакивая через какое-то препятствие, сильно ударила по лицу пятого.

Даже Шарль, этот совершенно индианизированный европеец, полетел вниз головой в громадный куст марипа и теперь барахтался в нем, стараясь избавиться от колючей ветки, которая рвет ему рубашку и панталоны. Его шляпа повисла на длинной гибкой ветке. Один из индейцев, пытаясь ее достать, взобрался на груды старых, упавших древесных стволов. Но стволы эти прогнили, и едва человек успел взобраться на них, как вся эта баррикада рухнула под ним, и он скрылся, поглощенный тучей трухи и пыли, и всполошил целый рой самых отвратительных пауков, червей, тысячножек и скорпионов.

Это казалось уже верхом всяких злоключений, но нет!

В этот самый момент раздается откуда-то громкий, повелительный голос, голос Винкельмана:

– Не шевелитесь никто! Стойте неподвижно! Шершни-меченосцы!

Дело в том, что эльзасец случайно ткнулся ногой в куст, к стволу которого прилепился как бы громадный нарост или лишай, гнездо ужасных, гигантских ос, величиною с палец, выразительно названных гвианцами «мухами-без-ума».

Гнездо, состоящее как бы из тонкого картона сероватого цвета около метра в диаметре, было чудовищно по величине. Озлобленные осы шумным роем высыпали из него целыми полчищами, наполняя воздух своим громким шипением и

жужжанием и кружась вокруг неподвижно стоявших людей, затаивших дыхание, старающихся не моргнуть даже глазом, чтобы не раздражить свирепых насекомых. Шарль застыл в своем кусте, Маркиз лежал на животе, Хозе – на спине, индейцы в самых фантастических позах. Все словно окаменели на месте среди жужжащего и тревожно носящегося кругом них роя ос.

Одно неосторожное движение – и тысячи ужасных острых жал в один момент вонзятся в несчастных путешественников. Но благодаря своевременному окрику, так спокойно и властно брошенному Винкельманом, опасность была предупреждена. После томительной четверти часа, проведенной всеми в полной и мучительной неподвижности, свирепые насекомые, привыкшие к частым обвалам старых стволов, вызывающих сотрясение их гнезда, мало-помалу успокоились и стали возвращаться в свое потревоженное гнездо, не найдя ничего подозрительного в этих неподвижных фигурах.

Тогда осторожно трогаются с места и путешественники.

– Однако, долго ли еще нам предстоит так маяться? – спрашивает Маркиз, совершенно выбившись из сил. – Если это еще долго будет продолжаться, то я стану и не двинусь с места до тех пор, пока правительство не проведет здесь железную дорогу или хотя бы трамвай!

– Еще сутки, сеньор Маркиз! – говорит Хозе. – Как вы видите, девственные леса всегда по краям так непроницаемы и так непроходимы на протяжении приблизительно двадцати

километров.

– Ну, а дальше?

– А дальше уже будет настоящий «великий лес», где почва почти совершенно обнажена, где идти удобно и свободно между высокими и чистыми стволами, где почти нет этих проклятых кустарников и терновника!

– Но ведь и здесь же есть высокие и чистые стволы, да еще и весьма приличной толщины! Право, черт возьми, какие красивые деревья! Как вы зовете их?.. Что касается меня, то для меня они все похожи одно на другое!

– Я, видите ли, знаю только те простые названия, под какими их отличают здесь местные жители!

– Все равно, назовите их, мне интересно знать, а я тем временем вытащу из себя эти десятки игл и колючек, которыми я весь начинен.

– Да вот это «пао до Брайзиль», называемый туземцами ибиранитанга... Это и есть то знаменитое бразильское дерево, из которого добывается красная краска. А вот дерево луков или ииэ, а рядом с ним, – массаран-дуба, ствол которого, достигая тридцати метров, дает гуттаперчу. Сок, вытекающий из его ствола, сладок, как сахар.

– И его можно пить?

– Конечно, он очень вкусен!

– Ну, так попробуем, хотя бы только из любопытства! – сказал Маркиз, делая глубокий надрез своим тесаком в коре лесного великана.

Белая жидкость, с виду похожая на сливки стала стекать в подставленную под надрез чашку, и восхищенный парижанин погружает свои губы в эту жидкость с видом разлакомившегося кота, который добрался до чашки с молоком.

– Продолжайте, друг мой, – сказал Маркиз, – у вас превосходная манера знакомить с ботаникой, и вы увидите, как мне пойдут впрок ваши наставления!

– Вот там видите вы итаубу?

– Да, это то самое «каменное дерево», из которого сделаны бока уба наших мнимых кайманов-любителей!

– То самое!

– Превосходное дерево!.. По меньшей мере три метра в объёме... Не дурной размер... А вот то другое дерево, у которого такой большой коричневого цвета плод?

– Его называют гвианцы канаримакак.

– А-а, это обезьянья кастрюлька, не правда ли?

– Да, сеньор! А вот абиаурана, дающая превосходные плоды, так же как и соседнее с ним дерево кожасейро, на котором растут эти красивенькие ягоды, называемые в Гвиане «Венериными яблочками».

– Какая жалость, что мы не можем взобраться так высоко, чтобы достать их! – заметил Маркиз. – Какое чудное угощение, а приходится от него отказаться!

– Да, что поделаешь... А вот, если это вас может интересовать, и «железное дерево», или панакоко гвианцев; муирапинима или «черепашье дерево», одно из красивейших де-

ревьев, особенно ценимых красnodеревцами. Вот драгоценное дерево, кора и душистые семена которого идут для аптекарских целей и для парфюмерных изделий. Вот «фиолетовое дерево», называемое так потому, что имеет великолепный темно-фиолетовый цвет. Тут смотрите – «атласное дерево» светло-желтого цвета, блестящее и душистое.

Вдруг мулат прерывает этот интересный перечень, и невольное удивление вырывается из его уст. Он кидается вперед в самую чащу, невзирая на преграждающие ему путь лианы, тернии и пиловидные, зубчатые листья кустарников. Спустя минуту он возвращается обратно и радостно восклицает:

– Какое счастье! Вы не угадаете, что я сейчас нашел?

– Быть может, хинное дерево! – с некоторым сомнением говорит Шарль. – Но нет, это невозможно? Мы сейчас едва ли на 600 метрах высоты, а хинные деревья встречаются не ниже, как на 1200 метрах высоты!

– Может быть, это не настоящее хинное дерево, но вид очень родственный ему и весьма даже близкий, это – «хина-свечка», кору которого постоянно примешивают недобросовестные торговки к настоящей хине.

– Эта кора не излечивает от лихорадки и с точки зрения врачебной совершенно ни к чему не пригодна, но присутствие этого дерева здесь предвещает, несомненно, что не особенно далеко отсюда и настоящие хинные деревья!

– От души желаю, чтобы это было так! – сказал Шарль,

внимательно разглядывая предложенные ему образцы.

– Я не сомневаюсь в этом, сеньор, – продолжал Хозе. – Как вы совершенно верно изволили заметить, мы еще не на достаточной высоте, чтобы встретить на этом плоскогорье настоящую хину! Нам надобно подняться выше, всего еще на каких-нибудь 400 или 500 метров, – и я готов отказаться от обещанного мне вами вознаграждения, если не позже как через два дня мы с вами не увидим и настоящие хинные деревья!

Эта уверенность Хозе придала всем новую энергию и бодрость.

Винкельман и Маркиз, оба весьма не сведущие в ботанике, внимательно разглядывают указанное дерево, чтобы уметь различать в свое время настоящие и ложные хинные деревья.

На вид это превосходное дерево величиною по меньшей мере в сорок пять метров с широкой, пышной кроной и беловатою корой, почти гладкой, на которой кое-где виднеются следы плесени или мха, но с большими желтыми пятнами своеобразного вида, слегка пузырчатыми и вздутыми.

Маленький караван продолжает продвигаться дальше, с нетерпением взбираясь на холмы, которые становятся все круче и круче.

Теперь ко всем трудностям, представляемым слишком обильной растительностью тропического леса, прибавилось еще утомление от частых и крутых подъемов. К тому же при-

ходится внимательно осматривать все эти тесно придвинувшиеся друг к другу деревья, образующие пеструю, разнообразную характерную массу зелени, ветвей и стволов.

Никто уже не заботится о тропе, по которой с невозмутимым спокойствием идут индейцы. Все уклоняются кто вправо, кто влево, но не удаляясь, однако, настолько, чтобы нельзя было слышать голоса товарищей, и по примеру лесных охотников время от времени окликают друг друга.

Трое белых и мулат, вооруженные тесаками, идут, то высоко подняв головы и стараясь распознать деревья по их листве и кроне, то низко наклоняясь к земле и отыскивая среди опавших листьев знакомые им овальные листки со вздутыми прожилками и пушистою нижнею стороною, как у настоящих хинных деревьев.

Таков, в сущности, обычный прием и профессиональных каскарильеров (искателей хинных деревьев) и, кроме того, единственный, возможный в большинстве случаев, когда бывает невозможно отличить эти деревья по их коре.

Не следует забывать, что очень часто нижняя часть стволов почти всех деревьев полностью покрыта растениями-паразитами: ароидами, повилками, орхидеями, бромелиями и т. п. Они взбираются по стволам сплошным плащом, увенчивая их цветами, увивая цепкими корнями и стеблями, окутывая покровом своей листвы так, что не остается никакой возможности распознать в лесу деревья по стволу.

Вместо того, чтобы продолжать держаться, как раньше,

на средней высоте, наши путешественники поднимаются теперь все выше и выше, чтобы как можно скорее достичь горных плато, высоту которых они определяют приблизительно в 1500 метров.

До этого времени все их поиски оставались почти совсем бесплодными. Только лишь кое-где им попадаются ложные хинные деревья. И сколько при этом грубых ошибок, сколько радостного волнения, сколько веселых возгласов, тотчас же умолкших! Но при всем том надежда на удачу в них крепнет; они почти не чувствуют усталости. Эти ложные хинные деревья, которые попадаются им изредка, являются для них как бы природными вехами и говорят о том, что они на правильном пути.

Усталые, утомленные, обливаясь потом, в изодранных одеждах, с исцарапанными в кровь лицами и руками, они удивляют даже самих индейцев. Которые теперь мало-помалу из головы колонны перешли в хвост.

Вскоре растительность заметно изменяется: вместо обычных растений долины появляются горные породы, встречающиеся исключительно только на большой высоте и требующие менее знойной атмосферы.

Лесная чаща заметно редет, жара становится менее томительной.

Солнце быстро садится, и его лучи бросают на вершины Сиерры огненный отблеск пожара.

Вдруг из чащи леса раздается радостный возглас; вслед за

тем веселая тирольская песня оглашает воздух. Это Маркиз, почти обезумев от радости, скачет, как школьник, приплясывает и поет во все горло, сзывая своих товарищей, которые сбегаются к нему со всех сторон.

– Что такое?

– Да, право, господа, смотрите, мне кажется, что на этот раз я выиграл двести тысяч! Хозе, друг мой, взгляните, пожалуйста, на эту ветку!

Мулат берет ее и вдруг бледнеет под своим загаром.

– Где же вы нашли это? – спрашивает он.

– Да всего в каких-нибудь ста метрах отсюда! Но мне это не стоило большого труда, и моя заслуга не велика, если только в этом есть хоть какая-нибудь заслуга.

– В самом деле? – вмешался Шарль.

– Я просто очутился среди целого леса совершенно однородных деревьев, вот таких, как этот образец.

– А знаете ли вы, что это такое?

– Настоящее хинное дерево – не так ли?

– Нет, даже лучше того, это самое лучшее из всех существующих видов хины. Это желтая хина¹⁴, самая драгоценная порода хины!

¹⁴ Эта порода хинного дерева дает от 30 до 32 граммов сернокислого хинина на килограмм коры.

Глава XI

История хины. – Знаменитое исцеление. – Вице-королева Перу. – «Порошок графини» стал «Порошком иезуитов». – Кондамин и Жозеф Жюссие. – Хина в Индии и на Яве. – Несколько слов о ботанике. – Каскарильеросы и обработка хинной коры. – Различные сорта хины. – Классификация. – Сбор, приготовление и перевозка коры. – Из девственных лесов – в аптеки. – Химический состав хины. – Превосходнейшее средство против лихорадки и малокровия. – Ее терапевтическое действие.

Прежде, чем продолжать рассказ о приключениях наших друзей, «искателей хинных деревьев», не безынтересно будет немного познакомиться с этим деревом и его продуктом, столь ценным по своим лечебным качествам, снискавшим ему мировую известность.

История хины, ее описание, производство, ее разновидности и свойства, ее употребление, думаем, будут здесь весьма уместны.

Впрочем, мы будем кратки.

По-видимому, целебные свойства хины против лихорадки не были известны инкам. По крайней мере, историки, повествующие о завоевании Испанией Мексики, ни разу не упоминают о ней.

Лишь между 1635, 1636 и 1637 годами впервые заходит

речь о хине.

Собственно, история открытия целебных свойств хины довольно туманна. Утверждают, будто один индеец, страдавший ужаснейшей болотной лихорадкой, проходя лесом, не нашел ничего, чем бы утолить мучавшую его жажду, кроме полупересохшей лужи, в которой валялось вырванное с корнем молодое хинное дерево. Больной с жадностьюпил эту горькую, как полынь, воду и после того оказался совершенно излечившимся от своей ужасной болезни.

Этот факт, действительный или вымышленный, имел место, как гласит предание, в вице-королевстве Квито, ныне республике Эквадор, между Куэнсою и Лохою. Как бы то ни было, коррегидор Лохи был уведомлен о качествах этого растения индейцами, правителем коих он являлся. Эти люди восторженно расхваливали ему действие целебного вещества.

Возможно, что это случайное открытие надолго осталось бы известно только в той местности, если бы одна знатная особа, вице-королева Перу, графиня д'Эль Кинчон не захворала в это время, то есть в 1638 году, страшной лихорадкой, которую она схватила в долине Лунахуана, на Тихоокеанском побережье.

Коррегидор Лохи, уведомленный о тяжелой болезни вице-королевы, сделал запас хинной коры, отвез его в Лиму и поручился своей головой вице-королю в целебном действии этой коры, которую он истолок в мелкий порошок и заставил

больную принимать в довольно больших дозах.

Стойкая лихорадка, грозившая унести больную, точно по волшебству отступила перед этим простым и бесхитростным средством, графиня д'Эль Кинчон словно чудом снова стала здорова и весела. Это чудесное исцеление, понятно, наделало много шума. О нем говорили повсюду, и вице-королева, вернувшись в Испанию, не преминула наделить лиц высшей испанской аристократии запасами хины, привезенной ею из Перу. Вскоре это лекарство, с отличной репутацией, стало распространяться среди населения Испании под названием «Порошка графини».

Спустя несколько лет иезуиты, основавшиеся в Перу, широко разрекламировали этот порошок, ввезли его в Рим и сделали его общераспространенным во всей Италии. Уничтожили наименование хинина или «хина-хина», под которым это целебное средство было известно индейцам, и назвали его лихорадочная кора. Но это название не удержалось за лекарством, и противолихорадочный порошок стал просто называться «Порошком иезуитов». Настоящее происхождение этого драгоценного лекарства оставалось, однако, по-прежнему, загадкой для врачей. Только в 1679 году англичанин Тальбот, который, по словам госпожи де Севиньи, продавал в Париже «Порошок иезуитов» по 400 пистолей за дозу, продал секрет этого порошка королю Людовику XIV за баснословную сумму.

Благодаря королю, который купил этот секрет для того

только, чтобы предоставить его во всеобщее пользование, хинин стал известен во всей Франции.

Кондамину, собственно, мы обязаны первыми точными сведениями о хинных деревьях и о тех местностях, где они встречаются.

Командированный вместе с Годэном и Бугэ в южную Америку, для измерения градуса меридиана, он воспользовался этой командировкой для изучения, с точностью истинного и серьезного математика, хинных деревьев долины Лохи, Куэнсы и Бранкаморо.

Согласно указаниям Жозефа Жюссие, ботаника, прикомандированного к их экспедиции, он описал подробно на месте первые хинные деревья, срисовал с природы все их органы, вернул им туземное, коренное название хина и издал свой труд в 1738 году, то есть ровно через сто лет после чудесного исцеления графини д'Эль Кинчон.

Исследования Кондамина были продолжены Жозефом де Жюссие, который оставался еще два года после его отъезда в Перу.

Благодаря трудам обоих этих ученых, благодаря их прекрасным и ценным описаниям и образцам хины, привезенным ими в Европу, хинин получил права гражданства в ботанике и был отнесен Линнеем к семейству мареновидных.

Жозеф де Жюссие не последовал за астрономами, командированными Академией, когда те возвращались во Францию. Прельстившись возможностью новых интересных от-

крытий в этой стране, совершенно неизвестной для науки, он проехал все Перу, достиг Боливии и вернулся на родину лишь в 1771 году, страшно расстроив себе здоровье, что помешало ему обнародовать свои наблюдения.

В 1776 году французское правительство поручило ботанику Домбэ продолжить труды Жозефа де Жюссие, но испанское правительство воспротивилось этой экспедиции, так как Перу находилось в его власти. Испанское правительство стремилось предоставить честь возможных новых открытий своим соотечественникам, задержало отъезд Домбэ и в то же время снарядило свою экспедицию под руководством двух известных ботаников Руиса и Павона.

Домбэ, вынужденный присоединиться к испанцам, побывал вместе с ними в стране хинных деревьев и сделал немало ценных открытий. К несчастью, власти, старавшиеся воспротивиться его поездке, помешали ему обнародовать свои открытия на пользу науки. Его очень ценные коллекции прибыли в Естественноисторический музей совершенно испорченными, раздробленными, что лишило его возможности обнародовать результаты десятилетних упорных трудов на благо науки и человечества.

Более счастливые Руис и Павон совместно выпустили в свет обширный труд под названием «Флора Перу и Чили».

До того времени местонахождение хины ограничивали исключительно только долинами Перу, когда Хозе-Селестино-Мутис, врач вице-короля дон Педро Массиа де ла-Серда,

открыл в Новой Гренаде, в окрестностях Санта-Фэ, хинные деревья, которым он приписывал совершенно идентичные и даже высшие качества, чем свойства хинной коры в долинах Лохи и Куэнсы.

Мутис жил еще в Санта-Фэ, когда великие путешественники, Гумбольд и Бонплан отправились из Европы в 1799 г. и прибыли в Картахену в 1801 году, посвятив весь предыдущий год исследованию бассейна Ориноко.

Воспользовавшись любезным гостеприимством Мутиса, они проехали через Новую Гренаду и Королевство Квито, северные провинции Перу и проследовали далее через Мексику, совершив одно из наиболее результативных путешествий современной эпохи и обогатив науку серьезными достижениями.

Ими были открыты и описаны новые виды хины, географическое положение этого полезного вида было точно обозначено впервые, и собраны новые данные и новые материалы для основательного изучения хинной коры. Таковы были в общих чертах результаты этой памятной экспедиции в той области, что нас в данное время интересует.

Мы напомним еще о славных именах ученых путешественников, посетивших впоследствии Новую Гренаду, Перу и Чили и обогативших науку новыми ценными вкладками и материалами. Это имена Пурди, Хартвега, Гудо, Линдена, Функа, Поппинга, Лехлера и др.

Вплоть до 1848 года Боливия оставалась неисследован-

ной. Ни Жозеф де Жюссие, посетивший эти дикие глухие места, ни Таддиес Хекко, его славный последователь, не оставили по себе следов и не познакомили нас со своими открытиями. Таким образом, в этой части Анд еще ничего не было сделано, а между тем теперь главным образом оттуда доставляется самая лучшая хина, и в наибольшем количестве. Только лишь после того Веддель, расставшись с экспедицией Кагельно, направился в эти края, не исследованные его предшественниками-хинологами.

Из этого путешествия он привез большой запас материалов и образцов, в том числе восемь новых видов настоящей *Cinchona*, описанных с особой тщательностью в его труде. Кроме того, он занялся еще микроскопическим изучением органов этого растения.

Тем временем случилось одно обстоятельство, которое ускорило изучение хинологии, сделавшей у нас и без того такие большие успехи.

Все путешественники, убедившиеся лично в варварском и хищническом способе эксплуатации хинной коры, указывали на опасность подобного образа действий каскарильеросов и выражали опасение, что со временем человечество, пожалуй, совершенно лишится этого драгоценного лекарства.

Первым это поняло голландское правительство и решило, что следует что-нибудь сделать для устранения этой опасности.

С этой целью оно командировало в Перу ученых, с пору-

чением привезти хинные деревья в нидерландские колонии и попытаться акклиматизировать их там.

Это вполне удалось. Молодые деревья были перевезены во многие местности Явы, где в настоящее время регулярно культивируются и плодотворно обрабатываются.

Прельстившись вскоре примером Голландии, Англия стала производить подобные же опыты.

В настоящее время англичане насчитывают миллионы вполне взрослых деревьев, дающих прекраснейшие сборы, и эти их прежние плантации стали теперь настоящими хинными лесами!

В заключение скажем еще, что все упомянутые в этом кратком историческом отчете ученые вносили новые достижения в развитие хинологии. Благодаря их работам была найдена возможность распознавать поступающую в продажу кору, что раньше казалось столь сложным и затруднительным.

Превосходный труд Говарда «Illustrations of Nueva Quinologia» не оставляет без ответа ни малейшего из вопросов, могущих возникнуть по этому поводу.

Ну, а теперь всего несколько слов относительно органографии рода *Cinchona*, прежде чем перейти к самому популярному ознакомлению с корой различных видов хины, обработкой и приготовлением.

Род *Cinchona*, помещенный Линнеем в семейство мареновых, представляет собою большие, высокие деревья или же

просто кустарники, в зависимости от того, на какой высоте они произрастают.

Листья, находящиеся друг против друга, как у всех мареновых, всегда целые, то есть без вырезов и зубцов, но весьма различны по величине, форме и пушке. Цветы расположены конусообразно, полузонтиками, иногда щитковидно, но чаще всего в виде метелки. Эти цветы белые, розоватые или пурпурные с приятным запахом.

Целебные свойства хины присущи всем ее видам, но виды эти весьма разнообразны, так что даже и опытные ботаники не в состоянии их различить с первого взгляда.

Хинные растения произрастают сами собой в Южной Америке, занимая обширный район, простирающейся вдоль длинной цепи Кордильер от 10° северной широты до 19° южной широты.

Здесь они встречаются повсюду, где высота местности создает благоприятную для растения температуру. Обычно их встречают на высоте между 1500 и 2400 метров, хотя многие виды прекрасно произрастают и на высоте 1200 метров. Гумбольдт встречал хинные деревья на высоте 2980 метров, а Кальдас – на высоте 3270.

На самой большой высоте они принимают уже вид кустов и деревцев; на средней высоте, наравне с деревьями тропических лесов, являются громадными деревьями, но с первыми признаками низменности они совершенно исчезают.

Горечь хины свойственна не только коре, а также, хотя и

в меньшей степени, цветам и листьям, которые, в случае надобности, также могли бы использоваться.

Но мы займемся пока исключительно корой, потому что только она вывозится в Европу и употребляется в качестве лекарственного средства.

Современные ботаники тщательно изучили характер и особенности этой коры, но, несмотря на это, до сего времени очень многое остается не выясненным. Кроме того, и сами химики во многом не согласны между собой, а потому и по сей час приходится еще различать эмпирически четыре категории коры:

1) «Серая хина», с ржавой корой, мало волокнистой, очень вяжущая, не сильно горькая, дающая буро-серый порошок, содержащий в себе много алкалоида, цинхонина и почти не содержащий хинина, следовательно, является скорее тоническим средством, чем противохоррадным.

2) «Желтая хина», не столь вяжущая и явственно горькая, дающая желтый или оранжево-желтый порошок, содержащий значительную дозу хинина и меньшую дозу цинхонина. Этот сорт хины скорее антихоррадное средство, чем укрепляющее и успокаивающее.

3) «Красная хина» с чрезвычайно толстой и пухлой корой, полуволокнистой, горькая и вяжущая, дающая красивый ярко-красный порошок, содержащий почти в равной мере и хинин, и цинхонин, следовательно, в равной мере и противохоррадный и укрепляющий.

4) «Белая хина», или кора овалолистной хины, покрытая белой кожицей, гладкой и плотно прилегающей; она дает серый порошок, содержащий в себе следы цинхонина и других близких к нему алколоидов, и ее едва ли можно считать противохороадочной.

Эта классификация чисто обывательская и не имеет научного обоснования, но ее достаточно для коммерческого обихода, а также и для обихода врачебного.

Что же касается перечисления 30 видов лекарственной хины и бесконечного числа ее ботанических разновидностей, то мы ограничимся упоминанием нескольких наиболее известных типов, чтобы скорее перейти к эксплуатации коры.

Одним из высших сортов серой хины является *cinchona cordifolia*, растущая в Новой Гренаде и Лохе; она дает от десяти до двенадцати граммов сернокислого хинина на каждый килограмм.

Относительно желтой хины, или калисайи, можно сказать, что ее кора по преимуществу является противохороадочным средством; она несравненно богаче хинином. Его добывают до 30–32 граммов из килограмма и кроме того 6–8 граммов цинхонина. *Cinchona succirubra*, из провинции Квито, может считаться прототипом красной хины, также укрепляющей и вяжущей. Эта драгоценная кора дает 20–25 граммов хинина из килограмма коры и 12–15 граммов цинхонина.

Другие разновидности, примыкающие к этим трем типам, весьма разнообразны в отношении количества лекарственного вещества, содержащегося в них, следовательно, также разнообразна и их стоимость на рынке. Перечисление их здесь было бы мало интересно.

Понятно, что каскарильеросы отдают предпочтение видам, наиболее богатым целебным веществом, следовательно, более ценным.

Но так как хинные деревья живут не семьями, и так как чрезвычайно редко их можно встретить рощицей, а, напротив, они рассеяны повсюду между деревьями больших лесов, то каскарильеросы вынуждены обрабатывать без разбора все лекарственные сорта хинных деревьев, более или менее богатых целебным веществом.

В предыдущей главе читатель видел, каким образом отыскивают хинные деревья.

Раз присутствие противохорадочных деревьев установлено и определено, какие именно виды или сорта хины здесь встречаются в наибольшем числе, каскарильеросы, работающие за счет какого-нибудь товарищества, компании или богатого частного предпринимателя, являются в лес и прежде всего занимаются устройством сараев или навесов для коры и для своего жилья.

Эти сараи крыты листьями для защиты людей и сушки коры, которую необходимо предохранить от непогоды. Затем,

смотря по обилию хинных деревьев и в зависимости от продолжительности своего пребывания в лесу, каскарильеросы, чтобы не терять времени и обеспечить свое дальнейшее существование, когда запасы съестных продуктов у них истощатся, расчищают участок девственного леса и сеют и сажают на плодородной золе маис, бобы, инам, дыни, перец и тыквы, которые будут расти здесь, как в парнике, с невероятной быстротой. Не позже чем через три месяца они соберут плоды, вполне созревшие. Покончив с этими предварительными работами, каскарильеросы с топором на плече, с тесаком за поясом и мешком с провиантом за спиной углубляются в лес, в одиночку или по двое.

Подойдя к дереву, подлежащему срубке, каскарильеро начинает с того, что обнажает его у основания и срубает его топором как можно ближе к корню. Затем обрубаёт ветви и затем уже приступает к снятию коры.

С помощью маленькой деревянной колотушки или просто обухом своего топора он легкими ударами проделывает нечто вроде массажа с целью освободить кору от внешних шероховатостей, представляющих собою омертвевшую часть коры. Он делает тесаком продольные надрезы, а потом поперечные, после чего отделяет кору от ствола дерева правильными кусочками. Эти куски обычно имеют от 40 до 50 сантиметров в длину и от 10 до 12 в ширину и называются по-испански «tablas» (дощечки).

Кора с ветвей снимается точно таким же образом, но толь-

ко без предварительного обстукивания, так как эта более молодая кора почти вовсе не имеет омертвелых покровов.

Количество сухой коры, получающееся с дерева значительной высоты, то есть диаметром в 80 сантиметров или метр, на протяжении 12 или 15 метров, равняется 100 или 110 килограммам.

Снятую с дерева кору относят в лагерь на собственной спине. Здесь ее складывают, накладывая «tablas» одни на другие, одни вдоль, другие поперек, как доски на лесопильных заводах, чтобы получились равномерные штабели длиной в три-четыре метра и высотой не более двух метров.

Чтобы не дать этим штабелям развалиться, на них накладывают или тяжелые бревна, или большие глыбы камня и затем каждый день или каждые два дня, до полного высушивания коры, эти тяжести снимают на день, чтобы дать доступ воздуху и солнцу в щели и промежутки между отдельными «tablas».

Что же касается коры, снятой с ветвей, то ее просто рассыпают на открытом месте на солнце. От действия его эта удивительно тонкая кора скоро сворачивается в трубки, отчего и появилось название «canuto», или «canutillo» (трубки), в отличие от «tablas» (дощечек, получающихся со ствола).

Когда просушка окончена, каскарильеро остается еще одна работа, быть может, самая трудная из всех: он должен на собственных плечах доставить весь свой груз через лес, по тропам, по которым с трудом может пройти человек без но-

ши. Есть такие участки, откуда приходится нести хину в продолжение целых пятнадцати – двадцати дней. После неимоверных трудов и усилий, с какими сопряжена подобная доставка коры, каскарильеро сдает добытую им хину доверенному, в обязанности которого входит наблюдение за сбором хины.

Последний сортирует ее, складывает в пачки, пачки зашивает в байетон (род грубой саржи) и в этом виде отправляет кору на мулах или опять же на плечах носильщиков в ближайшие конторы.

Там эти пакеты еще раз переделываются; их вес увеличивают вдвое. Кроме первой обертки их зашивают еще во вторую из сырой бычьей кожи, которую сшивают тоненькими ремешками, выкроенными из той же кожи. Кожа эта, высохнув, уплотняется и становится твердой, как деревянный ящик. В такой упаковке, именуемой «сурон», хинная кора отправляется в Европу.

Глава XII

Энтузиазм каскарильеро. – Роща хинных деревьев. – Полный успех. – Отказ повиноваться. – «Это пятый день». – Опять канаемэ. – Лагерь. – Разочарование индейцев. – Маркиз болен. – Лесная болезнь. – Шестьдесят килограммов добавочного веса эльзасцу. – Все за одного и один за всех. – Энергия больного. – Отвратительный обед. – Шарль за повар. – Реванш дезертиров. – Летаргия. – Ассаку, индейский яд. – Сонное или смертельное? – Проснутся ли они?

Вернемся теперь на плоскогорье Сиерры да-Луна, где наши путешественники, искатели хинных деревьев, нашли первый образец настоящей хины, превосходнейшей калисайи.

Увидев первое дерево, сеньор Хозе на мгновение обезумел от радости. Покинув своих товарищей, он кидается прямо вглубь чащи, то быстро бежит вперед, то останавливается, скрывается на время, затем вскоре издает крик радости, потом принимается петь или говорить сам с собой с необыкновенным возбуждением.

Это настоящий лихорадочный бред, но только не из тех, которые излечиваются хиной. Это безумный бред настоящего каскарильеро, нашедшего свой хинный прииск, так сказать хинную руду или россыпь, лихорадочный бред, во всех отношениях сходный с тем, какой испытывают золо-

тоискатели, когда они после невероятных трудов наконец находят россыпь – предмет их самых страстных мечтаний. Это неистовый бред человека, восторжествовавшего, наконец, над всеми препятствиями и видящего осуществление своих надежд, еще более счастливого тем, что он исполнил свой долг и победил неизвестность, чем даже предвкушением предстоящего обогащения.

Его товарищи несравненно спокойнее встретили это открытие, потому ли, что они не вполне оценивали всю его важность и значение, или же потому, что по своему европейскому происхождению они при виде этих деревьев испытывают меньшее волнение, чем при виде золотой россыпи. Вид такой россыпи, блестящего золотоносного песка, сверкающих золотых зерен действует поистине опьяняюще на цивилизованных людей, как бы спокойны и уравновешенны они ни были, как бы бескорыстно они ни относились к благам сего мира, тогда как вид этих природных богатств, этих прекрасных деревьев или животных, иногда представляющих собою несравненно большие богатства, оставляет их равнодушными и нимало не волнует.

Этот неудержимый бег мулата, это шумное завоевание полудиким человеком самобытной, девственной природы, которой, быть может, раньше не касалась ни одна человеческая рука, этот неистовый восторг Хозе продолжался около часа.

Затем мулат, который в это время как будто совершенно

позабыл о своих спутниках, вернулся к ним, совсем запыхавшийся, весь в поту, с исцарапанным лицом и руками, но сияющий и счастливый.

– Э-э! Браво, сеньоры! Браво! – закричал он им еще издали, как только увидел их. – Я только что произвел маленькую рекогносцировку в этой чаще и нашел здесь множество моих старых друзей – цинхона...

– Вы довольны этим первым осмотром? – спросил Шарль, улыбаясь.

– Доволен?! Скажите лучше, счастлив, восхищен, вне себя!.. Знаете ли, сеньор, что в этом маленьком уголочке большого леса, который я обежал сейчас с быстротой тапира, когда его преследует ягуар, я нашел дело для пятидесяти человек рабочих, по крайней мере, на два года.

– Неужели?

– Несомненно! Но это еще не все; здесь не только встречаются хинные деревья в несравненно большем количестве, чем в самых плодороднейших из ваших долин Боливии. А в силу того, что мы здесь на довольно значительной высоте, самые деревья достигают столь громадной величины, что каждое из них представляет чуть не целый капитал. Что же касается сортов, то я должен вам сказать, что до сих пор встречал только красную и желтую хину.

– То есть лучшие, высшие сорта хины, не так ли?

– Да, и следовательно самые дорогие! Я не ожидал ничего подобного, так как те деревья, какие я находил здесь рань-

ше, бывая в этих местах со своим господином, хотя и были прекраснейшие деревья, не выдерживают сравнения с этими. Теперь, сеньор, я уверен в успехе. И чем больше мы будем продвигаться вперед, в направлении к восходу солнца, тем больше их будет, этих превосходных деревьев.

– Почему так, сеньор Хозе?

– Потому, что я отлично помню эту местность, которая сохраняет почти неизменно свой характер вплоть до самого Рио-Курукури.

– Но мы сейчас находимся по меньшей мере на расстоянии пятнадцати миль от этой реки!

– Да, приблизительно в пятнадцати милях, сеньор!

– И вы полагаете, что эта хинная «руда» своего рода тянется на всем этом громадном расстоянии?

– На всех плоскогорьях, достигающих этой высоты, несомненно!

– Черт возьми! Это надо будет проверить, милый Хозе! И чем скорее, тем лучше, потому что и я начинаю разделять ваш восторг и воодушевление. Что вы скажете на это, друзья мои?

– Ну, конечно, хоть сейчас, если хотите! – одновременно отозвались почти в один голос Маркиз и Винкельман, которые также мало-помалу начинали заражаться общим настроением.

– Итак, друзья, в путь! – закончил Маркиз.

И тут случай чуть было не помешал осуществлению этого

предложения.

В то время, как Хозе производил свою рекогносцировку, индейцы, сложив на землю свои ноши, с наслаждением растянулись, глядя в небесную высь, украдкой переглянулись, затем присели на корточки и остались неподвижными, словно застыв в этой позе.

– Вы не слышали, что сейчас сказал сеньор Маркиз? – спросил их Шарль.

– Слышали, – отозвался один из них.

– Так почему же вы не трогаетесь с места?

– Сегодня пятый день!

– Так что же из того?

– Белый желает знать?

– Да.

– А в пятый день белый должен дать нам бусы, ножи, крючки, удочки и зеркальца!

– Это правда!

– Ну, так дай!

– А если я дам, что вы будете делать?

– Мы вернемся к себе в малока!

– Вы не хотите, значит, остаться с нами?

– Нет!

– Почему?

– Это слишком далеко!

– Что слишком далеко?

– То место, куда ты идешь!

– Пройдите с нами еще пять дней, и я дам вам всего вдвое больше, чем обещал!

– Это слишком далеко!

– Ну, хоть еще три дня! Ведь через три дня мы можем уже быть у истоков Курукури, не правда ли?

– Да!

– Ну, так согласитесь идти с нами!

– Там есть канаемэ!

– Довольно!.. Довольно! – вмешался Маркиз, с интонацией истого парижанина. – Не рассказывайте нам этой басни про канаемэ, мы уже слышали ее не раз!

– Что он сказал, маленький белый? – спросил один из индейцев.

– Что ты ошибаешься! – ответил ему мулат.

– А-а! – протянул индеец, не пытаясь ничего возражать.

– Что здесь нет канаемэ!

– А-а...

Шарль снова стал настаивать без особой резкости, конечно, но весьма решительным тоном.

Индейцы, которые вообще никогда не противоречат в лицо белому человеку, если только они не совершенно пьяны, обменялись между собою вопросительным взглядом и как бы нехотя встали.

– Ну, так решено, – сказал Шарль, – что вы идете с нами! Не правда ли? Берите же ваши корзины и идем!

– Белый хочет идти! Идем! – произнес тот из индейцев,

который говорил от имени всех.

– Идем! – подхватили хором остальные.

– Вот посмотрите, – проговорил по-французски Винкельман Шарлю, – что эти ребята удерут от нас при первой возможности!

– Или во всяком случае сегодня ночью; но не бойтесь, мы будем сторожить!

– Безусловно! – подтвердил Маркиз.

– Смотрите, у них вид побитых собак, а между тем я уверен, что они только и ждут, как бы сыграть с нами какую-нибудь злую шутку.

Впрочем, в данный момент этот маленький инцидент не имел никаких последствий. Путешественники продолжали идти так же медленно, с теми же затруднениями и препятствиями, утомляясь еще более, вынужденные внимательно изучать древесные породы, что они делали попутно.

Так как Шарль рассчитывал вскоре вернуться сюда для обработки хинных деревьев, то он и его товарищи еще делали зарубки, которые должны были служить указателями в будущем.

Мулат, действительно, не ошибся. Хинные деревья продолжали встречаться целыми рощами, группами и в одиночку на всем протяжении пути по направлению к востоку.

Теперь уже и Шарль и все его товарищи убедились, что здесь есть громаднейшая возможность для основания новой

промышленности, которая может и должна в скором времени произвести целый переворот в этой стране, до сего времени остававшейся совершенно не исследованной.

С наступлением вечера расположились лагерем на ночлег. Индейцы как будто забыли о своем намерении дезертировать. Шарль, который, однако, не питал к ним доверия, принял тщательные меры предосторожности с целью воспрепятствовать их бегству. Заставив разгрузить все их корзины, он приказал сложить тюки один на другой и накрыть слоем листьев. Те из путешественников, которые не будут на страже, должны спать на этих не совсем удобных постелях. Это вселяло уверенность, что их имущество не будет расхищено во время сна, и гарантировало от дезертирства индейцев.

Последние, видимо, смутившись в первый момент при виде этих приготовлений, вдруг беззвучно рассмеялись, переглянулись и вместо того, чтобы отнестись неодобрительно к этому признаку недоверия к ним, напротив, нашли, что белые правы, поступая так.

После ужина индейцы, закусив с обычным аппетитом, подвесили свои гамаки, легли в них и заснули, по-видимому, без всякой задней мысли.

Сеньор Хозе взялся сторожить первый, тогда как Шарль, Маркиз и Винкельман, по-братски растянувшись на тюках, собирались подчиниться одолевающей их дремоте. Однако, против всякого ожидания, Маркиз, обычно засыпающий как только он успеет лечь, испытывал на этот раз что-то похожее

на лихорадочное состояние. Он ворочается с боку на бок, зевает, потягивается, начинает потихонечку напевать и через каких-нибудь полчаса чувствует, что у него нет сна ни в одном глазу.

– Странно, – думает он, – всегда я сплю, как сурок, а сегодня совершенно не в состоянии сомкнуть глаз! Я чувствую себя не в своей тарелке, все мне мешает, даже храпение нашего эльзасца выводит меня из себя... Кой черт, что бы это могло значить? Я чувствую во всем теле зуд и непреодолимое желание расчесать себе тело до крови. Э, да у меня, кажется, лихорадка... я чувствую озноб и боль во всех суставах... Меня мучает жажда... Я, кажется, заболел! Право, это так!.. Это какое-то издевательство – лихорадка среди целого леса хинных деревьев! Только этого еще не доставало! Нет, уж, видно, я эту ночь не засну. Но нет худа без добра: мне по крайней мере не придется щипать себя до крови, как когда-то там на паровой шлюпке, чтобы не заснуть, и в конце-концов все-таки заснуть на часах!

К сожалению, Маркиз не ошибся. Первые симптомы, поначалу весьма безобидные, все осложнились, и положение становилось все более и более серьезным. За простым недомоганием последовало мучительное состояние, и он во всю ночь не сомкнул глаз.

Когда рассвело, Шарль крайне удивился, найдя его бодрствующим, и осведомился, лучше ли ему.

Маркиз, измученный продолжительной бессонницей, с

тяжелой головой и ноющей болью в руках и ногах, рассказал Шарлю о том, что с ним приключилось, и попросил воды, которую стал жадно поглощать, не отнимая чашки от рта. Затем, когда солнце осветило лес настолько, что можно было все различить, он вдруг воскликнул:

– Хм! Что это такое? Посмотрите, друзья мои, у меня руки и ноги покрыты какими-то пупырями, величиною с булавоочные головки. И все они наполнены какой-то беловатой или желтоватой прозрачной жидкостью. И зуд у меня во всем теле такой, что, кажется, надо бы нанять поденщика специально для того, чтобы чесать меня.

Шарль подошел, внимательно разглядел пупыри и покачал головой.

– Этого надо было ожидать, – проговорил он, – вы расплачиваетесь этим за ту острую пищу, которой мы питаемся здесь с самого нашего отъезда из Боа-Виста! Потребление или, вернее, злоупотребление перцем и солеными продуктами, копченой рыбой и копченым мясом, постоянный свет солнца, пот, слишком обильный вследствие усиленного движения – все это воспламенило вашу кровь.

– Это «empígen», – заметил уверенно мулат, – болезнь больших лесов!

– Врачи называют ее экземой, – сказал Шарль, – это воспаление кожи, вызванное совокупностью всех только что указанных мною причин!

– Но ведь это нелепо! – воскликнул Маркиз. – Мне неко-

гда теперь болеть... После как-нибудь я не отказываюсь, а теперь... Кроме шуток: ведь здесь нет ни амбулаторий, ни лазаретов, и я не хочу, чтобы вам пришлось тащить на себе больничную койку! Скажите на милость, опасна эта болезнь? Ведь вы знаете, друзья, что я не боюсь ни боли, ни смерти. Только бы не стать обузой для вас, не причинить вам хлопот, когда здесь и здоровому человеку трудно пройти, не волоча на себе еще посторонней обузы и тяжести.

– Ну, и так далее, и так далее... можете не трудиться расписывать нам все это, милый Маркиз! Вы должны знать и понимать, что такие размышления по меньшей мере бесполезны!

– Глупости все это! – вставил свое слово Винкельман. – Как будто я не таскал на себе людей, которые и мизинца вашего не стоили!

– Раз у вас есть готовая формула для вашей философии, то и у нас тоже есть такая же формула: «Все за одного и один за всех!» Впрочем, ведь вы еще не стали совершенно беспомощным, и я рассчитываю, что эта проклятая сыпь все-таки позволит вам добраться до Курукури. А там мы уже будем путешествовать водой, и ваше самочувствие значительно улучшится.

– Благодарю вас, друзья, благодарю от всего сердца, – проворкотал больной, растроганный этим добрым отношением к нему товарищей. – Да, я могу еще идти, надеюсь, что смогу, я хочу...

– Не говоря уже о том, что при первой необходимости я вас преспокойно посажу к себе на плечи, без всяких разговоров! – сказал Винкельман. – Вы не Бог вещь как тяжелы, не в обиду вам будь сказано! А какие-нибудь шестьдесят кило это безделица!.. О них и говорить не стоит.

– Да, приблизительно шестьдесят кило; вы совершенно верно определили, мой добрый товарищ! Но хотя вас Бог и не обидел силой, все же надеюсь, мне не понадобится взваливать вам на плечи подобную тяжесть.

– Во всяком случае, я к вашим услугам, когда бы ни понадобилось!

Индейцы, заметившие недомогание белого, подняли свои ноши, обменявшись многозначительными взглядами исподтишка, и медленным шагом пошли на восток.

Маркиз пробует идти вместе со всеми. Сначала он испытывает какую-то тяжесть в ногах, словно они затекли у него; но вскоре они нагреваются от усилия при ходьбе. Он заявляет, что, кроме невыразимого зуда во всем теле, он, собственно, чувствует себя не особенно плохо.

Шарль и Хозе, продолжая на ходу отмечать хинные деревья, ищут, но безуспешно, известное дерево, называемое *ласге*, сок которого употребляют индейцы как действенное средство при заболевании *emprigen*, то есть лесной болезнью.

Ввиду отсутствия этого благотворного средства они надеются отыскать хотя бы роса, индейскую засеку, где можно найти иньям и пататы, шелуха которых может довольно

успешно заменить собой картофельную шелуху, которую белые врачи рекомендуют прикладывать в качестве пластырей при экземе.

Но пока их поиски были тщетны, и Маркиз, за неимением ничего лучшего, погружается по самые уши в ручьи и речки, попадающиеся время от времени на пути.

День тянется медленно и страшно утомительно. Индейцы-носильщики, тяжело ступавшие в продолжение всего утра, теперь шагают быстро вперед, легким удлиненным шагом, избирая почему-то преимущественно самые непроходимые чащи.

Но приходится идти за ними, не то они совершенно скроются из глаз.

Шарль, которого это обстоятельство сначала удивляло, затем стало тревожить, не мог удержаться, чтобы не сделать замечания.

— Право, можно подумать, что эти негодяи умышленно хотят измучить нас, чтобы мы не могли шевельнуться сегодня ночью! Однако нечего и думать заставить их несколько замедлить эту собачью рысь; иначе они остановятся и перестанут идти.

Быть может, они рассчитывали на недомогание Маркиза, полагая, что молодой человек будет не в состоянии следовать за ними таким форсированным маршем, и что его друзья не захотят оставить его и будут также принуждены замедлить свой ход.

Но оказалось, что они ошиблись. Бывший солдат морской пехоты обладал недюжинным мужеством и силой воли. Он принадлежал к той категории людей, из которых рождаются самые неустрашимые и неутомимые искатели приключений.

Таким образом, злой умысел индейцев, если таковой у них был, не привел ни к каким результатам. Когда пришла ночь, сами они, по-видимому, совершенно выбились из сил.

Путешественники и на этот раз приняли все те же меры предосторожности, как и накануне. Шарль занялся приготовлением ужина вместо Маркиза, которого поспешили уложить на густой подстилке из листьев.

Потому ли, что Шарль не обладал кулинарными способностями своего больного друга, или же потому, что припасы от нестерпимой жары и сырости начали портиться, только обед был отвратительный, настолько, что Шарль, совершенно отбросив свое самолюбие, рассыпался в извинениях.

Винкельман, всегда всем довольный, счел должным протестовать, хотя и должен был признаться, что все это имело какой-то своеобразный привкус.

– Привкус! – воскликнул Шарль. – Нет, право, вы очень добры, милейший! Ведь рыба была совершенно горькая, перец почему-то с сахаром, сало отдавало муравьями, а мука плесенью... Настоящая отравка, добрейший!

– Я с вами согласен, что касается вкуса самих пищевых продуктов! – сказал Хозе. – Но посмотрите, Бога ради сеньор, что проделывают эти гады-индейцы... Как они брезг-

ливо морщатся! Смотрите, с каким показным омерзением они опрокидывают свои латки и выливают свою пищу, отплевываясь с отвращением!

– В самом деле! Это что-то необычайное! Несмотря на их прожорливость, они не дотронулись до пищи и, по-видимому, собираются лечь спать без ужина.

– Разве только они успели уже чем-нибудь наесться там, в лесу?!

– Конечно, и это возможно. Однако что нам так заниматься ими – сторожить их надо! Лучше будем спать или, вернее, хоть только отдыхать.

– Отдыхайте вы, – сказал Шарль, – а я останусь на страже! Зная, насколько легко заснуть, с одной стороны, и насколько трудно, с другой, удержаться от сна после столь утомительного дневного перехода, Шарль старался не садиться, а принялся медленно прохаживаться вокруг костра, время от времени приостанавливался и, прислонившись к стволу толстого дерева, задумчиво смотрел на огонь.

Он размышлял о тех событиях, которые за последнее время нарушили мирное и однообразное течение его жизни, столь спокойной и вместе с тем столь деятельной. Он вызывал в воображении образы своих близких и дорогих, жены и детей, которые теперь дожидаются его возвращения, заранее предвкушая радость свидания. Вдруг почувствовал, что им овладевает внезапная дремота.

Напрасно он пробует бороться с ней, напрасно пытается

преодолеть внезапное ощущение, будто на него вдруг напал столбняк. Он чувствует, что руки и ноги его отяжелели, что он не в состоянии двинуться с места; затем ноги отказываются держать его, подкашиваются под ним. Он медленно опускается на землю, не в состоянии воспротивиться этому. С широко раскрытыми глазами он остается лежать у подножия дерева, подле которого он стоял. На лбу у него проступает пот, дыхание становится затруднительным, и он все сильнее чувствует, как весь немеет.

Однако, он еще не потерял сознания, глаза его еще видят, хотя несколько туманно, точно сквозь дымку; мозг еще воспринимает впечатления, но тоже как-то смутно. Он хочет крикнуть, сделать какое-нибудь движение, но язык не повинуется ему.

Сколько времени продолжалось это состояние? Быть может, час, быть может, и больше. Во всяком случае, оно было так ужасно, что Шарль не в силах был ничего предпринять даже тогда, когда при свете догорающего костра увидел, как индейцы тихонько и осторожно вылезают из своих гамаков, подходят к его товарищам, дотрагиваются до них руками и громко хохочут, видя, что те не шевелятся, точно мертвые. Затем они шепотом сговариваются о чем-то и снова принимаются смеяться. Немного погодя, совершенно успокоенные неподвижностью белых, они не спеша берут одного за другим Маркиза, Хозе и Винкельмана, поднимают их и бережно кладут на землю. Потом проворно сбрасывают листву, слу-

жившую постелью спящим, складывают тюки и свои панаку. Но вдруг один из них спохватывается и указывает остальным на Шарля, все еще полулежащего у подножия дерева против костра.

Прервав на минуту свое занятие, они подходят к молодому человеку и смотрят на него. Тот, что первым обратил внимание на него, говорит своим гортанным голосом:

– Он спит!

– Но у него глаза открыты!

– Это ничего не значит, он все-таки спит. Он принял ассаку, который я подложил и к рыбе, и к перцу, и к муке. Вот посмотри!

С этими словами говоривший схватил Шарля за бороду и потянул за нее, и тот не сделал ни малейшего движения.

Индейцы рассмеялись.

– Теперь ты видишь, что он спит?

– Да!

– А много они приняли ассаку?

– Не знаю!

– Но если они съели слишком много?

– Тогда они не проснутся больше.

– Значит, они будут мертвы?

– Да!

– А ты много положил в рыбу, в перец и в муку?

– Не знаю!

– Но если они умрут, то придут другие белые и убьют нас!

– Не знаю!

– Так заберем все и бежим скорее отсюда!

– Да, да... бежим скорее отсюда!

Шарль явственно слышал эти неутешительные слова, но был не в состоянии ни шевельнуться, ни издать ни малейшего звука, даже не мог моргнуть веками широко раскрытых глаз.

Он видел, как негодяи поспешно складывали в свои паначку их имущество, припасы, заряды, даже гамаки и, не теряя ни минуты, улепетывали среди ночи со всей этой добычей.

Зная теперь, что и он, и его товарищи отравлены страшным индейским ядом, несчастный переживал тысячи мучений при мысли, каковы будут последствия этого отравления.

– Как велика была доза яда, примешанная к нашей пище? Такова ли, чтобы стать только сонным снадобьем или же смертельной отравой? Вечный ли это сон одолевает меня, – думал он, – или только временный? Проснусь ли я завтра, чтобы стать свидетелем этого разгрома, почти столь же ужасного здесь, в этих местах, как и сама смерть?

Глава XIII

Продолжительный сон. – Тревоги и опасения Винкельмана. – Обезумевшие. – Бред. – Тайна объясняется. – Отравление. – Лекарство против ассаку. – Соль. – Что делать? – Пальма парипу. – Ресурсы Винкельмана. – Соль парипу. – Что содержится в золе. – Спасенье. – Сон, восстанавливающий силы. – Неприятное пробуждение. – Туземная музыка. – Индейцы. – Туксау и пажет. – Обманутая алчность. – Тщетные надежды. – Берцовые кости охотников за каучуком могут стать музыкальными инструментами.

Солнце совершило уже более половины своего дневного пути, когда Винкельман, разбитый, с тяжелой головой, с затуманенным взглядом, наконец проснулся.

Страшно удивленный тем, что он мог проспать так долго, он огляделся, и глазам его предстала такая картина: Шарль полулежал, полусидел на корточках у дерева, Маркиз лежал на земле подле Хозе, листья и ветви валялись на земле. Невольное проклятье вырвалось у него из уст – исчезли индейцы.

– Сотни тысяч чертей!.. Что это значит? Что со мною?.. Я едва сам себя слышу... слова не срываются с языка, я как будто совсем осип!

Он встает с большим трудом, пытается сделать несколько

шагов и грузно падает на землю.

– Хм, у меня и ноги-то каменные, да и мысли как-то путаются; я чувствую, что слаб, как маленький ребенок... Что бы это значило? А остальные все спят как убитые! Да что бы это значило? Индейцы бежали, и все наше имущество исчезло! Нечего сказать, хороши мы теперь!

Не в состоянии удержаться на ногах, он на четвереньках подобрался к Шарлю, неподвижно лежащему и бледному, как мертвец.

Страшное беспокойство и тревога овладели им при виде этой ужасной бледности. Он касается руки молодого человека и с ужасом замечает, что рука чуть теплая, почти холодная. Он громко вскрикивает в порыве отчаяния:

– Боже мой!.. Он умирает! Но нет, это невозможно! Господин Шарль! Господин Шарль, проснитесь! Скажите мне хоть слово!.. Хоть одно только слово!..

Ответа нет.

Невероятное волнение протрезвляет эльзасца, сознание его становится ясным. Его сильная натура преодолевает оцепенение, в котором он до сих пор находился, его железная воля совершает чудо. Он подымается на ноги и бегом кидается к Маркизу и Хозе.

– Господин Маркиз!.. Хозе!..

И эти оба так же бледны и так же неподвижны; мулат – тот совершенно пепельного цвета.

Страшная догадка приходит ему на ум.

– Неужели они отравлены?.. Неужели я один останусь жив после такого ужасного несчастья! – восклицает Винкельман голосом, звучащим как гром небесный.

– Господин Маркиз!.. Хозе!..

И он изо всей силы трясет мулата, который как будто приходит в себя, раскрывает глаза, садится, окидывает безумным взглядом эльзасца и вдруг раздражается диким хохотом, нервным, неестественным смехом сумасшедшего.

– Ну, наконец-то!.. Этот жив! А остальные?

Винкельман снова возвращается к Шарлю, хватая его в свои объятия, подымает, как ребенка, и несет на подстилку из листьев. Затем, не зная, что ему делать, обнажает его грудь и принимается растирать руки.

Вскоре он замечает с невыразимой радостью, что тело Шарля мало-помалу розовеет благодаря возобновившемуся кровообращению. Конечности начинают согреваться, дыхание восстанавливается, и вдруг все его тело конвульсивно вздрагивает с ног до головы.

Подобно Хозе, он наполовину приподымается, затем садится как-то бессознательно и вдруг заходится громким, резким хохотом.

– Да они обезумели! – прошептал бедняга в полном отчаянии. – Они даже не узнают меня, они смеются, как люди, потерявшие голову!?! Шарль, добрый господин мой, придите в себя! Скажите хоть слово! – молил Винкельман.

Но в ответ слышит еще более безумный смех.

Эльзасец оглядывается и видит мулата, который, присев на корточках над Маркизом, проделывает с ним что-то странное.

Маркиз также раскрыл глаза и бессмысленно смотрит на крупных черных муравьев, ползущих у него по ногам, а Хозе с самым серьезным видом ловит этих муравьев двумя пальцами и с наслаждением ест их.

– Они лишились рассудка, – горестно воскликнул эльзасец. – Но что с ними произошло? Чего они поели? А-а, теперь я понимаю... Это вчерашний ужин. Эти негодяи индейцы отравили нашу пищу! Да, да... вот почему все наши продукты имели такой отвратительный вкус! Но почему же я один в своем уме? Вероятно, потому, что у меня лошадиная натура... Яд почти не подействовал на меня. Теперь мы остались одни, без оружия, без аптечки, без съестных припасов, затерянные в этом бесконечном лесу. Что же нам делать?! Господи, что нам делать?!

И он снова бессознательно принимается растирать Шарля, причем так усердствует, что молодой человек, наконец, вскрикивает от боли и начинает браниться полусердито, полусхваченно.

– Да это какой-то бык, очень сильный, но смирный бык, который растирает меня! Да, бык... хм! Да этот бык-то, человек!.. а человек этот... да помогите же мне!.. дайте мне вспомнить... Ах, да!.. Да, это Винкельман!..

Взгляд его при этом на мгновение становится осмыслен-

ным, и он шепчет слабым, чуть слышным голосом:

– Винкельман!.. Я вас узнаю... нас отравили... ассаку... средство против этого яда... может быть Хозе знает! – затем он снова начинает бредить.

Тогда эльзасец возвращается к мулату, трясет его, зовет по имени.

– Хозе! Слышите меня?

– Да!.. Хинные деревья... есть...

– Теперь дело не в хинных деревьях... скажите, знаете вы яд ассаку?... отраву?..

– Да, да... ассаку... Как же, это индейский яд... да, да!

– А какое против него средство?

– Ах, да... средство... зачем это средство?

– Скажите мне это средство! Сейчас же, слышите, сейчас!

– Не убивайте меня, если вы канаемэ!

– Лекарство против ассаку, спрашиваю я вас, – какое лекарство?

– Соль! Соль... Ешьте соль!

– Но где же взять соль? Разве только в Боа-Виста! Ведь наш маленький запас соли давно истощился! Боже мой! Что же мне делать?!

Нет никакой надежды раздобыть соль в лесу. Винкельман опустил голову на руки и принялся усиленно размышлять.

– Придумаем что-нибудь другое! – пробормотал он.

И взгляд его, невольно блуждавший кругом, вдруг остановился на красивой, стройной пальме с кроной из листьев

темно-зеленого цвета. Он радостно воскликнул:

– Эй, ведь это парипу. Она может дать нам кое-что, заменяющее соль... Конечно, не морскую соль, но такое вещество, которое может при случае заменить соль. Мы, лесные бродяги, знаем это! Жаль только, операция эта длинная! Ну, да что же делать?! Если надо иметь терпение, так не нам этому учиться! – И, не теряя ни минуты времени, он взял свой тесак, оставшийся у него в ножнах, не замеченный индейцами и изо всей силы стал рубить им по стволу стройной пальмы.

Пальма с шумом падает; тогда Винкельман рассекает верхушку ее на части длиною в метр, торопливо сваливает их в кучу, наскоро нарезает тем же тесаком несколько пучков сухой травы, выбивает кремнем огонь и разжигает костер. Пальма быстро загорается; вскоре все обращается в груды пылающих углей, которые медленно сгорают.

Вся эта предварительная операция продолжается около полутора часов. К счастью, больные довольно спокойны. Они задремали в тени, и если их воспаленный мозг дает себя знать время от времени бессвязным бредом, то все же состояние их не ухудшается. Им, в сущности, не хуже и не лучше.

Винкельман, несколько успокоенный этим, спешит собрать горячую золу и охлаждает ее мелкими грудками, затем отправляется за водой.

Индейцы, спеша уйти, забыли две больших куи, по пять литров каждая. Эльзасец берет один из этих сосудов и от-

правляется с ним на ручей, бегущий поблизости, и тотчас же возвращается назад.

Тем временем зола успела несколько остыть; теперь надо ее промыть, чтобы извлечь из нее соли. Конечно, новоявленный химик не знает ни свойств, ни названий этих солей. Ему все равно, как ученые называют их: углекислый калий или сода, фосфат или серно-кислый натрий или хлористый натрий.

Для него эти названия ровно ничего не значат; самое главное – это добыть соль. Хотя у нее несколько горьковатый вкус, индейцы, черные и даже белые пользуются ею для кухонных целей, за неимением морской соли или хлористого натрия. Соль, содержащаяся в золе парипу в весьма значительном количестве, – это хлористый калий.

Как тогда, когда он был новичком в больших лесах, ему показывали опытные люди, впоследствии он это делал и сам, он натягивает над пустой чашкой кусок своего шерстяного тонкого пояса, осторожно высыпает на это импровизированное сито небольшую грудку золы и затем осторожно льет на золу воду из другой чашки. Вода, проходя сквозь золу, уносит за собой растворимые соли, попутно растворяя их, в нижнюю пустую чашку через сито.

Люди, изготавливающие для своих кулинарных потребностей соль парипу, обычно испаряют на солнце воду, насыщенную солью, чтобы получились кристаллы, которыми и приправляют свои кушанья. Но Винкельман, хотя и не хи-

мик, тем не менее человек практичный и умеет ценить время.

Он рассуждает и вполне резонно, что, несмотря на чрезвычайно высокую температуру на испарение воды, насыщенной солью, потребуется по меньшей мере два часа. Кроме того, чтобы заставить больных принять эту соль, придется снова растворять ее в воде, для чего же эта двойная операция?

Сказано – сделано. Он отвязывает с чашки свой пояс, заглядывает в нее и видит, что она наполнена несколько мутной жидкостью. Делает глоток, невольно кривится и говорит:

– Это солоно, горьковато, невкусно, кисловато, и все, что хотите, но это несомненно соль парипу: Кроме того, это совершенно безопасно и безвредно. Я не однажды пользовался этой солью, чтобы приправить кусок жареного тапира, обезьяны или свинки пекари. Раз я тоже был отравлен их проклятым ассаку, то, для пробы, первый проглочу хороший глоток этой жидкости! У меня все еще ноги не тверды, да и в голове не совсем ясно, хотя это и незаметно... Ну-ка!..

Он хлебнул раз, два и подождал с четверть часа действия этого лекарства. Благодаря лекарству или просто самовнушению, но только он почувствовал себя гораздо лучше.

– Ну, а теперь ваша очередь, господин Шарль, – сказал он, заметно повеселев. – Это не особенно вкусно и не особенно аппетитно, но уверяю вас, что принесет вам пользу! Это и есть то лекарство, о котором вспомнил Хозе, или почти оно! Пейте себе спокойно, я уже попробовал его, оно превосходно

подействовало на меня!

Шарль покорно выпил раз и два и затем снова заснул. Маркиз и Хозе последовали его примеру по очереди и также заснули.

– Ну, и прекрасно! – решил эльзасец. – Хорошенечко вздремнуть вам не мешает, а проснетесь вы веселые, как птички! Ну, все уже храпят! Так и я всхрапну!

Но видно, суждено было, чтобы этот день, и так уже памятный важными и знаменательными происшествиями, не окончился.

Искатели хинных деревьев мирно спали уже часа два. Было около пяти часов вечера, когда из леса вдруг раздались нестройные звуки, которые пробудили их и заставили невольно содрогнуться от предчувствия грозной опасности.

Вскоре эти звуки стали приближаться. Они напоминали глухое мычание, похожие на резкие и неблагозвучные трели волюнок альпийских пастухов.

Все четверо путешественников проснулись, совершенно бодрые, с ясными мыслями, но с голодным желудком и ощущением страшной физической усталости. Потому ли, что лекарство, рекомендованное Хозе в полубреду, превосходно подействовало, или же потому, что индейцы примешали к их пище несмертельную дозу яда, только все четверо пришли в себя и чувствовали себя почти здоровыми.

Едва они успели убедиться в дезертирстве своих носильщиков, исчезновении багажа, припасов и даже оружия, как

увидели довольно многочисленный отряд краснокожих, торжественно и важно шагавших по лесу.

Во главе колонны выступали двое музыкантов с бамбуковыми флейтами, называемыми тейкием, в которые они дули изо всех сил.

Позади них шел человек, сверкая разноцветными ожерельями из стеклянных бус, которыми были увешаны его плечи, грудь, шея и предплечья; на голове виднелась акангатарэ из золотисто-желтых перьев, из которых точно рога, торчали два длинных ярко-красных пера. Несомненно, это был вождь или как их называют индейцы, туксау.

Позади него ступал по его следам рослый индеец, украшенный точно так же, как и первый, но не столь богато, в голубой акангатарэ, рожки которой были более скромных размеров. По-видимому, это был старший сановник или ближайший родственник вождя.

Далее шел старец в своеобразном уборе, в котором он почти утопал, так как был с ног до головы увешан разными побрякушками, производившими странный шум при каждом движении. На спине, в виде плаща, у него висела шкура каймана, голова которого, довольно хорошо выделанная, украшала голову старика, а хвост волочился по земле, подобно женскому платью со шлейфом. Остальная часть его наряда состояла из ожерелий, нанизанных из зубов животных, колец с хвоста гремучей змеи, когтей ягуара, хвостов ревунов, из шкурок пальмовых белок и обручей из латунной

проводами.

Кроме того, этот человек, на физиономии которого отражалась затаенная хитрость и жестокость, держал в руке длинную толстую кость с дырками – подобие флейты или, вернее, свирели, из которой он время от времени извлекал резкие, неприятные звуки, режущие ухо.

Сама форма этой кости, украшенной рисунками, с первого же взгляда указывала на ее принадлежность к человеческому скелету. Это была берцовая кость, то есть этот музыкальный инструмент был не что иное, как легендарная свирель канаемэ, а старец – колдун данного племени, или пажет, как его называют индейцы с берегов Амазонки.

На индейцах, шедших позади этих важных сановников, был обычный наряд местных индейцев, то есть простой каллимбэ, и ожерелья из зубов и стеклянных бус. Все они были вооружены большими индейскими луками и пучками стрел, и некоторые, кроме того, эргаравантана, или сарбаканами. У всех без различия, и музыкантов, и вождей, и простых граждан, лица были расписаны самыми яркими красками и самыми резкими полосами, белыми, красными и черными, придававшими им одновременно и комичный, и отталкивающий вид. А ноги до колен были вымазаны краской, то есть красной краской, так что казалось, будто они только что бродили по колена в крови.

Всех их было около тридцати человек. Стройно и мерно выступая гуськом, в строжайшем порядке и в полном без-

молвии, они обходят путешественников и смыкают вокруг них кольцо, так что те оказываются в центре круга, затем, по знаку своего вождя, застывают неподвижно.

Искатели хинных деревьев, едва успевшие прийти в себя, с весьма понятным недоумением смотрят на этот странный маневр и готовы поверить, что видят продолжение своего болезненного кошмара. Но, увы! Все это слишком действительно и реально.

Некоторое время продолжается неловкое молчание; обе стороны наблюдают друг за другом, и ни та ни другая не хотят говорить первой.

– Что ни говори, – замечает Маркиз вполголоса, – а эти граждане прекрасно маневрируют и выправка у них превосходная! Это делает честь их учителю по строевой подготовке. Только жаль – малость безвкусно размалеваны... Что вы на это скажете, мосье Шарль?

Несмотря на всю серьезность данной минуты, молодой человек не может удержаться от улыбки при этом забавном замечании. Однако эти несколько слов как будто сломили преграду.

Вождь дикарей, по-видимому, с трудом преодолевает впечатление, произведенное на него этими белыми. Он прокашливается, обменивается взглядом с колдуном и затем произносит несколько слов на языке, совершенно не понятном никому из путешественников.

– Черт возьми! – бормочет Шарль. – А ведь это может

сильно осложнить наше положение! Поняли вы что-нибудь, Хозе?

– Ни одного слова, сеньор!

– Это неприятно! – сказал Шарль, затем, вдруг спохватившись, он обратился к индейцам и спросил:

– Не говорит ли кто из вас на ленгоа жераль (обыденном наречии)?

– Я говорю! – ответил ему гнусавый голос старика-колдуна. Если белый человек знает язык красных людей Востока, то я сумею ему отвечать!

– Прекрасно, так скажи мне, старик, чего хочет вождь, который только что говорил со мной?

– Он спрашивал тебя, кто вы такие.

– Мы – белые путешественники и друзья краснокожих!

– Но только не этот! – указал он на Хозе.

– Это полубелый, как ты сам видишь... Но что значит цвет его кожи? Он наш брат!

Колдун перевел слова Шарля вождю, ответившему на это глухим рычанием.

– Что вы здесь делаете? – спросил он после довольно продолжительной паузы.

– Мы возвращаемся к себе на восток, туда! – сказал Шарль.

– Откуда вы идете?

– Из Боа-Виста!

Опять наступило молчание, еще более продолжительное.

Южноамериканские индейцы вообще не отличаются красноречием. Им совершенно незнакомы длинные периоды, живописные, образные выражения, торжественные, несколько напыщенные фразы, которыми изобилует речь их североамериканских сородичей. Местные индейцы едва отвечают на вопросы, обращенные к ним, настолько их ленивый, неповоротливый ум затрудняется разобраться в сколько-нибудь сложной речи.

«Да», «нет», «может быть», «я не знаю» – таков словарь индейской речи, детски наивной, вызывающей улыбку и не выходящей за пределы самой заурядной банальности.

А потому понятно, что им трудно даже отвечать, а не только допрашивать или расспрашивать.

Но присущая дикарям жадность на время развязала язык туксау.

– У белых есть бусы! – сказал он после минутного размышления. – Я хочу эти бусы!

– У нас нет больше бус... Индейцы, сопровождавшие нас, украли у нас бусы, которые предназначались тебе и твоим людям! – сказал Шарль.

– Какие это индейцы?

– Атторади!

– Белый и полубелый глупее коро-коро, что доверились атторади! – произнес вождь, презрительно сплюнув. – Атторади черви, гады!.. Так у белых нет ни бус, ни ожерелий, ничего?..

– Ничего! Но если ты хочешь получить то, что атторади украли у нас, то пошли своих людей нагнать их!

– Что ты об этом думаешь, жакарэ (кайман)? – обратился вождь к колдуну.

– Нет! – коротко отозвался тот. – Атторади уже далеко... или, быть может, белые говорят неправду! Лучше их отвести в малока!

– Зачем?

– Никогда ширикума не видел белых; никогда еще ни один вождь не имел свирели, сделанной из кости этих белых, великих воинов!

– Это правда!

– Когда мы их отведем в малока, то уьем их, сделаем большой кашири, изготовим себе свирели. Ни жоапири, ни парикоты, ни кара, ни пианокоты не имеют «teiqienes», сделанных из голеней белых. Мы, ширикума, будем одни, у которых они будут, и ты, туксау Лууди, будешь благодаря этому могущественнее, чем все другие туксау этой страны!

– Ты говоришь правду, жакарэ!

Никто из искателей хинных деревьев не понял смысла этих ужасных слов, произнесенных самым развязным тоном на ширикумском наречии, а потому не мог и подозревать грозившей им опасности.

Полагая, что это не более как случайная встреча с индейцами, столь же безобидными, как и все те, кого они видели до сих пор, и думая дешево отделаться от них, наши друзья

даже надеялись выпросить у них немного провианта на дальнейший путь.

У них в карманах остались еще кое-какие безделушки, которые можно было обменять на съестные припасы.

Но, – увы! – им пришлось горько разочароваться.

Глава XIV

Путь к малока. – Радужные хозяева или тюремщики? Гости или пленники? – Опасения. – Неопрятность. – Беспорядок. – Чашки для кашири. – Индейцы у себя дома. – Хроническое пьянство. – Дикие развлечения. – Пляска бесноватых. – Мрачные аллегории. – Грабеж. – Трагические последствия кражи револьвера. – Удар грома под кровом малока. – Смерть туксау Лууди. – Паника. – Перемена династии. – Колеблющаяся власть. – Диверсия. – Презрение индейцев к смерти. – Окончательная схватка. – Побеждены! – Чудо.

– Не находите ли вы, мосье Шарль, что мы скорее походим на пленников, чем на гостей, приглашенных отобедать? – спросил Маркиз.

– Я только что собирался высказать вам эту же самую мысль! Эти индейцы смотрят на нас далеко не дружелюбно и оцепили нас кругом, как будто опасаются, чтобы мы от них не сбежали!

– Какое несчастье, что у нас нет больше при себе наших карабинов и хотя бы по пятидесяти зарядов на брата! Как бы живо мы всех их расстреляли, если бы им пришла вдруг фантазия превратить наши голени во флейты!

– Да, но у нас нет ничего, кроме бесплодных сожалений, и остается только клясть негодяев, которые, быть может, заставят нас потерпеть крушение у самой цели!

– А кстати, при вас еще ваш револьвер?

– Мой отняли!

– А ваш, Винкельман?

– При мне только один тесак. А у вас, Хозе, есть какое-нибудь оружие?

– У меня ни тесака, ни револьвера!

– К счастью, мой револьвер еще при мне! – проговорил Шарль. – Кроме того, с десятков патронов!

– Это не дурно, но мало!

– Ба-а! – воскликнул Винкельман со свойственной ему спокойной уверенностью силача. – Тем временем, как господин будет стрелять в нос дюжине этих краснокожих чертей, я, пожалуй, столько же уложу на месте простой дубиной. А вы, Маркиз, и вы, Хозе, тоже не безрукие и тоже сделаете свое дело как следует, и в свалке лицом в грязь не ударите!

– Это плохое средство поладить с ними, и к нему можно прибегнуть только в случае крайней необходимости, а пока будем осторожны и постараемся выказать им, хотя бы только для вида, полное доверие!

После получасовой утомительной ходьбы добрались, наконец, до малока.

Это громаднейшее здание, построенное по индейской системе: конструкция из множества столбов, крытых огромной кровлей из листьев. Обстановка, конечно, самая простая, состоящая из пеньковых гамаков, местами окрашенных красными пятнами руку. Кухонные принадлежности, старатель-

но вылизанные тощими голодными и свирепыми собаками, валялись на земле в беспорядке: кастрюли, котелки, куа (глиняные горшки). Ребятишки сосали обрубки сахарного тростника. Манговые ядра лежали на земле между грубосработанными сиденьями, изображающими черепах и кайманов.

Внутри вся крыша малока буквально утыкана стрелами, воткнутыми в брусья и жердины, поддерживающие кровлю. Это общий арсенал, где каждый, в случае надобности, может запастись этим метательным оружием.

Под той же кровлей свободно разгуливают дикие животные, которых индейцы, со свойственным им терпением, сумели приручить. Маленькие пекари, тату, агути и козлята скачут и прыгают, хрюкают и ворчат. Черная обезьяна коата старательно перебирает шерсть молодого ягуара и с наслаждением грызет выловленных паразитов. Яркие ара с крепкими, крючковатыми клювами немилосердно кричат; хокко гнусаво гогочут, поклевывая маис; хмурые саваку сосредоточенно дремлют, стоя на одной ноге и спрятав длинный, как у цапли, клюв в перья своего пушистого зоба.

Среди этого зверинца плавно и лениво, взад и вперед, двигаются женщины, а дети, прикрытые только одной своей невинностью, скачут и кувыркаются, как настоящие маленькие бесенята.

Хотя это примитивное жилище, под кровом которого уютится целый клан, состоит только из кровли, тем не менее воздух в нем до того зловонный, что непривычному челове-

ку трудно вынести это даже несколько минут.

Лес, окружавший малока, вырублен, повсюду торчат пни вышиною в метр, а между этими пнями растут маис, тыква, сахарный тростник, пататы и маниок, там и сям высоко раскинулись колоссальные бананы.

Возвращение краснокожих воинов радостно приветствуют все животные. Но вид белых людей вызывает настоящую панику и заставляет их разбегаться и разлетаться во все стороны. Все эти птицы и животные, свыкшиеся с краснокофейным цветом кожи индейцев и даже с их страшной татуировкой, приходят в невыразимый ужас при виде бледных, белых лиц, которых они никогда не видали раньше.

Одно обстоятельство заставляет наших четырех друзей призадуматься: воины не расстаются со своим оружием, даже придя домой, в этой совершенно мирной обстановке. Это – плохой признак, не предвещающий ничего доброго. Они прекрасно это сознают, несмотря на спокойное и серьезное выражение невозмутимых, неподвижных лиц.

Никто из них не поздоровался добрым, ласковым словом с женщинами, женами, матерями и дочерьми, после, быть может, довольно продолжительного отсутствия. Вместо ласки дети, которые при виде белых, подняли истошный крик, были награждены полновесными затрещинами.

Едва ступив под кров, воины принялись за свое обычное домашнее занятие – за пьянство.

Среди множества запахов, которые ударили в нос белым,

они сразу отличили сильный запах спиртового брожения – чрезвычайно едкий запах кашири. Краснокожие совершенно не знают меры в потреблении спиртного.

В центре малока, на самом почетном месте, поставлены два огромных обрубка древесных стволов, вышиною в три метра, диаметром в полтора метра, снабженные внизу краном, из которого сочится капля за каплей жидкость, превратившая земляной пол малока в небольшую яму.

Оба эти громаднейших ствола внутри выдолблены и представляют собою котлы, в которых вырабатывается хмельной напиток, столь полюбившийся индейцам и получающийся от брожения сахарного тростника, бананов, ананасов, маниока и маиса.

Весьма разборчивые в спиртных напитках, индейцы разнообразят свой кашири в зависимости от вкуса и каприза или обилия продуктов брожения в данный момент, отчего состав напитка меняется.

Этот напиток, однако, – не праздничное угощение, как это можно было бы подумать, а повседневное питье, потребляемое во всякое время дня и даже ночи.

Индейцы, как мужчины, так и женщины, вечно пьяны, когда они дома. И не удивительно: им стоит только подойти к этим громадным чанам, отвернув кран, подставив под него сосуд и осушив его, повторять эту операцию до тех пор, пока они будут в состоянии также.

Чаны эти являются общей собственностью также как их

содержимое, — нужно только наполнять их, чтобы они не опустели. Женщины сообща обрабатывают плантации, дающие в изобилии сырье для кашири.

Утолив жажду излюбленной хмельной влагой, туксау Лууди, все время не спускавший глаз со своих пленников, вздумал пригласить и их принять участие в пиршестве.

Но те дали понять туксау, через его переводчика, что они хотели бы скорее утолить голод, чем жажду.

На это туксау величественным жестом раздобывшегося пьяницы отдал женщинам приказание накормить этих людей, которые так глупо просят есть в то время, как им предлагают пить, сколько влезет.

Женщины исполнили распоряжение своего вождя с присущим им безразличием.

Гости с жадностью набросились на предложенную им пищу, как люди, давно уже не евшие и сильно мучимые голодом. Громадные куски копченой рыбы, всякого мяса и кассавы быстро исчезали в их желудках, после чего они отведали и кашири, которое хозяева весьма радушно предлагали им.

До сего времени все шло, как нельзя лучше. Но вскоре дало себя знать всеобщее опьянение. Малока, в которой до того царил сравнительная тишина и спокойствие, вдруг огласилась шумом, возраставшим с каждой минутой.

Среди этого шума послышалось несколько глухих трубных звуков, перемежавшихся с резким свистом свирелей.

Затем медленным, ленивым темпом забил барабан из выдолбленного внутри древесного ствола, обтянутого кожей кариаку.

Самые молодые воины начинают танец с медленных движений. Мало-помалу темп этой варварской музыки учащается, пляска тоже становится оживленнее, разнообразнее, телодвижения быстрее, затем индейский танец, эти невероятные гимнастические упражнения, эта безумная, бешеная пляска, разворачивается вовсю.

Каждый из танцоров исступленно выплясывает что-то свое. Им уже недостаточно глухих ударов своеобразного барабана, свиста и воя свирелей. Охмелевшие и точно обезумевшие исполнители этого чертова хоровода начинают сами выть и выкрикивать какие-то нечленораздельные звуки, издавать завывания, подражая звукам животных, – и все это сливается в какое-то непостижимое смешение диких звуков. Между тем неучаствующие в этом бешеном хороводе с наименьшим бешенством поглощают хмельную влагу, причем опьянение их доходит до крайних пределов.

Искатели хинных деревьев начинают серьезно беспокоиться при виде этого безумия и свирепых взглядов, которыми преследуют их осатанелые дикари.

Они плотнее сдвигаются друг с другом в самом дальнем конце малока и ищут глазами оружие, ожидая с минуты на минуту страшного, решающего момента. Но, по-видимому, все это еще только вступление.

Пажет, который пользуется среди этих людей властью, по меньшей мере равной, если не большей власти таксау, извлекает из своей костяной свирели столь резкие и пронзительные звуки, что они покрывают собою царящий кругом гвалт. При этом, словно по мановению волшебной палочки, внезапно прекращается и пляска, и шум.

Тогда старик, уже совершенно пьяный, запинаясь и икая, произносит немногословное обращение, которое остальные приветствуют громкими криками.

Обливающиеся потом, словно вышедшие из воды, воины жадно пьют круговую чашу и собираются вокруг путешественников, продолжающих сидеть неподвижно и безмолвно на одном и том же месте.

– Кой черт! Что они задумали сделать с нами? – пробормотал Маркиз.

– Мне кажется, что пришел час уложить кое-кого из них на месте! – отвечает Винкельман, незаметно придвигаясь к большому топору, воткнутому в одну из балок, поддерживающих кровлю.

– Повременим еще немного, – возражает Шарль, – возьмемся за оружие лишь в крайнем случае, но не раньше!

В этот момент к нему подходит пажет с небольшой миской, в которую налита какая-то тестообразная белая масса, и ставит миску подле Шарля на землю. Затем, не сказав ни слова, он присаживается на корточки перед ним, подымает одну за другой ноги молодого человека и заворачивает до

коленей его холщовые панталоны.

При виде белого цвета кожи этих ног индейцы невольно вскрикивают от восхищения и удивления. Старик, все также неподражаемо спокойный, обмакивает палец в белую массу и рисует ею, довольно правильно и равномерно, с быстротой, поразительной для его лет и опьяненного состояния, на обоих голенях Шарля какие-то значки. Затем его ученик, неотступно следующий за ним, подобно тени, и жадно ловящий каждое его слово и движение, почтительно подает ему другую миску с красной краской руку.

Пажет обтирает свой палец, испачканный белой краской, об одну из шкурок пальмовых белок, висящих у него на поясе, погружает этот палец в красную краску и разукрашивает шестью красными точками анатомический рисунок, изображенный им на коже белого человека.

– Что ты делаешь, старик? – спросил его Шарль, удивленный этой процедурой, которой он, однако, считал за лучшее беспрекословно подчиниться.

– Ты это и сам видишь, вождь, – отвечает, икая и отрыгивая, старый пьяница, – я изображаю на твоих голенях кость, из которой изготавливается священная свирель канаемэ, как ты, вероятно, знаешь!

– Хм! Уж не думаешь ли ты использовать мои кости на то, чтобы под звуки сделанных из них свирелей заставлять плясать твоих краснокожих!

– Не знаю!

– Но я-то прекрасно знаю! Разрисовать мои ноги я могу тебе позволить. Это совершенно безобидная забава, но не думай, пожалуйста, что я позволю тебе пойти дальше этой простой шутки!

– Белый сердится... Напрасно! Таков обычай у ширикума, и его всегда соблюдают по отношению к почетным гостям, которых желают почтить особым уважением.

– Я согласен подчиниться вашим знакам уважения до тех пор, пока они не перейдут пределов безобидного развлечения или просто вежливости по-вашему!

Хозе, Маркиз и Винкельман подверглись той же операции, по меньшей мере странной. Мускулатура последнего возбуждает удивление и восхищение пажета и вызывает крики восторга у воинов, которые никогда не видывали подобного атлетического сложения.

– Ладно, ладно!.. – ворчит про себя эльзасец, относящийся к индейцам все более и более недоверчиво. – Восхищайтесь себе нашими ногами, если хотите, но вы сейчас увидите, как я вас разнесу, если вы посмеете зайти слишком далеко в своей шутке. Гром и молния! Выделывать свирели из наших костей!.. Попробуйте только, клянусь, здесь не останется никого, кто бы мог насвистывать на этих свирелях!

Между тем индейцы смотрят, добродушно и глупо осклабившись. Белые начинают уже ощущать от этого восхищения какую-то неловкость.

– Знаете ли что, господин Шарль, – говорит, наконец, Маркиз, не без некоторого основания, – у нас должен быть, вероятно, страшно глупый вид, с засученными, как у рыбаков, панталонами, и ногами, разрисованными этим старым шутом, от которого так и несет спиртом!

Шарль с каждой минутой настораживается все более и более. Не тратя времени на ответ Маркизу на его шутовское, но верное замечание; он осторожно запускает руку под свою шерстяную фуфайку и приоткрывает кобуру с револьвером.

Индейцы надвигаются на них сплошной стеной, не проявляя, однако, никаких признаков враждебности. С непередаваемой жадностью и благоговением они смотрят на предметы, находящиеся у пришельцев. Часовую цепочку и никелевый брелок, выглядывающие из-под фуфайки Шарля, пажет снимает с ловкостью настоящего карманного воришки. За цепочкой, конечно, появляются часы, и вместе с нею переходят немедленно в руки удивленного туксау. Та же участь постигает карманный компас и уже в следующий момент этот полезный предмет висит на шее у старого пажета, в качестве почетного ордена.

Теснимые со всех сторон, чувствуя десятки рук, обирающих их ловко и проворно, без малейшего насилия, так что любой английский карманный вор мог бы позавидовать им, припертые спиной к чанам, наши друзья видят, как индейцы все ближе и ближе подступают к ним. Не в состоянии двинуться, смотрят, как все их маленькие вещицы и безделуш-

ки, одна за другой, исчезают в руках индейцев, в том числе даже пуговицы с их курток, пока, наконец, и самый револьвер Шарля не выскальзывает у него из вспотевшей руки и не становится добычей второго вождя, который внимательно разглядывает его со всех сторон.

Когда ничего более не осталось, что бы можно было отнять у них, индейцы немного отступили. Четверо друзей могли, наконец, свободнее вздохнуть и почувствовали истинное облегчение, избавившись от назойливого и отвратительного прикосновения этих цепких темных рук.

Еще совершенно ошеломленные, наши друзья не успевают обменяться взглядами или словом, как вдруг в малока раздается оглушительный выстрел. Страшный, протяжный крик ужаса и затем вой от боли сопровождают его. Одновременно с этим туксау подносит руку к груди, из которой бьет ключом струя алой крови, отступает на два-три шага назад, с широко раскрытым ртом, искаженным лицом, вытаращенными глазами и вдруг грузно падает на землю.

Индейцы, удивленные, недоумевающие, перепуганные, разбегаются во все стороны с пажетом во главе, точно стая рыжих обезьян. Второй вождь, онемев от страха, не помня себя и не понимая, в чем дело, выпускает из рук револьвер и стоит, остолбеневший, среди облака дыма над индейцем, которого еще подергивают последние предсмертные судороги.

Несмотря на волнение, вызванное этим несчастным случаем, жертвой которого так же легко мог стать и кто-нибудь

из них, наши искатели хинных деревьев не растерялись.

Шарль кинулся вперед и, подняв с земли оружие, быстро сунул его в карман своей куртки. Маркиз схватил тесак, который ему протянул Винкельман, а последний вооружился топором, воткнутым в балку, который он уже давно облюбовал. Хозе без особых церемоний завладел тяжелым кастетом из дерева итоба, который в руках сильного человека становится страшным оружием.

Тем временем индейцы, несколько оправившись от страха и видя, что гром не гремит больше под кровлей малока, набираются храбрости и подходят ближе, затем окружают труп убитого вождя и окликают второго вождя, растерянность которого теперь уступила место выражению алчности.

Его спрашивают, он отвечает отрывочными фразами. Он ничего не знает, ничего не понимает и не может себе объяснить, почему вождь, который только что был жив и здоров, вдруг сражен, точно громом.

Он взял вещь белого человека, внимательно осмотрел ее со всех сторон, пощупал, и вдруг эта вещь превратилась в гром, а вождь пал, как подкошенный.

Невольный убийца, несмотря на весь испытываемый им ужас, все-таки чувствует, что хмель власти начинает опьянять его. Это завидное, так неожиданно освободившееся место всегда могут впоследствии оспаривать у него другие, такие же второстепенные вожди племени, живущие в малых малока со своими людьми, в этом же лесу, неподалеку отсю-

да. Нужно не упускать благоприятного случая!

И вот, без дальнейших рассуждений, он наклоняется над трупом, снимает с него ожерелья, обогранные кровью, навешивает их себе на шею, на плечи, на грудь. Затем берет акангатарэ убитого, эту священную эмблему власти. Свою пренебрежительно сбросив на землю, прочно насаживает новую на черные, с синеватым отливом длинные волосы.

Все это было проделано так быстро и так неожиданно, что никто не подумал даже протестовать или оспаривать незаконность подобного действия. Все, по-видимому, примирились со свершившимся фактом.

Таким образом дело было сделано: туксау Лууди отошел в вечность, да здравствует туксау Яраунамэ! Вот каким образом рождаются династии!

По этому случаю пир возобновляется. У индейцев в обычае приступать ко всякому делу и заканчивать каждое дело выпивкой, будь оно самое важное или самое пустячное, безразлично. Они и теперь не могут обойтись без нее, чтобы не ознаменовать восшествия на царство нового вождя должными возлияниями в честь его.

Тело умершего без особых церемоний оттащили за чаны с кашири, и все до последнего принялись поглощать хмельную влагу со все возрастающей жадностью, хмелея все больше и больше.

К несчастью, путешественники замечают, что для них перемена правителя скорее невыгодна. Умерший туксау Луу-

ди, вероятно, давно уже освоившийся со всеми прерогативами власти, казался человеком скорее добродушным и не старался при каждом удобном случае проявлять свою власть, никем не оспариваемую.

Преемник же его, почуяв за собой власть, едва приобретенную им и еще колеблющуюся, вероятно, желал ее утвердить каким-нибудь решительным поступком и произвести действие, опровергающее в умах своих подчиненных даже самую возможность мысли о незаконности захвата власти.

Он задумал использовать белых, так кстати подвернувшихся ему теперь.

Между выпивками, поминутно отрыгивая и икая, он обращается с речью к своим воинам и заставляет их взяться за оружие. Возбужденных спиртом людей разжигает еще больше, заканчивает свою речь резким выкриком и, наконец, кидается вперед на группу европейцев и мулата.

Но последние вовремя догадались о его намерениях и, видя, что нельзя далее терять времени, решили во что бы то ни стало выбраться из этой западни или же дорого продать свою жизнь.

Они немного расступились, чтобы удобнее было действовать, и уверенно замахиваются своим оружием в тот момент, когда вся эта густая, пьяная, шумная толпа краснокожих, точно лавина, устремляется на них неудержимым потоком.

Индейцы вообще питают полнейшее пренебрежение к смерти. Если только они вступили в бой, то дерутся отчаян-

но, не зная страха, не признавая боли и умея умирать с изумительным спокойствием и присутствием духа.

Поэтому ни смелая осанка искателей хинных деревьев, ни их мужественный и решительный отпор, ни страшные удары, наносимые ими, не могли остановить краснокожих.

Подавленные громадной численностью врагов, несчастные путешественники, оглушив, искалечив, распоров животы первых нападающих, отступили к чанам с кашири, и здесь в них вцепляются темные крючковатые пальцы. Белые изо всех сил борются, но напрасно.

Шарля схватили за руки и за ноги, и он видит, как к нему приближается колдун, вооруженный саблей. Старик срывает с него куртку, прикрывающую грудь молодого человека, и готов уже проткнуть ему горло концом своей сабли. И, – о, чудо! – его рука повисает, как от электрического удара. Сабля выпадает из его рук, и он издает такой крик, который покрывает собою вой толпы и мгновенно заставляет замолчать даже самых свирепых.

Глава XV

Талисман. – Мать канаемэ. – Туксау Лууди за все рас-
плачивается. – Пажет жалеет о голенях белых людей. – От-
ступление. – Удавшаяся экспедиция, но стоившая дорого. –
Тромбетта. – Отчаяние. – Состояние Маркиза ухудшается. –
Винкельман повеселел. – Голод. – Самоотвержение. – Чело-
век, живущий голодом и чувствующий себя прекрасно. – Ку-
рукури-Оуа. – Плот. – Скудный обед. – Плавание. – Черепа-
ха. – Предчувствия. – Катастрофа.

– Ожерелье маскунан! – отчаянно кричит колдун и по-
добострастно склоняется перед белыми, которых только что
хотел убить.

Воины следуют его примеру.

– Ожерелье маскунан!.. Маскунан! – повторяет старик с
недоумением.

И это слово, произносимое с чем-то вроде суеверного ужа-
са, шепотом переходят из уст в уста, действуя на всех, как
неотразимый талисман.

Кольцо индейцев, сплошной стеной обступивших искате-
лей хинных деревьев, постепенно раздвигается, и все отсту-
пают от них с какой-то суеверной почтительностью. Тогда
белые встают на ноги, не веря своим глазам и не понимая,
какому чудесному вмешательству они обязаны своей жизнью.

Между тем колдун, успевший уже прийти в себя, подхо-

дит к Шарлю, дотрагивается до ожерелья, как бы желая убедиться в том, что оно действительно настоящее, а не подделка, и обращается к молодому человеку:

– Белый знает маскунан – мать всех канаемэ, жаопири, уятуэ, уатча, кара, парикотэ и ширикума?!

– Ты же сам это видишь!

– А почему маскунан дала белому это ожерелье?

– Дитя той, которую ты назвал матерью всех канаемэ, умирало, и я предложил лекарство, от лихорадки, а маскунан в благодарность сама надела мне на шею это ожерелье.

– Да... Это так! Почему же ты не сказал, что носишь ожерелье, делающее тебя другом всех индейцев?

– А почему ширикума, прикинувшись друзьями, хотели предательски убить белых? – строго и сурово спросил Шарль. – Разве ширикума забыли индейское радушие и гостеприимство? Разве у них в обычае убивать человека, который с полным доверием идет в их малока и пьет с ними их кашири?

– Прости, вождь, ширикума не знали до сих пор белых! Это все туксау Лууди виноват! – смело лжет лукавый старик. – Но туксау Лууди мертв, он умер, убитый мщением маскунан. Маскунан всемогуща и может говорить в гrome. Теперь ты свободен, ты и твои люди. Вы можете идти, куда хотите, и ваши красные братья не сделают вам вреда!

Затем, обращаясь к ширикума, до того растерявшимся, что они даже забыли на время о своем кашири, колдун про-

изнес на их родном языке довольно длинную, наставительную речь, в которой несколько раз повторялось слово маскунан, причем указывал на искателей хинных деревьев, удивленных тем, что им посчастливилось так легко отделаться.

Покуда колдун говорил свою речь, Шарль перевел товарищам свой разговор с ним. Маркиз, обрадованный тем, что остался жив, сразу пришел в прекрасное расположение духа, несмотря на то что его сильно мучила экзема.

– Словом, – сказал он, в виде заключения, – хорошо все то, что хорошо кончается, и если вы хотите послушать моего совета, то расстанемся поскорее с этими милыми господами, которым я доверяю только наполовину. Прежде всего начнем с того, что опустим наши штаны и скроем от их глаз отвратительные рисунки, какие на них изобразил этот старый мазила. Как бы все-таки это не внушило им мысли... невзирая на ожерелье старухи, приступить к ампутации...

– Вы правы, Маркиз! Надо уходить поскорее... С этими пьяницами трудно предсказать, что может случиться. Эй, да посмотрите только...

Пока они вполголоса обменивались этими словами, индейцы, которые не могли решиться так мигом прервать начатый пир, нашли средство удовлетворить странные инстинкты и в то же время пощадить белых, находящихся под покровительством их старой жрицы.

Колдун увидел тело убитого туксау, все еще лежавшее в грязной лужице у чанов с кашири. Не долго думая, он схва-

тил свою саблю и, быстро нащупав суставы одной из ног мертвого, одним ударом, с ловкостью опытного хирурга, отделил эту ногу и с самым серьезным видом протянул ее новому вождю. Затем с той же ловкостью он отрезал и вторую ногу умершего, которую поднес своему ученику, принявшему этот дар со всеми признаками величайшего уважения. После этого, как ни в чем не бывало, колдун возвращается к нашим путешественникам.

– Мы уходим! – коротко заявил ему Шарль, которого мучило от омерзения к старику.

– Как желаешь, вождь!

– Ты распорядись дать нам муки и копченой рыбы!

– Да!

– И пусть туксау назначит людей, чтобы проводить нас до Курукури-Оуа!

– Нет!

– Почему нет?

– Потому, что сегодня праздник в малока... и, как ты сам видишь, – большой кашири. Теперь никто из воинов не пойдет отсюда. Если хочешь, можешь остаться с нами и пить кашири сколько хочешь. А потом мы изготовим тэикуиэмэ из голени покойного туксау и будем плясать до рассвета!

– Что вам рассказывает этот старый черт? – спросил Маркиз у Хозе.

Тот перевел ему по-португальски.

– Ну, нет! – воскликнул парижанин. – Я хочу сейчас же

уйти отсюда! Пусть эти животные справляют свой дьявольский шабаш без нас. У меня нет ни малейшей охоты плясать с ними: мне все будет казаться, что у меня отнимаются ноги.

– Какое несчастье, – проговорил шепотом колдун, как будто поняв слова Маркиза, – какое несчастье, что вы повстречались с маскунан! Ну что же делать, видно, сегодня ширикума еще не получают своих тэикуиэмэ от белых людей! Придется подождать до другого раза!

Между тем наши четверо друзей поспешно снаряжаются в дорогу, забирают, сколько можно, припасов, набивают себе карманы плодами, захватывают каждый по сабле и спокойно уходят, не сказав ни слова, не сделав ни одного лишнего жеста. Таков обычай у индейцев.

Со своей стороны, ширикума, занятые своими делами, также, по-видимому, не обращают на них никакого внимания и позволяют им уйти, прикидываясь совершенно безучастными.

Оставив за собой возделанные поля, искатели хинных деревьев снова очутились в девственном лесу.

Что же они будут делать, не имея при себе ничего необходимого, с запасами, которых хватит всего на два дня, и не имея даже компаса, чтобы проверить направление?

К довершению беды, болезненное состояние Маркиза значительно ухудшилось. После двух часов ходьбы по лесу он стал с трудом передвигать ноги; но, опираясь на палку, срезанную на опушке леса, он все-таки старается преодолеть

свой недуг.

– Странное дело, – шутит он, – не смешно ли, друзья, что я на трех ногах двигаюсь хуже, чем вы на двух?!. При вашем свидании с госпожой маскунан, вы, мосье Шарль, забыли взять у нее один очень полезный рецепт.

– А какой именно?

– Рецепт, как ехать верхом на помеле! Как колдунье, этот род передвижения должен быть ей знаком. Теперь бы он был мне очень кстати.

Эта веселая шутка на мгновение развеселила всех и вызвала у Винкельмана такое возражение:

– Да полно вам церемониться! За отсутствием колдуньи и помела, я не хуже их сослужу вам ту же службу! Я берусь донести вас хоть до самого Атлантического океана!

– Ах, друг мой, я почти ничего не смею возразить, хотя все-таки подождите, дайте мне еще похудеть! На это потребуется немного времени: у меня желудок что-то совсем не принимает пищи, и я, право, не истреблю много провизии. Ну-ка, побежим рысью! Все равно я скоро буду не в состоянии идти, так хоть пробежать, сколько хватит сил!

Продолжать подъем в гору они не могли, Шарль счел за лучшее как можно скорее спуститься в долину. Понятно, что о поиске хинных деревьев теперь не было и речи. Впрочем, цель экспедиции была уже достигнута: путешественники полностью убедились, что обработка хинных деревьев в этой области может быть весьма прибыльна.

К сожалению, прежде чем подумать об извлечении прибылей из этих щедрой рукой рассыпанных здесь природных богатств девственного леса, необходимо было вернуться домой.

А это значило пройти свыше трехсот километров по совершенно дикой стране, где еще не ступала нога белого человека, пробираться через лес, переправляться через реки, ручьи и потоки, переходить болота и топи: рисковать встречами с дикими зверями или индейцами браво, идти без карт и проводников, без припасов, да еще с больным товарищем. Такова была почти неосуществимая задача, перед которой отступила бы даже хорошо оснащенная экспедиция, но на которую смело отважились наши неустрашимые искатели хинных деревьев.

Местность эта пользовалась самой дурной славой и всегда оказывалась роковой для ее исследователей.

В пятидесяти километрах от того места, где в данный момент находились наши путешественники, они должны были встретить западный рукав Рио-Тромбетта, Курукури-Оуа. Неподалеку от истока этой таинственной реки расположены заброшенные поля с обгорелыми пнями и остатки покинутой деревни, носившей некогда название Манури.

Человек двадцать пять или тридцать предприимчивых французов, отправившихся на поиски, почили вечным сном под этими развалинами. И не осталось, никаких следов их пребывания здесь кроме этих обгорелых пней и нескольких

плодовых деревьев, насаженных ими и успевших уже одичать.

За пятнадцать лет пять или шесть экспедиций отправлялись исследовать Рио-Тромбетта. Но спустя несколько недель по их отправлении из Обидоса о них перестали получать какие-либо известия. Вероятно, все умерли или от лихорадки, или зарезанные канаемэ...

Итак, наши четверо путешественников спешили покинуть область хинных деревьев и спуститься в долину Сиерры да-Луна. Благодаря спуску путь их был немного легче в первой половине первого дня. И Маркизу этот способ путешествия был как нельзя более по душе, так как приходилось все время спускаться, а это не требовало от него больших усилий. К сожалению, при спуске в низины вновь стала появляться густая растительность: лианы и другие растения-паразиты образовали здесь непроходимые чащи, через которые пролегли лишь едва заметные индейские тропы.

После не столь долгого, сколь трудного пути путешественники расположились лагерем у неглубокого ручья, образовавшегося вследствие стоков с гор. Теперь у них не было гамаков, предохраняющих от холода и влажной почвы, не было и огнива и кремня, чтобы разжечь костер и сварить себе пищу. И вместо ужина пришлось довольствоваться кусочком копченой, почти сырой рыбы и кассавой.

К счастью, находчивый Винкельман соорудил вместо га-

мака подобие помоста из жердей на подставках и сверху набросал листьев, на которые и уложили Маркиза, разбитого и измученного, трясущегося от лихорадки.

На следующий день состояние больного настолько ухудшилось, что товарищи серьезно встревожились. Пупыри, превратившиеся в настоящие нарывы, полопались, из них вытекала желтоватая слизь неприятного вида. То, что в других условиях было бы простой болячкой, или небольшим нездоровьем, легко поддающимся разумному необходимому лечению, при данных обстоятельствах становилось весьма серьезным.

Его ноги, искусанные насекомыми, исколотые шипами и терниями, перерезанные в десяти местах режущими травами, превратились теперь в одну сплошную рану. Вспухшие суставы почти не сгибались, причиняя бедному страдальцу невыносимую боль. Тем не менее он пытался было идти, но скоро упал от истощения. Тогда эльзасец попросту взвалил его себе на спину.

Еще опаснее был предстоявший голод: съестные припасы истощались, а лес ничего не давал. Путникам пришлось уже перейти на улиток.

На третьей сутки стало еще хуже. В течение целых шести часов путешественники нигде не находили ни воды, ни чего-либо съедобного. Хозе стал ощущать приступ лихорадки, и Шарль уже предвидел момент, когда ему придется последовать примеру Винкельмана и взвалить мулата себе на пле-

чи.

Между тем Курукури-Оуа должен быть недалеко: благодаря своему превосходному знанию девственных лесов молодой француз, так сказать, чувствовал близость реки. Почва в лесу стала более влажной, флора была болотного характера, там и сям появились кайенские пальмы и группы гвианских тростников.

Молодые ростки кайенской пальмы дали возможность изголодавшимся путникам несколько утолить мучивший их голод.

И все же местность становится все более и более дикой. Нигде нет и следов жилья, ни малейших признаков человеческого присутствия. Даже индейские тропы, эти смутные, едва уловимые привычным глазом отпечатки человеческого следа, давно пропали. Кругом, куда ни кинешь взгляд, нетронутая, девственная природа во всей своей неприкосновенности.

Лес, всюду лес, из-за которого не видно солнца, не видно горизонта, под темным сводом его царит тяжелая, удушливая атмосфера, влажная, жаркая, раздражающая нервы и пропитанная разлагающимися органическими остатками.

Хозе тоже не в состоянии двигаться дальше, Маркиз в бреду, а двое остальных, обливаясь потом, измученные этим безостановочным переходом, чувствуют мучительный голод и совершенно изнемогают от усталости.

Каждые десять минут приходится останавливаться для передышки.

Но вот Хозе падает и не может подняться Шарль подымает его и взваливает себе на плечи, но эльзасец протестует, уверяя, что отлично снесет обоих больных.

– Ба, да я еще пройду двенадцать часов не евши! – невозможно заявил он.

– Да вы просто с ума сошли, мой бедный друг, – возразил Шарль. – Еще минута, и с вами будет удар!

– Я считаю двенадцать с одним больным, а с двумя – ну, скажем, всего шесть часов! А через шесть часов будет какая-нибудь перемена! Если вы согласны, сделаем так река, как вы говорите, недалеко. Так вот, если бы вы один отправились вперед на разведку, я бы тем временем отдохнул. Что вы на это скажете?

– Я скажу, что вы совершенно правы! Побудьте здесь, а я сейчас отправлюсь на разведку!

– Да погодите минуту!

– А что?

– Вот возьмите и скушайте это... это, конечно, не много, но все же даст вам силы на время! – с этими словами самоотверженный эльзасец достал из кармана небольшой кусочек кассавы, который он хранил у себя, не дотронувшись до него в течение почти двух суток.

Шарль, растроганный до слез этим самоотвержением, энергично отказывается, но эльзасец настаивает, наконец,

сердится.

– Да полно же вам упрямитесь!.. Кушайте, я этого хочу... это мой каприз! Ведь нашим больным сейчас ничего не надо, а мне здесь и на зуб положить нечего! Вы, видно, не знаете, что там я голодал целые годы, работая как несколько лошадей. Это хорошая школа, могу вас уверить!

Однако молодому человеку удастся только добиться одного – принудить его разделить с ним последний остаток пищи.

Затем Шарль исчезает, хрустя кассавой и стараясь как можно дольше продлить это удовольствие и обмануть свой голод.

В каких-нибудь пятистах метрах от того места, где его бедные товарищи растянулись на земле, Шарль находит проток, шириною в полтора метра, текущий на север.

– Наконец-то! – восклицает он глухим голосом. – Эта тропа пирог куда лучше всякой индейской тропы; без сомнения, это приток Курукури. И сама река, вероятно, недалеко, так как она протекает между параллельными отрогами Сиерры, которые я вижу примерно в двух милях отсюда.

Обнадеженный этим открытием, он быстро спускается вниз по течению протока на протяжении двух километров и вдруг издает радостный крик при виде величественной и красивой реки, шириною около тридцати пяти метров, текущей, как он и предполагал, на запад.

– Не подлежит сомнению, это – один из истоков Верхнего Тромбетта! – мысленно решает он. – Вот наш обратный путь,

который приведет нас на Марони! Какая жалость, что нет у нас хорошей пироги и пары надежных весел! За два дня мы спустились бы до слияния этой реки с другим истоком Тромбетта, Уанаму, и поднялись бы по ней до Тапанахони, который впоследствии делается нашим Марони!

Э, да впрочем, когда нет пироги, то можно и без нее обойтись, изготовив плот. К счастью, в материале нет недостатка. Этот плот я могу сколотить один, пока бедняга Винкельман отдохнет. Это дело всего каких-нибудь двух-трех часов... Довольно разглагольствовать! Пора за работу!..

Выбрав небольшую рощицу камбрузов, этих превосходных гвианских тростников, соперничающих с лучшими азиатскими бамбуками, Шарль, не теряя времени, проворно срезает лучшие стволы, длиной в семь-восемь метров, и кладет их друг подле друга на землю. Как известно, бамбук чрезвычайно легок и держится на воде, как пробка, благодаря своим плотным и совершенно полым внутри стволам, разделенным на определенном расстоянии плотными перегородками.

Поработав тесаком без малого два часа, Шарль соединил тростинки на концах и по краям молодыми побегами, тонкими, гибкими и крепкими, как джутовые веревки. Затем, довольный тем, что ему удалось так успешно и так живо оборудовать, это дело, поспешил вернуться к стоянке, где застал неутомимого Винкельмана за свежеванием громадного игуана, которого он застиг спящим.

– Победа, господин Шарль! – кричит он. – У нас есть теперь чем закусить... Смотрите, какая ящерица, ведь в ней не меньше шести фунтов чистого мяса! А так как у нас нет огня, чтобы ее изжарить, то мы съедем ее сырой: это в значительной степени ускоряет приготовления к столу!

– Да, это дает нам возможность пообедать сейчас же!

– Какой у вас счастливый и довольный вид! Я готов поспорить, что вы нашли реку!

– Не только реку, но еще обеспечил нам и дальнейшее путешествие! Завтра поутру мы уже будем плыть по Курукури, наши бедные больные будут спокойно лежать, тогда как нас будет нести по течению. Мало того, я предложил бы даже вам тотчас после обеда отправиться к реке, там мы гораздо лучше проведем ночь, чем здесь.

– Как вам угодно! – согласился эльзасец. – Вот только заморим червячка, проглотим несколько кусков этой жирной живности, и я весь к вашим услугам!

Благодаря предусмотрительной заботе Шарля, все четверо путешественников имели возможность переночевать на плоту, который спустили на воду только с рассветом. Затем на нем соорудили небольшой навес из листьев, чтобы оградить больных от палящих лучей солнца, и когда все это было устроено, легкое судно, управляемое Шарлем и эльзасцем, вооруженными длинными и крепкими шестами, благополучно отошло от берега.

Первый день этого плавания был особенно счастливым.

Шарлю удалось поймать огромную сонную черепаху, и эта черепаха надолго обеспечила пропитание маленького общества. Маркиз, которого смазали с ног до головы жиром игуаны, почувствовал себя несколько лучше.

Что же касается Хозе, то спокойно проведенная ночь и половина дня вернули ему отчасти его силы. Вкусный и большой кусок черепахи, съеденный сырым, довершил его выздоровление.

Теперь он уже был в состоянии помогать товарищам в управлении плотом, управлении весьма не трудном, заключающемся главным образом в том, чтобы удерживать плот посредине течения.

Местами они перескакивали через небольшие быстрины или пороги, но так как вода была высока, а плот очень легкий, то он беспрепятственно проносился над этими преградами, и только быстрота хода его на время увеличивалась от этого.

Благодаря прочности, гибкости и необычайной легкости своего строительного материала, плот превосходно держался на воде. Единственным его неудобством являлось то, что временами его захлестывало водой, и плотовщики стояли по шиколотку в воде, но при температуре в 40 градусов это не так страшно.

Так прошло двое суток. На ночь приставали к берегу; по-прежнему питались сырым мясом черепахи, но общее настроение заметно улучшилось. Маркиз уже не бредил, только экзема по-прежнему мучила его.

На третий день, поутру, Шарль заметил, что Курукури быстро расширяется. От берега до берега расстояние увеличивается до ста метров и даже больше. Это заставляет его предполагать, что они приближаются к слиянию этой реки с Оуанаму, совместно с которым она образует Рио-Тромбетта.

Товарищи разделяют с ним это мнение, совершенно справедливое, и радуются, что вскоре будут всего в каких-нибудь тридцати лье от Тумук-Хумак.

Однако Шарль встревожен и озабочен: ему слишком хорошо известен характер рек Гвианы, чтобы не знать, что они все изобилуют стремнинами и водопадами страшной, вышины, а потому отсутствие такого серьезного водопада на всем этом протяжении крайне удивляет его. Он опасается, что в последний момент они вдруг встретят такую преграду, и ему невольно вспоминается Арагуари в верхнем течении, воды которого вдруг низвергаются со стены высотой в двадцать метров. Шарль предчувствует, что и на Курукури их ждет нечто подобное.

И вдруг, когда он предается этим тревожным ожиданиям, его слуха достигает глухой рокот и шум воды.

– Я так и знал! – восклицает он. – Эта проклятая река похожа на другие здешние реки.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил эльзасец.

– Нам надо скорее пристать к берегу, друзья, если только не поздно уже; не то нас сбросит в пропасть этот водопад! Эй, дружнее, ребята! Налегайте на шесты! Скорее к берегу!

Все хватаются за шесты, погружают их в воду, упираются, и вдруг Винкельман воскликнул:

– Гром и молния! Я не нахожу дна!

– И я тоже! – почти одновременно вскрикивают Маркиз и Хозе.

– Ах, если бы у нас был канат, один из нас доплыл бы до берега и причалил плот!

– Что делать? Боже мой, что делать?!

– Поздно! Нас уже несет течением.

Шум и рокот воды все ближе и ближе; зеленые воды летят вперед с быстротой птиц; река внезапно суживается, образуя воронку между отвесными скалами.

Менее чем в двухстах метрах впереди река вдруг обрывается и падает глубоко вниз. Втянутый водоворотом плот вертится и неудержимо мчится вперед, затем на мгновение задерживается на хребте водопада, соскальзывает и сразу скрывается в бездне, вместе со всеми четырьмя пассажирами, уцепившимися за его переплеты и поперечины.

Глава XVI

Послание отсутствующим. – После крушения плота. – Спасение. – Новые подвиги эльзасца. – Маркиз побит, но доволен. – Крокодиловы яйца на обед. – Реквизиция. – На войне приходится иногда жить за счет врага. – Фокус. – Человек-ворот. – В виду Тумук-Хумака. – Новые несчастья. – Открытие. – Голод. – Четверо суток терзаний. – Отчаяние. – Спасены. – Негры бош. – Все хорошо, что хорошо кончается. – Эпилог.

Усадьба «Бонн-Мэр» на Марони (Голландская Гвиана)
15-е августа 188...

«Мой милый Фриц!

Завтра утром с Марони отправляется голет, который привезет вам всем вести о нас. Господин Шарль написал своему отцу подробный отчет о путешествии, совершенном нами по Независимой Гвиане, или спорной территории. Но так как его реляция останавливается на колоссальном прыжке в воду, проделанном нами на одной из тысячи и одной рек, встреченных нами на пути, то наш добрый господин поручил мне рассказать вам эту анекдотическую часть нашей экспедиции.

Прежде всего я должен сказать тебе, мой милый Фриц, что ты вполне можешь гордиться своим превосходным и благородным братом: это в полном

смысле слова герой, человек, исполненный мужества, самоотверженности и доброты сердечной.

Что бы с нами было, если бы не он! Особенно я, о котором он заботился и за которым ухаживал, как самая нежная мать; при одном воспоминании об этом у меня туманятся глаза и выступают слезы.

Никогда бы я не мог предположить столько физической силы, столько нравственной энергии и столько сердечной доброты, слитых вместе в одном человеке. Здесь, в этом письме, я по крайней мере имею возможность свободно высказать свои мысли и чувства, а то при первых же словах благодарности, с которыми я обращаюсь к этому удивительному человеку, он спешит зажать мне рот, как будто мое чувство признательности к нему стесняет его. Однако, перейдем к фактам.

Мы очутились в самом ужасном и самом жалком положении, когда после исследований, произведенных нами в хинных лесах, после благополучного бегства от индейцев, покушавшихся на наши голени, готовых изготовить из наших костей свирели или тромбоны для своего увеселения, плыли на легком бамбуковом плоту по Курукур-Оуа все четверо.

В особенно жалком положении был я, прихвативший в этой проклятой местности болезнь, которую здесь называют *strigen*, и которая, в сущности, есть особый вид чудовищной экземы, представляющей собою миллионы нарывчиков, придающих человеку чрезвычайно неопрятный вид.

Твой добрый брат тащил меня на своих плечах. Бог знает сколько времени, до того момента, когда я, наконец, очнулся, как от тяжелого кошмара, на плоту.

В течение трех суток у нас не было никакой другой пищи, кроме сырого черепашиного мяса. Мы были счастливы, что наше путешествие совершалось с такой относительной легкостью. Как вдруг нас подхватило беженое течение.

Плот наш не поддавался больше управлению; шесты не доставали дна; мы кружимся, вертимся, как пробка на реке. Едва успеваем позвать друг другу руку на прощание, полагая, что наша песенка спета, как вдруг нас со всех сторон обдало громадное облако алмазной, искрящейся водяной пыли, брызжущей от воды, падающей с отвесной скалы, с высоты тридцати футов. Только я подумал в этот момент, что жизнь – прекрасная штука, даже когда живешь впроголодь, когда все суставы опухли и затекли, точно к ним привязали гири, и когда вся кожа покрыта нарывами, как вдруг я чувствую, что лечу стремглав вниз...

Гуль... гуль... гуль... бурчит вода у меня в ушах; я ничего не вижу, бьюсь в воде, как рыба на суше, машу руками и ногами, глотаю воду, как будто хочу осушить всю реку, и машинально вцепляюсь сам не зная во что.

Но предмет, за который я уцепился, не поддается, и я как сквозь сон слышу чей-то голос, поминутно прерываемый чиханиями и фырканьем, который произносит следующие слова:

– Скотина! Ведь он и себя, и меня утопит!

Подожди!..

И вот я получаю по носу такой удар, что у меня сразу в глазах потемнело и память отшибло.

А затем растирания, которые я только из вежливости назову энергичными, не находя другого выражения, чтобы передать их силу, приводят меня в чувство после продолжительной потери сознания, длительность которой я не могу определить с точностью.

И что же? Это опять же твой брат работает надо мной в поте лица. Мосье Шарль, вижу, делает то же самое над Хозе, у которого даже череп наполовину проломлен, так как его угораздило удариться головой о скалы.

Мало-помалу мы объясняем, и из этого объяснения я узнаю, что тот предмет, в который я вцепился со всем отчаянием утопающего, был человек, а человек этот был опять же твой брат, мой неподражаемый спаситель!

А удар, нанесенный мне по носу, от которого мой бедный нос посинел и следы которого и по сей час еще видны на нем, являлся, так сказать, необходимым в данном случае приемом, чтобы заставить меня присмиреть на время, без чего мы оба неминуемо пошли бы ко дну.

Это, по-видимому, даже одно из правил, преподаваемых инструкторами «Общества спасения на водах» молодым рекрутам армии спасения утопающих. Впрочем, я не жалуясь; напротив, от

всей души благодарил моего спасителя и с чувством искренней признательности кинулся ему на шею.

Таким образом я еще раз был спасен им. Я не в состоянии даже сосчитать все те одолжения, которые мне оказал этот человек: ведь, как ты знаешь, я не силен по счетной части. Я предпочитаю занести все это в один общий счет, в большую книгу моего сердца...

Каким образом и почему Винкельман и господин Шарль не были оглушены и не потеряли сознания при этом потрясающем прыжке с высоты тридцати метров, этого они и сами не знают и не могут себе объяснить.

Видя меня в надежных руках, господин Шарль оглянулся кругом и заметил какой-то комок, плавающий в пене и кружащийся в воде неподалеку от нас. Он плывет к нему, хватается его и видит, что этот комок – наш Хозе, после чего, конечно, спешит доставить его на берег.

Что же касается нашего плота, то от него и помину не осталось. К довершению всех бед, мы потеряли наши тесаки, и теперь у нас на всех четверых только один тридцатикопеечный ножик.

Невозможно соорудить новый плот, невозможно хотя бы срезать толстую палку. К тому же Хозе с разбитой головой, ослабевший от потери крови, не в состоянии держаться на ногах, да и я не многим лучше с моей экземой.

Хотя господин Шарль и твой брат еще держатся,

положение наше незавидное: у нас теперь нет ни пристанища, ни припасов, ни оружия и при всем этом мы за сто верст от человеческого жилища!

Мы вынуждены остановиться, чтобы выработать план действий.

В первый день у нас была очень необычная пища – мы обедали и ужинали крокодиловыми яйцами, которые Винкельман отыскал в песке.

На другой день, ради разнообразия, нам пришлось бы, быть может, питаться пиявками или же есть траву и древесные почки, за неимением ничего другого.

Но нет! Наш вездесущий Винкельман опять вывез нас из беды. Он отправился на разведку, совершенно один, и отсутствовал с полдня, в то время как мы умирали с тоски на своей стоянке. Мосье Шарль не захотел оставить нас из-за внушающего опасения состояния Хозе, который был в бреду и за которым нужен был уход.

Вернулся наш Винкельман торжествующий и еще издали закричал: «Друзья, радуйтесь! Теперь мы нашли способ передвижения и легкий, и скорый!.. У меня есть пирога, весла и припасы».

– Быть не может! – воскликнул мосье Шарль. – Каким это образом вы все раздобыли?

– Я ее реквизировал!

– Полноте!

– Пойдемте за мной, и по пути вы все узнаете!

И добряк снова хотел взвалить меня себе на плечи, но я отказался, указав ему на Хозе, который был в

гораздо худшем состоянии, чем я. Ни слова не говоря, он взваливает его себе на спину, словно какой-нибудь тюк, я повисаю на руке мосье Шарля, и мы спешим по следам нашего милого Винкельмана, насколько можем быстро. Это продолжается часа два; мы спешим так стремительно вперед, что Винкельман не успевает ничего рассказать нам о своем приключении.

Наконец, мы приходим к какому-то полупесчаному, полулиственному пляжу, и что же видим прежде всего? Двух индейцев, связанных спина к спине веревками от гамака, лежащих на песке и в весьма неудобном, надо думать, положении.

– Это и есть те граждане, имущество которых я реквизировал, – сказал нам твой брат, представляя нам этих двух пряничных молодчиков, которые показались мне весьма смешными. Затем он указал нам на прекрасную пирогу, лежащую на отмели всего в каких-нибудь тридцати метрах от того места, где мы стояли.

– А вот и та пирога, про которую я вам говорил. Я выволок ее на берег, чтобы эти господа в случае, если бы им удалось порвать веревки, не вздумали спустить ее снова на воду и не уплыли на ней.

– Да ведь она весит по меньшей мере пятьсот кило!

– Даже с избытком, могу вам сказать... так что мне пришлось поработать!.. И я ручаюсь, что шесть человек таких краснокожих теперь не спустят ее на воду.

– Ну, а как все это случилось? – спрашиваю я.

– Да прощайте простого! – отвечает он. – Иду я здесь по берегу, вижу: эти краснокожие рыбу ловят. Говорю им по-португальски: «Нас там четверо путешественников; согласны вы отвезти нас в пироге к истокам Оуанаму?» На это один из них, который понимает по-португальски, говорит: «Нет!» – «Мы вам хорошо заплатим», говорю. «Нет! и еще раз нет! и опять нет». – «А-а, так? Ну, в таком случае я не стану с вами долго церемониться! Ваши братья краснокожие ограбили нас, и из-за них мы теперь в таком безвыходном положении! Ну, так в последний раз спрашиваю вас, согласны вы или нет». – «Нет!»

Тогда я, не говоря бранного слова, хватаю каждого из них за одну ногу; тащу того и другого, как двух телят, к пироге, хватаю там конец веревки от гамака и затем надлежащим образом связываю их друг с другом, чтобы им не скучно было врозь. После того вытаскиваю пирогу на берег и бегу что есть духу к вам. Так ли я поступил, господин Шарль?

– Так, мой славный Винкельман, так! Лучшие нельзя было бы и придумать! – отвечает наш старший. – Бессовестный грабеж их единомышленников вполне оправдывает этот несколько бесцеремонный образ действий.

Затем, так как у нас не было ни гроша за душой, то мосье Шарль предложил индейцам доехать с нами до Марони и обещал им такое вознаграждение, которое им и не снилось.

Но эти скоты продолжают твердить: «нет и нет!»

Ну, тогда мы отдали этим бестолковым дикарям их тесаки, провиант, гамаки, один из луков, у которого, однако, сняли тетиву и наконечники стрел, оставив себе часть провианта, один лук и с полдюжины стрел. С волками жить – по-волчьи выть! Приходится иногда поневоле жить за счет неприятеля!

Покончив с этим, мы, не теряя времени, пустились в путь. Пока индейцы успеют сплести новую тетиву для своего лука и приделать древки к наконечникам своих стрел, мы уже будем далеко, и нам нечего опасаться их мщения.

Не правда ли, нам не в чем себя упрекать? Ведь мы же отнесли к ним несравненно лучше, чем атгорради к нам!

Мосье Шарль и Винкельман сели на весла, и мы понеслись по реке! Какая это была радость для нас!

К несчастью, на реке встречалось много порогов, и нам приходилось обходить эти препятствия. И если бы с нами не было этого ворота-человека Винкельмана, то мы, вероятно, десятки раз застревали бы в пути.

Но этот силач абсолютно все может! К великому нашему огорчению, у мосье Шарля случается солнечный удар, от которого он на целых двое суток делается совершенно сумасшедшим. Это уже верх всяких бед!

Хозе все еще лежит в бреду. Мосье Шарль совсем рассудка лишился, и я немногим лучше их обоих.

Только один Винкельман поспевает повсюду и управляет со всем. Он и гребет, и прерывает на

минуту свою греблю, чтобы накладывать компрессы на голову мосье Шарля и делать перевязки Хозе, и смазывать мои раны жиром, и снова берется за весла. Но вот по дороге встречается водопад. Тогда он переносит или переправляет каждого из нас поодиночке на берег, вытаскивает на берег пирогу и затем снова спускает ее на берег пониже водопада, усаживает нас в нее и опять принимается грести.

Целый полк умер бы от изнурения и непосильного труда на его месте, а он все выносит и даже ни на что не жалуется.

Но Оуанаму все суживается и вскоре превращается в простой игарапэ, в тропу для пирога, а дальше в тропу для кайманов, достигая не более одного метра ширины и пятидесяти сантиметров глубины.

Наконец, наше плавание оканчивается – впереди нет воды. Но перед нами вздымаются плоскогорья Тумук-Хумак. Боже мой! Если бы все мы были в добром здоровье, то через два часа увидели бы Топанахони, этот северный исток Марони, но мы, увы, неподвижны, как черепахи, перевернутые на спину.

Попытаться взобраться один за другим на эти возвышенности было бы верхом безумия, и, невзирая на свое громадное мужество и решимость, Винкельман не пытается даже предпринять ничего подобного.

Он устраивает нас в пироге, превратившейся теперь в маленький карбет, подкладывает нам поближе припасы и со слезами на глазах говорит мне:

– Я ухожу на поиски и, быть может, долго не

вернусь! Быть может, день, быть может, два, быть может три... Как знать! Здесь есть для вас пища. Вы – здоровее остальных, у вас голова почти в полном порядке; позаботьтесь же о других, пока меня не будет. Я постараюсь спасти вас всех, и если не вернусь, то значит, я умер, исполняя свой долг.

И, поцеловав меня крепко, он ушел.

Я не могу без слез вспоминать об этом чудном, самоотверженном человеке.

Проходят два дня, затем три; о нашем друге никаких вестей нет.

Мы за это время почти не страдали: у нас на пироге было хорошо; съестных припасов тоже было достаточно. Но что было с ним?! Что могло произойти с ним?

Мосье Шарль, состояние которого за это время заметно улучшилось и который теперь был на пути к выздоровлению, стал рассуждать вполне разумно к этому времени. Хозе тоже стало лучше, а я в крайнем случае мог тоже пройти шагов пять, не свалившись с ног.

Можешь представить себе наше отчаяние!

И вот мосье Шарль, который с трудом держится на ногах, хочет во что бы то ни стало идти разыскивать нашего бедного друга; все мы единогласно решаем идти с ним.

За полчаса мы успели отойти на каких-нибудь сто шагов, не дальше; силы изменили нам, и мы все один за другим, как дрова, повалились на землю в полном

изнеможении.

Отлежавшись, мы с невероятным трудом добираемся до своей пироги и растягиваемся в ней ни живы ни мертвы.

После бессонной, мучительной ночи занимается четвертый день. Страх и тревога не дают нам сомкнуть глаз. Все припасы вышли. Если к нам не придет спасение, все мы обречены на голодную смерть. Это – только вопрос времени. А там муравьи – маниоко – позаботятся о наших бранных телах. Бррр! У меня и сейчас еще мороз по коже пробегает, когда я вспоминаю об этом.

Наступает ночь; отчаяние овладевает нами.

– Мой Винкельман! Мой бедный Винкельман умер! – восклицает душераздирающим голосом мосье Шарль.

Я реву, как белуга, а Хозе кричит и ноет, как больной ребенок.

– Винкельман умер? Да полно вам! – вдруг раздается радостный голос из ночной темноты.

Затем появляются огни; с полдюжины громадных негров, ростом по шесть футов каждый, рысью бегут с зажженными факелами, нагруженные съестными припасами, как выючные мулы. Впереди них несется человек, весь запыхавшийся, и кричит:

– Друзья мои, это я!.. Теперь вы спасены!

Развязка, как в пятом акте пьесы! В двух словах все тебе объясняю. Эти негры бои, из Голландской Гвианы, которых разыскал Винкельман более чем в двадцати милях отсюда, прекрасно знают Робена и его

сыновей, и по первому слову Винкельмана поспешили на помощь одному из них.

Поужинав, как артисты после удачного представления, мы пели, смеялись и плакали от счастья и радости, рассказывали друг другу разные истории и в конце концов заснули счастливым сном праведников.

Все остальное вышло так хорошо, что нечего и рассказывать. Негры бои, сложенные так же, как Винкельман, укладывают нас каждого в гамак, продевают в гамаки по жердине, поднимают жердь себе на плечи и несут нас веселой, бодрой походкой.

Два дня спустя мы уже снова в пироге, с таким экипажем и такими гребцами, каких никогда не видывал на своем катере ни один адмирал. Нас оберегают и балуют, как детей, откармливают, как настоятелей монастырей, мы спокойно плывем вниз по течению приблизительно триста километров и, наконец, прибываем к усадьбе «Бонн-Мэр».

Ты не можешь себе вообразить, какое волнение вызывает наш приезд! Никто нас не ждал. Все думали, что мы на Арагуари и вернемся на голете, так как Робен-отец не считал нужным сообщить дамам о наших скитаниях, не желая причинять им лишнего беспокойства.

Что тебе еще сказать?

Все хорошо, что хорошо кончается, не правда ли? А потому я на этом и закончу эту последнюю главу из истории наших приключений.

Но прежде чем сложить это письмо, я все-таки должен сказать, что здесь по тебе порядком скучают. Твоя супруга, и жена Раймонда с нетерпением ждут, когда они вновь увидятся со своими мужьями.

Это время, по-видимому, уже не за горами, так как здесь заходит речь об организации большой и серьезной экспедиции для освоения Долины хинных деревьев.

И тогда вы все вернетесь, а серингаль на Арагуари останется на весь этот сезон на попечении негров бони. Мосье Шарль уже разрабатывает план этой новой экспедиции.

Нам предоставлены будут паи в этом крупном и прибыльном деле, или, вернее, каждый из нас будет одним из компаньонов этого дела, и мы станем богатыми людьми, настолько богатыми, что не будем знать, куда девать деньги.

Вот мой милый товарищ, каково в данный момент наше положение.

Я не скажу ничего более, чтобы приберечь тебе хоть какой-нибудь приятный сюрприз ко времени твоего приезда сюда.

Передай наше глубокое почтение многоуважаемому Робену, поцелуй за меня Раймонда и верь моей братской привязанности к тебе.

Твой Маркиз.

P.S. Наконец-то мне удалось убедить твоего брата приписать к этому письму несколько слов от себя. Этот превосходный мальчик мало говорит и еще

меньше того пишет, но зато много делает... В противоположность большинству людей».

«Дорогой брат Фриц!

Все здесь меня очень берегут и балуют не по заслугам, так что я этим совершенно сконфужен. Право, я не сделал ничего, кроме того, что было вполне естественно. Я только что прочел письмо нашего друга Маркиза, который всегда ужасно сердится, если я называю его «господин Маркиз», и скажу, что он, право, слишком добр ко мне. То, что я сделал, в сущности не заслуживает, чтобы об этом так много говорили! Но если это может быть тебе приятно, то я очень рад. Любящий тебя брат Жан Винкельман».

Эпилог

Прошло шесть месяцев со времени возвращения смелых исследователей девственных лесов.

Как это и предвидел в своем письме Маркиз, господин Робен, его сын Анри, Фиц и Раймонд вскоре прибыли на Марони, а вновь отстроенный серингаль на Арагуари был поручен попечению негров Бони. Мартиниканец Амелиус и араб, которым тогда удалось бежать во время избиения, присоединились к неграм и индейцам плантации, оставшимся в живых, и теперь вернулись вместе с ними. Оба они являются прекраснейшими зрителями, и услуги их хорошо оплачиваются.

Таким образом в этом отношении все обстоит благополучно.

С другой стороны, Робен, сумевший понять громадную важность исследований, произведенных Шарлем и его славными сподвижниками, организовал большую экспедицию, которая благополучно и беспрепятственно достигла Долины хинных деревьев, с противоположной стороны.

Счастливо добравшись до места назначения, экспедиция тотчас же приступила к работам, и в настоящее время хинные деревья Сиерры да-Луна прекрасно обрабатываются. Прибыли, получаемые от этого дела, так велики, что даже теперь превосходят все ожидания артистов. Они, вечно ютив-

шиеся где придется, а чаще в убогих лачугах, теперь могут стать архимиллионерами.

Но они к этому и не стремятся, так как решили прожить остаток своих дней в этом тихом уголке залитой солнцем тропической Америки, где жизнь легка и дешева, где для того, чтобы жить, как набобы, нужны совсем незначительные расходы. Но Маркиз уверяет, что избыток земных благ никогда не вредит, и предполагает значительную часть своих сбережений выделить на учреждение кассы для пособия нуждающимся артистам. Раймонд и Фриц обеими руками подписались под этим добрым делом, которое должно было быть немедленно приведено в исполнение.

Мулат Хозе, ставший сотским или мажордомом, как их там называют, над каскарильеросами, получил также свою долю паев и сделался компаньоном. Затем он превратился, по примеру трех французов, в гвианца, выписав к себе свою жену и детей, которых он поселил на Марони. Усадьба старика Робена по-прежнему осталась главным центром всех работ, производимых Робинзонами Гвианы.

Теперь еще одно последнее слово о Винкельмане.

Рассказы о его геройском поведении, переданные Робеном губернатору Французской Гвианы, побудили последнего обратиться с настойчивой просьбой к президенту республики о помиловании Винкельмана.

Просьба губернатора Гвианской колонии была удовлетворена президентом, и с первой почтой пришло полное поми-

лование эльзасцу Жану Винкельману, сделавшее его абсолютно счастливым человеком.

И этот человек – далеко не последний из числа доблестных колонизаторов Долины хинных деревьев.